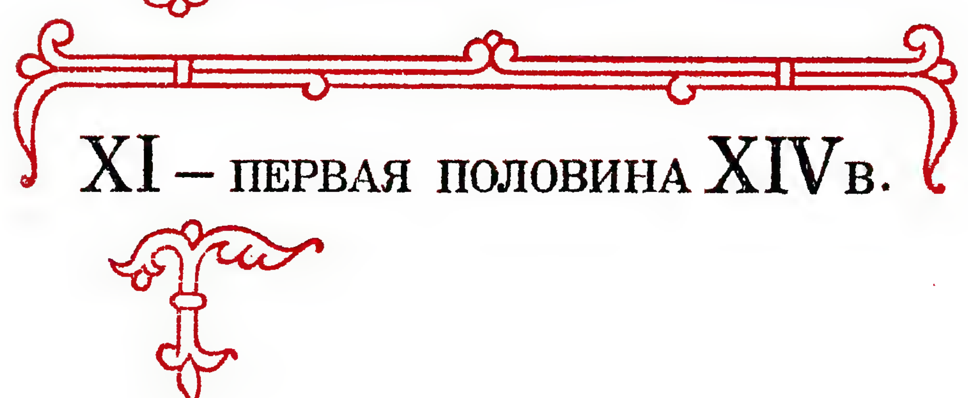
Словарь книжников и книжности Древней Руси



XI – первая половина XIV в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. I

(XI—первая половина XIV в.)

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

В первый выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси» входят материалы о древнерусских писателях и книжниках XI—1-й пол. XIV в., а также об анонимных памятниках, созданных в этот период; «Словарь» также содержит сведения о переводных произведениях, авторских и анонимных, получивших распространение в письменности того времени. Каждая статья состоит из кратких сведений об авторе или памятнике и библиографии его изданий и исследований.

«Словарь» рассчитан на широкий круг специалистов по истории литературы и культуры Древней Руси, на преподавателей и студентов.

Редакторы:

Д. М. Буланин, О. В. Творогов

Рецензенты:

О. П. Лихачева, В. П. Степанов

С $\frac{5000000000-656}{042(02)-87}$ 305-86-IV

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лежащая перед читателем книга — первый выпуск подготовленного Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) справочника «Словарь книжников и книжности Древней Руси». Этот выпуск из намеченных к изданию трех охватывает начальный этап в истории русской средневековой литературы — XI—сер. XIV вв. Второй выпуск будет посвящен писателям и анонимным произведениям второй половины XIV—XVI вв., третий — древнерусской литературе XVII в.

Что же представляет собой «Словарь книжников и книжности Древней Руси»? Хотя этот справочник — разновидность литературной энциклопедии, ему свойственны и некоторые особенности, которые объясняются как задачами словаря, так и спецификой самой средневековой письменности. В «Словаре книжников» читатель не найдет статей о жанрах древнерусской письменности, о литературных направлениях, о поэтических приемах, которые были на вооружении у русских книжников; в нем нет статей о библиотеках Древней Руси, отсутствуют здесь и статьи по истории книги у восточных славян XI—XVII вв. — сведения об оформлении, переплете кодексов, о писчем материале и т. д. Перед словарем стоит другая задача — по возможности полнее раскрыть репертуар памятников литературы, обращавшихся на Руси в течение семи веков. Поэтому в него вошли сведения не только о писателях, но и об анонимных сочинениях, о циклах произведений, о сборниках устойчивого состава; переводные памятники рассматриваются в нем на равных правах с оригинальными.

Русская средневековая литература — литература особого типа, не освободившаяся вполне от чисто служебных функций — церковных, историко-правовых и др. Вплоть до XVII в. Русь не знала беллетристики в современном смысле этого слова — словесность наряду с эстетической несла и деловую нагрузку. Около-литературные памятники — письма, итинерарии, хронологические выкладки, равно как компиляции, позднейшие редакции, сборники в значительной степени определяют литературную продукцию XI—XVII вв., и всю ее охватывает понятие «книжность». Литературный труд в средние века подчинялся строгому ритуалу, он был особой формой молитвы, которая не могла быть пре-

рогативой писателей-избранников. Писателей-профессионалов в Древней Руси не существовало. Они появились лишь в переходную эпоху — в XVII в. Своеобразны были и представления об авторской собственности. Главной фигурой в литературном процессе был не писатель, а «книжник», причем этим словом обозначается и автор — создатель собственного творения, и редактор, подвергавший переработке и компилировавший сочинения своих предшественников, и писец-копиист. Грани между ними для средних веков не могут быть жестко проведены. Древнерусская книжность и ее творцы — русские книжники — и являются предметом «Словаря книжников и книжности Древней Руси».

Предисловие к энциклопедии по давно сложившейся традиции при всем разнообразии содержания неизменно включает три мысли: во-первых, здесь определяется отношение выпускаемого издания к предыдущим, во-вторых, в нем дается объяснение плана издания и его специфики, наконец, в-третьих, предисловие, как правило, завершается просьбой к читателям о снисхождении. Все эти мысли присутствуют уже во «Вступительной речи» Ж. Даламбера к знаменитой французской энциклопедии XVIII в. — основе основ всех энциклопедических изданий XVIII—XX вв.[1] В этом смысле «Вступительную речь» можно было бы включить в риторики как «образцовую», ее можно и сейчас использовать в качестве эталона.

«Словарь книжников и книжности Древней Руси» должен охватить с возможной полнотой весь репертуар древнерусской литературы и значительную часть переводной литературы XI—XVII вв. Имевшиеся до сих пор в распоряжении исследователя биобиблиографические пособия по древнерусской письменности по разным причинам не могут удовлетворить современного медиевиста — они либо безнадежно устарели, либо не вышли в свет в полном объеме, либо страдают пропусками и ошибками.[2] Предлагая вниманию специалистов новый справочник, не будем, впрочем, умалять заслуг предшественников, без которых он не

---

[1] Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Societé de gens de lettres / Mis en ordre et publié par M. Diderot et M. D'Alembert. Paris, 1751, t. 1 (Discours préliminaire des éditeurs).

[2] Вот перечень основных из этих справочников: Евгений [Болховитинов]. 1) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, т. 1—2; 2) Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845, т. 1—2; Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882; Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной письменности. 3-е изд. СПб., 1884, кн. 1; Никольский Н. К. 1) Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906; 2) Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков и книгохранителей. СПб., б. г., вып. 1 (изд. ОЛДП, № 132); Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912; Українські письменники. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.) / Уклав Л. Є. Махновець. Київ, 1960; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.

смог бы увидеть свет. Предшественники «Словаря книжников» явились в свое время важными вехами в изучении литературы Древней Руси, а многие и сейчас не утратили своего значения.[3] Начнем поэтому с благодарности составителям справочных пособий по древнерусской письменности, воспользовавшись словами, которыми Ж. Даламбер заканчивает свою «Вступительную речь»: «Мы не собираемся сравнивать эту Энциклопедию с другими; мы с удовольствием признаем, что все они были нам полезны, и наша работа не в том состоит, чтобы обесценить чью-либо другую. Пусть нас рассудит читающая публика. . .».[4]

И все же надобно решительно подчеркнуть, что отсутствие книги, в которой можно почерпнуть краткие и точные сведения об авторах и произведениях XI—XVII вв. — при увеличивающихся с каждым годом данных о репертуаре памятников древнерусской письменности, — становится все в большей мере тормозом для дальнейшей работы исследователей. Приходится по крупицам собирать известия даже о хрестоматийных авторах, обращаться к старым изданиям и публикациям с риском повторить имеющиеся там ошибки. При этом, как показывают многочисленные примеры, у ученого нет гарантии, что он не открыл уже открытого писателя, что он не напечатал уже напечатанного произведения. Следует учесть также, что в настоящее время в библиотеках и архивах ведется работа по описанию как крупнейших, так и малочисленных собраний славянских рукописей. Эту важную работу в значительной степени затрудняет отсутствие справочника, соответствующего современному уровню развития медиевистики. Таким образом, необходимость подготовки «Словаря книжников и книжности Древней Руси» диктуется самим ходом развития науки.

«Словарь книжников» адресован прежде всего людям, которые непосредственно работают со средневековыми памятниками, — исследователям-медиевистам и сотрудникам библиотек и архивов, занимающимся описанием рукописных материалов. Этим объясняется его необычный для словарного издания исследовательский характер: он призван не только дать представление об уже достигнутом, но также и указать дальнейшие направления в изучении древнерусской литературы, акцентировать внимание на памятниках и жанрах, нуждающихся в более углубленной разработке. Исследовательский характер справочника позволяет не всегда соблюдать иерархию в объеме статей, так что наиболее выдающимся писателям и памятникам XI—XVII вв. порой уделяется меньше внимания, чем второстепенным — как правило, малоизученным. Разная мера изученности памятников литературы, включаемых в словарь, равно как неоднородность самой средневековой письменности, дают также право не регламентировать строго по-

[3] В особенности это относится к «Библиологическому словарю» П. М. Строева, так как многие использованные в нем источники безвозвратно утрачены.

[4] Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. . ., t. 1, p. XLV (Discours préliminaire des éditeurs).

дачу материала, композицию отдельных статей. Да будет позволено в оправдание вновь сослаться на Ж. Даламбера, писавшего: «У каждого предмета есть свой колорит, так что сведе́ние различных жанров к определенному стереотипу равносильно смешению их между собой. Чистота стиля, ясность и точность суть единственные качества, которые могут быть общими для всех статей, и мы надеемся, что они не останутся незамеченными. Позволить себе больше значило бы рискнуть впасть в однообразие и вызвать отвращение, почти неизбежное в отношении пространных трудов, от которого настоящую работу должно спасти исключительное разнообразие материала».[5]

Спецификой средневековой литературы — анонимностью многих произведений, отсутствием четкой границы между автором и переписчиком, своеобразием судеб переводных памятников, стремлением древних произведений к циклизации — всем этим обусловлена сложность структуры «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Чтобы облегчить работу со словарем, необходимо поэтому указать, что можно и чего нельзя найти в нем, а также объяснить, как получить нужную справку, т. е. дать ключ к изданию. Речь пойдет прежде всего о статьях первого выпуска, посвященного литературе XI—1-й пол. XIV в., хотя основные принципы отбора и обработки материала в последующих выпусках останутся теми же.[6]

1. Первый выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси» включает:

а) статьи об авторах оригинальных произведений и переводов;

б) статьи о писцах, деятельность которых носила творчески-профессиональный характер, которые принимали активное участие в судьбах переписываемых текстов;

в) статьи о библиофилах (см., например, статью о князе Владимире Васильковиче Волынском);

г) статьи об анонимных оригинальных и переводных памятниках;

д) статьи о циклах произведений, которые нецелесообразно расчленять на отдельные статьи по причине их тесной связи в рукописной традиции или тематической близости (например, «Апокрифы и сказания о Данииле», «Апокрифы об апостолах Петре и Павле», «Шестодневы»);

е) статьи о наиболее распространенных сборниках устойчивого состава;

---

[5] Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. . t. 1, p. XXXVI—XXXVII (Discours préliminaire des éditeurs).

[6] Проспект издания был изложен в статье: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — РЛ, 1980, № 1, с. 109—120. — О некоторых трудностях, с которыми столкнулись авторы словаря, см.: Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси». — ТОДРЛ, 1985, т. 39, с. 4—17.

ж) отсылочные статьи.

1.1. Степень полноты учета различных разделов репертуара древнерусской письменности в «Словаре книжников» неодинакова. Если имена авторов, сохранившиеся в рукописных памятниках, включаются по возможности все, то анонимная литература определенных жанров представлена выборочно. Так, из многочисленных гомилий, поучений и слов, циркулировавших в Древней Руси, выбраны лишь наиболее распространенные в рукописной традиции и хоть в малой степени изученные. Не вошли в словарь и гимнографические памятники, авторы которых неизвестны, так как история восточнославянской гимнографии совершенно не разработана.

1.2. Еще с большими ограничениями учитывается переводная письменность; при отборе произведений внимание обращается не столько на сами памятники, сколько на их судьбу в Древней Руси: время перевода, влияние на оригинальную литературу, степень распространения в рукописной книжности. Приходится принимать во внимание и то, что некоторые жанры переводной литературы (в особенности образцы церковного красноречия и агиография) изучены весьма поверхностно и лишь выборочно.

1.3. В «Словаре книжников» занимают законное место инославянские памятники словесной культуры — моравские, болгарские, чешские, сербские, которые получили распространение на Руси в рукописной традиции и оказали влияние на русскую литературу. Специально нужно подчеркнуть значение древнеболгарской литературы в развитии русской словесности, особенно в первые три века ее существования. Известно также, что литературное наследие Первого болгарского царства сохранилось в значительной степени в русских списках. Именно болгарская письменность явилась основой того межнационального литературного фонда, который Д. С. Лихачев предлагает называть «литературой-посредницей».[7] Болгарские и русские произведения, оригинальные и переводные, существовали в нашей письменности на равных правах.

1.4. В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» не учитываются:

а) авторы сочинений делового содержания и анонимные памятники деловой письменности (ставленые и жалованные грамоты, частные письма и т. д.);

б) писцы-копиисты (исключение сделано для Григория — писца Остромирова Евангелия, Иоанна — писца Изборника 1076 г. и некоторых др.);[8]

---

[7] См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 23—44.

[8] Имеющиеся в архиве «Словаря книжников» статьи о писцах будут напечатаны на страницах ТОДРЛ в разделе «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси"». Об этом разделе см.: Буланин Д. М. Из опыта работы. . ., с. 13—17.

в) южнославянские тексты, неизвестные в русских списках и не нашедшие отражения в восточнославянской письменности;[9]

г) украинские и белорусские писатели и безымянные сочинения, появившиеся на территории Украины и Белоруссии.

2. При включении статьи в тот или иной выпуск «Словаря книжников» учитывается период, когда протекало творчество автора, и (если статья о памятнике) дата — точная или предположительная — создания анонимного произведения. Для первого выпуска хронологической границей выбран 1350 г. Если произведение посвящено событиям, происшедшим раньше, но возникло, хотя бы предположительно, позднее этого рубежа, статья о нем войдет в следующие выпуски словаря (например, статьи «Житие Авраамия Ростовского», «Повесть о Меркурии Смоленском»). Если у произведения сложная литературная история (многочисленные переработки, редакции), то отнесение статьи о нем к определенному выпуску словаря зависит от времени появления наиболее раннего варианта памятника (см., например, статьи «Житие Варлаама Хутынского», «Житие Леонтия Ростовского», «Повесть о житии Александра Невского»). Статьи о летописях распределяются между выпусками в соответствии с временем завершения работы над летописным сводом, а не в зависимости от хронологии первых летописных известий свода (так, в первый выпуск вошли статьи о Летописце Переяславля Суздальского, летописях Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской первой, Радзивиловской). Если произведение не поддается даже приблизительной датировке и если для отнесения его к XI—1-й пол. XIV вв. нет противопоказаний в самом тексте, статья о таком произведении также помещена в первом выпуске словаря.

3. Общий принцип распределения материала сводится к тому, что произведение рассматривается в статье, посвященной его автору, если он известен по имени, и в отдельной статье, если произведение анонимное. Если, однако, на равных правах существует несколько атрибуций памятника и ни одна из них не может быть признана убедительной, основной является статья о произведении, а статьи на имена предполагаемых авторов будут отсылочными (исключение сделано для «Слова о полку Игореве»: помимо основной статьи «Автор „Слова о полку Игореве“», некоторым из предполагаемых авторов «Слова» посвящены специальные статьи — см. Митуса, Петр Бориславич, Тимофей). Если в литературной истории произведения участвовало несколько авторов, то ему может быть посвящена специальная статья, к которой даются отсылки в статьях о каждом авторе (см., например, «Житие митрополита Петра»).

4. В заглавие словарной статьи, посвященной древнерусскому писателю или книжнику, входит имя или имя и отчество автора,

[9] О литературном наследии болгарских средневековых писателей можно получить квалифицированную справку в энциклопедии, изданной Болгарской АН: Речник на българската литература. София, 1976—1982, т. 1—3.

а также прозвище, если оно прочно срослось с именем (например, Герман Воята, Даниил Заточник). Статьям об анонимных текстах присваивается название, утвердившееся в науке, а в скобках указываются варианты заглавия, бытующие в рукописях. Заглавие статьи, рассказывающей о сборнике, включает название сборника и имя его составителя (если оно известно) в родительном падеже. Статьи, посвященные циклу произведений, носят условные заглавия. При поиске статей в «Словаре книжников» следует также иметь в виду, что предлог «об» после вынесенного в заглавие жанрового определения не используется (только «Повесть о. . .», «Сказание о. . .»).

5. Статьи «Словаря книжников» состоят из биографических сведений о писателях и книжных деятелях, характеристики их литературного наследия и библиографии. В статье по возможности полно перечисляются творения данного автора, в том числе гипотетически ему атрибутируемые. В тех случаях, когда автору принадлежит значительное число сочинений, все они могут не называться; указываются лишь самые важные для его творчества и наиболее ярко его представляющие. Если статья посвящена анонимному тексту, циклу произведений или сборнику, то, естественно, первая часть статьи (биографическая) отсутствует. Однако поскольку произведение дает определенные представления о его неизвестном по имени авторе — идейно-политической позиции писателя, его принадлежности к определенной социальной категории, его эстетических взглядах и образованности — такие сведения включаются в словарную статью.

5.1. «Словарь книжников» освещает вопрос о рукописной традиции сочинений писателя, анонимного произведения или сборника. В тех случаях, когда до нас дошли единичные списки, это особо отмечается, причем указываются их шифры. Подробные данные сообщаются также об авторских рукописях — автографах или списках с авторской правкой.

5.2. Пристатейная библиография состоит из двух разделов. В первом из них (*Изд.*) перечисляются научные издания текстов. Хрестоматийные и учебные публикации фиксируются тогда, когда кроме них других изданий не существует. Если сочинения автора или текст анонимного памятника не издавались, первый раздел библиографии отсутствует, а в самой статье более подробно освещается вопрос об их рукописной традиции. Во втором разделе библиографии (*Лит.*) дается по возможности исчерпывающий перечень исследований, посвященных творчеству писателя или анонимному тексту. Лингвистические работы, за исключением трудов по лексикологии, как правило, не учитываются. Если работа указана в первом разделе библиографии, во втором она не повторяется. Издания, включенные в первый и второй разделы библиографии, перечисляются в хронологическом порядке. Если ученому принадлежит несколько исследований по тому или иному вопросу, то в нарушение хронологического принципа все они помещаются (с соответствующими номерами) под годом выхода в свет

первой работы. Когда по теме статьи существуют специальные библиографические указатели (например, по «Слову о полку Игореве»), дается лишь выборочная библиография. Рецензии, имеющие научное значение, указываются в скобках после рецензируемого труда, название которого не повторяется. Как в пристатейной библиографии, так и в тексте статей названия наиболее употребительных изданий приводятся сокращенно (перечень сокращений прилагается к каждому выпуску словаря). В тексте статей сокращенно приводятся также названия работ, которые имеются в пристатейной библиографии.

6. В «Словарь книжников» включаются следующие типы отсылочных статей:

а) отсылочные статьи от мирского имени автора к иноческому или наоборот;

б) отсылочные статьи от имен предполагаемых авторов к названию произведения;

в) отсылочные статьи от имен авторов к названию произведения даются и в тех случаях, когда в судьбе его принимало участие несколько лиц, о которых кроме имени ничего не известно (например, Андрей, Иоанн епископ, см. «Сказание о убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора»);

г) в исключительных случаях может быть дана отсылочная статья от одного жанрового определения памятника к другому, если эти определения распространены в одинаковой степени (например, Житие Варлаама и Иоасафа, см. «Повесть о Варлааме и Иоасафе»).

6.1. Когда жанровые определения произведения неустойчивы (сказание, слово, повесть и т. д.), перекрестные отсылки не даются. Они отсутствуют также при наличии двух вариантов написания имени автора — Иоанн и Иван, Иаков и Яков (если автор — духовное лицо, предпочтение оказывается церковнославянской форме).

6.2. Внутристатейные перекрестные отсылки, выделяемые курсивом, учитывают только статьи, помещенные в первом выпуске словаря; во втором выпуске отсылки будут охватывать статьи первого и второго выпусков и т. д. Отсылки даются при первом упоминании имени автора, произведения или сборника, даже если этого не требуется по ходу изложения.

7. Чтобы читателю легче было ориентироваться в «Словаре книжников», каждый его выпуск снабжен именным указателем. Указатель охватывает только имена, включенные в заглавие словарных статей, но не вынесенные в начало заглавия, т. е. если именам предшествует жанровое определение памятника, название цикла произведений или наименование сборника.

8. Все цитаты из памятников древнерусской литературы даются в упрощенной орфографии: ѣ передается через е, ѡ через о, ꙗ, ѧ, ѩ через я, оу, ꙋ, ѫ через у, ѭ через ю, і, ѵ через и, ѕ через з, ѱ через пс, ѯ через кс, ѳ через ф. Твердый знак сохраняется только в середине слова, а также в союзах и местоимениях, где он

соответствует звуку о (нъ, тъ); титла раскрываются, выносные и подписные буквы вносятся в текст; надстрочные знаки опускаются. Пунктуация расставляется в соответствии с современными нормами, кириллические цифры заменяются арабскими.

* * *

Необходимо в заключение разъяснить смысл хронологических рамок как всего «Словаря книжников и книжности Древней Руси» в целом, так и отдельных его выпусков. Если определение нижней границы древнерусской литературы не вызывает сомнений, то верхняя граница остается весьма размытой, ибо процесс перехода от средневековой культуры к культуре Нового времени не был единовременным актом, но занял десятилетия, а в некоторых социальных слоях — даже столетия. Поэтому 1700 г. можно лишь условно назвать концом средневековой литературы, а соответственно и энциклопедии древнерусской письменности. Этот хронологический рубеж будет нарушаться. Во-первых, в словаре будут представлены авторы, начало творчества которых приходится на XVII в., но которые продолжали жить и работать и в следующем столетии. Деятельность некоторых из этих писателей целиком объясняется литературной жизнью и литературным бытом XVII в. — таковы, например, Евфимий Чудовский или Карион Истомин; в отношении же других — например, Димитрия Ростовского или даже самого царя Петра, культурная политика которого в значительной мере объясняется литературной борьбой XVII в.,[10] — возможны споры: должны ли статьи о них войти в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» или в издающийся одновременно «Словарь русских писателей XVIII в.».[11] Во-вторых, литературная продукция XVIII в. не исчерпывалась произведениями, созданными в верхних слоях тогдашнего общества. Средневековая литература продолжала свое существование в старообрядческих общинах и селах и в XVIII, и в XIX в. На XVIII в. приходится расцвет Выговской литературной школы, основы которой были заложены такими выдающимися писателями, как братья Андрей и Семен Денисовы. Старообрядческие писатели XVIII в., широко образованные люди и мастера слова,[12] безусловно должны найти себе место среди древнерусских авторов, ибо их писания — продукт средневековой мысли, средневековой эстетики.

Периодизация древнерусской литературы, на которой основано разделение «Словаря книжников и книжности Древней Руси» на

---

[10] См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 183—191.

[11] Ср.: Словарь русских писателей XVIII в.: Принципы составления: Образцы статей. Словник. Л., 1975.

[12] См.: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу. — ТОДРЛ, 1981, т. 36, с. 154—162.

три выпуска, — исключительно сложная и спорная проблема. Выбранный для первого выпуска хронологический рубеж — 1350 г., конечно, вполне условен. Не подлежит, однако, сомнению, что один из самых значительных переломов в истории южнославянских и восточнославянских литератур приходится именно на XIV век. Письменности первой половины этого столетия присущи особенности домонгольской литературы. Нашествие монголо-татар не могло прервать литературного развития в Древней Руси: Новгород и Псков избежали разорения, относительно мало пострадала Галицко-Волынская Русь, постепенно оправляются от разорений Батыевой рати и Владимирские земли. Во второй половине XIII—первой половине XIV в. появляются первоклассные памятники литературы — Слово о погибели Русской земли, Повесть о житии Александра Невского, проповеди Серапиона Владимирского, Галицко-Волынская летопись, Повесть о разорении Рязани Батыем, причем все эти произведения продолжают литературные традиции Киевской Руси. В них отчетливо обнаруживаются приметы стиля «монументального историзма», свойственные и произведениям домонгольской поры.[13] С другой стороны, вторая половина XIV в. — время духовного брожения и культурного подъема на Балканах, очень скоро, к концу XIV в., отозвавшегося и на Руси. Не случайно конец XIV—начало XV в. Д. С. Лихачев предлагает считать русским Предвозрождением.[14] Укрепление контактов с Византией и южнославянскими странами, так называемое второе южнославянское влияние, распространение на Руси идей исихастов, появление нового орнаментального стиля — стиля «плетения словес» — все эти явления едва ли случайно совпали с восшествием на митрополичий престол болгарина Киприана, выученика Тырновской книжной школы. По мнению А. М. Панченко, помимо церковных реформ Киприан проводил «также, по-видимому, и реформу официальной культуры вообще. Во всяком случае именно на рубеже XIV—XV вв. начинаются коренные новации в литературе, иконописи, музыке».[15] Достаточно сравнить образцовое киевское житие, скажем, Житие Феодосия Печерского, с написанным в 1396—1398 гг. Житием Стефана Пермского, чтобы наглядно увидеть преобразование всей духовной культуры, которое произошло во второй половине XIV в., преобразование не менее значительное и универсальное, чем в начале XVII в.

Выделение XVII в. в качестве самостоятельного этапа в истории русской литературы не нуждается в развернутом обосновании. Отошло в прошлое свойственное многим старым историкам объединение XVI и XVII вв. в политическом и культурном отно-

---

[13] Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970, с. 25—71.

[14] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. с. 75-126

[15] Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ, с. 106.

шении в один — «московский период». Еще А. Е. Пресняков справедливо указывал на «искусственность соединения в один исторический период XVII и XVI вв. (не говоря уже о предыдущих): смута вырыла более глубокую пропасть между ними, чем петровские реформы между Петербургской и Московской Русью»; по словам историка, «более существенны черты отличия, чем сходства, между царствами Алексея Михайловича и Ивана Грозного и между освещавшими их идеологиями».[16] Культурные новшества, резко обозначившие своеобразие XVII столетия по отношению к предыдущим, всесторонне освещены в работах Д. С. Лихачева и могут считаться общепризнанными.[17] «Открытие характера» — так определил Д. С. Лихачев наиболее примечательную черту сочинений о Смуте, которыми открывается литература XVII в. и которые ознаменовали собой начало ломки средневекового мировоззрения.[18] Таким образом, условные хронологические границы выпусков «Словаря книжников и книжности Древней Руси» — XI в.—1350 г.—1600 г.—1700 г. — основываются на реальных фактах истории литературы и находят в них свое оправдание.

Хронологическое деление «Словаря книжников», дающее возможность показать основные этапы развития древнерусской словесности, создает вместе с тем некоторые трудности как для составителей словаря, так и для его читателей. Прежде всего приходится учитывать, что литературная продукция первых веков славянской письменности дошла преимущественно в поздних списках, поэтому многие датировки остаются более или менее гипотетичными. Но трудности заключаются не только в отсутствии точных хронологических указаний в памятниках средневековой литературы, почему их написание иногда не может быть приурочено даже к определенному столетию (в особенности это касается переводных произведений). Сочинения древних авторов претерпевали на протяжении веков всевозможные изменения, обусловленные новыми социальными или эстетическими заказами. Некоторые памятники дошли до нас в разнообразных переработках, находящихся в сложных отношениях между собой; в особенности это свойственно писаниям агиографического жанра. Поэтому каждый раз приходится решать, к какому хронологическому периоду отнести то или иное творение. Отмеченный выше принцип распределения словарных статей между выпусками — в зависимости от времени возникновения наиболее ранней редакции текста — создает иногда большие неудобства. Так, в некоторых случаях при-

---

[16] Пресняков А. Рец. на кн.: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права, ч. 1. Юрьев, 1907. — Журнал Министерства юстиции, 1909, № 2, с. 295.

[17] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. 138—164.

[18] Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд., с. 6—24.

ходится отрывать произведение от его создателей или редакторов. Например, если статья «Житие митрополита Петра» попадет в первый выпуск словаря, то статья о Киприане, придавшем Житию окончательную его форму, должна войти во второй выпуск. Сочинения одного цикла приходится расчленять: статья «Житие Варлаама Хутынского» будет издана в выпуске, посвященном литературе XI—1-й пол. XIV в., а статья «Видение хутынского пономаря Тарасия—Прохора» — в следующем. Не избежать также разделения между выпусками статей о родственных памятниках: Александрия хронографическая, Палея толковая должны находиться рядом с произведениями первых трех веков русской литературы в отличие от Александрии Сербской, Палеи Исторической и Палеи Хронографической, появившихся позднее.

И все же представляется, что хронологический принцип издания «Словаря книжников и книжности Древней Руси», в котором также проявляется исследовательский характер этой книги, имеет право на существование. Пожалуй, было бы неуместно высказывать соображения о том, в каких направлениях может быть использован справочник прежде его выхода в свет. Хотелось бы думать тем не менее, что он сможет принести пользу медиевистам не только конкретными сведениями об авторах и об анонимных памятниках, не только поможет составить более полное представление о репертуаре русской средневековой письменности, не только позволит выявить малоизученные книжные центры Древней Руси,[19] но и даст новый материал для исследований поэтики древнерусской литературы. Именно при решении вопросов исторической поэтики (исчезновение одних и появление других жанров, их взаимодействие, соотношение деловой письменности и литературы, эволюция авторского начала и т. д.) хронологическое деление «Словаря книжников» может быть особенно полезно, так как позволит представить древнерусскую литературу в определенный исторический период как целостную систему.

Хотя «Словарь книжников и книжности Древней Руси», будучи первым опытом справочного пособия по древнерусской письменности, претендующим на статус энциклопедии, не может быть безупречным, хочется все же надеяться, что он послужит основой для создания в будущем единого словаря русской средневековой культуры, подобного знаменитой энциклопедии классической древности А. Паули.[20] Закончим поэтому словами не раз уже цитировавшейся «Вступительной речи» Ж. Даламбера: «Несмотря на поддержку и труды, в которых мы только что дали отчет, мы не боимся заявить от имени наших коллег и от нашего собственного, что мы всегда готовы сознаться в нашей некомпетентности и вос-

---

[19] Ср.: Бубанин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы. . ., с. 114.

[20] Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Herausgeg. von G. Wissowa, fortgeführt von W. Kroll und K. Mittelhaus. Stuttgart, 1894—1967, Halbbd 1—47; Zweite Reihe, Halbbd 1—18.

пользоваться сведениями, которые нам будут сообщены. Мы встретим их признательностью и смиренно примем к сведению, настолько мы убеждены, что достижение высшей степени совершенства Энциклопедии — задача на многие века. Потребовались столетия, чтобы начать это дело; потребуется не меньше, чтобы его закончить: но мы будем удовлетворены, если сможем внести свой вклад в основание фундамента столь полезного Предприятия».[21]

Д. Буланин

---

[21] Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. . ., t. 1, p. XL (Discours préliminaire des éditeurs).

А

Автор «Слова о полку Игореве». Мы располагаем бесспорными свидетельствами того, что *Слово о полку Игореве* (далее — С.) было известно в Древней Руси. В слегка измененном виде цитата из С. была включена в послесловие к псковскому Апостолу, переписанному в 1307 г. *Домидом.* С. послужило основой «Задонщины». Но ни в этих текстах, ни в самом С., ни в каких-либо других документах нет данных об авторе С. Основным источником наших представлений о нем является только текст самого произведения.

Поэтическая система С., поэтические образы его, лексика и фразеология произведения свидетельствуют о том, что С., хотя оно и отличается неповторимостью и оригинальностью, самым тесным образом связано с книжной культурой Руси XI—XIII вв. (см.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968). Автор С. был человек широкой начитанности, хорошо разбиравшийся в исторической литературе своего времени, в памятниках книжной культуры своей эпохи (В. Ф. Миллер, В. М. Истрин, В. Н. Перетц, М. Д. Приселков, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев). Д. С. Лихачев убедительно обосновывает предположение, впервые высказанное М. Д. Приселковым, о прекрасном знании автором С. основного исторического памятника Древней Руси — *Повести временных лет.* Он отмечает, что уже самый выбор автором С. из Повести временных лет наиболее поэтических описаний исторических событий прошлого обнаруживает в нем внимательного и чуткого к жизненной красоте Повести читателя. Многие поэтические образы С. близки к устной народной поэтике, но это свидетельствует лишь о широком художественном кругозоре автора С., а не о фольклорном характере самого произведения. Исторические песни служили автору С. не только поэтическими образцами, но и источниками исторических данных. Автор С. в равной степени пользуется как историческими данными летописей, так и устноэпических преданий. С летописцами автора С. объединяет стремление найти первопричину всех происходящих в его время собы-

тий, прежде всего — княжеских усобиц. Но, как отмечает Д. С. Лихачев, «автор „Слова о полку Игореве“ не историк и не летописец, он не стремится хотя бы в какой-либо мере дать представление о русской истории в целом. Он предполагает знание русской истории в самом читателе. И вместе с тем его отношение к событиям современности в высшей степени исторично» (Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура, с. 113). Весьма показательно в этом отношении «Злато слово» Святослава, переходящее в обращение самого автора С. к русским князьям встать «за землю Рускую». Это призыв к конкретным князьям создать конкретный союз против Степи. Но обращение это имело и более широкую функцию. Оно призывало к идейному единству всех русских князей и земель в исторической перспективе. Именно это подчеркивает К. Маркс в своем известном высказывании о С.: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 29, с. 16). «Подлинный смысл призыва автора „Слова“, — пишет Д. С. Лихачев, — может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеймить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщения или личных обид. Задачей „Слова“ было не только военное, но и идейное сплочение русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли» (Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура, с. 148—149).

Прекрасная осведомленность автора С. в политической обстановке описываемого им времени, точность в изображении целого ряда незначительных реалий, самый характер авторского отношения к описываемым событиям — все говорит о том, что С. писалось вскоре после изображенного в нем события — похода Игоря Святославича, князя Новгорода-Северского на половцев в 1185 г. Так, например, обращаясь к Всеволоду III Большое Гнездо, автор С. говорит: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити». В этом кратком иносказании — намек на поход Всеволода в 1183 г. на волжских болгар. В обращении к тому же Всеволоду говорится: «Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы». И за этим поэтическим образом стоит вполне реальная историческая ситуация: сыновья Глеба Ростиславича Рязанского в 1180 г. «целовали крест» Всеволоду «на всей его воле» и в 1183 г. принимали участие в походе на волжских болгар. Столь обобщенные поэтические иносказания могли быть употреблены только современником и без комментариев были ясны только для современников. А подобных примеров в С. очень много. По мнению Истрина, намеки на политические и государственные события, рассеянные по всему С. и понятные лишь людям, близким к этим событиям, были одной из причин того, что С. не получило широкого распространения среди последующих древнерусских чита-

телей — смысл таких поэтически и образно описанных фактов был им уже непонятен.

Вопрос о времени написания С. решается исследователями неоднозначно. Автор С. ведет свой рассказ «до нынешняго Игоря», следовательно, безусловно можно утверждать, что С. было написано при жизни Игоря (ум. в 1202 г.). В. М. Истрин датировал создание С. периодом «вскоре после возвращения Игоря из плена, до 1193 г., года смерти великого князя Святослава Всеволодовича» (Истрин. Очерк истории, с. 184). Большинство исследователей, однако, датируют памятник гораздо более узким отрезком времени: с 1185 по 1187 г. Наиболее широко распространена датировка С. 1187 г., при этом очень узким отрезком времени. В конце С. провозглашается здравица: «Слава Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу». Из этого делается заключение, что С. было написано после возвращения Владимира Игоревича из половецкого плена — в сентябре 1187 г. Среди князей, к которым обращается автор С. встать «за землю Рускую, за раны Игоревы» назван Ярослав Осмомысл — Ярослав Владимирович Галицкий, который умер 1 октября 1187 г. Поэтому С. *датируется осенью* 1187 г.: после возвращения Владимира из плена и до того, как стало известно о смерти Ярослава Осмомысла. Однако многие исследователи С. считают, что данные вычисления не могут быть признаны серьезными аргументами в датировке С. Слишком мал, говорят они, отрезок времени между датой возвращения из плена Владимира и днем смерти Ярослава Галицкого. А кроме того, в С. говорится о ранении Владимира Глебовича («. .а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!»), но не сообщается о его смерти (ум. 18 апреля 1187 г.). Следует отметить, что существует гипотеза, согласно которой время возвращения Владимира на Русь должно датироваться 1188 г. вместо 1187 г., а время смерти Ярослава Осмомысла — действительно 1187 г. (см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 75—76, 83—84, 196, 198, 203—204). Если выводы Н. Г. Бережкова верны, то соотношение дат возвращения Владимира Игоревича и смерти Ярослава Осмомысла не имеет значения для датировки С. Таким образом, С. могло быть написано либо до событий 1187 г., либо уже после них — и Ярослав Осмомысл и Владимир Глебович ретроспективно названы как действительно жившие в 1185 г. люди независимо от времени написания С. Целый ряд исследователей датирует С. 1185 г. Еще М. А. Максимович высказал предположение, что часть до рассказа о возвращении Игоря из плена была создана в 1185 г., а остальная часть памятника — в 1186 г. Эту мысль развил В. В. Каллаш, который считал, что С. состоит из двух частей: первая оканчивается плачем Ярославны, вторая — остальной текст С. до конца; «обе части возникли одна за другой с небольшим промежутком, в конце 1185 и начале 1186 г.», при этом, считает Каллаш, памятник был создан до возвращения Владимира Игоревича из плена и до смерти Владимира Глебовича (Каллаш. Несколько дога-

док, с. 347). Если признать, что «здравица» в честь Владимира Игоревича могла быть провозглашена и в то время, когда он еще не вернулся из половецкого плена (где он, в сущности, жил не как пленник, ибо женился на дочери хана Кончака), то единственной датирующей приметой останется время бегства из плена Игоря, вероятнее всего — лето 1185 г. А. И. Лященко датировал написание С. осенью 1185 г., когда Владимир Глебович еще не оправился от ран («туга и тоска сыну Глебову»). С датировкой Лященко согласился А. И. Соболевский, но он считал, что осенью 1185 г. написана только часть С., заканчивающаяся плачем Ярославны (Соболевский А. И. К Слову о полку Игореве. — ИпоРЯС, 1929, т. 2, кн. 1, с. 174—186). 1185 годом датируют С. А. В. Соловьев и Б. А. Рыбаков. По мнению Б. А. Рыбакова, важной хронологической приметой является приведенная выше фраза С. о сыновьях Глеба Ростиславича Рязанского в обращении к Всеволоду Большое Гнездо. В конце 1185 г. Глебовичи поссорились с Всеволодом. Следовательно, заключает Б. А. Рыбаков, С. было создано до того, как в южной Руси узнали о распре между Всеволодом и его вассалами — Глебовичами. С. было написано *сразу же после возвращения Игоря из плена* (по Б. А. Рыбакову июль—август 1185 г.) (см.: Рыбаков. «Слово о полку Игореве», с. 274—278). Правда, в более поздней работе, никак не оговаривая этого, Б. А. Рыбаков пишет: «Весною 1186 г. Игорь уже бежал из плена. . .» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., М., 1982, с. 508). Н. С. Демкова датирует С. сер. 90-х гг. XII в. Она считает, что верхней границей написания С. является май 1196 г. — время смерти Всеволода Святославича: «здравица» в его честь в конце С. бесспорно свидетельствует о создании С. до его смерти. Нижняя граница — июль 1194 г. время смерти великого князя киевского Святослава Всеволодовича. По мнению Н. С. Демковой, отсутствие «здравицы» ему в конце С. и характер «сна Святослава» в С. говорят о том, что произведение писалось после его смерти. Политическая ситуация периода 1194—1196 гг., как считает Н. С. Демкова, отвечает многим характеристикам и образам С. (см.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестн. ЛГУ, 1973, № 14. Ист., яз., лит., вып. 3, с. 72—77). Б. И. Яценко полагает, что та политическая характеристика Игоря, которая дается ему в С., не могла возникнуть в 1194—1196 гг. По его мнению, характер отношения автора С. к Ярославу Всеволодовичу Черниговскому и наименование Чернигова «отним столом» Игоря свидетельствуют о написании С. после смерти Ярослава Черниговского (1198 г.). Время написания С. уточняет хвалебная характеристика волынского князя Романа. Это, считает Б. И. Яценко, могло иметь место до 1199 г., когда Роман захватил Галич и стал врагом Игоря и его сыновей, внуков Ярослава Осмомысла Галицкого, претендовавших на галицкое наследство. По мнению Яценко, С. «было написано в 1198—1199 гг., после вокняжения Игоря Святославича в Чернигове и до захвата

Романом Мстиславичем Галича» (Я ц е н к о Б. И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 122). А. А. Горский, критически рассматривая датировки С. 1185-м, 1187-м, 1194—1196-м, 1198—1199-м гг., приходит к заключению, что ни одна из них не может быть признана бесспорной, так как твердых конкретных аргументов в пользу ни одной из них нет. По его мнению, диалог Гзака и Кончака, в котором несомненен намек на возвращение Владимира Игоревича с Кончаковной из плена на Русь, свидетельствует о создании С. не ранее 1188 г. (года возвращения Владимира Игоревича). Вместе с тем характер отношения автора С. к князьям Святославу и Рюрику Киевским, к Игорю и Всеволоду Юрьевичу более всего соответствует политической обстановке осени 1188 г. В это время и было написано С. Не исключает А. А. Горский и возможности того, что основная часть С. была написана в 1185 г., а в 1188 г., после возвращения из плена Владимира Игоревича и Всеволода Святославича, к ней были добавлены диалог Гзака с Кончаком и завершающая памятник слава князьям (Г о р с к и й А. А. К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1985, № 4, с. 21—28). Г. Н. Моисеева верхней границей времени создания С. считает начало 1187 г., так как обращение к Ярославу Осмомыслу Галицкому и характеристика в С. Владимира Переяславского свидетельствуют, по ее мнению, о написании С. при их жизни (Владимир Переяславский умер 18 апреля 1187 г.). В перечне князей, которым в конце С. воздается слава, не назван рыльский князь Святослав Ольгович, племянник Игоря, принимавший участие в походе. Это дает основание Г. Н. Моисеевой утверждать, что С. было написано после его смерти, т. е. не ранее 1186 г.: судя по летописным упоминаниям Святослава Ольговича и по данным родословных книг, он умер в 1186 г., вероятно, не вернувшись из плена. Г. Н. Моисеева присоединяется к мнению тех исследователей, которые датируют бегство Игоря из половецкого плена весной 1186 г., вскоре после этого — весной или в начале лета 1186 г. и было написано С. По ее мнению, время возвращения на Русь Владимира Игоревича и Всеволода Святославича в 1188 г. для датировки С. значения не имеет: о том, что они должны быть освобождены, существовала договоренность с половцами, о чем, считает Г. Н. Моисеева, автор С. знал уже в 1186 г. (М о и с е е в а Г. Н. О времени создания «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1985, № 4, с. 15—20). Д. Н. Альшиц высказал предположение, что С. должно было быть написано после поражения на Калке, т. е. после 1223 г., но до 1237 г. — Батыева нашествия (см.: А л ь ш и ц Д. Н. Ответ на вопрос № 7 к IV съезду славистов. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 37—41). Своеобразным развитием и продолжением предположения Д. Н. Альшица явилась гипотеза Л. Н. Гумилева, который отнес время создания С. к середине XIII в., видя в нем аллегорическое изображение событий 1249—1252 гг. (см.: Г у м и л е в Л. Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве». —

В кн.: Географическое общество СССР. Доклады Отделения этнографии. Л., 1966, вып. 2. Доклады 1962—1965 гг., с. 55—80).

Одни считают, что автор С. был участником похода Игоря и вместе с ним находился в плену; другие источник сведений автора С. о перипетиях боя, об обстоятельствах пленения и бегства из плена Игоря видят в том, что автор С. мог слышать все это от очевидцев событий или же от самого Игоря. С уверенностью ответить на этот вопрос вряд ли удастся. По мнению Д. С. Лихачева, в основе рассказа о событиях похода Игоря и в С., и в летописной повести *Летописи Ипатьевской* лежит общий источник. Этим объясняется близость С. и летописной повести, между которыми нет непосредственной взаимосвязи, не только в отдельных деталях историко-фактического характера, но и в интерпретации событий, причем в интерпретации явно поэтической. Только в С. и летописной повести называется река Каяла. В С. Святослав, узнав о поражении Игоря, «изрони злато слово с слезами смешано», в летописной повести «Святослав же, то слышавъ и вельми воздохнув, утеръ слезъ своих и рече. . .». Д. С. Лихачев высказывает такое предположение об этом общем источнике: «И летопись, и „Слово" — оба зависят от молвы о событиях, от славы о них. События „устроялись" в молве о них и через эту молву отразились и тут, и там. В этой молве отразились, возможно, и какие-то обрывки фольклора — половецкого или русского» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура, с. 125).

Еще Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» высказал убеждение, что С. написано, «без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные» (СПб., 1816, т. 3, с. 215). Со времен Карамзина в данном вопросе иных точек зрения не было.

То обстоятельство, что автор С. неоднократно и свободно упоминает в своем произведении языческих богов, дало повод некоторым исследователям утверждать, что автор С. верит в языческих богов. С этим нельзя согласиться. Упоминаемые в С. языческие божества — символы природы, художественные образы. То же самое следует сказать и об одушевлении автором С. природы — это не отражение религиозных представлений автора С., а образы художественной системы произведения. О христианском мировоззрении автора С. писали многие исследователи. Как отмечает Д. С. Лихачев, «автор „Слова" — христианин, старые же дохристианские верования приобрели для него новый поэтический смысл. Он одушевляет природу поэтически, а не религиозно. В ряде случаев. . . он отвергает христианскую трактовку событий, но отвергает ее не потому, что он чужд христианства, а потому, что поэзия связана для него еще пока с языческими, дофеодальными корнями. Языческие представления для него обладают эстетической ценностью, тогда как христианство для него еще не связано с поэзией, хотя сам он — несомненный христианин (Игорю помогает бежать из плена бог, Игорь по возвращении едет к бого-

родице Пирогощей и т. д.)» (Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура, с. 80).

По своему социальному положению автор С., вероятнее всего, — представитель феодальных верхов тогдашнего общества. Это подтверждается его высокой образованностью и осведомленностью в политических делах и родовых связях князей и княжеств, его прекрасным знанием военного дела. (Об исключительно широкой, профессиональной осведомленности автора С. в военных вопросах своего времени см. книгу генерал-лейтенанта инженерно-технической службы В. Г. Федорова). Социальное положение автора С. не помешало ему отразить в своем произведении интересы широких народных масс. Народность автора С., как отмечал акад. Б. Д. Греков, проявилась прежде всего в том, что автор С. «вполне объективно рисует перед нами картину тогдашней Руси и, насколько позволяет характер его труда, по-своему совершенно правильно передает нам причины, приведшие Русь к состоянию феодальной раздробленности» (Греков. Автор «Слова о полку Игореве», с. 12). С тонким знанием дела описывает автор С. картины сражений, ярко рисует образы князей и дружинников, но с не меньшей силой и симпатией рассказывает он о том, как во времена княжеских междоусобиц «ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть», как терзают половцы Русскую землю, ринувшись на нее, «аки пардуже гнездо» (словно выводок гепардов), после поражения Игоря. Автору С. близка и понятна горечь русских женщин, оплакивающих своих мужей и сыновей, костями которых засеваются поля. С не меньшим мастерством и искусством, чем воинской терминологией, пользуется автор С. терминологией сельскохозяйственного и ремесленного обихода.

Если большинство исследователей более или менее сходится в вопросе о социальном лице автора С., то в вопросе о том, к какому из князей, к какому из княжеств тяготеют его симпатии, имеется несколько точек зрения. Автор С. осуждает безрассудность похода Игоря, так как поход этот, хотя в основе его и лежали благородные цели, был не продуман, закончился поражением, вызвал волну набегов половцев на русские княжества. Но мы не можем не видеть, какую глубокую симпатию питает автор С. к своему герою, к его брату «буй-туру» Всеволоду, ко всему «гнезду» Ольговичей — потомкам Олега Святославича (названного в С. то ли с укоризной, то ли сочувственно «Гориславичем»), родоначальника черниговских князей. Эти черты С. являются основой гипотезы, считающей автора С. черниговцем, дружинником черниговских князей, скорее всего членом дружины Игоря Святославича. Сторонниками этой гипотезы из наиболее известных исследователей С. являются О. Огоновский, Д. И. Иловайский, М. Д. Приселков, М. Н. Тихомиров. Другие исследователи (В. Каллаш, П. В. Владимиров, А. И. Лященко) предполагают, что автор С. был киевлянин, близкий к киевскому князю Святославу Всеволодовичу человек. Основой этого предположения служат такие доводы: автор С. осуждает поход Игоря и вместе

с тем несоответственно действительному историческому значению восхваляет киевского князя Святослава; отображение в С. общерусских интересов скорее всего могло иметь место в том случае, если С. создавалось в Киеве. Киевлянином считает автора С. Б. А. Рыбаков. Автор С. смотрел на события как представитель Киева, но это был «политик и историк, искавший причины явлений и смотревший на события с общерусской позиции» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 484). Существует как бы средняя между этими двумя гипотезами точка зрения. Сторонники ее (С. А. Адрианов, А. В. Соловьев) считают, что автор С. — черниговец по происхождению, но произведение свое написал в Киеве. Особенно тщательно и обстоятельно рассмотревший этот вопрос А. В. Соловьев предполагает, что автор С. был придворным певцом Святослава Всеволодовича, пришедшим вместе с князем в Киев из Чернигова (Святослав сел на киевский стол в 1180 г., а до этого княжил в Чернигове). Особая близость автора С. к Святославу и его семейству подтверждается, как считает А. В. Соловьев, осведомленностью автора С. в делах Полоцкого княжества: жена Святослава была правнучкой Всеслава Полоцкого, поэтому придворный певец был внимателен и к семейным полоцким традициям княгини Марии — жены своего сюзерена. И. И. Малышевский считал, что автор С. происходил из южной Руси, прекрасно знал Тьмуторокань и бывал во многих других местах Древней Руси. По Малышевскому автор С. — странствующий книжный певец, подобный упоминаемым в Галицко-Волынской летописи певцу Орю и книжнику *Тимофею*.

Ряд исследователей полагает, что автор С. был выходцем из Галицко-Волынской Руси. Согласно этому предположению, автор С. был дружинником Ярослава Осмомысла и пришел в Новгород-Северский к Игорю в свите его жены — дочери Ярослава Осмомысла. О галицко-волынском происхождении автора С., считают исследователи, придерживающиеся этой точки зрения (О. Партыцкий, А. С. Петрушевич, А. С. Орлов, Л. В. Черепнин), свидетельствует язык произведения, близость С. по стилю к Галицко-Волынской летописи, панегирическое отношение к Ярославу Осмомыслу (Партыцкий пытался доказать, что автор С. происходил из карпатских лемков).

М. С. Грушевский выдвинул гипотезу о двух авторах С.: до рассказа о бегстве Игоря из плена (до слов «Прысну море полунощи. .») автором был один человек — представитель киевской дружины и сторонник Святослава, а с этих слов и до конца — другой, близкий к Игорю, так как в этой части произведения, по мнению М. С. Грушевского, идет явно преувеличенное восхваление Игоря, противоречащее первоначальному осуждению. Вопрос о «составном» характере текста С. ставился целым рядом исследователей. Гипотезы о разновременном создании различных частей С. приведены выше, при рассмотрении проблемы времени написания произведения. Но есть, помимо Грушевского, сторонники той точки зрения, что С. составлено из текстов, созданных в разное

время разными авторами. И. Франко в 1907 г. пытался обосновать свой взгляд на С. как на дружинную песню, составленную из нескольких песен, сложенных несколькими певцами в разное время (Песня о походе Игоря, Песня о Всеславе Полоцком, Песня о смерти Изяслава и др.). Создатель С. — редактор, скомпилировавший все эти материалы в единое целое. Сводом когда-то существовавших отдельно песен, из которых две являются основными, считал дошедший до нас текст С. Е. А. Ляцкий. «Обе основные песни — об Игоре и Святославе — подверглись в некоторых своих частях переработке, сокращениям и многочисленным дополнениям из элементов старых песен и пословиц, причем некоторые строфы, может быть по вине переписчиков, нередко искажались и попадали не на свои места. Таким образом, известный нам текст сохраняя в общем строфы двух оригинальных песен — поэм, конца XII в. — сохранил вместе с тем и следы некоего объединителя, композитора-редактора. Этот редактор — будем называть его слагателем „Повести" — задался целью сопоставить упомянутые песни в одном произведении, иллюстрировать их песнями отдаленной старины о князьях Олеге Святославиче, Всеславе Полоцком и Изяславе Васильковиче, попутно захватить и отрывки из песен о князьях современных, и подчинить всю эту смесь одной величавой и высокой идее свободы и единства Руси» (с. 55—56). Ляцкий считает, что С. было сложено в два приема. Сначала поэт, сторонник Игоря и участник похода, сложил первую песнь, чтобы показать доблесть князя и тем оправдать в глазах современников его поход. В ответ на эту песнь просвещенный боярин, близкий к Святославу, из песен, распевавшихся придворными певцами, сложил особую поэму о Святославе. Вторая часть произведения (плач Ярославны, плен и возвращение Игоря) создавалась позже, по возвращении Игоря из плена — «первая часть песни была сложена до возвращения Игоря, вторая под непосредственным впечатлением его рассказа о возвращении, обе вместе — не позже 1187 г.» (Л я ц к и й. «Слово о полку Игореве», с. 128). С. предназначалось для пения и написано стихами.

Обилие гипотез о месте возникновения С. свидетельствует о сложности локализации С., приурочения его к определенному политическому центру. И едва ли мы сможем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Разумеется, автор С. жил в определенном месте, занимая определенную ступень социально-иерархической лестницы своей эпохи. Но, кроме предположений, основанных только на тексте самого произведения, сказать что-либо окончательно сформулированное и определенное мы не можем, ибо всякое гениальное произведение гениального автора значительно больше и шире, чем социально-биографическое место писателя в обществе. Поэтому прав Д. С. Лихачев, когда на вопрос, кем был автор С., он отвечает: «Автор „Слова" мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем или киевлянином. Он мог быть дружин-

ником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком, и по своему социальному положению он вряд ли принадлежал к эксплуатируемым классам населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни „придворным“, ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано „Слово“ — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде-Северском, — оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло в первую очередь потому, что автор „Слова“ занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси — единых повсюду и повсюду стремившихся к единству Руси» (Лихачев. «Слово о полку Игореве». 2-е изд., с. 144).

Невозможность окончательного и исчерпывающего ответа на вопрос об авторе С. на основе данных текста самого произведения объясняет разнообразие попыток отождествить автора С. с каким-либо определенным лицом, известным по другим источникам конца XII—нач. XIII в.

В 1846 г. Н. Головин пытался доказать, что автором С. был «премудрый книжник Тимофей», упоминаемый под 1205 г. в Ипатьевской летописи. Запись сообщает, что Тимофей родом из Киева и приводит текст сказанной им «притчи», из которого явствует, что это был книжник с ярко выраженной церковно-религиозной направленностью и считать его автором С. нет никаких оснований (см. *Тимофей*).

В 1938 г. писатель И. Новиков выступил со своей гипотезой об авторе С. В летописной повести Ипатьевской летописи о походе Игоря сообщается, что вместе с ним в плену находился сын тысяцкого и конюший, который уговорил Игоря бежать из плена вместе с половчанином Лавором (Овлуром). В «Истории Росийской» В. Н. Татищева сообщается, что по возвращении из плена Игорь «учинил Лавора вельможею» и выдал за него замуж «дочь тысяцкого Рагуила». И. А. Новиков, исходя из убеждения, что С. было написано участником похода Игоря в плену, наиболее возможным автором произведения и считает сына тысяцкого. По его мнению, этот нигде по имени не названный сын тысяцкого, был сыном Рагуила. (Тысяцкий Рагуил Добрынич упоминается в связи с другими событиями в нескольких летописных записях). И. А. Новиков считает, что «премудрый книжник Тимофей» есть не кто иной, как сын тысяцкого Рагуила. Таким образом, автор С. по И. А. Новикову — Тимофей Рагуилов. Все эти догадки очень неубедительны и весьма надуманы. Сведения летописи и Татищева о Тимофее, сыне тысяцкого, тысяцком Рагуиле настолько скудны, что никаких данных для углубления наших представлений об авторе С. они не сообщают.

Своеобразную интерпретацию гипотеза об авторе С. в связи с сыном тысяцкого нашла у Ив. М. Кудрявцева, установившего

наличие в С. сведений, подтверждаемых только новгородским летописанием (Кудрявцев Ив. М. Заметка к тексту: «С тоя же Каялы Святоплъкъ. . .» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 407—409). Ив. М. Кудрявцев выдвинул гипотезу о новгородском происхождении автора С. и предположил, что упоминаемый в связи с походом Игоря сын тысяцкого был сыном новгородского тысяцкого Миронега (Милонега), и этот-то новгородский тысяцкий написал С. Миронега (Милонега) Ив. М. Кудрявцев отождествляет с новгородским посадником Мирошкой Нездиничем и с киевским зодчим Петром Милонегом (см.: Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 458—459). На самом деле это три разных лица и не ясно, на каком основании они объединяются в одного человека, а человек этот объявляется автором С.

С этими гипотезами в определенной степени связана и гипотеза об авторе С. В. Г. Федорова, увидевшего автора С. в тысяцком Рагуиле Добрыниче. В. Г. Федоров совершенно справедливо пишет, что «весь вопрос о личности автора „Слова" сводится к решению вопроса о том, можно ли в данном случае говорить только о высокой одаренности его. Следует признать, что автор „Слова", помимо одаренности, должен был обладать еще и большим жизненным опытом, глубоким знанием не только военного дела, но и истории Руси» (Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве», с. 157). Однако сведения о тысяцком Рагуиле столь скудны и неопределенны, что у нас нет никаких оснований связывать его имя с обстоятельствами похода Игоря и видеть в нем человека, одаренного литературным талантом, хорошо знающего историю Руси.

Писатель А. К. Югов, стоявший на точке зрения галицко-волынского происхождения С., в 1944 г. высказал предположение, что автором С. был «словутный певец Митуса», имя которого названо под 1240 г. в Ипатьевской летописи. Однако никаких данных, которые подтверждали бы вероятность авторства *Митусы*, нет. Б. А. Рыбаков по поводу работы А. К. Югова замечает: «Статья изобилует историческими ошибками и написана неубедительно» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 394).

М. В. Щепкина в 1960 г. опубликовала статью, в которой на основе текста С. пришла к заключению, что автор С. называет себя внуком Бояна. Впервые предположение об авторе С. как внуке Бояна «или по крови . . или по духу» высказал в 1878 г. А. А. Потебня (Потебня А. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков, 1914, с. 21).

Наиболее подробно и обстоятельно вопрос о возможном авторе С. рассмотрен Б. А. Рыбаковым в монографии 1972 г. «Русские летописи и автор „Слова о полку Игореве"». Он приходит к заключению, что автором С. мог быть киевский боярин, летописец трех киевских князей — Изяслава Мстиславича (1146—1154 гг.), его

сына Мстислава (1150—1160 гг.), его племянника Рюрика Ростиславича (1173, 1181—1196 гг.) — *Петр Бориславич.*

В 1976 г. была опубликована статья М. Т. Сокола, в которой исследователь пытается доказать, что автором С. был черниговский воевода Ольстин Олексич. Этот воевода черниговского князя Ярослава Всеволодовича выполнял посольские поручения князя, он возглавлял дружину черниговских ковуев, присланную Ярославом Всеволодовичем к Игорю во время его похода на половцев в 1185 г. Вот все достоверные сведения об этом лице, которые мы можем почерпнуть из летописи. М. Т. Сокол воссоздает биографию Ольстина Олексича, из которой следует, что тот мог быть автором С. Прежде всего даже из этой воссозданной М. Т. Соколом биографии мы не видим таких данных, которые могли бы свидетельствовать о том, что этот человек мог и должен был заниматься литературным трудом. Но, самое главное, биография эта вызывает много сомнений, так как составителю ее приходится принимать целый ряд весьма спорных предположений, прибегать к явно искусственным отождествлениям (так, например, одним лицом объявляется Ольстин Олексич, черниговский воевода, и Ольстин, рязанский боярин).

В обзоре американской литературы по С. Р. О. Якобсон сообщает, что С. Тарасов в статье «Возможный автор „Слова о полку Игореве"» (Новый журнал, Нью-Йорк, 1954, т. 39, с. 155—175) отождествляет автора С. с Кочкарем — «милостником» (любимцем) великого киевского князя Святослава Всеволодовича (Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 115). Единственное, что мы знаем об этом Кочкаре из летописи, — это то, что он был любимцем Святослава Всеволодовича и что князь поверял ему свои тайные замыслы. Татищев пишет, что княгиня и Кочкарь «более, нежели он (Святослав — *Л. Д.*), Киевом владели, и никто о том иной не ведал» (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964, т. 3, с. 123). Почему Кочкарь мог быть автором С., непонятно.

В особую группу следует выделить гипотезы княжеского происхождения автора С. В 1934 г. В. Ф. Ржига, отвергая возможность создания С. дружинником какого-либо из князей XII в., писал: «неизбежна мысль, что „Слово о полку Игореве" сложилось не в дружинной среде, а в княжеской» (Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник, с. 158). Но окончательный вывод был сформулирован исследователем очень неопределенно: «. . . или сам автор был князем, или он был профессиональным и вместе с тем придворным княжеским поэтом, тесно связанным с княжеским родом» (с. 159). Мысль о том, что автор С, был княжеским певцом-поэтом, поддерживаемая в настоящее время многими исследователями С., была высказана задолго до В. Ф. Ржиги. В 1859 г. Д. И. Иловайский писал о существовании в Древней Руси придворно-княжеской поэзии. В авторе С. он видел представителя такого рода поэтов (Иловайский Д. И.

Несколько слов по поводу вопроса о древней русской поэзии. Рус. слово, 1859, № 12, с. 515—520). Гипотезы же о конкретных князьях XII в., возможных авторах С., особенно широкое распространение получили в последнее время.

В 1967 г. в киевском доме ученых Н. В. Шарлемань сделал доклад, в котором стремился доказать, что автором С. был сам Игорь. Доклад этот был опубликован лишь в 1985 г. Н. В. Шарлемань исходил из положения, что автор был свидетелем всех событий, связанных с Игорем, а таким единственным свидетелем мог быть только сам Игорь. В 1978 г. предположение, что автором С. был князь Игорь, высказал поэт И. И. Кобзев. Наиболее подробно гипотеза об Игоре как авторе С. была рассмотрена В. А. Чивилихиным в последних главах его романа-эссе «Память». В. А. Чивилихин прежде всего стремится доказать, что автором С. мог быть только князь. Приводимые им аргументы в доказательство этого тезиса не могут быть признаны бесспорными. Большое значение в системе доказательств придается В. А. Чивилихиным словам «брат», «братие», «князь», «княже»: он считает, что эти слова в том контексте, в каком они употреблены в С., могли принадлежать только лицу княжеского происхождения. Однако аналогичные примеры из древнерусских текстов не дают оснований для такого заключения, более того, характер употребления слова «князь» и обращения «княже», как показала В. Ю. Франчук, свидетельствует о том, что перу князя данный текст принадлежать не мог (Ф р а н ч у к. К вопросу об авторе, с. 162). Нельзя признать убедительными и доказательства принадлежности текста С. именно Игорю. Приписывать создание С. самому Игорю невозможно ни с точки зрения морально-этических оценок, которые даются в произведении Игорю, ни с точки зрения политических концепций памятника, ни с точки зрения авторской психологии того времени.

Переводчик С. В. В. Медведев пытался доказать, что автором С. был великий киевский князь Святослав Всеволодович. Эта гипотеза еще более невероятна, чем гипотеза об авторстве Игоря: совершенно очевидно, что великий князь киевский никак не мог создать произведения, посвященного вассальному по отношению к нему князю. В. В. Медведев строит свою гипотезу на предположении, что во фразе С. «рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени. .» названо имя автора — Святослав. Исходя из сходного толкования этой фразы С. украинский переводчик С. В. Грабовский тоже посчитал, что здесь названо имя автора С. — Святослав, но это не князь киевский, а племянник Игоря князь рыльский Святослав Олегович. Выше уже отмечалось, что есть достаточно веские основания полагать, что Святослав Рыльский погиб в половецком плену, а кроме того мы, в сущности, не располагаем никакими историческими данными об этом князе, тем более такими, которые давали бы основание видеть в 19-летнем рыльском князе гениального писателя, автора С. Предположение о Святославе Рыльском как авторе С. было еще ранее изложено в художественной форме пермским писателем

А. М. Домниным («Матушка-Русь. Сказание». — В кн.: Домнин А. Тропы предков. Сказания, поэмы, легенды. Пермь, 1978, с. 145—260). На основе конъектурного прочтения данной фразы С.: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени. . .» (конъектура предложена еще в 1894 г. И. Е. Забелиным и в настоящее время принимается большинством исследователей и переводчиков С.) поэт А. Ю. Чернов высказал предположение, что под именем Ходыны скрывается автор С.

Два украинских исследователя С. Г. Пушик и Л. Е. Махновец независимо друг от друга выдвинули гипотезу, согласно которой автором С. был галицкий князь Владимир Ярославич Галицкий. Владимир Ярославич находился в близких родственных отношениях со многими лицами, упоминаемыми в С. (он сын Ярослава Осмомысла Галицкого, брат Ярославны, жены Игоря, с последним его связывали не только родственные отношения, но и большая дружба; он был женат на дочери великого князя киевского Святослава Всеволодовича, был племянником по матери владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича, Глебовна, жена Буй-Тура Всеволода, — двоюродная сестра Владимира Ярославича), во время похода Игоря 1185 г. он находился в Путивле, где в это же время пребывала Ярославна («Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ. . .»), он бывал в большинстве княжеств, упоминаемых в С. Однако то почтительное отношение к Ярославу Осмомыслу Галицкому, которое мы видим в С., свидетельствует против авторства Владимира Ярославича: отец и сын находились друг с другом в непримиримой вражде, кроме того, нам ничего не известно об отношениях между Владимиром и его тестем — киевским князем, который так высоко ставится в С. Мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о том, что Владимир Ярославич мог заниматься литературным трудом. Наконец, как уже отмечалось выше, языковые данные С. свидетельствуют против княжеской теории происхождения С.

Сущностью всех гипотез об авторах С. в определенной степени является домысливание создателями этих гипотез к тем или иным реальным именам XII в. таких биографических данных, которые дают возможность приписать им авторство С. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все время на кандидатство в авторы С. выдвигаются новые имена: создатели новых гипотез осознают слабость аргументов своих предшественников, но свои собственные аргументы считают бесспорными.

Наиболее обоснованной следует признать гипотезу Б. А. Рыбакова, так как мы располагаем достаточно объективными свидетельствами о незаурядном литературном мастерстве боярина и воеводы Петра Бориславича. Но и в данном случае к очень незначительным безусловным свидетельствам приходится присоединять обширное число предположений. И если мы более или менее можем быть уверены в причастности этого государственного и политического деятеля XII в. к летописанию, то вопрос о принадлежности ему С. все же гипотетичен (см. подробнее — Петр Бориславич).

Лучшим и единственно достоверным источником наших сведений об авторе С. остается только текст самого памятника, из которого с бесспорной ясностью вытекает, что это был не только гениальный писатель своего времени, но и человек высокого гражданского чувства, думающий и страдающий думами и страданиями своего народа.

В данной статье указываются лишь основные издания С., а из исследовательских работ по преимуществу те, где уделяется особое внимание автору памятника. Полную библиографию С. см. в кн.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. М.; Л., 1940; Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. М., 1940; Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954. М.; Л., 1955; Cooper H. R. The Igor Tale: An Annotated Bibliography of 20th Century non-Soviet Scholarship on the Slovo o polku Igoreve. London, 1978.

Изд.: Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., в Сенатской типографии, 1800; Пекарский П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864 (Прилож. к т. 5 «Зап. АН», № 2); Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Николаем Тихонравовым. Изд. 2-е. М., 1868; Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве / И. И. Козловского с приложением исследования П. К. Симони об архивном списке Слова. С 3 таблицами (из XIII тома «Древностей»). М., 1890; Перетц В. Слово о полку Ігоревім пам'ятка феодальної України-Руси XII віку / Вступ, текст; ком. У Київі, 1926; Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»); Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965; вып. 1; Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, сост. и подг. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева, примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967; Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 23—76.

Лит.: Грамматин Н. Ф. Песнь воинству Игореву, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, и с оного переведенная на употребляемое ныне великороссийское наречие стихами старинного же русского размера, с краткими историческими и критическими замечаниями. СПб., 1821; Максимович М. «Песнь о полку Игореве»: (Из лекций о русской словесности, читанных в 1835 г. в Киевском университете). — ЖМНП, 1836, № 4, отд. II, с. 1—22, № 6, с. 439—470, 1837, № 1, с. 29—58 (перепеч. в: Собр. соч. М. Максимовича. Киев, 1880, т. 3, с. 498—563); Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846; Огоновський О. Слово о пълку Игоревѣ, Поетичний пам'ятник руської письменности XII віку. Львів, 1876; Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877; Миллер О. Еще о взгляде В. Ф. Миллера на «Слово о полку Игореве». — ЖМНП, 1877, №, 9, с. 37—61; Малышевский И. И. 1) К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ЖМНП, 1879, август, с. 252—261; 2) Об отечестве автора «Слова о полку Игореве». — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2 (отд. 1), с 107; [Партыцкий О.]. Темні місця в Словѣ о пълку Игоревѣ / Пояснив Ом. Партыцкий. Львів, 1883,

ч. перша; Петрушевич А. С. Слово о полку Игореве. Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия. Львів, 1887; Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1—2; М., 1889, т. 3; Владимиров П. В. Древняя русская литература киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1900, с. 278—354; Каллаш Вл. Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве». — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 316—347; Адрианов С. А. К вопросу о происхождении Слова о полку Игореве. — В кн.: Отчет о заседаниях ОЛДП в 1902—1903 гг. СПб., 1904, с. 13—14; Франко И. Композиция «Слова о полку Игореве». — Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1907, Bd 29, H. 2—3, S. 299—307; Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, с 183—198; Грушевський М. С. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923, т. 2 (частини першої книга друга), с. 166—226; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923 (изд. 2-е, доп. М.; Л., 1946); Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве». — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 137—158; Грунський М. Питання про автора «Слова о полку Ігоревім». — В кн.: Ювілейний збірник на пошану академика Дмитра Йвановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ядесятих роковин наукової діяльности. Київ, 1927, с. 439—446 (Українська Академія наук. Збірник історично-філологічного відділу, № 51); Ляцкий Е. «Слово о полку Игореве»: Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль. Прага, 1934; Ржига В. Ф. 1) «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века. — В кн.: Слово о полку Игореве. М.; Л., изд. Academia, 1934, с. 157—178; 2) Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 428—438; 3) Автор «Слова о полку Игореве» и его время. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 3—17; Гудзий Н. К. Слово о полку Игореве. — Литературная учеба, 1937, май, с. 30—54; Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время. — Историк-марксист, 1938, № 4, с. 10—19; Данелиа А. П. О мировоззрении автора поэмы «Слово о полку Игореве». Тбилиси, 1938; Тарловский М. Внутренний облик автора «Слова о полку Игореве». — Знамя, 1938, № 5, с. 198—225; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ. М., 1941, т. 12, с. 228—253; Югов А. К. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве / Пер. и ком. Алексея Югова, вступ. статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова, Л., 1945, с. 171—179 (переизд.: Слово о полку Игореве / Пер. ком. и статьи Алексея Югова. М., 1970, с. 205—213); Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ. М., 1948, т. 25, с. 71—103; Будовниц И. У. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». — Изв. АН СССР, Сер. ист. и филос., 1950, т. 7, № 2, с. 147—158; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве; Сб. исслед. и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 93—129; Лихачев Д. С. 1) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 5—52; 2) Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — Там же, с. 53—92; 3) Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М.; Л., 1950 (изд. 2-е, доп. М.; Л., 1955); 4) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978 (изд. 2-е доп. Л., 1985); 5) Размышления об авторе «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1985, № 3, с. 3—6; Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—174; Назаревский А. А. Автор «Слова о полку Игореве» и его общественно-политические взгляды. — Київський Держ. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки, т. 10, вып. 3, Філол. зб. Київ, 1951, № 3, с. 195—212; Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, т. 3, вып. 1, 1956, с. 64—88;

Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956; Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 73—79; Слово о полку Игореве — памятник XII в.: Сб. статей / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1962; Дмитриев Л. А. 1) Автор «Слова о полку Игореве» и анонимные авторы в древнерусской литературе. — В кн.: Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1971, с. 11—18; 2) Автор «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1985, т. 40, с. 32—42; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Пінчук С. П. Автор «Слова о полку Ігоревім». — Укр. мова и літ. в школі. Київ, 1972, № 8, с. 23—28; Сокол М. Т. К вопросу о творце «Песни о полку Игореве». — Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: Сб. научных статей. Днепропетровск, 1976, вып. 3, с. 50—78; Франчук В. Ю. 1) Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 77—92; 2) К вопросу об авторе. — Вопр. лит., 1985, № 9, с. 157—163; 3) «Сідлай, брате, свої борзії комоні . . .»: Авторство поеми за даними мови. — Літературна Україна, 1985, 20.VI, с. 6; Кобзев И. Автор «Слова» — князь Игорь? — Лит. Россия, 1978, 22 IX, № 38, с. 15; Чивилихин В. Память. Роман-эссе. — Наш современник, 1984, № 3, с. 98—128; № 4, с. 90—130; Медведев В. Автор невідомий і . . . відомий? — Літературна Україна, 1984, 26.I; Охрименко П. П. Проблемы места возникновения «Слова о полку Игореве» и социальной принадлежности автора. — Вопр. рус. литературы. Львов, 1985, вып. 2 (46), с. 79—85; Шарлемань Н. В. Попытка раскрытия анонима автора «Слова о полку Игореве». Київ, 1985; Пушик С. Автор «Слова» — син Осмомысла? — Прикарпатська правда, 1985, 5 I; Маховець Л. Про автора «Слова». — Пам'ятники України. Київ, 1985, № 3, с. 24—27; Грабовський В. Сяйво червлених щитів: Із спостережень перекладача. — Літературна Україна, 1985, 20 VI, с. 7; Чернов А. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Исследования «Слова о полку Игореве». Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986, с. 270—293.

Л. А. Дмитриев

Азбучная молитва — первое наряду с «Прогласом к Евангелию» стихотворное произведение староболгарской и старославянской литературы. В самом раннем списке (XII в., ГИМ, Синод. собр., № 262) А. *м.* помещена *как часть предисловия* (*«пролог»*) к «Учительному Евангелию», составленному в 894 г. Константином Преславским (сер. IX—нач. X в.). Ученик Мефодия Константин назван «епископом» Великого Преслава в приписке 907 г. Тудора Доксова, который переписал выполненный Константином перевод «Четырех слов против ариан» Афанасия Александрийского. На сегодняшний день выявлено и опубликовано 40 древнерусских списков А. м. Начиная с XV в. она помещается в рукописях как самостоятельное сочинение и часто сопровождается сведениями о начале славянской письменности. В ряде списков автором А. м. называется Константин—Кирилл философ, что породило в славистике споры об атрибуции А. м., в которых по-разному интерпретируется и ее содержание. Сочинение впервые опубликовал в 1825 г. М. П. Погодин в качестве приложения к переведенной им книге Й. Добровского о славянских первоучителях Кирилле и Мефодии. Сторонниками авторства Константина—Кирилла являются также И. И. Малышевский, Ив. Франко, Е. Георгиев. Более распространена, однако, точка зрения, согласно которой

А. м. — лирическая исповедь Константина Преславского. К этому заключению пришли В. М. Ундольский, О. М. Бодянский, П. И. Шафарик, еп. Антоний, А. И. Соболевский, А. Вайан, Э. Г. Зыков, К. М. Куев.

Стихотворение является акростишной молитвой, в которой каждый стих начинается с очередной буквы славянского алфавита (ἀκροστιχίδα κατ'ἀλφάβητον). Написана А. м. 12-сложным размером — «политическим стихом» (στίχος πολιτικός). В 40 стихотворных строчках реконструированного текста А. м. преобладает цезура после 5-го слога (5+7), в двух случаях она делит строку на 7 и 5 слогов, а в двух стихах — на 6 и 6. Образцом метрики для А. м. послужили «Мысли, написанные одностишиями» Григория Богослова — 24 строчки, образующие азбучный акростих и начинающиеся стихом: «'Αρχὴν 'απάντων καὶ τέλος ποιοῦ Θεόν» (PG, t. 37, col. 908). Это изречение перефразировано Константином Преславским («Добро есть от бога начинати и до бога коньчавати, яко же рече етер Богословьць Григор»), и с него он начинает свое прозаическое вступление к «Учительному евангелию».

Содержание А. м. отражает идеи IX—X вв., связанные с крее щением Болгарского государства при князе Борисе—Михаил и с созданием славянской письменности братьями Кириллом и Мефодием. В стройной композиции раскрывается образ лирического героя — одним из первых среди славянских книжников он ищет силу, творческое вдохновение, чтобы записать буквами словесную мудрость. В А. м. проявляется гордость автора тем, что он продолжает эпохальный подвиг своих учителей. В стихотворении звучит восторг и решимость «нового народа» — славян-неофитов — утвердить свое право создавать культуру на родном языке вопреки запретам средневековой реакции. Впечатление полета создается запоминающейся метафорой: «И летит ныне словеньско племя». Гражданственность и гуманистический пафос роднит это поэтическое произведение с блестящей апологией славянской письменности того же времени — «Сказанием» Черноризца Храбра.

Подробная библиография изданий и исследований памятника приведена в монографии К. Куева. Здесь же опубликовано 38 списков А. м. (еще два списка К. Куев опубликовал в отдельной статье).

Изд.: Добровский И. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители: Историко-критическое исследование / Пер. с нем. М. П. Погодина. М., 1825, с. 151; Срезневский. Памятники, с. 191; Антоний, еп. [Вадковский]. Из историї христианской проповеди: Очерки и исследования. 2-е изд. СПб., 1895, с. 161; Соболевский А. И. Церковно-славянские стихотворения IX—X вв. и их значение для изучения церковно-славянского языка. — Тр. 11 Археол. съезда в Киеве. М., 1902, т. 2, с. 28—37; Куев К. М. 1) Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974; 2) Новооткрити преписи на Азбучната молитва. — Palaeobulgarica / Старобългаристика. София, 1979, кн. 4, с. 26—33.

Лит.: Ундольский В. М. Замечания для истории церковного пения в России. — ЧОИДР, 1846, № 3, отд. 1, с. 46; Шафарик П. И.

Расцвет славянской письменности в Болгарии / Пер. с чеш. О. Бодянского.— ЧОИДР, 1848, № 7, с. 50—51; Малышевский И. И. Свв. Кирилл и Мефодий: (Речь, произнесенная на акте в Киевской духовной академии 7 апреля 1885 г.). — ТКДА, 1885, т. 2, кн. 8 (август), с. 552—553; Franko I. Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur. I. Konstantins «Alphabetisches Gebet». — AfslPh, 1914, Bd 25, S. 150—179; Георгиев Е. 1) Две произведения на св. Кирила. София, 1938; 2) Кирил и Методий — основоположници на славянските литератури. София, 1956, с. 141—201; Зыков Э. Г. 1) К вопросу об авторе Азбучной молитвы. — Изв. на Ин-та за българска литература. София, 1960, кн. 9, с. 173—197; 2) Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности. — ТОДРЛ, с. 1971, т. 26, с. 177—191; 3)Русская переделка древнеболгарского стихотворения.— ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 308—316; История на българската литература. София, 1963, т. 1. Старобългарска литература, с. 115—117; Трифуновиħ Ђ. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд, 1974, с. 13—14; Речник на българската литература. София, 1977, т. 2, с. 238—239; Джамбелука-Коссова А. Възстановим ли е текстът на Азбучната молитва? — Palaeobulgarica / Старобългаристика, 1978, кн. 2, с. 52—65; Трендафилов Х. Неизвестный список Азбучной молитвы. — Старобългаристика, 1986, год. 10, № 1, с. 77—80.

Д. В. Кенанов

Акиндин (XIV в.) — монах Богородицкой лавры, автор послания великому князю Михаилу Ярославичу («Написание о поставляющих мзды ради»), обращенного против *Петра* митрополита, в котором А. пространно и очень резко выступает против симонии (взимания денег за рукоположение в церковный сан). Говорят, пишет он, что это делается «поганьскаго ради насилия» (разумеется, по-видимому, необходимость покупать ярлыки на митрополию у ханов), но «поганый бо, ли тать, ли разбойник», грабит только там, где видит богатство, «а идеже нищета Христова смирения, ту не надеется ничто же приобрести, ту и не насилит, и не томит». Возможно, основанием для обвинений митрополита Петра в симонии послужили его действия в согласии с решениями собора 1274 г. при митрополите *Кирилле II* во Владимире, в которых строго осуждалась симония, но одновременно устанавливалась плата «от поповства и от дьяконства» по семи гривен. А. сообщает, что он был «о тех вещах послан своим епископом к вселенскому патриарху Костянтина града», и призывает князя смело выступить против митрополита: «Царь еси, господине княже, в своей земли; ты истязан имаши быти на страшнем и нелицемернем судищи Христове, аще смолчиши митрополиту», — так как церковь и светская власть должны вместе радеть о сохранении законов: «Святительство бо и цесарьство съединением и бес порока законныя уставы твердо и неподвижимо должни суть держати и творити». Послание написано, видимо, незадолго до собора 1311 г. в Переяславле-Залесском, на котором митр. Петр был судим собором русских епископов на основании жалоб тверского епископа Андрея патриарху и оправдан. А. был, очевидно, монахом тверского монастыря, а упоминаемый им в послании епископ, посылавший его в Константинополь, и есть епископ Андрей. О факте направления жалоб на митрополита епископом Андреем к патриарху Афанасию I (1303—1309, повторно) мы знаем из *Жития*

митрополита Петра. Сохранилась грамота патриарха, из которой следует, что Петра обвиняли также в разрешении браков людям, состоявшим в шестой, пятой и даже четвертой степени родства, и что патриарх сочувственно выслушал эти жалобы. Так как дело было решено рассмотреть собором епископов на Руси, А. и направил свое «Написание» к князю.

Изд.: Павлов А. С. Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина — о поставлении на мзде. — ПС, 1867, ч. 2, с. 236—253; Написание Акиндина, мниха лавры светые Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мьзды ради. — РИБ, 1880, т. 6, стб. 150—158.

Г. М. Прохоров

Александр, игумен Отроча монастыря, автор Повести об убиении Михаила Тверского. см. *Житие Михаила Ярославича Тверского.*

Александрия Хронографическая — переведенный с греческого не позднее середины XIII в. роман об Александре Македонском. А. встречается лишь в составе хронографических сводов, почему и именуется «хронографической» в отличие от Александрии Сербской, известной в отдельных списках.

Прототип греческих «Александрий» византийского времени сложился на основе биографических повествований об Александре (известны названия таких не дошедших до нас произведений: «Деяния Александра», «Жизнь Александра Македонского», «История Александра Великого»). Впоследствии эта биографическая основа была дополнена легендами и преданиями о полководце и новыми сюжетными мотивами, различными фантастическими подробностями. Как полагают, к III в. н. э. роман принял относительно законченную форму (см.: Кузнецова Т. И. Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре». — В кн.: Античный роман. М., 1969). Автором А. в средневековье ошибочно считали Каллисфена, историка, сопровождавшего Александра в походе на Восток, поэтому А. иногда именуют «А. Псевдо-Каллисфена».

На славянской почве А. сохранила черты романа приключений эпохи эллинизма. Подлинная история македонского царя в романе совершенно заслонена легендарными и фантастическими коллизиями и деталями. Так, Александр объявляется здесь сыном египетского царя-чародея Нектонава, его рождение сопровождается небесными знамениями; вопреки истории он совершает походы в Италию и в Африку, к Карфагену; под видом собственного посла является один во дворец к воюющему с ним персидскому царю Дарию; в другом случае, выдав себя за своего сподвижника Антигона, посещает царицу Кандакию. Рассказывается, как Александр убивает в поединке индийского царя Пора; утверждается, что его женой стала дочь Дария Роксана (в действительности — дочь бактрийского сатрапа). Большое место в А. занимает описание

неведомых земель, которые будто бы посетил Александр во время своих походов, и обитающих там диковинных людей и фантастических животных. Во введенной в текст старшей редакции А. статье Палладия о рахманах повествуется о посещении царем чудесной земли, «блаженные» обитатели которой не знают ни домашнего скота, ни железа, ни строений, ни огня, ни одежды (ср. Хождение Зосимы к рахманам).

А. известна в древнерусской литературе в нескольких редакциях. Первая редакция входила в состав хронографического свода XIII в. и сохранилась в восходящих к нему *хронографах Архивском* и *Виленском* (где именуется «Книгы Александр»), а также в списках первой редакции Летописца Еллинского и Римского. Несколько измененный текст А. читается в составе *Хронографа Троицкого* а также в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 154 (см.: Истрин Александрия, с. 243—249). В списках второй редакции Летописца Еллинского и Римского читается вторая редакция А. (ее заглавие в рукописи: «Житие и жизнь и деяния и вся бранна Александра, царя макидонского»). В ней рассказ о посещении Александром рахманов введен в основной текст и добавлено несколько сюжетно значимых эпизодов: рассказы о взятии Эфеса, о женитьбе царя Вуза на матери Александра Олимпиаде, описание Вавилона, рассказы о полете Александра в поднебесье и о погружении его в морскую пучину; многочисленные добавления сделаны и в описании неведомых земель, которые посетил Александр. Источниками добавлений послужили *Хроника Георгия Амартола*, *«Откровение» Мефодия Патарского*, книги пророка Даниила, «Сказание Епифания Кипрского о двенадцати камнях на ризе первосвященника», *Сказание об Индийском царстве*, *Физиолог*, *Апокриф о Макарии Римском* и другие памятники. В Хронографе Русском текст второй редакции А. существенно сокращен и лишь в небольшой степени дополнен по новым источникам — по Сербской Александрии и по «Паралипомену Зонары» (см.: Хроника Иоанна Зонары). По классификации В. М. Истрина, текст А. в составе Хронографа Западнорусской редакции именуется третьей редакцией, а в составе редакции 1512 г. — четвертой. Пятой редакцией исследователь именовал новую переработку памятника (дополненную, в частности, по Хронике Мартина Бельского и по переводному трактату «Тайная Тайных»), читающуюся в Хронографе редакции 1617 г. А. вошла также в состав второго тома Летописного свода Лицевого XVI в., где текст ее иллюстрирован многочисленными миниатюрами. Сюжет о полете Александра на небо отразился в барельефах Дмитровского и Успенского соборов во Владимире. Однако неясно, послужил ли источником изображений текст романа, или же это подражание иноземным (западным?) образцам (см.: Вагнер Г. В. Скульптура древней Руси. XII в.: Владимир, Боголюбово. М., 1969, с. 110—112, 260).

А. следует отличать от «Александрии», встречающейся в белорусских списках и являющейся переводом польской версии ро-

мана (Historya żywocie y známienitych spráwách Alexandra Wielkiego, krolá mácedońskiego. .), в свою очередь восходящей к латинской версии (белорусские списки изданы в кн.: Александрыя. Мінск, 1962).

Изд.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893; Александрия. — В кн.: Изборник: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 236—279.

Лит.: Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X в. ВВ, 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 18—31; Истрин В. М. 1) Один только перевод Псевдокаллисфена, а древнеболгарская энциклопедия X в. — мнимая. — ВВ, 1903, т. 10, вып. 1—2, отд. 1, с. 1—30; 2) Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пгр., 1922, т. 2, с. 399—404; Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи. ИОРЯС, 1926, т. 31, кн. 1, с. 106, 115—117; 2) Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 9—25; Творогов О. В. 1) Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 130—141; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 85—88.

О. В. Творогов

Андрей см. *Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора.*

Андрей Юрьевич Боголюбский (1111—1174 гг.) — великий князь Владимирский (с 1169 г.), сын князя Юрия Долгорукого, автор Слова о празднике 1 августа. А. Ю. Б. стремился возродить единство Руси на новой основе, под эгидой Владимиро-Суздальского княжества. Князь развернул во Владимире и Боголюбове активную строительную и литературно-идеологическую деятельность, используя церковь в своих политических целях. Был убит боярами-заговорщиками в ночь на 29 июня 1174 г. в Боголюбовском замке (см.: *Повесть о убиении Андрея Боголюбского*). Образ А. Ю. Б. как бесстрашного «храбра» впервые появляется на страницах южнорусской летописи, затем как «царя и князя всея Руси» — в произведениях владимирской литературы 60—70-х гг. XII в.

А. Ю. Б. был инициатором создания программного цикла произведений 1164—1165 гг., который напоминал существовавшую у византийских императоров традицию государственно- и церковно-идеологического оформления своих военных побед. В цикл входили Слово Андрея Боголюбского о празднике 1 августа, *Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 г. и празднике 1 августа*, *Житие Леонтия Ростовского*. Эти памятники повлияли на *Сказание о чудесах Владимирской иконы богоматери* и *Слова на Покров*.

Из них А. Ю. Б. несомненно принадлежит Слово о празднике 1 августа (название в рукописях «Слово великаго князя Андрея Боголюбскаго о милости божией»; нач.: «Вседержителя господа бога нашего и человеколюбца милостиваго спаса и пречистыя его матере благодатию, заступающе нас от всех бед и болезней и от всех враг видимых и невидимых, и победу от нея имея на

враги. . .»). Оно возникло в связи с победой войск А. Ю. Б. в походе 1164 г. против волжских болгар, воспринятой как триумф владимирского княжества и лично ее «царя».

Первая часть Слова — Установление о празднике 1 августа, введенном А. Ю. Б. по примеру византийского императорского праздника 1 августа («Якоже в Костянтине граде уставихом святии отцы и благоверныи понтократоръ милости божии и человеколюбию устави, тако и сии праздникъ уставлѣнъ бысть худым и грешным рабом божиим и пречистыя его матере богородица Андреем князем сыном Георгиевым, внуком Манамаховым именем Владимира, царя и князя всея Русии») (об использовании А. Ю. Б. «приватно-самоуничижительных», «царских» этикетных формул см.: Воронин. Археологические заметки).

Вторая часть Слова — благодарственная молитва к спасу и богоматери по случаю введения нового церковно-государственного праздника 1 августа. Упоминавшаяся в прежней литературе Молитва А. Ю. Б. (см.: Воронин Н. Н. О времени и месте включения сочинений Владимира Мономаха в летопись. — В кн.: Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962, с. 265—271), помещенная в конце сочинений *Владимира Всеволодовича Мономаха*, как следует из наблюдений Р. Матьесена, ни Мономаху, ни А. Ю. Б. не принадлежит (см.: Матьесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1971, т. 26).

Слово существует в двух редакциях. Первая датируется 1164 г. (см.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 10, примеч. 47), известна в единичных списках *Пролога* (БАН, 33.16.11, XVI в.; ИРЛИ, ком. Перетца, № 80, 1595 г.; ГБЛ, ф. 354, Волог. собр., № 22, XVII в.), включает Установление о празднике 1 августа и благодарственную молитву. Вторая редакция, изданная И. Е. Забелиным, — компилятивная; она объединяет краткую редакцию не принадлежащего А. Ю. Б. написанного позже Сказания о победе 1164 г. и первоначальную редакцию Слова; ее созданию способствовало тематическое единство названных произведений. Она возникла не ранее XIII — нач. XIV в., встречается обычно в сборниках смешанного состава (ГИМ, собр. Забелина, № 369; ЦГАДА, собр. Мазурина, оп. 1, № 637; Яросл. гос. музей-запов., № 15686 (498) и др.).

Изд.: Забелин И. Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — Археол. изв. и заметки. М., 1895, № 2—3, с. 45—46; Hurwitz E. S. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980, p. 90—91; Филипповский Г. Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа. — В кн.: Памятники истории и культуры. Ярославль, 1983, вып. 1, с. 75—84.

Лит.: Погодин М. П. Князь Андрей Боголюбский. — ЖМНП, 1849, ч. 63, отд. 2, с. 145—185; ч. 64, отд. 2, с. 181—210; Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 224—225; Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. СПб., 1915, т. 2, с. 374—375, примеч. 3; Воронин Н. Н. 1) Археологические заметки. — Кратк. сообщ. Ин-та ист. матер. культ., 1956, вып. 62, с. 17—32; 2) Существовал ли «Летописец Андрея Боголюбского». — В кн.: Памятники истории и культуры. Ярославль,

1976, с. 28—43; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, с. 232—249; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 130—131; Филипповский Г. Ю. Жанры историко-легендарного повествования Владимирской литературы второй половины XII в.: Автореф. канд. дис. М., 1979.

Г. Ю. Филипповский

Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) (ум. 1232 г.) — архиепископ Новгородский, автор «Книги Паломник». Скудные биографические сведения о нем имеются в НIЛ: под 1211 г. упоминается, что Добрыня привез из Константинополя «гроб господень» (?) и постригся в Хутынском монастыре, после чего был поставлен архиепископом. В 1219 г. его сменил на престоле изгнанный прежде архиепископ Митрофан, а А. стал епископом в Перемышле. В 1225—1228 гг. А. вновь архиепископ новгородский, но затем заболевает, теряет дар речи и уходит в Хутынский монастырь, где и умирает 8 октября (сведения о годах жизни и священстве А. в погодных статьях и в статье 1232 г. НIЛ, где подводится итог его деятельности, расходятся).

«Книга Паломник», известная в двух редакциях, повествует о святынях и достопримечательностях византийской столицы до ее разграбления крестоносцами в 1204 г., поэтому исследователи полагают, что путешествие Добрыни в Константинополь произошло в 1200 г. Обе редакции «Книги Паломник» — авторские. В первой из них нет упоминания о латинянах; вторая, отрывочная, завершается известием о разграблении царьградских святынь латинянами. Для «книги» характерна лаконичность изложения, обилие легенд, восходящих к устным преданиям.

В рукописных сборниках «книга» нередко соседствует с Хождением *Даниила игумена*. Все сохранившиеся 9 списков — позднего происхождения (XVI—XVII вв.) и дают весьма гипотетическое представление о первоначальном тексте. Х. М. Лопарев предложил реконструкцию текста исходя из топографии Константинополя; он считал, что А. совершил два хождения — одно до захвата Константинополя крестоносцами, другое после него. Историки Византии давно оценили памятник как источник для изучения русско-византийских связей нач. XIII в., ретроспективно касающийся и более раннего периода взаимоотношений Руси и Византии (например, даров кн. Ольги, посольства волынского князя Романа и др.).

Изд.: Путешествие Новгородского архиеп. Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисл. и примеч. П. Савваитова. СПб., 1872, стб. 13—54, 55—174; Срезневский. Сведения и заметки, № 60, с. 340—352; латинский и французский переводы по изданиям Савваитова и Срезневского: Liber qui dicitur Peregrinus, seu Descriptio ss. locorum Cæsareae civitatis.— In: Exuviae sacrae Constantinopolitanae; fasciculus documentorum minorum ad byzantina lipsana in Occidentem sæculo XIII translata spectantium et historiam quarti belli sacri imperiique gallograeci illustrantium. Genevae, 1878, 2, p. 218—230 (лат. пер.); Antoine archev. de Novgorod. Le livre du pélerin. — In: Itineraires russes en Orient / Trad. pour la Société de l'Orient Latin par M-me B. de Khitrowo. Genève, 1889, 1, p. 87—111

(фр. пер.); Лопарев Х. М. 1) Новый список Описания Цареграда Антония Новгородского. — Библиограф, 1888, № 12, с. 380—392; 2) Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1893, ч. 2, с. 385—388; 3) Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева. — ППС, 1899, вып. 51, с. 1—39, 71—94; Белоброва О. А. О «Книге Паломник» Антония Новгородского. — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 225—235.

Лит.: Прозоровский Д. И. О родословии св. Антония, архиеп. Новгородского. Б. м., б. г.; Путешествие Новгородского архиеп. Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисл. и примеч. П. И. Савваитова. СПб., 1872; Майков Л. Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда. — СОРЯС, 1890, т. 51, № 4, с. 3—11; Яцимирский А. И. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград. — ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 223—264; Айналов Д. В. 1) Дар святой Ольги в ризницу святой Софии в Царьграде. — Тр. Археол. съезда в Харькове. М., 1905, т. 3, с. 1—4; 2) Примечания к тексту Книги Паломник Антония Новгородца. — ЖМНП, 1906, июнь, с. 233—276; 1908, ноябрь, с. 81—106; 3) Два примечания к тексту Антония Новгородского. — В кн.: Сб. статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912, с. 181—186; Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, с. 84—85; 88 и др.; Адрианова-Перетц В. П. Путешествия. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1. Литература XI—нач. XIII в., гл. VIII, с. 373—374; Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1970, № 363, с. 64—95; Белоброва О. А. «Книга Паломник» Антония Новгородского: (К изучению текста). — ТОДРЛ, 1974, т. 29, с. 178—185.

О. А. Белоброва

Апокриф о Енохе — переводной апокрифический памятник. Сюжет А. основан на книге Бытия (V, 21—24), где упоминается, что праотец Енох угодил богу, «и не обреташеся, зане преложи его бог». В Новом завете, в Послании к евреям апостола Павла (XI, 5), говорится, что за праведность Енох «преложен бысть не видети смерти». Эти неясные суждения, видимо, и явились основанием для создания апокрифических легенд о взятии Еноха живым на небо.

В разных литературах известно три разновидности А. о Енохе: Енох-I, текст которого сохранился в древнем эфиопском переводе (см. о нем в кн.: Смирнов А. Книга Еноха: Историко-критическое исследование / Рус. пер. и объяснение апокрифической книги Еноха. Казань, 1888). Енох-2 — славянский А. и Енох-3 — поздняя еврейская обработка того же сюжета. В славянском А. повествуется, как Енох был взят живым на небо, удостоился увидеть небесные сферы и предстать перед самим престолом господа. Возвращенный на землю, он описывает все увиденное им в 366 книгах, наставляет своих домочадцев, а затем и собравшихся послушать его людей, после чего был вновь вознесен на небо. Вторая часть А. повествует о сыне Еноха Мефусаламе, ставшем после вознесения Еноха жрецом, и о преемнике Мефусалама Нире.

Славянский А. сохранился в двух редакциях — Краткой и Пространной. Обе они изданы М. А. Соколовым и А. Вайяном, список Пространной — также Ст. Новаковичем, А. Н. Поповым и Й. Ивановым.

По мнению А. Вайяна, к которому присоединяется и Н. А. Мещерский, первична именно Краткая славянская редакция, а Пространная — ее распространение на основе других апокрифических материалов. При этом Н. А. Мещерский полагает, что Краткая редакция была переведена на Руси в XI—XII вв., а ее оригиналом был древнееврейский текст. Текст Краткой редакции отразился в списках сборника законоположений «Мерила праведного» начиная с XIV в.; фрагменты из книги Еноха вошли в состав статей, предшествующих тексту Русского хронографа 3-й редакции.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 15—16; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 19—23; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 162—169; Попов. Библиографические материалы, № 4 (перепечатано в кн.: Франко. Апокрифы, т. 1, с. 39—64); Novaković St. Apokrif o Enohu. — Starine. Zagreb, 1884, t. 16, s. 67—81; Соколов М. И. Славянская книга Еноха Праведного: Тексты, лат. пер. и исслед. М., 1910; Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925, с. 165—191; Le livre des secrets d'Hénoch / Texte salve et traduction française par André Vaillant. Paris, 1952.

Лит.: Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 198—231; Соколов М. Феникс в апокрифах об Энохе и Варухе. — В кн.: Новый сб. статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 395—405; Мещерский Н. А. 1) Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе: (К изучению славянских версий книги Еноха). — ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 130—147; 2) К истории текста славянской книги Еноха: (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе). — ВВ, 1964, т. 24, с. 91—108; 3) К вопросу об источниках славянской книги Еноха. — Кратк. сообщ. Ин-та народов Азии и Африки. М., 1965, т. 86. История и филология ближнего Востока: Семитология, с. 72—78.

О. В. Творогов

Апокриф о Макарии Римском — древнерусский памятник, восходящий к греческому оригиналу; упоминался в индексах запрещенных книг начиная с XIV в. А. повествует о странствиях трех иноков в поисках места, где небо «прилежит к земле». Они попадают в неведомые земли, населенные диковинными людьми и зверями, видят там различные чудеса, столп, возведенный Александром Македонским, прикованных к горам гигантских мужчину и женщину, терзаемых вечными муками, и другие чудеса. В конце концов они попадают в пещеру, где обитает святой старец Макарий, которому служат два льва. Макарий поведал им историю своей жизни и убедил оставить попытки найти райскую землю.

По мнению исследователей, еще на греческой почве произошло объединение двух сюжетов — жития Макария и рассказа о путешествии иноков в поисках земного рая. А. Н. Веселовский считал, что «хожение» их основано на христианизированном пересказе послания Александра к Олимпиаде из *Александрии Хронографической*, где также описываются фантастические земли на краю Вселенной.

Как полагает А. И. Никифоров, славянские (а также латинские) версии А. восходят к различным греческим редакциям —

двум полным, сокращенной и проложной. Древнейшим славянским переводом исследователь считает болгарский, известный ему в нескольких списках: сербском XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 195) и русских (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081 XIV в. (так называемый Паисиевский сборник); ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234, XVII в.; ГПБ, 0.1.64, XVII в.; ГПБ, Солов. собр., № 639/805, XVI в.). Второй перевод сделан не ранее XVII в. и известен по списку XVIII в. (ГПБ, Q.XVII. № 213). Третий и четвертый переводы представлены южнославянскими списками, изданными П. А. Лавровым. С греческой минейной редакции сделан перевод, известный по молдавскому списку (ГБЛ, собр. ОИДР, № 336), и еще один перевод, сохранившийся в русских списках (издан А. И. Никифоровым). Многочисленные русские списки, восходящие к краткой греческой проложной редакции, встречаются в русских списках *Пролога* начиная с XIII в. Сведения о списках А. содержатся в «Отчете. . .» В. Н. Перетца (с. 93—95) и статье А. И. Никифорова.

В рукописях памятник имеет заглавия: «Слово о трех мнисех, како находили святаго преподобнаго отца нашего Макария, иже есть близ рая обретен за 20 поприщ», «Житие святаго отца нашего Макария, живщаго близи рая. . .» и др. (нач.: «Умилимся убо и мы убозии и недостоянии иноци Сергей, Феофил, Угин. . .» с вариантами). Первая минейная редакция озаглавлена: «Память преподобного отца нашего Макария римлянина» (нач.: «Трие некотории освящении старцы Сергие и Ригнинь и Феофиль. . .»). Вторая минейная редакция озаглавлена «О великом Макарии Римском» (или «О отци Макарии») (нач.: «Поведаша как неции три старци от обители суще святого Асклипия»). Проложные памяти начинаются словами: «Святый (преподобный) отец наш Макарий великий бяше римлянин. . .».

В минейной и проложной редакциях повествуется только о житии Макария; о путешествии иноков в минейной редакции есть лишь краткое упоминание, в проложной о иноках вообще нет речи.

Сюжет поисков земного рая помимо этого апокрифа разрабатывался и в других памятниках — в Хожение Зосимы к рахманам, в *Хождении Агапия в рай*, в Послании архиепископа новгородского *Василия* (*Калики*) ко владыке тверскому Федору о рае, где имеется ссылка на текст нашего А. (см.: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6. Прибавления, с. 87) и др. А. (или его источник) оказал влияние на вторую редакцию *Александрии Хронографической* и Сербскую Александрию.

Изд.: Сказания о рае. — ПЛ, вып. 3, с. 135—142; О Макарии Римском.— Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 59—77; Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 396—404; Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906, с. 122—133; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, 1899, т. 67, с. 82—106; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев

30 мая — 10 июня 1915 г. Киев, 1916, с. 90—124; Никифоров А. И. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности. — Изв. Об-ва истории, археол. и этногр. при Казан. унив., 1923, т. 32, вып. 2, с. 129—186.

Лит.: Петров Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую. — ТКДА, 1872, № 4, с. 43—51; Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности. Тула, 1879, с. 228—234; Веселовский А. Н. 1) К вопросу об источниках Сербской Александрии. — ЖМНП, 1884, июнь, с. 182—197; 2) Из истории романа и повести: Матер. и исслед. Вып. 1. Греко-византийский период. — СОРЯС, 1886, т. 11, № 2, с. 305—329; Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 193—201; Соч. Н. С. Тихонравова, М., 1898, т. 1. Древняя русская литература, с. 200; Дополнения, с. 122—125; Ржига В. Ф. Новая версия легенды о земном рае. Byzantinoslavica, 1930, roč. II, s. 374—385.

М. А. Салмина

Апокрифические сказания о успении богородицы — переведенные с греческого ложнонадписанные «слова», получившие распространение в древнерусской книжности не позднее XII в.

1. Слово на успение богородицы создано, как полагают, не ранее V в. Надписанное именем апостола Иоанна Богослова, оно известно в греческой, латинской и других, восходящих к ним версиях. Греческий текст слова издан в кн.: Tischendorf C. Apocalypses apocryphae. Mosis, Esdrae, Pauli, Ioannis item Mariae Dormitio. Lipsiae, 1866, p. 95—112 (о соотношении греческой и латинской версий см.: Смирнов И. Апокрифические сказания о божией матери. — ПО, 1873, апрель, с. 569—614).

В древнерусском переводе памятник называется «Слово на успение пречистей владычице нашей богородици» или «Слово святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова на успение богородицы» (*нач.*: «Святей преславней (владычици) богородици и присноде вы Марии по обычаю на святый гроб. . .»). В слове повествуется о том, как богородица, постоянно приходившая к месту погребения Христа, оставалась невидимой для «стражей». По ее молитве накануне ее преставления к ней собираются, прилетев на облаках, апостолы. Когда иудеи побуждают «игемона» захватить богородицу и апостолов, те становятся невидимыми, а затем, также на облаках, переносятся из Вифлеема в Иерусалим. Иудеев, попытавшихся поджечь дом богородицы, уничтожает «сила огненная». Богородица благословляет апостолов и умирает. Смерть ее сопровождается чудесами.

Древнейший текст этого слова был обнаружен И. И. Срезневским в составе так называемого Торжественника в рукописи XII в. (ГПБ, F.п.I.46): это отрывок от слов «ство ри... еси величие сильный» и до слов «сим же бывающим наипаче движаше» (л. 197—197 об.). Слово читается в сборниках XIV в.: ГИМ, Чуд. собр., № 20; ГИМ, собр. Уварова, № 1770/589, а также в более поздних (ГПБ, Соф. собр., № 591; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 747 и 776 и др.). По наблюдениям Т. В. Черторицкой (Черторицкая Т. В. О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. — В кн.: Сибирская историография и источниковедение.

Новосибирск, 1979, с. 19), памятник входит в состав Торжественников. Он отмечен ей, в частности, в списках Института истории филологии и философии Сиб. отд. АН СССР, № 53/71; ГПБ, Солов. собр., № 1050/1159 и 1448/83; ГПБ, F.I.850; F.I.870; F.I.895 и F.I.900; ГПБ, собр. ОЛДП, F.215 и F.451; ГПБ, собр. Погодина, №№ 850 и 949; ГБЛ, собр. Румянцева, №№ 434 и 435; ГИМ, собр. Уварова, №№ 317/43; 329/384; 337/63. Слово входит в состав ВМЧ под 15 августа.

2. Другое апокрифическое сочинение — Слово Иоанна Солунского о преставлении богородицы (в древнерусской письменной традиции памятник именуется: «Иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Селунского правоверна и свята мужа слово о успении. богородицы»; нач.: «Егда прииде время изыти от телесе пречистей богородици. .») является осуществленной еще в Византии переработкой рассмотренного выше слова Иоанна Богослова, однако рассказ дополнен новыми деталями: ангел, сообщивший богородице о скором ее преставлении, приносит ей пальмовую ветвь из рая; когда богородица идет молиться на гору Елеонскую, деревья склоняются перед ней. Добавлен рассказ о том, как в час кончины за душу человека борются два ангела — праведный и неправедный (ср. с легендами о «мытарствах»). Богородица показывает апостолам свои погребальные «ризы». Апостол Петр рассказывает притчу о двух рабах. Преставление богородицы сопровождается различными чудесами и знамениями.

Это слово встречается в сборниках XIV—XV вв. (ГИМ, Чуд. собр., № 20; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 13; ГПБ, Соф. собр., № 1261). Изданный А. Н. Поповым текст по Троицкому списку имеет ряд индивидуальных пропусков и ошибок.

По наблюдениям Т. В. Черторицкой (Черторицкая. О составе, с. 19), слово читается в минейных Торжественниках: ГПБ, F.I.870 и F.I.895; ГПБ, собр. ОЛДП, F.186 и F.451; ГПБ, Солов. собр. № 1050/1159; ГБЛ, собр. Румянцева, № 436; ГИМ, собр. Уварова, №№ 337/63 и 331/926. Оно входит в состав ВМЧ под 15 августа.

Изд.: Срезневский. Сведения и заметки, № 38; Попов. Библиографические материалы, № 2 и 3; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 74—94, 270—279, 281—295.

Лит.: Сахаров В. Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространенные в Древней Руси. — Христ. чт., 1888, март—апрель, с. 305—331.

О. В. Творогов

Апокрифы и сказания о Даниилe — цикл переводных апокрифических сочинений. В их основе лежит библейская книга пророка Даниила и толкования на нее Ипполита. И. Евсеев (см. его работы: 1) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе: Введение и тексты. М., 1905; 2) Толкования на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменности. Тр. Славян. ком. имп. Моск. Археолог. об-ва, М., 1901,

т. 3, с. 38—44) различает три перевода книги Даниила: старший, в составе паремийников (фрагменты из глав II, III, VII и X), второй, сохранившийся в составе *хронографов Архивского и Виленского* и третий, дошедший до нас в составе комплекса книг Толковых пророков (старшие списки XV в. — ГИМ, Чуд. собр., № 182; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/136; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 90, *и* др. — представляют собой копии с рукописи *Упыря Лихого*, датируемой XI в.). Тот же перевод представлен и в отдельном тексте Книги Даниила с толкованиями Ипполита (древнейший список XII в. — ГИМ, Чуд. собр., № 12); он известен как в отдельных списках, так и в составе хронографических компиляций — *Хронографа Троицкого*, Летописца Еллинского и Римского второй редакции, Полной Хронографической палеи и в сокращенном изложении — в Русском хронографе редакции 1512 г., а также в некоторых из восходящих к ней редакций Хронографа.

Помимо четьего и толкового текстов книги Даниила, в древнерусской книжности были известны апокрифические памятники о Данииле.

1. «Видения Даниила». Это обобщенное название дано В. М. *Истриным* группе памятников эсхатологического характера, в которых на первое место выступали «политические элементы» (В. М. Истрин), т. е. пророчества о судьбе Византии. Апокрифические повествования этого типа возникли еще на византийской почве не позднее VII в. Памятник — *Δανιὴλ ψευδεπίγραφα*, вносившийся в византийские индексы запрещенных книг, возможно, имеет к ним непосредственное отношение. Известны переводные славянские тексты «Видения Даниила». В списках «Видения», опубликованных П. Сречковским и В. М. Истриным (в кн.: Истрин. Откровение Мефодия Патарского) текст, соотносимый с книгой Даниила, слит с фрагментами из *«Откровения» Мефодия Патарского*. В памятнике повествуется о бедствиях, претерпеваемых «царством греческим», о подвигах двух царей-победителей и о последующем затем нашествии «нечистых народов» и явлении антихриста.

Особую разновидность представляет так называемое «Последнее видение Даниила» — византийский апокрифический текст, трижды переведенный на славянские языки (см. публикацию В. Макушева и М. Н. Сперанского по материалам А. Н. Попова). Перевод другого византийского памятника — «Видение и откровение Даниила пророка» (сочинение Паисия Лигарида) — содержится в Хрисмологионе Николая Спафария.

2. Статья, приписываемая Епифанию Кипрскому (греческий текст см.: PG, t. 43, col. 404—424), нач.: «Сей убо Даниил бе от колена Июдина (Иудова) от предержащих царскую власть.
Она помещается обычно вслед за каноническим текстом книги Даниила (см., например: Геннадиевская *библия* 1499 г. — ГИМ, Синод. собр., № 1, 2 и 3; ГБЛ, собр. Румянцева, № 31). Эта статья входит также в состав Полной Хронографической палеи

и Летописца Еллинского и Римского второй редакции; в последнем памятнике она предшествует тексту книги Даниила с толкованиями Ипполита (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 243, фрагм. 83 и с. 284, фрагм. 2).

3. Слово, приписываемое Кириллу Александрийскому: «Кирилла, архиепископа александрийскаго, слово на скончание святых трех отрок и Даниила пророка» (нач.: «Вина времени настоит, возлюблении, мучении благих принося память. . .»).

4. «Мучение (страсть) святых трех отрок Анания, Азария, Мисаила и пророка Даниила» (нач.: «Хощу ныне поведати благую повесть. . .». Памятник входит в состав *Златоструя* XII в. — ГПБ, F. п. I, № 46).

5. «Мучение и похвала святых трех отрок» («Сказание о святых трех отроках») (нач.: «Похвалим благого бога, прославльшаго святыя своя отрокы. . .»).

6. «Страсть святых три отрок Ананья, Азарья и Мисаила» (нач.: «Святии трие отроци бяху от града Иерусалима. . .»).

7. «Слово о Данииле пророце, како Вила бога вавилонского сокруши» (нач.: «Сий Даниил великий в пророцех, любим бяше царем. . .»). Старший список читается в составе *Пролога* XII—XIII вв. (ГПБ, Соф. собр., № 1324, л. 256—256 об.).

8. Даниила пророка суд о Сусанне (или: Слово о Сусанне) (нач.: «Бысть муж в Вавилоне, именем Иоаким. . .»). Старший список в составе Мерила Праведного XIV в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 15, л. 38 об.—41).

9. Слово Ефрема Сирина «О пророке Даниле и о святых трех отроцех и глаголющих, яко время зло есть спастися» (нач.: «Се да рассмотрим еже о пророце Даниле и о трех святых отроцех») — читается в Торжественниках.

Отметим также проложную память о Данииле (нач.: «Тъи святый Даниил пророк с тремя отроки пленен бысть. . .»).

Названные памятники входят в том или ином составе в Пролог и ВМЧ под 17 декабря.

А. И. Яцимирский (Библиографический обзор, с. 264—265) упоминает также Повесть о пророке Данииле и трех отроках, известную в южнославянских списках и восходящую, по его предположению к латинскому или польскому оригиналу Жития пророка Даниила и трех отроков (нач.: «Даниил пророк от царского племени Иудова от колена . . .»).

Сюжет о Данииле привлекал средневековых книжников своей мнимой историчностью (Даниил толкует сны и видения великим царям Востока Навуходоносору и Валтасару) и сюжетными коллизиями: Даниил остается невредим во рву с голодными львами, божественное заступничество позволяет Даниилу и трем отрокам остаться живыми в горящей печи, где они, стоя среди пламени, воспевают славу богу, мудрость Даниила спасает от казни оклеветанную сластолюбивыми старцами Сусанну.

Сюжет книги Даниила нашел отражение во второй редакции *Александрии хронографической*, в многочисленных мелких статьях,

помещаемых в сборниках; в XVII в. Симеон Полоцкий пишет драму «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех в пещи не сожженных».

Изд.: Срезневский И. Сказание об антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений св. Ипполита: Разбор книги о них К. И. Невоструева. Описания рукописей и выписки из них. СПб., 1874; Попов. Библиографические материалы, № 4, с. 58—64, 92—98; Срећковић П. Зборник попа Драгола. — Споменик. У Београду, 1890, т. 5, с. 10—14; Истрин В. М. 1) Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 178—186, Приложения, с. 347—356; 2) Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исслед. и тексты. М., 1897, с. 253—329, тексты, с. 135—162; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 307—311, 315—320; ВМЧ, декабрь, дни 6—17. М., 1904, стб. 1085—1186; Русский хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, 1911, т. 22, ч. 1, с. 167—177, 179—181.

Лит.: Макушев В. О некоторых рукописях Народной библиотеки в Белграде. — РФВ, 1882, кн. 1, с. 23—26; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 250—271.

О. В. Творогов

Апокрифы о Аврааме — переводные сказания об Аврааме, канонический рассказ о котором содержится в гл. 12 и 15 книги Бытия.

В апокрифе «Откровение Авраама» рассказывается, как Авраам, усомнившись в вере своего отца язычника Фарры, уничтожает идолов, изготовлением которых тот занимался. Авраам уверовал в единого бога, и бог даровал ему видение: ангел возносит Авраама на небо, где тот видит престол бога, ангелов, управляющих звездами и стихиями, рай, Адама и Еву и т. д.

Старший из дошедших до нас древнерусских списков «Откровения» находится в Сильвестровском сборнике XIV в. (ЦГАДА, фонд библ. Моск. Синод. типогр., № 53), где он озаглавлен: «Книги откровления Аврааме, сына Ферина, сына Наоре, сына Серухова, сына Арфаксадова, сына Симова, сына Ноева. . . сына Аредова» (так же в ГИМ, собр. Уварова, № 1304/85; нач.: «В день настерзающю ми ⟨богы⟩ отца Ферана. . .». Полный текст апокрифа читается также в списке Хронографа Тихонравовского (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704, XVI в.). Апокриф входит в состав Палеи, но И. Я. Порфирьев отметил, что название апокрифа «Книги откров(л)ения. . .» свидетельствует о том, что он существовал ранее как отдельное произведение (Порфирьев. Апокрифические сказания, с. 247—256), и поэтому рассказ об Аврааме в Палеях излагается одновременно от 1-го и 3-го лица.

«Откровения Авраама» вошли в состав Палейного текста в следующем виде. В *Палее Толковой* (см.: Толковая палея по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892, стб. 247, 14—251, 5) читается фрагмент («Си же помыслив Аврам, приде ко отцю глаголя и крестишася во имя его»), на который оказало влияние «Откровение» (см.: Истрин. Замечания о составе, с. 15—26). Полный текст «Откровения» находится в Особом виде Толковой палеи (списки ГБЛ, Волок. собр., № 549, ГПБ, Солов. собр.,

№ 711/653, собр. Вяземского, Q.190). Однако здесь он разрезан двумя вставками. Одна из них является названным выше фрагментом из Толковой палеи, причем текст «Откровения» вошел в состав этого фрагмента в переработанном виде. Вторая вставка читается после слов: «обращающимся ко мне обращением» (нач.: «Да разумееши ли ты, окаянныи жидовине обращающихся к нему от лести идольския»). В списках Палеи Полной Хронографической (ГИМ, Синод. собр., № 210. л. 70—72) помещен текст из начальной части «Откровения», а следом идет текст из Толковой палеи, рассмотренный выше, но к нему добавлен еще один фрагмент из «Откровения»: («Глас крепок бысть с небеси. . . вся елико в дому обрете до земле лакот 40»). В списках же ГИМ (Синод. собр., № 211) и ГПБ (собр. Погодина, № 1435) читается полный текст «Откровения». При этом в нем присутствуют обе отмеченные вставки. Встречающийся в «речи философа» (в статье 988 г. *Повести временных лет*) и в хронографических сводах сюжетный мотив о том, как Авраам поджег мастерскую своего отца и как погиб, спасая идолов, брат Авраама, Аран, восходит, следовательно, не к самому «Откровению», а к иному апокрифическому преданию, которое объединилось с «Откровением» в составе Толковой палеи.

В. М. Истрин, исследовавший «Откровение» для выяснения вопроса о происхождении и составе Толковой палеи, полагал, что «соединение особого апокрифа об Аврааме, выдержек из „Откровения“ и обличений „жидовина“ должно быть приписано одному лицу» (И с т р и н. Замечания о составе, с. 23). Новейшее издание и исследование славянского текста «Откровения Авраама» принадлежит Б. Филоненко-Сайяр и М. Филоненко, где апокриф рассмотрен внутри всей библейской и апокрифической традиции и сделана попытка определить памятник в самых разных аспектах, начиная с характеристики языка дошедших списков, перечня изданий и переводов, и кончая проблемой литературного жанра «Откровения» и его «религиозных идей».

На русской почве известно еще одно апокрифическое сочинение об Аврааме — «Смерть Авраама», в котором рассказано, как архангел Михаил показал вознесенному на небо Аврааму мучения грешников (подобно тому, как в апокрифе *Хождение богородицы по мукам* он показал их богоматери и повелел самому Аврааму судить их). В русском индексе отреченных книг об этом апокрифе говорится: «Исак сон виде — столп посреди двора, архангел Михаил возносил Авраама на небо и дал ему видети, что деют и судил им». В рукописях текст имеет название: «О явлении иже явльшуся отцу нашему Аврааму Михаилом архистратигом о завете его и о смерти», или: «Слово святаго Авраама праведного о смерти его. . .» (нач.: «Вънегда скончяшася дние Аврааму преставитися, и глаголя господь. . .»). Из русских списков А. И. Яцимирским указаны: список первой полов. XVI в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 730), изданный Н. С. Тихонравовым (Памятники, т. 1, с. 79—90), список того же собр., № 794, списки XVII в.: ГПБ, собр. Погодина, № 1938; ГБЛ, собр. Пискарева, № 130/565 и др.

Еще один апокрифический сюжет — «Сказание об Аврааме». Заглавие в рукописях: «Слово о праведнаго Авраама», «Слово об Аврааме праведном»; нач.: «Аврам родися в третие тысяща в триста и девятьдесят лет. .», или: «Аврам родися в 3000 и 155 лето по Адаме». Известны следующие русские списки Сказания — БАН (13.2.25), ГПБ (0.1.788), ГБЛ (собр. Тр.-Серг. лавры, № 794). Все названные апокрифические сочинения о Аврааме были распространены в южнославянских литературах (см. указание на списки в кн.: Стара българска литература. София, 1981, т. 1. Апокрифи, с. 356—362).

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 24—26; Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1863, с. 247—256; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 32—90; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 55—58, 111—130, 135—138, 225—227, 250—256; Откровение Авраама. СПб., 1896 (изд. ОЛДП, № 99; 2) Апокрифические сказания.— СОРЯС, т. 58, № 4. СПб., 1894, с. 1—14; Polivka I. Die apokryphische Erzählung von Tode Abrahams. — AfslPh, 1896, Bd 18, S. 112—125; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 86—89; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, т. 68, № 4, СПб., 1901; Яворский Ю. Два замечательных карпато-русских сборника XVIII в., принадлежащих Университету св. Владимира. — Киев. унив. изв., 1910, № 2, с. 67—68; L'Apocalypse d'Abraham / Introd., texte slave, trad. et notes par B. Philonenko-Sayar et M. Philonenko, Paris. 1981 (Semitica, t. 31).

Лит.: Лавровский Н. Обозрение ветхозаветных апокрифов. — Духовн. вестн., Харьков, 1864, т. 9, сентябрь—декабрь, с. 312—339. Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 247—257; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, 1897, т. 2, с. 189—200; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 89—100.

М. В. Рождественская

Апокрифы о Андрее Первозванном. Согласно четвероевангелию, Андрей был галилеянином и братом апостола Петра (Матфей, IV, 18—20). По евангелию от Иоанна (I, 35, 40—42), Андрей — один из учеников Иоанна Крестителя, еще раньше Петра призванный на Иордане Христом (отсюда «Первозванный»). Наряду с этими каноническими известиями Андрей — персонаж многих апокрифов; первым о них упоминает историк церкви Евсевий Кесарийский (около 263—339 гг.) со ссылкой на Оригена (185—254 гг.). Известны коптские и эфиопские «Деяния Андрея и Варфоломея», которые не имеют прямых связей с сирийскими, греческими, грузинскими, латинскими памятниками. Впрочем, общей чертой для всех отреченных произведений об Андрее надлежит считать то, что он изображается «апостолом севера» и скифов, просветителем южных, восточных и северных берегов Черного моря. Местопребыванием Андрей избирает Синоп, откуда и отправляется в свои миссии; самый северный их предел — Херсонес Таврический. Исходный пункт последнего его путешествия — также Синоп. Просветив по дороге Византию, апостол прибывает в Патры Ахайские, где заканчивает земное служение мученической смертью на «андреевском» (косом) кресте.

Ко времени создания Кириллом и Мефодием славянской азбуки и письменности в Греции обращалось множество апокрифических текстов, героем которых был Андрей. Для южно- и восточнославянской литературы из них имеют значение прежде всего «Деяния апостолов Андрея и Матфея и городе антропофагов» и «Деяния апостолов Андрея и Петра в стране варваров». Содержание первого из них (славянский перевод лишь в частностях отличается от греческого оригинала) таково. Иисус разделил апостольские уделы по жребию, и Матфею выпало идти в страну человекоядцев. «Вынув» пришельцу глаза, они заточили его в темницу и обрекли на заклание через несколько дней. Матфея исцелил явившийся ему Христос, Андрею же повелено было идти в город человекоядцев. На море Андрей нашел корабль с неузнанным кормщиком Христом, тот по дороге совершил разные чудеса (ангел доставил путникам хлеб с неба, буря утихла и пр.). Когда апостол помолился у ворот темницы, стражи испустили дух, когда сотворил крестное знамение, двери узилища отворились. Освободив Матфея, Андрей исцелил и выпустил на волю готовившихся к смерти узников, затем обратил к богу и крестил антропофагов.

Существует ряд публикаций славянского «Деяния Андрея и Матфея» (Ст. Новакович, М. Н. Сперанский, П. А. Лавров, К. Истомин использовали 8 списков XIV—XVII вв.; последний указал также списки БАН 32.6.3, ГПБ Q.I.801 и F.XVII.38, все XVII в.). Древнейшие списки — сербской и болгарской редензии, русские не старше XVI в.

«Деяние Андрея и Петра в стране варваров» (*Слово святых апостол: Петра и Андрея, Матфея и Руфа, и Александра*) начинается с того, как Андрей со спутниками покинул город человекоядцев, как апостолы были подняты чудесной силой на гору, где явившийся им Христос повелел идти на проповедь в город варваров. На поле у этого города апостолы сотворили чудо: услав за хлебом пахаря, сами принялись за его работу. Андрей пахал, а Петр сеял. До возвращения пахаря нива «прозябе», заколосилась и вызрела, отчего пахарь и уверовал в них. Но варвары не хотели пустить апостолов в город и, чтобы отпугнуть их, поставили в воротах нагую блудницу. По молитве Андрея ангел поднял ее за волосы «на аер», и путь был свободен. Увидя чудо, блудница, а вслед за нею и другие горожане обратились в истинную веру, К ней хотел примкнуть и богач Онисифор, но требование оставить богатства и близких взбесили его, и он стал избивать Андрея и Петра. Услышав, что легче верблюду пройти сквозь угольное ушко, нежели богатому в царство небесное, Онисифор стал глумиться над Петром и требовать доказательств. По молитве Петра на глазах варваров верблюд прошел в угольное ушко, и Онисифор окончательно уверовал.

Таков сюжет греческого апокрифа. Славянские списки в полном виде его не воспроизводят. В протографе двух из них (изданного К. Истоминым по Златострую XII в. и неизданного списка ГПБ, Соф. собр., № 1261, л. 25—25 об., XIV—XV в.), видимо,

была механическая порча (нет начала, а эпизод с Онисифором недосказан). Список XVII в. (опубликован Н. С. Тихонравовым) имеет заглавие, но оканчивается чудом с блудницей и проповедью в городе варваров.

Высказывалось мнение, что оба греческих «Деяния» первоначально составляли один памятник. О былой связи можно судить по началу второго «Деяния» (ср. славянский перевод: «Яко изыдоша апостоли Христови из града человекоядьска. .»). Однако в греческой рукописной традиции памятники существуют только порознь; врозь они могли появиться и у славян. Впрочем, вопрос о времени, месте и взаимоотношениях славянских переводов остается открытым.

То и другое «Деяние» принадлежат к жанру, который в ранних индексах отреченных книг (*Изборник 1073 г.*, Тактикон Никона Черногорца) именуется «обходами апостольскими», притом в славянской традиции встречается пояснительная глосса: «Что приходили ко граду и обретоша человека, орюща волы, и просиша хлеба. Он же иде во град хлеба ради. Апостоли же без него взораше ниву и насеяша. И прииде с хлебы и обреге пшеницу зрелу». Следовательно, имелся в виду один лишь памятник, «Деяние в стране варваров». Это нуждается в истолковании, ибо славянское «обходи», как и греческое Περίοδοι подразумевают, конечно, группу произведений.

Обращалось внимание на то, что мотив апостольской помощи и награды за нее (пахарь принес в город варваров сноп от чудесного урожая и рассказал обо всем жителям) встречается в ряде народных легенд о хождении по земле Христа вместе с апостолами и святыми. Указывалось на сходство «Деяния в стране варваров» и былины о Микуле Селяниновиче.

В славяно-русской письменности известны и другие апокрифы, в частности «От учения святаго апостола Андрея» (М. Н. Сперанским по материалам А. Н. Попова опубликован сербский список XV в.). Это, как очевидно, перевод из «Πράξεις Ἀπ. Ἀνδρέου» (эпизод раздела 10 первого из четырех путешествий Андрея). А. относится к тому жанру, который славянские индексы называют «учениями апостольскими». В греческом оригинале описана проповедь в городе Амисинов, в синагоге. Славянский перевод места проповеди не называет, вместо синагоги находим «снем». Андрей заявляет, что он — первый ученик Иоанна Предтечи, затем как очевидец описывает крещение Иисуса. Андрей учит об ангельских чинах, о ниспадении десятого чина и его начальника, ставшего князем тьмы, о сотворении человека «в него место», говорит о Каине и его прегрешениях до убийства Авеля, о потопе и других моментах священной истории, вплоть до воскресения Христова. Памятник (в нем много совпадений с Исторической и Толковой палеей) отразился в опубликованной И. Я. Порфирьевым «Повести Андрея с Епифанием о вопросех и ответех». Есть среди «андреевских» текстов и псевдоэпиграфы, произведения, приписанные апостолу и не носящие апокрифического характера. Таково

«Слово апостола Андрея», опубликованное М. Н. Сперанским по списку XIV—XV в. «югославянского письма»; оно «кажется даже не греческим; может быть, оно создалось на славянской почве» (ЧОИДР, 1889, кн. 3, отд. I, с. 54). В этом коротком «Слове» даны наставления с позиций справедливости и христианской любви.

Подборка текстов, касающихся Андрея Первозванного, помещена в ВМЧ под 30 ноября (день его памяти): «Страсть апостола Андрея»; «Слово о проявлении крещения Рускыя земля святаго апостола Андреа, како приходил в Русь»; «Мучение апостола Андреа Пръвозваннаго»; «Святую апостолу Андреа и Матфеа деание и конецъ святаго Андрея» (это Житие Андрея, принадлежащее перу Епифания Кипрского); «Прокла архиепископа Костянтинаграда слово похвално святому апостолу Андрею»; «Святаго апостола Андреа Пръвозваннаго» (это отрывок из «Сказания» Симеона Метафраста об Андрее; по списку конца XVII в. «Сказание» опубликовано К. Истоминым). Подборка ВМЧ еще ждет своего исследователя, включая легенду о путешествии апостола по Руси.

Этот древнерусский апокриф лишь формально может быть отнесен к жанру «обходов» (или «хождений») апостольских. В поздних греческих «Πράξεις 'Απ. 'Ανδρέου» описаны, явно по аналогии с путешествиями ап. Павла, четыре путешествия Андрея. Третье из них охватывает север — Грузию, Кавказ, Пантикапею, Феодосию, Херсонес Таврический. Потом Андрей морем возвращается в Синоп, движется дальше — к Византии, которую крестит, и оканчивает жизнь на косом кресте в Патрах Ахайских. Таким образом, русская легенда — вставка между третьим и четвертым путешествиями (начинается легенда с Херсонеса, а кончается Синопом). Однако в летописном апокрифе у героя нет миссионерских целей. «По приключаю» (цитируем Лаврентьевскую летопись), т. е. случайно, без наперед обдуманного намерения, он пристал на ночь к берегу под киевскими горами, «идеже послеже бысть Киев». Утром Андрей предсказал «сущим с ним» ученикам, что на горах воссияет благодать, воздвигнется великий город со множеством церквей. «И вышед на горы сия, благослови я́, и постави крест. Следующая остановка — в земле «словен, идеже ныне Новъгород». Единственное, чему здесь «удивися» путешественник, — «како ся мыють и хвощются». Потом, преодолев долгий путь, Андрей дал в Риме отчет лишь о новгородских банях (ни слова о киевском кресте!): «И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье». И затем Андрей воротился в Синоп.

Кружный путь апостола не должен вызывать удивления: именно через Русь возвращались в Рим из Константинополя папские легаты после разрыва переговоров с византийской церковью (может быть, плавание Средиземным морем было опасным). Не подходит и распространенная интерпретация легенды как насмешки жителя Киева (где парных бань не знали) над обычаями новгород-

цев: если в Риме Андрей не обмолвился о киевском кресте, то, видимо, это более поздний компонент апокрифа. Создается впечатление, что целью этого путешествия была именно «земля словен», именно странный для южанина северный обычай.

С летописным апокрифом уже сопоставлялся анекдот, рассказанный в XVI в. иезуитом Дионисием Фабрициусом в его «Истории Ливонии». Речь идет о случае, будто бы имевшем место в XIII в. Братия католического монастыря в Фалькенау (Ливония) потребовала у папы увеличения содержания, ссылаясь на аскетическую жизнь, на «изнурение плоти». И действительно, папский посол, присланный из Рима, стал свидетелем того, как ливонские монахи в страшной жаре хлещут себя прутьями, потом окатываются ледяной водой, и так раз за разом. Итальянец видел то же, что видел Андрей, — парную баню, но не понял, что это «мовенье, а не мученье». По докладу вернувшегося в Рим посла папа нечто приплатил обители в Фалькенау.

Это «банный анекдот» (северяне надули южанина), но исследователь анекдота Д. Герхардт увидел здесь именно «мучение», т. е. некий древний обряд умерщвления плоти, лишь впоследствии потерявший обрядовые функции. Конечно, баня была связана с языческим культом и могла сохранить реликтовые культовые функции и после христианизации. Но анекдот Фабрициуса можно объяснить и не выходя за рамки христианства.

XIII век — век расцвета движения флагеллантов («бичующихся»). Флагелланты сами бичевались в монастырях, бичевали прихожан перед отпущением грехов. Процессии флагеллантов (первая волна — 1260 г.) наводнили Италию, Южную Францию, затем Германию, Фландрию, доходили до Моравии, Венгрии и Польши. Только Англия (и, конечно, православная Русь) остались в стороне от этого изуверского движения, которое в конце концов было осуждено и запрещено папством.

Но когда бы легенда о новгородских банях ни попала в ПВЛ, это случилось ранее 1260 г. Однако флагеллантство (и теория, и практика) также появилось раньше. При Карле Великом «самоистязателем» был св. Вильгельм, герцог Аквитанский; в X в. на этом поприще рьяно подвизался св. Ромуальд. XI век дал теоретика флагеллантства Петра Дамиани (1007—1072 гг.), автора трактата «Похвала бичам». Русская легенда флагеллантство отрицает.

С течением времени сложилась и «благочестивая» версия новгородской легенды, зафиксированная в Степенной книге (ПСРЛ, т. 21, 1-я пол. СПб., 1908, с. 7): .Егда проповедал слово божие в Синопии и в Херсонии, и оттоле бывшу ему на реце на Днепре, и тамо на горах помолися и крест постави, и благослови и пророчествова на том месте бытие Киева града и всей Рустей земли святое крещение. Оттоле же пришед, идеже ныне Великий Новград стоит, и тамо жезл свой водрузи во веси нарицаемой Грузино, идеже ныне есть церковь во имя Андрея Первозванного. Прообразоваше же . . . крестом на , земли священное чинона-

чалие. Жезлом же прообразив Руси царское скипетроправление. .». Этот жезл — позднего происхождения, о чем писал Е. Голубинский: «От этого водружения апостолом будто бы и село получило свое имя (Друзино или Грузино от водружения или вогружения .). Ясно, что имя села подало повод сложиться сказанию о водружении. к чему присоединилось случайное обстоятельство, что приходская церковь была во имя апостола Андрея» (История русской церкви. М., 1880, т. 1, ч. 1, с. 7, примеч. 4). В Степенной книге уже есть зародыш позднего культа Андрея, которого при Иване Грозном стали воспринимать как крестителя Руси, а при Петре — и как небесного патрона России.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 5—10; Novaković St. Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV v. — Starine. U. Zagrebu, 1876, 8, s. 55—69; Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки.— СОРЯС, 1877, т. 17, № 1, с. 87—89; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, 1899, т. 17, № 3; Истомин К. Из славяно-русских рукописей об апостоле Андрее. СПб., 1904, с. 11—14.

Лит.: Васильевский В. Русско-византийские отрывки. ЖМНП, 1877, январь, с. 58—76; Сумцов Н. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, 1877, сентябрь, с. 44; Малышевский И. И. Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем. — В кн.: Владимирский сборник. Киев, 1888, с. 1—51; Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. — Зап. Одес. о-ва ист. и древн. Одесса, 1897, т. 20, с. 29—148, 1898, т. 21, с. 1—184; Погодин А. Л. Повесть о хождении апостола Андрея в Русн. — Byzantinoslavica. Praha, 1937—1938, 7; Gerhardt D. 1) Das Land ohne Apostel und seine Apostel. — In: Festschrift für D. Čyževskyj zum 60. Geburtstag. Berlin, 1954, S. 129 ff; 2) Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder. — Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1955, Bd 24, S. 82—90; Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974, с. 37—47; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород — Там же, с. 48—63.

Н. В. Понырко, А. М. Панченко

Апокрифы о апостолах Петре и Павле — переводной апокрифический цикл, получивший распространение у южных и восточных славян. А. возникли в ранней христианской литературе: на «Апокалипсис Павла» ссылается еще Августин (ум. 430 г.), на «Хождение Павла» — Епифаний Кипрский (ум. 403 г.).

«Деяния апостолов Петра и Павла» (или «Деяния и мучение святых и славных и верховных апостолов Петра и Павла») повествуют о миссионерской деятельности апостолов, о «прении» с волхвом Симоном и о последовавшей затем казни Петра и Павла. Этот текст издан в составе «Материалов» А. Н. Попова. Он вошел в состав ВМЧ под 29 июня. С «Деяниями» сюжетно связан А. «Прение Петра апостола с Симоном волхвом». В нем повествуется о пребывании апостола в Риме, его споре с волхвом Симоном, о творимых апостолом и волхвом чудесах. Памятник этот встречается в разных редакциях и под различными названиями («Слово

зрения Петрова с Симоном», «Мучение святого апостола Петра, мучену в Риме Нероном» и др.). Краткий текст (нач.: «Пришедшю убо святому апостолу Петру от Антиохия в Рим и обиташе близ торгу. . .») читается в сборниках и входит в состав *Пролога* под 29 июня; вошел он под тем же числом и в состав ВМЧ. Более пространный текст (нач.: «По Клавдии же царствова Нерон, сын его, лет 14. При сем Симон волхв пришед в Рим. . .») представляет собой компиляцию из текста А. (какого именно варианта — еще предстоит уточнить) и фрагмента «Хроники Георгия Амартола» (см.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920, т. 1, с. 252). Эта редакция читается в составе *Хронографа Троицкого*, Хронографа Тихонравовского, в сборниках, а также в ВМЧ.

К греческому тексту «Апокалипсиса Павла» восходит «Видение апостола Павла» «Епистолия апостола Павла», «Хожение апостола Павла по мукам»). В пространной редакции «Видения», изданной Н. С. Тихонравовым, рассказывается, как апостолу довелось увидеть грозных ангелов, «посылаемых на души неверных», добрых ангелов, охраняющих праведников, сам ад, муки, которым подвергаются там грешники. В этой своей части «Видение» сюжетно перекликается с «*Хождением богородицы по мукам*». Известны также сокращенные переработки А.: «Слово о епистолии святого Павла» и «Слово о видении Павла апостола». В «Златоусте» читается статья «Слово от епистолии святого апостола Павла» (нач.: «Сынове человечестии, благословите беспрестани бога на всяк час. . .»), приуроченная к четвергу пятой недели поста, и статья «Слово о видении апостола „Павла“» (нач.: «Тако глаголеть господь пророком: Доколе согрешаете и прилагаете грехы на грехы. . .»), приуроченная ко вторнику второй недели поста. Эта же статья входит в «Измарагд» второй редакции, где составляет главу 118.

Знакомство с А. о Петре и Павле произошло на Руси, видимо, еще в XI в. А. Н. Попов указывал на отражение их в «Слове о немецком прельщении, како научи их Гугнивый Петр ереси», статье, сюжетно перекликающейся с обличением «латинян» в *Повести временных лет* (под 988 г.). *Никифор, митрополит киевский* (ум. 1121 г.) упоминает эти сюжеты в своем послании к Владимиру Всеволодовичу Мономаху. С «Деянием» связаны также тексты, обнаруженные М. Н. Сперанским в рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 1296: «Мучение святого апостола Петра» (нач.: «Петру апостолу господа нашего Исуса Христа в Риме радующуся. . .») и «Мучение святого апостола Петра» (нач.: «В лета Нерона цесаря бе в Риме жидый Павел Луки от Галатия. . .»). Менее распространены были, видимо, в древнерусской письменности (или даже вообще ей неизвестны) А. «Житие апостола Петра» и «Житие апостола Павла», встречающиеся в южнославянских списках.

Изд.: Два слова о деннонощной молитве. — ПС, 1858, ч. 2, с. 599—604; Лавровский П. А. Описание семи рукописей имп. Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, разд. 3, с. 14—16; Павлово видение. —

ПЛ, вып. 3, с. 129—133; Хождение апостола Павла по мукам. — Т и х о н р а в о в. Памятники, т. 2, с. 40—58; У в а р о в А. С. Образ ангела-хранителя с похождениями (Отрывок из русской символики). — Рус. арх., 1864, вып. 1, с. 13—25; Деяния апостолов Петра и Павла. — В кн.: П о п о в. Библиографические материалы, № 15; Ш е п е л е в и ч Л. Этюды о Данте. Харьков, 1891, 1. Апокрифическое видение св. Павла; М о ч у л ь с к и й В. Н. Апокрифическое житие ап. Петра. — Тр. X Археол. съезда в Риге. М., 1899, т. 1, с. 298—305; Ф р а н к о. Апокрифы. т. 3, с. 12—48; Я в о р с к и й Ю. А. Карпато-русское житие апостола Павла. — ИОРЯС за 1914 г., 1915, т. 19, кн. 4, с. 75—93.

Лит.: П о п о в А. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 21—27; С а х а р о в В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 200—219; Б а т ю ш к о в Ф. Сказания о споре души с телом в средневековой литературе. — ЖМНП, 1890, сентябрь, с. 184—204; А р х а н г е л ь с к и й А. С. К истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы. ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 112—118; Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. — Там же, т. 4, кн. 2, с. 457—462; Р а д ч е н к о К. Ф. Заметки о пергаменном сборнике XIV в. Венской придворной библиотеки. — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 4, с. 175—211.

О. В. Творогов

Апокрифы о апостоле Филиппе — цикл переводных памятников, в которых отражены апокрифические предания об апостоле Филиппе.

«Мучение святого апостола Филиппа» (нач.: «Бысть по восшествии господни на небеса внидоша апостола в дом Стахия. . .») повествует, как Филипп исцелял недужных и проповедовал христианское вероучение; за обращение в новую веру Никаноры — жены «игемона» Антипата, Филиппа повесили вниз головой, однако разверзшаяся земля поглотила мучителя Антипата и его единомышленников. Филипп тем не менее не разрешил себя освободить и скончался. Горожане после этого приняли христианство. Этот же А. встречается и под названием «Деяние святого всехвального апостола Филиппа». А. входит в состав ВМЧ под 14 ноября, читается в сборниках (греческий текст апокрифа опубликован в кн.: T i s c h e n d o r f C. Acta apostolorum apocrypha. Lipsiae, 1851, p. 75—104).

В некоторых списках *Пролога* под той же датой читается краткая память Филиппа (нач.: «Филипп апостол бе един от 12 апостолу. . .»), лаконичный пересказ сюжета «Мучения». В другой, более пространной памяти (нач.: «Той бяше от Вифсаиды града, согражданин Андрея апостола и Петра. . .»), помимо рассказа о смерти апостола, повествуется о его миссионерской деятельности. Перечень известных славянских списков А. приведен в книге А. де Сантос Отеро.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, стб. 1991; 1996—2002; 2016—2022; Л а в р о в П. Апокрифические тексты. — СОРЯС, 1901, т. 67, № 4, с. 129—135.

Лит.: S a n t o s O t e r o A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1978, Bd 1, S. 124—129.

М. А. Салмина

Апокрифы о апостоле Фоме — цикл переведенных с греческого произведений, состоящий из «Евангелия Фомы» и сказаний о деяниях и о смерти апостола. Греческие тексты апокрифов изданы в кн.: Thilo I. C. Codex apocryphus Novi Testamenti. Lipsiae, 1832, p. 275—315; Tischendorf C. 1) Acta apostolorum apocrypha. Lipsiae, 1851, p. 190—242; 2) Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1876, p. 140—163.

Апокрифическое «Евангелие Фомы», славянский перевод которого относится ко времени не позднее XIV в., в славянских индексах запрещенных книг именуется «Евангелие от Фомы» (иногда с добавлением слов «еритици списали») или «Детство Христово». Отрицательное отношение церкви к А. вызвано, возможно, тем, что мальчик Исус изображен в нем, с одной стороны, обладающим даром творить чудеса (исцелять, оживлять слепленных из глины птиц), а с другой — властным и жестоким, сурово наказующим своих обидчиков.

«Евангелие от Фомы» встречается в рукописях редко: древнейший известный список его — болгарский (БАН, 13.3.17). Известны сербские списки (ГИМ, собр. Хлудова, № 162 и список, по которому памятник издал Ст. Новакович), болгарский, опубликованный П. А. Лавровым, а также русские: ГБЛ, собр. Ундольского, № 1253 и поздний, в том же собрании, № 1244, и украинские, перечисленные в статье В. П. Адриановой. По наблюдениям М. Н. Сперанского, Хлудовский список и список Ундольского № 1253 восходят к одному оригиналу.

Сказания о деяниях и смерти апостола известны в нескольких видах. «Деяние святаго апостола Фомы» (нач.: «В то время, в не же беша вси апостоли в Иерусалиме. .») повествует о его проповеди в Индии и о том, как Фома, взявшись построить дворец для индийского царя, созидает его в царстве небесном. Этот текст читается в ВМЧ под 5 октября (издан Лавровым по болгарскому списку XVII в.). Сходны по сюжету и две проложные памяти: одна краткая (нач.: «Святый апостол Фома послан бысть во Индию учити слову божию. .») и пространная (нач.: «Сей парфеном и миденом, персином и индеяном слово божие проповедав. .»). Известно также «Мучение святаго апостола Фомы» (нач.: «Жена Муздея царя слышавши о божественном Фоме. .»).

Изд.: Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 320—326; Jagić V. Novi prilozi za literaturu biblijskih apocrifa. 5. Djela svetoga apostola Tome. — Starine. U Zagrebu, 1873, kn. 5, s. 95—108; Novaković St. Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka — Ibid., 1876, kn. 8, s. 48—55, 69,74; Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. 3—4, 61—71; Сперанский М. Н. 1) Славянские апокрифические евангелия: (Общий обзор). М., 1895, с. 10, 36—55, 99—105, 127—134; 2) Южнорусские тексты апокрифического евангелия Фомы. — ЧИОНЛ, 1899, т. 13, с. 169—190; Яцимирский А. И. Апокрифическое евангелие ап. Фомы в славянских списках. — В кн.: Яцимирский А. И. Из славянских рукописей: Тексты и заметки. М., 1898, с. 93—154; Архангельский А. С. Из истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы: Два любопытных сборника

Софийской народной библиотеки в Болгарии. — ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 102—110; Л а в р о в П. А. Апокрифические тексты. СПб., 1899, с. XVII—XXI, 111—118; Ф р а н к о. Апокрифы, т. 3, с. XXXVII—XII, 95—125; А д р и а н о в а В. Евангелие Фомы в старинной украинской литературе.— ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 2, с. 1—47; S a n t o s O t e r o A. d e. Das kirchenslavische Evangelium des Thomas. Berlin, 1967 (Patristische Texte und Studien, Bd 6); G r a b a r B. Glagoliski oldomace Pseudo-Tomika evangielja. — Slovo. Zagreb, 1969, t. 18—19, c. 213—232.

М. А. Салмина

Апокрифы о Илье Пророке — цикл апокрифических произведений, рано проникших в Древнюю Русь. В русских индексах отреченных книг, начиная с *Изборника 1073 г.*, встречается указание на то, что в древнерусской письменности распространялся А. «Ильино Обав́ление» (Объявление, Откровение). В одном из списков индекса (собр. ГПБ, Соф. собр., № 1264) при этом читаем помету: «еже Аганит виде». Имеется в виду апокриф *Хождение Агапия в рай*, где проводником старца Агапия по райскому саду был пророк Илья Фезвитянин (Тезвитянин). В другом апокрифическом сочинении — «Видении апостола Павла» — рассказывается, что в раю Павел видел Илью с его учеником и последователем Елисеем (в греческом «Видении» вместо Елисея назван Енох). Отзвуки предания о том, что за свою праведную жизнь пророки Илья и Енох были взяты живыми на небеса и первыми встречают праведников в день всеобщего воскресения у ворот рая, сохранились и в апокрифических сочинениях о сошествии в ад и воскресении мертвых (в «Слове о сошествии Иоанна Предтечи в ад» Епифания Кипрского, в *Слове на Лазарево воскресение*).

В южнославянской и древнерусской письменности широкое распространение получила «Похвала пророку Илье», в которой прославляется его вознесение на небеса на огненной колеснице. П. А. Лавров атрибутировал Похвалу Клименту Охридскому; сейчас Похвала входит в корпус сочинений Климента. Издателям известно 164 списка, среди которых большинство древнерусских.

Старший из древнерусских списков — это отрывок в составе так называемого Торжественника в рукописи ГПБ (F.п.I.46). Известно несколько списков в сборниках XIV—XV вв.: ГИМ (Чуд. собр., № 20), ГБЛ (собр. Тр.-Серг. лавры, № 39, 180, 745 и 754; Солов. собр., 637/804), ГПБ, (Соф. собр., № 1276 и № 1376) и др. В списках памятник имеет название: «Похвала предивного жития святого пророка Илии», «Слово на память славного пророка Илии огненаго восхождения» (нач.: «Ныня светозарное со́лнце небеснаго круга. .»).

Похвала читается во многих Торжественниках начиная с XV в. (ГПБ, Солов. собр., № 1448/83. ГПБ, F.I.895 и F.I.900; ГБЛ, собр. Румянцева, № 435, собр. Уварова, № 1045/613 (1484 г., а не 1390, как сказано в Описании); ГПБ, собр. Погодина, № 949 и др.). Похвала обычно приурочена в списках к 20 июля.

С именем пророка Илии связаны и другие памятники, однако их исследования пока не произведено. Текст Жития пророка

Илии, которое входит в состав ВМЧ под 20 июля («Житие святаго славнаго пророка Илии», нач.: «Прииде Илия пророк от Фезвия Галатьскиа к Ахаву. .») представляет собой выписку из гл. 17—22 3-й Книги Царств и гл. 1—13 4-й. А. И. Яцимирским выделены также мелкие тексты о пророке Илье, а иногда о Илье и Елисее (проложные статьи, фрагмент из исторической палеи и др.).

Несомненно, что письменная рукописная традиция текстов о Илье-пророке отразила народные воззрения на него как на аналог бога-громовержца, и функциональное объединение Ильи-пророка с богом-отцом. Распространение преданий об Илье-пророке подтверждается материалом изобразительного искусства. Известны два иконографических типа Ильи в древнерусской живописи: «Илья в пустыне» (наиболее раннее изображение — алтарная фреска храма Спаса на Нередице, 1199 г.) и «огненное восхождение пророка Ильи» — в новгородских, псковских, московских иконах XV—XVII вв.

Изд.: Попов. Библиографические материалы, № 20, с. 54—61; Лавров П. А. Похвала Илье пророку: Новое слово Климента Словенского.— ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 3, с. 236—280; Климент Охридски. Събрани съчинения / Обр. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970, т. 1, с. 673—706.

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 144—148; Яцимирский. Обзор апокрифов, с. 232—246; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 164—170; Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода: сер. XIII—нач. XV в. М., 1976 (Центры художественной культуры средневековой Руси), с. 261—262; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 40, примеч. 23.

М. В. Рождественская

Апокрифы о Иоанне Богослове. В древнерусской книжности встречается несколько А., связанных с именем Иоанна Богослова (автора четвертого Евангелия, трех посланий и «Откровения», завершающего Библию).

1. «Слово святаго Иоанна Богослова о пришествии господни: како хощет приити на землю», называемое в науке «Вопросами Иоанна Богослова господу на горе Фаворской» и «Апокрифическим Апокалипсисом Иоанна» (нач.: «По вознесении господа нашего Иисуса Христа, аз, Иоанн, вшедшу ми на гору Фаворскую. .»). От лица Иоанна здесь говорится, что через семь дней молитвы он был «восхищен» светлым облаком на небо, увидел там громадные книги и стал задавать Иисусу Христу вопросы о том, что в них написано. Далее идет диалог Иоанна и Иисуса Христа. Господь возвещает, что в книгах написано о последних временах, о приходе антихриста и его царстве, о Енохе и Илии, о воскресении всех людей тридцатилетними, о том, что ангелы, взяв тогда с земли все святое, остальное сожгут, продуют Землю, выровняют, убелят и подготовят к приходу Судии. Когда же тот сойдет на землю,

будут принесены книги с семью печатями и по мере открывания печатей спадут звезды, скроются солнце и луна, улетит воздух, высохнет море, откроется ад, и после этого состоится суд. Затем на земле возникнет рай, и праведники будут жить на ней вместе с ангелами, число одних и других будет одинаковым. По завершении разговора светлое облако вернуло Иоанна на гору Фавор.

А. восходит к греческому оригиналу, первое упоминание которого в византийской литературе относится к IX в. А., судя по указанию в нем на иконы, царей, патриархов, а также по замечаемому в нем влиянию апокрифического «Апокалипсиса Павла», датируют временем не раньше V в.; известен болгарской, сербской и русской литературам. Древнейший список — XIII в. (болгарский); русские списки — с XV в.

2. В рукописях обычно соседствует с рассмотренным другой А. — «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе» (нач.: «Взыде Исус на гору Елеонскую со ученикы своими и рече им. .»). В начале его приводится краткий диалог Иисуса Христа с апостолом Павлом о втором пришествии, а затем говорится о вознесении Иоанна Богослова на небо и беседа его там с Авраамом. Иоанн задает вопросы, а Авраам, отвечая ему, сообщает о судьбе «на том свете» евреев, язычников, христиан, младенцев, попов, монахов и т. д. Тут говорится, в частности, что ангелы держат душу умершего человека девять дней, ожидая, не помянет ли ее кто-нибудь в молитвах, если нет, то сорок дней, если же и тогда никто не помянет, то посылают ее «во тьму кромешную». Продолжительность жизни человека зависит, по словам апокрифа, от того, в какой день, час и в какое «межючасье» он родился. Там же говорится, что всеобщее воскресенье будет в Пасху.

Этому произведению точного соответствия среди греческих апокрифов не найдено и потому считается возможным, что он возник на славянской почве в промежуток XI—XIII вв. Старейший его славянский список — болгарский XIII в., а русские — тоже с XV в.

В русских списках XVI—XVII вв. сохранилась переработка этого апокрифа под названием «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму о праведных душах» (нач.: «Отче Аврааме, ты пребываеши в раи, ты приемлеши праведных души. .»). Здесь говорится главным образом о пользе для душ умерших заупокойных служб, свечей, просфор и милостыни в третины, девятины, полусорочины и сорочины.

3. Еще один А., навеянный, по-видимому, первым из перечисленных, — «Вопрошение Иоанна Феолога самого господа Христа» (нач.: «Господи, скажи ми пришествие твое на землю. .»). В нем говорится, в частности, что тьма кромешная находится на расстоянии от земли, большем, чем пролетает падающий камень, поднятый тридцатилетним мужчиной, в течение трех лет, что пять евангельских хлебов — это пять книг Моисея, две рыбы — Апостол и Евангелие и т. д.

По кратко выраженному мнению М. Н. Сперанского (ПБЭ, 1910, т. 11, стб. 419), все посвященные Иоанну Богослову А. несут следы богомильской идеологии. Однако же никакого еретического содержания в этих народно-фантастических произведениях нет, и лишь два из них (первые в нашем перечне) известны статье о ложных книгах (древнейший список — в «Тактионе» Никона Черногорца XIV в.): «И паки обхождение Иоанново, глаголемое Богословово, всих скровенных причитают».

Иоанну Богослову в древнерусской письменности посвящено, кроме того, его Житие, написанное, по преданию, Прохором, его учеником. Ученые его датируют V в., а автора называют Псевдо-Прохором. Но в Византии и Древней Руси апокрифическим оно не считалось. Известно большое число его греческих и славянских (начиная с XII в.) списков в полном и более или менее сокращенном виде. Под 8 мая и 26 сентября включено в ВМЧ.

Изд.: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, с. 113—117; Тихонравов Н. С. 1) Памятники, т. 2, с. 174—204; 2) Апокрифические сказания. — СОРЯС, 1894, т. 58, кн. 4, с. 25—28; Jagič V. Primeri starohrvatskoga jezika iz glagolskih i ćirilskih književnich starinach. Zagreb, 1866, t. 2, s. 77—81; Срезневский И. И. 1) Древние славянские памятники юсового письма, с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. — СОРЯС, 1868, т. 3, с. 185—188; 406—416; 2) Сведения и заметки, № 66, с. 393—397; № 74, с. 495—498; Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова, М., 1872, с. 339—344; Jagič V. Novi prilozi za literaturu biblijskih apokrifa. — Starine. U Zagrebu, 1873, kn. 5, s. 74—79; Амфилохий арх. 1) Хождение по вознесении Господа нашего Иисуса Христа св. ап. и ев. Иоанна учение и представление / Списано Прохором, учеником его. Изд. ОЛДП, № 31, 1878; 2) Палеографическое описание греческих рукописей IX и X в. определенных лет. М., 1880, т. 3, с. 19—26; ВМЧ, 25—30 сентября. СПб., 1883, стлб. 1584—1660; Мочульский В. Следы народной библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893, с. 172—230; 270—275; Novakovič St. Primeri književnosti i jezika staroga i srpskoslovenskoga. Belgrad, 1904, s. 505—509; Франко. Апокрифы, т. 3, с. 49—56 и 182—198, 1906, т. 3, с. 258—264; Čorovič V. O drugom dolasku Hristovom apokrifna apokalipsa. — Spomenik Srpske Kral. Akad. Beograd, 1910, t. 49, drugi razred, s. 41—45.

Лит.: Булгаков Ф. Житие Иоанна Богослова по рукописи XV XVI вв. в сличении с греческим текстом 1022 г. — ПДП, 1878, т. 3, с. 121—127; Барсуков Н. Варианты к Хождению св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. — ПДП, 1879, т. 4, с. 97—139; [Мирон]. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, (1894), вып. 47, с. 429—430; Франко. Апокрифы, т. 3, с. 49—90; Яцимирский А. И. Апокрифы и легенды: К истории апокрифов, легенд и ложных молитв в южнославянской письменности. VI—VIII. — ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 3, с. 114—115; Лихачев Н. Н. Хождение св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова по лицевым рукописям XV и XVI вв. — ПДП, 1911, т. 130, с. 1—53; Попов Г. В. Иллюстрации «Хождения Иоанна Богослова» в миниатюре и станковой живописи конца XV в. — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 208—222; Демина Е. И. Тихонравовский Дамаскин, София, 1971, ч. 2, с. 81—88; Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1978, Bd 1, S. 97—123, 197—209.

Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская

Апокрифы о Иоанне Предтече см. *Сказание о Иоанне Предтече.*

Апокрифы о Исайе см. *Видение Исайи.*

Апокрифы о Мельхиседеке — цикл переводных апокрифических произведений, связанных с именем упомянутого в Послании апостола Павла к евреям (VII, 1—3) иерея Мельхиседека, человека без рода и вечно священнодействующего. Скудость сведений о нем в Послании дала простор к созданию легенд, возникших еще на византийской почве. В древнерусской литературе распространены три основные разновидности их.

Один из А. носит чаще всего название «Слово Афанасия архиепископа александрийского о Мельхиседеце» (нач.: «Мелхил царь, якоже рекохом, име два сына. . .»). С надписанием Афанасию Александрийскому этот апокриф существовал уже в византийской письменности (см.: PG, t. 28, col. 525—530; см. также: BHG, t. 3, p. 48—49).

А. И. Яцимирским указано 52 списка этого апокрифа, старшие из которых относятся ко 2-й пол. XV—нач. XVI в.: ГПБ, Q. I, № 1130; ГБЛ, собр. Румянцева, № 453, № 321; ГИМ, собр. Уварова, № 307/77; ГПБ, О.I, № 595 и др. Слово входит в состав Хронографической палеи, Измарагда, отдельных сборников, оно читается в *Прологе* под 22 мая, под этим же числом вошло в ВМЧ. В А. рассказывается следующее. У царя Мелхила было два сына: Мелхил и Мельхиседек. Мельхиседек, проникшийся мыслью о единобожии, отказывается привести тельцов для жертвоприношения языческим богам. Разгневанный отец решает принести в жертву самого Мельхиседека. Но жребий, брошенный по просьбе жены Мелхила—отца, выпадает на брата Мельхиседека. По молитве Мельхиседека, бежавшего на Фаворскую гору, разверзшаяся земля поглощает весь его род его и всех собравшихся на идолослужение. Мельхиседек семь лет живет в лесу подле Фаворской горы. К нему является Авраам; Мельхиседек благословляет его, первым исполнив обряд причащения просвирой (отсюда распространенная в древнерусской литературе формула — «по чину Мельхиседекову»). Этот А. был известен *Даниилу игумену*: он рассказывает о своем «Хождении», как на Фаворской горе видел пещеру Мельхиседека (см.: Хождение игумена Даниила. — В кн.: ПЛДР. XII век. 1980, с. 96, 98).

В прологах под 22 мая вместе со «Словом» иногда встречается краткая память Мельхиседека (нач.: «Подобно есть первое отьчьство и род блаженаго Мелхиседека сказати. . .»). Встречается вариант этого А., в котором, в отличие от рассмотренного выше, отец Мельхиседека носит имя Оседек, о матери его не упоминается, город разрушает землетрясение, вызванное молитвой праведника, а сам он удаляется на Кармильскую гору, где обитает 40 лет, пока к нему не приходит Авраам. Этот вариант издан по Палее ГПБ, Солов. собр., № 866 И. Я. Порфирьевым.

Этот же сюжет характерен для разновидности А., встречающейся по преимуществу в южнославянских списках под названием «Слово за Мелхиседека» (нач.: «Бяше Мелхиседек наричестся без родитель и безроден. . .»); отличия незначительны: Мельхиседек является сыном Седека и Иерусалимль, отец посылает его за жертвенными волами в Галилею и т. д.

В другом А. (нач.: «Мелхиседек неродословен глаголется, бысть бо от племени Хамова. . .») иная сюжетная версия: Мельхиседек назван сыном Нира, брата Ноева, родившимся от престарелой жены Нира Софронимы, остававшейся долгие годы бесплодной. Перед началом всемирного потопа архангел Михаил возносит Мельхиседека «в рай Эдемский», где тот становится «иерей иереем». Этот вариант начинается словами: «От рода Сидова сына египтенина, царя египетскаго. . .» (или «Мелхиседек неродословен глаголется, бысть бо от племени Хамова, сына Ноева. . .», или «И жена Нирова Софроним неплоды суща. . .»).

Известна версия, согласно которой Мелхиседек — сын Мелхила, внук Сида, правнук Ламеха. Ему приписывается основание города Салим (будущего Иерусалима). Эта версия читается в *Хронике Георгия Амартола* (см.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920, т. 1, с. 86—88).

Среди сочинений Максима Грека встречается переведенная из Лексикона Свиды статья о Мельхиседеке (нач.: «Мелхиседек — священник бога вышняго, царь хананеаном»), опубликованная по нескольким спискам Д. М. Буланиным.

Апокрифические сказания о Мельхиседеке вошли в состав хронографов: в Хронографе редакции 1599 г. (а также 1601 г. и втором виде ред. 1620 г.) читается проложная память («Сказание о Мелхиседеке»), а затем А., приписываемый Афанасию Александрийскому («О том же Мелхиседеке сказание святого Афанасия Александрийского»).

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 20—23; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 26—31; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 53—55, 131—135, 222—225, 256—259; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 92—101; Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984, с. 142—143, 168—170.

О. В. Творогов

Апокрифы о Моисее. В индексах запрещенных книг с именем библейского пророка Моисея связываются два названия: «Завет Моисеев» и «Исход (вар. «Восход», «Вознесение») Моисеев». До сих пор не представилось возможности идентифицировать «Завет Моисеев» с каким-либо из реально дошедших памятников. «Исход Моисеев» есть основания отождествлять с одним из вариантов древнерусского сказания о Моисее, широко распространенного в древнерусской письменности.

Апокрифические сказания о Моисее в древнерусской письменности встречаются в составе различных типов Палеи как самостоятельная статья в сборниках входят в состав ВМЧ.

В составе *Палеи Толковой* раздел, посвященный Моисею, не выделен каким бы то ни было заглавием («В тыже дни родися Моиси, отец же его именем Амбрам и мати его Агавефь. . .»). Здесь рассказывается, согласно с библейским повествованием, о рождении Моисея, воспитании его дочерью фараона Фермуфью, его бегстве из Египта в землю Мадиамскую и женитьбе на дочери Иофора («Въфора») Семфоре, возвращении в Египет и изведении оттуда евреев. Повествование об осладжении вод в Мерре сопровождается рассказом о пророчестве Моисея о Христе. Заканчивается раздел, посвященный Моисею, рассказом о его смерти, во время которой происходило прение архангела Михаила с дияволом из-за тела пророка.

В Палее Хронографической, которая, как установил В. М. Истрин, представляет собой переработку Толковой палеи, рассказ о Моисее распространен гораздо большим числом апокрифических мотивов. Он озаглавлен «Житие святаго великаго пророка Моисиа, сказание бытия его» (нач.: «Иаков убо быв лет 87 и роди Левгия. . .») и рассказывает о вещем сне фараона, увидевшего положенным на одну чашу весов всех старцев египетских, а на другую агнцев. Волхв Валаам толкует сон как предзнаменование того, что среди евреев родится человек, которому суждено погубить Египет. По его совету царь приказывает убивать всех новорожденных еврейских детей. Тогда еврейские женщины начинают уходить рожать своих младенцев в поле, а ангел божий повивает их там и вскармливает. Будущие родители Моисея, Аврам и Агавефь, расстаются, чтобы не рождать детей, обреченных на истребление, но их старшая дочь Мариам пророчествует о том, что именно они родят сына, который спасет еврейский народ, и тогда супруги снова сходятся. Следует рассказ о рождении Моисея и воспитании его дочерью фараона Фермуфью. Затем рассказывается о том, как, будучи трехлетним ребенком, Моисей снял венец с головы фараона и возложил на свою голову. Волхв Валаам напоминает царю о вещем сне и уговаривает его убить ребенка. Но архангел Гавриил, принявший образ царского вельможи, советует испытать отрока с помощью драгоценного камня и горящего угля. Моисей выбирает горящий уголь и даже засовывает его себе в рот (с тех пор «бысть свиблив»), демонстрируя тем самым свое детское неразумение, и спасается от гибели. После повествования о бегстве Моисея из Египта вставлен рассказ о царствовании его в стране сарацинов, на месте умершего царя Киканоса. Сарацинам Моисей показал свою изобретательность, сумев с помощью аистов, пущенных перед войском, расчистить путь, кишащий змеями и скорпионами. Процарствовав 40 лет у сарацинов, Моисей попадает в землю Мадиамскую. Там Рагуил держит его 10 лет в темнице. Выпущенный на свободу, Моисей находит в саду Рагуила палицу «потчему», на которой было написано имя бога Саваофа. Эту палицу, некогда вынесенную Адамом из рая, Моисей вырывает из земли и тем заслуживает право взять себе в жены дочь Рагуила Чифору. Затем рассказывается, что, когда Моисей пас в пустыне овец

своего тестя, он изучился всяческой премудрости у архангела Гавриила, который поведал ему обо всех, бывших до него, событиях истории человечества, научил астрономии и другим знаниям. Далее — в соответствии с Библией — идет рассказ о явлении Моисею бога в неопалимой купине и о возвращении его в Египет. Идя во дворец фараона, Моисей укрощает палицей свирепых львов, стерегущих вход. Перед фараоном он состязается с волхвом Валаамом и его сыновьями Аносом и Акрисом (в Толковой палее он состязается только с двумя — Аннием и Амбрием). Покидая Египет, Моисей выносит оттуда кости Иосифа, которые до того момента лежали в оловянной раке на дне реки, названной Воилда. Как и в Толковой палее, рассказ об ослаждении вод в Мерре сопровождается пророчеством о Христе, а рассказ о смерти Моисея — прением архангела Михаила с дьяволом.

В Исторической палее, генетически не связанной с Толковой и Хронографической палеями, рассказ о Моисее имеет заглавие «О Моисеи» (нач.: «Роди же ся Моиси в Египте, и младу ему сущу, слышаши же мати Моисеа, яко младенци еврейстии убиваются. . .»). При этом дается ссылка на некое «иное писание»: «О сем же Моисии в иномъ писании поведаеть, како родися, зде же вкратце предложим». Здесь коротко рассказывается о рождении Моисея, о воспитании его дочерью фараона, о том, как он снял венец с головы фараона, и как «мудрый некто» предложил испытать ребенка драгоценным камнем и горящей свечой. Выросшего при царском дворе юношу-Моисея фараон посылает воевать с «ендиянами», и тот расчищает кишащий змеями сухопутный путь в Индию с помощью аистов. Далее рассказывается о бегстве Моисея из Египта и т. д. Волхвы, с которыми Моисей состязается перед фараоном, названы Аннием и Амврием. Об ослаждении вод в Мерре говорится кратко, без упоминания пророчества о Христе. В заключительной статье «О смерти Моисиове» в Исторической палее рассказывается о прении архангела Михаила с неким Самаилом.

Сокращенная палея русской редакции, будучи переработкой Исторической палеи, в рассказе о Моисее полностью идет вслед за Исторической палеей, несколько ее сокращая.

Есть раздел о Моисее во вводной части Еллинских летописцев 1-й и 2-й редакций (озаглавлен: «О Моисеи пророце», нач.: «В тыи же дни родися Моисей, отец же его бе Аврам, а мати его Асавефь. . .»). Он очень краток, в основном воспроизводит главные моменты библейского повествования, но заканчивается апокрифическим эпизодом о брани архангела Михаила с дьяволом из-за тела Моисея, как в Толковой и Хронографической палеях (см.: ГИМ, Чуд. собр., № 51/353, л. 2в—3а).

Как самостоятельная статья сказание о Моисее встречается в сборниках (см., например: ГПБ, собр. Погодина, № 947, кон. XV в., л. 716—720 об.), где оно озаглавливается «В той же день (4 сентября, — *Н. П.*) житие святаго пророка Моисея, како царствова во срачинех и како со царем фараоном преся и с Валамом волхвом, и како изведе люди из Египта» (нач.: «Левгий же

роди 4 сыны: Армия, Гаидара, Хеврона, Узиил. .»). В этом Житии много общего с Житием из Хронографической палеи: есть рассказ о сне фараона и о младенцах, повиваемых ангелом божиим в поле, о том, как Моисей снял венец с фараона, об испытании его при этом драгоценным камнем и углем, о сарацинском царе Киканосе и царствовании Моисея у сарацин, о палице из сада Рагуила. Но в отличие от Хронографической палеи в «самостоятельном» Житии ничего не говорится о научении Моисея премудрости от архангела Гавриила в пустыне. Здесь также изменены некоторые имена: мать Моисея названа Ехевдой (в палее — Агавефь), дочь фараона — Вифией (в Палее — Фермуфь), жена Моисея — Семфорой (в Палее — Чифорой), река, со дна которой были взяты кости Иосифа, — Волом (в Палее — Воилдой).

В XVI в. Житие Моисея оказалось внесенным под 4 сентября в ВМЧ, причем в двух вариантах: в наиболее ранний список ВМЧ, новгородско-софийский, было переписано «самостоятельное» Житие, а в более поздний царский список — Житие из Хронографической палеи.

Два апокрифических эпизода, связанных с Моисеем, входят в подборку текстов о крестном древе, сделанную болгарским попом Иеремией. М. И. Соколов доказал, что ее автор не имеет отношения к богомилу Иеремии, а входящие в подборку тексты не являются богумильскими. Русский список этой подборки датируется XIV в. Эпизоды о Моисее в подборке Иеремии являются начальными и касаются пророчества о кресте, первый связан с ослаждением вод в Мерре, второй — с воздвижением медного змея. Рассказ об ослаждении вод очень близок к соответствующему эпизоду в Толковой и Хронографической палеях.

Кроме того, существует ряд мелких статей о Моисее (из *Пролога*, Стишного пролога, Азбуковника и т. д.; они перечислены у А. И. Яцимирского). К ним можно добавить зафиксированное в Хождении Трифона Коробейникова предание об обитающих в Чермном море рыбах с человечьими головами, в которых превратились люди фараона, гнавшиеся за евреями, когда Моисей выводил их из Египта.

И. Я. Порфирьев показал, что основным первоисточником апокрифических славянских сказаний о Моисее является книга древних еврейских преданий Яшар, но конкретный путь проникновения сказаний в славянскую и русскую литературу не исследован. Не изучена история их бытования на русской почве. Известно, что в *Повести временных лет* (в так называемой легенде о хазарской дани и в Речи философа) упоминаются два эпизода из апокрифических сказаний о Моисее — о том, как он сорвал венец с головы фараона и об обучении его архангелом Гавриилом премудрости в пустыни (см.: ПВЛ, М.; Л., 1950, ч. 1, с. 16—17, 66—67). Это позволяет говорить об известности апокрифов о Моисее в начальный период развития русской литературы. Но источники и степень этой известности не ясны. В. М. Истрин объяснял связь летописи в рассказе о Моисее с Палеей тем, что обе они

имели в этом месте общий источник. Он считал первичным «самостоятельное» Житие Моисея (называя его апокрифом о Моисее) по отношению к рассказу о Моисее в Хронографической палее. Подробно вопрос о соотношении текстов «самостоятельного» Жития и Жития из Хронографической палеи не исследован. Неизвестно время появления этих текстов в древнерусской литературе, как не вполне ясна и датировка различных видов палей.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 39—50 (отрывки из Коломенской палеи 1477 г. и Хождения Трифона Коробейника); Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 233—253 («самостоятельное» Житие из новгородско-софийского списка ВМЧ); *ВМЧ, 1—15 сентября*. СПб., 1868, стб. 164—253 (Житие из Хронографической палеи по Царскому списку ВМЧ); Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 194—204; 228—230; 256—260 (из Толковой и Исторической палей и из Хроники Георгия Амартола); Попов А. Н. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) с приложением сокращенной палеи русской редакции. М., 1881, с. 61—111 (первой пагинации), 39—73 (второй пагинации); Толковая палея 1477 г. СПб., 1892, л. 189об.—251; Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1896, вып. 2, с. 238—324; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 225—254; Bonwetsch N. Die Mosessage in der slavischen kirchlichen Litteratur. — Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch—historische Klasse. Berlin, 1909, S. 581—607 (сказания изданы в нем. пер).

Лит.: Лавровский Н. А. Обозрение ветхозаветных апокрифов. — Духовн. вестн., 1864, т. 9, декабрь, с. 459—490; Порфирьев И. Я. 1) Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 55—68, 289—294; 2) История русской словесности. Казань, 1879, т. 1, с. 228, 245—248; Соколов М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888, вып. 1, гл. V. Компиляция апокрифов болгарского попа Иеремии, с. 72—211; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898, т. 1, с. 51—52, 167—169; Истрин Б. М. Редакции Толковой палеи. — В кн.: Исслед. в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 94—98; Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 174; Огиенко И. И. Легендарно-апокрифический элемент в «Небе новом» Иоанникия Голятовского. — ЧИОНЛ, 1914, кн. 24, вып. 1, с. 89; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 165—169; Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 131—136; Мещерский Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности: (Ветхозаветные апокрифы). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 192; Творогов О. В. Летопись—хроника—палея (взаимоотношение памятников и методика их исследования). — В кн.: Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1985, с. 19—30.

Н. В. Понырко

Апокрифы о Павле см. *Апокрифы о апостолах Петре и Павле.*

Апокрифы о Петре см. *Апокрифы о апостолах Петре и Павле.*

Апокрифы о Феодоре Тироне см. *Мучение Феодора Тирона.*

Б

Библия — обширное собрание книг разного происхождения и содержания (слово «Библия» происходит от греч. βιβλία «книги»). Делится на два отдела: Ветхий завет и Новый завет. Ветхий завет состоит из 48 книг, написанных в период от XI в. до н. э. до I в. н. э. в основном на древнееврейском языке. Из этого числа книг 39 входили в канон древнего иудаизма, остальные читались и переписывались, но не рассматривались как священные тексты. По содержанию они делятся на историко-юридические (Пятикнижие Моисея, книга Иисуса Навина, книги Царств, Судей, Руфь, Паралипоменон), поэтическо-литургические (Псалтирь, Екклисиаст, Песнь песней, Притчи и др.) и пророческие (пророков Исайи, Иеремии, Даниила, Ионы и др.). В III в. до н. э. в Александрии был изготовлен перевод главнейших ветхозаветных книг на древнегреческий язык, с возникновением христианства он был включен в формировавшийся христианский канон. Книги Нового завета возникли на греческом языке в I—II вв. н. э., их общее число 27. По содержанию они делятся на четыре Евангелия, в которых описывается земная жизнь основателя христианства, книгу «Деяния апостолов», в которой описывается деятельность учеников Иисуса Христа по распространению христианства, Послания апостолов, т. е. сочинения в форме писем по разным вопросам христианского вероучения, книгу «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис), в которой пророчески и символически изображен конец света.

В отличие от большинства других памятников мировой литературы, переводы которых имели в виду обычно непосредственно литературные цели, переводы библейских книг (Б. к.) на новый язык сопровождались, как правило, распространением христианского вероучения в новой этнической среде. Этим обстоятельством обусловлено своеобразие исторического значения их литературной судьбы, которое заключается в следующем: 1. У многих народов Б. к. были первыми памятниками письменности, т. е. с их возникновением связано создание алфавита, принципов письма, принципов переводческого искусства — вообще переход от бесписьменной культуры к культуре письменной. 2. Переводы Б. к. выполнялись строже и точнее, чем переводы других литературных произведений. 3. Б. к. копировались с той строгостью, которая не допускала никаких существенных отклонений от оригинала, в особенности каких-либо сюжетных переделок. 4. Определенное идеологическое значение в условиях Европы приобрело то обстоятельство, с какого языка выполнен перевод Б. к. (т. е. с древнееврейского, с греческого или с латыни). 5. Библейский текст может иметь различные виды в соответствии с его целевым использованием. 6. Б. к. распространились в громадном числе копий, количество которых оставляет далеко позади численность списков дру-

гих литературных произведений. 7. Язык Б. к. воспринимался как идеальное воплощение языковой нормы, к следованию которой стремились создатели других переводов и оригинальных сочинений. 8. Б. к. являлись источником сюжетов, аллюзий, цитат, фразеологизмов, оказывая тем самым сильное влияние на сюжетостроение, стилистическое своеобразие древней письменности. 9. С появлением книгопечатания Б. к. оказались среди первых печатных изданий. Все эти особенности Б. к. как литературного произведения средневековья отражаются и в истории древнерусской литературы. Кроме того, из-за древности и лучшей сохранности именно рукописи Св. писания оказывались раньше других текстов предметом лингвистического и филологического исследования в период становления национальных филологий в странах Европы; история славянских языков и славянской письменной культуры в первые века ее существования изучена прежде всего на основе рукописей Св. писания.

Появление Б. к. у славян связано с переводческой деятельностью Кирилла и Мефодия во второй половине IX в. Оригиналом им послужили бытовавшие в Византии в IX в. греческие списки Б. к. С конца X в. разрозненные славянские списки Б. к. стали попадать из Болгарии на Русь, и в XI в. восточным славянам была известна основная масса южнославянских библейских переводов. Язык этих текстов обычно называют церковнославянским. В последующие столетия на Руси было изготовлено несколько новых переводов Б. к., проводилась и редакторская работа над готовыми переводами. Эта же деятельность продолжалась у болгар и сербов. Библейские переводы и издания, выполнявшиеся с XIV в. в Чехии, также оказали влияние на судьбы Б. к. у восточных славян. От XII—XVII вв. сохранилось около пяти тысяч списков ветхозаветных книг, число новозаветных списков XI—XVII вв., вероятно, вдвое или втрое больше. Особенностью Б. среди других литературных памятников является то, что ее чтение редко бывало частным делом отдельных лиц, оно имело важную общественную функцию. Для правильного понимания Б. служили толкования на нее, а особое значение среди библейских рукописей имели те, которые употреблялись в церкви. Деление библейских рукописей на служебные, четьи и толковые отражает их функциональное использование, при этом разные функциональные типы рукописей имели разное происхождение и разную историю у славян.

I. Служебный тип Б. к.

Назначение этого типа — применение в церковном богослужении. Первые переводы Кирилла и Мефодия охватили именно этот тип Б. к., к нему относятся древнейшие славянские списки. Особенность его состоит в том, что библейские тексты расположены здесь в виде отрывков (зачал) объемом от нескольких стихов до нескольких десятков стихов, и в том порядке, как они читаются в церкви за богослужением. К этому типу относятся следующие книги:

Евангелие-апракос (служебное, недельное евангелие). Книга состоит из двух частей: синаксария и месяцеслова. В обеих этих частях в определенной последовательности помещены отрывки из Евангелия, читаемые за один раз в ходе церковной службы. В синаксарии эта последовательность определяется подвижным циклом церковного года (от Пасхи до Пасхи), в месяцеслове — неподвижным (от начала гражданского года до его окончания). Синаксарий в свою очередь делится на пять календарных циклов. Он начинается отрывком из Евангелия от Иоанна I, 1—17, который читается на литургии в пасхальное воскресенье. Далее следуют отрывки из Евангелия от Иоанна, читаемого на литургии ежедневно в течение семи недель вплоть до Пятидесятницы. В цикле от Пятидесятницы до «нового лета» (т. е. нового года, начинавшегося по византийскому индикту 1 сентября) в течение 16—17 недель читаются отрывки из Евангелия от Матфея. В этом цикле, однако, есть существенная разница между кратким и полным апракосом: краткий апракос содержит чтения только на субботы и воскресения, полный апракос содержит чтения и на все будние дни, причем начиная с 12-й недели цикла в будние дни читаются отрывки из первой половины Евангелия от Марка. В третьем цикле от «нового лета» до великого поста для чтения на литургии помещены отрывки из Евангелия от Луки. Как и в предыдущем цикле здесь имеется аналогичная разница между кратким и полным апракосом, и с 12-й недели будничные чтения заимствуются из второй половины Евангелия от Марка. В две последние недели этого цикла — в мясопустную и сыропустную — прибавляются также чтения из Евангелия от Матфея. Следующий, четвертый цикл охватывает шесть недель Великого поста, когда по субботам и воскресеньям читаются отрывки из Евангелия от Марка, а будничные чтения отсутствуют. Наконец, пятый цикл ограничен Страстной неделей, в это время читаются отрывки из всех Евангелий. В двух последних циклах, как и в первом, нет разницы между полным и кратким апракосами. В полный апракос все четыре Евангелия входят в своем полном объеме, причем некоторые отрывки читаются дважды. В краткий апракос в полном объеме входит лишь Евангелие от Иоанна, тогда как другие Евангелия лишь в объеме 30—40 % текста.

Вторая часть апракоса — месяцеслов (т. е. календарь), здесь помещены евангельские чтения в память того или иного святого или события церковной истории. Они расположены в хронологическом порядке календарного года с 1 сентября по 31 августа. Состав месяцеслова в разных списках евангелия сильно колеблется, он отражает особенности церковной жизни того места, где создан данный список, с естественным предпочтением особо почитаемых в данной местности святых и определенных праздников. Обычно евангельские чтения месяцеслова не выписываются полностью, а приводится только начало чтения и отсылка к той части синаксария, где находится соответствующий текст. В месяцеслове

иногда помещаются также тропари некоторым святым и богослужебные указания.

Древнейшие списки краткого апракоса имеют болгарское происхождение, написаны в X—XI вв. — это Саввина книга, Ассеманиево евангелие и Остромирово евангелие (ГПБ, F.п.I.5, издано в 1844 г. А. Х. Востоковым), последнее написано в Новгороде в 1056—1057 гг. Почти все списки полного апракоса имеют русское происхождение, древнейшие из них относятся к самому началу XII в. — Мстиславово евангелие (ГИМ, Синод. собр., № 1203, издано Л. П. Жуковской в 1983 г.), Юрьевское евангелие 1119 г. (ГИМ, Синод. собр., № 1003).

Евангелие-апракос входило в число главных святынь храма, что отражается на его оформлении. Эти книги писались по преимуществу крупным уставом, даже тогда, когда устав вышел из употребления, с применением золота, серебра. Обычным было помещение больших миниатюр с изображением евангелистов. Для переплета использовались лучшие сорта кожи, драгоценные металлы, чеканка, финифть, драгоценные камни.

Апостол-апракос (служебный, недельный) включает в себя отрывки из новозаветных книг «Деяния апостолов» и Посланий апостолов, структурно тождествен Евангелию-апракос, т. е. состоит из синаксария и месяцеслова. Последовательность, в которой расположены в Апостоле отрывки из соответствующих новозаветных книг, приблизительно такова. В течение первого цикла от Пасхи до Пятидесятницы читаются отрывки из Деяний апостолов. Второй и третий циклы здесь не разделены, а объединены в один, состоящий обычно из 36 недель. В краткоапракосном типе, т. е. по субботам и воскресеньям в течение девяти недель, читается Послание к римлянам, в течение десяти следующих недель 1-е и 2-е Послания к коринфянам (как правило, в субботу идет отрывок из 1-го Послания, а в воскресенье — из 2-го). Далее с таким же чередованием субботних и воскресных чтений помещаются отрывки из Посланий к галатам и к филиппийцам, к галатам и к ефессянам, к колоссянам и к евреям, к Тимофею и к Титу. Последовательность чтений на будние дни в полном апракосе приблизительно такова: 1—6-я недели — Послание к римлянам, 6—10-я недели — 1-е Послание к коринфянам, 11—13-я недели — 2-е Послание к коринфянам, 14—16-я недели — к галатам, 16—18-я недели — к ефесянам, 19—20-я недели — к филиппийцам, 20—22-я недели — к колоссянам, 23—24-я недели — 1-е Послание к солунянам, 24—25-я недели — 2-е Послание к солунянам, 26—27-я недели — 1-е Послание к Тимофею, 27—28-я недели — 2-е Послание к Тимофею, 28-я неделя — Послание к Титу, 29—30-я недели — Послание к евреям, 31—32-я недели — Послание апостола Иакова, 33-я неделя — 1-е Послание апостола Петра, 34-я неделя — 2-е Послание апостола Петра, 34—35-я недели — 1-е и 2-е Послания апостола Иоанна, 36-я неделя — 3-е Послание Иоанна и Послание апостола Иуды. В течение шести недель Великого поста Апостол читается только по

субботам и воскресеньям, в основном это Послание к евреям. Во время Страстной недели Апостол читается в четверг, пятницу и субботу (1-е Послание коринфянам, Послание галатам и римлянам).

Структура месяцеслова служебного Апостола тождественна структуре месяцеслова служебного Евангелия.

Древнейшие рукописи Апостола-апракос: 1) южнославянские — Енинский XII в., болг.; Охридский XII в., болг. (ГБЛ, собр. Григ., № 13); Слепченский XII в., болг. (палимпсест); Мануйловский XIII в., болг. 2) русские — Псковский 1307 г. (ГИМ, Синод. собр., № 722); Псковский 1309—1312 гг. (ГИМ, Синод. собр., № 15); Апостол 1391 г., Новгород (ГПБ, собр. Погодина, № 26); Апостол 1389—1406 гг. (ГИМ, собр. Хлудова, № 37).

Особую разновидность служебной книги представляет собой соединение Апостола и Евангелия-апракос: при таком соединении евангельские и апостольские чтения располагаются друг за другом в том порядке, как они читаются за богослужением. Такова знаменитая рукопись XIV в. из ГБЛ (собр. Тр.-Серг. лавры, № 1), называемая «Евангелие Симеона Гордого». Другие сводные рукописи — Евангелие и апостол апракос краткий (ГБЛ, Севаст.II.13), XIV—XV в., сербск.; (ГИМ, собр. Хлудова, № 31) XIV в., болг. С типом сводного апракоса не следует путать конволют, т. е. соединение под одним переплетом Евангелия-апракос и Апостола-апракос — такова знаменитая болгарская рукопись XIII в. Карпинское евангелие (ГИМ, собр. Хлудова, № 28), к которому приплетен краткий Апостол-апракос XIV в., болгарского происхождения.

Паримийник представляет собой собрание отрывков (паримий) из книг Ветхого завета. Название это происходит от греч. παροιμία «притча» и отражает то важное значение, какое книга Притчей Соломоновых играет в его составе. В Паримийник входит в полном объеме книга пророка Ионы, в одной трети своего объема книги Бытия, Притчей Соломоновых и пророка Исайи, а также незначительные отрывки из других ветхозаветных книг. В отличие от Евангелия-апракос синаксарий в Паримийнике открывается чтениями на праздник Рождества Христова (25 декабря), затем следуют чтения на Богоявление (6 января), чтения шести недель Великого поста и Страстной недели. Месяцеслов начинается с 1 сентября. Ветхозаветные паримии читаются в навечерие, накануне праздника.

Древнейший список Паримийника относится к XII в. и имеет болгарское происхождение, это так называемый «Григоровичев паримийник» (ГБЛ, собр. Григ., № 2/М. 1685). Захарьинский паримийник был написан во Пскове в 1271 г. (ГПБ, Q. п. I, 13). С XIV в. чтения Паримийника стали включаться в состав Триоди, и в XVII в. Паримийник окончательно вышел из употребления. Всего сохранилось 70 списков этого памятника.

Служебные псалтири. Тексты Псалтири представляют собой основу богослужения. Чтение и пение Псалтири составляет зна-

чительную часть богослужения, псаломские тексты легли в основу православной гимнографии и послужили источником при создании многих литургических произведений. Текст служебной Псалтири разделен на двадцать частей (кафизм). Кафизма (от греческого глагола «сидеть») это часть Псалтири, прочитываемая за один раз (и выслушиваемая сидя); в ряде случаев после кафизмы помещаются специальные дополнительные гимны («седальны»). Каждая кафизма в свою очередь делится на три «славы». После кафизм помещаются тропари и «молитвы по кафизмах». В славянской рукописной традиции известно два вида служебных Псалтирей — простая и следованная. Обе разновидности представляют собой сборник из многих компонентов; состав текстов в обеих разновидностях сильно колеблется и в рукописях, и в печатных изданиях.

Простая псалтирь в самом кратком варианте состоит из следующих частей: 1) собственно Псалтирь, 20 кафизм; 2) Библейские песни (см. ниже); 3) «псалмы избранные» — выборки из псалмов для службы на праздники, сопровождающиеся «величаниями». Очень часто присоединяются заупокойные службы, отдельные каноны, уставные указания, пасхальные таблицы.

Следованная псалтирь — это простая псалтирь в любом составе, к которой прибавлен часослов, т. е. «последования дневных служб». В следованную псалтирь может входить до пятидесяти отдельных частей. Это универсальная богослужебная книга.

К Псалтири присоединены близкие по жанру выборки из других книг Ветхого и Нового заветов, называемые «Библейские песни», из них восемь ветхозаветных и одна новозаветная. По поэтике и стилю Библейские песни близки к псалмам; это маленькие гимны, включенные в состав библейских книг. 1-я песнь — гимн в честь перехода евреев через Красное море (Исход XV, 1—19); 2-я песнь — покаянная песнь из книги Второзаконие (Второзак. XXXII, 1—33); 3-я песнь — молитва Анны, матери пророка Самуила (I Царств. II, 1—10); 4-я песнь — песнь пророка Аввакума (Авв. III, 1—9), в текстах Кумрана этот гимн фигурирует как псалом Аввакума; 5-я песнь — песнь пророка Исайи (Ис. XXVI, 9—20) о воссиянии света; 6-я песнь — песнь пророка Ионы (Иона, гл. II); 7-я и 8-я песни — гимны трех отроков в печи огненной (Даниил, III, 26—46 и Даниил III, 52—88); 9-я песнь, новозаветная — песнь девы Марии (Евангелие от Луки, I, 48—56) и Захарии (там же, I, 68—79). Библейские песни сыграли важную роль в создании православной литургики — на их основе возник такой вид литургических произведений, как канон.

Древнейшие рукописи Псалтири: 1) Слуцкая XI в. (издана И. И. Срезневским в 1868 г.) — в настоящее время рукопись утрачена; 2) Бычковская XI в. (ГПБ, Q п. I.73), рус. (издана в 1877 г. И. И. Срезневским и в 1972 г. И. Тотом); Синайская XI в., *болг.* — издана в 1922 г. С. Северьяновым и в 1971 г.

М. Альтбауэром; Симоновская XIII в., рус. (ГИМ, собр. Хлудова, № 3), издана Амфилохием в 1880—1881 г.

Знание Б. к. редко выходило за пределы того, что читалось за богослужением. Поэтому и библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве как переводные, так и оригинальные памятники письменности, обычно выступают в той языковой форме, какая характерна для служебного типа библейского текста.

II. Четий тип Б. к.

Четий тип предназначался, по-видимому, для келейного назидательного чтения. Появление этого типа у славян связано с переводом основных библейских книг, совершенным Мефодием уже после смерти Кирилла. Полные библейские кодексы, включавшие в себя все книги Ветхого и Нового завета, являлись в Византии большой редкостью, они предназначались для самых больших библиотек и не имели практического употребления. Подобным образом и в древнерусской письменности четьи библейские тексты обращались либо в виде списков, включавших в себя какую-либо одну книгу, либо в виде сборников, более или менее устойчивого состава, либо объединялись в сборниках с другими, небиблейскими произведениями.

В виде отдельных списков обращались прежде всего очень *многочисленные списки четвероевангелия* (Евангелия-тетр — от греч. τετρα «четыре»), где текст представлен в последовательности изложения евангелий от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Четвероевангелие возникло, вероятно, еще при жизни Кирилла и Мефодия путем перевода недостающих в кратком апракосе частей текста. Древнейшие списки его писаны глаголицей и относятся к X—XI вв. — Зографское (ГБЛ, собр. Григ., № 6/М. 1689) и Мариинское (ГПБ, Глаг. I) евангелия. Древнейшим восточнославянским датированным списком является Галичское евангелие 1144 г. (ГИМ, Синод. собр., № 404). С начала XIV в. все большее распространение стали получать списки четвероевангелия, исправленные по поздним греческим рукописям XII—XIV вв.; ко времени начала книгопечатания в XVI в. они целиком вытеснили сложившийся в IX—XI вв. первоначальный тип славянского текста.

Апостол четьего типа («Деяния и послания») представляет собой полный текст Апостола, т. е. весь цикл произведений, расположенных в определенном порядке, сохраняющемся во всех рукописях и изданиях.

Четье Евангелие и четий Апостол могут быть использованы и в богослужении: текст в них разбит на зачала, соответствующие чтению одного дня; между ними помещаются краткие заголовки. Номера зачал ставятся на полях (благодаря этому легко найти нужное чтение в большой книге); кроме того, на полях пишутся номера старого (византийского) деления на главы (так называемые Аммониевы и Евфалиевы главы), на верхнем и нижнем поле пишутся заголовки с указанием праздников и других поводов для чтения данного отрывка. Кроме основного текста в четье

Евангелие и четий Апостол входят дополнительные статьи: предисловия к каждой книге («Сказания»), оглавления, ряд текстов богослужебного назначения (разного рода уставные указания, выписанные тропари, прокимны и т. п.), месяцеслов. Благодаря своей полноте и универсальности четьи тексты получили преимущественное распространение и со временем вытеснили богослужебные типы книг (Евангелие и Апостол-апракос). Они были первыми печатными книгами у восточных славян, именно четье Евангелие и четий Апостол напечатал в начале своей деятельности в Москве Иван Федоров.

С XIV в. стали также входить в употребление полные сборники новозаветных книг, включавшие в себя Евангелия, Деяния и Послания апостолов и Апокалипсис.

Самый древний из дошедших до нас четьих сборников ветхозаветных книг изготовлен в Болгарии в 1350—1370 гг., возможно, в кружке Евфимия Тырновского (ГПБ, F.I.461). Он включает в себя I—IV книги Царств, книги шестнадцати пророков, Песнь песней, притчи, Премудрости Иисуса Сирахова, книгу Иова. Такой состав, однако, не типичен для четьих библейских сборников кон. XIV—XVI вв. В этих сборниках чаще объединяются книги по тематическому принципу: 1) Пятикнижие Моисеево (т. е. книги Бытие, Исход, Второзаконие, Левит и Числа); 2) исторические — книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, I—IV Царств, Есфирь; 3) книги премудростей — Притчи Соломона, Екклисиаст, Песнь песней, Премудрости Иисуса Сирахова, с прибавлением иногда Псалтири; 4) книги пророчеств. Такое членение ветхозаветных книг в принципе соответствует их членению в древнееврейской и древнегреческой письменности. Сборники первого и второго типа объединялись в составе Хронографа и *Палеи Толковой*. Четьи библейские сборники книг Ветхого завета получают заметное распространение лишь с конца XV в. Сборники первого и второго типа удовлетворяли читательский интерес в области священной истории, сборники Премудростей и Пророчеств служили источником нравственной и религиозной философии. После издания в 1580 г. Острожской библии переписка четьих текстов почти прекращается.

III. Толковый тип Б. к.

Толковый тип содержит библейские тексты в сопровождении экзегетических толкований. Назначение этих книг церковно-учительное и догматическое. Библейский текст в них разбит на отрывки, размером от части стиха до нескольких стихов. Он либо пишется киноварью, либо выделяется разного рода надписями (леммами): *толк.*, *Т.*, *сказ.* Это так называемый тип «широких катен». Распространенное в византийской и латинской письменности рамочное построение, когда библейский текст пишется в середине листа, а толкование окружает его со всех сторон, славянской письменности неизвестно. В рукописях XVII в. встречается размещение библейского текста и толкований в два параллельных столбца. Библейский текст в толковом типе представлен иногда

с некоторыми лакунами, поскольку могли опускаться части текста, не получившие толкования.

Почти все известные в славянской письменности толкования принадлежат византийским богословам, в числе которых нужно прежде всего назвать Феодорита Киррского, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, живших в IV в., а также Феофилакта Болгарского и Никиту Ираклийского, XI—XII вв. Толкование на отдельную книгу может принадлежать либо одному автору (например, толкования на псалтирь Феодорита Киррского, известные в болгарском списке XI в.), либо представлять собой катены (от лат. catena «цепь»), т. е. свод толкований из разных авторов, например, известное в многочисленных списках с XIII в. Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, представляющее собой сводку самых распространенных толкований на Четвероевангелие.

Наиболее известные в славянской письменности толковые тексты:

Беседы на Евангелие папы Григория Великого (Григория Двоеслова), переведенные с латинского оригинала в Чехии X в. и сохранившиеся в частности в русском списке XIII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 70).

Толковое евангелие Феофилакта Болгарского (Охридского), возникшее в конце XI в. и вскоре переведенное на славянский язык; древнейший неполный список относится к XIII в. и имеет русское происхождение (БАН, 4.9.11).

Толкования на послания апостола Павла, известные в русском списке 1220 г. (ГИМ, Синод. собр., № 7).

Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского, известные в новгородском списке XII в. (БАН, собр. Никольск., № 1).

Толкование на книгу Иова Олимпиодора Александрийского, древнейший список 1394 г. (ГИМ, Чуд. собр., № 6).

Толкование на Псалтирь Исихия Иерусалимского, известное в славянской письменности под именем Афанасия Александрийского, древнейший список относится к XI—XII вв. (ГПБ, F.п.I. 23).

Толкования на Псалтирь Феодорита Киррского, переведенные в Болгарии в X в. и известные в списке XI в. (ГИМ, Чуд. собр., № 7). При этом переводе был серьезно переработан славянский текст Псалтири.

Толкование на Песнь песней, известное в славянской письменности под именем Филона Карпафийского, но в действительности представляющее собой катены из толкований Филона, Ипполита Римского, Григория Нисского и катен Псевдо-Прокопия Газского. Все списки русские, древнейший относится к XIII в. (ГБЛ, ф. 205, № 171).

Толковые пророки — собрание всех пророческих книг с толкованиями Феодорита Киррского, перевод этих толкований появился в Болгарии уже в X в. Все сохранившиеся списки XII—XVII вв. (число их более 50) восходят, однако, к одному и тому же списку 1047 г., написанному новгородским попом Упырем Лихим.

Толкование на книгу пророка Даниила, составленное Ипполитом Римским, в списке XIII в. (ГИМ, Чуд. собр., № 12).

Тексты с толкованиями переписывались еще в XVII и XVIII вв., когда после введения книгопечатания почти прекратилось изготовление списков служебного и четьего типов.

Особую разновидность толкового типа текстов представляют собой так называемые эротапокритические (т. е. вопросо-ответные) компиляции, которые в форме вопросов и ответов дают толкования на самые важные места библейских книг. В период распространения и первоначального освоения христианской догматики эти компиляции играли важную пропедевтическую роль своего рода «введения» в Св. писание. Все перечисленные толковые тексты служили источником для составления такого рода компиляций, но некоторые толкования частично сохранились только в составе таких компиляций. Речь идет прежде всего о толкованиях Феодорита Киррского на Восьмикнижие, толкованиях Ипполита Римского на Притчи, Олимпиодора Александрийского на Екклисиаст.

Эротапокритический жанр возник на славянском юге и получил в XII—XIII вв. свое наибольшее развитие у восточных славян в форме так называемой книги Кааф (по-древнееврейски «сборник»), а в XV в. по мере увеличения числа списков толковых текстов потерял свое значение. К этому жанру примыкают такие переводные произведения, как «*Пандекты*» *Антиоха*, вопросо-ответы Афанасия, Анастасия Синаита, Словеса избранные Григория Богослова. Из оригинальных восточнославянских компиляций такого рода близко к нему стоят «Словеса святых пророк» (полемический противоиудейский памятник), «Просветитель» Иосифа Волоцкого.

Между текстами разных типов происходило постоянное взаимодействие. Так, Евангелие-апракос было взято за основу при изготовлении текста Четвероевангелия, ветхозаветные паримии, вошедшие в Паримийник, были целиком включены в четий текст ветхозаветных книг. При изготовлении основной массы толковых текстов в Болгарии X в. были в основном использованы готовые четьи тексты. При переписке евангельских рукописей писцы часто использовали сразу несколько оригиналов, которые могли принадлежать разным типам, так что в служебный тип вносились текстовые черты четьего, и наоборот. Особо сильное влияние на формирование служебного и четьего евангельского текста оказал, как кажется, текст из Толкового евангелия Феофилакта Болгарского.

История усвоения, бытования и восприятия Б. к. у восточных славян исключительно богата. Лишь на первом этапе в течение XI в. она ограничивалась простой перепиской текстов с южнославянских оригиналов. Уже в XII в. стали появляться восточнославянские библейские переводы. Прежде всего это уже упоминавшиеся катены на Песнь песней. Тогда же был изготовлен толковый перевод Екклисиаста, не сохранившийся в цельном виде.

Возможно, тогда же переведены и толкования на Послания апостола Павла (по списку 1220 г.), и Толковое евангелие Феофилакта Болгарского. В XIV или начале XV в. появился перевод учительного Евангелия константинопольского патриарха Каллиста. Новый материал существенно пополнил сборники вопросо-ответного характера.

Новое развитие на Руси получили разного рода компиляции с использованием материалов Б. к. В большем или меньшем объеме книги, составляющие Восьмикнижие, вошли в Еллинский летописец, Хронограф и Хронографическую палею. Эти же книги, а также некоторые из книг премудростей, были включены в начале XIII в. в Толковую палею. Именно в Толковой палее заметно отсутствие четкого различия в это время между апокрифами и каноническими библейскими книгами. Среди книг Пятикнижия сюда попал апокрифический Исход Моисея, апокрифические новеллы о Соломоне и Китоврасе, о судах Соломона. Историческая палея, переведенная в готовом виде с греческого оригинала, рядом с кратким изложением Б. поместила почти все известные апокрифы о ветхозаветных лицах от Адама до Давида. В четьи библейские сборники между книгами Притч, Екклисиаст обязательно помещалась отвергнутая каноном книга Премудростей Иисуса, сына Сирахова, а также нередко книга Менандр, представляющая собою собрание афоризмов языческих мудрецов. Но канонические Евангелия по их богослужебному употреблению резко противопоставлялись Евангелиям апокрифическим и потому никогда не соседствовали с ними в сборниках. Впрочем, проповедники и богословы систематически использовали апокрифы для своих сочинений.

Особый интерес представляют выполненные на Руси не позднее XIV в. переводы книг Есфирь и Песни песней с древнееврейского оригинала. В конце XV в. в Белоруссии был собран обширный сборник переводов с древнееврейских оригиналов, включающий книги Даниила, Есфирь, Песнь песней, Руфь, Притчей, Иеремии (Б-ка АН Лит. ССР, F, 19—262). При изготовлении его были частично использованы более ранние переводы.

В конце XV в. в Новгородском архиепископском скриптории была начата работа по созданию полного библейского кодекса. В ходе работы были собраны и сведены воедино все доступные славянские тексты, при этом книги Иова, Песни песней и пророков были извлечены из состава толкований. В качестве образца в этой работе было принято печатное издание Вульгаты (латинский текст Библии, изготовленный в IV в. Иеронимом Стридонским). Те книги, которые не входили в библейский канон православной церкви и не были переведены в свое время на церковнославянский язык, были переведены с латинского оригинала; это книги I—II Паралипоменон, I—III Ездры, I—II Маккавейские, Неемии, Товита, Иудифь, Премудрость Соломона. С латыни также переведены были X—XIV главы книги Есфирь, неизвестные древнееврейскому канону и потому отсутствовавшие в сла-

вянской версии, а также главы II—XXV, XLVI—LI книги Иеремии, которые отсутствовали в редакции Толковых пророчеств. Работа была завершена в 1499 г., Кодекс получил название Геннадиевской библии, по имени тогдашнего Новгородского архиепископа (ГИМ, Синод. собр., № 923). Вся эта работа была вызвана внутренними культурными и церковными запросами восточнославянской среды и свободна от католического влияния, в чем ее не раз подозревали.

Сходную попытку создать библейский кодекс представляет собою изготовленный в 1502—1507 гг. в Супрасльском монастыре Матфеем Десятым свод библейских книг (за исключением Восьмикнижия), замечательный своим каллиграфическим совершенством (БАН, 24.4.28).

В XVI в. традиционный текст Псалтири был снабжен новыми толковыми компиляциями. Знаменитый новгородский переводчик Димитрий Герасимов перевел с латинского оригинала толкования Брунона, епископа Гиперболейского (XI в.). Максим Грек составил обширные катены на текст этой книги. На Волыни Андрей Курбский также как будто проделал такую работу по латинским источникам и в 1564—1577 гг. подготовил катены на Псалтирь.

Широкое распространение в XVI—XVII вв. получают лицевые (т. е. иллюстрированные) рукописи. Иллюстрации встречаются и в древних списках Евангелия, Псалтири, но теперь это становится массовым явлением и служит прежде всего раскрытию содержания текста. Так, в списке Евангелия Сийского Антониева монастыря (БАН, Арх. ком., № 339) содержится 2130 рисунков. Сотни иллюстраций находятся в списках так называемой Годуновской псалтири (по имени Димитрия Годунова, заведовавшего царскими иконописцами при царе Феодоре Ивановиче). Особенно многочисленны в это время списки лицевого Апокалипсиса.

В хронографической части знаменитого лицевого летописного свода Ивана Грозного содержится Восьмикнижие, четыре книги Царств, Есфирь, Товия и часть книги Даниила (семь книг из *Восьмикнижия находятся в томе* 1 — ГИМ, Муз. собр., № 358, книги Руфь, Царств, Есфирь и Товия во втором — БАН, 17.17.9).

В XVII в. на характер и содержание иллюстраций начинает оказывать влияние знаменитая печатная Библия Пискатора.

Первым датированным печатным изданием в Москве стал Апостол, напечатанный в 1564 г. Иваном Федоровым. Есть основания предполагать, что еще раньше здесь же появилось несколько изданий Евангелия и Псалтири. В 1580—1581 гг. Иван Федоров, находясь уже в Остроге на Волыни, издал полную Библию (так называемая Острожская библия). В основу ее был положен список с Геннадиевской библии; книги, переведенные с латыни, были заново переведены с греческого оригинала. Кроме того, для этого издания были привлечены дополнительные рукописные источники, на основе которых был подвергнут обработке текст Геннадиевской библии. Используя опыт европейских изданий

библии, особенно Чешской библии 1488 г., издатели ввели в текст некоторые пояснения и истолкования, предназначая свой труд для светского внецерковного употребления. Однако в Москве в 1663 г. Острожскую библию перепечатали без существенных изменений в качестве официального церковного текста, а затем в 1751 г. подвергли переработке по греческим и древнееврейским печатным изданиям. Этот перепечатанный текст служит основой всех последующих синодальных изданий Библии. В XVII в. была также проведена Епифанием Славинецким и его учениками правка текста Евангелия и Апостола.

В Западной Руси, а затем в Чернигове и Киеве, с конца XVI в. было напечатано довольно много толковых библейских книг, отчасти перепечатанных в Москве. Среди них особое значение имеют Учительное евангелие, изданное в 1569 г. в Заблудове, Учительное евангелие Кирилла Транквиллиона (Рахманово, 1619).

С конца XV в. прежде всего на западных территориях, входивших в состав польско-литовского государства, появляются переводы библейских книг на язык, более или менее сближенный с живым употреблением. Во всех таких случаях оригиналом служил не греческий текст. В конце XV в. с гуситской редакции Чешской библии был сделан на Украине перевод Песни песней в сопровождении пояснений и рассуждений о любви (ГИМ, Синод. собр., № 558). В этом переводе очень много чешских и украинских слов, грамматика упрощена. Упомянутый Виленский сборник нач. XVI в., содержащий ряд книг в переводе с древнееврейского оригинала, лишь в очень немногих местах писан чистым церковнославянским языком; в основном это смесь белорусских и польских форм.

В 1507—1525 гг. Франциск Скорина в Праге и Вильне издал основную массу библейских книг в переводе с Чешской библии с использованием в отдельных случаях традиционной церковнославянской версии. Язык этих изданий приближен к живой белорусской речи.

Так называемые Пересопницкое евангелие (рукопись 1556—1561 гг.) и Евангелие Василия Тяпинского (издание ок. 1580 г., единственный экземпляр в ГПБ, собр. Погодина, № 1), Новый завет Валентина Негалевского (рукопись 1581 г.) дают евангельский текст на народном языке и своим появлением связаны с распространением реформационных христианских сект. В двух рукописях XVI—XVII вв. находятся два разных западнорусских перевода Псалтири с польского оригинала (ГБЛ, собр. Румянцева, № 335, 1017). В одной рукописи XVII в. сохранился перевод Восьмикнижия, книг Царств и Товита (ГИМ, Синод. собр., № 710) с польского языка.

В Москве условия не благоприятствовали появлению библейских переводов на языке, приближенном к обиходному. Известен лишь один опыт такого рода — это перевод с польского оригинала Псалтири, выполненный в 1683 г. переводчиком Посольского

приказа Авраамием Фирсовым (ГИМ, Синод. собр., № 710). Мысль Петра I напечатать текст Евангелия параллельно на голландском и русском языке воплощена не была.

Лит.: Калайдович К. Ф. Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824; Новицкий О. О первоначальном переводе св. Писания на славянский язык. Киев, 1837; Горский А. В. 1) О свв. Кирилле и Мефодии. — Москвитянин, 1843, ч. 6, с. 405—434; 2) О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту. — В кн.: Прибавления к творениям свв. отцев, 1860, ч. 19, с. 134—168; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855—1862, отд. 1—2; [Костомаров Н. И.] Старинный южнорусский перевод Песни песней с послесловиями о любви. — Основа, 1861, № 11—12, с. 49—64; Berčić J. Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovenskim jezikom. Díl. 1—5. Praha, 1864—1871; Невоструев К. И. Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном св. Кириллом и Мефодием. — В кн.: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, с. 209—234; Срезневский В. И. Древний славянский перевод Псалтири: Исследование его текста и языка по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1877; Воскресенский Г. А. 1) Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879; 2) Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций. М., 1894; 3) Книги пророков в древнеславянском переводе. — Богословский вестник, 1905, т. 11, с. 525—542; Амфилохий. 1) Исследование о Пандектах Антиоха XI в., находящихся в Воскресенской Новоиерусалимской библиотеке. М., 1880; 2) Древнеславянская псалтирь Симеоновская до 1280 г. М., 1880, т. 1—3; Рождественский И. Книга Есфирь в текстах еврейском, греческом и славянском. СПб., 1880; Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; Лебедев В. К. Славянский перевод кн. Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890; Oblak V. Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse. — Archiv für slavische Philologie, 1890, Bd 13, S. 321—361; Попруженко М. Г. «Книга Царств» в собрании рукописей библиотеки Новороссийского университета. Одесса, 1894; Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV—XVII вв. Варшава, 1896; Муретов М. Древнеславянское евангелие от Марка/Поправки, дополнения и замечания к трудам проф. Г. А. Воскресенского. Сергиев Посад, 1897; Евсеев И. Е. 1) Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897; 2) О книге Есфирь. — Изв. АН, 1898, т. 8, № 5, с. 329—344; 3) Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык. — Изв. АН, 1899, т. 10, № 4, с. 355—373; 4) Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. — ЧОИДР, 1902, кн. 3, с. 127—164; 5) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905; 6) Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911; 7) Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914; 8) Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916; Сперанский М. Н. К истории славянского перевода Евангелия. — РФВ, 1899, т. 41, с. 158—219; Брандт Р. Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками. М., 1894—1901; Погорелов В. А. 1) Псалтыри. Библиотека московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. М., 1901, вып. 3; 2) Чудовская псалтирь XI в. СПб., 1910; 3) Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь. Варшава, 1910; 4) Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. 3. — Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, 1927, R. 5, N 46 (1); Нахтигаль Р. Несколько заметок о следах древнеславянского паримейника в хорвато-глаголической литературе. — В кн.: Древности: Тр. Славян. ком. Моск. археол. о-ва. М., 1902, т. 3, с. 175—213; Михайлов А. В. 1) К вопросу об издании памятников славянорусской письменности. — В кн.: Предварительный съезд русских филологов: Бюллетени. СПб., 1903, с. 56—67; 2) К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Из истории древнеславянского перевода книги Бытия пророка Моисея. Варшава, 1904;

3) Греческие и древнеславянские паримейники: Из истории древнеславянского перевода св. Писания. Варшава, 1908; 4) Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912, ч. 1. Паримейный текст. Jagić V. 1) Psalterium bononiense. Vindobonae, 1907; 2) Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913; 3) Zum altkircheslavischen Apostolus. Wien, 1919—1920, 1—3; 4) Jugie M. Histoire du Canon de l'Ancien Testament dans l'Eglise Grecque et l'Eglise Russ Paris, 1909; Юнгеров П. А. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1910; Vajs J. 1) Nejstarši breviář chrvatsko-hlaholský (Prvý breviář Vrbnický). Praha, 1910; 2) Kniha Rut v překladě staroslovanském. Praha, 1926; 3) Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze. Praha, 1927; 4) Které recense byla řecká předloha starostověnského překladu žaltáře. — Byzantinoslavica, 1939—1946, t. 8, s. 55—86; 5) Najstariji hrvatskoglagolski misal. S bibliografskim opisima svih hrvatskoglagolskih misala. Zagreb, 1948; Перетц В. Н. До історії перекладу Біблії в західній Русі: Книга Естери в перекладі кінця XV в. — В кн.: Фільольогічний збірник памяти К. Михальчука. Киев, 1915, с. 23—45; Туницкий Н. Л. Книга XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1918, вып. 1; Vondrák V. O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých častech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopiseh. — В кн.: Даничићев зборник. Београд; Љубљана, 1925, с. 9—27; Становјевић Ст., Глумац Д. Св. *Писмо у нашим старим споменицима*. Београд, 1932; Ильинский Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; Pechuška F. Staroslavanský překlad knihy Job. Praha, 1935; Кульбакин С. Језична реконструкција старословенског превода. — Јужнословенски филолог, 1937, кн. 16, с. 203—2235; Попружепко М. Г., Романски Ст. Кирилометодиевска библиография за 1834—1940 гг. София, 1942; Флоровский А. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности: (Фр. Скорина и продолжатели его дела). — Sborník filologický. 12. Praha, 1946, s. 153—258; Horálek K. Evangeliaře a čtveroevangelia. Praha, 1954; Киас Вл. Положение исследования в области византийско-старославянского паримийника. — Byzantinoslavica, 1955, N 2, с. 374- 376; Pankevič I. Malí Proroci v Antiochovych Pandektech z r. 1307. Slavia, 1956, г. 25, s. 384—393; Мещерский Н. А. 1) К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Учен. зап. Кар.-Фин. пед. ин-та. Петрозаводск, 1956, т. 2, вып. 1, с. 198—219; 2) Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978; Moszyński L. Staro-cerkiewnosłowiański aprakos. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. II. Warszawa, 1957, s. 373—395; Vrana J. 1) O tipovima, redakcijama i medusobnom odnosu staroslovjenskih evandelja. Evandeliastari. — Slavia, 1956, t. 26, s. 321—336. Četveroevandelja. Slavia, 1960, t. 29, s. 552—571; 2) Najstariji hrvatski glagoljski evandelistar. Beograd, 1975; 3) O odnosu Vukanova i Mstislavova evandjelja i nostanku duljega evandjielistara novije redakcije. — Slavia, 1985, г. 54/2, s. 141—160; Hamm J. Apokalipsa bosanskih krstjana. — Slovo, 1960, N 9/10, s. 43—103; Коляда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 225—254; Грицкат И. Дивошево Јеванђеље. — *Јужнословенски филолог*, 1961—1962, кн. 25, с. 227—293; Vašica J. *Literární* památky epochy velkomoravské. 863—885. Praha, 1966; Стипчевић Б. О српским паримејницима. – В кн.: Кирил Солунски. Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970, кн. 2, с. 347—387; Недељковић О. 1) Редакције старословенског еванђеља и старословенска синопимика. — Там же, с. 269—279; 2) Problem strukturnih redakcija staroslavenskog prijevoda Apostola. — Slovo, 1972, N 22, с. 27—40; Трифуновић Ђ. Тумачење Песме над песмама од Теодорита Кирског у преводу Константина Философа. — Зборник за славистику, 1971, 2. Матица Српска, с. 86—105; Верещагин Е. М. 1) Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971; 2) Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике

Кирилла и Мефодия. М., 1972; Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580—1581): Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Jubith, Sapientia und Makkabäer. Frankfurt am Main, 1972; Hannick Chr. Das Neue Testament in altkirchenslavischer Sprache. — In: Die alten Übersetzungen des Neuen Testament, die kirchenväterzitate und Lektionare. Hrsg. von K. Aland. Berlin; New York, 1972, S. 403—425; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976; Лихачева О. П. 1) Славяно-русский апостол XI—XIV вв. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 420—447; 2) Служебная псалтирь как особого рода сборник. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1961, с. 222—241; Логачев К. И. 1) *О языке и тексте оригиналов древнейших славянских переводов.* — ВЯ, 1976, № 2, с. 95—99; 2) Проблема критического издания первого письменного памятника Кирилло-Мефодиевской традиции. — Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 66—73; Скупский Б. И. К вопросу о греческих оригиналах древнейших славянских переводов. — ВЯ, 1977, № 2, с. 126—130; Thomson Fr. J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the 10-th to 13th centuries and its Implication for Russian Culture. — Slavica Gandensia, 1978, t. 5, p. 107—139; Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. — В кн.: Матер. и сообщ. по фондам Отд. рукописн. и редкой книги Б-ки АН СССР. Л., 1978, с. 34—58; Можаева И. Е. Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980; Алексеев А. А. 1) Песнь песней в древней славяно-русской письменности, ч. 1—2. Ин-т рус. яз. АН СССР. Предварительные публикации. М., 1980, вып. 133—134; 2) О греческой основе славянских библейских переводов. — Старобългаристика, 1984, № 1, с. 3—22; 3) Принципы историко-филологического изучения переводческого наследия Кирилла и Мефодия. — Советское славяновед., 1984, № 2, с. 94—106; 4) Проект текстологического *исследования Кирилло*-Мефодиевского перевода Евангелия. — Советское славяноведение, 1985, № 1, с. 82—94; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981; Архипов А. А. Древнерусская книга пророка Даниила в переводе с древнееврейского: (К истории гебраизмов в древнерусском книжном языке), ч. 1—3. Ин-т рус. яз. АН СССР. Предварительные публикации. М., 1982, вып. 151—153; Дуйчев Ив., Кирмагова А., Паунова А. Кирилометодиевска библиография. 1940—1980. София, 1983; Чешко Е. В. Редакция и особенности перевода Псалтыри Томича. — Старобългарска литература, 1983, кн. 14, с. 37—58. Mathiesen R. Handlist of Manuscripts containing Church Slavonic Translations from the Old Testament. — Polata knigopisnaja, 1983, N 7, p. 3—48; Добрев И. Погрешно мнение за Охридския апостол. — Старобългарска литература, 1984, кн. 16, с. 3—17; Исаченко-Лисовая Т. А. Псалтирь Авраамия Фирсова 1683 г. Особенности языка и перевода. — Изв. ОЛЯ, 1984, т. 43, с. 248—257; Švábová J. Zur Problematik der Textvarianten im altkirchenslavische Parömienbuch. — Byzantinoslavica, 1985, t. 16, S. 94—105.

А. А. Алексеев, О. П. Лихачева

Боян (XI в.) — древнерусский поэт-певец. Как «творец песен» Б. назван в зачине «Слова о полку Игореве» (см. *Автор «Слова о полку Игореве»*): «Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы. . .». Семь раз вспоминает автор «Слова» Б. в своем произведении. Кроме «Слова», Б. упомянут в «Задонщине». В интерпретации имени Б. с самого начала открытия «Слова» обозначились две основные тенденции: 1) это собственное имя конкретного древнерусского поэта-певца; 2) это нарицатель-

ное слово, обозначающее певца, поэта, сказителя вообще. В первом издании «Слова», в примеч. *б* на с. 2 Б. назван «славнейшим в древности стихотворцем русским». В первоначальном виде этой страницы говорилось, что «при Рюрике иль Святославле гремела лира его, ни по чему узнать не льзя»; после перепечатки ее соображения о времени жизни Б. были сформулированы еще более неопределенно: «когда и при котором государе гремела лира его ни по чему узнать не льзя». Сходная с этой характеристика Б., но в сильно романтизированном виде, была дана Н. М. Карамзиным в «Пантеоне российских авторов» (1801 г.): «Мы не знаем, когда жил Боян, и что было содержанием его сладких гимнов; но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья, и старается подражать ему на лире» (Карамзин Н. М. Соч., СПб., 1848, т. 1, с. 653). Однако уже в примечаниях к «Слову» в бумагах Екатерины II имя Б., с одной стороны, воспринималось как собственное (здесь даже отмечалось, что «из последствия сей повести видно, что он воспевал подвиги князя Всеслава»), но, с другой — тут же толковалось и как нарицательное: «Сие имя Боян происходит, как думать надобно, от древняго глагола баю, говорю: по сему Боян не что другое как разкащик, словесник, вития» (см.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960, с. 326). Представление о Б. как о конкретном «витии» древности и одновременно с этим обобщенном образе поэта-певца вообще было характерным для начала XIX в. А. Х. Востоков в примечаниях к своей стихотворной повести «Светлана и Мстислав» в «Опытах лирических» (1806 г.) писал, что он, вслед за В. Т. Нарежным, считает, что русские поэты, которые «должны были находиться при дворе государей древних», назывались «Баянами». Об этом, отмечает Востоков, «не говорит „Повесть о походе Игоря“, упоминающая только об одном Баяне, как о собственном имени; но нельзя ли предположить, что упомянутый песнотворец по превосходству назван общим именем Баяна, т. е.: баснослова, вития, рассказчика» (цит. по изд.: Востоков А. Х. Стихотворения. Л., 1935, с. 391 (Б-ка поэта)). Так же понимает имя Б. Пушкин в «Руслане и Людмиле» — оно у него одновременно и имя собственное, и нарицательное: «Все смолкли, слушают Баяна. . .», «И струны громкие Баянов / Не будут говорить о нем!» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. АН СССР, 1937, т. 4, с. 7, 42). Только поэтическим символом считал Б. Вс. Миллер: «Боян заменяет автору „Слова“ музу эпических поэтов» (Миллер. Взгляд, с. 123—124), «В начале „Слова“ Боян введен как поэтическое украшение, а не как историческое лицо: имя вещего поэта, потомка божества, должно украсить произведение автора, возвысить его в глазах читателей» (с. 125). По мнению Миллера, «нет ни одной черты, которая могла бы быть реальной характеристикой исторического певца и притом русского, предшественника автора „Слова“» (с. 121). Само имя Б. Миллер считает не русским: «Боян лицо

болгарское и попал в „Слово“ из болгарского источника» (с. 130). Предположение о болгарском происхождении имени Б. высказывалось и до Вс. Миллера: Ю. Венелин считал, что Б. «Слова о полку Игореве» — болгарский князь Боян Владимирович (ум. в 931 г.), слывший в народе колдуном (Венелин Ю. Критическое исследование об истории болгар. М., 1849, с. 263—265). Однако еще в 1844 г. В. Г. Белинский в шестой статье о Пушкине, разбирая «Руслана и Людмилу», писал, что Пушкин, считая слово Б. «равнозначительным» таким словам, как «скальд, бард, менестрель, трубадур, миннезингер», «разделял заблуждение всех наших словесников, которые, нашед в „Слове о пълку Игореве“ „вещего баяна, соловья старого времени. . .“ заключили из этого, что Гомеры древней Руси назывались баянами». Белинский утверждал, что «по смыслу текста „Слова“ ясно видно, что имя Баяна есть собственное, а отнюдь не нарицательное». Вместе с тем Белинский отмечал, что «Баян „Слова“ так неопределепен и загадочен, что на нем нельзя построить даже и остроумных догадок» (Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 365—366). В настоящее время можно считать общепризнанным положение о том, что Б. — имя собственное, принадлежавшее поэту-певцу, предшественнику автора «Слова». Вместе с тем есть все основания утверждать, что мы располагаем целым рядом не только догадок, но остроумных и весьма убедительных гипотез о Б. Сомнение в существовании древнерусского имени Б. явилось основой предположения, впервые высказанного и обоснованного А. Вельтманом в 1842 г., согласно которому имя Б. — это искаженное имя Яна. В *Повести временных лет* несколько раз упоминается имя *Яня Вышатича*: сообщая под 1106 г. о его смерти на 90-м году жизни, *Нестор* пишет, что слышал от Яна Вышатича много рассказов, которые записал с его слов в свою летопись. Вельтман полагает, что в первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» перед именем Яна стояла частица «бо», на каком-то этапе переписывания текста «Слова» переписчик соединил эту частицу с именем «Ян» и получился «Боян». Возможность искажения имени Яна Вышатича в Б. «Слова» допускали А. В. Логинов и Л. В. Черепнин (Логинов А. В. Историческое исследование Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 89—91; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, № 25, с. 328—329). Однако видеть в имени Б. искаженное написание какого-то другого древнерусского имени или искать это имя не в русских источниках (кроме указанного, предполагался еще ряд болгарских персонажей с именем «Боян») нет оснований. Е. В. Барсов, резко выступивший против гипотезы Вс. Миллера, привел ряд данных, свидетельствующих о том, что имя Б. в Древней Руси существовало (см.: Барсов. Слово о полку Игореве, т. 1, с. 338—339). Историко-археологические находки последнего времени не только подтвердили бытование имени Б. в Древней Руси, но свидетельствуют о его достаточно

широкой распространенности. В НІЛ упоминается «Бояня» улица, в Рядной грамоте Тешаты и Якима (1261—1291 гг.) названо имя послуха Бояна (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 317). Имя «Боян» встречается в трех новгородских берестяных грамотах (одна — 80-х гг. XI в., две — XII в.) (см.: Арциховский А. В., *Янин* В. Л. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978). Наконец, на стене киевской Софии была обнаружена надпись (граффито), которую предположительно можно отождествлять уже непосредственно с Б. «Слова о полку Игореве». В этой надписи сообщается о покупке княгинею «Всеволожей» (т. е. женой князя Всеволода) «земли Бояней» (земли, принадлежавшей когда-то какому-то Бояну). Открывший надпись, С. А. Высоцкий датирует ее второй половиной XII в. и высказывает предположение, что эта земля «некогда имела какое-то отношение к Бояну „Слова о полку Игореве"» (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. 1, с. 71). Б. А. Рыбаков датирует граффито концом XI в. и высказывает предположение, что запись могла быть сделана в близкое время к предполагаемому им году смерти Б. Правда, исследователь отмечает, что «текст граффито сам по себе не дает нам права отождествлять Бояна-песнотворца с Бояном-землевладельцем» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 417). О Б. как поэте, жившем во времена князя Всеслава (ум. 1101 г.), писал в 1809 г. Н. Грамматин в «Рассуждении о древней русской словесности». Древнерусским певцом считал его Е. Евгений (Болховитинов), включив в свой «Словарь русских светских писателей» (1845 г.). «Знаменитым русским поэтом» XI—нач. XII в. назвал Б. Ф. И. Буслаев. Время творчества Б. он датирует, исходя из перечня имен тех князей, которым Б. пел свои песни-славы. Кроме того, этот перечень наводит Буслаева на мысль, что «связь Бояна с князьями тмутороканскими и черниговскими, вероятно, заслуживает некоторого внимания» (Буслаев. Русская поэзия, с. 382). Буслаев считает, что текст «Слова о полку Игореве» донес до нас несколько отрывков из произведений Б., процитированных автором «Слова». Это две припевки Б., имеющие характер притчи, — «Ни хытру, ни горазду. . .» и «Тяжко ти головы. . .», и пять отрывков из песен Б.: «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше. . .», «Тогда при Олзѣ Гориславличи. . .», «Уже бо, братие, невеселая година въстала. . .», «На Немизѣ снопы стелютъ головами. . .», «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая. . .». Е. В. Барсов, подчеркивавший тесную связь автора «Слова о полку Игореве» с творчеством Б., вместе с тем считал, что автор «Слова» «весьма мало внес Бояновых словес в свое произведение» (Барсов. Слово о полку Игореве, т. 1, с. 308). Если приводившиеся выше предположения о вставках в «Слове о полку Игореве» из сочинений Б. имели в виду отдельные небольшие фразы, то писатель А. Л. Никитин пошел гораздо дальше своих предшественников. Он считает, что вообще бо́льшая часть текста «Слова» не что иное, как переработка, при-

менительно к событиям похода Игоря, сочинения Б., посвященного Святославу Ярославичу и его сыновьям и написанного Б. за сто лет до похода Игоря — в конце 1084—нач. 1085 г. По Никитину основной причиной, побудившей автора «Слова» обратиться к сочинению Б., которое по его словам «послужило своего рода матрицей для автора „Слова о полку Игореве“» (Никитин А. Л. Испытание «Словом. .», № 6, с. 226), «были солнечные затмения, предшествовавшие началу обоих походов» (там же, № 7, с. 183). По Никитину получается, что все, о чем рассказывает автор «Слова», уже было в произведении Б.: «изображение похода, быть может, со зловещими предзнаменованиями, картины битвы с „погаными степняками“, гибель героев или плен, последовавшее затем горе „земли“ и, возможно, обращение к князьям с просьбой о помощи» (там же, № 6, с. 226). Гипотеза Никитина, таким образом, превращает «Слово о полку Игореве» во второстепенный памятник древнерусской литературы. В его построениях много явных натяжек, произвольного толкования текста «Слова», грубых ошибок.

В 1912 г. А. С. Архангельский в энциклопедической статье дал подробный обзор всех гипотез о Б., имевшихся к этому времени, и подытожил результаты изучения данного вопроса. Связь Б. с тмутараканскими и черниговскими князьями подчеркивал А. С. Орлов (Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923), который время жизни Б. относил к XI—нач. XII в. и считал, что Б. был таким же княжеским певцом, как и автор «Слова о полку Игореве». Как о бесспорном факте, о тмутараканском происхождении Б. и тесной связи его с черниговскими князьями писал Н. М. Шляков, который в определенной степени пытался воссоздать биографию Б. По его гипотезе, Б. родился не позже 1006 г. и умер вскоре после смерти Всеслава (1101 г.). Первым произведением Б. была песнь о единоборстве Мстислава с Редедей. По мнению Шлякова, «в летописи мы имеем следы Бояновых песен, и летописец пользовался ими как источником для своих сведений» (Шляков. Боян, с. 495). Начав свою песнотворческую деятельность в Тмутаракани, Б. затем перешел в Чернигов. Шляков предполагает, что одно время Б. находился при дворе Ростислава Владимировича (ум. 1066 г.), затем перешел на службу к Святославу Ярославичу (ум. 1076 г.), воспевая деяния его и его семьи, «тесно связав особенно свою судьбу с судьбою его старшего сына — энергичного Олега» (там же, с. 498). О том, что Б. был песнетворцем или придворным поэтом Святослава Ярославича и его сына Олега, писал М. Н. Тихомиров. Он отмечает, что все заимствования из «похвальных слов» Б. в «Слове о полку Игореве» «относятся к определенному и сравнительно узкому промежутку времени. В них говорится о пребывании полоцкого князя Всеслава на Киевском столе (1068 г.), о Святославе Ярославиче, сменившем Всеслава на Киевском престоле (умер в 1076 г.), о смерти «красного» Романа Святославича (1079 г.), о смерти Бориса Вячеславича (1078 г.). О самом Олеге Святославиче говорится как о младом

и храбром князе, внуком которого был Игорь Святославич, герой поэмы. Следовательно, Боян писал про молодого Олега, когда тот еще был «Гориславичем», т. е. до 1094 г. С этого года Олег уже прочно сидел на отцовском столе и борьба за Чернигов окончилась (Тихомиров. Боян и Троянова земля, с. 175—176). М. Н. Тихомиров считает, что автору «Слова» произведения Б., из которых он черпал сведения о событиях XI в., могли быть известны как в устной передаче, так и в письменной форме. «Не подлежащую сомнениям» связь Б. с «домом чернигово-тмутараканских князей» подчеркивает Б. А. Рыбаков, который уделяет много места Б. в своем исследовании «Слова о полку Игореве». Ранний период песнотворчества Б. Рыбаков относит ко времени княжения Мстислава Храброго (ум. в 1036 г.), ратные подвиги которого воспевал Б. После смерти Мстислава Б., как полагает Рыбаков, перешел ко двору киевского великого князя Ярослава, к которому перешли черниговские и тмутороканские владения умершего бездетным Мстислава. Затем Б. снова вернулся в Тмуторокань. Большинство исследователей, опираясь на припевку Б. о Всеславе Полоцком — «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути», считают, что Б. умер после смерти Всеслава (1101 г.). Б. А. Рыбаков полагает, что эта «припевка» не имеет датирующего значения: «Из этих слов, во-первых, не видно, что божий суд уже настиг Всеслава, а во-вторых, следует учесть, что «предсказать» смерть Всеслава можно было и не дожидаясь факта его смерти» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 414, примеч. 14). По его мнению, последняя «припевка» Б. в «Слове» «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы» «была, вероятно, взята из какой-то торжественной оды по случаю возвращения Олега с молодой женой и утверждения его в отцовских и братних владениях в Тмутаракани» (с. 414), что происходило в 1083 г. Б., пишет Рыбаков, «был связан с Мстиславом, затем с Ярославом старым, потом с его сыном Святославом и сыновьями Святослава — Романом и Олегом, родоначальником Ольговичей. Гусли Бояна звучали еще до 1036 г. и продолжали рокотать славы князьям вплоть до 1083 г., т. е. на протяжении около полувека» (с. 415). Рыбаков связывает с именем Б. создание былины о Соловье Будимировиче, которая, по предположению А. И. Лященко, повествует о сватовстве Гаральда Норвежского к дочери Ярослава Елизавете в 1040-е гг. (Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 78—85). В отличие от большинства исследователей, В. Ф. Ржига возражает против приурочения творчества Б. к черниговской ветви княжеского рода: «На деле это был песнотворец более широкого размаха и более глубокой исторической преемственности» (Ржига. Несколько мыслей, с. 430). По его определению, Б. — певец-поэт широкого политического кругозора, «не ограниченный рамками воспевания какой-нибудь одной княжеской ветви» (там же, с. 431). Не менее, чем личность Б., интересовал исследователей вопрос о характере его поэтического творчества. По мнению Буслаева, поэзия Б. отвечала требованиям

народного эпоса того времени. «Боян, — писал он, — сам пел свои песни, подобно другим народным певцам, и сопровождал свои песни струнным инструментом» (Буслаев. Русская поэзия, с. 394). Народным певцом, подобным «позднейшим бандуристам, кобзарям и гуслярам, которые ходили по селам и на торжищах и праздничных играх распевали народные думы под звуки музыкального инструмента», считал Б. А. Н. Афанасьев (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, т. 1, с. 408). Е. В. Барсов также считал, что «живое и быстрое» творчество Б. «имело характер не книжных произведений, а живой народной песни: оно было творчество струнное» (Барсов. «Слово о полку Игореве», т. 1, с. 303). Вместе с тем, однако, Барсов пишет: «Основа, план и стилистические приемы Бояновых творений указывают, что его песни, как и „Слово“ при всей своей внутренней и глубочайшей связи с живым народным песнотворчеством, существенно отличались от этого последнего. Это была поэзия, возвышавшаяся над народною, предполагающая художественное развитие дружинного исторического эпоса на героической основе» (там же, с. 307). Специально поэтике творчества Б. посвящена статья Г. Н. Поспелова. Связывая творчество Б. с эпическими традициями, Поспелов подчеркивает, что «песни Бояна и былины — это две разных стадии в развитии русского героического эпоса» (Поспелов. К вопросу о стиле, с. 43). Он так характеризует стиль и жанр этого древнерусского поэта-певца: «Боян был, по-видимому, самым талантливым в Киевской Руси создателем лиро-эпических кантилен как второй ступени развития песенного героического эпоса, уже выделившегося когда-то из обрядового хора, но еще не усвоившего себе того „эпического схематизма“, который характерен для следующей, „былинной“ его стадии» (с. 43). Связь творчества Б. с приемами народного творчества отмечал В. Ф. Ржига, который особенно подчеркивал, что Б. был «не только знаменитым киевским песнотворцем XI в., но и выдающимся музыкантом своего времени» (Ржига. Несколько мыслей, с. 431). Д. С. Лихачев, соглашаясь с точкой зрения И. У. Будовница, что Б. был придворным поэтом, говорит о «бравурном» характере его песнетворчества и отмечает: «Очевидно, Боян и не был подлинно народным поэтом» (Лихачев. Исторический и политический кругозор, с. 30). В конце прошлого века М. Г. Халанский высказал предположение о скальдическом характере творчества Б. Он отмечал, что определение Б. «Велесовым внуком», даваемое автором «Слова о полку Игореве», «находит себе ближайшие параллели в образах поэзии скандинавских скальдов» (Халанский М. Южно-славянские сказания о кралевиче Марке. Варшава, 1894, с. 214). Эта точка зрения была развита Д. М. Шарыпкиным. Песнотворчество Б. в стадиально-типологическом отношении находится в сродстве с поэзией скальдов. Хвалебные песни властителям-князьям «как скальдов, так и Бояна, представляют собою стадию, промежуточную между фольклором и литературой» (Шарыпкин. «Рек Боян и Хо-

дына», с. 196). Б. либо непосредственно был «знаком со скандинавской скальдической традицией, а, может быть, и учился у варяжских скальдов» (там же). Значительный интерес, в связи со скальдическими традициями творчества Б., представляет собой толкование одного из «темных» мест «Слова», которое в первом издании передано так: «Рек Боян и ходы па Святъславля пестворца стараго времени *Ярославля. .». Сейчас большинство* исследователей «Слова о полку Игореве» принимают конъектуру, предложенную в 1894 г. И. Забелиным, согласно которой это место должно читаться так: «Рек Боян и Ходына, Святъславля песнотворца стараго времени Ярославля. .». «Боян и Ходына» это имена двух певцов Святослава Ярославича. А именно в традициях скальдической поэзии «певцы обменивались присловьями в амебейном чередовании, импровизируя в заданных традицией формулах» (Шарыпкин. «Рек Боян и Ходына», с. 199). Тем самым полностью подтверждается правильность прочтения данного места «Слова» И. Забелиным и становится понятным, почему двум лицам принадлежит афоризм, состоящий всего из двух фраз: второй певец при подобного рода поэтических импровизациях-состязаниях досказывал недосказанное первым исполнителем.

Лит.: Вельтман А. Упоминаемый «бо Ян» в «Слове о полку Игореве» есть старец Ян, упоминаемый Нестором. — Москвитянин, 1842, № 1, с. 213—215; Буслаев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII в. — В кн.: Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1. Русская народная поэзия, с. 377—400; Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877; Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1, с. 299—390; Забелин И. Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве». — Археол. изв. и заметки, 1894, № 10, с. 297—301; Архангельский А. Боян. — Нов энц. словарь. СПб., (1912), т. 7, стб. 754—759; Перетц Вол. Слово о полку Ігоревім пам'ятка феодальної України—Руси XII в. У Київі, 1926 с. 135—136; Шляков Н. М. Боян. — ИпоРЯС, Л., 1928, т. 1, кн. 2, с. 483—498; Айналов Д. В. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». III. На каком инструменте играл Боян? — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 157—158; Поспелов Г. Н. К вопросу о стиле и жанре творчества Бояна вещего. — МГУ. Докл. и сообщ. филол. ф-та. М., 1947, вып. 2, с. 42—45; Будовниц И. У. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». — В кн.: Изв. АН СССР, 1950, т. 7. Сер. ист. и филос. № 2, с. 154—156; Лихачев Д. С. 1) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 5—52; 2) В защиту «Слова о полку Игореве». — Вопр. лит., 1984, № 12, с. 80—99; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 175—187; Ржига В. Ф. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 428—438; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, с. 13—21, 51—52; Боровський Я. Б. 1) Особа віщого Бояна в пам'ятках давнього письменства. — Радянське літературознавство, 1970, № 6, с. 49—53; 2) Віщий Боян із «Слова о полку Ігоревім». — Укр. мова и літ. в школі. Київ, 1981, № 10, с. 26—31; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 410—417; Шарыпкин Д. М. 1) «Рек Боян и Ходына. .»: (*К вопросу о поэзии скальдов и «Слове о полку* Игореве») — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1973, т. 18, с. 195—

202; 2) Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 14—22; Сокол М. Т. Биографическая ремарка о Бояне. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск. 1976, с. 23—34; Никитин А. Л. 1) Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве»: Сон Святослава. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978, с. 112—133; 2) Испытание «Словом». — Новый мир, 1984, № 5, с. 182—206; № 6, с. 211—226; № 7, с. 176—208; Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Несостоявшееся открытие: («Поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве»). — РЛ, 1985, № 2, с. 100—112; Дмитриев Л. А. Испытание «Словом». — Сов. культура, 1985, 17 IX, с. 6.

Л. А. Дмитриев

В

Василий (кон. XI—нач. XII в.) — автор Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича Теребовльского, вошедшей в состав статьи 1097 г. *Повести временных лет* (в составе *Летописи Лаврентьевской*, *Ипатьевской*, *Радзивиловской* и др.). А. А. Шахматов считал В. священником, духовником князя Василька; другие исследователи считают его светским лицом. По мнению Б. А. Рыбакова, В. был «муж» князя Святополка и допустимо его отождествление с В. — посадником г. Владимира, упомянутым в той же летописной статье. А. А. Шахматов ограничивал Повесть В. несколькими фрагментами из статьи 1097 г., перемежающимися с текстом летописца, а именно: «И приде Святополк с Давыдом Кыеву 2 отрока княжа, Улан и Колчко», «Василкови же сущю Володимери, на прежереченем месте . Сим же от града отшедшим, сею же снемше погребоша я» и «Святополк же, прогнав Давыда, нача думати перея Володимерь и посади в нем сына своего Ярослава». Другие исследователи приписывают В. статью 1097 г. целиком и даже некоторые другие летописные статьи. Особняком стоит гипотеза М. Х. Алешковского, согласно которой В. — один из основных редакторов ПВЛ, который в 1119 г. осуществил переработку ее текста, составленного Нестором (по гипотезе Алешковского этот текст отождествим с Начальным сводом): внес в него фрагменты из Хроники Георгия Амартола, текст договоров с греками, легенду об апостоле Андрее, предания о северных народах (в статьях 1096 и 1116 гг.) и другие рассказы, а также ряд этнографических, исторических и генеалогических уточнений.

Исследователи, атрибутирующие В. лишь статью 1097 г., полагают, что текст Повести был внесен в ПВЛ Сильвестром. А. А. Шахматов, напротив, считал его вставкой составителя 3-й редакции ПВЛ.

В своей Повести В. выступает как очевидец и участник событий. Он сам упоминает, что был послан князем Давидом Святославичем к находящемуся в заточении ослепленному Васильку Ростиславичу, чтобы убедить того принять предлагаемые Давидом условия примирения. Но В. не ограничивается описанием своей беседы с Васильком, а излагает всю историю заговора князей, пленения и ослепления Василька, все события феодальной междоусобицы, вспыхнувшей между князьями Давыдом и Святополком Киевским, повинными в расправе над Васильком, и князьями, выступившими в его защиту. Если не ограничивать Повесть фрагментами, отмеченными Шахматовым, а атрибутировать В. всю статью 1097 г., то совершенно ясной становится его тенденция прославить государственную мудрость и великодушие Владимира Всеволодовича Мономаха. Поэтому допускают, что Повесть была создана по поручению этого князя. Повесть В. обладает высокими литературными достоинствами: автор умело использует яркие сюжетные детали, с редкой для древнерусской литературы того времени живостью передает диалоги и монологи. Исследователи часто обращались к анализу Повести для характеристики принципов и приемов древнерусского сюжетного повествования. Д. С. Лихачев видит в ней произведение особого жанра — «повестей о княжеских преступлениях», сопоставимое с летописными рассказами об убийстве Игоря Ольговича (в статье 1147 г. Летописи Ипатьевской) и Повестью об убиении Андрея Боголюбского. Повесть издавалась только в составе Повести временных лет.

Лит.: Хрущов И. Древние русские сказания в летописях: Сказание о Васильке Ростиславиче. — ЖМНП, 1874, август, с. 176—193; Шахматов А. А. 1) Нестор летописец. — ЗНТШ, 1914, т. 117—118, с. 35—41; Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916 (ЛЗАК, вып. 29, 1917), с. XXXI—XXXVI; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 217—219; 2) Анэстетизм и древнерусская литература. — РЛ, 1963, № 1, с. 81—82; Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 12—15; Азбелев С. Н. Реализм и древнерусская литература. — РЛ, 1963, № 1, с. 57—58; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 275—279; Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 45—46, 58—60; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М. 1971, с. 32—52.

О. В. Творогов

Василий Калика (1330—3 VII 1352 г.) — архиепископ новгородский, автор «Послания . . к владыце тферьскому Феодору о рае», помещенного под 1347 г. в Софийской первой, Воскресенской и других летописях; текст цит. по публикации Н. С. Демковой в кн.: ПЛДР. XIV—середина XV в. М., 1981, с. 42—48; публикация выполнена по Софийской первой летописи — ГПБ, Q.IV.298, лл. 437—442 об., с дополнением окончания по Новгород-

ской третьей летописи (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 230). Из «Послания» очевидно, что В. К. совершил путешествие в Палестину («. .Вся дела божиа нетленна суть, самовидець есмь сему, брате. Егда Христос иды на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дни не отворени суть. А егда постився Христос над Ерданом, своима очима видел есмь постницу его. .»). Существует предположение, что он написал и не дошедшее до нас «хождение», к которому, быть может, восходят два памятника XIV в. — «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда». Свое путешествие В. К. предпринял еще до архиепископства — в противном случае это нашло бы отражение в новгородских летописях, которые буквально каждый год сообщают нечто о деятельности своего владыки.

Избранный архиепископом из священников Косьмодемьянской церкви «в Холопьей улице» и постриженный в «ангельский образ» (в миру его звали Григорием), В. К. в 1331 г. закладывает каменный город «от св. Владимира до св. Богородица, а от Богородица до Бориса и Глеба». В том же году В. К. с большой свитой и вооруженной охраной едет на поставление к митрополиту Феогносту, который был тогда во Владимире Волынском. Это была нелегкая поездка: по пути на Волынь В. К. задержал Гедимин (Литва тогда и позже претендовала на контроль над Новгородом), которому «в таковой тяготе» пришлось дать слово вознаградить его сына Нариманта новгородскими «пригородами». Обратный путь превратился в бегство «меж Литвы и Киева», причем у Чернигова новгородцам пришлось отражать «разбойное» нападение князя Федора Киевского, которому удалось захватить в плен лишь протодиякона В. К.

Летописи сообщают о чрезвычайно активной культурной и градостроительной деятельности В. К. Он заботится о Софийском соборе: обновляет крест на его главе, покрывает собор свинцом (1333), что пришлось делать заново после пожара 1341 г.; возводит вокруг Софии «тын новый», устраивает «двери медяны золочены» у церковного притвора (1336 г.); в 1342 г. приказывает отлить для собора колокола, для чего выписывает мастера из Москвы. В. К. строит и украшает множество церквей: Входоиерусалимскую, «где теремец был» (заложена в 1336 г., освящена в 1337 г., расписана по приказу В. К. артелью Исайи Гречина в 1338—1340 гг.); Благовещенскую на Городище (заложена в 1342, освящена в 1334 г.); Пятницкую (заложена в 1345 г.); Космодемьянскую (заложена в 1345 г.); Спасскую в Ковалеве монастыре (построена в 1345 г.) и др. Не только храмы возводит новгородский архиепископ. В 1333—1334 гг. его иждивением завершен и покрыт каменный город, в следующем году — заложен каменный острог «по оной стороне, от Илии святаго к Павлу святому». В 1338 г. В. К. «своими людьми» и на деньги Софийского дома строит новый мост через Волхов, а три года спустя ставит «терем великий». Видимо, репутация В. К. как градостроителя была очень хорошей: в 1352 г. бояре и посад били ему челом, чтобы он поехал в Орешек

устроить там «костры» (т. е. раскаты и башни), что архиепископ успешно и быстро выполнил.

Вообще влияние его в Новгороде было очень велико (об этом свидетельствует хотя бы то, что ему удалось в 1342 г. успокоить «черных людей», поднявших бунт против посадника Федора). В. К. умел ладить с Москвой. Там в 1335 г. он «много чести видел» от Ивана Калиты (с которым, впрочем, не сумел договориться двумя годами раньше); там в 1340 г. он от имени Новгорода заключил с Симеоном Гордым мир «по старым грамотам». В. К. проявил себя стойким борцом за православие и за независимость Руси, когда в 1348 г. король Швеции и Норвегии Магнус Эриксон, нарушив «вечный мир» (кстати, заключенный за девять лет до того «сестричем» В. К. Матвеем), предпринял поход на новгородские земли. Поход, как и планы окатоличения Руси, окончился крахом.

Хотя В. К. не сразу удалось наладить приязненные отношения с Псковом (в 1337 г. псковитяне «суда не дали» приехавшему «на подъезд» владыке, за что и были им прокляты), но в конце концов и этот непокорный «пригород» признал В. К. К нему за помощью послал Псков, когда в 1352 г. там вспыхнула моровая язва. В. К. в сопровождении архимандритов, игуменов, священников тотчас отправляется в Псков, совершает там крестный ход, служит молебны в Троицком соборе и других церквах. Моровая язва не пощадила и В. К. Выехав из Пскова наружно здоровым, он в пути заболел и скончался в Михайловском монастыре на устье реки Узы, притока Шелони. Тело святителя было погребено у св. Софии.

Пребыв новгородским владыкой 21 год, 4 месяца и 2 дня, В. К. снискал на Руси высокий нравственный авторитет. Летописи сообщают, что в 1335 г. «от царя Константина и папы Силвестра» в Новгород был принесен белый клобук (об этом говорит и легендарная «Повесть о белом клобуке»), что в 1346 г. митрополит Феогност в Москве благословил В. К. «крещатыми ризами» (это знаки достоинства, выделяющие новгородских архиепископов среди остальных русских архиереев). Уверенностью в собственном авторитете проникнуто и «Послание о рае», которое, видимо, в 1347 г. В. К. направил тверскому епископу Феодору Доброму.

Впрочем, с Тверью у В. К. были особые и близкие отношения. После тверского погрома (Тверь была наказана за восстание против Шевкала в 1327 г.) великий князь тверской Александр Михайлович нашел убежище в Пскове. Сюда после возвращения из Москвы из неудавшегося посольства о мире к Ивану Калите в 1333 г. приехал В. К. и крестил здесь сына изгнанника Михаила. Восемь лет спустя крестника привезли из Твери в Новгород, чтобы здесь В. К. наставил его в книжном учении. Естественно, что в Твери почитали новгородского архиепископа.

Импульс для написания «Послания» дала тверская «распря о оном честном раю», т. е. богословский спор о том, суще-

ствует ли на земле тот материальный рай, который по Библии был создан для Адама и Евы, или же он погиб и есть только рай «мысленный», идеальный, неземной. В. К. уверен в существовании земного рая и старается убедить в этом (без тени резкости и даже благодушно) тверского собрата. С ортодоксально-православной точки зрения это ересь (так же рассуждают и заведомые еретики, несториане и яковиты), и не случайно официальным историкам церкви «странно читать» это «Послание» (М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1866, т. 5, с. 153—155). В. К. ссылается не только на каноническую, но и на апокрифическую традицию («Книгу Еноха», «Хождение Агапия в рай», «Слово о Макарии Римском»). Он ссылается и на «видоков» новгородцев, которые якобы добирались до ада «на Дышучемь мори» и до рая на востоке. Сходные представления были распространены и на Европейском Севере (напр., у поэта XIII в. Генриха фон дер Нойенштадта). Однако очевидно, что В. К. отражал именно новгородскую, притом народную точку зрения (память об этом сохранилась в насмешливой поговорке «Новгородский рай нашел»; см.: Б у с л а е в Ф. И. Русская хрестоматия. М., 1888, с. 167). Наивно-реалистическая «народная вера», для которой характерно пристрастие к земной жизни, адаптировала многие языческие представления, в частности о потустороннем мире. Представления В. К. о земном рае и земном же аде сложились под очевидным влиянием языческих представлений, согласно которым на краю света находится «ирий» («вырий»), который «обычно понимается как место, куда змеи и птицы скрываются осенью и откуда они являются весной» (У с п е н с к и й Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 144—145). «Послание» В. К. наглядно свидетельствует о том, что «единого православия» на Руси в XIV в. не существовало, что были его местные, официальные и «народные» варианты.

Изд.: ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853, Прибавл., с. 87—89; ПСРЛ, СПб., 1856, т. 7, с. 212—214.

Лит.: П е т р о в Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую. — Тр. Киев. духовн. акад., 1872, № 4, с. 43—56; В е с е л о в с к и й А. Н. 1) Историко-литературные заметки. — Филол. зап., 1875, № 3, с. 1—7; 2) Разыскания в области русского духовного стиха. XIX. Эпизод о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия. — СОРЯС, 1891, т. 53, № 6, с. 91—104; А р т о б о л е в с к и й С. Св. Василий, архиепископ новгородский. — Моск. церк. ведом., 1904, № 46, с. 531—534; № 47, с. 544—546; 1905, № 3, с. 27—30; № 10, с. 111—113, № 15, с. 176—179; № 17—18, с. 201—207; С о к о л о в М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 3. УП. Славянская книга Еноха Праведного. — ЧОИДР, 1910, кн. 4, отд. II, с. 121 и след.

А. М. Панченко

Видение Исайи — переводное апокрифическое произведение. Внесено в греческий индекс отреченных книг, на Руси упоминается в индексе, входящем в *Изборник 1073 г.* (см.: Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор, с. 34, 247—250); возникло

в глубокой древности: оно читается в кумранских рукописях (см.: Мещерский Н. А. К истории текста славянской книги Еноха: (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе). — ВВ, 1964, т. 24, с. 91). В. — вторая часть более пространного апокрифического сказания «Вознесение Исайи», состоящего из 11 глав (гл. 1—5 содержат Пророчество и Мученичество Исайи, В. читается в гл. 6—11), полный текст которого сохранился только в эфиопской версии в списках XV—XVIII вв. В славянских литературах известно лишь В.

Вероятно, славянский текст памятника — это перевод с греческого, однако полный греческий текст до нас не дошел; сохранились лишь фрагменты V—VI вв. (2—4-й глав) и переработка всего текста XII в. (так называемая Греческая легенда); существует коптский фрагмент IV в. и два латинских фрагмента V—VI в. (гл. 2, 14 — 3, 13 и 7, 1—19). В. известно в венецианском издании 1522 г. и представляет собою скорее всего перевод со славянского оригинала.

В основе всех древнейших рукописей среднеболгарского, сербского и русского изводов лежит, по-видимому, староболгарский протограф X—XI вв. Однако это суждение, высказанное в дореволюционной работе А. В. Рыстенко, а затем современными болгарскими исследователями, не подкреплено достаточно вескими аргументами.

Древнерусская рукописная традиция В. начинается в XII в. — [illegible] помещено в знаменитом Успенском сборнике (ГИМ, Синод. собр., № 1063/4) под заглавием: «Месяца маия в 8 день видение яже виде святыи Исаия пророк сын Амосов» (нач.: «В дъводесятъное лето цесарьствующю Езекию цесарю Июдеею› .»). Пророчествуя перед царем и его приближенными, Исайя внезапно замолчал, и все поняли, что он не видит стоящих перед ним и «от века сего, но от потаенаго». Когда Исайя очнулся от видения, он рассказал, как славный ангел взял его за руку и повел сначала на нижнюю ступень неба — «твердь», где господствует сатана со своими силами и где царит такая же вражда и брань, как и на земле. Затем Исайя прошел шесть небес, видел ангелов разных степеней и, дойдя до седьмого неба, предстал перед богом, его сыном, и ангелом, олицетворяющим святой дух. Рассказав о своем видении царю Езекие, Исайя предсказал кончину мира, когда сбудется все, что он видел («коньчина века сего и вьсе видение се събудеть ся в последъним роде»), но пока это надо скрыть от народа.

Апокриф отталкивается от содержания канонической книги пророка Исайи, известной на Руси в Паремийниках XII в. (ср. Паремийник Григоровича, собр. Румянц. муз. № 2 (1685)). В ней Исайя также поднимается на небо и предстает перед богом, там есть намек на рождение от Девы сына Эммануила и пророчество о гибели стран и народов. Апокриф, возможно, призван был дополнить канонический текст и укрепить в сознании русского читателя эсхатологические идеи о наказании за грехи и о неиз-

бежной гибели мира. Исайя цитирован в «Речи философа» из *Повести временных лет*. В. связано идейно-тематически с другим древним апокрифом, славянской «Книгой Еноха праведного» (см. *Апокриф об Енохе*), причем в описании восхождения Исайи и Еноха прослеживаются явные параллели. М. И. Соколов предполагал, что автор В. был знаком с «Книгой Еноха» (Соколов М. И. Славянская книга Еноха праведного: Текст, латинский перевод и исследование / Посмертный труд автора подг. к изд. М. Сперанский. — ЧОИДР, 1910, кн. 4, отд. 2, с. 123—127).

Списков В. немного. Помимо Успенского сборника Яцимирский называет еще 11 рукописей. В последних работах болгарских ученых добавлено еще несколько списков. После Успенского сборника наиболее древними являются рукописи сербского извода XIV в. Один из дошедших до нас списков XV в. (ГПБ, Соф. собр., № 1488, л. 1 об.—10) происходит из Кирилло-Белозерского монастыря. Книгописец этого же монастыря Ефросин упоминает этот апокриф в приписке в одном из своих сборников XV в. (ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 22/1099, л. 245): «Исаиа пророк и Андреи юродивы видели венци на небеси и обители и ризы святымь зде добре живущим» (Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, 1980, т. 35, с. 64).

Все славянские рукописи передают одну редакцию текста. В дореволюционных и современных изданиях, как правило, публикуется список Успенского сборника XII в. Но в самом первом издании В. было опубликовано А. Н. Поповым по сербскому списку XIV в. из собрания Хлудова (в 1872 г.). Впоследствии это издание использовалось в разночтениях к тексту Успенского сборника. И. Я. Порфирьев, не зная «Успенского сборника», пересказал В., по эфиопской версии, содержащей подробности, отсутствующие в древнерусском тексте (Исайя видит на седьмом небе святых, Авеля, Еноха и др.; Исайе показали Марию, рождение Христа, его чудеса, страдания, распятие на кресте, его двенадцать учеников).

Кроме В. с именем Исайи в древнерусской литературе связано еще несколько произведений не апокрифического характера. Это его Житие, помещенное в *Прологе* под 9 мая, оно попало и в ВМЧ, хотя текст, следующий за начальными словами, считается заимствованным из «Вознесения». В рукописных сборниках встречается «Слово пророка Исайя сына Амосова о последних днях», текстуально с В. не связанное (опубликовано в кн.: Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 263—268; Тихонравов. Апокрифические сказания, с. 29—31).

Изд.: Попов А. Н. 1) Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, отд. 7, № 195, с. 414—419; 2) Библиографические материалы, № 1, с. 13—20; Тихонравов Н. С. Апокрифические сказания. СПб., 1894, с. 32—47; Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. 1 / Издан под набл. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 2, с. 129—136; Франко. Апокрифы,

т. 4 с. 109—116; V a i l l a n t A. Textes vieux-slaves. Paris, 1968, partie 1. Textes et glossaire, p. 87—98; partie 2. Traductions et notes, p. 72—82; Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 169—177.

Лит.: П о р ф и р ь е в И. Я. 1) Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 294—305; 2) Апокрифы ветхозаветные, с. 73—81; L ü d t k e W. Beitrage zu slavischen Apokryphen. — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1911, t. 31, H. 3, S. 222—226; Р ы с т е н к о А. В. К литературной истории апокрифа о «Восхождении Исайи». Одесса, 1912, с. 1—20; И в а н о в Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925, с. 131—164 (фототипическое переиздание Болгарской Академии наук: София, 1970); V a i l l a n t A. Un apocryphe pseudobogomile: La vision d'Isaïe. — Revue des études slaves, 1963, t. 42, fasc. 1—4, p. 109—122; К о с с о в а Д ж а м б е л у к а А. Наблюдения върху старобългарската традиция на Видение Исайево: Съответствия и различия с текстовата традиция на Възнесение Исайево. — Palaeobulgarica / Старобългаристика, 1983, № 2, с. 66—79.

М. Д. Каган, М. В. Рождественская

Владимир Василькович (ум. 1288 г.) — князь Волынский (с 1272 г.). Летопись характеризует его как книголюба и широко образованного человека: он «глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик» (*Летопись Ипатьевская* под 1288 г.). По его инициативе, а частично и им самим были переписаны Житие Димитрия Солунского, несколько списков Евангелия и Апостола, пролог и минеи на весь год, триоди, октоихи, ирмолои, служебники, а также «*Паренесис*» *Ефрема Сирина* (ГПБ, собр. Погодина, № 71[а]). Книги в роскошных окладах он дарил храмам и монастырям во Владимире Волынском, Чернигове, Перемышле, Каменце (на Лосне), Бельске, Луцке, Берестии.

А. С. Орлов предположил, что один из сборников, принадлежащих Васильку Романовичу и подаренных В. В. в церковь Благовещения в Каменце и в монастырь Апостолов во Владимире Волынском, мог быть списком знаменитого *Изборника 1073 г.* При Владимире Васильковиче продолжала вестись Галицко-Волынская летопись (дошедшая до нас в составе Ипатьевского свода); в статье 1288 г. дается подробная характеристика В. В. и описана его болезнь и смерть.

Лит.: О р л о в А. С. О Галицко-Волынском летописании. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 29; П а ш у т о В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 109—130.

О. В. Творогов

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь Киевский, автор «Поучения». Получил свое прозвание по линии матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был крупнейшим политическим и военным деятелем Руси на рубеже XI и XII в. и вместе с тем выдающимся писателем, чьи произведения строго следовали его политической программе и направлению его покровительства литературной, летописной, законодательной работе своего времени и пропаганде политических идей.

Как известно, в XI в., особенно во второй его половине, развивается феодальная раздробленность Руси. Каждый князь претендует на самостоятельное управление своей отчиной. В. В. М. не был противником все углублявшегося деления Русской земли на отдельные княжества, но стремился при этом сохранить политическое, военное и культурное единство Руси на новой моральной основе: на основе договоров о союзах князей между собой, скрепляемых целованием креста, взаимными обещаниями и сохранением за собой отчин без посягательств на отчины соседей. Свою идею союзов В. В. М. постоянно высказывал на княжеских съездах (1097, 1100 и 1103 гг.).

Устанавливает В. В. М. и культ князей братьев Бориса и Глеба (см. *Нестор*, *Сказание о Борисе и Глебе*), безропотно подчинившихся своему старшему брату Святополку и погибших от руки подосланных им убийц. Культ Бориса и Глеба должен был подать пример всем князьям полного, до самой мученической кончины подчинения старшему князю и вместе с тем резко осудить старшего князя — в данном случае Святополка Окаянного, не пожелавшего считаться с правами младших. Тем самым В. В. М. как бы выступал против принципа единодержавия на Руси, изображая это единодержавие в известных обстоятельствах преступным и братоубийственным.

Стремясь к миру и добровольному единству Руси при одновременном наличии многих ее «держателей», В. В. М. покровительствовал летописанию, напоминая об историческом единстве княжеского рода и пропагандируя легенду о происхождении всех русских князей от одного князя — Рюрика. (О политическом значении «варяжской легенды» см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 92—93).

Выступая за мир на основе договорных начал между князьями и принципа отчинного начала, В. В. М. стремился по возможности смягчить также и социальные противоречия.

В 1113 г. В. В. М. был призван на киевский стол восставшими народными массами. В. В. М. законодательным путем вводит некоторые смягчения для низов, облегчает положение должников и закупов. Так возникает Устав В. В. М., включенный затем в Пространную Правду (см.: Правда Русская, М.; Л., 1940, т. 1 (тексты); М.; Л., 1947, т. II (комментарии); Тихомиров М. И. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941 (глава 23 об «Уставе Владимира Мономаха»)).

Сильная «идеологизация» всей государственной жизни передалась и его наследнику — старшему сыну Мстиславу Великому от его первой жены — дочери последнего англосаксонского короля Гаральда. С Мстиславом связано новгородское летописание (см.: Приселков. История, с. 44), последняя редакция *Повести временных лет* (там же, с. 43—44) и знаменитое напрестольное «Мстиславово евангелие», предназначавшееся для выстроен-

ного Мстиславом в 1111 г. в честь своего «ангела» — Георгия — Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде.

Главное литературное произведение В. В. М. — его знаменитое «Поучение» детям и «инь кто прочтет». Первоначальное «Поучение» состояло из трех самостоятельных частей: собственно «Поучения», «Летописи» его жизни (или «Автобиографии») и письма («грамотицы») его постоянному политическому сопернику — князю Олегу Святославичу (в «Слове о полку Игореве» он носит прозвище Олега «Гориславича») Черниговскому. Авторство В. В. М. четвертого, последнего произведения, ранее включавшегося в состав «Поучения», — «Молитвы» — после исследований Н. Н. Воронина (В о р о н и н Н. Н. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха. — В кн.: Ист.-археол. сборник. М., 1962, с. 265—271) и Р. Матьесена теперь отвергается. Дело в том, что в «Молитве» цитируется «Канон молебный», несомненно принадлежащий *Кириллу Туровскому*.

Надо думать, что все три произведения были соединены самим В. В. М. Во всяком случае «Летопись» своей жизни и письмо к Олегу Святославичу присоединено к собственно «Поучению» как иллюстрация и развитие мыслей последнего путем литературных переходов, носящих признаки сделанных автором. По-видимому, это собрание собственных сочинений создано В. В. М. для того, чтобы распространять свое произведение. Включение в летопись могло быть сделано позднее кем-то из владимирских летописцев с присоединением «Молитвы» Андрея Критского — покровителя *Андрея Юрьевича Боголюбского* и вероятнее всего — в 1177 г., как предполагает Н. Н. Воронин.

Многочисленные исследователи «Поучения» по-разному определяли время его написания. Однако нельзя относить «Поучение» к одному времени: надо рассматривать отдельно время написания каждого из трех его слагаемых и время соединения В. В. М. всех трех в единое произведение.

«Поучение» сохранилось в единственном списке в составе *Летописи Лаврентьевской* под 1096 г.,где оно разрывает связный текст о происхождении половцев. Но к 1096 г. «Поучение» не относится — оно захватывает собой и события более позднего времени. К 1096 г. может относиться по содержанию только письмо В. В. М. Олегу Святославичу.

В основной части «Поучения» В. В. М. пишет о том, что его повстречали «слы» (послы) других старших князей и просили выступить против младших — князей-изгоев Володаря и Василька Ростиславичей. Поход этот был задуман в 1099 г., а приглашение принять в нем участие сильно огорчило В. В. М. К этому времени и относится, по-видимому, основная, первая часть «Поучения», сильно переработанная впоследствии в более пожилом возрасте, чему, как заметил В. Л. Комарович, и более соответствуют старческие интонации Поучения (К о м а р о в и ч. Поучения Владимира Мономаха, с. 290).

Перечисление походов в последующей части заканчивается походом против минского князя Глеба в 1117 г. К этой дате относится «Летопись» жизни В. В. М. — его вторая часть. Письмо к Олегу Святославичу Черниговскому относится к событиям 1096 г. и, очевидно, по событиям этого письма все сочинения помещены летописцем именно под 1096 г.

Жанр «поучений детям» довольно распространен в средние века. Однако «Поучение» В. В. М. обращено не просто к детям, а к детям — наследникам государственной власти. В этом отношении «Поучение» В. В. М. аналогично поучению византийского императора Василия, приписываемому патриарху Фотию, «Наставлению» французского короля Людовика Святого сыну Филиппу, поучению англосаксонского короля Алфреда и англосаксонским «Faeder Larcwidas» (Отцовское поучение) начала VIII в., сохранившимся в библиотеке тестя В. В. М. — англосаксонского короля Гаральда.

Из поучений к простым детям «Поучение» В. В. М. зко к слову Василия Великого «како подобает человеку быти», поучению «некоего отца к сыну», «поучению Ксенофонта к сынома своима», наставлению Исихия, известному по *Изборнику 1076 г.*, по-видимому, походной книге В. В. М.

Автобиография В. В. М., присоединенная к «Поучению», как жанр известна в сравнительно поздних образцах XVII в. и в отдельных автобиографических заметках, включенных в состав памятников XVI—XVII в. (в Домострое попа Сильвестра, в Повести Нестора Искандер о взятии Царьграда, в «Истории о Казанском царстве», и некоторых произведениях, описывающих события Смутного времени). В целом же для XI—XII аналогий автобиографии В. В. М. указать нельзя.

В стилистическом и фразеологическом отношении на «Поучение» В. В. М. особенно повлияли Псалтирь, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского (см. *Шестодневы*, *Повесть временных лет*) и др.

Основные политические идеи «Поучения» во всех трех частях его — те же, что и во всей деятельности В. В. М. Князь проповедует необходимость сохранять разделение Русской земли между князьями, но одновременно быть объединенными взаимными договорными обязательствами для совместных походов на степь. Простейший пример такого объединения В. В. М. в своем «Поучении» видит в птицах. Птицы весной прилетают из рая, и каждая находит свое, принадлежащее ей место: и «худые» птицы, и сильные. Ни одна не пытается согнать другую и занять лучшее место, но каждая довольствуется своим уделом. Затем В. В. М. проповедует умеренность во всем: в отношении к подчиненным, зависимым, слабейшим. Взаимная уступчивость, трудолюбие, неустанные совместные походы, осторожность, «послушание» и «покорение» старшим, уважение прав младших, — вот, что является идеалом людей княжеского положения и что должно являться основой политического единства Руси.

Изд.: Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, называемая в Летописи суздальской «Поучение». СПб., 1793; ПСРЛ. 1921—1927, т. 1, вып. 1—2 (фототип. переизд.: М., 1962), с. 240—256; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946; ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 1, с. 153—167 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1852, т. 2, с. 38—40; М., 1853, т. 3, гл. 1, с. 101—104; Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху. — ЖМНП, 1874, февраль, ч. 171, с. 231—292; Воскресенский В. А. Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893; Шляков Н. В. О поучении Владимира Мономаха. — ЖМНП, 1900, май, ч. 329, с. 96—138; июнь, ч. 329, с. 209—258; июль, ч. 330, с. 1—21; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. 1. Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901; Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1935, т. 2, с. 39—80; Шахматов. Обозрение, гл. 1 и 7; Приселков М. Д. 1) Лаврентьевская летопись. — Учен. зап. ЛГУ, № 32. Сер. ист. наук, вып. 2, 1938, с. 76—142; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, гл. 2—3; Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха. — История русской литературы, т. 1. Литература XI—нач. XIII в. М., Л., 1941, с. 289—297; Данилов В. В. «Октавий» Минуция Флавия и «Поучение» Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 97—107; Vaillant A. Une source grecque de Vladimir Monomaque. — Byzantinoslavica, 1949, t. 10, p. 11—15; Čyževśka T. Zu Vladimir Monomach und Kekaumenos. — Wiener slavistisches Jahrbuch, 1952, Bd 2, S. 157—160; Будовниц И. У. «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 44—75; Лихачев Д. С. 1) Етическа система на Владимир Мономах. — Език и литература, 1966, № 4, с. 1—16; 2) «Шестодневът» на Йоан Екзарх Български и «Поучението» на Владимир Мономах. — В кн.: Лихачев Д. С. Големият свят на руската литература. София, 1976, с. 536—539; 3) Сочинения князя Владимира Мономаха. — В кн.: Лихачев Д. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. 2-е изд. М., 1979, с. 141—161; Матьесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1971, т. 26, с. 192—210; Конеева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха. — Там же, 1972, т. 27, с. 94—108; Müller L. 1) Die Exzerpte aus einer asketischen Rede Basilius des Grossen im «Poučenie» des Vladimir Monomach. — Russia Mediaevalis, 1973, t. 1, S. 30—48; 2) Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius des Grossen. — Ibid., 1979, t. 4, S. 16—24; Мещерский Н. А. 1) К толкованию лексики одного из «темных мест» в «Поучении» Владимира Мономаха. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977, вып. 2, с. 39—42; 2) «Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник 1076 года». — Вестн. ЛГУ, 1980, № 20. Ист., яз. лит., вып. 4, с. 104—106.

Д. С. Лихачев

Вопросы Варфоломеевы к богородице — апокрифический памятник средневековой христианской литературы. Списки его немногочисленны — известны коптские, древнейшие, VII в.; греческий, дефектный, XIV в. (Венская нац. б-ка, № 67); южнославянский в сборнике XVI в. (та же б-ка, № 125), разбитый на две части, каждая с особым заглавием (л. 259 и 276): «Въпрошение святых апостолы о пречистои богородици. .» (нач.: «Быше апостолы на месте Хритирс с Мариею богородицею. . .») и «Впрошение святого и славного апостола Христова Варфоломея. .» (нач.: «По въскресении из мрьтвыих господа нашего Исуса Христа

апостолим хотещиим въпрашаты господа и вси не смѣахоу въпрашати его. .»). По этому списку памятник был издан В. Мочульским (Следы народной библии, с. 276—281).

В древнерусской письменности известны два списка В.: один, озаглавленный «Воспрашанье святого апостола Вальфромѣя» (нач.: «Пред воскресеньем из мертвых господа нашего Исуса Христа. .»), в Паисиевом сборнике XIV в. (л. 136 об.—147 об.), другой — XVII в. (ГПБ, Солов. собр., № 261 (107)). Русские списки наиболее полные и исправные; по первому из них памятник был издан в ПЛ и Н. С. Тихонравовым. Здесь рассказывается, как апостолы перед смертью и воскресением Христа обратились к нему с просьбой открыть некоторые тайны. После воскресения Христа к нему приступил Варфоломей с вопросами о тайне искупления. Вторая часть содержит вопросы Варфоломея к богородице о тайне воплощения сына божия, в третьей части говорится об аде и диаволе — виновнике греховности людей, что и явилось причиной воплощения сына божия и искупления им рода человеческого. Эти догматические вопросы библейской письменности в памятнике трактуются несколько отлично от Св. писания и учения отцов церкви. Составитель памятника старается выдвинуть лишь божественную природу Христа, ничего не говоря о стороне человеческой. В связи с этим В. Мочульский считает, что памятник возник в VII в. в монофизитской среде.

Изд.: Вопросы св. Варфоломея. — В кн.: ПЛ, вып. 3, с. 109—112; Варфоломеевы вопросы богородице. — Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 18—22; Мочульский В. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893, с. 231—247, 276—281 (рец. Н. Никольского: Странник, 1894, май, с. 172—174; июнь, с. 389—393).

Лит.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 403.

М. А. Салмина

Вопрошание Кириково см. *Кирик Новгородец*.

Вышата (XI в.) — воевода, рассказы которого, как полагают, включены в Начальный свод (см. *Повесть временных лет*). Имя В., возможно, производное от имени Вышеслав. По предположению Д. С. Лихачева, В. — сын новгородского посадника Остромира, внук посадника Константина, правнук Добрыни (дяди Владимира I Святославича). Из упоминаний о нем в Повести временных лет следует, что в 1043 г. В. в качестве воеводы участвовал в походе князя Владимира Ярославича (сына Ярослава Мудрого) на Византию. Буря разбила русский флот, и часть воинов была выброшена на берег; В. возглавил их переход на Русь, но попал в плен. Три года спустя он вернулся из плена в Киев. В 1064 г. В. вместе с князем Ростиславом Владимировичем бежал из Киева в Тмуторокань. Других сведений о В. нет, но известно, что сын его *Янь Вышатич* занимал высокое положение в Киеве при Изяславе Ярославиче.

А. А. Шахматов предполагал, что именно от В. (или от сына его Яня, как думает Д. С. Лихачев) летописец *Никон* почерпнул или дополнил сведения о походе 1043 г. Д. С. Лихачев допускает, что В. также сообщил Никону новгородские предания о призвании варягов, Владимире и Добрыне, о сватовстве Владимира к Рогнеде, пребывании в Новгороде Ярослава Владимировича, Лиственской битве и др. А. А. Шахматов возводил эти рассказы к гипотетическому новгородскому летописному своду XI в.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 441—444; Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. ИЗ. М., 1945, т. 17, с. 201—224; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 89—93, 102—114; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 64, примеч. 66.

О. В. Творогов

Г

Георгий (XI в.) — митрополит киевский, вероятный автор «стязания с латиною», грек по происхождению. По предположению Макария, Г. занимал митрополичий престол в 1062—1077 гг., по мнению Филарета, — с 1065—1073 гг. Имя Г. упоминается в *Повести временных лет* под 1072 г. в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба («митрополит же тогда бе Георгий»), и под 1073 г. («митрополиту Георгию тогда сущю в Грьцех»), а также в послании митрополита *Нифонта Кирику Новгородцу*, где имеется ссылка на правило «митрополита Георгья». «Не может, рече, того възбоіронити, аже приносять спасения хотяче души своей, еже творить и митрополита Георгья русьскаго напсавъша, а нету того никдеже» (см.: РИБ. СПб., 1880, т. 6, стб. 51).

Г приписывается произведение, известное пока в единственном списке кон. XV в. (ГПБ, Соф. собр., № 1285, л. 102—106) и названное там «Георгия митрополита киевьскаго стязание с латиною, вин числом 70» (нач.: «Понеже великый Констянтин от Христа приим царство. . .»). В «стязании» перечислено 27 («70» в заголовке — ошибка?) обвинений «латинян» в нарушении ими христианских догматов. Принадлежность «Стязания» Г. ставится под сомнение А. С. Павловым, считающим его позднейшей компиляцией из послания митрополита *Никифора Владимиру Всеволодовичу Мономаху* и «Слова о вере крестьянской и латыньской» *Феодосия Печерского*. Е. Е. Голубинский приписывал Г также «Заповедь святых отец по исповедающимся сыном и дщерем» (изданную им в кн. «Истории русской церкви», с. 507—526), но эта атрибуция не признается основательной.

Изд.: Макарий. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868, т. 2, с. 177—182, 347—352; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 48—58, 191—198.

Лит.: Голубинский История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 249, 371, 507—526, 695—696: т. 1, 2-я пол., с. 711—716; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875, с. 81—91; Павлов А. С. О сочинениях, приписываемых русскому митрополиту Георгию. — Православное обозрение, 1881, т. 1, с. 344—351; Филарет. Обзор, с. 14—15; Никольский. Повременный список, с. 197—202.

О. В. Творогов

Георгий (XII в.) — монах монастыря в г. Зарубе (на Днепре, напротив устья р. Трубежа), автор поучения («От грешнаго Георгия черъноризца Зарубьскыя пещеры поучение к духовному чаду»), содержащего наставления в христианском благочестии, и в частности сурово осуждающего мирские развлечения. Известно в списке XIII в. в составе сборника поучений Ефрема Сирина (ГПБ, собр. Погодина, № 71а), а также в трех списках XVI—XVII в. Лучшее издание принадлежит И. Бычкову.

Изд.: Срезневский И. Поучение Зарубского черноризца Георгия в списке XIII в. — Сведения и заметки, № 7, с. 51—57; Владимиров П. Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII столетия. — ЧИОНЛ, 1890, кн. 4, отд. 2, с. 135 и 140—142; Бычков И. Новый список поучения Зарубского черноризца Георгия. — Библиографическая летопись, 1917, т. 3, с. 101—105.

О. В. Творогов

Герман Воята (ум. 1188 г.) — священник новгородской церкви Якова, летописец. В НIЛ Старшего извода под 1144 г. есть упоминание: «В то же лето постави мя попом архиепископ святой Нифонт», — Г. В., как можно судить, говорит о себе; в статье 1188 г. сообщается: «преставися раб божий Герман, иерей святого Якова, зовемый Воята, служивъшю ему у святого Иякова польпятадьсят лет в кротости и съмерении и богобояньстве». Г. В. заболел во время поездки с архиепископом во Псков; был погребен «у святого Спаса в монастыри» (видимо, в псковском Спасо-Мирожском монастыре). Сопоставление двух этих записей и дало основание А. А. Шахматову выдвинуть гипотезу о том, что Г. В. являлся переписчиком и редактором летописного свода, составлявшегося в церкви Якова и явившегося дополненной копией владычного свода *Нифонта* (Софийского временника). Вставки, принадлежавшие Г. В., отличает, по наблюдениям Д. С. Лихачева, особый характер: они часто делаются от первого лица, «во многих из них он проявляет интересы городского обывателя, сообщающего городские слухи, сведения об уличных происшествиях, о погоде, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове, о поломках и починках места через Волхов, о раннем громе и поздно стоящей дождливой погоде» (Лихачев. Русские летописи, с. 213).

Лит.: Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой новгородской летописи? — ЖМНП, 1852, август, отд. II, с. 1—28; Шахматов. Разыскания, с. 182—196; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 212—214.

О. В. Творогов

Григорий (XI в.) — диакон, писец и автор Послесловия к старейшей из сохранившихся датированных русских книг — Остромирову евангелию 1056—1057 гг.

Послесловие Остромирова евангелия — образец трансформации на русской почве традиционных приписок византийских книгописцев, включавших два обязательных элемента — восхваление заказчика книги и нижайшую просьбу к читателю простить переписчика за ошибки и исправить их. Первый элемент Г. развил в пространную историческую справку о заказчике книги Остромире. Просьбу об исправлении допущенных при переписке ошибок Г. высказал без обычных в таких случаях уничижительных эпитетов, сославшись лишь на слова апостола Павла — «благословите, а не кляните» книгописца. Чувство собственного достоинства Г. — в начале приписки к своему Послесловию — выразил и графически, написав свое имя буквами большего размера, чем в основном тексте Послесловия. Традиция послесловий — исторических справок о событиях и лицах, связанных с происхождением книг, сохранялась в русской рукописной книжности и в последующие века. Она четко отразилась в Послесловии первой русской датированной печатной книги — Апостола 1564 г. Ивана Федорова.

Палеографический анализ письма Остромирова евангелия показывает, что его основной текст написан тем же самым почерком, что и Послесловие, т. е. диаконом Г. На первых 23 листах каллиграфия более искусна, чем на последующих; возможно, Г., начав писать тщательно, вскоре убедился, что так он не завершит свой труд к тому сроку, который был ему, вероятно, положен; из той же приписки к Послесловию мы знаем, что Остромирово евангелие было создано всего за 8 месяцев, что почти не отразилось на оформлении Остромирова евангелия, общепризнанного шедевра искусства книги Древней Руси. Лишь одно из четырех изображений евангелистов осталось ненарисованным и два вшиты не на своем месте, что вероятнее всего было сделано при последующих переплетениях книги. Великолепно выполнены инициалы Остромирова евангелия. Они отличаются чрезвычайным разнообразием: в книге большие инициалы В и Р, с которых начинается подавляющее большинство ее чтений («Во время оно» или «Рече господь»), нарисованы первый 135 раз, второй — 88, и ни один из них не повторен. В инициалах Остромирова евангелия творчески усвоенные византийские традиции сочетаются с восточными элементами, а в таинственных «ликах» некоторых из них, быть может, отразились образы древнейшей славянской, языческой мифологии.

Гармоническое сочетание инициалов, а также написанных золотом заголовков чтений и красочных заставок исключает пред-

положение о том, что это могло быть сделано прежде или после написания текста. Если диакон Г. не сам создал художественное оформление Остромирова евангелия, то сумел подобрать себе помощников-единомышленников среди мастеров искусства книги. Его имя должно быть поставлено одним из первых в хронологическом ряду русских книжников и писателей, организаторов создания таких книг, где искусство каллиграфии сочетается с высоким художественным оформлением.

Изд.: Остромирово евангелие 1056—1057 г., с приложением греческого текста евангелий и грамматическими объяснениями. СПб., 1843; Остромирово евангелие 1056—1057 гг. (фотолитограф. изд.). СПб., 1883.

Лит. Волков Н. В. О не-новгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия. — ЖМНП, 1897, декабрь, с. 443—446; Розов Н. Н. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке. — Тр. ГПБ. Л., 1958, т. 5 (8), с. 9—32; Свирин А. Н. Остромирово евангелие как памятник искусства. — Там же, с. 47—55; Каринский Н. М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк). — В кн.: Сб. Рос. Публ. б-ки. Пг., 1920, т. 1, вып. 1, с. 168—192.

Н. Н. Розов

Григорий (до сер. XIII в.) — епископ Белгородский. Биографические сведения о Г. отсутствуют. А. И. Соболевский атрибутирует ему поучение (нач.: «Придете вси мужи вкупе и жены, попови и людье. . .»), известное в двух списках, один из которых озаглавлен «Поучение философа, епископа белгородского» (в сб. ГПБ, Q.I.312, нач. XV в.), а другой — «Слово святого Григория Богослова ко всем христианом о пьянстве» (в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 865, кон. XVI в.). Списки, почти тождественные в первой половине текста, существенно разнятся во второй; в «Измарагд» первой редакции входит статья «Слово о пьянстве Григория Богослова ко всем христианам» (глава 59 или 60), которая текстуально совпадает с вариантом, читающимся в Погодинском сборнике. Однако текст в сборнике, как можно думать, распространен вставкой-перечислением действий пьяницы, отсутствующей в Измарагде.

А. И. Соболевский предположил, что автор поучения — белгородский епископ Г., имевший почетное прозвание «философ». На основании слов «несмь пастырь ваш. . . но в пастыря бо место оставлен есть вам», ученый сделал вывод, что «поучение произнесено в Киеве во время исполнения автором обязанностей отсутствовавшего митрополита» (Соболевский. Два русских поучения, с. 254). Поучение совершенно лишено цитат из Св. писания, язык прост, что подтверждает гипотезу о его русском происхождении.

А. И. Соболевский приводит сведения о других поучениях, надписываемых в рукописях именем Григория, которые он считает возможным атрибутировать русским авторам и, быть может, тому же Г.: «Слово святого Григория Богослова (о пьяницах)» (нач.: «Первого закона обычай имейте, празднующе нового и благодатного . . .» — ГИМ, Синод. собр, № 368, XV в.; ГПБ,

собр. Погодина, № 860; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1085) и два поучения «к попом»: первое в списках БАН, 45.10.4 и ГПБ, собр. Погодина, № 1615, второе — в списках ГИМ, собр. Уварова, № 1770 и ГПБ, Соф. собр., № 875.

Изд.: Соболевский А. И. Два русских поучения с именем Григория. — ПОРЯС, т. 12, кн. 1, 1907, с. 250—262; ПЛДР. XII век. 1980, с. 402—407, 690—691.

Лит.: История русской литературы. М.;Л., 1941, т. 1, с. 353.

В. В. Колесов

Григорий (кон. XI—нач. XII в.) — монах Киево-Печерского монастыря, автор канонов. Упоминается в *Патерике Киево-Печерском* («Григорий, творец канонов» — см. ПЛДР. XII век. М., 1980, с. 520) среди других «преподобных отец» Киево-Печерского монастыря, игуменов *Никона* и Иоанна, *Нестора* «иже написа летописец», *Феоктиста* — *будущего черниговского епископа*.

Исследователи, опираясь на характеристику Г. в Патерике, приписывают ему составление канонов в службах князю Владимиру, *Феодосию Печерскому*, на перенесение мощей Бориса и Глеба и на перенесение мощей Николая Мирликийского. Однако имя Г. в рукописях нигде не упоминается, а время составления отдельных канонов вызывает споры.

Служба Владимиру, согласно наблюдениям С. Славнитского, имеет три редакции. Старшие списки первой редакции относятся к XIII—XIV вв. (см. стихирари: ГПБ, Соф. собр., № 85 и 157); старшие списки второй редакции относятся к XV в., третьей — к XVI в. Каноны читаются также в составе служебной минеи под 15 июля. О времени составления службы мнения расходятся. М. Славнитский и Н. Мальшевский полагали, что канонизация Владимира произошла лишь в середине XIII в.; Н. К. Никольский допускал, что служба могла быть составлена в кон. XI—нач. XII в.

Служба Феодосию Печерскому читается уже с XII в. (см. стихирари: ГПБ, Соф. собр., № 384, 1156—1163 гг.; № 96, XII в., минею месячную — ГИМ, Синод. собр., № 166, XII в., и др.).

Списки службы на перенесение мощей Бориса и Глеба встречаются с XV в., а старший список службы на перенесение мощей Николая Мирликийского находится в Обиходе церковном первой пол. XIV в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 284). Следует отметить, что в перечислении списков служб у Никольского названы старые шифры и есть ошибки в их обозначении.

Изд.: Макарий. Выписки из Трефологиона XV—XVI в. — ИпоРЯС, 1857, т. 6, вып. 2, стб. 188—189; Голубинский. История церкви, т. 1, 2-я пол., с. 434—438; Леонид. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в., труд Ефрема, епископа Переяславского. СПб., 1888, с. 62—74; Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира и службы его по памятникам XIII—XVII вв. — Странник, 1888, июнь—июль, с. 197—237.

Лит.: Макарий. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868, т. 2, с. 251; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 688;

С р е з н е в с к и й. Памятники, ст 31; М а л ы ш е в с к и й Ив. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? — Тр. Киев. духовн. акад., 1882, № 1, с. 52—64; Ф и л а р е т. Обзор, с. 23; С о б о л е в с к и й А. Год крещения Владимира св. — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2, отд. 2, с. 1—2; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 48—63, 64; Н и к о л ь с к и й. Повременной список, с. 442—466.

О. В. Творогов

Д

Даниил (ум. 9 IX 1122 г.) — епископ Юрьева на р. Рось, предполагаемый автор послания. Летописи сообщают о поставлении Д. епископом Юрьева 6 января 1113 г., о его участии в церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г. и о смерти в 1122 г.

М. Н. Тихомиров атрибутировал ему статью «От иного посланья о повинных» (нач.: «Богом вседержителем нареченому ис щерева матери своея. . .»), в тексте которого упомянут автор, но имя его обозначено буквой Д под титлом. Послание содержит обращение к великому князю с просьбой о снисхождении к «согрешающим». По гипотезе М. Н. Тихомирова, адресатом является *Владимир Всеволодович Мономах*, ибо о нем говорится как о правнуке Владимира Святославича. М. Н. Тихомиров связывает послание с событиями 1113 г., когда Мономах стал великим князем Киевским, подавив городское восстание.

Единственный известный список Послания находится в составе кормчей кон. XV—нач. XVI в. (ГИМ, собр. Барсова, № 155, л. 279—280 об.).

Изд.: Т и х о м и р о в М. Н. Малоизвестные памятники. 2. Киевские князья XI столетия в Послании о повинных. — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 454—456.

О. В. Творогов

Даниил (втор. пол. XI—нач. XII в.) — игумен одного из черниговских монастырей, автор «Хождения». Д. в начале XII в. (по мнению Ю. П. Глушаковой, в 1104—1107 гг.) посетил Палестину, «Житье и хожение Даниила, Руськыя земли игумена» является древнейшим из известных памятников этого жанра.

По косвенным данным можно полагать, что Д. был постриженником Киево-Печерского монастыря, а затем игуменом какого-то монастыря на Черниговской земле. Возможно, он возглавлял небольшую группу русских паломников. Предположение, что Д. выполнял также дипломатические поручения, не имеет достаточных оснований.

По пути из Руси Д. останавливался в Константинополе, Эфесе, на острове Кипр. В самой Палестине он провел 16 месяцев, жил в монастыре св. Саввы под Иерусалимом, побывал в различных районах Иерусалимского королевства — Иерихоне, Вифлееме, Галилее, на Тивериадском озере. Д. подробно описывает маршрут каждой поездки, увиденные им достопримечательности, попутно пересказывая связанные с ними библейские и апокрифические легенды или предания церковной истории. Осведомленность его в священной истории чрезвычайно широка, — возможно, этим он обязан не только своей образованности, но и рассказам опекавшего его монаха, «свята и стара деньми и книжна вельми». Подробные описания «святых мест» превратили «Хождение» Д. в ценнейший источник сведений для последующих паломников.

Д. описывает природу Палестины, ее плодородные земли, сады и виноградники, при этом в топографических описаниях нередко прибегает к сравнениям с природой и ландшафтом русских земель. Интерес представляет также рассказ Д. о встречах его с иерусалимским королем Балдуином, о рискованных поездках по дорогам, на которых паломников подстерегали засады «сарацин», о богослужении в иерусалимском храме. Д. постоянно ощущает себя посланцем Руси, заботится (в специфической для своего сана и для своего времени форме) о ее благополучии: поминая в монастыре св. Саввы русских князей, бояр и «всех христиан», он, как заметил В. Л. Янин, перечисляет князей в том иерархическом порядке, который был установлен в его время на Руси, тем самым как бы ратуя за устойчивость политического устройства своего государства.

«Житие и хождение» Д. получило широкое распространение в древнерусской письменности; известно более ста списков его начиная с XV в. По мнению Л. Измайловой, в языковом отношении текст «Хождения» лучше всего передан в списке ГИМ, Синод. собр., № 181 (XVI в.). Б. А. Рыбаков высказал предположение, что Д. является также составителем памятника — «*Слово святого Григория, изобретено в толцех о том, како първое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят*». В этом сочинении Поучение Григория Богослова на богоявление пересказано и дополнено многочисленными вставками о языческих обычаях у славян. Оно является поэтому одним из важнейших источников для исследователей древнерусского язычества. «Слово» известно в четырех списках: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081 (так называемый Паисиевский сборник, XV в.); ГПБ, Соф. собр., № 1295, кон. XV в., ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 43/1120, XVII в., и в некоторой переработке в списке ГИМ, Чуд. собр., № 270 (изд. текста см.: Т и х о н р а в о в. Летописи Тихонравова, т. 4, с. 96—105; Г а л ь к о в с к и й Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2. — В кн.: Зап. Моск. археол. ин-та, т. 18, М., 1913, с. 17—35). В списке Соф. собр. указывается, что составитель «Слова» не смог исполь-

зовать свой источник полностью: «Досюда беседа си бысть. Досюде могох написати, даже несоша ны (исправляют на: «книгы ты») Цесарюграду, а мы выседше ис корабля идохом в Святую гору». Это указание, что составитель путешествовал, а также косвенные данные, отразившиеся в былине «Данило Игнатьевич», позволили Б. А. Рыбакову допустить, что составитель «Слова» — Д.

Изд.: Сахаров И. Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII столетия. — В кн.: Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837, ч. 1, с. I—XIX, 1—90; Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. (1113—1115) / Изд. Археогр. ком. под ред. А. С. Норова. СПб., 1864; Pèlerinage en Terre Sainte de l'igoumène russe Daniel, au commencement du XII siècle (1113—1115) / Trad. par. A. de Noroff. СПб., 1864 (пер. на фр. яз.); Лицевой список хождения Даниила паломника. СПб., 1881 (ПДПИ, № XIV); Житье и хожение Даниила Русьскыя земли игумена: 1106—1107 гг. — ППС, 1883, т. 1, вып. 3, 1885, т. 3, вып. 3 (репринт: Abt Daniil. Wallfahrtsbericht. München, 1970 (Slavische Propyläen, Bd 36)); Die Pelgerfahrt des russischen Abtes Daniel ins Heilige Land 1113—1115. Übersetzt von A. Leskien. — Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins, 1884, Bd 7, S. 17—64 (пер. на нем. яз.); The Pilgrimage of the Russian Abbot Daniel in the Holy Land 1106—1107 A. D. By C. W. Wilson. London, 1888 (пер. на англ. яз.); Khitrovo B. Itinéraires russes en Orient. Genève, 1889, t. 1, 1, p. 1—83 (пер. на фр. язык); Хождение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова. — В кн.: ПЛДР. XII век. М., 1978, с. 24—115, 627—645.

Лит.: Пономарев А. К истории древнерусской церковной письменности и литературы. II. Игумен Даниил и его хождение в св. землю. — Странник, 1880, декабрь, с. 467—492; Веневитинов М. 1) Заметки к истории Хождения игумена Даниила. — ЖМНП, 1883, май, с. 1—13; 1887, январь, с. 11—67; 2) Хождение игумена Даниила в святую землю в начале XII ст. — ЛЗАК за 1876—1877 г., 1884, вып. 7, с. 1—138; 3) Путеводитель в Палестину XVI в. — Там же, отд. 2, с. 1—10; 4) Переделка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, отд. 2, с. 1—25; Рузский Н. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. 3, отд. 2, с. 1—172; Сперанский М. Славянские апокрифические евангелия. — В кн.: Тр. VIII археол. съезда в Москве. М., 1895, т. 2, с. 64—66 (то же: отдельный оттиск, с. 27—29); Заболотский П. Легендарный и апокрифический элемент в Хождении иг. Даниила. — РФВ, 1899, № 1—2, с. 220—237; № 3—4, с. 237—273; Данилов В. В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 92—105; Кузьмина В. Д. Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине в начале XII в. по «Хождению» игумена Даниила. — Вестн. ист. мир. культ., 1959, № 6, с. 82—87; Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 112—131; Надвикова Т. Ф. Книжные слова в «Хождении игумена Даниила». — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, с. 132—144; Водовозов Н. В. «Хождение» Даниила и первый крестовый поход. — Русская литература и народное творчество. М., 1962. (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 178, с. 16—35; Глушакова Ю. П. О путешествии игумена Даниила в Палестину. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 79—87; Рыбаков Б. А. 1) Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 115—124; 2) Язычество древних славян. М., 1981, с. 11—30; Измайлова Л. О древнейшем из списков «Хождения» Даниила игумена. — В кн.: Сб. работ аспирантов кафедр гуманитарных наук Дагест. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Махачкала, 1964, вып. 1, с. 192—204; Янус Э. Варшавский список «Хождения игумена Даниила». — ТОДРЛ, 1968, т. 23, с. 300—304; Прокофьев Н. И. 1) Русские хождения XII—XV вв. — Лите-

ратура древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 363, с. 27—64); 2) О классовой и народной основе хождений игумена Даниила и Афанасия Никитина. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1970, № 389, с. 74—86; Поппе А. Сообщение русского паломника о церковной организации Кипра в начале XII в. — Ἐπετηρὶς τοῦ κέντρου Ἐπιστημονικῶν Ἐρευνῶν, VIII, Λευκωσία, 1975—1977, с. 53—72; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 173—204.

О. В. Творогов

Даниил Заточник (XII или XIII в.) — предполагаемый автор двух произведений, очень близких друг другу по тексту — «Моления» Д. З. и «Слова» Д. З. Датировкам этих произведений и их взаимоотношению между собой посвящено довольно много исследований, но ни одно не может быть принято как бесспорное. Вряд ли перед нами два произведения одного автора. Очевидно, одно из них — переделка другого или оба восходят к какому-то третьему тексту. «Моление» и «Слово» относятся, вероятно, к XII и XIII вв. Какое произведение «старше» и ближе, следовательно, к авторскому тексту, неясно. Неясно и то — кто такой Д. З.: действительно существовавшая личность или некий собирательный образ, объединивший многих авторов и редакторов, работавших над текстом этих произведений. Выражение «заточник» — очевидно, прозвище, указывающее на занимаемое Д. З. положение, «заточник» — может означать заключенного, сосланного человека или человека «заложившегося», согласившегося на подневольную работу, «заточившегося», т. е. согласившегося на кабальную работу.

Летописец XIV в. считал Д. З. действительно заточенным на озере Лаче лицом. Под 1387 г. в Симеоновской летописи рассказывается о некоем попе, пришедшем из Орды «с мешком зелия», и сосланном на озеро Лаче, «идеже бе Данило Заточник», а несколько ниже (под 1379 г.) приводится и цитата, встречающаяся в списках «Моления» Д. З.: «добро есть надеятися на бога, нежели надеятися на князя», что указывает на то, что под Д. З. летописец разумел именно автора «Моления».

В. Г. Белинский, не вдаваясь в вопрос о том, кто был Д. З. по профессии, считал его своего рода древнерусским интеллигентом; Н. Миндалев, И. Будовниц, Б. Романов — княжеским дружинником, дворянином в его положении XII—XIII вв., отличавшемся от последующего — XVI—XVII в., когда дворянство выделилось в отдельное сословие. А. Щапов и Н. Гудзий предполагали, что Д. З. холоп. М. Тихомиров, вслед за Д. Айналовым, подчеркивал отличное знание Д. З. ремесел и выводил отсюда принадлежность его к ремесленникам.

Все эти предположения и гипотезы очень характерны и важны, ибо они — независимо от того, правильны ли они или ошибочны, — указывают на то, что Д. З. дает много поводов в своем произведении писать о своей личности: личностное начало в «Молении» и «Слове» выражено очень ярко.

Автор «Моления» и «Слова» подобрал в своем произведении различные афоризмы из самых разнообразных источников (Библии, сборников изречений вроде «*Пчелы*», «*Стословца*» *Геннадия* и пр.). но расположил их в таком порядке, что придал им некоторую сюжетную основу. Воображаемый или действительный автор жалуется своему князю на свою судьбу, просит его ему помочь и вместе с тем стремится посмешить и развеселить князя, описывая разные возможные способы выйти ему из положения нужды. Особенно подробно он излагает такой способ: жениться на «злообразной» (безобразной) и злой жене, но богатой, чтобы выйти из своего бедственного положения. Главные предметы его самонасмешек — нищета, неустроенность, изгнанность отовсюду. Чего хочет, того нет, чего добивается — не получает, просит — не дают, стремится возбудить уважение к своему уму — тоже тщетно. Его реальная нищета и бессилие противостоят идеальному богатству и могуществу князя; есть сердце, но оно — лицо без глаз; есть ум, но он как ночной ворон на развалинах, нагота покрывает его, как Красное море фараона. Описывает Д. З. и различных фокусников и скоморохов. Все это в целом дает основание думать, что он был сам близок к среде скоморохов.

В своем произведении Д. З. не только смешит, жалуется, но и попрошайничает, причем многократно упоминает богатые яства на столе у князя, что наводит на мысль, что перед нами произведение, написанное для исполнения на пиру, но и говорит о своем умственном превосходстве над окружающими князя боярами, демонстрирует свою начитанность, знание ремесел и пр., что указывает на то, что Д. З. осознавал себя не только попрошайкой-скоморохом, но и своего рода «интеллигентом». Это дало основание В. Г. Белинскому писать: «Кто бы ни был Даниил Заточник — можно заключать не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностию по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, а молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить. . .» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 351). «Двойственность» Д. З., его униженность и одновременно гордость своими знаниями, попытки выбраться из крайне затруднительного положения и вместе с тем притязание занять при князе самое близкое к нему положение, попытки смешить (иногда самым грубым образом, смешить самим собой, своими проектами выбраться из унижения) и одновременно учить князя, составляют удивительную особенность образа автора, чем-то напоминающего героев Достоевского, Гоголя или Лескова.

Изд.: Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914; Зарубин Н. Н. «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Л., 1932 (репринт: Das Gesuch Daniils. München, 1972 (Slavische Propyläen, Bd 123)); Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника. — ТОДРЛ, 1948, т. 6, с. 195—200; Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — Там же, 1954, т. 10, с. 106—119; Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника. — Там же, с. 269—279; Покровская В. Ф. Неизвестный список «Слова» Даниила Заточника. — Там же, с. 280—289; ПЛДР. XII век. 1980, с. 388—400.

Лит.: Лященко А. И. Моление Даниила Заточника. СПб., 1896; Гуссов В. М. 1) К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника. — Летопись Ист.-филол. общ. при Новорос. ун-те. Одесса, 1900, т. 8. Виз.-слав. отд., т. 5, с. 1—34; 2) Историческая основа Моления Даниила Заточника. — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 410—418; Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? — Летопись Ист.-филол. Общ. при Новорос. ун-те. Одесса, 1902, т. 10. Виз. слав. отд., т. 7, с. 55—74; Айналов Д. В. Два примечания к Слову Даниила Заточника. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 1, с. 352—365; Гудзий Н. К. 1) К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. — В кн.: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 481—482; 2) «Моление Даниила Заточника». — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 35—45; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, М.; Л., 1947, с. 17—47, 280—310; 2-е изд. М.; Л., 1966, с. 17—35, 213—235; Tschižewskij D. 1) Geschichte der Altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche. Frankfurt am Main, 1948, S. 374—381; 2) History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. 'S-Gravenhage, 1960, p. 131—135; Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики. — ТОДРЛ, 1951, т. 8, с. 138—157; Скрипиль М. О. «Слово Даниила Заточника». — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 72—95; Вагнер Г. К. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 45—46; Иссерлин Е. М. 1) Наблюдения над лексическими параллелями в списках «Моления» Даниила Заточника. — В кн.: Вопросы теории и истории языка: Сб. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 47—55; 2) Лексические замены и вставки в отдельных списках «Моления» Даниила Заточника. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972, т. I, с. 13—20; 3) «Моление» Даниила Заточника и «Слово о полку Игореве»: (Лексико-семантич. параллели). — Филол. науки, 1973, № 4, с. 95—103; Фелицина В. П. Сопоставление текстов «Моления» Даниила Заточника и сборника пословиц XVII в. — В кн.: Вопросы теории и истории языка: Сб. статей памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 119—123; Боровский Я. Е. Слово Даниила Заточника: Проблемы текстологического анализа и вопросы авторства: Автореф. канд. дис. Киев, 1970; Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. — АЕ за 1970 г. М., 1971, с. 43—89; Яценко Б. I. Iсторична основа «Слова Даниила Заточеника». — Укр. Iст. журн., 1971, № 12, с. 59—67; Рускова М. П. Взаимоотношение списков «Моления» Даниила Заточника по данным именного склонения. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972, т. 1, с. 122—132; Colucci M. Le strutture prosodiche delle Slovo Daniila Zatocnika. — Ricerche Slavistiche, 1974—1974, t. 20—21, p. 83—123; Ларина Т. Н. К вопросу о датировке «Моления» («Послания») Даниила Заточника. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 430—438; Лихачев Д. С. 1) Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 205—220; изд. 2-е. М., 1979, с. 241—258; 2) «Смеховой мир» Древней Руси. — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 30—32 (то же в кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984, с. 24—25); Монахова Н. П. 1) К проблеме типологического изучения «Моления Даниила Заточника». — Учен. зап.

Перм. ун-та, 1976, № 304, с. 214—233; 2) Идеологическая основа противопоставления «мудрости» и «храбрости» в «Молении Даниила Заточника». — Вестн. МГУ. М., 1981. Сер. 9. Филол., № 2, с. 22—31; Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

Д. С. Лихачев

Девгениево деяние («Деяние прежних времен храбрых человек», «О дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгения», «Житие Девгения») — древнерусская переводная повесть, восходящая к византийским эпическим сказаниям X в. о богатыре-воине Дигенисе Акрите (см.: Дигенис Акрит / Пер., статьи и ком. А. Я. Сыркина, М., 1960 (сер. «Лит. памятники»)).

Сюжет Д. д. таков: сарацинский царь Амир похищает знатную девушку-гречанку, ее братья одолевают похитителя и принуждают Амира креститься. От брака Амира с гречанкой рождается Девгений. Он отличается красотой и богатырской силой. Девгений дерзко увозит дочь греческого военачальника (Стратига), разбивает высланное в погоню войско, и после примирения с побежденным Стратигом женится на похищенной девице. Последний эпизод Д. д. рассказывает о победе Девгения над царем Василием, под которым, возможно, подразумевается византийский император Василий I Македонянин (867—886 гг.). Д. д. присущи характерные черты героического эпоса: сила и доблесть героя проявляется и описывается в гиперболических формах — отрок Девгений на охоте руками душит медведицу, рассекает надвое льва, возмужав, он в бою за один заезд убивает по несколько тысяч вражеских воинов и т. д.

По мнению М. Н. Сперанского, В. Д. Кузьминой и др., древнерусский перевод был осуществлен в XI—XII вв., на что указывают лексические данные и стилистический параллелизм повести с Галицко-Волынской летописью (см. *Летопись Ипатьевская*). А. В. Соловьев допускал, что имя Девгения из Д. д. повлияло на текст *Повести временных лет*, где в статье 1095 г. сын византийского императора Романа IV Диогена именуется «Девгеневичем». С Акритом сравнивается Александр Невский в одной из поздних редакций (XV в.) его «Жития» (см. *Повесть о житии Александра Невского*). Имя переводчика Д. д. неизвестно.

М. Н. Сперанский и В. Д. Кузьмина выделяют две редакции памятника. Первая редакция представлена списком ГБЛ, собр. Тихонравова, № 399 (40-е гг. XVIII в.); как можно судить по выпискам Н. М. Карамзина, эта же редакция читалась и в Мусин-Пушкинском сборнике, включавшем и «Слово о полку Игореве». 2-я редакция известна в списках ГПБ, собр. Погодина, № 1773 (XVII—XVIII вв.) и ГПБ, собр. Титова, № 4369 (сер. XVIII в.).

Памятник сохранился только в поздних списках, в которых первоначальный текст перевода, вероятно, подвергся существенной языковой и стилистической правке; во второй редакции заметно влияние стиля переводных рыцарских романов и богатырского эпоса XVI—XVII вв.

Изд.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 85—89, 316—332; ПЛ, вып. 2, с. 379—387; Сперанский М. Н. Девгениево деяние: К истории его текста в старинной русской письменности: Исслед. и тексты. — СОРЯС, т. 99, № 7, 1922, с. 134—165; Pascal P. Le Digénis slave ou la Geste de Devgenij. — Byzantion, 1935, t. 10, p. 300—334 (пер. на фр. яз.), Кузьмина В. Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962; Graham H. F. The Tale of Devgenij. — Byzantinoslavica, 1968, t. 29, p. 51—91 (пер. на англ. яз.); Девгениево деяние. — В кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 172—195, 714—715 (подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова); Девгениево деяние (подготовка текста, перевод и комментарий О. В. Творогова). — В кн.: ПЛДР. XIII век. 1981, с. 28—65, 531-533.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 2, примеч. 333; т. 3, примеч. 272; Grégoire H. Le Digénis russe. — In: Russian Epic Studies/ Ed by R. Jakobson, E. I. Simmons. Philadelphia, 1949, p. 131—169; Soloviev A. La date de la version russe de Digénis Akritas. — Byzantion, 1952, t. 22, p. 129—132; Entwistle W. J. Bridesnatching and the «Deeds of Digenis». — Oxford Slavonic Papers, 1953, vol. 4, p. 1—16; Кузьмина В. Д. 1) Новый список Девгениева деяния. — ТОДРЛ, 1953, т. 9, с. 339—360; 2) Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 73—77; Стендер-Петерсен А. И. О так называемом «Девгениевом деянии». — Scando-Slavica, 1954, t. I, с. 87—97; Vaillant A. Le Digenis slave. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, 1955, књ. 21, св. 3—4, с. 97—228; Graham H. F. The ljutyj zver' in the Devgenievo Dejanie. Byzantino-slavica, 1963, t. 24, N 1, p. 54—62; Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 180—194.

В. Творогов

Демьян (1-я пол. XIII в.) — галицкий тысяцкий, записи и рассказы которого были использованы галицкими летописцами. Имя Д. 12 раз упоминается в Галицко-Волынской летописи (с 1208 по 1231 г.) (см.: ПСРЛ, 1908, т. 2; переизд.: М., 1962; Галицко-Волынская летопись / Подг. текста, пер. и ком. О. П. Лихачевой. — ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 236—425, 564—602). Во всех случаях Д. выступает на стороне Даниила Романовича Галицкого и его брата Василька либо как воевода, либо как посол князя. Л. В. Черепнин, анализируя состав «Летописца Даниила Галицкого», каковым он считает первую часть (оканчивающуюся 1260 г.) Галицко-Волынской летописи, приходит к выводу, что основой для составителя этого Летописца послужил целый ряд источников. Одним из таких источников он называет (условно) «вторую галицкую повесть». Это было произведение, описывавшее борьбу Даниила за Галицкое княжение с местным боярством, другими русскими князьями, с соседними Галицко-Волынскому княжеству землями, и охватывающее период с 1230 по 1245 г. Составлена эта «вторая галицкая повесть» была, по гипотезе Л. В. Черепнина, между 1238—1245 гг. печатником Кириллом и стольником Яковом. «Кроме того, — пишет Л. В. Черепнин, — повесть 1238—1245 гг. использовала и некоторые более ранние литературные заметки, которые вел какой-то близкий сорат-

ник Даниила в его борьбе за Галич» (Черепнин. Летописец, с. 251). По мнению Черепнина, это был Д.

В. Т. Пашуто, выделявший из Галицко-Волынской летописи Свод 1246 г. князя Даниила Романовича, предполагает, что те места этого Свода, в которых упоминается имя Д., были записаны с его слов. К устным или письменным сообщениям Д. в составе летописного Свода Даниила Пашуто относит: известие о занятии Галича Даниилом; о позорном изгнании из Галича боярина Судислава; описание неудачного похода короля Белы IV на Галич; воспоминание Д. о том, как он спас жизнь своему князю; описание борьбы с князем Александром Белзским, боярином Судиславом и венграми. В. Т. Пашуто выделяет из современного текста Галицко-Волынской летописи те отрывки, которые, по его мнению, являются текстами Д. «Общий характер сообщений боярина Демьяна позволяет думать, что славный воевода под конец жизни, оставив ратный труд, перешел целиком на дипломатическую работу и, находясь при дворе князя Даниила, способствовал составлению летописного свода, подбирая необходимые летописцу документы и пополняя их сухие известия своими воспоминаниями» (Пашуто. Очерки, с. 8).

Лит.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, № 12, с. 228—253; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Л., 1950.

Л. А. Дмитриев

Домид (кон. XIII нач. XIV в.) — псковский священник книгописец псковского Пантелеймонова монастыря, в 1307 г. переписавший Апостол-апракос (пергаменная рукопись, устав, в 4°, на 180 л., ГИМ, Синод. собр., № 722). На 180 л., в правой колонке помещена запись, из которой мы узнаем имя писца (оно дано в конце приписки тайнописью), имя заказчика рукописи — игумена псковского Пантелеймонова монастыря Изосимы, который «вда» эту книгу в свой монастырь, время написания книги. Наибольший интерес, однако, представляет центральная часть записи, в которой Д. в следующих словах говорит о событиях 1307 г.: «Сего же лета бысть бой па Русьской земли: Михаил с Юрьем о княженье Новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наши в князех которы и веци скоротишася человеком». Впервые обратил внимание на эту фразу К. Ф. Калайдович, отметивший сходство ее с тем местом «Слова о полку Игореве» (см. *Автор «Слова о полку Игореве»*), где говорится об усобицах Олега Святославича Черниговского: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, в княжих крамолах веци человеком скратишась». Н. М. Карамзин в примеч. 227 4-го тома своей «Истории» также отметил сходство приписки к Апостолу 1307 г. с соответствующим отрывком из «Слова». В настоящее время существует пять точек зрения на характер соотношения записи Д. с текстом «Слова о полку Игореве». 1. Имея в виду

междоусобную распрю между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским, достигшую своего апогея в 1306—1307 гг., Д. отметил это в своей записи цитатой из «Слова о полку Игореве». Д. несколько переработал текст «Слова», заменив выражение «жизнь Даждь-Божа внука» оборотом «жизнь наша» (это следует объяснять как тем, что Д. — монастырский писец и человек XIV в., так и тем, что он имел в виду судьбу свою собственную и своих соотечественников). Кроме того, «текст записи дает несколько более архаичные формы, чем текст „Слова"» (Якубинский. О языке, с. 73), что объясняется временем записи Д.: тот список «Слова», по которому было сделано первое издание 1800 г., датируется временем не ранее XVI в., а Д. должен был располагать списком «Слова», написанным во всяком случае не позже конца XIII—самого начала XIV в. Такая точка зрения на характер соотношения текста «Слова» и записи Д. принята большинством исследователей «Слова». 2. Ф. И. Буслаев высказал предположение, что и фраза в «Слове» о междоусобиях Олега Гориславича и слова Д. о междоусобной борьбе князей в 1307 г. восходят к единому источнику — «эпической поговорке из быта земледельцев». 3. В определенной степени к точке зрения Буслаева примыкает и мнение А. Мазона, который видел в тексте «Слова», и в записи Д. отражение якобы широко распространенной фразеологической формулы, клише. На основании этого Мазон считал, что запись Д. не может свидетельствовать о древности и подлинности «Слова о полку Игореве». 4. М. Н. Тихомиров полагает, что источником для автора «Слова» и для Д. послужило одно и то же письменное произведение — сочинение Бояна об Олеге Гориславиче (по мнению Тихомирова, произведения Бояна могли быть известны в Киевской Руси в письменном виде). «Запись в „Апостоле", — пишет он, — могла быть выписана не из „Слова о полку Игореве", а из произведения Бояна. Этим может быть объяснено отсутствие в записи „Апостола" слов о внуках Даждь-Бога, которые характерны для „Слова о полку Игореве" с его сложной мифологией» (Тихомиров. Боян и Троянова земля, с. 182). 5. А. А. Зимин, пытавшийся доказать позднее возникновение «Слова о полку Игореве», считал, что фраза, совпадающая в «Слове» с припиской Д. к Апостолу 1307 г., была вставлена в текст «Слова о полку Игореве» А. И. Мусиным-Пушкиным, использовавшим для этого приписку Д. Необоснованность такого предположения была подробно рассмотрена В. П. Адриановой-Перетц и Ф. Я. Приймой. Г. Н. Моисеева на основе документальных данных показала, что в кон. 80-х—нач. 90-х гг. XVIII в., когда, по мнению А. А. Зимина, А. И. Мусин-Пушкин мог использовать Апостол 1307 г. для вставки в текст «Слова» перефразированного отрывка из записи Д., этот Апостол был Мусину-Пушкину неизвестен (в построениях А. А. Зимина большую роль играет предположение, что Мусин-Пушкин в кон. 80-х—нач. 90-х гг. XVIII в. имел в своих руках Апостол 1307 г.). Уже в начале XIX в. некоторые

скептики (М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский) усомнились в подлинности записи Д. Для такого рода сомнений нет никаких оснований. Об этом свидетельствуют палеографические данные и прослеживаемая до конца XVIII в. история рукописи (характерно, что А. А. Зимин подчеркнул, что «подлинность этих приписок (к Апостолу 1307 г., — *Л. Д.*) не вызывает никаких сомнений», — Зимин. Приписка, с. 60).

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817, т. 4, примеч. 277, с. 401; Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и Собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. — Зап. и тр. ОИДР, 1824, ч. 2, с. 41; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1855, т. 1, отд. 1, с. 292—294 (№ 45); Савва. Указатель для обозрения Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. 2-е изд. М., 1858, с. 216; Буслаев Ф. И. Исторические очерки рус. нар. словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1, с. 99—100; Срезневский. Памятники, с. 171; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, с. 142 и 240; Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, p. 132—133; Якубинский Л. П. О языке «Слова о полку Игореве». — Докл. и сообщ. Ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1948, вып. 2, с. 73—74; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей/ Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 181—182; Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — ВИ, 1964, № 9, с. 121—140; Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV в. — РЛ, 1965, № 2, с. 149—153; Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 165—166; Зимин А. А. Приписка к псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве». — РЛ, 1966, № 2, с. 60—74; Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. — Там же, с. 75—89; Моисеева Г. Н. Новые материалы по истории Апостола 1307 года с цитатой из «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1983, № 4, с. 128—132.

Л. А. Дмитриев

Е

Евангелие Иакова (в научной литературе именуется — «Первоевангелие Иакова») — одно из апокрифических евангелий, повествующее о рождении богородицы, ее детстве, благовещении, рождении Христа, пришествии волхвов, бегстве Марии с Иосифом и Иисусом в Египет.

В древнерусской литературе Е. стало известно очень рано: на него ссылается уже *Даниил игумен* в своем «Хождении» (нач. XII в.). Отразилось также в анонимном *Сказании о Борисе и Глебе*, а позднее — в тексте Русского хронографа, в его 110 главе. Фрагменты из Е. вошли также в состав ВМЧ под

9 сентября, из чего можно заключить, что в XVI в. памятник не воспринимался как апокрифический.

Полные списки Е. известны в рукописях: ГИМ (Чуд. собр., № 20; Синод. собр., № 169); ГБЛ (собр. Ундольского, № 357 и № 1109). Встречаются списки, содержащие отдельно первые 16 глав (с начала до рассказа о зачатии Марии), либо главы 17—25 (от рассказа о переписи, проводимой Августом, до рождения Христа). Полный текст, а также текст, содержащий первую половину апокрифа, озаглавлены: «Месяца сентября 8 день. Слово святого Иакова на рождество пресвяты владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии». Фрагмент второй половины памятника озаглавлен: «Месяца декабря в 25. Слово святого апостола Иакова. на рождество господа нашего Иисуса Христа».

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 76—80; ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. стб. 352—363; Попов. Библиографические материалы, № 20, с. 7—24, Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 10—12, 136—148; Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия: (Общий обзор). М.; 1895, с. 7—9, 13—36, 118—127; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, 1899, т. 17, с. XIV—XV, 52—69; Истрин В. М, К вопросу о славяно-русских редакциях Первоевангелия Иакова. Летопись Ист.-филол. об-ва при имп. Новорос. унив. Одесса, 1900, т. 8, с. 179—226.

Лит.: Барсов Е. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись. — ЖМНП, 1885, декабрь, с. 100—110; Ягич И. В. Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний. 1. Апокрифическое Первоевангелие Иакова. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 2, с. 315—338.

О. В. Творогов

Евангелие Никодима — одно из апокрифических евангелий. Название условное — в древнерусских рукописях произведение озаглавлено иначе. Не обозначенное ни в одном из индексов отреченных книг, оно сохранилось в большом количестве славянских списков (А. де Сантос Отеро указывает 68 списков XIII—XVIII вв.), древнейший из которых датируется XIII в. и входит в состав гомилиария Михановича (см.: Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. I dio. Opis rukopisa, s. 96—99. — Текст Е. по этому списку издан: Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия, с. 106—113).

В отличие от других апокрифических евангелий, известных в славянских переводах, Е. было сначала переведено с латинского языка, а затем уже с греческого. Так же как в греческой и латинской традиции, в древнерусской литературе известны полная и краткая редакция Е.

Полная редакция в рукописях обычно озаглавлена: «Деяние святыя Троица, чтение на святую Пасху», «Чтение воскресное, деяние святыя Троицы, сотворено Карином и Лицоием». Она соответствует содержанию латинского текста апокрифа и охватывает события, связанные с судом Пилата, крестной смертью Христа, историей Иосифа Аримафейского (гл. I—XVI — «Gesta Pilati»; издание латинского текста полной редакции см.: Ti-

s c h e n d o r f C. Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1853, p. 333), а также содержит рассказ о сошествии Христа в ад (гл. XVII—XXVII — «Descensus Christi ad inferos»). В первой части рассказ ведется от имени тайного ученика Христа — Никодима, во второй — от имени Карина и Лицеоша, сыновей Симеона Праведного. Текстологические совпадения славянской полной редакции с латинской показывают, что в основе перевода должен был лежать текст, близкий к рукописи библиотеки монастыря Einsidlensis № 326 (см.: M e i e r G. Catalogus codicum manuscriptorum qui in Bibliotheca monasterii Einsidlensis O. S. B. servantur. Einsiedeln, 1899, t. 1, S. 297—298; издание текста см.: K i m H. C. The Gospel of Nicodemus Gesta Salvatoris / Ed. from the Codex Einsidlensis 326. Toronto, 1973). Лингвистический анализ сохранившихся славянских списков позволяет предположить, что перевод полной редакции был сделан в X—начале XI в., очевидно, в Сербии или Моравии. В старочешской письменности, по наблюдению Ю. Поливки, все списки полной редакции распадаются на две группы, которые восходят к разным латинским текстам одной редакции. В древнерусской письменности выделяются три разновидности списков полной редакции Е., причем группы оказываются противопоставлены по ряду таких признаков, как хронологическая отнесенность происходящих событий, имена и состав действующих лиц, отсутствие или наличие некоторых мелких эпизодов или более краткое их изложение — на основное содержание апокрифа эти расхождения влияние не оказывают. Две из этих групп (см., например, рукопись ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 145 и ГБЛ, собр. Рогож. кладб., № 570) соответствуют разновидностям той же редакции чешских списков, третья (ГПБ, Соф. собр., № 1264) — близка сербскому списку особой разновидности краткой редакции (списку в сборнике Михановича). В древнерусской письменности полная редакция Е. известна в списках начиная с XV в. (напр.: ГПБ, Соф. собр., № 1264; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 145 и др.). Временем наибольшего распространения памятника является XVI в. (15 списков). в это же время Е. включается в состав ВМЧ под 13 ноября. Текст полной редакции Е. издан А. Вайяном по списку Соф. № 1264 и двум публикациям — Л. Стояновича и И. Франко. Подготовительные материалы к изданию см. также в т. III «Памятников отреченной русской литературы» Н. С. Тихонравова (ГБЛ, ф. 284, папка 41, P.I).

Краткая редакция Е. отличается от полной отсутствием рассказа о сошествии в ад. По содержанию первой части отличий от полной редакции не имеет. Краткая редакция была переведена с греческого оригинала (греческий текст издан в кн.: T i s c h e n d o r f C. Evangelia apokrypha, p. 287) в кон. XIII—нач. XIV в. В рукописях текст обычно озаглавлен: «Написание господа нашего Иисуса Христа, еже воспомянута писание еврейским языком и философом, снем и погребоша тело Иисусово в лето великого Феодосия царя 17, преложиша из еврейскы в греческая вся,

елико содеясь при Пилате Понстем». Известна в основном в списках XVI в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 543, 1088; ГПБ, собр. Погодина, № 947, 1919; ГИМ, собр. Уварова, № 313 (595)); единственный известный список XV в. входит в состав пергаменного сборника ГПБ, собр. Погодина, № 67. Краткая редакция Е. была издана А. Н. Пыпиным и И. Я. Порфирьевым. В рукописных сборниках краткая редакция Е. обычно сопровождается циклом сказаний на ту же тему: «Посланием» или «Возношением Пилата к Тиверию», «Посланием Тиверия к Пилату», «Словом о суде Тиверия кесаря и о смерти Пилатове», «Словом о путешествии в Рим Марии сестры Лазаря», «Повестью о Иосифе Аримафейском».

В древнерусской письменности существует еще так называемая вторая полная редакция Е. По содержанию она ничем не отличается от полной редакции памятника. У исследователей нет единого мнения о происхождении этой редакции: Ю. Поливка считает, что она была переведена в XIII—XIV в. с недошедшего или неизвестного нам греческого оригинала. М. Н. Сперанский — что она была «составлена» из частей готового перевода (гл. I—XVI взяты из Е. краткой редакции в переводе с греческого, гл. XVII—XXVII — из полной редакции в переводе с латинского) «славянским редактором». Списки второй полной редакции, озаглавленные так же, как краткая редакция, известны только в древнерусской письменности, самые ранние из них датируются XVI в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1109, БАН, 33.13.15), остальные списки относятся к XVII в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 537, ГПБ, собр. Погодина, № 947, БАН, 33.13.11) и XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 13, БАН, 32.16.13). Вторая полная редакция не издавалась, подготовительные материалы и публикации содержатся в цензурном экземпляре рукописи Н. С. Тихонравова (ГБЛ, ф. 284, папка 27, P.I) по списку XVI в. Ундольского.

Вопрос о характере влияния Е. на западноевропейскую литературу подробно разобран в исследовании Ф. И. Булгакова «Сказание о страстях господних». В работе перечислены все известные литературные обработки Е., указаны переводы памятника на восточные языки. Существует ряд изданий инославянских списков Е. (например. Hanka V. Čtenie Nikodemovo (Cod. Prag. Nar. Muz. 4, H. 25). — Pojedn. Učené Společnosti V, II. Prag, 1860, s. 227—256; Daničić Gj. Dva apokrifna jevangjelja. — Starine, 1872, kn. 4, s. 130—154; Стојановић Љ. Неколико рукописа из Бечке царске библиотеке. — Гласник српског ученог друштва. Београд, 1885, књ. 63, с. 89—120; Polívka Gj. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. — Starine, 1891, kn. 24, s. 115—118, 124—129 и др.).

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 91—106; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 21—36, 164—190; ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, стб. 1874—1905; Франко. Апокрифы, т. 2, с. 252—357; Vaillant A. L'évangile de Nicodème: Texte slave et texte latin. Paris, 1968.

Лит.: Булгаков Ф. И. Сказание о страстях господних. СПб., 1878—1879, с. 153—185 (ПДПИ, № 1); Polívka J. Evangelium Ni-

codemovo v literaturách slovanských. — Časopis Musea král. Českého, 1890, t. 64, s. 255—275; 1891, t. 65, s. 94—101, 440—460; Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия. М., 1895, с. 55—82, 91—96; Карский Е. Ф. Западнорусский сборник XV в. — СОРЯС, 1899, т. 65, № 8, с. 9—12; Тупиков Н. М. «Страсти Христовы» в западнорусском списке XV в. СПб., 1901, с. 1—85 (ПДПИ, № 140); Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славян. филол. и археол. — СОРЯС, 1910, т. 88, № 3, с. 81—91; Grabar B. Über das Problem der längeren Fassung des Nikodemusevangelium in der älteren slavischen Literatur. — In: Mélanges I. Dujčev. Paris, 1979, S. 201—206; Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1981, Bd 2, S. 61—98.

Н. А. Кобяк

Епистолия Иисуса Христа о неделе — переводной апокриф, сказание о неделе — воскресном дне, в который нельзя трудиться, — широко распространенное в средневековой христианской письменности. Сюжет апокрифа таков: с неба падает камень, в котором обнаруживают «свиток». В нем от имени Христа предписывается жить праведно и чтить воскресный день (неделю), ибо в этот день свершилось много знаменательных событий: благовещение, крещение Христа и его воскресение, в этот же день будет и Страшный суд. В разных версиях апокрифа (греческих, чешских и др.) упоминаются и другие события священной истории этого дня. В заключении апокрифа говорится, что не поверивший «писанию» будет проклят и обречен на муки.

Епистолия падает с неба в Риме по одной версии апокрифа (она считается более древней, переведенной с греческого на болгарский с XI—XII вв.), и в Иерусалиме — по другой (переведена на болгарский в XIII—XIV вв., русские списки, возможно, с XV в.). Возникновение этой версии А. Д. Седельников связывает с деятельностью иерусалимского патриарха Иоакима.

Названия апокрифа в русской традиции сильно варьируются: «Слово образа нерукотвореннаго господа бога спаса нашего Иисуса Христа»; «Епистолия святая неделя»; «Слово святая епистолия», «Послание господа нашего Иисуса Христа с небесе спадшее в светы град Иерусалим»; «Епистолия господа нашего Иисуса Христа о святей преславне благочестивей недели» и др.

Апокриф получил широкое распространение в украинской рукописной традиции, сюжет его отразился в украинском и белорусском фольклоре и великорусских духовных стихах (см., например: Бессонов П. Калеки перехожие: Сборник стихов и исследование. М., 1864, ч. 2, вып. 6, с. 68—96).

В книге А. де Сантос Отеро перечислено 65 славянских списков Е., в том числе русские списки XV—XVI вв.: БАН, 17.11.6; ГБЛ, Волок. собр., № 85; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 791; ГИМ, Синод. собр., № 556; ГИМ, собр. Хлудова, № 135; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11/1088; ЦГИА, кол. Синода, № 1302 и № 1528.

Изд.: Епистолия и сказанье о неделе. — ПЛ, вып. 3, с. 150—153; Епистолья о недели. Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 314—322; Ящуржинский Хр. «Письмо» — апокриф. Киевская старина, 1891, № 11, с. 300—302; Дикарев М. А. Апокрифы, записанные в Кубанской области. В кн.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900, с. 73—92; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, т. 67, № 4. СПб., 1901, с. 152—162; Вилинский С. Г. 1) Болгарские тексты «Епистолии о неделе». Летопись Ист.-филол. о-ва при Новорос. ун-те. Одесса, 1902, т. 10. Виз.-слав. отд., т. 7, с. 87—124; 2) Кирилло-Белозерский список «Епистолии о неделе». — Там же, 1905, т. 13, с. 1—22; Радченко К. «Епистолия о неделе» по Филиппопольскому и Белградскому спискам. ЧИОНЛ, 1904, кн. 18. вып. 2, отд. 3, с. 1—21; Франко. Апокрифы, т. 4, с. 49—79; Яворский Ю. А. Два замечательных карпато-русских сборника XVIII в., принадлежащих Университету св. Владимира. — Киев. унив. изв., 1910, № 1, Прибавления, с. 23, 55—63; Konίř A. Církevněslovanské redakce apokryfu «Epištola na neděli». — Slavia, 1927—1928, roč. 6, s. 308—334, 685—708; Седельников А. Из истории «Епистолии о неделе»: Иерусалимско-Иоакимовская версия у русских и у южных славян. — Slavia, 1932, roč. 11, seš. 1, s. 56—72, seš. 2, с. 274—294.

Лит.: Пыпин А. Для объяснения ложных книг и преданий: Неделя и «Епистолия о неделе». — ЛЗАК за 1862—1863 гг., 1864, вып. 2, с. 1—15; Веселовский А. Опыты по истории развития христианской легенды. ЖМНП, 1876, март, с. 50—116; июнь, с. 326—328; Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, с. 116—121; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 378—379, 251—253; Murko M. Zapadna «Epistola o nedelji» v južno-slovanski književnosti. — In: Jagić-Festschrift: Zbornik u slavo Vatroslava Jagića. Berlin, 1908; Konίř A. Apokryf «Epištola na neděli» v literatuře církevnoslovanské. — Listy filologické, 1914, t. 41, s. 23—35, 104—111, 217—230; Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1978, Bd 1, S. 158—169.

М. А. Салмина

Есиф (XIV в.) — игумен и епископ, автор послания к пастве («Поклон и благословение от Есифа к детем моим и братии моей»), известного в списках кон. XIV (нач. XV) и XVI вв. Датируется по старшему списку и соседству в сборниках с произведениями авторов, живших не позже XIV в. Обращаясь к «братиям», Е. учит. что бога надлежит искать не «ногами», т. е. не хождением в Иерусалим, но «умным талантом — глаголом и душею»; «А иже кто умный талант, дар божий, светилник спасеного промыслъ, погреб в земли погыбающих вещий, начнет ногами искати бога, не в Ерусалиме сущаго, но всю вселенную горстию объдержащаго, то вътще трудится». Вторая тема послания — необходимость изучения Писания. Выражена она образно: «Немощно вы, братья, бес потопления проплыти моря сего житейскаго, аще не иствердите корабля своего умнаго, акы гвоздием, учениемь Писания божественнаго. ..». Ссылаясь на Иоанна Златоуста, автор велит чернецам причащаться четырежды в неделю: в среду, пятницу, субботу и воскресенье. Недостойный, причащаясь, говорит он, уподобляется Иуде; достойный же, не причащаясь, «другый Июда бывает, поне же на худе вещи продасть царство небесное».

Со ссылкой на Иоанна Экзарха он пересказывает восходящий к Лавсаику рассказ о женщине, имевшей привычку причащаться еженедельно, а потом по лености три недели не причащавшейся, получившей от бесов «образ лошадин» и в таком виде приведенной ее мужем к святому Макарию. Завершается послание призывом хранить «. .страх божий к сердци своем, никогда не заблудить от пути божия спасенаго».

В XIV в. (1337—1345 гг.) в новгородском Юрьевом монастыре был архимандрит Иосиф, но поскольку у нас нет уверенности, что тогда не было других архимандритов или игуменов, носивших то же имя, и дата создания послания предположительна, атрибуция его остается спорной.

Изд.: Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, XVIII. — СОРЯС, т. 82, № 4. СПб., 1907, с. 127—140.

Г. М. Прохоров

Ефрем (XI в.) — епископ Переяславля Южного, предполагаемый автор цикла сочинений, посвященных Николаю Мирликийскому. Биографические сведения о Е. содержатся в Житии Феодосия Печерского (см. *Нестор*) и *Повести временных лет*. Как сообщает житие, в пещеру к Антонию, *Никону* и *Феодосию Печерскому* пришел, желая постричься в монахи, «каженик» (скопец) «от княжа дома, иже бе любим князем и предръжа у него вся». Антоний постриг его и дал ему имя Е. Некоторое время спустя Е. отправился в Константинополь «и ту живяше в едином манастыри» (по предположению арх. Леонида — с 1055 до 1082 г.). К нему посылал Феодосий Печерский с просьбой переписать и прислать на Русь монастырский устав, принятый в константинопольском Студийском монастыре. Позднее Е. вернулся на Русь и был поставлен епископом в Переяславле Южном. В Повести временных лет (в статье 1089 г.) рассказывается об активной строительной деятельности Е. в Переяславле и описывается внешность епископа: «бе скопец, высок телом». В статье 1091 г. упоминается присутствие Е. при перенесении мощей Феодосия Печерского. Без достаточных оснований архимандрит Леонид предположил, что в 1091—1096 гг. Е. был киевским митрополитом.

Несмотря на скудость биографических данных о Е., Леонид считал его переводчиком так называемого иного жития Николая Мирликийского, а также составителем сказания о посмертных чудесах святого; при этом некоторые чудеса, по предположению Леонида, были написаны самим Е. (об этих произведениях см. *Житие Николая Мирликийского*). Он атрибутировал Е. также «Слово похвальное на пренесение мощей Николая Мирликийского» (нач.: «Се наста, братие, светлое празднество предивнаго отца нашего Николы. .») и другие «слова» на ту же тему (нач.: «Присно убо должни есмы, братие, праздникы божия творяще в честь держати. . .»). Эти похвальные слова известны в рукописях XIV в.

Слово похвальное на перенесение мощей Николая Мирликийского входило в состав старопечатных изданий: Службы и житие Николая Чудотворца. М., 1640 (переиздания 1641 и 1643 гг.); Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., 1662 (переиздания 1678, 1688, 1694 и 1699 гг.).

Изд.: Шляпкин И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881 (ПДП, № 19); Леонид, архим. 1) Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследования двух памятников древней русской письменности XI в. СПб., 1881 (на обложке — 1882), с. 97—170 (ПДП, № 34); 2) Посмертные чудеса святителя Николая, архиеп. Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. / Труд Ефрема, еп. Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9). СПб., 1888 (ПДПИ, № 72).
Лит.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

О. В. Творогов

Ефрем (XIII в.) — автор Жития Авраамия Смоленского. Об авторе агиобиографии Авраамия мы не знаем ничего, кроме его имени, которое сообщается в «самоуничижительной формуле» (captatio benevolentiae), открывающей послесловие к Житию. Изучение литературных источников Жития показывает, однако, что Е. был весьма начитанным книжником. В жизнеописании Авраамия пересказываются эпизоды из *житий Саввы Освященного*, *Иоанна Златоуста*, Авраамия Затворника, Феодосия Печерского. Выписки из Жития Феодосия Печерского, из Чтения о Борисе и Глебе (см. *Нестор*), а также цитаты из Св. писания впервые отождествлены в работе И. Редкова, которая до сих пор остается наиболее серьезным исследованием Жития. Из Жития Феодосия Печерского Е. приводит две выписки, причем одна из них, в предисловии, отличается буквальной точностью; влияние сочинения Нестора обнаруживается и дальше — на протяжении всего памятника. Молитва, составляющая первую половину предисловия к Житию, является переделкой молитвы в Чтении о Борисе и Глебе; к Чтению Е. обращается в своем произведении еще несколько раз. Автор использует поучение «о казнях божиих» (*Повесть временных лет* под 1068 г.). ссылается на сборник *Златая цепь* и делает выписку из «Повести некоего духовного отца к духовному сыну» (выписка пока не отождествлена).

По мнению ряда исследователей, Житие было написано уже после монголо-татарского нашествия (1237 г.), поскольку автор призывает бога уничтожить «измаилтескыя языкы». Оно состоит из трех частей: предисловия, жизнеописания Авраамия и послесловия, которое, в свою очередь, содержит три логически связанные части: похвалу Авраамию, молитву к богородице и «заступление граду».

Биографические сведения об Авраамии сохранились только в Житии. Время его жизни определяется на основании следующих

фактов: в житии сказано, что святой был рукоположен в священники при княжении Мстислава Смоленского (Мстислав Романович), который сидел на Смоленском престоле с 1197 г., а в 1214 г. стал Киевским князем; далее здесь упоминается придворный смоленский храм Михаила архангела, построенный в 1191—1194 гг. (датировка Н. И. Брунова); наконец, один из героев повествования — епископ Игнатий, занявший Смоленскую кафедру после 1197 г., упоминался в Троицкой летописи под 1206 г. (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб, 1892, т. 3, с. 48, примеч. 118); преемник Игнатия — Лазарь, принимавший активное участие в судьбе Авраамия, оставил епархию, как предполагается, в 1219 г. Попытка В. Л. Янина отнести деятельность епископа Игнатия к более раннему времени и в связи с этим пересмотреть хронологию Жития Авраамия в целом не выдерживает критики, так как ученый не принял во внимание данные, извлеченные Н. М. Карамзиным из Троицкой летописи (Янин В. Л. К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. — Новгородский исторический сборник, Л., 1984, вып. 2 (12), с. 88—89, 94).

Авраамий был одним из образованнейших людей своего времени. В Житии перечисляются книги, которые особенно любил святой, причем называются сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина (см. *«Паренесис» Ефрема Сирина*), *Феодосия Печерского*; возможно, Авраамий читал также некоторые апокрифические статьи («глубинныя книгы»). Авраамий Смоленский не только сам переписывал книги, но и пользовался услугами писцов монастырского скриптория в Селище. Кроме того, Авраамий Смоленский занимался иконописью — Е. называет две иконы («Страшный суд втораго пришествиа» и «Испытание въздушных мытарьств»), принадлежащие кисти святого. Особенно широкую популярность среди жителей Смоленска Авраамий снискал в качестве проповедника. На основании этого свидетельства Жития делались попытки приписать Авраамию некоторые анонимные сочинения. В частности, С. П. Шевырев пытался доказать, что Авраамию принадлежит «Слово о небесных силах, чесо ради создан бысть человек» (в одном из списков сочинение приписано некоему Авраамию), однако его предположение нельзя считать достаточно аргументированным. Кроме того, Авраамию приписывается молитва, изданная С. П. Розановым (Жития, с. 163).

Разносторонняя одаренность Авраамия, и в особенности талант проповедника, способствовали его известности среди жителей Смоленска, что вызвало зависть местного духовенства. Поэтому святому пришлось покинуть пригородный монастырь в Селище и переселиться в Крестовоздвиженский монастырь в Смоленске. Но и здесь его продолжали преследовать, и несмотря на возражения светских властей, которые на суде вынуждены были признать невинность Авраамия, духовенство запретило ему совершать литургию и выслало святого из города. Лишь когда по молитве Авраамия случилось чудо и пролился дождь во время

засухи, святой был, наконец, оправдан (Б. А. Рыбаков датирует эту засуху 1218—1220 гг.). Епископ Игнатий поставил его игуменом в основанном им монастыре (позднее широко известный Авраамиев монастырь), в котором Авраамий доживал свои дни, пользуясь всеобщим уважением.

Житие в рукописной традиции получило широкое распространение и неоднократно подвергалось переработкам. С. П. Розанов, составитель научного издания памятника, выделяет Основной (полный) его тип, Проложный (сокращенный) тип и переделки. Широкое распространение в рукописной традиции получили службы Авраамию Смоленскому, также изданные С. П. Розановым.

Изд.: Житие преподобного Авраамия Смоленского. — ПС, 1858, № 9, с. 136—148; № 11, с. 369—390; Редков Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. — Смоленская старина, 1909, вып. 1, ч. 1, с. 1—173; Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / Приготовил С. П. Розанов. СПб., 1912 (Памятники древнерусской литературы, вып. 1) (репринт: Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über den heiligen Avraamij von Smolensk (Slavische Propyläen, Bd 15). München, 1970); ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 66—105; Древнерусские предания: (XI—XVI вв.). М., 1982, с. 73—116.

Лит.: Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 2, с. 115—122; Ключевский. Древнерусские жития, с. 52—58; Барсуков. Источники агиографии, стб. 8—10; Шевырев С. История русской словесности. 2-е изд. СПб., 1887, ч. 3, с. 213—216; Жития святых, преподобного Аврамия, мученика Меркурия и благоверного князя Андрея, смоленских чудотворцев. 3-е изд. Смоленск, 1894, с. 3—25; Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 130—138; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 г. Киев, 1916, VII (Занятия И. И. Фетисова), с. 155—158; Бугославский С. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии. — В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 332—333 (СОРЯС, т. 101, № 3); Федотов Г. П. 1) «Житие и терпение» св. Авраамия Смоленского. — Православная мысль. Париж, 1930, т. 2, с. 127—147; 2) The Russian Religious Mind. Cambridge, Mass., 1966, vol. 1, p. 158—175; Рыбаков Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». — Сов. археол., 1964, № 2, с. 179—187; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 92—94; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982, S. 101—103, 139—142, 238—240; Янковска Л. А. К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского: (Литературная обработка Жития Авраамия Смоленского). — Slavia Orientalis, 1984, г. 33, № 3—4, с. 383—396.

Д. М. Буланин

Житие Алексея человека божия — переведенный с греческого агиографический памятник, получивший распространение в древнерусской книжности по крайней мере с XII в. Списки Ж. озаглавлены: «Житие и жизнь преподобного и богоносного отца нашего Алексея человека божия», «О жизни и смерти преподобного отца нашего Алексея человека божия», «Живот святого Алексея человека божия» и т. д. Ж. посвящено христианскому подвижнику Алексею, жившему, согласно церковному преданию, при императорах Аркадии и Гонории и при папе Иннокентии I (кон. IV—нач. V в.). Легенды о нем знакомы всем христианским литературам (библиографию списков и изданий греческого текста жития А. см. в кн.: BHG, t. 1, p. 15—19). Сюжетная схема и поэтика Ж. в достаточной мере традиционны и находят многочисленные параллели в других агиографических произведениях, как византийских, так и древнерусских.

Литературная история произведения на Руси изучена В. П. Адриановой-Перетц. Древнейший вид Ж. сохранился в рукописи XII в. (ГПБ, F.п. I.46) и в большом количестве позднейших. В целом он соответствует греческой редакции, изданной Перейрой (P e r e i r a E. Légende grecque de S. Alexis. — Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1900, t. 19, p. 243—254). В. П. Адрианова-Перетц называет этот вид «редакцией Златоструя», В. Н. Перетц — «редакцией Торжественника», так как он входит в состав так называемого Торжественника, включенного в список «Златоструя». Этот перевод был сделан, как полагает В. П. Адрианова-Перетц, на славянском юге, откуда перешел не позднее XI в. на Русь. Из поздних списков этой редакции (незначительно отличающихся от древнейшего списка) следует отметить лицевую рукопись середины XVII в. (БАН, 34.3.27). Ж. входит также в сборники различного состава, в том числе и в построенные по календарному принципу, где читается под 17 марта — днем памяти святого.

Существовала другая редакция Ж., «Троицкая» (старший список — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 9, XIV—XV вв.). Она исправляет и дополняет древнейший текст по более пространному греческому оригиналу. Третья редакция Ж. входит в ВМЧ; в ее основе список древнейшей редакции, исправленный по греческому оригиналу, близкому текстам, изданным Перейрой и М. Ресслером (R ö s s l e r M. Die Fassungen der Alexius-Legende. — Wiener Beiträge zur englischen Philologie, Bd 21, 1905, S. 118—155).

Новый перевод Ж. с греческого был сделан в 1659 г. Арсением Греком, напечатан в Анфологионе 1660 г. (с. 1—37) и в изданиях *Пролога*, начиная с 1660 г. Этот текст представляет собой образец риторически украшенного жития.

Еще один вид Ж. встречается в минее Димитрия Ростовского; сохранив в основном схему жития ВМЧ, текст дополнен по переводам Арсения Грека, Петра Скарги (S k a r g a P. Żywoty swiętych, t. 17. Kraków, 1610, s. 628—631); использованы также тексты «Acta Sanctorum» (см.: Iulii, t. 4. Venetiis, 1748, p. 238—270) и Сурия (см.: S u r i u s. Historiae seu vitae Sanctorum. Augustae Taurinorum, 1877, t. 7, p. 276—280).

Существуют также западно- и южнорусские переводы и переработки Ж. Алексея, первым по времени среди которых является западнорусский перевод, сохранившийся в списке конца XV в. (ГПБ, Q.I.391). П. Владимиров отметил, что текст Ж. следует редакции Legenda Aurea (I a c o b u s d e V o r a g i n e. Historia Lombardica, quae a plurisque Aurea Legenda sanctorum appelatur. Strassburg, 1485, ch. LXXXIX) и пришел в Западную Русь через чешское посредство. Кроме того, Ж. в южно- и западнорусских вариантах входило в «Римские деяния», в некоторые списки «Великого зерцала»; в XVII—XVIII вв. появились украинские переводы Ж. из издания Петра Скарги. Н. М. Петровский отмечает еще существование сербского списка XIV в., близкого древнейшим редакциям (ГИМ, собр. Хлудова, № 195).

Помимо полного текста Ж. Алексея на Руси были известны проложные памяти, переведенные, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, на славянском юге. Один проложный текст встречается в обеих известных редакциях мартовской части Пролога и представляет собой перевод греческого Ж. из Менология имп. Василия II, а другой входит в состав Стишного пролога (этот текст включен также в ВМЧ).

В. П. Адрианова-Перетц прослеживает влияние Ж. на *Сказание о Борисе и Глебе*, *Повесть о житии Александра Невского*, Константина Муромского, Меркурия Смоленского. Житие отразилось в украинской драме «Алексей божий человек» (1672—1673 гг.), использовано в словах Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, Стефана Яворского, в виршах XVIII—XIX вв. Н. М. Петровский добавляет к этому перечню виршевой акафист, посвященный царевичу Алексею Петровичу, с 26 гравюрами, выполненными в 1714 г. Г Тепчегорским (ГИМ, собр. Хлудова, № 176). Наконец, на основе Ж. возник духовный стих об Алексее человеке божием.

Особое осмысление Ж. приобрело во второй половине XVII в., в царствование Алексея Михайловича, чьим небесным патроном считался святой (в его правление была написана и в 1671—1674 гг. издана Служба Алексею), а также в начале XVIII в., когда противниками Петра I судьба царевича Алексея ассоциировалась с сюжетом Ж.

Ф. М. Достоевский использовал мотивы Ж. в «Братьях Карамазовых», стилизацию под Ж. написал М. Кузмин (К у з м и н М. А. Комедии. СПб., 1908). Известны также многочисленные популярные обработки и пересказы жития, издававшиеся в XIX—нач. XX в.

Изд.: Срезневский И. И. 1) Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка. — ИОРЯС, 1863, т. 10, с. 536—541; 2) Сведения и заметки, № 31; Римские деяния (Gesta Romanorum). — Изд. ОЛДП, 1878, т. 33, с. 329—338; Владимиров П. Житие св. Алексея человека божия в западнорусском переводе конца XV в. — ЖМНП, 1887, октябрь, с. 250—267; Polívka I. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslovenskih rukopisa u Pragu. — Starine, Zagreb, 1890, t. 22, s. 208—220; Успенский В., Воробьев Н. Лицевое житие св. Алексея человека божия. СПб., 1906; Адрианова В. П. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917 (рец.: Петровский Н. М. — ИОРЯС, 1918, т. 23, кн. 2, с. 251—268; Петров В. П. — ИОРЯС, 1919, т. 24, кн. 1, с. 307—320; Перетц В. Н. — ИОРЯС, 1921, т. 26, с. 251—270).

Лит.: Дашков Д. Стихи и сказания про Алексея Божия человека. — Беседы в ОЛРС. М., 1868, вып. 2, с. 22—43; Пономарев А. Легенда о св. Алексее в сирийской и славяно-русской редакциях его жития. — Живая старина, 1890, вып. 2, с. 196—200 (рец. на кн.: Amiaux A. La Légende syriaque de St.-Alexis l'Homme de Dieu. Paris, 1889); Карский Е. 1) Западнорусский сборник XV в. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 4, с. 980—996; 2) Белорусы. Пгр., 1921, т. 3, ч. 2. Старая западнорусская письменность, с. 45—46; Адрианова В. П. 1) Заметка по поводу рец. Н. М. Петровского. — ИОРЯС, 1919, т. 24, кн. 2, с. 359—361; 2) Из истории русской агиографии XVI в. — В кн.: Сб. в честь 30-летней деятельности А. И. Маленна. Пгр., 1922, с. 146—154; Покровская В. Ф. Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 179—183; Мурьянов М. Ф. Алексей Человек Божий в славянской рецензии византийской культуры. — ТОДРЛ, 1968, т. 23, с. 109—126; Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977, с. 162—192; Сазонова Л. И. 1) Повесть об Алексее Римском в третьем—пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660—1670-х годов. — В кн.: Литературный сборник XVII в.: Пролог. М., 1978, с. 99—106; 2) Театральная программа XVII в. «Алексей человек божий». — Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1978 г. Л., 1979, с. 131—149; Берман Б. И. Читатель Жития (агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия). — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 165—168.

А. Г. Бобров

Житие Андрея Юродивого — переведенный с греческого памятник, повествующий о любимом слуге византийского вельможи, скифе, принявшем христианство и многому обучившемся. Но Андрей «обуял», и хозяин изгнал его. В центре сюжета Ж. — рассказ о поступках и эсхатологических пророчествах Андрея Юродивого, тематически зависящий от пророчеств Даниила. В свою очередь это Ж. оказало влияние на апокрифическое *«Откровение» Мефодия Патарского*.

Славянский перевод Ж. получил широкое распространение в древнерусской литературе. Старшие из известных нам списков относятся к кон. XIV—нач. XV в. (ЦГАДА, ф. 381, № 182) и к XV в. (ГИМ, Синод. собр., № 924/152 и 925/153; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 780; собр. МДА, № 684; ГПБ, Q.I.1143; Солов. собр., № 500/216; 501/214; 502/215 и др.), однако в прологах (см. *Пролог*) начиная с XIII в. выписки из Ж. читаются под 1, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 16 и 25 октября. В сборниках читаются фрагменты из Ж. — сказания о видении Андрея и Епифания, «како видеста на въздусе святую богородицу» (нач.:

«Страшно и чюдно видение честною святцю Андрея и Епифания. . .»), «о святем Андрее, како ся ему створи Христа ради похабьство» (нач.: «При Лве цари велицем бе мужь в Коньстянтинеграде. .»), «Слово о святем Андрее Уродивем» (нач.: «По явлении же первем в другую нощь блаженный Андрей. .»), «Слово святаго Андрея о тате гробнем» (нач.: «В Констянтинеграде преставися дщи некоего боярина. .»), «Слово о святем Андрее, како виде богатаго умерша» (нач.: «Святому Андрею ходящу на духовное свое дело. . .»). Рассказ Ж. о видении богоматери Андрею и Епифанию во Влахернской церкви явился основой целого цикла русских памятников, посвященных празднику Покрова (см. *Слово на Покров*).

Изд.: Срезневский И. И. 1) Разбор сочинения К. Невоструева «Слово св. Ипполита об антихристе...». — В кн.: Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1874, с. 359—360; 2) Сведения и заметки, № 87; ВМЧ, октябрь, дни 1—3. СПб., 1870, с. 42—45, 80—237, 239—240, 792; октябрь, дни 4—18. СПб. 1874, с. 796, 1047; октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, с. 1885—1886.

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 87—96, 104, 105, 135—140; Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русских литературах: Исслед. и тексты. М., 1897, с. 175, 186—188, 190, 194, 196—204; Яцимирский А. И. Из истории апокрифов и легенд в южнослав. письменности. — ИОРЯС за 1909 г., 1910, т. 14, кн. 3, с. 140—143; Панченко А. М. Юродство как зрелище. — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л. 1976, с. 104—183 (то же в кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984, с. 81—116).

О. В. Творогов

Житие Антония Великого — один из ранних переводных памятников славянской агиографии. Ж. — древнейшее греческое агиографическое произведение, написано около 365 г. (Безобразов П. Древнейшие греческие жития. — ЖМНП, нов. сер., 1917, т. 71, октябрь, с. 150) одним из видных греческих христианских писателей IV в. Афанасием Александрийским (греческий текст см.: PG, 1857, t. 26, col. 835—976; русский перевод: Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1903, ч. 3, с. 178—250; Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968, с. 39—44 — отрывки). Знаменитый египетский подвижник Антоний Великий, память которого церковь отмечает 17 января, — лицо историческое; его именем надписан целый ряд сочинений (см.: Лобачевский С. Святый Антоний Великий (его жизнь, писания и нравственно-подвижническое учение). Одесса, 1906, с. 139—195), хотя их принадлежность святому вызывает сомнения, ибо, по свидетельству Ж., Антоний был неграмотным. Афанасий Александрийский рассказывает в Ж. о своем герое следующее. Святой с детских лет отличался исключительным благочестием. Когда умерли его

родители, Антонию было всего двадцать лет, и у него на руках осталась малолетняя сестра. И все же, вняв евангельскому слову — «аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищым» (Матф. 19, 21), подвижник раздал свое имение, поручил воспитание сестры надежным людям и удалился в пустыню. Антоний жил в гробнице, а затем ушел еще дальше, поселился в развалинах, и здесь предавался аскезе. Ж. подробно описывает диавольские козни, которые пришлось преодолевать святому; однажды Антоний до такой степени изнемог в борьбе с «нечистым», что его приняли за мертвого. В конце концов Антоний восторжествовал над диаволом, его слава распространилась повсюду (чему способствовали чудеса, благодатью которых был отмечен святой), у него появились многочисленные ученики и последователи. Прославился Антоний и в борьбе с арианами, в непримиримости к которым он не уступал своему агиобиографу — Афанасию. Слава Антония как основателя монашества, а также подробно разработанные демонологические мотивы, которыми отличается Ж. святого, способствовали популярности произведения Афанасия Александрийского. Культ Антония особенно распространен в западной церкви. В XI в. был учрежден орден святого Антония. Ж. Антония Великого нашло широкое отражение в западноевропейской иконографии (в том числе работы И. Босха, П. Рубенса, Д. Тенирса старшего и др.), его использовал в «Искушении святого Антония» Г. Флобер.

Из многочисленных произведений, посвященных Антонию и известных в греческой письменности (см.: BHG, t. 1, p. 49—50), в славянском переводе распространилось лишь Ж., написанное Афанасием. По единодушному мнению специалистов, перевод был сделан в Болгарии; появление его объясняют антиарианскими эпизодами Ж. и сравнивают его в этом отношении со словами против ариан Афанасия Александрийского, которые были переведены Константином Преславским. Исследователи спорят лишь о личности переводчика. В послесловии, рассказывающем об обстоятельствах перевода, которое сопровождает его в некоторых списках, говорится, что автора побуждал приняться за дело некий Иоанн: «. молеще церковнааго Иоанна, господинаа архыепископа, иже бысть патриархь Бугарьсцей земли» (так читается в наиболее древнем, хотя и неисправном списке ГИМ, собр. Хлудова, № 195: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 393) или: «. .но принуждени от строителя церковнаго Иоанна Болгарския земли» (так читается в неотождествленной рукописи XVII в.: Попов А. Описание, с. 394), или: «. .но поне же принужден бых от строителя церковнаго Иоанна, господина нашего, архиепископа Болгарскыа земля» (так читается в остальных списках). Поскольку в списке ГИМ, собр. Хлудова, № 195 послесловие озаглавлено «Иоанна, недостоиннаго презвитера, преложьшаго сие», мнение Филарета (Гумилевского), архимандрита Леонида, М. Г. Попруженко о том, что переводчиком Ж.

является Константин Преславский, не выдерживает критики (Филарет. Обзор, с. 6; Леонид, архим. Библиографические разыскания в области древнейшего периода славянской письменности IX—X вв. — ЧОИДР, 1890, кн. 3, с. 13; Попруженко М. Г. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века. — Български старини. София, 1936, кн. 12, с. LXV—LXVI). Однако вопрос о том, когда жил Иоанн пресвитер, решается по-разному: одни считают, что названный в послесловии Иоанн — это Иоанн Экзарх (эту точку зрения высказал впервые П. Шафарик: Расцвет славянской письменности в Булгарии / Пер. О. Бодянского. — ЧОИДР, 1848, № 7, с. 52—53), другие полагают, что вдохновитель перевода Иоанн — это архиепископ Иоанн Охридский, деятельность которого приходится на XI в. (эту точку зрения обосновал М. Дринов). Слова «иже бысть патриархъ Бугарьсцей земли» большинство считает позднейшей интерполяцией. В первом случае перевод Иоанна пресвитера датируют X в., во втором — XI в. В настоящее время преобладает первая точка зрения.

В пользу более ранней датировки перевода Ж. говорят факты, свидетельствующие о том, что имя египетского подвижника было хорошо известно славянским книжникам раннего периода. Из болгарских памятников Антоний упоминается в «Беседе» Козмы Пресвитера (см.: Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 237—239), в Похвальном слове Кириллу и Мефодию (Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970, т. 1, с. 469). Рано стало известно Ж. и в Древней Руси: знаменитый египетский подвижник упоминается в *Повести временных лет* под 1074 г. (ПЛДР. Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978, с. 198); его имя носил Антоний — основатель Киево-Печерского монастыря; влияние Ж. отмечают в написанном *Нестором* Житии Феодосия Печерского (Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 13—15; Шахматов А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия. — ИОРЯС, 1896, т. 1, с. 65); на него ссылается *Патерик Киево-Печерский* (ПЛДР, XII век. М., 1980, с. 422, 530); хорошо знал Ж. Антония и *Ефрем*, автор Жития Авраамия Смоленского (ПЛДР, XIII век. М., 1981, с. 70, 81). Антоний Великий был хорошо известен в Древней Руси и в более позднее время: в двух списках XVI в. сохранилось «Поучение Иоанна Златоустаго на память преподобнаго отца нашего Антониа» — общее поучение Климента Охридского, приспособленное к памяти Антония (Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 1, с. 109—118); одно место из Ж. Антония разъясняет Зиновий Отенский (Зиновий, инок Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, с. 490—499).

Перевод Иоанна пресвитера, древнейший список которого — ГИМ, собр. Хлудова, № 195, получил широкое распространение в Древней Руси; под 17 января он включен в ВМЧ митрополита

Макария (Иосиф, архим. Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892, (1), стб. 403). Помимо восходящего к Иоанну, в списках южнославянского и румынского происхождения встречается и другой перевод. Если М. Н. Сперанский воздержался от его датировки, то Б. Ст. Ангелов предположительно датирует этот новый перевод 2-й пол. XIV в. В работе Б. Ст. Ангелова приведен и перечень известных на сегодняшний день списков как первого, так и второго перевода. Не дифференцируются первый и второй переводы в перечне списков Ж., который дан в статье А. де Сантос Отеро. С этими переводами не имеет ничего общего сокращенный вариант Ж., помещенный в минее Димитрия Ростовского. Другой сокращенный вариант Ж. опубликовал И. Франко. В полном виде ни первый — Иоанна пресвитера, ни второй перевод Ж. не издавался.

Изд.: Франко. Апокрифы, т. 5, с. 191—197; Ангелов Б. Ст. Презвитер Иоан. — В кн.: Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967, кн. 2, с. 106—129 (отрывки).
Лит.: Дринов М. Из старобългарската книжнина. — Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1889, кн. 31, с. 113—121 (то же: Съчинения на М. С. Дринова. София, 1911, т. 2, с. 451—459); Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Казань, 1889, т. 1—2, с. 1—8; Сперанский М. Н. Славянская метафрастовская минея-четья. — ИОРЯС, 1904, т. 9, кн. 4, с. 196—199; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 91; Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966, с. 67—73; Речник на българската литература. София, 1977, т. 2, с. 132; Santos Otero A. de. Die altslavische Überlieferung der Vita Antonii des Athanasius. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1979, Bd 90, S. 96—106 [242—252].

Д. М. Буланин

Житие Антония Печерского — один из древнейших памятников древнерусской агиографии. Ж. написано не позднее 90-х гг. XI в. и, как полагает С. П. Розанов, не в Киеве, а в Чернигове или Тмуторокани: изложенная в Ж. история возникновения Киево-Печерского монастыря существенно отличается от традиционной версии, отразившейся в памятниках киевской литературы.

Антоний (мирское имя его неизвестно) происходил из г. Любеча. Он совершил поездку на Афон, где и был пострижен. Вернувшись на Русь, Антоний поселился в пещере на берегу Днепра. Позднее в той же пещере с ним поселился *Никон* Великий и *Феодосий Печерский*. Тем самым было положено основание Киево-Печерскому монастырю. Из-за конфликта с князем Изяславом Антоний дважды покидал Киев: князь был разгневан пострижением в монахи своих приближенных, а в 1068 г. поддержкой, оказанной Антонием Всеславу, захватившему киевский великокняжеский стол. Умер Антоний в 1072—1073 гг. Упоминание

имени Антония в заголовках некоторых поучений дало повод для их атрибуции ему; приписывали ему и перевод Жития Григория Омиритского. Неосновательность атрибуций показана Н. К. Никольским (см.: Повременный список, с. 149—157).

Ж. было использовано при составлении Начального свода, особенно в сказании «чего ради прозвася Печерский монастырь» (см. *Повесть временных лет* под 1051 г.). Именно правкой по Ж. первоначального текста сказания и объясняется, видимо, ряд существенных разноречий между сказанием и Житием Феодосия Печерского (см. *Нестор*) в изложении истории возникновения монастыря. Ж. было использовано также при составлении *Патерика Киево-Печерского*: в Патерик оттуда вошли сведения о пострижении Антонием *Илариона*, будущего русского митрополита, сказание о Евтратии постнике, о Моисее Угрине, о чуде при закладке каменной монастырской церкви, сведения о «варяжской пещере». В Патерике есть и прямые ссылки на Ж. (см., например, издание Патерика в кн.: ПЛДР. XII век. 1980, с. 422, 482, 498, 530, 552, 582). Однако Ж., вероятно, было редким памятником, возможно, из-за отмеченных выше расхождений с традиционной версией истории Киево-Печерского монастыря. Согласно указанию диакона Исайи (см.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, с. 143), в 1570-х гг. в Киево-Печерском монастыре уже не было его списков. Житие Антония, входящее в старопечатный патерик 1661 г., не имеет ничего общего с древним Ж.: оно составлено на основе Киево-Печерского патерика, Жития Феодосия Печерского и других источников. Упоминание текста Ж. в числе книг «во дворе» Бориса Годунова (см.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 322), по мнению Д. И. Абрамовича (см.: Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — ИОРЯС, т. 7, 1902, кн. 2, с. 75, прим. 114), имеет в виду текст «Сказания о начале Печерского монастыря».

Лит.: Кубарев А. О патерике Печерском. — ЧОИДР, 1847, № 9, с. 18—20; Шахматов А. А. 1) Житие Антония и Печерская летопись. — ЖМНП, 1898, март, отд. 2, с. 105—149; 2) Разыскания, с. 257—276; Приселков М. Д. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; 2) Нестор-летописец. Опыт историко-литературной характеристики. Пгр., 1923, с. 74—77; Розанов С. П. К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского. — ИОРЯС за 1914 г., 1915, т. 19, кн. 1, с. 34—46.

О. В. Творогов

Житие Арефы и дружины его см. *Мученичество Арефы и дружины его.*

Житие Аркадия, архиепископа Новгородского — памятник агиографии, представляющий собой краткую записку об основных этапах биографии Аркадия как духовного лица (ум. в 1165 г.,

на епископию возведен в 1157 г.); сообщает о том, где он постригся, где игуменствовал, когда поставлен в епископы и т. п. В известных нам списках этот памятник имеет следующее заглавие в духе краткой памяти: «В той же день [17 либо 18 сентября] успение блаженнаго и преподобнаго отца нашего Аркадиа, епископа новгородскаго» (нач.: «Сей блаженный отец наш Аркадий бе нищь, ун възрастом остави родителя. .»). Ж. сохранилось в составе *Прологов* (известны списки XV в. — например, ГПБ, Соф. собр., № 1386, л. 82 об.—83) и Макариевских ВМЧ. Из Прологов, это почти несомненно, оно и попало в Макариевский свод, в котором помещается в окружении кратких проложных статей, причем памятник дважды переписан здесь с разных списков (см. изд. и Софийский список ВМЧ — ГПБ, Соф. собр., № 1317, л. 334, 335). В. О. Ключевский, сопоставив то место Ж., где говорится о том, что основанная Аркадием церковь Богородицы «стоит и до сего дне» с известием новгородских летописей о возведении в 1188 г. в Аркадиевом монастыре каменной церкви Успения богородицы, считал, что «если при этом была сломана аркадиевская деревянная, и если слова записки относятся к самому зданию церкви», то из этого можно извлечь основание для датировки Ж. временем до 1188 г. Вопрос о времени создания Ж., как и вся его литературная история, требует дальнейшей разработки.

Изд.: ВМЧ, Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1247—1248, 1251.
Лит.: ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 180; Ключевский. Древнерусские жития, с. 64—65; Барсуков. Источники агиографии, стб. 56—57; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950, с. 29.

Н. В. Понырко

Житие богородицы — переведенный с греческого агиографический памятник. Ж. атрибутируется Епифанию, монаху монастыря Каллистрата в Иерусалиме. Как полагают, Ж. написано в XI—XII вв. Греческий текст его издан в кн.: Dressel A. Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita. Parisiis et Lipsiae, 1843, p. 13—44; PG, t. 120, col. 185—216.

Ж. содержит родословие богородицы, рассказ о ее детстве и юности, включающий описание облика Марии и ее нрава; далее повествуется об основных эпизодах ее жизни: обручении, благовещении, рождении Иисуса, бегстве в Египет. Кратко рассказывается о жизни Христа: о его крещении, о творимых им чудесах; описана внешность Христа. Завершается Ж. рассказом об успении богородицы, сюжет которого заимствован из апокрифических сказаний.

На Руси перевод Ж. известен по крайней мере с XIV в. Два варианта Ж., вероятно, отражают переводы разных греческих редакций (об изданиях греческих списков см.: BHG, t. 3, p. 125—126). Первый носит название «Епифания, иеромонаха обители Каллистратовы о житии и о воспитании и летнаго показания пречистыя и преблагословенныя владычица нашея богородица

и приснодевы Мария» (нач.: «О воистину истиной богородицы и присподеве Марии мнози поведаша; пророци убо различными образы. . .»). Этот текст издан И. Я. Порфирьевым по рукописи ГПБ, Солов. собр., № 1050; известен также в рукописях ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 171, 663 и 775. Особая разновидность этой версии, со вставкой апокрифического сказания об иерействе Иисуса Христа издана также Порфирьевым (по списку минеи ГПБ, Солов. собр., № 811/921). В этом же списке текст разбит на фрагменты, которым предпосланы указания на источники: «Афродитияна Персиянина», «Иакова евреянина», «Евсевия Памфила» и т. д. Второй перевод опубликован в составе ВМЧ, где Ж. читается под 8 сентября. Он называется: «Иже во святых отца нашего Епифания слово на рождество святыя богородица, о житии ея, о рождестве и о успении» (нач.: «Известней и истинней богородици приснодевей Марии мнози бо провозвестиша древнии учители; пророци убо многими видении. . .»). Старшие из известных списков этого варианта относятся к XV в. (входят в состав сборников: ГПБ, собр. Погодина, № 67; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 748 и 788, сборника БАН, 13.2.24 и др.).

Сопоставление обоих вариантов с греческим текстом, изданным в PG и А. Дресселем, показывает, что в целом ближе к греческому оригиналу второй вариант. Первый вариант в ряде случаев существенно отличается от греческого текста (он несколько пространнее его), но в отдельных случаях именно он ближе к греческому оригиналу. Соотношение обоих вариантов между собой и их отношение к греческому оригиналу еще требует специального исследования.

Ж. во втором варианте было использовано составителем Летописца Еллинского и Римского второй редакции (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 144, 290—293; в книге автор Ж. ошибочно назван Епифанием Кипрским).

В сборниках встречаются выписки из Ж., в частности содержащие описание внешности и нрава Марии.

Изд.: ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стб. 363—379; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 96—99; 295—311; Франко. Апокрифы, т. 2, с. 370—383.

О. В. Творогов

Житие Варлаама Хутынского — одно из популярнейших новгородских житий, сохранившееся более чем в десяти редакциях, подразделяющихся на ряд вариантов и групп. Литературная история Ж. охватывает время с XIII по XVIII в. включительно. В Ж., как ни в одном другом произведении житийной литературы, нашли широкое отражение местные новгородские легенды.

Исторические сведения о Варлааме, основателе Хутынского монастыря (в 10 км севернее Новгорода, на правом берегу Волхова), весьма скудны. Согласно летописным данным, Варлаам — уроженец Новгорода, в миру носил имя Алекса Михалевич,

основал монастырь незадолго до смерти (ум. в 1193 г.). Первая редакция Ж. — краткая, проложного типа. Это традиционное перечисление основных этапов жизни христианского подвижника — основателя монастыря. Здесь говорится о рождении святого от благоверных родителей, об уходе его в «пустое место», пострижении, о борьбе с бесовскими наваждениями, о построении церкви и создании монастыря, о распространении слухов о добродетелях его пастоятеля, о смерти и погребении Варлаама. Исторические сведения в тексте первой редакции противоречат данным новгородских летописей. Это дает основание видеть в ней отражение легендарных преданий, в которых совместились разновременные события. Упоминание в Ж. «владыки Антония» (видимо, речь идет о Добрыне Ядрейковиче, в монашестве Антонии, умершем в 1232 г.) свидетельствует, что легенды, в которых используются факты его биографии, могли возникнуть лишь после его смерти. Поэтому создание редакции можно отнести ко времени с сер. XIII по нач. XIV в. (дата ранних списков редакции).

Вторая редакция Ж. носит название: «Месяца ноября 6, память преподобного отца нашего Варлаама чюдотворца» (нач.: «Сей преподобный отець нашь Варлаам родился. .»), помимо повествования о жизни святого содержит рассказы о шести чудесах. В одном из чудес повествуется об исцелении князя Константина. Вероятно, речь идет о Константине Дмитриевиче, находившемся в Новгороде в 1408—1412 и 1420—1421 гг. С одним из этих периодов и связано создание редакции. Отмечается сюжетное и текстуальное совпадение двух эпизодов из 2-й редакции Ж. с Житием Сергия Радонежского, написанным Епифанием Премудрым между 1418 и 1422 гг. Более вероятно, что именно автор 2-й редакции воспользовался Житием Сергия. В этом случае редакцию следует датировать 1420-ми гг. Старший список редакции относится к 1438 г. Эту редакцию часто сопровождают «Слово похвальное Варлааму» и «Чудо о Тумгане».

Следующая редакция Ж. принадлежит Пахомию Логофету. Она имеет пространный заголовок: «Житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама игумена, иже на Хутине пречестень монастырь составившаго. Сотворено Пахомием сербьским тарха иеромонахом Святыя горы» (нач.: «Сего блаженаго отрока, о немь же намь слово, родителие бяху. .»). Пахомий использовал текст 2-й редакции, добавил четыре рассказа о посмертных чудесах Варлаама и предварил текст риторическим вступлением, в котором размышляет о величии подвигов святых и оправдывает перед читателем свою решимость написать житие русского святого. С особым заголовком к этой редакции присоединяется рассказ о чуде с Тумганом, представляющий собой переработку Пахомием «Сказания о Тумгане», написанного митрополичьим дьяком Родионом Кожухом. Предполагается, что Пахомий во время своего первого приезда в Новгород (между 1429 и 1440 гг.) пишет сначала «Слово похвальное» Варлааму, а за-

тем, по поручению новгородского архиепископа Евфимия II создает свою редакцию жития. В 70-х гг. он добавляет рассказ о чуде с Тумганом.

Наибольший литературный интерес представляют редакции XVI в. — Распространенная и Особая. Первоначальный вариант Распространенной редакции был составлен в 1526 г., он до нас не дошел. Второй вариант, составленный в сер.—2-й пол. XVI в., дополнил этот текст рассказами о чудесах, соотносимых с лицами и событиями до 1550-х гг. Второй вариант Распространенной редакции сохранился в многочисленных списках, которые распадаются на две группы, различающиеся последовательностью эпизодов и мелкими текстуальными вариантами. Распространенная редакция объединила Пахомиевскую редакцию с возникшими уже после ее написания новгородскими легендами о Варлааме. В общий с Пахомиевской редакцией текст внесено лишь одно дополнение (рассказ об искушении Варлаама «снедию»), но добавлено 26 новых эпизодов; 13 из них — рассказы об исцелениях, 8 — рассказы о чудесах с монахами (обычно речь идет о наказании за нарушение правил монастырского быта и устава). Характерной чертой этих рассказов является то, что все чудеса совершаются при управлении монастырем выходцами из Москвы, что отражает определенную антимосковскую тенденцию создателей этих легенд. Остальные пять эпизодов-чудес, а также общие с Пахомиевской редакцией чудеса — о двух осужденных и о Тумгане, могут быть разделены на три тематические группы: одна — это чудеса общеновгородского характера (рассказ о двух осужденных, «Пророчество Варлаама о снеге и мразе в Петров пост», «Видение Хутынского пономаря Тарасия»). Вторая группа — два рассказа о мощах Варлаама Хутынского: об осмотре останков Варлаама архиепископом Ефвимием II и о наказании великого князя московского Ивана III Васильевича, захотевшего вскрыть гробницу Варлаама. Третья группа — «московские» чудеса: чудо о Тумгане и «явление» Варлаама великому князю московскому Василию Ивановичу.

В Особой редакции Ж. по сравнению с Распространенной на 12 эпизодов меньше. Все эпизоды Особой редакции, параллельные оригинальным эпизодам Распространенной, следуют в хронологической последовательности (в Распространенной редакции эта последовательность не выдержана) и все они относятся ко времени не позже 1-й четв.—30-х гг. XVI в. Это отражает состав и последовательность эпизодов не дошедшего до нас первоначального варианта Распространенной редакции, к которому восходит Особая редакция Ж., составленная во второй четверти XVI в. В отличие от Распространенной редакции в Особую редакцию вставлена заимствованная из летописи краткая повесть о наводнении и буре в Новгороде в апреле и мае 1421 г., значительно переработан рассказ о попытке открыть мощи Варлаама по приказанию великого князя Московского: сделана большая вставка о новгородском архиепископе Феофиле и устранена антимосков-

ская направленность этого эпизода, в ином варианте читается и рассказ о видении хутынского пономаря. Некоторой переработке подверглись и остальные эпизоды Ж. Характер изменений, осуществленных в Особой редакции, свидетельствует о составлении ее новгородцем, хорошо знавшим местные предания и легенды, а также новгородские летописи. Составитель являлся сторонником единения Новгорода с Москвой и великокняжеской власти в Новгороде; он принадлежал, видимо, к церковной среде.

Одновременно с созданием Распространенной и Особой редакцией и в более позднее время составлялись и другие редакции Ж.

Сокращением и переработкой 2-й редакции является текст, вошедший в печатный Пролог 1642 г. и встречающийся также в отдельных списках. На основе Проложной возникали новые переработки Ж. Так, в Контаминированной редакции текст Проложной редакции соединен с отрывками из Распространенной и собственными добавлениями автора. К Проложной редакции восходит текст Ж. в минее Дмитрия Ростовского. Включая Ж. в свои четьи-минеи, Герман Тулупов либо присоединил к Пахомиевскому тексту отдельные эпизоды из Распространенной редакции, либо располагал первоначальным текстом этой редакции, но включил ее не в полном составе. Текст Ж. в редакции Тулупова использовал в своих минеях Иоанн Милютин, опустив, однако, вступление и похвальное слово. В рукописи 1687 г., составленной в Косинском монастыре, в Старой Руссе (ГПБ, F.I, 729),— сокращенная переработка, на всем протяжении текста, второго варианта Распространенной редакции. В самом начале XVIII в. братьями Иоанникием и Софронием Лихудами была создана новая редакция. Лихуды в 1706—1707 гг. написали свой текст по-гречески, с которого затем был сделан русский перевод. В последовательности эпизодов и их содержании Лихудовская редакция полностью соответствует второму варианту Распространенной редакции Ж., слог приобрел пышный и вычурный характер. За счет риторических вставок, теологических рассуждений и стилистических украшений эта переработка по объему превосходит Распространенную редакцию в несколько раз. Лихудовская редакция Ж. — это уже сочинение переходного периода, завершающее литературную историю Ж. как живого явления словесного искусства Древней Руси.

Изд.: Книга житий святых в славу святыя животворящия Троицы бога хвалимого и святых своих: На три месяцы первыя — сентемврий, октоврий и ноемврий. Киев, тип. Печерской лавры, 1689, л. 413 об.—416; ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 247; ПЛ, вып. 1, с. 273—284; Житие Варлаама Хутынского: В двух списках. СПб., 1881 (ОЛДП, вып. 41); Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковноучительной литературы, СПб., 1896, вып. 2, ч. 1. Сентябрь—декабрь, с. 49—51; ВМЧ, ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897, с. 198—222; Никольский А. 1) Новое, неизвестное в печати, чудо преподобного Варлаама Хутынского. — ВАИ, СПб., 1898, вып. 10, с. 82—85; 2) Житие преподобного Варлаама Хутынского Лихудиевской редакции. — Там же, 1911, в. 21, отд. 2, с. I—XXXVI и 1—59.

Лит.: Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 428—454; Ключевский. Древнерусские жития, с. 58—64, 140—146; Некрасов И. Древнерусский литератор. — Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1867, вып. 1, с. 40—42; Ивановский. Преподобный Варлаам Хутынский. — Странник, 1879, декабрь, с. 349—369; Житие Преподобного Варлаама Хутынского. — ПДП: Отчет о деятельности О-ва с 25 XI 1879 г. по 1 IV 1880 г. СПб., 1880, вып. 2, с. 59—70; Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881; Барсуков. Источники агиографии, стб. 79—85; Тихонравов Н. С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892 (1916), с. 177—195; Серебрянский Н. И. О редакциях жития преподобного Саввы Крыпецкого. — ПДПИ, вып. 153, 1904. Отчеты за 1902—1903 гг., Приложение, с. 13—16; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 21—37, 114—119, 130—136, 144—151; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л. 1973, с. 13—95, 271—281.

Л. А. Дмитриев

Житие Варлаама и Иоасафа см. *Повесть о Варлааме и Иоасафе.*

Житие Василия Нового — переводной памятник византийской агиографии X в.; известен в двух основных редакциях. Первая русская редакция восходит к первой греческой редакции. Полные списки перевода относятся ко времени не ранее нач. XVI в. (она вошла также в ВМЧ под 26 марта), но отражение ее в *Прологе* и особенно в летописной статье 941 г. в *Повести временных лет* позволяют относить перевод ко времени не позднее XII в. Вторая редакция восходит через южнославянское посредство ко второй греческой редакции. На Руси она стала известна, видимо, в XIV в. Для истории Ж. на русской почве особое значение имело присутствие в нем пространного рассказа о Феодоре, старице, прислуживавшей святому Василию. Ученик Василия Григорий (от имени которого и написано Ж.) спрашивает его о судьбе умершей Феодоры. Святой дает возможность Григорию увидеть старицу во сне: она рассказывает ему о своей смерти, о борьбе за ее душу ангелов и демонов, о прохождении ею мытарств (испытаний в греховности), об увиденном ею рае и адских муках. В другом видении Григорий видит Страшный суд. Именно эта эсхатологическая часть Ж. (дающая основание рассматривать и само Ж. как апокрифическое) привлекла особое внимание древнерусских книжников: она отразилась в составленном на основе Ж. (в XII—XIII в.?) «Слове о силах небесных»; темы расставания души с телом, мытарств, адских мук легли в основу духовных стихов и школьной драмы.

Изд.: Новаковић Б. Ст. Живот св. Василија Новог: Апокрифна легенда о животу с оне стране гроба по више српско-словенских рукописа. — Споменик, Београд, 1895, т. 29, с. 33—113; Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913, ч. 1. Исследование;

ч. 2. Тексты. Одесса, 1911 (рец.: Истрин В. М. — ЖМНП, 1914, июнь, с. 365—369; сентябрь, с. 179—208).

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 166—192; Веселовский А. Н. 1) Разыскания в области русского духовного стиха. — СОРЯС, 1889, т. 46, с. 117—145; СОРЯС, 1891, т. 53, № 6, с. 185—213; 2) Видения Василия Нового о походе русских на Византию в 941 году. — ЖМНП, 1889, январь, с. 80—92; Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891, с. 77—84; Вилинский С. Г. К литературной истории Жития Василия Нового. Одесса, 1907; Петров Н. Киевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. — Тр. Киев. духовн. акад., 1909, № 9, с. 54—57; Истрин В. М. 1) Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, 1916, т. 21, кн. 2, с. 215—236; 2) Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС за 1921 г., 1923, т. 26, с. 70—75; Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 69—72; Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников). — ВВ, 1961, т. 18, с. 85—95, 100—104; Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 108—113.

О. В. Творогов

Житие Галактиона и Епистимии — переводной памятник‘ восходящий к греческому роману Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт». Греческий текст этого раннехристианского жития включен в Минеи Симеона Метафраста и в Менологий Василия II Македонянина. Повествование ведется от лица очевидца Евтоломиоса, который последовательно рассказывает о происхождении Галактиона, о его родителях-язычниках, у которых не было детей, пока они не крестились тайно, с помощью нищего монаха Ануфрия. Обучение Галактиона характеризуется в духе позднеантичной системы образования, включавшей грамматику, риторику, астрономию и другие «хитрости». Когда скончалась мать Галактиона, отец обручил его с отроковицей Епистимией, но Галактион не целует ее, так как она не христианка. Опечаленная Епистимия решает креститься, и Галактион сам совершает обряд крещения. С этого времени ее начинают посещать видения. После одного видения (с тремя поющими ликами в прекрасных палатах), истолкованного Галактионом как указание на будущий постриг, супруги раздают имущество и уходят в горы — он в мужской монастырь, она в женский. Шесть лет проводят они в молитвах не видя друг друга. Во время начавшегося гонения на христиан воины ведут Галактиона на суд перед князем Урсом; Епистимия сама присоединяется к мужу. Их связывают вместе и подвергают допросу. За осуждение языческих богов («ваши бози камение суть и древо, — вещь тленна») Галактиона бьют воловьими жилами. Заступившуюся Епистимию обнажают, при этом князь теряет зрение до тех пор, пока Епистимия не исцеляет его. Узнав, что это христианское чудо, Урс приказывает мучить Галактиона и Епистимию, а затем четвертовать. Тела мучеников подбирает

и прячет Евтоломиос. Назидательный рассказ был известен в древнерусском переводе домонгольской поры, он входил в состав древнерусского Пролога под 5 ноября; в XVI в. он был включен в ВМЧ митрополита Макария.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897, стб. 146—147, 149—160.
Лит.: Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 349; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1. Литература XI—нач. XIII в., с. 89; Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979, с. 38.

О. А. Белоброва

Житие Георгия Победоносца — переводной агиографический памятник. Византийские легенды о Георгии получили широкое распространение в славянских литературах. А. И. Кирпичников выделил три основных редакции Ж. — мартирия Георгия, но история текста и взаимоотношение этих памятников еще требует изучения. В одной версии Ж. рассказывается, как воин-каппадокиец Георгий объявляет себя христианином перед императором Диоклетианом. Император пытается его переубедить, подвергает изощренным пыткам, но мученик остается невредим, а императорские военачальники, жена Диоклетиана, маг Афанасий, видя силу божественного заступничества, сами становятся христианами. Император приказывает отрубить Георгию голову. Это Ж. читается в прологах (см. *Пролог*) под 23 апреля (начиная с XIII в.) и в сборниках. Другой (по А. И. Кирпичникову — апокрифический) вариант легенды сходен сюжетно с описанным выше, но здесь мучителем Георгия выступает персидский царь Дадиан. Именно этот апокриф вносится в индексы запрещенных книг («Георгиево мучение от Дадьяна», «Георгиево мучение, како от Дадияна царя мучен»). Вариант известен по сербскому списку XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 162) и списку, изданному Ст. Новаковичем. Особая его редакция представлена в сербском списке XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 189). Третий вариант близок сюжетно второму, но в нем упоминаются родители мученика: отец (Геронт, Геронтий) и мать (Полифрона, Полихрония). Георгий здесь не творит чудес, местом его мучений назван г. Диосполис. В некоторых списках царь-мучитель носит имя Диоклетиана, но при этом говорится, что он «родом от Персиды». Вариант начинается обычно словами: «Ненавидяй исперва человека злый советник дьявол. . .».

Еще большее распространение в древнерусской книжности имело «Чудо Георгия о змие и о девице». А. В. Рыстенко выделяет пять основных редакций чуда. Заголовки их сходны и формулировки широко варьируются. В первой редакции (нач.: «Придете, богоизбраннии людие стада Христова и услышите. . .» или: «Придете, чада, послушайте мене. . .») рассказывается: в г. Лаосии правит царь-язычник Сельвий. Чтобы обратить жителей в христианство, бог насылает на город дракона, которому горожане вынуждены отдавать на съедение своих детей. Доходит

очередь и до царской дочери. Воин Георгий, проезжавший мимо озера, у которого жертва дракона дожидалась своего смертного часа, призывает девушку уверовать в Христа, молитвой укрощает явившегося дракона, и царевна ведет его в город, обвязав по шее своим поясом. Горожане соглашаются креститься, и Георгий отрубает змию голову. Вторая редакция чаще всего начинается словами: «Како изреку страшну сию и преславну тайну? Что возглаголю или что помышлю?». Город здесь именуется Гевал (Нагава, Агава), имя царя не называется. Сообщается, что после крещения горожан Георгий дарует построенной в городе церкви свой щит, который висит под ее сводами, ничем не поддерживаемый. Вторая редакция представляет сокращение первой. Третья редакция — распространение первой (сюжет излагается подробнее, речи персонажей — длиннее, и т. д.). Она начинается словами: «Чудо святого и великомученника Георгия сказаю вам, о христолюбции. .». Начало четвертой редакции сходно с началом второй. Пятая редакция известна А. В. Рыстенко по одному списку (ГПБ, Q.XVII.189); ее составителем он считал Дмитрия Антонова. На первой редакции основана и редакция, входящая в состав *Палеи Толковой*. Наиболее близка к греческому оригиналу первая редакция, появление которой на Руси А. В. Рыстенко относит к XI в., вторую датирует XI—XII вв., третью — сер. XIV в., четвертую — XVI—XVII вв., пятую — XVIII в. Перечень списков Чуда см. в монографии А. В. Рыстенко на с. 5—7.

Широкое распространение в древнерусской письменности получил также цикл посмертных «чудес» Георгия, созданный на болгаро-византийской почве. Вопрос о том, на каком именно языке были первоначально записаны устные легенды, легшие в основу памятника, остается открытым. На Руси этот цикл становится известен, видимо, еще в киевскую эпоху: А. И. Соболевский относил «чудеса св. Георгия» к числу переводов домонгольского перида (см.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 146 (перепечатка статьи «Особенности русских переводов домонгольского периода»)). Как единое целое цикл известен в ряде русских списков XVI—XVII вв. (по списку ГИМ, собр. Уварова, № 1783 он издан Б. Ст. Ангеловым). В большом числе списков дошли отдельные повести цикла: «О Филофее, сыну попове, егоже принесе святый на праздник свой от срацын» (чудо 1-е), «О отрочати, ужике того же попа» (чудо 2-е), «О пастусе (муже, отроке), егоже змие уяде» (чудо 7-е). Реже встречаются объединяемые иногда вместе чудеса «О кресте и болгарине» и «О жене» (чудеса 4-е и 5-е). Чудеса были включены в Пролог Константина Мокисийского (а через его посредство — в Стишной), где они встречаются с XIV в. (например, в списках ЦГАДА, Типограф. собр., № 173, 178 и др.) под 23 и 24 апреля или (реже) под 26 ноября.

Известны многочисленные духовные стихи о Георгии, его мучениях и реже — о битве с драконом (перечень публикаций их

см. в кн.: Рыстенко. Легенда о св. Георгии, с. 256—257). Указывалось на связь легенд о Георгии с сюжетами русских былин о богатырях-змееборцах (Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Алеше Поповиче). Культ Георгия, видимо, получил распространение на Руси еще в Киевскую эпоху, о чем говорит популярность имени святого среди князей, а также строительство храмов в его честь. Известен обширный иконографический материал — фрески и иконы, изображающие по преимуществу эпизод сражения Георгия со змеем.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 100—112; Попов, А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 331—339; Novaković. 1) Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka. — Starine, U Zagrebu, 1876, kn. 8, s. 36—39, 74—92; 2) Legenda o sv. Gjurgju u staroj srpsko-sloveskoj i u narodnoj usmenoj literaturi. — Ibid., 1880, kn. 12, s. 129—163; Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Св. Георгий в легенде, песне и обряде. — Зап. имп. АН, т. 37, Прилож. СПб., 1880; Jagić V. Ein Textbeitrag zur Georgius-Legende. — AfslPh, Berlin, 1886, Bd 9, S. 586—592; Попов. Библиографические материалы. № 19, с. 49—55; Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892, стб. 705—718; Лопарев Х. М. Чудо святого Георгия о болгарине: Памятник византийской переводной литературы. СПб., 1894 (ПДПИ, № 100); Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русских литературах. Одесса, 1909 (Зап. Новорос. ун-та, т. 112); Франко. Апокрифы, т. 5, с. 79—119; Ангелов Б. Ст. Сказание за железния кръст. — Старобългарска литература. София, 1971, кн. 1, с. 121—155; Чудо Георгия о змие. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 520—527.

Лит.: Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, 1887, № 11, с. 405—408; Рыстенко А. В. Новогреческая обработка легенды о св. Георгии и драконе. Одесса, 1909 (Зап. Новорос. ун-та, т. 112); Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — ВВ, 1953, т. 6, с. 186—122; Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — ОДРЛ, 1956, т. 12, с. 292—310; Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора. — В кн.: Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973, с. 190—208.

О. В. Творогов, А. А. Турилов

Житие Евстафия Плакиды — переводное византийское житие-мартирий, в составе его угадываются сюжетные приемы византийского романа приключений: на героя обрушиваются разные несчастия, он насильственно разлучен с женой, теряет детей (и считает их погибшими), а затем, благодаря стечению различных обстоятельств, вся семья вновь воссоединяется. Собственно агиографические мотивы — чудесное видение, побудившее Плакиду креститься (после крещения он получает имя Евстафия) и мученическая смерть за веру Евстафия, его жены и детей — лишь обрамляют повествование (о чертах византийского Ж. см.: Безобразов П. Византийские сказания. Юрьев, 1917, ч. 1. Рассказы о мучениках, с. 251—254).

Время перевода Ж. («Писание житиа и муки святаго Еустафиа и жены его Феопестеа и чаду ею Агапиа и Феописта») на Руси точно не установлено, но служба Евстафию входит уже в Служебные Минеи XI в. (см.: Ягич И. В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886, с. 162). В ВМЧ Ж. читается под 20 сентября. Ж. входит в состав Великого Зерцала. Его сюжет был использован в лубочных картинках.

Тот же сюжет известен и в латинской версии, отразившейся через польское посредство в русских «Римских деяниях» (Римские деяния. СПб., ОЛДП, 1878, вып. 2, с. 300—318).

Изд.: ВМЧ, сентябрь, дни 14—24. 1869, стб. 1286—1298; Сказание об Евстафии Плакиде/ Подг. текста, пер. и ком. О. П. Лихачевой. — В кн.: ПЛДР. XII век. 1980, с. 226—245, 654—656.

Лит.: Ровинский Д. Русские народныя картинки. Кн. III. Притчи и листы духовные. — СОРЯС, 1881, т. 25, с. 600—602; Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 50, 62, 158, 159; Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 71—76.

М. А. Салмина

Житие Евфросинии Полоцкой — памятник древнерусской агиографии, созданный, как предполагали А. И. Соболевский, Е. Е. Голубинский и Филарет, в домонгольский период. Евфросиния — внучка полоцкого князя Всеслава Брячиславича — родилась в 1101 г. Ж. сообщает, что в возрасте 12 лет она ушла из дома и постриглась в монахини. Евфросиния основала два монастыря в Полоцке: мужской и женский, ее стараниями была привезена знаменитая эфесская икона Богородицы, которую предание приписывало евангелисту Луке (перед этой иконой в 1239 г. в Торопце венчался Александр Невский). В конце жизни она совершила паломничество в Иерусалим, где умерла в 1173 г.; была привезена на Русь и затем похоронена в Киево-Печерской лавре.

Ж. начинается риторическим вступлением, далее следует рассказ о жизненном пути святой как о духовном восхождении; завершается Похвалой. Ж. не сопровождается обычными для агиографического канона рассказами о посмертных чудесах.

Ж. дошло до нас по крайней мере в четырех редакциях, представленных более чем 130 списками. К первой редакции относятся два списка: Науч. б-ка МГУ, № 1311 (конец XV в.) и ГПБ, собр. ОЛДП, F CLXXXV (сер. XVI в.). Название Ж. здесь самое краткое и без упоминания города Полоцка (что, возможно, указывает на Полоцк как место создания Ж.), день памяти — 23 мая. Текст этой редакции более краткий, чем других редакций, в ней пропущен эпизод о встрече Евфросинии с византийским императором во время пути в Иерусалим, сохранившийся во второй редакции.

Ко второй редакции относятся 10 сборников XVI—XVIII вв. Полным списком ее является текст рукописи ГБЛ, Волок. собр.

№ 632 (1-я пол. XVI в.). Эта редакция имеет расширенное название: упоминается г. Полоцк и монастыри, основанные Евфросинией, день памяти — 24 мая. В ней сохранились все повествовательные эпизоды первой редакции, но есть целый ряд лексико-грамматических отличий; в ней также имеется дополнение о погребении Евфросинии в Иерусалиме ее братом и сестрой.

Третья редакция читается в 13 списках миней, восходящих к ВМЧ Макария. Ее текст отличается всеми стилистическими приемами макариевской агиографической школы. В ней есть добавления и перестановки, отчего текст часто теряет ясность; в редакции отсутствует Похвала. Предварительное изучение показало, что третья редакция произошла от архетипа первой редакции.

Четвертая редакция, восходящая к спискам XVI в. второй редакции, сохранилась в составе Степенной книги. Классификация редакций Степенной книги по трем типам, предложенная П. Г. Васенко («Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904), может быть и верна для Степенной книги в целом, но не для текста Ж. Все списки Ж. этой редакции, а их около 100, восходят к рукописи ГИМ, Чуд. собр., № 358/56. Эта редакция самая расширенная: она содержит генеалогию рода Евфросинии, но в ней нет упоминания о «которах» между князьями.

Известно также Проложное Ж. на 23 мая, обнаруженное в списке БАН Литовской ССР, № 98/190, написанном около 1512 г.

Изд.: Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелева-Безбородко. СПб., 1862, т. 4, с. 172—179; Дубровский М. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой. Полоцк, 1877; Сапунов А. Житие Евфросинии Полоцкой. Витебск, 1888; Степенная книга. — ПСРЛ, СПб., 1908, т. 21, ч. 1, с. 206—220.

Лит.: Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны полоцкой. СПб., 1841; Сергий. Жизнеописание преподобной Евфросинии. — В кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г. СПб., 1864, с. 8—16; Ключевский. Древнерусские жития, с. 262; Барсуков. Источники агиографии, стб. 186—179; Филарет. Обзор, с. 40; Голубинский. История церкви, т. 1, с. 771; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 315—316; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 228—229; Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 57.

Е. М. Воронова

Житие Ефрема Новоторжского. Посвящено архимандриту Новоторжского Борисоглебского монастыря Ефрему (ум. 1053 г.). По Ж. и частично по *Патерику Киево-Печерскому* и другим источникам восстанавливается его биография. Родом венгр, он родился во 2-й пол. X в. Прибыл на Русь в кон. X в. с двумя братьями, Моисеем и Георгием, поступил на службу к сыну князя Владимира Борису, княжившему в Ростове, становится боярином, со-

стоит при князе конюшим. После убийства Святополком князя Бориса на р. Альте (см. *Нестор, Сказание о Борисе и Глебе*) Ефрем оставил княжеский двор. Согласно житийной легенде, найдя на месте расправы над князем Борисом отсеченную голову своего брата Георгия, погибшего при защите патрона, Ефрем отправился на север Руси, в Новый Торг (близ Торжка). Здесь, в центре торговли новгородцев, псковичей и полуязыческих племен, Ефрем основал странноприимный дом, 12 лет посвятил христианской миссионерской деятельности и «подвигу странноприимства». Впоследствии, очевидно в Новгороде, в подчинении у которого в то время был Торжок, он принял иночество. По всей видимости, именно тогда Ефрем добился у новгородского архиепископа разрешения на строительство в Новом Торжке храма и монастыря, посвященных Борису и Глебу. В 1038 г. Ефрем стал архимандритом, построив на правом берегу р. Тверцы каменный собор и основав при нем новоторжский Борисоглебский монастырь. Скончался Ефрем 28 января 1053 г. в глубокой старости и был погребен в основанном им соборе, в каменном гробе, по преданию, им самим высеченном.

Согласно «Иконописному подлиннику» (под 11 июня; см.: Барсуков. Источники агиографии, стб. 195), Ефрем изображался «подобием сед, брада аки Николина, на главе схима, ризы преподобнические, в руках — церковь».

Ж. не имеет специальных исследований и научного издания. Для богослужебных целей в 1774 г. в Москве был опубликован сокращенный текст Ж. со службой, очевидно, на основании трех списков Ж. XVII в. из Борисоглебского монастыря.

По предварительным наблюдениям исследователей (И. Некрасова, В. О. Ключевского, Н. П. Барсукова), Ж. подвергалось существенным переделкам не менее трех-четырех раз. И. Некрасов указывал, что к началу XV в. существовала древнейшая редакция Ж., которая была увезена из Борисоглебского Новоторжского монастыря тверским князем Михаилом в 1315 г. («. .прииде на град Торжок и обитель до основания разори и сущее писание о житии и о происхождении преподобнаго взяша с собою»). Впоследствии Михаил Тверской сделал неудачную попытку продать тому же монастырю текст Ж. Как полагает Филарет, древнейший текст памятника (XIII в.?) погиб в Твери во время одного из пожаров.

Вероятно, в 1572 г., в связи с «обретением» (11 июня) и перенесением мощей Ефрема, иеромонах Юрьева монастыря Иоасаф составил новый текст Ж. — с чудесами; эту переработку отличал торжественно велеречивый стиль изложения, выдержанный в традиции «макарьевской школы». При митрополите Дионисии (1584—1587 г.) в Торжке был установлен церковный праздник Ефрема Новоторжского и тогда же составлена служба ему. Биографические сведения о Ефреме из его Ж., написанного Иоасафом, вставленные, как отмечает В. О. Ключевский, в текст «без всякой внутренней связи с ним», были положены в основу новой перера-

ботки Ж., представленной в основном списками XVII в. В. О. Ключевский считает, что «на время составления Жития указывает последнее из приложенных к нему перед Похвалой чудес XVI—XVII в., относящееся к 1647 г.: автор описал его как современник. Похвальное слово сопровождается еще одним чудом 1681 г., которое, как видно из его предисловия, описано позднее тем же автором». Н. П. Барсуков и В. О. Ключевский выделяют также текст краткого Ж., сохранившийся в одном списке XVIII в. (ГИМ, собр. Барсова, № 122).

Основные списки переработок Ж. (по редакциям) приведены в исследовании Н. П. Барсукова. Там же приведены списки других памятников об этом святом: Сказания о мощах Ефрема, Похвального слова Ефрему Новоторжскому, Службы ему (Сказание о перенесении в 1690 г. мощей Ефрема, приложенное к его Ж., сохранилось в списке XVIII в. — ГИМ, собр. Уварова, № 105).

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, ч. 1. О первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII вв., с. 31—32; Ключевский. Древнерусские жития, с. 335—336; Сергий. Полный месяцеслов Востока; Святой Восток. М., т. 2, 1876, с. 24—25; Барсуков. Источники агиографии, стб. 195—197; Филарет. Обзор, с. 223; Колосов И. Новоторжский Борисоглебский монастырь. СПб., 1890; Преподобные Ефрем архимандрит и Аркадий, ученик его, новоторжские чудотворцы. Тверь, 1895; Животов Е. Ефрем. — ПБЭ, т. 5, стб. 533—535.

Н. Ф. Дробленкова

Житие Игнатия Ростовского — агиографический памятник XIII в. неизвестного автора. Подробных биографических сведений об Игнатии, занимавшем епископскую кафедру в Ростове с 1261 или 1262 г. и до своей смерти в 1288 г., Ж. не содержит; оно написано с соблюдением агиографического канона: начинается кратким предисловием, деятельность Игнатия охарактеризована общими чертами, однако дата и даже время смерти отмечены в Ж. со всей тщательностью. Наиболее пространная часть Ж. — описание «чудес» святого, случившихся при погребении. Названы имена лиц, участвовавших в погребении, об одном из них сообщены биографические данные. В. О. Ключевский предположил, что источником для Ж. послужила записка, составленная очевидцем события. Предположение Ключевского о том, что Ж. и Повесть о Петре царевиче ордынском были написаны одним автором «не позже половины XIV в.», основано на ошибочном истолковании смысла предложения «о сих же чудесах святителя инде скажем», добавленного в тексте Повести о Петре. На самом деле это не замечание автора, а дополнение, внесенное составителями ВМЧ (рук. ГПБ, Соф. собр., № 1321, л. 539а—в, под 28 мая).

Невыясненной остается датировка памятника. Филарет считал, что Ж. было написано при митрополите *Максиме* (1283—1305 гг.), т. е. вскоре после смерти епископа. Н. П. Барсуков отметил, что местное почитание святого началось сразу после его

смерти, по мнению же Макария, уже в XIV—XV вв. почитание его стало общерусским и имя Игнатия было включено в церковные книги. Утверждение об общерусском почитании Игнатия основано на существовании пергаменного церковного устава с месяцесловом, в котором он упоминается (рук. ГИМ, Синод. собр., № 328, л. 152, 162, 170 об., 172 об.). В. Васильев создание Ж. относил к кон. XIV—нач. XV в. В. Е. Голубинский отмечает, что оно было написано «более или менее много спустя времени после кончины епископа», обосновывая свое мнение тем, что повествование почти лишено фактических данных.

Неясной остается история текста Ж., дошедшего в большом количестве списков. Утверждение В. О. Ключевского, что Ж. представлено единственной редакцией, не вполне точно: в двух древнейших его списках имеются общие чтения, не повторяющиеся в остальных. Наиболее ранний относится к первой четверти XV в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 745, л. 208 об.—210 об., см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879, ч. 3, с. 139). Второй список создан в 1458 или 1459 г. (ГИМ, Синод. собр., № 637, л. 116—119 об., см.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. 2, с. 59). Одним из наиболее древних списков другого вида (может быть редакции) Ж. является список, относящийся к 60-м—80-м гг. XV в. (в сб. ГБЛ, собр. Егорова, № 637). Кроме того, Ж. включено в *Пролог* под 28 мая. Научное издание Ж. отсутствует.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 38—39, 42—43; Барсуков. Источники агиографии, стб. 207—211; Филарет. Обзор, с. 66; Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, с. 263, 265; СПб., 1877, т. 8, с. 34—35; Васильев В. История канонизации святых русской церкви. М., 1893, с. 103—105; Голубинский. История канонизации, с. 80—81.

Р. П. Дмитриева, Г. В. Семенченко

Житие Иоанна Златоуста — один из ранних переводных памятников славянской агиографии, повествующий о многотрудной жизни Константинопольского патриарха и отца церкви, знаменитого христианского оратора Иоанна Хрисостома (между 344 и 354—407 гг.). Ж. Иоанна Златоуста приурочено к памяти святого 13 ноября (перенесение мощей — 27 января). Из многочисленных греческих жизнеописаний святого (византийскую литературу об Иоанне Златоусте см. в кн.: BHG, t. 2, p. 6—15; Halkin F. Auctarium BHG. Bruxelles, 1969, p. 94—100) для перевода было выбрано Ж., написанное в кон. VII или нач. VIII в. По словам Э. Ханзака, это Ж., безосновательно приписанное Александрийскому патриарху Георгию, — первое в ряду агиобиографий Хрисостома VII—XI вв., которые «не имеют ценности в качестве исторического источника, но представляют собой ком-

пиляции из более ранних материалов» (H a n s a c k. Die Vita, Bd 1, S. 11). Перевод был сделан в X или даже в кон. IX в. в Преславе, причем Э. Ханзак не исключает, что к переводу был причастен Иоанн Экзарх (H a n s a c k. Die Vita, Bd 1, S. 66—72). В числе языковых особенностей, указывающих на древность перевода и перечисленных в книге Э. Ханзака, примечательно употребление в Ж. протоболгарского слова «кълубрии», которое встречается, кроме того, только в надписях болгарских ханов (см. A r n i m B. v o n. Urbulgarisch kъlubrъ (κολοῦβρος). — In: Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956, S. 45—46).

Ж. подробно рассказывает о годах учения Иоанна Златоуста, его первых аскетических подвигах, о распространении славы оратора в Антиохии и за ее пределами, о «похищении» Златоуста в Константинополь и возведении его на патриарший престол; обстоятельно говорится о первых столкновениях святого с императрицей Евдоксией, о кознях против него церковных иерархов во главе с Феофилом Александрийским, приведших к двукратному осуждению Иоанна Златоуста и изгнанию его из Константинополя. Повествование прерывается рассказами о многочисленных чудесах святого, благодатью которых он был наделен еще при жизни (см.: H a l k i n F. Douze récits byzantins sur Saint Jean Chrysostome. Bruxelles, 1977, p. 69—285). Славянский переводчик не удовлетворился источниками, из которых черпал свои сведения об Иоанне Златоусте неизвестный по имени автор Ж., но добавил к ним отрывок из «Церковной истории» Созомена (ВМЧ, ноябрь, дни 13—15, стб. 939—940), отсутствующий в греческом оригинале.

Текстологическое исследование Ж. Иоанна Златоуста — одного из наиболее пространных памятников агиографии, обращавшихся в славянской письменности, отсутствует. Предпринятое Э. Ханзаком научное издание сочинения далеко от завершения (из объявленных шести томов вышло только два) и учитывает лишь три списка Ж. — сербский список Югославенской Академии наук, № IIIc24 (XIV в.), сербский список из библиотеки Хиландарского монастыря, № 460 (XV в.), наконец русский список в составе ВМЧ по изданию Археографической комиссии. В основу издания положен первый список — наиболее ранний из известных на сегодняшний день.

Влияние Ж. обнаруживают уже в таком раннем памятнике русской агиографии, как написанное *Нестором* Житие Феодосия Печерского (S i e f k e s F. Zur Form des Žitije Feodosija. Vergleichende Studien zur byzantinischen und altrussischen Literatur [Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd 12]. Berlin; Zürich, 1970, S. 162). О том, что болгарский перевод Ж. Иоанна Златоуста рано стал известен в Древней Руси, свидетельствует и написанное *Ефремом* Житие Авраамия Смоленского, в котором содержится целый ряд реминисценций из этого памятника (ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 74, 82, 84, 86). Буквальная выписка из Ж.

содержится в одном из сборников Ефросина (Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, 1980, т. 35, с. 62; ср.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15, стб. 1057). Отразилось Ж. Иоанна Златоуста и в публицистике XVI в. Около 1518—1519 гг. (датировка Н. В. Синицыной: Максим Грек в России. М., 1977, с. 79—80) произошла размолвка между Ф. И. Карповым и только что приехавшим в Москву Максимом Греком; об этой размолвке мы знаем из опубликованного Н. К. Никольским комплекса посланий — двух Максима и одного Карпова (Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Христианское чтение, 1909, № 8—9, с. 1122—1125). Упрекая своего друга в несправедливых обвинениях, Федор Карпов писал: «Не подобаше было тебе, о философе, преже суда осудити. . .», по-видимому, намекая на слова Анфимия из Ж. Златоуста (ВМЧ, ноябрь, дни 13—15, стб. 907). Максим Грек понял его намек, в свою очередь сославшись в примирительном послании на описанный в том же Ж. конфликт между Иоанном Златоустом и Епифанием Кипрским (ВМЧ, ноябрь, дни 13—15, стб. 1019—1022). К Ж. обратился Иван Грозный в полемике с А. М. Курбским — он упоминает евнуха Евтропия и приводит выписку из орации Златоуста, включенной в Ж. (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 41, 18). Поводом для этого послужила проводившаяся врагами Грозного параллель между царицей Анастасией и гонительницей Иоанна Златоуста Евдоксией (там же, с. 45).

В XIV в. в Болгарии дважды было переведено другое Ж. Иоанна Златоуста, принадлежащее перу Симеона Метафраста, причем использованы были разные редакции Ж. (Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981, с. 350—354). Первый перевод выполнен болгарским книжником Марко (Христова Б. Монах Марко — неизвестен български книжовник и преводач от XIV в. — Старобългаристика, 1984, год. VIII, № 3, с. 55).

Перевод Ж., приписанный Георгию Александрийскому, впервые был напечатан в качестве приложения к Маргариту, изданному Московским Печатным двором в 1641 г. (л. 1—216 [3-го сч.]), и вошел во все позднейшие перепечатки этой книги (см., например, московские издания 1698, 1764, 1773 гг.).

В «Новый Маргарит» А. М. Курбского вошли иные тексты о жизни Иоанна Златоуста (Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI—XVII вв. — ЧОИДР, 1888, кн. 1, Приложения, с. 24—25, 43—59).

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, стб. 898—1131; Hansack E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 10; t. 13 (10, 2)). Würzburg; Freiburg im Breisgau, 1975—1980, Bd 1—2.

Д. М. Буланин

Житие Козмы и Дамиана — памятник ранневизантийской литературы (IV в.), получивший распространение в древнерусском переводе. В научной литературе различаются, видимо, по месту погребения, три пары братьев-святых с этими именами. Козма и Дамиан асийские (празднование 1 нояб.), аравийские (17 окт.) и римские (1 июля). Общими для всех трех пар являются близкое родство и занятия: они родные братья и бескорыстные целители. Различают и время жизни братьев: римских и аравийских относят ко 2-й пол. III в., асийских — к IV в.; по-разному описывается их смерть: у асийских она естественная, у аравийских и римских — насильственная. В древнерусских иконописных подлинниках не совпадает и внешний облик трех пар святых. Греч. текст Ж. издан в кн.: Deubner L. Cosma und Damian. Leipzig, 1907, S. 87—225. Перевод этого текста на соврем. рус. яз. см. в кн.: Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»), с. 7—9.

Собственно литературный памятник Ж. повествует о так называемых асийских братьях, родившихся в Малой Азии. Их отец был грек-язычник, а мать, Феодотия, христианка. Козма и Дамиан, благодаря матери прошли обучение; они смолоду проявляли милосердие к людям и животным; так, ими был исцелен верблюд, который заговорил после смерти святых и потребовал, чтобы их не разлучали и погребли вместе. Конфликт между братьями по поводу мзды (трех яиц), принятой у исцеленной Дамианом жены Палладии, подчеркивает бескорыстие Козмы и Дамиана как христианскую добродетель.

Описание чудес, творимых святыми, позволяет судить об искусстве врачевания периода раннего христианства (лечение настоем из трав или «пеклом» — кедровым маслом; путем наложения на больное место сырого мяса; растиранием больного и т. п.). Исцеление больных, как правило, поставлено в зависимость от их веры в бога, от их приобщения к христианству. В одном из чудес Козма и Дамиан уподобляются героям античной мифологии Кастору и Поллуксу (их имена в древнерусском переводе искажены), в другом они являются искушаемой бесом жене в виде всадников. Все это делало Ж. Козмы и Дамиана и их чудеса не только душеполезным, но и занимательным чтением.

История древнерусского перевода Ж. специально не изучалась. Оно подвергалось на Руси некоторой переработке: сокращению, перестановке чудес и добавлениям. По мнению большинства ученых, дополнительные статьи, следующие после 12 чудес, составлены на Руси, а именно слово похвальное безмездникам Козме и Дамиану (в греческих списках его нет), поучение на память святых Козмы и Дамиана и особое, так называемое «корсунское», чудо Козмы и Дамиана, исследованное Иваном Франко и М. Н. Сперанским (оригинальным русским текстом считал это чудо и А. И. Соболевский; см.: Матер. и исслед. в обл. славян. филол. и археол. — СОРЯС, СПб., 1910, т. 88, № 3, с. 176). «Корсунское» чудо Козмы и Дамиана написано в славянской среде, оно

описывает «братчину», а также превращение воды в вино, и наоборот, вина в воду; в нем отсутствует мотив исцеления, хотя участники пира и обращают молитву к святым безмездникам.

Текст Ж., 12 чудес, похвалы и «корсунского» чуда включен в Макарьевские ВМЧ; переписывался он и до того в сборниках типа Торжественников, в *Прологе* и др. Некоторые мотивы Ж. Козмы и Дамиана свойственны и другим сочинениям агиографического жанра, как например погребение в едином гробе, заговорившее человеческим голосом животное и т. п.

Популярность Козмы и Дамиана как целителей закреплена на Руси в посвящении им многочисленных храмов, в их изображении на иконах и миниатюрах рукописей, в переписке их Ж. с чудесами и дополнениями, в ономастике и топонимике.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 1—2. СПб., 1897, стб. 6—43 (См. также: ВМЧ, октябрь, дни 4—18. СПб., 1874, стб. 1060—1061 и 1107).

Лит.: Руднев В. Св. безсребренники Козьма и Дамиан. М., 1865; Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1871, т. 2. Заметки, с. 180 и сл.; Франко И. 1) Пяницьке чудо в Корсуні (причинок до Істории староруської легенди). — ЗНТШ, 1901, т. 44, кн. 6, с. 1—14; 2)Новый варіянт легенди по пяницьке чудо в Корсуні. — Там же, 1903, т. 52, кн. 2, с. 1—2; Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, с. 150, 155—157, 187; Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; Сперанский М. Н. «Корсунское» чудо Козмы и Дамиана.— ИпоРЯС, 1928, т. 1, с. 358—375.

О. А. Белоброва

Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное) — памятник болгарской агиографии, широко распространенный в древнерусской книжности. Ж. содержит ценные сведения о жизни и деятельности Константина Философа, создателя славянской письменности, выдающегося миссионера, полемиста и писателя. Принято считать, что это Ж. было создано в Великоморавии между 869 и 882 гг. Мнение о том, что Ж. было написано в Болгарии в период Второго Болгарского царства (В. Григорович, В. Киселков) и что местом его написания была Паннония, ныне отвергнуто.

Древнейшими из 48 полных сохранившихся списков Ж. являются списки болгарского писателя XV в. Владислава Грамматика, сделанные им в 1469 и 1479 гг. Ныне обнаружен утраченный список нач. XV в. (ГИМ, собр. Барсова, № 619). Их тексты не содержат существенных смысловых разночтений. В основу изданий обычно кладут списки Владислава Грамматика как старейшие, а также и список ГБЛ (собр. МДА, № 19) как в некоторых отношениях более исправный. В рукописной традиции бытует много извлечений из текста Ж., существует и несколько переделок.

Ж. анонимно, и поэтому атрибуция — один из самых запутанных вопросов его изучения. Большинство славистов считают, что автором Ж. был Климент Охридский, один из самых известных учеников миссионера, выдающийся писатель и педагог, осново-

положник так называемой Охридской литературной школы. В доказательство обычно приводят стилистические параллели между Ж. и произведениями Климента, которому к тому же принадлежит и Похвала Константину (Кириллу). По другому мнению, Ж. было написано учениками Константина во главе с Мефодием; некоторые полагают, что автором был сам Мефодий. Высокий уровень литературного мастерства, заинтересованность в создании культа брата в связи с дальнейшим укоренением славянской письменности и богослужения, знакомство с детскими и отроческими годами персонажа, с его миссиями среди арабов и хазар — все это приводится в пользу авторства Мефодия. Между тем единственное указание авторства в Ж., которое читается в конце гл. X, сообщает, что Мефодий перевел «книги» своего брата, разделив их на 8 слов.

Немаловажно, что значительная часть Ж. восходит к трудам самого Константина Философа. В тексте Ж. во многих местах обнаружены фрагменты из его произведений — стихотворений, молитв, полемических трактатов, отчетов о миссионерских поездках, записей дневникового типа, отдельных высказываний. Многие из них подтверждаются позднейшей рукописной традицией. Агиограф Константина объединил и отредактировал их. Таким образом, Ж. стало своеобразной антологией произведений Константина.

Некоторые медиевисты (В. Погорелов и др.) утверждают, что Ж. было первоначально написано на греческом языке. По жанру Ж. примыкает в какой-то мере к традиционным житийным схемам византийской агиографии. Однако нельзя сказать, что оно построено только на них. Видно, например, что благочестие в представлениях автора Ж. не является самым существенным качеством героя. Подвиги святого рассматриваются в плане интеллектуальных достижений, отсюда проистекает «софийность» жития — важнейшая его особенность, которой можно объяснить и все цитаты и отрывки из поэтических и полемических сочинений Константина. Везде Константин побеждает своих противников мудростью, изобретательностью, находчивостью. В этом смысле Ж. заметно отходит от традиционных представлений о благочестивом святом. Полемики Константина с патриархом-иконоборцем Иоанном VIII Грамматиком, с мусульманами, хазарами и «трехъязычниками» придают Ж. некую эпичность, которую с большой осторожностью можно сопоставить с эпическими традициями у славян. Этой проблемы коснулся В. Ламанский в труде «Славянское житие св. Кирилла. .», но его наблюдения пока не развиты.

Ж. исторично, его пафос состоит в осмыслении дела Константина Философа. Все подвиги героя описываются в нем как подготовка к созданию славянской письменности и фундамента новой славянской культуры, моравская миссия Константина рассматривается как финальный акт деятельности вселенского проповедника. В Ж. видна тенденция представить героя как мирового

учителя, жизнь Константина соотносится с деяниями апостола Павла. Сплав между «историзмом» и «софийностью», между эпизмом мудрого богатыря и классическим типом христианского миссионера, между византийской агиографической традицией и оригинальностью новой славянской культуры создает внутреннее напряжение в Ж. Отсюда — высокий уровень его художественности, ясно ощутимая ритмическая организация текста, разнообразие стилевых приемов, элементы средневековой поэзии, риторики, философско-богословских сочинений, выдержанные в манере антично-византийской диалектики.

Ж. получило значительное распространение в Болгарии и на Руси. Оно повлияло на ряд памятников древнеславянских литератур. Следует отметить поэтическую и гимнографическую традицию в честь Константина и Мефодия. Очень рано, вероятнее всего с педагогической целью, в Болгарии было сделано сокращение Ж. — «Успение Кирилла», с некоторыми важными добавлениями — известием, что Кирилл был болгарином, что мать его звали Марией и что он до моравской миссии крестил болгар у реки Брегальницы. Текст Ж. во многом повлиял и на латинскую версию — т. н. Итальянскую легенду, которая, вероятно, отражает не дошедший до нас вариант. Видно также, что традиция этого памятника создает особый тип параллелизма в первых агиографических произведениях славян. Так, например, в Житии Мефодия его жизнь явно соотносится с жизнью Константина; оба жития строятся как параллельный жизнеописательный диптих. Традиция параллелизма продолжается в Болгарии — жизнь Климента в его греко-славянском житии соотносится с Житиями Константина и Мефодия, а Житие Наума соотносится как с житиями Константина и Мефодия, так и с Житием Климента. Литературная традиция Ж. особенно заметна на Руси после XV в., оно входит в состав ВМЧ. В XVIII в. Димитрий Ростовский создает первое «научное» жизнеописание Константина и Мефодия, указывая на свои источники.

Изд.: Šafarik P. J. Památky drevního pismenictví Juhoslovanův. V Praze, 1851, 1873; Бодянский О. М. Кирилл и Мефодий: Собр. памятников до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся. — ЧОИДР, 1863, кн. 2; 1864, кн. 2; 1873, кн. 1—2; Dümmler E., Miklosich F. Die Legende vom heiligen Cyrillus. Wien, 1870; Pastrnek J. Dějiny slovanských apostolů Cyrilla a Methoda s otiskem a rozborem hlavních pramenů. Praha, 1902; Балан А. Т. Кирил и Методи. 1. Свезка първа: Житие на Кирила и Методия и похвални тем слова. София, 1920; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Lehr-Spławiński T. Żiwoty Konstantyna i Metodego. Poznań, 1959; Grivec F., Tomšič F. Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. Zagreb, 1960; Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973, т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий; Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б. Н. Флори. М., 1981 (пер. на совр. рус. яз.).

Лит.: Горский А. В. О свв. Кирилле и Мефодии. — Москвитянин, 1843, № 6, ч. 3; Славянские просветители. М., 1846; Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855; Сборник Кирилло-

Мефодиевский. М., 1865; Воронов А. Д. Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877; Сборник Мефодиевский юбилейный. Варшава, 1885; Малышевский И. Святые Кирилл и Мефодий первоучители славянские. Киев, 1886; Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. — Прилож. к т. 22 «Зап. имп. АН», № 6, 1893; Петров А. Пятидесятилетие научной разработки пространного Жития св. Константина Философа. — Чтения ОЛДП, 1894, № 5—6; Vondrák V. Studie z oboru cirkevněslovanského písmenictví. Praha, 1903; Snopekk F. Konstantinus-Cyrillus und Methodius die Slavenapostel. Kremsier, 1911; Brückner A. Die Wahrheit über die Slavenapostel. Tübingen, 1913; Ламанский В. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915; Балан А. Т. Към тъй наречените Панонски жития. — Год. Соф. унив. Ист.-филол. фак. София, 1923, т. 19; Огієнко І. Костянтин і Мефодій, їх життя та діяльність. Варшава, 1927—1928, ч. 1—2; Лавров П. А. Кирило та Методій в давньословяньському письменстві. У Київі, 1928; Moravcsik G. A. Kyrillos legenda magyar vonatkozású epizodjához. — Ethnografia, Budapest, 1928, t. 39; Погорелов В. На каком языке были написаны так называемые Паннонские Жития. — Byzantinoslavica, 1932, N 4; Трифонов Ю. Константин Философ (св. Кирил) като царски пратеник при сарацини и хазари. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933; Dvorník Fr. 1) Les légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. Prague, 1933; 2) Bysantske misie u slovanů. Praha, 1970; Ильинский Г. А. Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934; Weingart M. Analyse philologique des légendes slaves de Constantin et de Méthode. — In: Actes du IV Congrès International des études byzantines. Sofia, 1935; Велчев В. Константин-Кирил и Методий в старобългарската книжнина: Първо българско царство. София, 1939; Georgiev E. Die Italianische Legende. Sofia, 1939; Wijk N. van. Zur sprachlichen und stilistischen Würdigung der altkirchenslavische Vita Constantini. — Südostforschungen, 1941, Bd 6; Попруженко М. Г., Романски Ст. Кирилометодиевска библиография за 1934—1940 г. София, 1942; Динеков П. Стара българска литература. София, 1950, ч. 1; Grivec F. Žitija Konstantina in Metodija. Ljubljana, 1951; Anastos M. The Political Theory in the Lives of the Slavic Saints Constantine and Methodius. — Harvard Slavic Studies, 1954, vol. 2, p. 11—38; Якобсон Р. О. Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии. — Slavistična revija. Ljubljana, 1957, t. 10, с. 111—118; Киселков В. За авторството на Кирила и Методия. — Изв. Инст. за лит. София, 1961, кн. 11, с. 31—53; Vavřinek V. 1) Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje a panegyriky Řehoře z Nazianzu. — Listy filol., 1962, t. 85, n 1, s. 96—122; Георгиев Е. 1) Разцветът на българската литература през IX—X в. София, 1962; 2) Возникновение оригинальной староболгарской агиографии. — Старобългаристика, 1978, год. 2, кн. 4, с. 3—23; Дуйчев И. 1) Към тълкуването на Пространните жития на Кирила и Методия. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963; Куев К. Към въпроса за Кириловото пространно житие като исторически паметник. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост, с. 119—126; Петканова-Тотева Д. Литературни особености на Пространното житие на Константин-Кирил. — Там же, с. 127—155; Kurz J. Nekolik poznamek k textu «Života» Konstantinova a Metodejova. — Studia linguistica in honorem Thaddei Lehr-Spławinski. Warszawa, 1963; Мечев К. Към въпроса за авторството на Пространните жития на Кирил и Методий. — Изв. на Инст. за лит. София, 1965, кн. 16, с. 105—124; Cyrillo-Methodiana. Köln; Graz, 1964; Kyas V. 1) Charvatskohlaholské texty Života Konstantinova. — Slavia, 1966, roč. 35, N 4, s. 530—553; 2) Zásady rekonstrukce textu Života Konstantinova. — In: Studia palaeoslovenica. Praha, 1971, s. 195—200; Радойчич Дж. У истоков славянской литературы (К вопросу о датировке «Жития» Константина—Кирилла). — Вопр. ист. славян, М., 1966, вып. 2, с. 110—113; Ševčenko I. The Greek Source of the Inscription on Solomon's Chalice in the Vita Constantini. — In: To Honor Roman

Jacobson. The Hague; Paris, 1967, vol. 3, p. 1806—1817; В а с и л ь е в В. Климент Охридски и авторството на «Панонските легенди». — Български език, 1969, кн. 3, с. 229—240; Κύριλλος καὶ Μεθόδιος. Τόμος ἑόρτιος ἐπὶ τῇ χιλιοστῇ καὶ ἑκατοστῇ ἐπετηρίδι. Θεσσαλονίκη. 1966-1971, т. 1—2; К о д о в Хр. Около житието на Кирил Философ. — Старобългарска литература. София, 1971, кн. 1, с. 53—64; A n a s t a s i o u I. E. Conceptions concerning the Emperors in Vitae of St. Constantin-Cyril and Methodius. — Bizantina, 1971, t. 3, p. 3—14.; P i c c h i o R. Strutture isocoliche e poesia slava medievale: A proposito dei capitoli III e XIII della Vita Constantini. — Ricerche Slavistiche. Roma, 1973, t. 17—19, p. 419—445; M i n c e v a A. Zur Erforschung des Wortschatzes der Vita Methodii. — Zeitschr. für Slawistik, 1976, Bd 21, H. 6, S. 794—800; Л ь в о в А. О чтении одного места жития Мефодия. — В кн.: Источники по ист. рус. яз. М., 1976, с. 75—79; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981; Л е в о ч к и н И. В. Древнейший список Пространного жития Константина Философа. — Сов. славяновед. М., 1983, № 2, с. 75—79; Д у й ч е в И., К и р м а г о в а А., П а у п о в а А. Кирилометодиевска библиография. 1940—1980. София, 1983.

Хр. Трендафилов

Житие Леонтия Ростовского — один из древнейших памятников древнерусской оригинальной агиографической литературы. Ж. повествует об епископе — исповеднике, насаждавшем в 60-х гг. XI в. христианство в отдаленной от Киева Ростовской земле и убитом местными язычниками около 1076 г. Краткая редакция Ж., «Сказание о Леонтии Ростовском», была создана в 60-х гг. XII в. на северо-востоке Руси и опиралась на традиции и тексты раннекиевских житийных произведений о Борисе и Глебе (см.: *Нестор*, *Сказание о Борисе и Глебе*), *Феодосии Печерском*, а также «Слова о законе и благодати» митрополита *Илариона*. Составитель Ж. использовал ростовский соборный синодик, откуда взяты имена епископов ростовских XI в. Феодора, Илариона, *Леонтия Ростовского* и Исайи, а также местные летописные материалы и легенду. Два основных эпизода Ж. непосредственно связаны с историей Ростова и его кафедрального собора в XI—XII вв. Отмеченное летописью под 1071 г. выступление ростовских противников христианизации трактовано в Ж. как «победа» Леонтия Ростовского над местными язычниками. Строительство нового каменного Успенского собора Ростова в 1160-х гг. дало повод для рассказа об «обретении мощей» Леонтия, уже как духовного покровителя Владимирской Руси во времена *Андрея Юрьевича Боголюбского*. Образ этого князя находится в центре Ж. рядом с образом Леонтия, что способствовало включению в одну из поздних редакций памятника фрагмента *Повести об убиении Андрея Боголюбского*. Художественно-документальной природой ранних редакций Ж. объясняется введение в более поздние редакции памятника отрывков из сказания о крещении Руси Владимиром Святославичем, а также из Ростовской летописи.

Ж. было одним из наиболее популярных, читаемых произведений древнерусской литературы. Оно получило широкое распространение в рукописной традиции — существует более 200 его списков, в том числе 34 в рукописях до XVI в. Из них 15 списков

находятся в составе Пролога, 3 — в Торжественниках, 3 — в Минеях. Наиболее ранние списки Ж. XIII—XIV вв. обнаружены в рукописях *Пролога*: ГИМ, Синод. собр., № 246; ГПБ, собр. ПДА, № А 1—264, том 2; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 745. Первые два списка в пергаменных кодексах содержат древнейшие из 12 существующих редакций Ж. Заглавие краткой редакции — «Сказания о Леонтии Ростовском» первого вида: «Обретение честнаго тела преподобнаго отца нашего Левонтия, епископа Ростовскаго»; второго вида: «Обретенье честнаго телеси святаго отца нашего Леонтья, епископа Ростовьского». Текст третьей редакции («Обретенье честнаго телесе святаго святителя Леонтея, епископа Ростовьскаго чудотворца» — похожее заглавие нередко использовалось переписчиками первой редакции), опубликованной в ПС, отличается от текста «Сказания» первого и второго дополнениями о древней дубовой церкви Ростова, о свитке в руке Леонтия и особым текстом с подзаголовком: «Слово о внесении телесе святаго отца нашего Леонтья, великаго епископа Ростовьскаго, в новую церковь и о мужи, иделевшемь у гроба великаго Леонтья». Первые части первой и третьей редакций близки (нач.: «Сь бе блаженый Левонтии Костянтиня града рожаи и въспитание и за премногую добродетель епископомь поставлен бысть Ростову»). Аналогичное заглавие имеет и четвертая редакция, опубликованная А. А. Титовым в 1892 г., причем в этом заглавии открытие мощей Леонтия помечено 1164 г. (в списке Пролога XV в. ГБЛ, собр. Егорова, № 637 эта редакция датирована в заглавии 1230 г.). Первая часть текста четвертой редакции близка ко второй (нач.: «Сь бе блаженыи Царя града рожьпья и воспитанья. Руськыи же и мерьскыи язык добре умеяше. Книгам русьским и гречьским велми хитръсловесен сказатель»). Пятая редакция (нач.: «Сеи бе блаженыи иже в святых отець нашь великыи Леонтие рождься в Костянтине граде от благоверну родителю. От юны версты оставив мир и яже в мире») непосредственно связана с третьей, причем последняя иногда (например, в ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 866, л. 184 об.—190) даже принимает ее заглавие: «Обретение честнаго телеси иже во святых отца нашего Леонтия, епископа Ростовьскаго чюдотворца». Можно выделить также шестую редакцию (нач.: «Съ убо иже во святых отець нашь великыи Леонтий рождейся в Констянтине граде от благоверну родителю, воспитань же бывь в научении и в наказании. .»; «Иже вь святых отець нашь великыи Леонтие рождейся в Коньстянтине граде от благоверну родителю. Егда доиде возраста седьмаго лета, вдан бысть родителми на учение грамоте»), производную от пятой. К седьмой восходит девятая редакция (например, список 1497 г. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 712), она содержит поздние чудеса. Восьмая редакция восходит к шестой; она содержит дополнительно поздние чудеса и поучение на память Леонтия. Десятая редакция опубликована А. А. Титовым в 1893 г. Она наиболее пространна: включает пересказ Повести об убиении Андрея Боголюбского, отрывки из Ростовской летописи с многими

датами, поздние чудеса. Особая одиннадцатая редакция соответствует пятой редакции по классификации Ключевского. Текст двенадцатой редакции, близкой ко второй редакции, включен в печатный *Пролог* под 25 мая.

С. А. Бугославский в «Истории русской литературы» отмечал влияние Ж. на другие памятники ростовской агиографии — Жития Исайи и Авраамия ростовских, а также на Житие Феодора Ярославского редакции Андрея Юрьева. Ж. явилось первым в обширной литературе самобытных областных и великорусских, московских владычных житий XIII—XV вв.

Изд.: Житие св. Леонтия, еп. Ростовского. — ПС, 1858, февраль, с. 301—317; Титов А. А. Житие св. Леонтия, еп. Ростовского. Ярославль, 1892; Житие св. Леонтия, еп. Ростовского / Предисл. А. А. Титова. — ЧОИДР, 1893, кн. 4, с. I—IV, 1—35; «Сказание о Леонтии Ростовском»: (Подготовка текста и перевод Г. Ю. Филипповского). — В кн.: Древнерусские предания. М., 1982, с. 125—129.

Лит.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. М., 1861, т. 2, с. 170—171; Макарий. История русской церкви. СПб., 1868, т. 2, с. 329—332; Ключевский. Древнерусские жития, с. 3—22; Барсуков. Источники агиографии, стб. 323—329; Голубинский. История церкви, т. 1, ч. 1, с. 757—758; Бугославский С. А. 1) Литературная традиция в северо-восточной агиографии. — СОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 332—336; 2) Литература Ростова XIII—XIV вв. В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 62—66; Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, 1963, т. 23, с. 23—46; Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 27; Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси. М., 1971, с. 39—43; Филипповский Г. Ю. 1) Художественно-документальные жанры Владимирской литературы 60-х гг. XII в. — Вестн. МГУ. Филол., 1979, № 4, с. 37—44; 2) Жанры историко-легендарного повествования владимирской литературы второй половины XII в. Автореф. канд. дис. М., 1979.

Г. Ю. Филипповский

Житие Марии Египетской — распространенное в древнерусской книжности переводное житие (греческий текст см.: PG, t. 87, pars 3, col. 3697—3726). В списках оно традиционно надписывается именем иерусалимского патриарха Софрония (634—644 г.), но в действительности, видимо, ему не принадлежит (см.: Usener H. Der heilige Tychon. Leipzig; Berlin, 1907, S. 78). Сюжет Ж. таков: благочестивый монах Зосима встречает в Иорданской пустыне женщину, которая скитается там уже 47 лет; она спит на земле, питается травой, все эти годы не видела людей. Подвижница рассказывает Зосиме, что в прошлом она была блудницей в Александрии, но затем, после чудесного знамения, обратилась к вере, раскаялась и обрекла себя на отшельничество. Год спустя Зосима причащает святую, а еще год спустя, придя на то же место, обнаруживает ее труп. Зосима погребает его и из оставленной записи узнает, что женщину звали Марией (перевод греческого жития на современный русский язык см. в кн.: Византийские легенды. / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972, с. 84—98).

Ж. постоянно входит в состав житийных сборников начиная с XIV в. (см., например: ГИМ, Чуд. собр., № 20; собр. Тр.-Серг. лавры, № 34; сборники XV в. того же собрания № 745, 747, 752, 754; сборники ГБЛ, собр. Большакова, № 30 и 70, XVI в.; ГИМ, Синод. собр., № 319/853 и 322/569, XVI в.; ГПБ, Солов. собр., № 639/805, XVI в. и др.). В минейных сборниках Ж. читается под 1 апреля; под тем же числом в *Прологе* находится краткое проложное Ж. Кроме того, Ж. входит в состав некоторых списков сборника «Златоуст», где приурочено к среде пятой недели поста, и регулярно читается как дополнительная статья в списках Триоди постной, откуда перешло и в старопечатные книги: Трипеснец. . М., 1589, л. 441—459; Трипеснец. М., 1607, л. 471—489 об. и др. издания Триоди постной. В рукописях встречается также молитва Марии (нач.: «Дево, владычице, богородице, яже бога Слова плотию рождьшая. .») и статья «Слово от жития Марии Египетской» (нач.: «Но обаче слышах, яко сего ради бог. . .»). Ж. вошло в ВМЧ и минеи Димитрия Ростовского. Известны лубочные картинки на темы Ж. (см.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. 3, с. 637—640). Сюжет Ж. лег в основу поэмы Ивана Аксакова «Мария Египетская».

Изд.: Житие преподобные матере нашея Марии Египетская. Киев, 1875; Франко. Апокрифы, т. 5, ч. 1, с. 266—288.
Лит.: Попов. Библиографические материалы, № 20, с. 47—51.

О. В. Творогов

Житие Мефодия (Пространное) — памятник болгарской агиографии, получивший широкое распространение в древнерусской книжности, посвященный жизни и деятельности славянского просветителя, брата Константина Философа. Ж. сохранилось в 16 списках русской редакции, старший из которых в составе Успенского сборника XII—XIII вв. (ГИМ, собр. Успенского собора, № 4). Все списки содержат полный текст, переделки и самостоятельные извлечения и фрагменты пока не обнаружены.

В Ж. акцент падает на моравский период жизни святого, о византийском периоде автор говорит слишком коротко, опираясь на факты из *Жития Константина (Кирилла) Философа*. Рассказ Ж. строится по правилам византийской агиографии, с некоторыми отклонениями. Так, например, в качестве первой главы вставлено значительное по своему объему сочинение конфессионального характера. Вероятно, оно представляет исповедание самого Мефодия во время его «экзамена» по ортодоксии в Риме. Такого типа введения в византийской житийной литературе обычно не применяются. Изложение агиографического материала заметно отличается от манеры изложения в Житии Константина — Ж. очень сдержанно, насыщено историческими подробностями и имеет более определенную идеологическую направленность — доказать моравским правителям праведность и святость дела Ме-

фодия в тяжелых условиях борьбы за сохранение славянского богослужения и просвещения Великоморавии. Этим и обусловливается присутствие в тексте Ж. документов, писем, высказываний, реальных исторических эпизодов.

Ж. анонимно, поэтому вопрос о его авторстве вызвал разные более или менее аргументированные гипотезы. Некоторые исследователи автором Ж. считают Климента Охридского, утверждая таким образом, что ему принадлежат оба жития солунских братьев. Другие, исходя из того, что Мефодий рекомендовал в наследники своего архиепископского престола Горазда и что он занимал первое место среди его учеников, настаивают на авторстве последнего. Однако сведений о литературной деятельности Горазда не сохранилось. В 1937—1938 гг. в акростихе Службы Мефодию было обнаружено имя Константина (Преславского), и с тех пор некоторые исследователи предполагают, что Константин Преславский написал и Ж.

Вопрос о месте написания Ж. тоже спорен. «Паннонская» теория происхождения Ж. ныне считается неприемлемой. Скорее всего его надо связать с напряженной историко-политической обстановкой в Великоморавском княжестве сразу после смерти Мефодия. Предполагают также, что Ж. написано в Болгарии, ибо мефодиевские традиции у западных славян очень быстро были подавлены.

На Русь Ж. перенесено через Болгарию. Следы памятника сохранились в Службе Мефодию, в Житиях Наума и Климента. Он был знаком автору *Повести временных лет* (статья под 988 г.).

Изд.: Šafarik P. J. Pamatky drevniho pismenictvi jihoslovanuv. V Praze, 1851, 1873; Бодянский О. М. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей славянских племен относящихся. — ЧОИДР, 1865, кн. 1; Miklosich F. Vita S. Methodii russico-slovenice et latine. Vindobonae, 1870; Лавров П. А. 1) Житие святого Мефодия и Похвальное слово Св. Кириллу и Мефодию по списку XII в. М., 1893; 2) Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Pastrnek J. Dejny slovanských apostolú Cyrilla a Methoda s otiskem a rozborem hlavnich pramenu. Praha, 1902; Балан А. Т. Кирил и Методи. София, 1920, Свезка първа. Житие на Кирила и на Методия и похвални тем слова; Lehr-Spławiński T. Żiwoty Konstantyna i Metodego. Poznań, 1959; Grivec F., Tomšič F. Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. Zagreb, 1960; Климент Охридски. Събр. съч., София, 1973, т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий; Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и комм. Б. Н. Флори. М., 1981 (пер. Ж. на соврем. рус. яз.).

Лит. см. в статье Житие Константина (Кирилла) Философа.

Хр. Трендафилов

Житие митрополита Петра — древнерусский агиографический памятник XIV в. Существуют две редакции Ж., из которых одна является переработкой—распространением другой. Первоначальная связывается с именем ростовского епископа *Прохора*, вторую создал митрополит Киприан. Каждая из редакций имеет свои подразделения. У первой В. А. Кучкин различает два из-

вода: в одном из них имя епископа Прохора в заглавии отсутствует, в другом есть некоторые фактические неточности, а к самому Ж. присоединено «Поучение Петра митрополита, егда припре тверскаго епископа Андрея в соборе». В. А. Кучкин связывает с именем Прохора именно это поучение, а Ж. (он называет его «Сказание о смерти митрополита Петра») считает написанным не Прохором, а неизвестным москвичом — возможно, одним из клириков Успенского собора, близким к митрополиту, князю Ивану Даниловичу Калите и московскому тысяцкому Протасию. Время написания — лето (до 14 августа) 1327 г. Появление второго извода объясняется канонизацией Петра в 1339 г. в Константинополе; к Ж. при этом было присоединено Поучение, они получили один общий заголовок, в результате чего имя Прохора и оказалось связанным с Ж. После 1348 г. этот извод был дополнен новыми записями о чудесах. Старейший список первого извода относится к 70-м гг. XV в., второго — к концу XV—началу XVI в. Ж. в этой редакции невелико по объему, в нем коротко говорится о рождении, детстве, раннем пострижении в монахи, иноческой жизни и иконном писании Петра, о том, как он стал митрополитом, о конфликте его с тверским епископом Андреем, об обращении им внимания на Москву и его совете князю Ивану Даниловичу построить церковь в честь Богородицы, о создании им в этой строящейся церкви гроба для себя и о его смерти, погребении и посмертных чудесах. Первоначальная редакция Ж. издана Макарием.

На основе этого первоначального Ж., существенно распространив и переработав его, митрополит Киприан создал — как часть большой Службы митрополиту Петру — свою редакцию Ж. (оно должно было читаться после 6-й песни канона). Сравнительно с первой эта редакция отличается большей отделанностью литературной формы — появились риторическое вступление, отступления, эпизод с пророческим видением во сне отроку Петру мужа в святительских одеждах, небольшое заключительное похвальное слово; все повествование приобрело характер непринужденного живого и поучительного рассказа человека с широким жизненным и литературным кругозором, уверенного в себе, хорошо владеющего словом, позволяющего себе эмфазу и иронию. Здесь ощутима публицистическая задача редактора, порождаемая его борьбой с соперниками, Митяем-Михаилом и Пименом, а также с великим князем Дмитрием Ивановичем за свои митрополичьи права: подчеркивается, в частности, что, Петр прежде чем стать митрополитом, прошел без спешки и перепрыгиваний все иерархические ступени, а его соперник Геронтий характеризуется как человек дерзкий и объятый недугом «самовластия» — схоже с тем, как изображается Митяй-Михаил во втором Послании Киприана старцам Сергию и Феодору, в Повести о Митяе и летописной статье, где говорится о гибели Митяя. Единственное, что опустил Киприан в своем пересказе, это сообщение первоначального Ж. о предсмертном «воименовании» Петром своего наследника на

митрополию. Под пером Киприана Ж. приобрело также черты его автобиографии: во-первых, за этой историей Петра легко угадывается история самого Киприана, а во-вторых, здесь прибавлен прямо автобиографический рассказ о бедствиях, испытанных Киприаном в 1379—1380 г. в осажденном генуэзцами Константинополе (говорится о свержении патриархов, Филофея и Макария, о мистической помощи митрополита Петра Киприану — после его молитвенного обращения к тому — добраться из Константинополя в Москву и быть там принятым на митрополию великим князем Дмитрием Ивановичем). Судя по пронизывающей эту редакцию публицистичности и самому ее характеру (тональность мягкого сравнительно с другими публицистическими произведениями Киприана, порожденными его борьбой за митрополичий престол, наставления князю), а также по тому, что автобиографические и все иные фактические данные не переходят в ней рубежа 1381 г., время ее создания определяется как 1381 г. (С. Шевырев, Л. А. Дмитриев, Г. М. Прохоров). Старейший список этой редакции Ж. находится в составе Службы митрополиту Петру в пергаменной Служебной минее на декабрь (хранится в Харьковской Государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко). Сообщение «Сказания вкратце о премудром Киприане», содержащегося в Степенной книге и в одном сборнике XVII в., о том, что Киприан написал Ж. в подмосковном селе Голенищеве в период 1397—1404 г., относится, по всей вероятности, к написанному Киприаном же на основании его собственной редакции Ж. Похвальному слову митрополиту Петру.

В XV в. Ж. в редакции Киприана было без изменений включено в Иосифо-Волоколамские Минеи, а в XVII в. — в Милютинские и Минеи Димитрия Ростовского. В XVI же в. оно было значительно распространено при включении в ВМЧ (издано в составе этого памятника, а также в составе Степенной книги и в работе Б. Ст. Ангелова). Распространения носят характер общих мест, отвечающих литературному вкусу XVI в. (появляется диалог, прямая речь, текст делится заголовками на главы). За время с XVI в. по XVIII в. появилось также несколько сокращений или сокращенных пересказов Киприановской редакции Ж., иногда дополненных похвалой.

Изд.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, кн. 1, с. 312—317; ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1620—1646; Книга Степенная царского родословия. — ПСРЛ. СПб., 1912, т. 21, 1-я пол., с. 321 322; Ангелов Боню Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 159—176; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 205—215.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 82—88; Барсуков. Источники агиографии, стб. 447—449; Шевырев С. История русской словесности. СПб., 1887, ч. 3, с. 88; Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, 1962, т. 18, с. 59—79; Дмитриев Л. А. 1) Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 215—254; 2) Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Великотырновской книжной школы. —

В кн.: Търновска книжовна школа. Втори международен симпозиум. Велико Търново. 20—23 май 1976, София, 1980, т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски, с. 64—70; Дончева-Панайотова Н. Киприан: Старобългарски и староруски книжовник. София, 1981; Седова Р. А. Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 256—268.

Г. М. Прохоров

Житие Михаила Ярославича Тверского — памятник тверской литературы 1-й четв. XIV в. Как установлено В. А. Кучкиным, Ж. дошло до нас в 12 редакциях (8 летописных и 4 нелетописных). Летописные редакции подразделяются на две группы, представляющие московскую и тверскую обработки повествования. Так, в летописях СI, Московском своде, Ермолинской, Уваровской, Львовской, Никаноровской, Вологодско-Пермской, Воскресенской, НIVЛ читается промосковская обработка первоначального текста, в которой заметна тенденция обеления Юрия Московского, а «Михаил Тверской низводится с того высокого пьедестала, на который он был вознесен своими сторонниками» (Кучкин. Повести, с. 87). Тверская летописная редакция (Летописец Рогожский и Летопись Тверская) характеризуется ярко выраженной антиордынской и противомосковской направленностью.

Возникновение внелетописных редакций шло в следующей последовательности: Пространная редакция, Редакция Макарьевских Великих Миней Четиих (создана на основе промосковских летописных редакций с привлечением Похвалы из Пространной редакции), два варианта редакции 50-х гг. XVII в. (в основе — Пространная редакция, подвергшаяся риторическому распространению), Проложная редакция 1661 г. (составлена по редакции Степенной книги).

Древнейшая из дошедших до нас внелетописных — Пространная редакция — наиболее полно отразила первоначальный текст Ж., который затем попал в свод Арсения Тверского 1409 г., откуда был заимствован как сборниками, так и более поздними летописными сводами — Рогожским летописцем и общерусским сводом 1448 г.

Существует предположение, что автором древнейшей редакции был один из духовников Михаила Ярославича — игумен Отроча монастыря Александр. Это, видимо, и определило, с одной стороны, церковный характер повествования, строгое его соответствие канону, и с другой — подробность и историческую точность описания событий, которых автор был свидетелем, сопровождая князя в Орду.

Ж. составлялось на основе черновых записей, делавшихся сразу по следам событий. Однако в том виде, в котором оно дошло до нас, Ж. мало похоже на произведение, написанное сразу после смерти князя. Строгость в следовании агиографическому канону, уподобления Михаила Ярославича святым-мученикам, постоянное именование его «святым» и «блаженным», наличие в житии «чудес» — все это черты, присущие житиям, создаваемым если не

после канонизации подвижника, то, по крайней мере, после установления его местного почитания.

Повествование о Михаиле Ярославиче относится к мученическим житиям. В композиции произведения, его художественной структуре ясно различимо стремление автора следовать жанровой схеме жития-мартирия. С первых фраз, заимствованных из жития святого Коинта, возникает образ венца — символа мученичества за веру, высшей степени святости, и эта тема становится одним из лейтмотивов при изображении подвига Михаила. Во вступительной части автор излагает два пути достижения святости, «горнего Иерусалима». Один — уход из мира, подвиг преподобных отцов и отшельников. Иной путь тех, кто «. .тело свое предаша на поругание узам, и темницам, и ранам, конечное, кровь свою проливающе, въсприимаху царство небесное и венец неуведаемый» (Охотникова. Пространная редакция, с. 17), к таковым и причисляется Михаил Ярославич. Хотя сам сюжет и словесные формулы произведения акцентируют в подвиге князя собственно мученичество, Ж. почти не говорит о защите князем христианской веры. В основе конфликта, являющегося центром повествования, лежит недовольство в Орде князем как подданным: ханские судьи осуждают тверского князя на смерть, «. . .яко неключим есть нам, не последует нравом нашим» (с. 22). Все обвинения со стороны Орды носят политический характер: сокрытие дани, битва с Кавгадыем, отравление сестры хана. Недовольство вызывала, очевидно, и идея централизации Руси, подчинения «молодших» князей великому князю, шедшая вразрез с татарской политикой насаждения розни среди русских князей.

Ордынское нашествие рассматривается в Ж. как божее наказание за грехи, главный из которых — распри между князьями, неподчинение младших старшим. Говоря о владычестве монголо-татар, автор разрешает создающееся противоречие (батог божий — антихристианская сила): «Егда бо господь Титу предасть Иерусалим, не Тита любя, но Иерусалим казня. И паки, егда Фоце преда Царьград, не Фоцу любя, не Царьград казня за людская прегрешения. Еже и си нас деля бысть за наша согрешения» (с. 19). Систематическое именование Узбека, Кавгадыя и татар «окаянными» и «беззаконными», обвинения в неправедности и беззаконности их суда свидетельствуют о сильных антиордынских чувствах автора.

Главная идея Ж. — пожертвование князем собою за сограждан-христиан — выражается евангельскими словами: «Аще кто положит душу свою за други своя, сей великий наречется в царствии небеснем» (там же, с. 17). Они оказываются обоснованием и похода тверского князя против Кавгадыя и Юрия Московского, бесчинствовавших в его землях.

О сознательном следовании автором Ж. схеме мартирия свидетельствует система использованных им уподоблений: это — сравнения Михаила Ярославича с Дмитрием Солунским, Борисом и Глебом, Михаилом Черниговским. В Ж. есть текстуальные

заимствования из произведений, посвященных этим святым. Очевидно, автор четко осознавал, что должен написать житие не мученика вообще, но князя-мученика — подвиг Михаила Ярославича уподоблен им подвигам святых-князей; с Дмитрием Солунским связана идея защиты городов, с Борисом и Глебом — идея вассальной верности, с Михаилом Черниговским — защита веры. Подвиг Михаила Ярославича, таким образом, включает все эти аспекты.

Драматизм ситуации передается в Ж. средствами, свойственными мартирию, — подробностью и «протокольностью» изложения событий. Но в композиционном отношении Ж. следует общеагиографическому канону. Так, в мартирии обычно отсутствует последовательное изложение всей истории жизни подвижника, начиная со сведений о родителях и рождении героя, а также рассказы о «чудесах». Автор же, как и *Нестор* в Чтении о Борисе и Глебе, стремится полностью выдержать житийную схему. Как и в Чтении, вступительная часть Ж. содержит материал священной истории (автор использует его, говоря о причинах политической слабости Руси того времени).

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 207—215; М., 1965, т. 15, с. 36—41, 409—412; Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. — В кн.: Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985, с. 16—27.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 71—74, 170—171; Филарет. Обзор, с. 69; Серебрянский. Княжеские жития, с. 250—257; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

Е. Л. Конявская

Житие Николая Мирликийского. Николай Мирликийский (Николай Чудотворец, Николай Угодник) — один из наиболее почитаемых на Руси православных святых. В древнерусской книжности встречается около сорока различных произведений, соотнесенных с его культом, в том числе несколько его Ж.

1. «Житие и жизнь и от части чудес сказание преподобного отца нашего чудотворца Николы, архиепископа Мир Ликийских» (нач.: «Мудра (убо) некая вещь живописец рука, имущи уподобитися истине. .»). Перевод Ж. Николая, бывшего, по преданию, в IV в. епископом г. Мира в Ликии (область на юго-западе полуострова Малая Азия), написанного византийским агиографом Симеоном Метафрастом (X в.), известен в списках начиная с XV в. В сборниках оно часто соседствует с другим Ж. Николая (так называемым «иным житием», см. о нем ниже). Ж. Метафраста вошло в ВМЧ, а в XVII в. в состав старопечатной книги, включавшей различные памятники, посвященные этому святому. Ж. написано в обычной для Метафраста риторической манере. В Ж. повествуется и о некоторых чудесах святого — чуде «о трех девицах» (нач.: «Отселе убо лепо есть еже и почести сказати»), «о трех мужах» («Некогда убо мятеж воста в велицей Фригии») и «како избави корабль от потопа» («Некогда убо корабленцы от Египта

шествие сотворяющие»): эти чудеса иногда переписывались отдельно или присоединялись к чудесам «иного жития». Ж. Метафраста было переработано болгарским книжником Дамаскиным Студитом (XVI в.) и в составе комплекса его произведений попало на Русь. В списке ГИМ, собр. Хлудова, № 69 (XVIII в.) это Ж. озаглавлено: «Житие и жизнь преподобного отца нашего Николая архиепископа Мирликийского чюдотворца, реченое от малейшего в монасех Дамаскина иподиакона и Студита» (нач.: «Приятно есть благословении христиане рука живописцев. . .»).

2. «Житие и деяние иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского чудотворца и заступника роду христианского» (нач.: «Во дни прежняя благоволи бог взыскати писания. . .»). Это Ж., в литературе именуемое «иным житием», представляет собой перевод греческого жития Николая, епископа Пинарского, жившего, согласно преданию, в VI в. Еще на греческой почве Николая Пинарского отождествляли с Николаем Мирликийским (оба подвизались в одной области — Ликии), и Ж. первого стало надписываться как Ж. Николая Мирликийского. Так возникла особая, отличная от метафрастовской, редакция Ж. Русский перевод «иного жития» осуществлен, вероятно, еще в XI в. Есть две редакции Ж. — Сокращенная (издана в серии ПДПИ, № 34 Леонидом) и Пространная (см. в Изд. ОЛДП, № 28), в текст которой внесен ряд дополнений из Ж., составленного Метафрастом, в том числе и некоторые чудеса («о трех мужах», «о избавлении корабля от потопа», «о трех девицах»). Перечень дополнений отмечен в работе П. О. Потапова (К литературной истории, с. 126—127). С этим Ж. оказывается тесно связанным сказание о посмертных чудесах Николая: «Чудеса и деяния иже во святых отца нашего Николы» (нач.: «Добро бо есть нам божие писание к вам проповедати. . .»). Число посмертных чудес доходит до 15: это чудеса «о Дмитрии», «како избави корабль от потопа», «о Агрике и сыне его Василии», «о юноше», «о Христофоре попе», «о Петре», «о ковре», «о трех иконах», «о обнищавшем монастыре», «о человеце, его же избави от желез» или «о Епифании», «о трех друзех» (нач.: «В дни и в лета, егда царствоваста Пров царь и Флорьян») и вариант его — чудо «о трех мужах» (нач.: «И еще некая от чудес святаго и великаго отца Николы. . .»), «о трех девицах» (нач.: «В един же от дний бысть некто боярин во граде богат. . .»), отличающееся от одноименного чуда в Ж. Метафраста, «о некоем срацыне», «о детище» и «о половчине». Чудеса переписывались в сборниках как вслед за текстом «иного жития» (в составе которого более двадцати прижизненных чудес Николая), так и отдельно; при этом в сборниках число чудес и их последовательность постоянно варьируется. Существовало мнение, что «иное житие», или по крайней мере сказание о посмертных чудесах Николая — русские сочинения. Это мнение было опровергнуто обнаружением греческого источника «иного жития», а также источников рассказов о посмертных чудесах. Однако допустимо, что на Руси были составлены некоторые из этих чудес: чудо «о ковре», «о человеце, егоже избави от желез»

(или «о Епифании»), «о некоем детище», «о половчине» и быть может — «о трех иконах». Ж. и сказание о чудесах широко встречаются в списках с XV в., но отдельные чудеса входят в состав сборников и более раннего времени: в так называемом Торжественнике XII в., в составе сборника со *Златоструем* (ГПБ, F. п. I. 46) находится 8 чудес; чудеса входят в сборники ГПБ, Соф. собр., № 1261 и ГИМ, Чуд. собр., № 20 — оба XIV в.

3. «Житие и чюдеса святаго отца Николы, архиепископа Мирского града» (нач.: «Во дни они бысть муж правдив и благочестив (богочтец) в стране града Голасия. . .»). У Никольского (Повременный список, с. 368 и 382) этот памятник ошибочно рассматривается дважды, Ж. это — сокращенная переработка «иного жития», оно встречается, в свою очередь, в более пространном и более кратком вариантах.

4. «Житие и жизнь и от части чюдес и о преставлении и о погребении иже во святых отца нашего Николы, великаго архиерея Мирликийского чюдотворца изложено вкратце» («Слово иже во святых отца нашего Николы, о житьи его и о хождении его и о погребении») (нач.: «Благословен еси, господи Иисусе Христе. . . Мы же, братия, прославим ту землю, где жил святый Николае. . .»). Это Ж. В. О. Ключевский считал особой переработкой («некнижной редакцией») южнославянского сказания о Николае Мирликийском; П. О. Потапов отмечает, что Ж. это «не имеет ничего общего ни с житием Метафраста, ни с «иным житием» и указывает его греческий источник. Болгарский перевод этого греческого сказания был переведен на Руси и широко распространялся в списках начиная с XV в.

5. В списках, по преимуществу западнорусских, встречается также Ж., называемое «Живот иже во святых отца нашего Николая Мирликийского» (нач.: «Парата есть место в земли Ликии, в котором ся уродил святый Николае. . .»). Это Ж. встречается в письменности реже, чем предыдущие.

Существует три варианта кратких, проложных Ж. (см. *Пролог*). При сходстве заголовков (например: «Память преподобного отца нашего Николы, архиепископа Мюрьскыя Лукия», «Память иже во святых отца нашего Николы, великаго чюдотворца, архиепископа Мюрьска», «Память иже во святых отца нашего великаго Николы чюдотворца, архиепископа Мир Ликыя») эти памяти различаются текстуально. Начало первого вида памяти: «В царство великаго Констянтина бысть той великы архиерей и чюдотворец. . .», второго вида — «Той святый отец наш Никола бе от Мирского града. . .», третьего вида — «Сий великий беяше в лета Диоклитиана. . .». Проложная память третьей разновидности вошла в печатный Пролог XVII в. Существует отдельная проложная память на день перенесения мощей Николая Мирликийского (нач.: «Понеже за умножение грехов наших попущающу богу на крестьян зело многыя казни. . .»).

Цикл памятников связан со смертью и погребением Николая: 1) «Слово на преставление иже во святых отца нашего Николы,

архиепископа Мирликийского чудотворца» (нач.: «Еще скажю, вам, братия, о том о смерти святаго великаго чюдотворца Николы. .»). Памятник известен в списках начиная с XVI в. Название его и начальные слова в списках варьируются; 2) «Слово о смерти святаго Николы» (нач.: «Изжив на свете Николае лета богоугодно, честно. .»). «Слово» известно в списках начиная с рубежа XV—XVI вв. Название и начальные слова его варьируются; 3) Слово «О погребении святаго отца Николы» (нач.: «Соберитеся, отцы, просветите церковь, притецыте священницы»).

Помимо рассмотренных выше памятников, широко распространены похвальные слова на перенесение мощей Николая (см. о них в статье *Ефрем епископ Переяславский*), службы Николая (см. *Григорий, монах Киево-Печерского монастыря*), посмертные чудеса Николая при Стефане Сербском (русская обработка жития Стефана, написанного Григорием Цамблаком) и другие памятники.

Цикл произведений, связанных с памятью о Николае Мирликийском, неоднократно издавался в XVII в.: Службы и житие Николая Чудотворца. М., 1640 (переиздания: 1641 и 1643 гг.); Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., 1662 (переиздания 1679, 1688, 1694 и 1699 гг.). В состав их входили службы Николаю, Ж. его, написанное Симеоном Метафрастом, похвальные слова Николаю и на день перенесения его мощей, посмертные чудеса святого. Во втором издании (1662 г. и след.) приводится иная редакция чудес о Стефане, что дало повод Н. К. Никольскому рассматривать их как различные произведения.

Помимо книжных памятников Николаю Мирликийскому посвящались духовные стихи, религиозные предания и легенды. К циклу сказаний о Николае примыкает также цикл о его иконе, перенесенной Евстафием из Корсуня в Зарайск (см. *Повесть о Николе Заразском*).

Изд.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 217—220, 453—459; Житие Николая Чудотворца: Литографированный текст по рукописи XVI в. в Московском публичном Румянцевском музее F. № 15. СПб., 1878, 1882 (изд. ОЛДП, № 28 (примеч. см. в ОЛДП, 1879, вып. 2, с. 105—109); 40); Леонид. 1) Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. СПб., 1881 (на обложке — 1882) (ПДПИ № 34); 2) Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. / Труд Ефрема, еп. Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. б-ки Тр.-Серг. лавры, № 9). СПб., 1888 (ПДПИ, № 72); Житие и чудеса святителя и чудотворца Николая: По рукописи Макариевских Четьих Миней (Изд. Археогр. ком. М., 1901; ВМЧ, декабрь, дни 6—17. М., 1904, стб. 551—728.

Лит.: Срезневский. Сведения и заметки, № 32, с. 19—29; А. А. [Антоний]. 1) Св. Николай, еп. Пинарский и архим. Сионский. — Тр. Киев. духовн. акад., 1869, июнь, с. 445—497; 2) Еще о святителе Николае Мирликийском. — Там же, 1873, декабрь, с. 241—288; Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая чудотворца и слава его в России. СПб., 1889; Никольский. Повременный список, с. 302—395; Орлов А. Русское «некнижное» житие Николая Чудотворца. — В кн.: Сб. статей, посвящ. Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909,

с. 347—358; **Потапов П. О.** К литературной истории рукописных сказаний о св. Николае-чудотворце. — Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманит.-обществ. наук. Одесса, 1922, т. 2, с. 121—129; **Сперанский М. Н.** 1) К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур. — *ИОРЯС* за 1921 г., 1923, т. 26, с. 196—200; 2) Международный странствующий сюжет в сказании о чуде св. Николая. — Там же, с. 124—142; **Успенский Б. А.** Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

О. В. Творогов

Житие Нифонта Констанцского — переведенное с греческого Ж., широко известное в древнерусских списках. В Ж. повествуется, как Нифонт в юности, следуя наущению бесов, вел разгульную и распутную жизнь. Когда же будущий святой раскаялся и обратился к благочестию, бесы еще долгое время, являясь ему в видениях, угрожали, искушали его и вызывали на догматические споры, внушая еретические мысли. Став праведником-аскетом, Нифонт получил особую способность видеть бесовские «козни», поэтому в Ж. много эпизодов, когда Нифонт уличает бесов, толкающих людей на греховные поступки, влекущих их к мирским развлечениям и т. д. В Ж. много вещих снов, видений (в которых рассказывается о рае, загробных муках, «мытарствах»). В тексте находится ряд вставных новелл: о милостивом Созомене, о праведнике-«муринс», о наказанном божественной карой морском разбойнике Феогносте и др.

Исследователи выделяют три редакции памятника: две пространных, представленных списком 1219 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 35), и рядом других, в числе которых и список ГПБ, собр. ОЛДП. Q.XVII (45), изданный ОЛДП, и списком ГПБ, Солов. собр., № 525/212 и подобными ему, а также краткую, известную по списку конца XII в. (ГБЛ, Муз. собр., № 62; так называемый Выголексинский сборник) и по четырем спискам XVI—XVII вв.: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры № 793; Волок. собр. № 521; собр. Румянц., № 362 и список ГПБ, Солов. собр., № 984/1093.

Кроме того, в древнерусской книжности получили широкое распространение извлечения из Ж., вошедшие, в частности, в сборники постоянного состава — «Златоуст» и «Измарагд».

1. «Слово святого Нифонта, како подобает всякому христианину обедати на трапезе с тихостию и молчанием» (нач.: «Некогда преходя праведный Нифонт виде человека седяща и обедающа. . .») читается в Златоусте в субботу 4-й недели поста. Тот же текст с иным заголовком («Слово святого Нифонта о ядении») и иным началом («Паки преходя святый Нифонт и обрете человека обедающа. . .») читается там же в неделю 10-ю после недели «всех святых». Варианты этого же слова читаются также в *Прологе* и входят в ВМЧ под 9 августа. Эта статья восходит к главе 62 Ж. пространной редакции (главы указаны по изданию А. В. Рыстенко; там они соответствуют делению на главы греческого текста). 2. «Слово святого Нифонта о русалиях» (нач.: «Рече святый Нифонт: якоже труба гласящи, собирает вои, тако и молитва. . .») читается в «Измарагде»

1-й редакции — гл. 23; во 2-й редакции «Измарагда» это слово составляет гл. 33, но начинается иначе («Иногда бысть идущу блаженному Нифонту. .»). В «Златоусте» это слово читается в отдельных списках на 12-ю неделю после недели «всех святых». Слово это по «Измарагду» 1-й редакции опубликовано в ПЛ, вып. 1, с 207—208. Этот текст восходит к гл. 127—128 Ж., но существенно сокращен. 3. Слово Нифонта «како подобает в церкви стояти и о смирении» или «Слово святого отца Нифонта к верным» (нач.: «Тайну убо цареву подобает (достоит) хранити, дела же божии проповедати. .»), *имеющее текстуальные соответствия* в гл. 1, 39 и 52 Ж. входит в качестве гл. 50 в первую и как гл. 23 во 2-ю редакцию «Измарагда». По «Измарагду» статья издана И. И. Срезневским (Древние памятники, с. 227—229). 4. «Слово святого Нифонта о искушении божии» (нач.: «Сего деля, братие, попущает бог укоры приимати и скорби. .») составляет гл. 32 «Измарагда» 2-й редакции. Эта статья — извлечение из гл. 64 Ж. 5. «Слово святого Нифонта о богатом и скупом (о богатом скупе)» — пересказ гл. 74 Ж. (нач.: «Иногда святый Нифонт ходя видя человека, емуже множество молящих нищих. .»); статья входит в «Измарагд» 2-й редакции (гл. 108) и читается в ВМЧ под 10 августа. 6. «Слово святого Нифонта, како в последнем издыхании покаянием и слезами и милостынею угодити богу» (нач.: «Виде преподобный Нифонт два ангела, возносяща душу на небо. .») читается в Прологе второй редакции под 29 декабря и под тем же числом в ВМЧ (опубликовано: ВМЧ, декабрь, дни 25—31. М., 1912, стб. 2441—2443). Эта статья — пересказ 101 и 102 глав Ж. Нифонта.

Кроме того, в сборниках встречаются статьи: «От книг святого Нифонта о мыслях» (нач.: «Вопроси некто святаго Нифонта, глаголя, яко бог в тебе живет. .») и «О святом Нифонте, к нему же бог глагола о смирении» (нач.: «Молящуся некогда блаженному Нифонту. .»).

Изд.: Житие преподобного Нифонта. СПб., 1879—1895, вып. 1—3. (Изд. ОЛДП, № 39, 62, 70) (см. также ПДП, 1880, вып. 2, с. 33—51); ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1783—1837; Матер. з ист. візант.-слов'ян. літ. та мови / Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928; Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.

Лит.: Поленов Д. В. Житие св. Нифонта Константиноградского по рукописи XII—XIII в. — ИпоРЯС, 1862, т. 10, вып. 4, с. 374—387; Соболевский А. И. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, 1884, т. 12, вып. 3, с. 94—99; Житие св. Нифонта, лицевое XVI в. М., 1903 (имп. Рос. истор. музей: Описание памятников, вып. 2). Ляпунов Б. М. Профессор А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты Жития Нифонта. — Изв. Одес. библиогр. о-ва при Новорос. ун-те. Одесса, 1917, т. 5, вып. 3—4, с. 85—103; Ходова К. И. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. Учен. зап. Ин-та славяновед. АН СССР. М., 1954, т. 9, с. 182—204; Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отд. рукописей Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина. — Зап. ОР ГБЛ. М., 1965, вып. 27, с. 103—105, 136—142.

О. В. Творогов

Житие Саввы Освященного — переводной памятник византийской агиографии, получивший широкое распространение в древнерусской книжности. Ж., написанное византийским агиографом Кириллом Скифопольским в VI в., было переведено на болгарский язык и не позднее второй половины XI в. стало известно на Руси: его текст в это время использовал *Нестор* при написании Жития Феодосия Печерского.

В жизни и деятельности Саввы и *Феодосия Печерского* русский агиограф нашел много общего. Савва с юных лет подвизался в монастыре, подолгу жил в пещере, его наставником на первых порах был знаменитый аскет и подвижник Евфимий — Феодосий также спасался в пещере, его наставником был аскет Антоний. Савва явился основателем монастыря, выросшего на месте пещерного скита (ср. основание Киево-Печерского монастыря, игуменом которого стал впоследствии Феодосий). Савва принимал активное участие в церковных прениях по поводу решений Халкидонского собора (ср. участие Феодосия в междукняжеских распрях 1073 г.). Рассказы о некоторых видениях и чудесах в Житии Феодосия имеют сюжетное или текстуальное сходство с аналогичными эпизодами Ж. Саввы, служившего для Нестора образцом. На Ж. ссылается также *Ефрем, автор Жития Авраамия Смоленского*. Подобным образом использовал Ж. и сербский агиограф Феодосий при создании своей редакции Жития Саввы Сербского.

Древнейший из сохранившихся на русской почве списков Ж. (ГПБ, собр. ОЛДП, Q. № 106, XIII в.) был привезен П. П. Вяземским из Палестины, где он хранился в монастыре святого Саввы. Известны многие древнерусские списки Ж. XIV, XV и последующих веков: ГИМ, Чуд. собр., № 23 (XIV в.), ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 749; ГБЛ, собр. ОИДР, № 189; ГПБ, собр. Погодина, № 548 — все XV в.; ГПБ, Соф. собр., № 1500; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 648; ГБЛ, собр. МДА, № 90; ГПБ, Солов. собр., № 638/835 и другие — списки XVI в. Большинство из перечисленных списков отражает черты своего болгарского архетипа.

Древнейший список Ж. неоднократно исследовался лингвистами: см. рецензию А. С. Будиловича, а также статьи: М о ч у л ь с к и й В. Н. К истории малорусского наречия. Житие св. Саввы Освященного по пергаменной рукописи XIII в. — Зап. Новорос. ун-та. Одесса, 1894, т. 62, с. 383—456 (рец. О. Колессы — ЗНТШ, 1895, т. 7, кн. 3, Библиография, с. 9—19); Я г и ч И. В. Критические заметки по истории русского языка. — СОРЯС, 1889, т. 46, № 4, с. 16, 17, 26, 36, 77, 78, 83, 92, 147, 149; В и н о г р а д о в В. В. 1) Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного». — В кн.: Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 349—353 (СОРЯС, т. 101, № 3); 2) Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, с. 137—198.

Изд.: Помяловский И. В. Житие св. Саввы Освященного / Сост. св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. СПб., 1890 (изд. ОЛДП, № 96) (рец.: А. С. Будилович. РФВ, 1891, т. 25, с. 142—150); Житіе св. Сави Освященного. — Франко. Апокрифы, т. 5, с. 214—239.

Лит.: Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия. — ИОРЯС, 1896, т. 1, кн. 1, с. 46—65; Абрамович Д. И. К вопросу об источниках Нестерова Жития преп. Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1, с. 243—246; Розанов С. П. 1) Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галичско-Городецко-Чухломского. — РФВ, 1911, т. 68, вып. 1, с. 229—232; 2) Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции Жития Саввы Сербского. — ИОРЯС, 1911, т. 16, кн. 1, с. 139—150, 155—156; Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 152—153, 176—178.

О. В. Творогов

Житие Феодора Едесского. Ж. Феодора, епископа Едесского, относится к IX в., его авторство приписывается Василию Амасийскому (Емесскому), племяннику Феодора. Введение в научный оборот греческого текста Ж. по спискам XI в., привезенным в Москву в XVII в. Арсением Сухановым, принадлежит русским византинистам В. Г. Васильевскому и И. С. Помяловскому (см.: Васильевский В. Г. Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест. — ППС, СПб., 1886, т. 4, вып. 2, с. 264—265; Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Едесского / По двум рукописям Московской Синодальной библиотеки издал И. С. Помяловский. СПб., 1892 (рец. А. Васильева — ЖМНП, 1893, март, с. 201—210); Владимир архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1894, ч. 1. Рукописи греческие, с. 123 и 574, № 126 и 381; BHC, t. 2, p. 274—275).

Старшие списки древнерусского перевода Ж. относятся к XIV—XV вв. А. И. Соболевский отмечал среди пяти известных ему списков XIV—XV вв. два перевода. Древнерусский текст Ж. после его публикации в конце XIX в. никем специально не изучался. Наиболее существенным композиционным отличием древнерусского перевода от греческого оригинала является перемещение бесед Феодора, записанных писцом и составляющих сто «Глав (добро)детельных» (κεφάλαια πρακτικά), из середины в конец Ж. Кроме того, самостоятельное распространение получил отрывок Ж. — «Повесть св. Феодора, епископа едесского о столпнике, иже в Едесе», включенный в *Пролог* и в ВМЧ под 7 июля. Описание жизни праведника, жителя византийской провинции Сирии, достаточно канонично и традиционно. Рождению Феодора предшествует молитва матери о чадородии и явление ей во сне мученика Феодора. Обучение отрока, его посвящение в чтецы показаны как подготовка к подвижнической жизни. Оставшийся сиротой юноша Феодор раздает имущество и удаляется в Иерусалим; в монастыре Саввы Освященного он постригается в монахи и после 12 лет общежития

проводит 24 года в затворе. В Ж. описывается завоевание Финикии и Палестины арабами, смещенное по времени против действительного и толкуемое как наказание за грехи. Несколько глав Ж. посвящены легенде о мученичестве инока Михаила, пострадавшего от персидского царя Адрамелеха и его жены Сеиды. В Ж. немалую роль играют беседы Феодора, в том числе со столпником Феодосием в Едессе и с вавилонским царем Моавией, которого Феодору удалось обратить в христианство путем его крещения в водах Тигра. Избрание Феодора епископом города Едессы представлено в Ж. как результат признания его авторитета в борьбе против ересей. Мотив прения о вере и подвижничестве христианина составляют важную часть идейного содержания Ж. С культом Феодора Едесского на Востоке встретился еще в XII в. *Даниил игумен*, видевший его мощи в монастыре Саввы Освященного, как сообщается в его Хождении. Черты близости Ж. Феодора Едесского и Жития Сергия Радонежского (в частности, главы «О откровении грамоты отроку») отмечал В. Яблонский. Нельзя не сопоставить также рассказ о царьградских реликвиях, в Ж. Феодора врученных Феодору византийским императором, а в Житии Сергия — присланных от константинопольского патриарха. Таков же и мотив испытания христианина ядом, известный, например, в Хождении Василия Позднякова, памятнике XVI в.

Известное в списках XIV—XV вв., Ж. привлекает к себе внимание при составлении ВМЧ в XVI в., при царях Иване IV и Феодоре Иоанновиче. В это время создаются лицевые списки Ж. (один, кон. XVI в., сохранился в собрании рукописей Петра I в РО БАН; другой, также кон. XVI в. (ГПБ собр. Вяземского), воспроизведен в факсимильном издании ОЛДП), изготовленные с участием мастеров, прошедших выучку при создании миниатюр Лицевого летописного свода. Воспроизведение миниатюры из лицевого списка ГИМ, Музейское собр., № 3446, XVII в. «Встреча Феодора Едесского в Едессе» см. в кн.: Выставка «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности». Каталог. М., 1959, с. 60, № 135, ил. 18. Лицевые списки Ж. Феодора византийского происхождения неизвестны. Упоминание о Феодоре, крестившем язычника-царя, находим в Воскресенской летописи (см. ПСРЛ, СПб., 1856, т. 7, с. 250). Списками Ж. владели в XVII в. патриарх Гермоген, Афанасий Холмогорский и крупные монастырские библиотеки Московского государства.

Из Ж. вычленялись «Слово о столпнике, иже в Едесе» (см. издания его: Пролог. М., 1642, 9 января; ВМЧ, январь, дни 6—11, тетрадь 2. М., 1914, стб. 391—194) и «Главы детельные» (см. Главы детельныя преп. отца нашего Феодора Едеского. — Добротолюбие. М., 1832, изд. 3-е, ч. IV, с. 116—125; Добротолюбие в русском переводе. М., 1889, ч. 3, с. 345—346).

Изд.: Житие св. Феодора Едесского / Воспроизв. по лицевой рукописи, принадлеж. кн. П. П. Вяземскому, № 89. Изд. ОЛДП, 1878, вып. 48; 1879, вып. 61, вып. 72; 1881, вып. 72.

Лит.: Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 181; 2-я пагинация — с. 198; Филарет. Историческое учение об отцах церкви. СПб., 1882, т. 3, с. 231—234; Соболевский. Переводная литература, с. 19; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 277—279; Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914, ч. 1, с. 410—434; Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, с. 25—26, 27, 48, 49, 99, 118; Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, 1953, т. 9, с. 154; Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, с. 78—79.

О. А. Белоброва

Житие Феодора Стратилата см. *Мучение Феодора Стратилата.*

Житие Феодора Студита — переводное житие, рассказывающее о прославленном защитнике иконопочитания и игумене Студийского монастыря в Константинополе Феодоре. Ж. Феодора Студита, память которого церковь отмечает 11 ноября, существовало в греческой письменности в нескольких редакциях (см.: BHG, 1957, t. 2, p. 279—281), из них в Древней Руси была известна vita A, автором которой, возможно, был Феодор Дафнопат, писатель X в. (см.: PG, t. 99, col. 113—232). Наиболее точно перевод соответствует списку vita A в греческой Мюнхенской рукописи XI в. № 467 (Латышев В. Житие преподобного Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467. — ВВ, СПб., 1915, т. 21 за 1914 г., вып. 3—4, с. 225). В Ж. обстоятельно описываются многочисленные столкновения святого с византийскими императорами, жестокие гонения, которые он претерпел вместе с другими иконопочитателями, в особенности — в царствование Льва V Армянина. Агиограф кратко перечисляет творения Феодора Студита и сообщает о его чудесах, которыми святой прославился еще при жизни. Завершается Ж. подробным рассказом о кончине знаменитого защитника икон (826 г.).

Ж. относится к числу древнейших переводных текстов славянской письменности. По мнению наиболее компетентных исследователей Ж. — А. И. Соболевского и Н. Б. Тихомирова, оно было переведено с греческого у южных славян и только отредактировано на Руси (правда, в более позднем варианте своей работы А. И. Соболевский отнес Ж. к числу русских переводов). На древность перевода указывает и старший список Ж., который датируют XII в. (Выголексинский сборник: ГБЛ, ф. 178, Муз. собр., № 1832). Этот перевод пользовался большой популярностью (далеко не полный перечень списков см. в кн.: Выголексинский сборник, с. 24—25). Интерес к жизни студийского игумена еще в Киевской Руси объясняется, в числе других причин, тем, что устав Феодора Студита с раннего времени был введен в русских монастырях (в Киево-Печерском монастыре *Феодосием Печерским*).

Сохранилась также более поздняя переработка того перевода, который дошел в Выголексинском сборнике. Эта переработка известна в списках не ранее XVI в. (см., например: ГБЛ, собр.

Тр.-Серг. лавры, № 670, л. 278 об.—342 об.; БАН, Арханг. собр., С. 119). Время появления этой редакции и причины ее появления нуждаются в специальном исследовании. По наблюдениям А. П. Доброклонского, она представляет собой «вольное переложение древнерусского перевода жития А на более чистый, современный язык, с сокращениями и вставками против него» (Доброклонский А. П. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский. Одесса, 1913, ч. 1, с. 167, примеч. 2). Привлекался ли заново при переработке греческий оригинал Ж. и какой именно, пока не выяснено.

Кроме пространного Ж., о Феодоре Студите рассказывал *Пролог*. В переводе Менология память святого читается под 11 ноября (Пролог по рукописи имп. Публичной библиотеки Погодинского Древлехранилища № 58, вып. 1. Сентябрь—Декабрь. (Изд. ОЛДП, № 135). СПб., 1916, стб. 166—167). Во второй редакции Пролога под 11 ноября читается тот же текст с минимальными разночтениями (см.: ГПБ, собр. ПДА, А.I/264$_1$, л. 105 об.), а под 26 января здесь появляется новая статья — о перенесении мощей Феодора Студита (там же, л. 238 об.—239; греческий оригинал неизвестен). В Стишном Прологе под 11 ноября читается отличный от Менология текст памяти (БАН, собр. Романченко, № 93, л. 165 об.—166 об., греческий оригинал в кн.: Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. (Propylaeum ad Acta Sanctorum. Novembris). Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, col. 213—216), статьи о перенесении мощей здесь нет.

В XVI в. пространное Ж. (первоначальной редакции), его памяти по переводам Менология и Стишного Пролога вошли под 11 ноября в состав ВМЧ, под 26 января здесь же читается статья о перенесении мощей святого. В XVII в. память Феодора Студита из Стишного Пролога (под 11 ноября) и рассказ о перенесении его мощей (под 26 января) попали в печатный Пролог, а Ж. Феодора Студита пересказал в своих минеях Димитрий Ростовский.

Изд.: Срезневский. Памятники, с. 229—232 (напечатан отрывок); ВМЧ, ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897, стб. 355—440; Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977, с. 134—409.

Лит.: Соболевский А. И. 1) Два древних памятника галицко-волынского наречия. I. Выголексинский Сборник XII—XIII в. — РФВ, 1884, т. 12, № 3, с. 94—99; 2) Особенности русских переводов домонгольского периода. — В кн.: Тр. IX археол. съезда в Вильне. М., 1897, т. 2, с. 59—60 (в переработанном виде: Матер. и исслед. в обл. славян. филол. и археологии. VIII. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, 1910, т. 88, № 3, с. 172—173; то же: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 143); Кримський А. Е. Деякі непевні критерії для діялєктольогічної клясифікації старо-руських рукописів. — В кн.: Науковий збірник проф. М. Грушевському учениками й прихильниками з нагоди Його десятилїтньої наукової праці в Галичинї. Львів, 1906, с. 60—62; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 93—94; Українські письменники, т. 1, с. 672; Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина: Музейное собрание рукописей; Описание. М., 1961, т. 1, с. 298—302; Судник Т. М. Палеографический и фонетический анализ Выголексинского Сборника

XII—XIII вв. — Учен. зап. ин-та славяновед. М., 1963, т. 27, с. 173—205; Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ч. 2 (XII век). — Зап. Отд. рукописей ГБЛ, М., 1965, вып. 27, с. 103—105, 136—142; ч. 3, дополн. (XII и кон. XII—нач. XIII вв.). — Там же, М., 1968, вып. 30, с. 111—112; Буланин Д. М. Древнерусский перевод законов хана Крума. — Старобългаристика, 1984, г. 8, № 1, с. 51—52; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984, № 119, с. 146—147.

Д. М. Буланин

Житие Феодора Тирона см. *Мучение Феодора Тирона.*

Житие Феодора Ярославского — памятник древнерусской агиографии XIV в. Ж. повествует о князе Феодоре Ростиславиче Черном, сыне Ростислава Мстиславича, князя Смоленского. Феодор стал ярославским князем, женившись на дочери ярославского князя Василия Всеволодовича (1229—1249 гг.) Марии. (У Василия Всеволодовича Ярославского не было сыновей). Умер Феодор Ростиславич в 1299 г. Как полагает Н. И. Серебрянский, либо в год смерти князя, либо в первые годы XIV в. был составлен рассказ летописного характера о последних днях, смерти и погребении Феодора Ростиславича (списком XVI в. этого рассказа Серебрянский считает текст в *Прологе* — ГПБ, Соф. собр., № 1329). Вероятнее всего рассказ этот был составлен монахом Спасского ярославского монастыря, где был пострижен и погребен князь. Этот рассказ послужил основой для проложного Ж. Феодора, самые ранние списки которого датируются XV в.: «Месяца сентября в 19 день представление благовернаго и христолюбиваго князя Феодора смоленьскаго и ярославьскаго». По мнению Серебрянского, проложное Ж. было составлено в XIV в. в том же Спасском монастыре. Проложное Ж. состоит из двух частей: первая, краткая — биографическая характеристика князя, «измлада» отличавшегося добродетельным житием, заметка о нашествии на Русь Батыя и сообщение о том, как Феодор Ростиславич занял ярославский княжеский стол; вторая, пространная — сравнительно подробное повествование о смерти и погребении князя. С незначительными разночтениями это повторение того текста, который Серебрянский определяет как летописный рассказ о смерти князя. Проложное Ж. послужило основой для целого ряда последующих редакций произведения.

В конце XV в. были составлены две новые редакции Ж. — минейная (анонимная) и редакция иеромонаха Спасского монастыря Антония. Минейная редакция сохранилась в списках конца XV в., редакция Антония — только в списках XVI в. Обе эти редакции вошли в ВМЧ. Редакция Антония является распространением анонимной (минейной) редакции. Анонимная же редакция — распространение проложной редакции.

Составитель анонимной редакции воспроизвел текст проложной (с незначительными стилистическими вариациями и не-

которыми добавлениями), прибавив новые статьи: об открытии мощей князя и его сыновей и описание посмертных чудес. Дополнительные статьи написаны простым языком и указывают на близость автора к описываемым событиям. Анонимное Ж. появилось вскоре после открытия мощей в 1463 г. Этим событием и было обусловлено появление анонимной редакции Ж. Вероятнее всего, это памятник ярославской письменности. Вскоре после открытия мощей святых и, во всяком случае, не позже начала XVI в. Андреем Юрьевым была составлена новая редакция Ж., которая является риторической переработкой и распространением проложной редакции.

Редакция Антония озаглавлена так: «Месяца сентября в 19 день преставление благовернаго и христолюбиваго великаго князя Феодора смоленьскаго и ярославьскаго, и сынов его князя Давида и Коньстянтина. Съставлено же бысть сие житие и чюдеса еромонахом иноком Антонием того же манастыря святаго Спаса, благолепнаго его Преображениа, по благословению господина пресвященнаго митрополита Филиппа, волею же боголюбиваго и вседьржавнаго государя великаго князя Иоанна Васильевича всеа Русии, и при благородном и благочестивем его сыну Иоанне Ивановиче». Таким образом, Антоний написал свою редакцию Ж. до 1473 г. (год смерти митрополита Филиппа). В. О. Ключевский считает, что Антоний мог написать свою редакцию Ж. только после 1471 г., так как о современном открытию мощей ярославском князе Александре Федоровиче агиограф говорит, как если бы его «уже не было на свете» (ум. в 1471 г.). Но Серебрянский считает, что делать столь точное заключение о времени написания Ж. — в период между 1471—1473 гг. — на основании этой даты и на основании упоминания имени Филиппа в заглавии нельзя. Антоний (на это указал уже Ключевский) использовал для своей работы сочинения Пахомия Логофета — Житие митрополита Алексея и статью о смерти Батыя. По предположению Серебрянского, заглавие Ж. было скопировано Антонием с заглавия Пахомиевского Жития митрополита Алексея. Исследователь обращает также внимание на то, что списки Антониевской редакции Ж. — не раньше 2-й пол. XVI в., и приходит к выводу: «Не правильнее ли будет предположить, что Антониево Житие появилось не при митрополите Филиппе I, а позднее, например в самом конце XV в., лет через 30 после составления анонимного жития, и что составлено оно по инициативе лишь местного монастырского начальства, без какого-либо участия высшей власти?» (С е р е б р я н с к и й. Княжеские Жития, с. 231). Антониевская редакция Ж. интересна включением в нее подробностей биографии князя. Здесь рассказывается о его длительном пребывании в Орде, об особой благосклонности к нему ордынского хана, о женитьбе Феодора Ростиславича (после смерти первой жены) на дочери хана, о рождении у него, еще во время пребывания в Орде, двух сыновей, о возвращении на Ярославский стол после смерти сына от первой жены.

В XVI в. была составлена новая редакция Ж. — для Степенной книги. В первой части эта редакция представляет собой распространение—переделку анонимной редакции Ж. Описание жизни Феодора в Орде сходно с тем, что рассказывает и редакция Антония. Серебрянский считает, что в данном случае составитель Степенной книги пользовался не редакцией Антония, а единым с Антонием источником — летописным рассказом о пребывании князя в Орде не дошедшей до нас ярославской летописи.

В XVII в. по случаю пожара в Ярославле в 1658 г. и перенесения мощей святых в Спасском монастыре была составлена еще одна редакция Ж. Феодора Ярославского. Автор этой редакции Ж. использовал Степенную книгу, редакцию Антония и ряд других агиографических сочинений (Похвальное слово Ольге, Житие Владимира, *Сказание о Борисе и Глебе*, *Повесть о Житии Александра Невского*). Автор вводит плач княгини по скончавшемся муже, описывает пожар в Ярославле. Эта редакция была, видимо, составлена по поручению архимандрита Спасского монастыря Савватия.

Изд.: ВМЧ, сентябрь, дни 14—24, СПб., 1869, стб. 1255—1261; 1261—1282; Книга Степенная царского родословия, ч. 1. — ПСРЛ. СПб., 1913, т. 21, первая половина, с. 306—314; Серебрянский. Княжеские жития, с. 222—234, Прилож., с. 90—99.
Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 171—174, 354; Строев. Словарь, с. 21; Филарет. Обзор, с. 116.

Л. А. Дмитриев

Житие Феодосия Печерского см. *Нестор*.

Жития Людмилы и Вячеслава чешских — древнечешские жития, распространенные в древнерусской книжности. Здесь получили известность два пространных Ж. В., минейная служба этому святому, а также краткие проложные Ж. В. и Л. Полное славянское Ж. Л. не сохранилось.

Оба известных пространных Ж. В., так называемые 1-е и 2-е старославянские Ж., дошли по большей части в русских, и притом относительно поздних списках. 1-е старославянское Ж. («Востоковское Ж.») — наиболее раннее, оригинальное Ж. В. Его составление относят к 30-м гг. X в. История святого изложена в этом Ж. довольно сжато, однако подробно описывается сцена убийства князя его братом Болеславом. 1-е старославянское Ж. имеет 3 редакции: одну южнославянскую (глаголическая редакция хорватских бревиариев) и две русские (Востоковская и Минейная). Востоковская (или южнорусская) редакция появилась в киевской литературе в XI в. Единственный известный до последнего времени список этой редакции, озаглавленный «Убьение св. Вячеслава, князя чеська», был обнаружен в 1827 г. А. Х. Востоковым в составе Торжественника нач. XVI в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 436). Недавно А. А. Туриловым были найдены новые списки Востоковской редакции — ГБЛ, ф. 556, собр. Вифанской семинарии, № 91;

ГИМ, собр. Барсова, № 1466. Минейная (или севернорусская) редакция Ж. представляет собой расширенную переработку Востоковской. Она была внесена в текст ВМЧ под 28 сентября под заглавием: «Житие блаженнаго князя Вячеслава бывшаго».

2-е старославянское Ж. (так называемое Ж. Никольского) было опубликовано Н. К. Никольским в 1904 г. по двум известным спискам. Представляет собой перевод на славянский язык латинской Легенды о святом Вячеславе епископа Гумпольда (писал ок. 980 г.) с дополнениями из других латинских источников и, возможно, 1-го Ж. По мнению О. Кралика, эта славянская редакция Легенды Гумпольда была составлена в Сазавском монастыре после 1060 г. Текст начинается с пролога («Починается пролог о св. Вячеславе, мученице Христове»), за которым следует само Ж.: «Починаются книги о роде и о страсти св. князя Вячеслава». 2-е Ж. значительно обширнее 1-го, агиографическая схема здесь полностью соблюдена, включено описание чудес Вячеслава. Язык местами темен и неясен.

Оба Ж. В. были перенесены в Киев, по-видимому, еще до конца XI в. Следы влияния второго Ж. усматривают у *Нестора* в «Чтении» о Борисе и Глебе и в Житии Феодосия Печерского. Знакомство с историей Вячеслава обнаруживает автор анонимного *Сказания о Борисе и Глебе*: согласно Сказанию, Борис «помышляшеть же мучение и страсть святого Никиты и святого Вячеслава, подобно же сему бывшю убиению». Вполне вероятно, что среди источников анонимного Сказания были пространное Ж. В., а также утраченное Ж. Л. Митрополит *Иларион* в «Слове о законе и благодати» воспользовался одной из латинских легенд о Вячеславе. Раннее распространение вацлавского культа на Руси не вызывает сомнений. Так, в Киеве в половине XI в. был составлен и внесен в Служебную Минею «Канон святому Вячеславу» (читается уже в Новгородской Минее 1095—1096 гг.).

В русском *Прологе* находятся еще три статьи о чешских святых: проложное Ж. Л. (16 сентября), проложное Ж. В. (28 сентября) и память перенесения мощей святого Вячеслава (4 марта). Все три статьи были составлены русскими книжниками во 2-й пол. XII в. и вошли в так называемую 2-ю редакцию Пролога. Проложные Ж. Л. и В. принадлежат, как полагают, одному и тому же автору. Источником первого было несохранившееся славянское Ж. Л., при составлении второго были использованы 1-е Ж. В., Ж. Л. и Сказание о Борисе и Глебе (либо проложные жития этих святых). Статья о перенесении мощей Вячеслава буквально следует 1-му Ж. В. Начиная с XIII в. эти статьи переписываются в состав Пролога с небольшими разночтениями. В рукописных сборниках другого состава они встречаются редко.

Научное издание всех произведений вацлавского цикла осуществлено в пражском сборнике 1929 г.

Изд.: Востоков А. Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865, с. 91—97, гл. 4; Никольский Н. К. Легенда мантуанского еп. Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб.,

1909 (ПДПИ, № 174); Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile. V Praze, 1929; Рогов А. И. Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970; Mareš F. W. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979 (Slavische Propyläen, N 127), S. 104—133.

Лит.: Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского. — ИпоРЯС, 1856, т. 5, вып. 3, с. 191—192; Pekar J. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Kristians. Prag, 1906; Weingart M. První česko-církevněslovanská legenda o sv. Václavu. — Svatováclavský sborník. V Praze, 1934, 1, s. 863—1088; Chaloupecký V. Prameny X století legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile. — Svatováclavský sborník. Praha, 1939, 11, 2; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 45—67; Kralík O. 1) K historii textu I staroslověnské legendy václavské. — Slavia, 1960, t. 29, seš. 3, s. 434—452; 2) Prameny II staroslověnské legendy václavské. — Ibid., 1962, t. 31, seš. 4, s. 578—598; 3) Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. — ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 177—207; 4) Возникновение 1-го старославянского «Жития Вячеслава». — Byzantinoslavica, 1966, t. 27, N 1, c. 131—163; Якобсон Р. О. Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 46—50; Турилов А. А. Новый список Востоковской легенды. — In: Litterae slavicae Medii Aevi. Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae. München, 1985, c. 371—377.

Е. А. Фет

З

Заветы двенадцати патриархов — апокрифическое сочинение, тематически восходящее к библейскому рассказу о том, как Иаков наставлял своих сыновей и предвещал их будущее, исходя из характера и оценки деяний каждого. В апокрифе же с наставлениями к своим детям обращаются сами сыновья Иакова: они вспоминают свои проступки, каются в своих прегрешениях и предостерегают от тех или иных пороков. Соответственно каждый завет выражает какую-либо основную нравственно-учительную идею, что находит выражение в заголовках заветов (в рукописях сильно варьирующихся): «Завет Рувимов о благоумии (о согрешении и о покаянии)», «Завет Семеонов о зависти», «Завет Левгиин о жречестве», «Завет Иудин о мужестве (о пьянстве, и о блуде, и о сребролюбии)», «Завет Исахаров о доброумии», «Завет Данов о ярости и лжи», «Завет Нефталимов о естественней благости», «Завет Гадов о ненависти», «Завет Асиров о двою лицю, и о злобе, и о доброумьи», «Завет Иосифов о премудрости (о долготерпении на жиды)», «Завет Вениаминов о помысле чисте (честнем)».

З. известны византийской и средневековой латинской литературе. В древнерусской письменности они чаще всего встречаются в двух редакциях в составе Палеи: в пространной редакции в составе Полной хронографической Палеи, в краткой в составе *Палеи*

Толковой. В краткой хронографической палее читается только «Завет Иудин». Апокриф вошел также в состав *хронографа Архивского* (см.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 343—348) и читается в сборниках. Тексты апокрифа изданы в составе палей, а также публиковались в изданиях апокрифических текстов.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 33—38; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 96—232; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 59—67, 158—194; Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892, с. 200—204; Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896, вып. 1—2, с. 198—238. Толковая палея 1477 г. / Воспроизв. Синод. рукописи № 210, вып. 1. ПДП, 1892, т. 103, л. 146—189; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 174—224.

Лит.: Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 256—284; Смирнов А. Заветы двенадцати патриархов, сыновей Иакова: Введение и русский перевод. Казань, 1911 (то же: Учен. зап. Казан. ун-та, год 78. Казань, 1911, кн. 8, с. 1—80, кн. 9, с. 81—301).

О. В. Творогов

Златая цепь — сборник относительно устойчивого состава, распространенный в древнерусской и южнославянской письменности. Прототипом З. ч., вероятно, являются византийские экзегетические сборники с аналогичным названием σειραί (цепи). На славянской почве при сохранении того же названия содержание сборников изменилось: вместо толкований на Св. писание З. ч. содержат подборки учительных статей вперемежку с отрывками из хронографов, патериков, постановлений церковных соборов, т. е. являются своеобразными хрестоматиями энциклопедического характера. З. ч. до сих пор не изучена полностью, хотя к ней часто обращались исследователи, обычно в работах, посвященных другим темам: В. А. Яковлев и П. В. Владимиров рассматривали З. ч. в связи с *Изборником 1076* г., «Златоустом», «Измарагдом», отдельными сборниками; И. С. Некрасов — в связи с Домостроем; Н. И. Петров упоминает З. ч. в работе о *Прологе*, А. С. Орлов — в исследовании Златоуста, Е. В. Петухов — в исследовании творчества Серапиона Владимирского, И. В. Левочкин — в статье об *Изборнике 1073 г.* В некоторых работах делались попытки определения З. ч. как типа сборника и классификации ее списков, но поскольку в научный оборот было включено лишь небольшое число рукописей, складывались ошибочные мнения, закрепившиеся затем в научной литературе: 1) З. ч. — сборник непостоянного состава (Петухов. Серапион Владимирский, с. 198; Пономарев. Поучения, с. X—XI); 2) З. ч. — ранняя редакция Златоуста (Тихонравов. Задачи истории литературы, с. 25; Орлов. Сборники Златоуст, с. 4; Истрин. Замечания, с. 116; Алексеева. Сборники постоянного и варьирующегося состава, с. 244); 3) З. ч. — памятник отреченной литературы, связанный со стригольничеством (Попов. Памятники литературы, с. 45—58; Рыбаков. Смоленская надпись, с. 185—186). Уста-

рели и пересмотрены некоторые шифры и датировки, упоминавшиеся в литературе рукописей: так список ГИМ, Епарх. собр., № 561, XVII в. — ныне то же собрание, № 367, кон. XV в.; список ГИМ, собр. Царского, № 691, XVII в. — ныне ГИМ, собр. Уварова, № 740, сер. XV в.; список ГИМ, Синод. собр., № 339 — ныне Синод. собр., № 1001, 2-й пол. XVII в. Благодаря ведущемуся, но пока не завершенному текстологическому изучению новых списков З. ч. удалось установить, что существуют три разновидности памятника, аналогичные тем, которые выделил Е. В. Петухов в работе «К вопросу о Златых цепях».

Первая группа состоит пока лишь из одного списка — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 11, XIV в., самого раннего из дошедших до нас. Встречаются выписки из этого сборника и в других рукописях, поэтому можно предположить, что данный список был не единственным в этой группе. Возможно, сходным с ним является «новгородский список» XVI в., указанный в работе: Колобанов. Общественно-литературная деятельность, с. 6. Для первой группы З. ч. характерно следующее ядро статей: поучения Матвея Сарайского, Серапиона Владимирского, ряд статей общих со Златоустами. В основном «троицкий список» состоит из статей русского происхождения и, по мнению В. А. Колобанова, не мог возникнуть ранее 70-х гг. XIII в. Отдельные поучения из этого списка публиковались; см.: Прибавления к творениям свв. отцев, 1843, ч. 1, с. 97—111, 193—204; Москвитянин, 18, ч. 2, № 6: кн. 2, с. 119—138; Прибавления к творениям свв. отцев, 1858, ч. 17, кн. I, с. 49—45; Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 477—516; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3, с. 1—16, 19—30, 31—36, 43—44, 51—53, 56—57, 73—74, 100—103, 109—114, 168—192; Памятники древнерусского канонического права. — РИБ, 1880, т. 6, с. 111—116; Сухомлинов М. И. Рукописи гр. А. С. Уварова. СПб., 1858, т. 2, вып. 1, с. 3—10, 79—83; Срезневский. Древние памятники, с. 269—271. Постатейное описание этого списка см.: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, ч. I, с. 15—18.

Вторая группа З. ч., как установлено, представляет собой редакцию *«Пандектов» Никона Черногорца*. Она представлена списками: ГПБ, Солов. собр., № 258/258, XV в.; собр. Погодина, № 1027, XVI в.; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 214, XVI в.; ГИМ, Синод. собр., № 1001, XVII в.

Ядро третьей, самой многочисленной группы З. ч., составляют выписки из Изборника 1073 г., Торжественника, Палеи Толковой, Хронографа и др. источников. Состав статей варьируется, и могут быть выделены три его разновидности. К этой группе относятся, например, списки: ГИМ, собр. Уварова, № 740, XV в.; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 10/1087, сер. XV в.; ГИМ, Синод. собр.,

№ 996, XVI в. и др. Отмечается связь этой группы с «Измарагдом» первой редакции.

Все три группы З. ч. объединяются лишь названием и общим характером содержания. Можно предположить, однако, что именно первая группа восходит к истинной З. ч., возникшей на русской почве, а сборники двух других групп — суть «самозванные чепи». Название в сборниках второй группы перешло из предисловия к «Пандектам» Никона Черногорца, где встречается словосочетание «златая чепь», а сборники третьей группы, к которой восходит Измарагд первой редакции, получили это название лишь по аналогии.

Но нужно учитывать, что «троицкий список» З. ч. датируется рубежом XIV—XV вв., а первое упоминание о З. ч. содержится в житии Авраампя Смоленского, нач. XIII в. (см.: Розанов С. П. Жития Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912, с. 14; а также: Летописи Тихонравова, т. 1, отд. 3, с. 94—96). Следовательно, ко времени составления «троицкого» сборника традиция названия уже существовала. Возможно, что началась она с «Пандектов» Никона Черногорца, переведенных на Руси уже в XII в. Известное переводчику название могло быть применено к устойчивому по содержанию сборнику, похожему по своей структуре на цепь, «анфиладу» поучительных отрывков.

Лит.: Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1855, кн. 2, 2-я пол., отд. 1, с. 69—70; Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. — ЧОИДР, 1872, ч. 3, с. 105, 116—126; Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875, с. 284—331; Тихонравов Н. С. Задачи истории литературы и методы ее изучения. — В кн.: Отчет о XIX присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1878 (то же: Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898, т. 1, с. 25—26, 43); Голубинский Е. История руской церкви. М., 1880, т. 1, с. 726; Петухов Е. В. 1) Серапион Владимирский — великий русский проповедник XIII в. СПб., 1888, с. 189—213; 2) Материалы и заметки из истории древней русской письменности. Киев, 1894, вып. 2. К вопросу о Златых Цепях, с. 35—60; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань. 1889, ч. 2, с. 143—146; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 30—41, 168; Владимиров П. В. Из истории древнерусской письменности. Киев, 1895, с. 23, 32—44; Пономарев А. И. Поучения о разных истинах веры, благочестия и христианской жизни. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3, с. IX—XIV; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — СОРЯС, 1898, т. 65, № 6, с. 116, 136; Никольский Н. К. Отзыв о трудах профессора А. И. Пономарева. — Журн. заседаний совета СПб. Духовн. акад. за 1899—1900 учебные годы. СПб., 1902, с. 111—117; Орлов А. С. 1) Сборник Златоуст и Торжественник. — ПДПИ, № 158. СПб., 1905, с. 4—5; 2) Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — Докл. АН СССР. Сер. В. Л., 1931, № 3, с. 41—43; Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914, с. 157—158; Виноградов В. П. Уставные чтения: Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, с. 183—187; Пономарев А. И. К литературной истории древнерусских сборни-

ков «Златая цепь». — Учен. зап. Казан. ун-та, 1916, кн. 8, с. 1—32; Попов Н. П. Памятники литературы стригольников. — ИЗ, 1940, № 7, с. 45—48; Будовниц И. У. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 61, 72—73; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—1-й пол. XVI в. М., 1960, с. 385—387; Колобанов В. А. Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского: Автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филол. наук. Л.; Владимир, 1962, с. 6—9; Рыбаков Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». — Сов. археол., 1964, № 2, с. 185—187; Алексеева Т. А. Сборники постоянного и варьирующегося состава со словами Кирилла Туровского. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 244—245.

М. С. Крутова, Н. Н. Невзорова

Златоструй — широко распространенный в древнерусской книжности XII—XVII вв. сборник постоянного состава, содержащий слова, надписанные именем Иоанна Златоуста. В русской рукописной традиции известны две редакции З. — Полная и Краткая. В списках Полной редакции тексту З. предшествует предисловие («Прилог»), где говорится, что З. был составлен болгарским царем Симеоном (893—927), который «божественного писания испытав и всех учитель нравы, и обычаи, и мудрость разумев», выбрал «словеса от всех книг» Иоанна Златоуста и составил из них книгу, именуемую «Златоструй», так как «сладкие речи» ее словно «златые струи» омывают душу людей. Однако анализ состава текстов З. не позволяет говорить о том, что данный «Прилог» может быть отнесен к тому виду сборника, который был распространен в древнерусской письменности. Сборник содержит целую группу статей, которые являются переводами эклог Федора Магистра (Дафнопата) и хронологически не могли войти в первоначальный состав З. (Thomson Fr. G. A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoas (Zlatostruy) Collection. — Cyrillomethodianum, Thessaloniki, 1982, t. 6, p. 1—65).

В состав сборника входит также ряд статей славянских авторов, надписанных именем Иоанна Златоуста. Эти произведения пополняли сборник в процессе его развития. Данное предисловие должно отнести к тому виду сборника, который мог быть составлен при дворе царя Симеона, к нему, вероятно, и восходят Полная и Краткая редакции. Большинство ученых сомневаются, что Симеон принимал участие в переводе З. Сомнительно также, чтобы славянский книжник производил выборку непосредственно из сочинений Златоуста. В. Н. Малинин, рассмотрев соотношение обеих редакций З. с греческими источниками, полагал, что составители памятника обращались к византийским сборникам, содержащим уже извлечения из сочинений Иоанна Златоуста или их переработки.

Полная редакция содержит 138 слов Иоанна Златоуста. Слова и поучения, входящие в состав Полной редакции, имеют по большей части дидактический характер. В них говорится о необходимости посещать церковь и благоговейно внимать службе, о соблюдении поста, о искреннем покаянии, о почтении к родителям, «учи-

телям», «старейшинам». Верующих призывают быть щедрыми на милостыню, терпимыми к окружающим, не желать зла недругам, не прельщаться мирскими соблазнами и заботиться о чистоте поступков и помыслов, не предаваться скорби в бедах, чрезмерно не оплакивать умерших (ибо им — если они жили праведно — суждено вечное блаженство), помнить о грядущем суде. По наблюдениям Малинина, основным источником этой редакции З. были компилятивные статьи, составленные из нравоучительных частей Бесед Златоуста на новозаветные книги (Деяния апостолов, послания апостола Павла к римлянам, коринфянам, филиппийцам, к Тимофею, к Титу, к евреям, Евангелие от Иоанна).

Полная редакция отличается по объему от Краткой: в нее входят 67 слов Краткой редакции и 71 слово, в этой редакции отсутствующее. Тематически обе редакции сходны. Слова, читающиеся только в Полной редакции, посвящены тем же вопросам, что и общие для обеих редакций статьи (см., например: «Слово о милостыне. . .», «Слово о будущем суде. . .», слово «о лихоимстве», «о объядении и пьянстве», «о молчании и неудержании языка», наставления «како достоит чадом чтити родителя своя», «о воскормлении детей» и т. д.).

В настоящее время Краткая редакция известна в следующих списках ГПБ, F. п. I.46, XII в.; БАН, 33.16.15, 1407 г.; ГПБ, F.I.241, XVI в.; ГБЛ, собр. Егорова, № 283, XV в.; собр. Тр.-Серг. лавры, № 145, XV в.; собр. Тихонравова, № 621, XVI в.; ГИМ, Музейское собр., № 3455, XV в., а также списки XVI в. З., входящие в состав ВМЧ под 13 ноября, в день памяти Иоанна Златоуста: ГПБ, Соф. собр., № 1319 (лл. 303—528); ГИМ, Синод. собр., № 988 (лл. 434—759) и № 176 (лл. 584—993). Известны также фрагменты З. Краткой редакции из числа «Финляндских отрывков» (БАН, 4.9.40 и 4.9.42 — оба XIII в.) и фрагмент сербского списка З. — БАН, 13.7.19, также XIII в.

Полная и Краткая редакции З. имеют общий исторически сложившийся и сохранившийся при переписке состав частей. Наряду с этими статьями Краткая редакция содержит слова, не читающиеся в Полной. Отличительной особенностью этой редакции является более последовательный тематический подбор статей внутри самого сборника. Древнейший список ГПБ, F.п.I.46 дефектный. В нем нарушен порядок листов (еще В. Н. Малинин установил, что они должны читаться в следующем порядке: 1—21, 32—56, 189—195, 130—135, 22—29, 122—129, 114—121, 136—188, 30—31, 57—63), есть несколько лакун. На л. 66—114 читается фрагмент из другого сборника, в исследовательской литературе называемого Торжественником (хотя этот фрагмент с Торжественником — сборником устойчивого состава, не связан). Список ГПБ примечателен тем, что в тексте одного из слов обнаруживаются чтения, указывающие на русского редактора или переписчика: там упоминаются Русь, кривичи и вятичи (л. 177) и «Русская церковь» (л. 179) (Срезневский. Сведения и заметки, № 21, с. 26). Существует предположение, что рукопись была в числе других книг в библиотеке

Кирилла (ум. 1230), епископа ростовского. Ростовское происхождение рукописи было подтверждено и лингвистическими наблюдениями Ф. В. Карауловой. Корпус статей рукописи XII в. последовательно переписывался в течение последующих веков и нашел свое отражение в списках XV—XVI вв. Но содержание ни одного из них не исчерпывается содержанием древнейшей рукописи, так как состав их частей гораздо шире. Список БАН, 33.16.15 содержит полный текст редакции начиная с 6-го слова. Кроме того, в этом списке на л. 77 об.—121 читаются шесть слов, не входящих в Краткую редакцию; пять из них — это слова 3, 6, 7, 8 и 9 Полной редакции. Список F.I.241 содержит 52 слова. В этом списке, так же как и в списке З. в составе ВМЧ, наряду с произведениями Иоанна Златоуста читаются слова Анастисия Синайского, Кирилла Александрийского, св. Ефрема, Симеона Месопотамийского, Феофила Александрийского, «Житие святой Таисии». Помимо этих статей списки F.I.241 и БАН, 33.16.15 содержат «Слово св. Василия о подвижнем человеческом житии», «Василия, архиепископа слово о твари и о божестве», не встречающиеся ни в одной другой рукописи. В рукописях ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 145 и ГИМ, Музейское собр., № 3455 и в З. в составе ВМЧ читается апокрифическое *Евангелие Никодима*.

Полная редакция сохранилась во фрагментах ГПБ, Q. п. I, 74, XI в. («Златоструй Бычкова»), БАН, 4.9.41 и полных списках. В числе их списки: БАН, 33.2.12 (XV в.); ГБЛ, Музейное собр., № 8190 (XVI в.); 9116 и 9629 (XVII в.); собр. Рогож. кладб., № 191 (XVI в.), 185 и 449 (XVII—XVIII вв.); собр. Беляева, № 56 (XVII в.); собр. Овчинникова, № 233 (XVII в.); собр. Егорова, № 240, 227 и 865 (XVI в.), 1393 (XVIII в.); собр. МДА, № 14/44 (XVI в.) и 15/43 (1474 г.); ГИМ, Синод. собр., № 227, 228 и 991 (XVI в.); Чуд. собр., № 214 (XV в.); собр. Увар., № 188 (XVI в.) и 295; Музейное собр., № 458 и 3455 (XV в.), 3657 (XV—XVI вв.); Успенского собора, № 14/1079 (XV в.) и 15/1080 (XVI в.); собр. Барсова, № 345 (XVII в.); ГПБ, Г.1.218 и Г.1.503; собр. Погодина, № 1008 (XVI в.) и 1009 (XVII—XIX вв.); Солов. собр., № 259/182 и 260/183 (XVI в.); Кир.-Белоз. собр. № 115/240 (XVI в.); Библ. АН ЛитССР, № 238 (XVI в.) и 239 (XVII в.) и др. Два фрагмента БАН — 13.7.1 и собр. Дмитриевского, № 1 являются частями рукописи Хилендарского монастыря, № 386 (XIV в.), содержащей, по определению К. Ивановой, текст З. смешанной редакции (Иванова Кл. За Хилендарския препис на първия Симеонов сборник. — Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 69—76).

З. использовался в древнерусской письменности при составлении других сборников устойчивого состава — «Златоуста» и Торжественника. В «Златоусте» читаются следующие слова из З.: 1) в среду 1-й недели поста — «Слово Иоанна Златоуста о среде и о пятнице» (нач.: «Братие, приспе время доброго исповедания. .»); в З. Краткой редакции — слово 39 (здесь и далее нумерация слов по списку в составе ВМЧ); 2) в пятницу 5-й недели

поста — «Поучение Иоанна Златоуста о суетном сем житии и о пользе душевной» (нач.: «Возлюблении, оставивше суетнии дела. . .»); в Кратком З. слово 70, в Полном З. слово 77; 3) в неделю 15-ю после недели «всех святых» — «Притча о дворе и змии» (нач.: «Вся убо, возлюблении, яже во времена архиереи. .»); в Полном З. слово 52; 4) в неделю 21-ю — «Слово Иоанна Златоуста об алкании» (нач.: «Днесь, возлюблении, врачу душевному поклонимся. .»); в Кратком З. слово 71; 5) в неделю 34-ю — «Слово Иоанна Златоуста о втором пришествии Христове» (нач.: «По вознесении господа бога и спаса нашего. . .»); в Кратком З. слово 80; 6) в неделю 35-ю — «Слово Иоанна Златоуста о твари божии» (нач.: «Бог премудростию своею всю тварь. .»); в Кратком З. слово 43, в Полном З. слово 80; 7) в неделю 36-ю — «Поучение Иоанна Златоуста о казнях божиих и о страстях» (нач.: «Братие, тяготу греховную отрясше. .»); в Кратком З. слово 40, в Полном слово 86. Кроме того, два слова из З. входят в постоянный состав триодного Торжественника: «Слово о кресте и отвержении Петра апостола» (нач.: «Потребно есть в се время и долг Иову воздати. .») и «Слово о покаянии и о блудном сыну» (нач.: «Присно убо божье человеколюбие проповедати. .»). В отдельные списки триодного Торжественника входят и другие слова З. Так, в список Торжественника ГПБ, собр. Погодина, № 199 входит, помимо указанных, еще три слова из З; в сходном по составу с Торжественником сборнике БАН, 33.12.11 в общей сложности читается 14 слов З и т. д. З., как показал А. С. Архангельский в 4 выпуске своей книги «Творения отцов церкви. .», был использован также составителем «Измарагда».

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15, 1899, стб. 1180—1579; М а л и н и н В. Н. Десять слов Златоструя XII в. СПб., 1910.

Лит.: К а л а й д о в и ч К. Иоанн екзарх Болгарский. М., 1824, с. 15, 100 (прим. 43); Ш а ф а р и к П. И. Расцвет славянской письменности в Булгарии. — ЧОИДР, год третий (1848), № 7, отд. 3, с. 54; С т р о е в П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие. . . Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, с. 109—122; П а л а у з о в С. Н. Век Симеона Болгарского. СПб., 1852, с. 84; С р е з н е в с к и й. 1) Памятники, с. 192—199; 2) Сведения и заметки, № 21 и 30; А р х а н г е л ь с к и й А. С. 1) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, август, с. 207—208; 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, вып. 4, с. 103—110, 112—117, 120—153, 157—172, 205—207, 211—214, 225—228; Ч а г о в е ц В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения: Историко-литературный очерк. Киев, 1901, с. 84—126; И з е р г и н В. Материалы для литературной истории древнерусских сборников. 1. Греческий источник одного слова в «Златоусте». — СОРЯС, 1905, т. 80, № 1, с. 1—15; С о б о л е в с к и й А. И. Из области древней церковнославянской проповеди. — ИОРЯС, 1906, т. 2, кн. 1, с. 45, 50—52; М а л о з е м о в А. Слово Иоанна Златоустого на воскресение. — ПДПИ, № 169. СПб., 1908; И в а н о в а Кл. Неизвестна редакция на Златоструя в сръбски извод от XIII в. — Зб. ист. књижевн. Београд, 1976, књ. 10. Стара српска књижевност, с. 89—107; К а р а у л о в а Ф. В. Палеографическое и фонетическое описание рукописи «Златоструй» XII в.: Автореф. канд. дис. Л., 1977; Ф о м и н а М. С. Об одном источнике Великих Четьих Миней митрополита Макария («Златоструй»). — В кн.: Проблемы литературных жанров: Матер. IV науч. межвуз. конф. (28.09—1.10.1982 г.). Томск, 1983, с. 12—14.

М. С. Фомина

И

Иаков (XI в.) — монах Киево-Печерского монастыря, предполагаемый автор агиографических сочинений. В *Повести временных лет* под 1074 г. говорится, что Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря, намеревался поставить своим преемником монаха И., но братия отказалась принять его, мотивируя тем, что И. «не зде есть пострижен», так как «пришел с Летьца (из монастыря Бориса и Глеба на Альте, — *О. Т.*) с братом своим Паулом». Этому И. Макарий предположительно атрибутировал три памятника: Память и похвалу князю Владимиру, Житие Владимира и Сказание о Борисе и Глебе. М. П. Погодин дополнил этот перечень посланием («Некоего отца к духовному сыну»), обращенным черноризцем И. к князю Дмитрию. Этого князя А. Х. Востоков идентифицировал с князем Дмитрием Александровичем (1276—1294 гг.) или Всеволодом Юрьевичем (1177—1212 гг.), носившим крестное имя Димитрий (см.: Востоков. Описание, с. 304). М. П. Погодин считал, что послание обращено к Изяславу Ярославичу (сыну Ярослава Мудрого), и пришел к выводу: «Черноризец Иаков, современник св. Феодосия, жил во время Ярослава и сына его Изяслава, написал житие св. Бориса и Глеба, житие св. Владимира и Похвалу ему, послание к великому князю Изяславу. Он же предлагал митрополиту Иоанну. вопросы, на кои тот отвечал ему» (Погодин. Иаков мних, стб. 332).

Впоследствии эта точка зрения подверглась существенному пересмотру. Было установлено, что Послание обращено к князю Дмитрию Борисовичу Ростовскому (1253—1294 гг.) и, следовательно, не может принадлежать писателю XI в. (см.: *Иаков (XIII в.)* — черноризец, автор послания князю Дмитрию Борисовичу). Теперь всеми признано, что атрибуция Сказания о Борисе и Глебе черноризцу И. совершенно произвольна. Что же касается Памяти и похвалы князю Владимиру, то и ее атрибуция остается невыясненной. Хотя Память, как следует из ее текста, действительно написана И., но отождествление И. — автора Памяти с И., упоминаемым в числе монахов Киево-Печерского монастыря, совершенно недоказуемо. Н. К. Никольский писал, что «литературная слава Иакова есть миф, и все выводы об этом quasi-писателе XI в. совсем ненаучны» (Никольский Н. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 31 (ПДПИ, № 147)). С. А. Бугославский допускал, что И. написал Память «может быть в глубокой древности», но при этом подчеркивал, что дошедший до нас текст памятника — компиляция, состоящая из произведений пяти лиц, «и вопрос о хронологии составных частей» ее «при наших данных не может быть решен» (Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. — ИОРЯС за 1924 г., т. 29. Л., 1925, с. 140—141).

Лит.: Погодин М. Иаков мних, русский писатель XI в., и его сочинения. — ИпоРЯС, 1852, т. 1, стб. 326—334; Б[утков] П. Разбор трех древних памятников русской духовной литературы. — Современник, 1852, т. 32, отд. 2, с. 85—106; Макарий. Еще об Иакове мнихе. — ИпоРЯС, 1853, т. 2, стб. 145—157; Тюрин А. Ф. Мнение о Иакове мнихе акад. П. Г. Буткова. — Там же, стб. 81—95; Соболевский А. И. 1) В каком городе крестился св. Владимир. — ЖМНП, 1888, июнь, с. 396—403; 2) «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе (по поводу статьи г. Левитского). — Христ. чт., 1890, ч. 1, с. 791—804; Левитский П. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные (по поводу мнения проф. А. И. Соболевского). — Там же, с. 370—421, 687—740; Никольский. Повременный список, с. 225—271; Шахматов. Разыскания, с. 13—28; Приселков М. Д. Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923, с. 37, 46, 47, 50, 51.

О. В. Творогов

Иаков (XIII в.) — черноризец, автор Послания к князю Дмитрию Борисовичу. Послание И. представляет собой духовническое наставление, обращенное к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (1253—1294 гг.), сыну Бориса Васильковича (ум. в 1277 г.), внуку Василька Константиновича Ростовского (погиб в 1237 г. при татарском нашествии). В XIX в., когда еще не был известен список Послания с отчеством получателя, большинство ученых отождествляло этого И. с *Иаковом, монахом Киево-Печерского монастыря.*

Время написания Послания определяется при соотнесении его содержания с жизнью Дмитрия Борисовича Ростовского. О нем известно, что зимой 1276—1277 г. он женился; летом 1277 г. с отцом, матерью (ее звали Марией) и младшим братом Константином (род. в 1255 г.) он был в Орде. Отец, князь Борис Василькович, там умер (16 сентября 1277 г.), вдова и сыновья привезли его тело на Русь. Его власть унаследовал брат, Глеб Василькович, но скоро тоже умер (1278 г.), и у братьев Борисовичей, Дмитрия и Константина, начались распри из-за владений. Дмитрий вел себя агрессивно. В 1281 г. Константин поехал с жалобой к великому князю Дмитрию Александровичу. Полагают, что именно в это время И. и написал свое Послание (из его содержания ясно, что адресат уже женат и враждует с братом). Помирившись, братья-князья бросили жребий, и Константину достался Ростов, а Дмитрию Углич. Дмитрий, однако же, скоро вернулся в Ростов. Вместе с уступившим ему братом Константином, князем Феодором Ярославским и Андреем Александровичем Дмитрий оклеветал в Орде Дмитрия Александровича, в результате чего тот бежал и вскоре умер (1294 г.). Следом за ним в том же году умер и Дмитрий Борисович.

Послание монаха И. написано в ответ на прочувствованное письмо князя, каявшегося во многих своих грехах (это ясно из слов: «Написал еси покаянье свое вельми смиренно. И жалостьно слышати, понеже много с подъпаденьем»). И. объясняет князю, что жертва, которую тот может принести богу, — в сдержанности языка («под языком ти»), а закон божий — в сдержанности чрева

(«посреде чрева ти»). В чем-то князь провинился перед И. («И что ся съдеяло про мене, того всего простит тя господь Иисус»). Автор убеждает князя блюстись «запойства», гордости и блуда («беза-коньнаго смеса»), жить в чистоте, «акы в церкви святей». Он убеждает его также остерегаться гнева и ярости, быть рассудительным, не мстить врагам; просит полюбить Христа, научать хромающих верой, обращать к церкви ноги «текущих на игры», простирать для подаяния руки, иссохшие от «скупости к нищим». На слова, или возможные слова князя о своих дурных делах: «Аще бы се не годно богу, не попустил бы сам», — И. отвечает, что власть выбора между добром и злом — «нераскаянен дар» бога человеку, и потому бог «не терпит» идолослужителей, богоотступников, еретиков и дьявола. Князь, пишет он далее, не должен отлагать «целбу покаяньи», ибо неизвестны ни завтрашний день, ни даже сегодняшний, а грядущий суд приближается. О себе автор само-, но не смыслоуничижительно пишет, что он говорит «от скверна тела и от скаредна сердца, от нечистыи души и груба ума и нест-ройны мысли, от безърасудна языка и от нищю устну», однако же «слово богато силою и разумом святыя троица умножено», — потому что он не уничижает «силы божия всемощныя» и не отвергает «дара, туне данного» ему. В конце он предупреждает князя, что знатное имя («имя велико») не вводит в царство небесное и что «слово безделно» не приносит пользы слушающим, но только то слово «достойно ся творить», которое «делы утворено».

И. хорошо знал «*Пандекты*» *Антиоха*, ибо многое черпал оттуда по памяти, сокращая, пересказывая, соединяя выборки (говоря о блудном грехе, на который в Послании обращено больше всего внимания). Заметно также его знакомство с «*Лествицей*» *Иоанна Синайского* (зачин Послания «Добро бо от бога к божию слузе начати» является парафразом выражения «Лествицы») и со Словом Маркиона или (по другим спискам) Василия Великого (оттуда — сравнение жизни с торгом: «. .торг житья человеча как ся расходить, по писаному, все стеня. .»).

Списки Послания немногочисленны, датируются концом XV—XVI вв.; иногда Послание входит в состав Кормчей. Указание отчества князя-получателя находится в древнейшием списке — ГПБ, Q.I.1130, л. 347—352, конц. XV в. По нему оно было издано С. Смирновым и переиздано В. В. Колесовым.

Изд.: Послание черноризца Иакова к вел. кн. Изяславу. — Макарий. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1889, т. 2, с. 324—327; Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: (Тексты и заметки). — ЧОИДР, 1912, кн. 3, отд. 2, с. 189—194; Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу / Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 456—563, 610—612.

Лит.: Никольский Н. К. 1) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 30 (ПДПИ, № 147); 2) Повременный список, с. 225—227 (рец.: Соболевский А. И. — ЖМНП, 1906, февраль, с. 391—392); Смирнов С. Древнерусский духовник: (Исследование по истории церковного быта). — ЧОИДР, 1914, кн. 2, отд. 3, с. 1—29, 147, 432.

Г. М. Прохоров

Изборник 1073 г. — древнейший из дошедших до нас древнерусский сборник, переписанный с болгарского оригинала. Открывающая Изборник похвала содержит имя заказчика — им называется «великый в князих княз Святослав». Та же похвала читается и в конце книги (л. 263 об.—264), впрочем в этом случае имя писца, а также имя и титул заказчика написаны по стертому тексту. Некоторые исследователи считают, что И. был переписан по заказу великого князя киевского Изяслава Ярославича, а после его изгнания из Киева переадресован Святославу Ярославичу, ставшему в 1073 г. великим князем. Другие полагают, что первоначально в похвале читалось имя болгарского царя Симеона. Именно оно упоминается в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, датируемой 1445 г. и содержащей текст, идентичный с И. («великы в царих Симеон»). Это позволяет предположить, что болгарский оригинал И. составлен по инициативе царя Симеона (князь с 893, царь с 919 по 927 г.), известного ценителя и покровителя книжности.

Обстоятельства, при которых болгарский оригинал И. попал на Русь, а также судьба списка 1073 г. остаются невыясненными. С XVII в., как полагают, И. находился в Воскресенском (Ново-Иерусалимском) монастыре, где и был в 1817 г. обнаружен К. Калайдовичем и П. Строевым. Ныне И. хранится в ГИМ (Синод. собр., № 1043; по описанию Саввы — № 31 д). Сборник написан двумя писцами. Один из них — Иоанн, как следует из записи на л. 263 об.—264: «В лето 6581 (1073) написа Иоанн дьяк изборьник сь великууму князю Святославу». Однако Иоанн написал лишь часть сборника (л. 1—85 и 264—266), а большая часть рукописи переписана другим писцом.

Основную часть И. занимают «Ответы Анастасия Синаита» — обширный свод выписок из библейских книг и сочинений авторитетнейших византийских богословов и проповедников: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника, Кирилла Александрийского и др. Статьи содержат материал по различным вопросам догматического богословия, христианской нравственности и мироведения. В И. читаются также трактат о поэтике — статья «Об образех» Георгия Хировоска, старейший в русской книжности список ложных книг, «Летописец вкратце от Августа». Всего по подсчетам исследователей в И. содержится более 380 статей, принадлежащих 25 авторам (см. сведения в статье: Ж у к о в с к а я Л. П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию И.)).

Болгарский кодекс и русский список 1073 г. явились оригиналом для многих древнерусских и южнославянских рукописей. В настоящее время известны следующие рукописи, в той или иной степени соотносимые с И.: Хилендарский список, сербской редакции, XIII в. (Хилендарский монастырь, № 24; фрагменты списка — БАН, 13.7.1 и ГБЛ, собр. Григоровича, № 19); Бухарестский список XIII—XIV вв. (Б-ка Румынской АН, mss. slav., № 72);

Онфимов список 1403 г. (ГИМ, Синод. собр., № 275, переписан монахом Андроникова монастыря Онфимом); Бухарестский, сербской редакции, XV в. (Б-ка Румынской АН, mss. slav. № 310); Толстовский XV в. (ГПБ, Q.I.208); Румянцевский XV в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 6); Кирилло-Белозерский 1445 г. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 5/1082); Софийский XV—XVI вв. (ГПБ, Соф. собр., № 1285); Барсовский 1519 г. (ГИМ, собр. Барсова, № 309); Виленский XVI в. (Б-ка АН ЛитССР, slav. № 260); Кирилло-Белозерский XVI в. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 7/1157); Волоколамский XV в. (ГБЛ, Волок. собр., № 496); Синодальный XVI в. (ГИМ, Синод. собр., № 561); Перемышльский XVI в. (Национальная библиотека в Варшаве, шифр: akcessji, № 2699); Синодальный XVI—XVII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 558); Овчинниковский 1619 г. (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 108); Егоровский, первой четверти XVII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 745); Ленинградский XVII в. (БАН, 33.8.15); Уваровский XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 757), Единоверческий, XVIII в. (ГИМ, Единоверческое собр., № 34). По заключению Н. Н. Розова, списки Онфимов, Кирилло-Белозерский 1445 г., Барсовский 1519 г., Толстовский и Волоколамский наиболее близки к списку 1073 г. Помимо перечисленных имеется несколько копий, изготовленных уже в XIX в. Богатая рукописная традиция свидетельствует о большом интересе, проявлявшемся к И. в древнерусской и славянской письменности вплоть до XVII в. И. позволяет также судить о высоком уровне болгарской книжной культуры.

Изд.: Калайдович К. Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824, с. 102—104, 133—136 (отрывки); Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880 (фототип. изд.); Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. С греческим и латинским текстами. — ЧОИДР, 1882, кн. 4 (издана первая половина текста); Изборник Святослава 1073 г. М., 1983, кн. 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание; кн. 2. Научный аппарат факсимильного издания.

Лит.: Востоков. Описание, с. 505; Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850, ч. 2, с. 30—32; Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, с. 365—405; Masing L. Studien zur Kenntnis des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jungeren Handschriften. — AfslPh, 1886, Bd 9, S. 77—112; Розенфельд А. Язык Святославова Изборника 1073 г. — РФВ, 1899, т. 51, с. 152—197; Данилов В. В. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 335—341; Розов Н. Н. 1) Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — ИОЛЯ, 1969, т. 28, вып. 1, с. 75—78; 2) Книга древней Руси. М., 1977, с. 20—24, 31—33; Гиршберг В. Б. «Козльрогъ» в Изборнике Святослава 1073 г. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 81—89; Лихачев Д. С. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976, т. 1, с. 42—44; Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977; Mihăila Gh. Две копии Симеонова сборника в Библиотеке Румынской Академии. — In: Slovansko jazikoslovie: Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977; Пейчев Б. Философският трактат в Симеоновия сборник. София, 1977 (в рус. пер.: Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновом сборнике. Киев, 1983); Шаховская Т., Лоосме И. Материалы по изучению Изборника Святослава в фонде Л. Мазинга. —

ИОЛЯ, 1978, т. 37, вып. 5, с. 462—465; Иванова К. За Хилендарския препис на първия Симеонов сборник. — Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 57—96; Куев К. М. Археографски бележки за распространението на Симеоновия (Святославовия) сборник в старите славянски литератури. — Там же, с. 38—56; Копреева Т. Н. Из истории болгаро-русских книжных связей: К истории взаимосвязей текстов Изборников 1073 и 1076 гг. — Старобългаристика. София, 1980, № 1, с. 39—47; Левочкин И. В. 1) Изборник Святослава и его славянский протограф. — Старобългарска литература. София, 1980, кн. 8, с. 46—49; 2) Новый список Изборника 1073 г. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. 1980. М., 1981, с. 7—11; 3) Уваровский список изборника 1073 г. — Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 91—94; 4) Синодальный список Изборника Святослава. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 150—156; 5) О естественнонаучном и философском содержании Изборника Святослава 1073 г. — В кн.: Памятники науки и техники: 1982—1983. М., 1984, с. 119—130; 6) Изборник Святослава и русские сборники XV—XVII вв. — ТОДРЛ, 1985, т. 40, с. 373—378; 7) «Отеческие книги» и Изборник Святослава 1073 г. — Советское славяноведение, 1985, № 6, с. 75—80; Гаврюшин Е. К. «Изборник Святослава» 1073 г. и «Диалектика» Иоанна Дамаскина. — Советское славяноведение, 1983, № 4, с. 94—96; Камчатнов А. М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 5—19.

О. В. Творогэ

Изборник 1076 г. (в научной литературе он именуется также Сборник Святослава, Сборник 1076 г.) — одна из древнейших древнерусских рукописных книг. На л. 275 об.—276 имеется запись, из которой следует, что сборник написан Иоанном в 1076 г. Первоначально дата была прочитана неверно и сборник датировали 1046 г.; правильное чтение было установлено палеографом А. И. Ермолаевым в первой трети XIX в.

И. принадлежал в XVIII в. историку М. М. Щербатову, сообщившему о нем в своем труде (Щербатов М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770, т. 1, с. IV—V). Затем сборник находился в собрании рукописей Эрмитажа, а в 1852 г. передан в ГПБ (ныне в Эрмитажном собр., № 20). В XIX в. И. исследовали А. И. Ермолаев, А. Н. Оленин, К. Ф. Калайдович, А. X. Востоков, И. П. Сахаров, давший первое палеографическое описание рукописи (в труде «Славяно-русская библиография. II. Палеография», б. м. и г.), Ф. И. Буслаев, М. А. Колосов, А. И. Соболевский, В. Бобров и др. Были осуществлены публикации отдельных фрагментов рукописи. Полный текст сборника был издан в 1889 и 1894 гг. В. Шимановским. Оба издания (особенно первое) крайне неудовлетворительны. (Исчерпывающую библиографию исследований и публикаций до 1900 г. см. в кн.: Бобров. История изучения Святославова сборника 1076 г.). Тщательно подготовленный текст рукописи издан в 1965 г.

Существовавшее мнение, что И. составлен по заказу киевского князя Святослава Ярославича, представляется большинству ученых неосновательным. Писец Иоанн, переписывавший для князя Изяслава болгарский сборник (эта рукопись известна как *Изборник 1073 г.*, в связи с изгнанием Изяслава из Киева сборник переадресован Святославу), возможно, изготовил рассмат-

риваемую рукопись для себя, хотя и использовал для нее материалы из княжеской библиотеки.

В И. вошли *«Стословец» Геннадия*, константинопольского патриарха, «Слово некоего калугера о почитании книжном», извлечения из сочинений византийских писателей Иоанна Златоуста, Нила Синайского, Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита, фрагменты из библейской книги «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», фрагменты из житий Ксенофонта, Феодоры, Синклитики и ряд других фрагментов и статей. Известен лишь один список И., однако не исключена возможность влияния этой рукописи на составителей и авторов других древнерусских памятников («Моления» *Даниила Заточника*, *Измарагда*). В результате сопоставлений статей, входящих в состав И., с их греческими оригиналами или южнославянскими переводами, все более утверждается мнение, что составитель И. — древнерусский книжник, который подвергал включаемые в сборник тексты стилистической и языковой правке, лишая их подчеркнутой монашеской ригористичности, русифицируя язык, вводя в текст отдельные слова и выражения, отражающие древнерусский быт. Указывалось на близость отдельных статей И. к параллельным местам Изборника 1073 г. Т. Н. Копреева высказала предположение, что в этих случаях источником для И. явился не сам Изборник 1073 г., а выборка из его протографа; она отразилась также в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1032, последн. четв. XV в. (Копреева. Из истории болгаро-русских книжных связей).

Изд.: Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 289—299 (отрывки); Шимановский В. 1) К истории древнерусских говоров: Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887 (рец.: Соболевский А. И. — ЖМНП, 1888, февраль, с. 524—527; Смирнов А. — РФВ, 1888, т. 19, с. 74—117; Jagić V. — AfslPh, 1888, Bd 11, H. 2, S. 233—241; H. 3, S. 368—383); 2) Сборник Святослава 1076 г. Варшава, 1894 (рец.: Некрасова Н. П. — ЖМНП, 1897, октябрь, с. 393—419); Кульбакин. — ЖМНП, 1898, февраль, с. 203—209; Бобров В. А. К исправлению печатного текста Сборника 1076 г. — РФВ, 1902, т. 47, с. 243—258; 1902, т. 48, с. 469—476; Изборник 1076 г. / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

Лит.: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Казань, 1889, т. 1—2, с. 37—61; 1890, т. 3, с. 81—83; 1890, т. 4, с. 70—73, 195—198, 207—211, 227; Семенов В. Греческий источник изречений Исихия. — ЖМНП, 1893, июль, с. 84—93; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893, с. 10, 14, 20, 30—39; Бобров В. История изучения Святославова сборника 1076 г. Казань, 1902; Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904; Абрамович Д. 1) До питання про джерела Ізборника Святослава 1076 р. — Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Київ, 1929, т. 2, с. 65—74; 2) Ізборник Святослава 1076 року і патерики. — Там же, Київ, 1931, т. 3, с. 11—15; Popov N. P. 1) L'Isbornik de 1076, dit de Svjatoslav, comme monument littéraire. — Revue des études slaves, 1934, t. 14, f. 1—2, p. 5—25; 2) Les auteurs de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076. — Ibid., 1935, t. 15, fasc. 3—4, p. 210—223; Будовниц И. У. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поу-

чение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 44—75; Дубровина В. Ф. 1) О греческих параллелях к Изборнику 1076 г. — ИОЛЯ, 1963, т. 22, вып. 2, с. 104—109; 2) О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 36—44; Lépissier J. 1) Une source de l'Izbornik de 1076. — Revue des études slaves, 1966, t. 45, p. 39—47; 2) Quelques passages de l'Izbornik de 1076 avec leur source grecque. — Byzantinoslavica, 1973, t. 24, N 1, p. 28—32; Ševčenko I. On some sources of Prince Svjatosla's Izbornik of the Year 1076. — In: Orbis scriptus: D. Tschizewski zum 70. Geburtstag. München, 1966, p. 723—728; Freydank D. Interpretation einer griechisch-kirchenslawischen Übersetzung im Изборник von 1076. — Zeitschrift für Slawistik, 1967, Bd 12, H. 1, S. 38—48; Widnäs M. Der «Sbornik Svjatoslava» von Jahre 1076. — In: Geschichte der Ost- und Westkirche in ihren wechselseitige Beziehungen. Wiesbaden, 1967, S. 84—86; Withman R. H. A textological Note on the Izbornik. — Die Welt der Slaven, 1967, Bd 12, H. 1, S. 67—79; Lunt H. E. On the Izbornik of 1076. — In: Unbegaun Festschrift. New York, 1968; Адрианова-Перетц В. П. Афоризмы Изборника 1076 г. и русские пословицы. — ТОДРЛ, 1970, т. 25, с. 3—19; Мещерский Н. А. 1) К вопросу об источниках «Изборника 1076 г.». — ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 321—328; 2) К изучению лексики «Изборника 1076 г.». — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Изд. ЛГУ, 1972, с. 3—12; 3) К изучению источников «Изборника 1076 г.» в связи с проблемой установления места древнеславянского перевода. — В кн.: Исследование языка художественных произведений. Куйбышев, 1975, с. 152—155; 4) О некоторых источниках «Изборника 1076 г.» в связи с вопросом о происхождении их переводов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. Л., 1976, с. 34—38; 5) Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977, с. 90—99; 6) Новое об источниках «Изборника 1076 г.». — Вестн. ЛГУ, 1978, № 20. Ист., языкозн., лит., вып. 1, с. 60—69; 7) «Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник 1076 г.». — Вестн. ЛГУ, 1980, № 20, Ист., языкозн., лит., вып. 4, с. 104—106; Розов Н. Н. 1) Изборник 1076 года как памятник истории русской книги. — ИОЛЯ, 1976, т. 35, вып. 6, с. 545—554; 2) Старейшая русская книга для чтения. — ВИ, 1976, № 12, с. 208—211; 3) Как «сделана» вступительная статья «Изборника 1076 г.»: (К 900-летию памятника). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. Л., 1976, с. 42—46; 4) Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977, с. 23—34; Сазонова Л. И. Ритмико-синтаксические элементы в «Изборнике 1076 г.». — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. Л., 1976, с. 38—42; Копреева Т. Н. 1) Новые данные для изучения текста Изборника 1076 г. — В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979, с. 92—112; 2) Из истории болгаро-русских книжных связей: (К истории взаимосвязи текстов Изборника 1073 и 1076 гг.) — Старобългаристика, 1980, № 1, с. 39—47; Велчева Б. Изборникът от 1076 г. като източник на данни за историята на българския език. — В кн.: Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 97—100; Жекова Л. За правописа на двама преписвачи в Изборника от 1076 г. — Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 107—109; Моисеева Г. Н. 1) Из истории «Изборника 1076 г.». — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 369 -375; 2) Ізборник із зібрання М. М. Щербатова. — В кн.: Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981, с. 36—43.

О. В. Творогов

Иларион (сер. XI в.) — митрополит киевский, оратор и писатель, церковно-политический деятель. Сведения о жизни и деятельности митрополита И., содержащиеся преимущественно в Начальной русской летописи, дают мало для его биографии, но по-

могают создать представление о нем как о выдающемся деятеле периода политического и культурного подъема Киевской Руси.

Под 1051 г. в *Повести временных лет* так излагается начало истории Киево-Печерского монастыря: «Боголюбивому бо князю Ярославу, любящю Берестовое и церковь ту сущую святых апостол и попы многы набдящю, в них же бе презвутер именемь Ларион — муж благ, книжен и постник». Он первый «ископа печерку малу двусажену» — для уединения и молитвы — там, «где ныне ветхый манастырь Печерьскый» (Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 155—156). Эти сведения следует сопоставить с известием той же летописи под 1037 г. — о том, как князь Ярослав, «собрав писце многы», организовал перевод и переписку книг, создавая тем самым при киевском Софийском соборе первую русскую библиотеку («Ярослав, любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне», стб. 151—152). «Мних и пресвитер», как сам называет себя И., при том «муж книжен», был в числе приближенных Ярослава. Именно его «постави Ярослав митрополитомь. собрав епископы», как об этом говорится в краткой записи в начале летописной статьи 1051 г. и повторяется далее, в рассказе об основании Киево-Печерского монастыря.

И. был единомышленником и помощником Ярослава в его борьбе за политическую и идеологическую независимость от Византии. Об этом свидетельствует поставление его, «русина», собором епископов на пост главы русской церкви — в нарушение прерогативы константинопольского патриарха.

В начале одного из старейших памятников русского права — Устава князя Ярослава о церковных судах — говорится: «Се яз князь великий Ярослав сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческий номоканун; аже не подобасть сих тяжь судити князю, ни боляром — дал есмь митрополиту и епископом» (Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915, с. 78). Ярослав Мудрый, последовав примеру своего отца, — «съгадав», т. е. посоветовавшись с И., осуществил частичную реформу византийского канонического права (см.: Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — ВВ, М., 1971, т. 31, с. 71—76).

Дальнейшая судьба И. неизвестна, но под 1055 г. в НIЛ упоминается новый митрополит — Ефрем (ПСРЛ, 1965, т. 30, с. 190). Вероятнее всего, сразу же после смерти Ярослава (в 1054 г.) И. был смещен с поста главы русской церкви и заменен митрополитом-греком, присланным константинопольским патриархом, как это делалось до этого и много веков в дальнейшем. Логично предположить, что И. после своего низложения удалился туда же, откуда был призван на пост главы русской церкви, — в Киево-Печерский монастырь. Возможно, именно он упоминается в *Па-*

терике Киево-Печерском — там, где говорится о «черноризце Ларионе», который был «книгам хитр писати и съй по вся дьни и нощи писаше книгы в келии. . Феодосия» (Пам'ятки мови та письменства давньої України. Киев, 1930, т. 4, с. 49).

Сохранился еще один источник сведений о жизни и деятельности И. — запись от имени И. о поставлении на пост главы русской церкви. Она находится в списке его сочинений (сер. XV в.): «Аз милостию человеколюбиваго бога мних и пресвитер Иларион изволением его от богочестивых епископов священ быx и настолован в велицем и богохранимом граде Кыеве яко быти в немь митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си в лето 6559 владычествующу благоверьному кагану Ярославу сыну Владимирю, аминь» (ГИМ, Синод. собр., № 591, л. 203).

В этом сборнике, содержащем, кроме сочинений И., Историческую палею, апокрифическое *«Откровение» Мефодия Патарского* и сочинение о литургии, надписанное именем Григория Богослова, в единственном известном доныне списке находится первоначальная и полная редакция Слова о законе и благодати. Известный московский ученый-археограф А. В. Горский, обнаруживший и в 1844 г. впервые опубликовавший по данному списку Слово о законе и благодати, а также следующие за ним Молитву и Исповедание веры, убедительно доказал, что весь этот цикл принадлежит одному автору, назвавшему себя в заключающей его приписке, приведенной выше. И эта атрибуция подтверждается древней традицией: в многочисленных списках одно из сочинений этого цикла — Молитва надписана именем митрополита И. А она настолько близка — по своему содержанию и стилю — к Слову о законе и благодати, что долгое время считалась заключительной его частью.

В настоящее время безусловно принадлежащими митрополиту И. считаются: Слово о законе и благодати («О законе Моисеом данеем и о благодати и истине Иисус Христом бывши. И како закон отиде, благодеть же и истина всю землю исполни и вера в вся языкы простреся и до нашего языка рускаго. И похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещени быхом»), Молитва («Молитва преподобнаго отца нашего Илариона, митрополита Российскаго») и Исповедание веры, переписанное в Синодальном сборнике вслед за Символом веры и заканчивающееся цитированной припиской И. о его поставлении в митрополиты.

Кроме перечисленных, в рукописной книжности бытовал еще ряд религиозно-нравоучительных сочинений, надписанных именем «святого Илариона» и в числе их «Слово к брату столпнику», в заголовке которого в качестве автора иногда называется «Иларион, митрополит Киевский». Перечень этих сочинений, а также всех известных тогда списков Слова о законе и благодати и Молитвы И. см. в кн.: Никольский. Повременной список, с. 75—122. Принадлежность их, даже последнего, перу И. еще ждет своего доказательства: до сих пор внимание исследователей привлекает исключительно Слово о законе и благодати, а также Молитва И,

И объясняется это, конечно, тем, что первое из названных — первое Слово русской литературы — отличается исключительной, первостепенной важностью идейно-политического содержания и совершенством формы. Поэтому в наши дни Слово о законе и благодати привлекает пристальное внимание не только филологов — языковедов и литературоведов, но и историков общественной мысли, философии и эстетики. Основой идейно-политического содержания Слова о законе и благодати является апология Русской земли, влившейся — после принятия христианства — в семью европейских народов в качестве равноправного ее члена. По мнению его автора, успех самой миссии князя Владимира был обусловлен тем, что он и его предки «не в худе и неведоме земли владычьствоваша, нъ в Руске, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». С некоторой долей поэтического гиперболизма здесь утверждается, что Русская земля была уже достаточно известна задолго до принятия христианства. Однако это нисколько не уменьшает в глазах автора Слова заслуги князя Владимира, и Слово о законе и благодати в последней своей части превращается в развернутый и восторженный панегирик крестителю Руси, а также его сыну — Ярославу.

Последнее, как можно предположить, и ограничило распространение первоначальной редакции: авторитет князя Владимира в глазах потомков был несравнимо выше, чем его старшего сына. Поэтому наибольшее распространение получила «усеченная» редакция Слова, в которой все относящееся к деятельности Ярослава Мудрого, пропущено: она сохранилась в более чем 30-ти списках XV—XVII вв. и представлена фрагментом XII—XIII в. Существует еще одна редакция Слова о законе и благодати — «усеченно-интерполированная», представленная десятком-полтора списков XV—XVII вв. В ней заметно усилен богословский элемент, отчего историческая часть несколько оттесняется на второй план.

Поводом для появления этой редакции, вероятно, послужило то, что автор Слова о законе и благодати, для доказательства величия и исторической значимости деятельности князя Владимира, привлек обильный богословский и церковно-исторический материал. Однако при этом он смело переосмыслил целый ряд положений и цитат книг Св. писания. Такое переосмысление начинается буквально с первой фразы Слова и продолжается на всем его протяжении. И в числе переосмысленных находятся цитаты из таких важнейших книг христианского вероучения, как Евангелие и Псалтирь. Цитаты из последней употребляются и для усиления эмоционального звучания — мажорного в Слове о законе и благодати, минорного в Молитве И. Во всем этом обнаруживается не только обширная эрудиция и ораторский талант И., но и та смелость в обращении с византийским наследием, которая сказалась и в его частичной реформе канонического права.

Памятник такой исторической значимости и столь сильного эмоционального звучания, как Слово о законе и благодати, не мог остаться незамеченным в литературе последующих веков — оте-

чественной и зарубежной. Есть основания предполагать знакомство с сочинениями И. армянского писателя XII в. — католикоса Нерсеса Шнорали, влияние Слова обнаруживается на памятнике сербской литературы XIII в. — Житии Симеона и Саввы.

Что касается русской письменности и литературы, то заимствования из Слова о законе и благодати отмечаются во многих и разнообразных памятниках, начиная с *Летописи Ипатьевской*, кончая припиской к Сийскому евангелию 1339 г., написанному для Ивана Калиты, и Похвальным словом Василию III (Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 278—289). Известен случай использования ораторского приема И. в XVIII в. — в речи митрополита Платона по случаю Чесменской победы, когда он подошел к могиле Петра I, призывая его «восстать из гроба» и посмотреть на славные дела его преемников (Платон, митр. Полн. собр. соч. СПб., 1913, т. 1, с. 305).

С начала XIX в. Слово о законе и благодати входит в русскую историографию: по «харатейной рукописи» собрания А. И. Мусина-Пушкина оно было известно Н. М. Карамзину (История государства Российского. СПб., 1818, т. 1, примеч. 110). В настоящее время представление о вкладе И. в отечественную историографию расширяется: Д. С. Лихачев высказал предположение о том, что И. был автором Сказания о распространении христианства на Руси — одного из источников начальной русской летописи (см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 70).

Публикация отдельных списков сочинений И. ввела их в историю русской словесности и литературы. О Слове о законе и благодати пишет С. П. Шевырев (История русской словесности. М., 1860, ч. 2, с. 22—23), ему посвящает специальное исследование И. Н. Жданов. В работах этих и некоторых других авторов наметилась полемика относительно идейно-политического содержания Слова, продолженная М. Д. Приселковым: в нем пытались увидеть антииудейские, антивизантийские и даже антиболгарские тенденции. В настоящее время Слово о законе и благодати рассматривается в качестве памятника, утверждающего равноправие народов, как «речь политическая, отражающая запросы и нужды русской действительности, написанная с искренним патриотизмом, пронизанная острой историософической мыслию» (История русской литературы в трех томах. М.; Л., 1958, т. 1, с. 45).

Значение деятельности и творчества митрополита И. в различных областях истории культуры Древней Руси может быть полностью и разносторонне раскрыто только после научного, критического издания его сочинений по всем сохранившимся спискам.

Изд.: Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. — Прибавл. к Творениям св. отцов в русском переводе. М., 1844, ч. 2, с. 1—91; Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского. — ЧОИДР, 1848, кн. 7, № 11, с. 21—41; Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому. — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2,

отд. II, с. 45—58; Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. — Записки Академии наук, 1873, т. 72, Прилож. 5, с. 32—68; Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. — Унив. изв. Киев, 1911, № 10, с. 73—88; Покровский Ф. И. Отрывок Слова митр. Илариона о законе и благодати в списке XII—XIII в. — ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 3, с. 412—417; Исповедание веры митрополита Киевского Илариона с записью о его поставлении. — Памятники древне-русского канонического права. Пг., 1920, ч. 2, вып. 1, с. 102—103; Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962; Розов Н. Н. 1) Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavia, 1963, roč. 31, p. 141—175; 2) Из творческого наследия русского писателя XI в. Илариона. — Dissertationes slavicae: Acta Universitatis Szegediensis de Atilla Jozsef. Szeged, 1975, t. 9—10, p. 115—155; Die Werke des Metropoliten Ilarion. Eingeleitet, übersetzt und erläutert von Ludolf Müller. — Forum slavicum, 1971, Bd 37; Elbe H. Die Handschrift C der Werke des Metrolpoliten Ilarion. — Russia Mediaevalis. München, 1975, t. 2, S. 120—161.

Лит.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1868, т. 1, с. 127—140; т. 2, с. 5—18; Калугин Ф. Г. Иларион митрополит Киевский и его церковно-учительные произведения. — В кн.: Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб., 1894, вып. 1, с. 47—85; Жданов И. Н. Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру. — Соч. И. Н. Жданова. СПб., 1904, т. 1, с. 1—80; П[етровский] М. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, иеромонах Хилендарский. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 4, с. 81—133; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII в. СПб., 1913, с. 97—106; Туницкий Н. Л. Хиландарский отрывок «Слова к брату столпнику» с именем Илариона, митрополита Киевского. — В кн.: Сборник статей в память столетия Моск. духовн. акад. Сергиев посад, 1915, ч. 1, с. 375—482; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 93—98; Никольская А. Б. Слово митр. киевского Илариона в позднейшей литературной традиции. Slavia. Praha, 1928—1929, roč. 7, seš. 3—4, с. 549—553, 853—870; Українські письменники, с. 65—68; Розов Н. Н. 1) Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 42—53; 2) Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, с. 270—278; 3) Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати». — Slavia, 1966, roč. 35, с. 365—379; 4) Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода: (О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона). — ТОДРЛ, 1968, т. 22, с. 71—85; 5) К изучению русско-армянских культурных связей древнего периода (митрополит Иларион и католикос Нерсес Шнорали). — В кн.: Литературные связи. Ереван, 1973, т. 1. Русско-армянские литературные связи: Исследования и материалы, с. 62—77; 6) К вопросу об участии Илариона в начальном летописании. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 31—36; Шохин К. В. Очерк истории развития эстетической мысли в России: (Древнерусская эстетика XI—XVII вв.). М., 1963, с. 10, 41—42; Mainka R. Von Gesetz und Gnade. Die heilsgeschichtliche Schicht im Slovo des Kiever Metropoliten Ilarion. — Clarentianum, 1969, t. 9, S. 273—304; Danti A. Sulla tradizione dello «Slovo o zakone i blagodati». — Ricerche Slavistiche, 1970—1972, t. 17/19, p. 109—117; Müller L. 1) Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropoliten Ilarion. — Russia Mediaevalis, 1975, t. 2, S. 3—91; 2) Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о законе и благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 372—379; Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 231—237; Молдаван А. М. 1) Лингвотекстологический анализ списков «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. — В кн.: Источниковедение

литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 38—52; 2) «Слово о законе и благодати»: (Сопоставление списков). — В кн.: История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982, с. 227—261; 3) Некоторые синтаксические данные «Слова о законе и благодати» в средневековых списках памятника. — В кн.: История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982, с. 67—73.

Н. Н. Розов

Илья см. *Иоанн (в миру Илья), архиепископ новгородский.*

Иоаким (ум. 1030 г.) — епископ новгородский, предполагаемый составитель т. н. Иоакимовской летописи. И. упоминается в *Летописи Новгородской первой* Младшего извода в статье 989 г., в рассказе о крещении новгородцев, и именуется там «архиепископом Акимом Корсунянином». В НПЛ говорится, что Владимир, крестившись, привел на Русь в Киев митрополита Леона, а в Новгород — И. В Новгороде И. «требища разори и Перуна посече и повеле врещи в Волхов» (ПСРЛ, 1965, т. 30, с. 169). В той же летописи в статье 988 г. это же сообщение приводится в иной редакции: «И прииде Новугороду епископ Иаким и бе в епископь (так!) лет 42. И бе в него место ученик его Ефрем, и благословен бысть и епископом Иакимом, иже ны учити. . .» (с. 196). Сведения о И. и его ученике Ефреме содержатся в СІЛ и других летописях, а также в перечнях новгородских епископов, которые сопровождают текст новгородских летописей.

С именем И. долгое время связывалось составление летописи, которая была обнаружена и описана В. Н. Татищевым. Историк сообщил, что он получил от свойственника своего Мелхиседека Борщова, архимандрита Бизюкова монастыря, три тетради с копией фрагмента из древнего, как полагал Татищев, летописного свода («письмо новое, но худое, склад старой, смешенной с новым»). В этом тексте повествовалось о древнейшей истории Руси, кончая описанием событий крещения Новгорода. Внимание историка привлекли отличия от «Нестора» (рассказ о генеалогии древнейших русских князей, о новгородском старейшине Гостомысле, иные версии о происхождении Рюрика, Олега, Ольги и т. д.). Татищев приводит слова, видимо, читавшиеся в источнике: «О князьях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде, а святитель Иоаким добре сведомый, написа. . .», но тем не менее счел необходимым отметить, что в цитируемую им летопись «нечто баснословное по тогдашнему обычаю внесено». В дальнейшем, излагая историю Руси в целом «по Нестору», Татищев неоднократно ссылается на Иоакимовскую летопись, признавая иногда, что сведения ее «полнее», «порядочнее», и уточняя данные *Нестора* «по сказанию Иоакимову».

Со времени Татищева шли споры о достоверности Иоакимовской летописи. Основания, по которым она не представлялась заслуживающей доверия, были сформулированы еще в 1789 г. М. М. Щербатовым, указавшим на странные обстоятельства ее обнаружения, на то, что перед нами копия, а не древний текст, на отсутствие свидетельств о И. — летописце, на расхождения Иоакимовской

летописи с Нестором. Возражая ему, И. Н. Болтин, напротив, отмечал, что разноречия в летописях обычны, а некоторые известия (о родстве Рюрика с Гостомыслом, о происхождении Ольги) представлялись ему «более сходными с обстоятельствами». Н. М. Карамзин в разделе «Об источниках российской истории до XVII в.» первого тома «Истории государства Российского» (СПб., 1816, с. XXX—XXXI), изложив сведения Татищева о Иоакимовской летописи, заключил: «Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностью говорить о летописце Иоакиме». Карамзин привел соображения, по которым Иоакимовская летопись не заслуживает доверия и в дальнейшем сопровождал имя И., при упоминании сведений из его летописи, эпитетом «мнимый». С. М. Соловьев решительно высказался против обвинения Татищева в составлении Иоакимовской летописи, а П. А. Лавровский в обстоятельном ее исследовании даже попытался доказать, что отдельные сведения второй части Иоакимовской летописи (после призвания Рюрика) заслуживают доверия. Исследователь допускал, что написание летописи епископом И. спорно, но считал, что составитель ее был современником описываемых событий и относил его к «необильному числу просвещенных писателей древности» (Исследование о летописи Якимовской, с. 83). Е. Е. Голубинский и И. Линниченко, напротив, доказывали полную недостоверность уникальных известий Иоакимовской летописи, причем первый считал ее составителем самого Татищева. Линниченко, как и большинство последующих ученых, видит в Иоакимовской летописи не «шутку» Татищева, а один из вариантов широко распространенных в XVII—XVIII вв. исторических легенд (ср. публикации сходных текстов в кн.: Г и л я р о в Ф. Предания русской начальной летописи (по 969 г.). Приложения. М., 1878, с. 15—23). Об атрибуции текста И. высказывались различные догадки. В. И. Григорович допускал, что летопись, полученная Татищевым из Бизюкова монастыря (до 1803 г. находившегося в Смоленской губернии), могла быть составлена архимандритом этого монастыря Иоакимом, проживавшим в нем около 1730 г. С. К. Шамбинаго, сопоставив Иоакимовскую летопись с поздними летописцами, отдельные из которых читаются, по его наблюдениям, перед текстом НIIIЛ, допускал, что «повесть о старобытных князьях» (т. е. летописец, подобный Иоакимовской летописи) служила началом этой летописи, составленной по инициативе новгородского митрополита, а с 1673 г. — патриарха всея Руси Иоакима (1621—1690 гг.). Отмечалось, что Комиссионный список НIЛ имеет позднее киноварное надписание: «Летопись Акима епископа новгородского». С. Н. Азбелев показал, что предполагаемая С. К. Шамбинаго связь легендарных сказаний о начале Руси с НIIIЛ фактически отсутствует. Возможно, что указание на епископа И. как летописца — принадлежит лишь ограниченному кругу текстов — поздних легендарно-исторических компиляций, в числе которых был и текст, ставший известным В. И. Татищеву.

Изд.: Татищев В. И. История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 107—119.

Лит.: Ответ ген.-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789, с. 13—20; Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытые и явные охуления, учиненные его истории от господина ген.-майора Болтина. . М., 1789, с. 11—27: Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. — Арх. истор.-юр. сведений, относящихся до России / издав. Н. Калачовым, кн. 2, 1-я пол. М., 1855, отд. III, с. 23—25; Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. — Учен. зап. II отд. имп. АН, 1856, кн. 2, вып. 1, с. 77—160 (отд. отт. — СПб., 1855); Григорович В. И. (Сообщение). — В кн.: Тр. III археол. съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 1, с. LXIV—LXV; Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева. — Прибавления к изданию Творений св. отцов в русском переводе. М., 1881, кн. 4, с. 602—640; Линниченко И. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись. — ЖМНП, 1883, октябрь, отд. 2, с. 246—258; Никольский. Повременной список, с. 71—74; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись. — ИЗ, 1947, № 21, с. 254—270; Азбелев С. Н. Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения). — ТОДРЛ, 1956, т. 12, с. 238—239, 242—248.

О. В. Творогов

Иоанн (XI в.) — митрополит Киевский, предполагаемый автор службы Борису и Глебу, занимал кафедру при Ярославе Владимировиче. В «Чтении о житии и о погублении. Бориса и Глеба» (см. *Нестор*) и в *Сказании о Борисе и Глебе* говорится, что при И. установлено почитание святых и создан храм в их честь. Менее надежно сообщение Никоновской летописи под 1008 г. (ПСРЛ, 1862, т. 9, с. 69) о постройке И. церквей в Киеве и Переяславле Южном.

Большинство исследователей (Макарий, Е. Голубинский, П. В. Голубовский, Н. К. Никольский, Д. И. Абрамович и др.) считают И. создателем службы Борису и Глебу, вошедшей в Служебную Минею под 24 июля (старшие списки минеи — рубежа XI—XII вв.). На основе этого текста впоследствии были составлены новые редакции службы, более пространные (см. в кн.: Абрамович. Жития св. мучеников, с. 143—167). Если атрибуция службы верна, то И. является первым русским автором, работавшим в этом жанре.

Изд.: Срезневский. Памятники, стб. 31—32; Голубовский П. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547—1579 г. — ЧИОНЛ, 1900, кн. 14, вып. 3, с. 125—164; Голубинский. История церкви, т. 1, 2-я пол., с. 508—513; Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, с. XX—XXII, 133—143.

Лит.: Макарий. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1889, т. 1, с. 98—100; Калинников В. Митрополиты и епископы при святом Владимире. — Тр. Киев. духовн. акад., 1888, № 7, с. 554—560; Никольский. Повременный список, с. 48—58; Українські письменники, с. 70.

О. В. Творогов

Иоанн (ум. 1089 г.) — по предположению М. Д. Приселкова, митрополит Киевский с 1077 по 1089 г. (Приселков именует его

Иоанном I), предполагаемый автор посланий и ответов на канонические вопросы. В. Г. Васильевский высказал предположение, что И., грек по происхождению, носил имя Христа Продрома. И. трижды упоминается в *Повести временных лет* под 1086, 1088 и 1089 гг. Он отпевал убитого князя Ярополка Изяславича, участвовал в освящении церкви св. Михаила в Выдубицком монастыре. В летописной статье под 1089 г. сказано, что И. «муж хытр книгам и ученью, милостив убогым и вдовицям, ласков же ко всякому, богату и убогу, смерен же и кроток, молчалив, речист же книгами святыми утешая печалныя, и сякого не бысть преже на Руси, ни по немь не будет сяк».

И. приписывают два послания и ответы на канонические вопросы.

В послании к папе римскому Клименту III («К архиепископу римскому от Иоанна митрополита русскаго о опресноцех») Иоанн укоряет «латинян» за уклонение от ортодоксальной веры и критикует «беззаконное» отправление обрядов. Списки послания сохранились с XIV в. Текст его издавался К. Ф. Калайдовичем в 1821 г. (считавшим, однако, что это послание к папе Александру III митрополита Иоанна IV) и А. С. Павловым.

«Поучение от седми сбор на латину», сохранившееся в списках с XIV в., А. Н. Попов считал второй редакцией послания к папе Клименту, а А. С. Павлов — компиляцией, слившей это послание с посланием митрополита *Никифора* к волынскому князю Ярославу Святополчичу и самому И. не принадлежащей. «Ответы» или «Правила» И. («Иоанна митрополита русскаго, нареченнаго пророком Христа, написавшаго правило церковное от святых книг вкратце Иакову черноризцу») были написаны первоначально по-гречески, затем переведены на русский язык. В них различные нормы поведения мирян, монахов и духовенства соотносятся с постановлениями церковных соборов, установлениями отцов церкви, Св. писанием. Существует предположение, что И. принадлежит лишь часть ответов (см. в кн.: Щапов. Византийское, с. 173—177). Правила издавались К. Ф. Каладовичем, затем А. С. Павловым и в VI т. РИБ. В. Г. Васильевский предположил, что слова «пророком Христа» — это неверно понятые и переведенные родовое имя Иоанна («Продром») и его личное имя (Христос).

Перечень списков произведений, принадлежащих И. приведен у Н. К. Никольского.

Изд.: Калайдович К. Ф. 1) Послание Иоанна митрополита русского. — В кн.: Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 86—103; 2) Послание митрополита Иоанна к папе Александру III о заблуждениях римской церкви. — В кн.: Памятники российской словесности. М., 1821, с. 205—218; Григорович В. И. Послание митрополита Иоанна II. — Учен. зап. II отд. имп. АН, СПб., 1854, кн. 1, отд. 3, с. 1—20; Макарий. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868, т. 2, с. 182—186, 369—376; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 58—62, 169—186; Канонические ответы митрополита Иоанна II. — Памятники древне-русского канонического права. СПб., 1880, ч. 1 (РИБ, т. 6), стб. 1—20.

Лит.: Неволин К. А. О митрополите Иоанне II как сочинителе послания к архиепископу римскому Клименту о опресноках. — Изв. имп. АН по ОРЯС, СПб., 1853, т. 2, стб. 95—101; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: (XI—XV в.). М., 1875, с. 91—99; Яцимирский А. И. Из славянских рукописей. М., 1898, с. 11—13; Пападимитриу С. Д. Иоанн II, митр. Киевский и Феодор Продром. — Летопись истор.-филол. о-ва при Новорос. ун-те. Одесса, 1902, т. 10, Визант.-славян. отд., т. 7, с. 1—54; Никольский. Повременный список, с. 211—225; Васильевский В. Г. Византия и печенеги. — В кн.: Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 174—175; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; Українські письменники, с. 70—72; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

О. В. Творогов

Иоанн (в миру Илья) (ум. 7 IX 1186 г.) — архиепископ Новгородский, автор поучений, был священником церкви св. Василия в Новгороде. 28 марта 1165 г. был поставлен новгородским епископом (с 1167 г. архиепископом). Совершил поездку по церковным делам в Киев, а в 1172 г. — во Владимир для переговоров с суздальским князем *Андреем Юрьевичем Боголюбским*. При И. в Новгороде было возведено много церквей. Перед смертью постригся под именем И., похоронен был в Софийском соборе в Новгороде, где в 1439 г. были открыты его мощи. Собором 1547 г. И. был канонизирован. На архиепископском престоле ему наследовал его брат Гавриил (архиепископ в 1186—1195 гг.).

Сведения о И. содержатся в *Летописи Новгородской первой* под 1165, 1167, 1169, 1170, 1172, 1173, 1179, 1180, 1182 и 1184—1186 гг., в Сказании о битве новгородцев с суздальцами и в Житии, написанном в 70—80-х гг. XV в. Пахомием Логофетом. В Сказание и Житие вошли легендарные предания о И. как по его молитве совершилось чудо от иконы Богородицы во время осады Новгорода суздальцами в 1170 г. и о путешествии И. на бесе в Иерусалим (см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 95—185).

И. считают одним из трех иереев, обращавшихся с каноническими вопросами к епископу *Нифонту* (так называемое «Вопрошание Кириково»): последний раздел памятника имеет подзаголовок «Ильино». Однако высказывалось мнение, что И. не спрашивал Нифонта, а его ответы были присоединены к ответам Нифонта *Кирику Новгородцу*. «Вопрошание» входит в списки Кормчих книг начиная с XIII в. Там же читается каноническое разъяснение, озаглавленное «Илья архиепискуп новгородьский исправил с Белгородскым епископом» (нач.: «Оже ся пригодить у службы любо попу, ли дьякону забыти влити вина или воды. . .»). Полагают, что оно было составлено во время поездки И. в Киев совместно с Белгородским епископом, временно возглавлявшим в то время митрополию. К. Калайдович высказал догадку о принадлежности И. еще двух правил, входящих в Кормчие: правила епископам

(нач.: «Всею силою и всею мощью должны архиепископы. .») и правила черноризцам (нач.: «Единаго воследовавше Христу иноцы. .»), но для ее обоснования нет достаточных данных.

Для истории древнерусской литературы ценность представляет дошедшее до нас Поучение И. А. С. Павлов исследовал его и опубликовал по сборнику ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 147 (б. Музейное собр., № 2515). Поучение не надписано. Оно начинается словами: «Се богови тако изволшу и святей богородице и вашей молитве. . .». По косвенным данным А. С. Павлов атрибутировал поучение И. и установил, что оно было произнесено в 1166 г., в воскресение первой недели поста (которое приходилось в этом году на 12 марта). Поучение обращено к духовенству. И. призывает слушателей воздерживаться от пьянства, ростовщичества, излишней строгости при наложении епитемьи, осуждает участие священнослужителей в народных игрищах, перечисляет некоторые нарушения церковных установлений. В Поучении говорится также об обычных прегрешениях паствы: осуждается пьянство, неблагочинное поведение в церкви, злоупотребление крестным целованием. И. осуждает женщин, обращающихся за помощью к волхвам, подсказывает иереям возможности последующего церковного освящения внебрачных связей и т. д. Поучение написано живым, простым языком, содержит ценные сведения для историка и этнографа.

Еще до публикации А. С. Павлова исследователи были знакомы с выдержкой из этого Поучения, которую привел И. И. Срезневский (не описывая самого памятника и не атрибутируя его) по Дубенскому сборнику (ГПБ, собр. ПДА, № 129): «А о турех и о лодыгах и о коледницах и про беззаконный бой, вы, попове, уимайте детей своих, или кого убивают и вы над ним не пойте в ризах, ни просфур приимайте» (Срезневский. Сведения и заметки, № 57, с. 314). А. Н. Веселовский и А. Фаминицын толковали на основе этой выписки языческие обряды. Поучение вошло в список первой редакции «Измарагда» ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 204 (л. 238), где озаглавлено: «Слово Иоанна Златоуста к попам и к простым людем». Начинается оно не с начала, а со слов: «И о сем вы хощу начати первое слово, еже бе нам самим не вельми пригвождатися свете сем. .». Фрагмент из этого списка приводит А. С. Архангельский (см.: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 4, с. 66—69), но не высказывает мнения о происхождении памятника.

Филарет допускал, что И. имел отношение к новгородскому летописанию. Но приводимая им ссылка на статью 1144 г. НIЛ в настоящее время единодушно рассматривается как указание на летописца *Германа Вояту*.

Изд.: Калайдович К. Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с. 219—224; Павлов А. Неизданный памятник русского церковного права XII века. — ЖМНП, 1890, октябрь, с. 275—300; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3, с. 240—250, 321—322; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (Памят-

ники XI—XV вв.). Изд. 2-е. СПб., 1908 (РИБ, т. 6), с. 57—62, 75—78; Приложения, с. 347—376; Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. — ЧОИДР, 1912, кн. 3, с. 107—109, 375—380.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 52—54; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 660—663, 674, 819—821; Судаков А. С. Иоанн-Илия. — ПБЭ, т. 6, с. 892—895; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 352—353; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 189—193.

О. В. Творогов

Иоанн (XI в.). Предполагаемый составитель Начального свода И. стал игуменом Киево-Печерского монастыря, видимо, в 1088—1089 гг. после смерти *Никона*. Он упоминается в *Повести временных лет* под 1089 г. в сообщении об освящении монастырской церкви Богородицы и в статье 1074 г. — в рассказе о подвижниках Киево-Печерского монастыря, когда участвует в погребении монаха Исаакия и в *Патерике Киево-Печерском* (см. издание Киево-Печерского патерика в кн.: ПЛДР. XII век. 1980, с. 430, 441—444 (имя игумена не названо), 518, 554, 560, 612). Там, в частности, повествуется, как князь Святополк (1093—1113 гг.) сослал игумена И. в Туров, раздосадованный тем, что И. обличает его «несытство», «богатства» и чинимые им насилия, но через некоторое время возвратил И. в монастырь. Это возвращение И. произошло, вероятно, во время междоусобной борьбы, вспыхнувшей после ослепления Василька Теребовльского в 1097 г. Когда окончилось игуменство И., неизвестно, но в 1108 г. печерским игуменом летопись называет уже Феоктиста.

М. Д. Приселков выдвинул гипотезу, что игумен И. был составителем Начального свода, считая, что Начальный свод связан своим происхождением с Киево-Печерским монастырем и что в заголовке начального свода и заключительной статье его звучат те же обвинения князей в «несытьстве», какие приписывает Иоанну Киево-Печерский патерик. А. А. Шахматов, напротив, утверждая связь Начального свода с монастырем, подчеркивал, что «книжная традиция не сохранила нам имени составителя» (Шахматов. Предисловие к Начальному своду, с. 253). Связывает составление Начального свода с игуменом И. и Б. А. Рыбаков, не приводя, однако, дополнительной аргументации этой атрибуции.

Лит.: Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, 1909, т. 13, кн. 1, с. 253; Приселков М. Д. 1) Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923, с. 71—74, 78—86; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 34—36; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 245, 249, 254, 259 и др.

О. В. Творогов

Иоанн (XI в.) — писец, имя которого упоминается в приписках к двум старейшим древнерусским сборникам — *Изборнику* Святослава *1073 г.* и *Изборнику 1076 г.* В Изборнике 1073 г.

после слова «аминь», заключающего последнюю статью «О апостолех», следует приписка: «А коньць вьсем книгам. Оже ти собе не любо, то того и другу не твори. В лето 6581 (1073) написа Иоанн диак изборьник сь великууму князю Святославу». В Изборнике 1076 г. на л. 275 об. — 276 следующая запись: «Коньчяшя ся книгы сия рукою грешьнааго Иоана, избьрано из мъног книг княжих; идеже криво братие исправивъше чьтете, благословите, а не кльнете. Амин. Кончах книжькы сия в лето 6584 лето при Святославе князи Русьскы земля. Амин».

Высказывалась мысль о тождестве одного из переписчиков Изборника 1073 г. с одним из переписчиков другой рукописи. Палеографические данные не препятствуют этому отождествлению, однако оно остается гипотетичным. Имя дьякона И. как и имя князя Святослава в Изборнике 1073 г. написано по стертому тексту. Существует предположение, что первоначально здесь читалось имя переписчика болгарского оригинала Изборника и имя заказчика рукописи — болгарского царя Симеона (см. Изборник 1073 г.).

Лит.: Калайдович К. Иоанн екзарх Болгарский. М., 1824, с. 104; Филологические наблюдения А. Х. Востокова / Изд. по поруч. II отд. имп. АН И. Срезневским. СПб., 1865, с. 3, 19; Воскресенский Г. Славянская хрестоматия: Сборники по славянским наречиям. М., 1882, вып. 1, с. 50; Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, с. 10—11; Изборник 1076 г. М., 1965, с. 31, 95—123; Розов Н. Н. Книга древней Руси. М., 1977, с. 20—24, 31—33; Рыбаков Б. А. «Оже ти собѣ не любо, то того и другу не твори». — В кн.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977, с. 217—220; Жекова Л. За правописа на двамата преписвачи в Изборника от 1076 г. — Старобългарска литература, София, 1979, кн. 5, с. 107—109.

О. В. Творогов

Иоанн епископ Ростовский (XII—нач. XIII в. или перв. пол. XIV в.) — автор Поучения в неделю цветную.

Поучение известно в одном списке XVI в., обнаруженном И. А. Бычковым в *Прологе* за мартовское полугодие из собрания Ф. И. Буслаева (ГПБ, F.I.723). Оно озаглавлено: «Поучение в неделю цветную священноепископа Иоанна Ростовского к правоверным крестьяном» (нач.: «Благодать божественаго таиньства и вседелельна сила, съвыше поданое роду человеческому крестьянскыя истинныя правоверныя веры»).

«Цветная неделя» — воскресенье 6-й недели поста («вербное воскресенье»), последнее перед «страстной» неделей. Это определяет и содержание Поучения. После торжественного обращения к слушателям автор говорит о себе и о своей миссии: «И ныне, чада, да будет известно всем вам, да ведати о нас, яко не на покой пришел есмь, но на воспоминание вам духовнаго учениа». Разъясняя смысл праздника, И. постоянно внушает слушателям, что в дни поста они могут очиститься от грехов всего года и спастись: «Аз, смиреный епископ Иоанн поручаюся: аще от всего сердца и от всея душа к богу покаянием обратитеся, можете бо в сию шесть

недель грехов избыти». Повторенная на протяжении всего Поучения в разных вариантах эта мысль подкрепляется примерами из Св. писания. Поучение, созданное для произнесения в церкви, относится к жанру торжественного красноречия. Автор использует приемы риторической амплификации, обращается к аналогиям и иносказаниям (например: как Христа, шествующего в Иерусалим, встречали с финиковыми ветвями в руках, постилали ризы на его пути — «се же образ бысть нашему спасению; да изыдем и мы противу ему. з добрыми детелми, постом, и бдением, и божественным покаянием, и смирением, и милостынею, и безлобием, яко младенци»). Поучение в целом построено по традиционным канонам, известным в творчестве таких проповедников, как *Кирилл епископ Туровский.* Можно отметить лишь несколько бо́льшую простоту и утилитарность ростовской проповеди, обращенной к менее искушенному слушателю.

Принадлежность Поучения к ростовской литературе отражена не только в имени автора, но и в его обращении «ко всем христолюбивым людем, живущим во области пресвятыя Богородица Ростовскыя епископья». Заканчивается оно обращением к святому *Леонтию епископу Ростовскому* — первому ростовскому епископу, убитому своей паствой в 70-х гг. XI в.

Атрибутируя Поучение, И. А. Бычков встал перед выбором одного из двух Иоаннов — епископов Ростовских. Первый занимал кафедру с 1190 по 1213 г.; второй — с 1346 по 1356 г. И. II был поставлен в епископы из архимандритов Московского Спасского монастыря. Архимандритом его сделал великий князь Иван Данилович Калита, факт этот в Воскресенской летописи сопровождается характеристикой И., «мужа честна, сказителя книгам, разумна и словесна, и сановита суща, за премногую его добродетель последу епископом Ростовским поставлен бысть и тамо добре упасе порученное ему стадо» (ПСРЛ, СПб., 1856, т. 7, с. 202). И. А. Бычков склонен именно его считать автором Поучения, хотя никаких аргументов в пользу этого авторства не приводит.

Однако нет веских оснований отвергать возможность авторства и И. I. Его имя во многом связано с установлением культа епископа Леонтия, чьи мощи были обнаружены в Ростове в 1164 г. (см. *Житие Леонтия Ростовского*). Считается, что именно он ввел празднование обретения мощей Леонтия в 1190 г. и он же написал канон Леонтию, помещенный в Минее (встречается и отдельно в рукописных сборниках, напр., ГПБ, собр. Титова, № 241 (1962), л. 90: «Канон святителю Леонтию Ростовскому, творение Иоанна епископа»). В некоторых рукописных святцах сам И. I считается святым; его память празднуется 17 января (см.: Летописец о Ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890, изд. ОЛДП, № 94. Примеч., с. 7).

И. I был довольно заметным церковно-политическим деятелем, связанным с князем Всеволодом Большое Гнездо; он был духовником князя, пославшего его в 1190 г. в Киев к митрополиту Никифору для поставления в Ростовские епископы; зато потом Все-

волод, пытаясь в борьбе с боярами опереться на более широкие круги населения, созывает в 1211 г. «всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди» (см: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, с. 167). Летопись сообщает о строительной деятельности И.: при нем закладывается, обновляется, освящается ряд церквей во Владимире и Суздале: в этой связи летописец отмечает: «отверъзени бо бесте ему очи сердечнеи от бога на церковную вещь, еже пещися ею яко пастуху, а не наемнику» (см.: Указатель к осьми томам полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею. СПб., 1875, т. 1, с. 441). В 1211 г. И. венчает сына Всеволода, князя Юрия, а в 1212 г. погребает великого князя Всеволода. Со смертью Всеволода завершилась и карьера И. Он не устраивал нового князя Юрия Всеволодовича, поставившего на его место игумена Рождественского монастыря *Симона*. В 1213 г. И. оставляет епископию и постригается в Боголюбове, а затем, по-видимому, уходит в Суздаль, в Козмодемьянский монастырь (см.: Н а с о н о в. История, с. 200, 223).

Тем не менее ни сам текст Поучения, ни факты из биографии И. I не дают оснований для атрибуции ему произведения. В этой связи, может быть, стоит обратить внимание на некоторую странность в написании имени и титула епископа в рукописи XVI в. В заглавии Бычков прочел имя епископа ИIоанн, между тем как в рукописи «и» — стоит в конце строки под небольшим надстрочным знаком — «й», а имя епископа (Iоанн) начинает другую строку. Во втором случае, на л. 17 Бычков передал текст следующим образом: «Аз смиреный иепископ Iаоанн поручаются»; здесь, при слитном написании слов, имя епископа начинается с «I», а «и» перед словом епископ также имеет надстрочный знак «й». Не означали ли в протографе списка XVI в. «й» цифру 8, и, таким образом, не было ли указано, что Иоанн является восьмым ростовским епископом, что соответствует летописным сведениям и отражено в списке иерархов П. Строева (1. Леонтий, 2. Исаия, 3. Нестор. 4. Леон, 5. Федор, 6. Николай, 7. Лука, 8. Иоанн, в некоторых случаях со ссылкой на *Летопись Ипатьевскую*)? Однако эти соображения являются только догадкой.

Установить авторство одного из ростовских епископов Иоаннов и тем самым отнести Поучение на неделю цветную к кон. XII—нач. XIII в., или же к середине XIV в. пока не представляется возможным.

Изд.: Б ы ч к о в И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб. 1897, с. 39—40, 338—342 (Прилож. 1).

М. Д. Каган

Иоанн см. *Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора.*

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Написана в 75—79 гг. Иосифом сыном Маттафии, участником восстания против Рима, перешедшим затем на сторону римлян; он пользовался расположением императоров Веспасиана и Тита и получил право именовать себя их фамильным прозвищем Флавий. Издание греческого оригинала см. в кн.: Josephi Flavii opera / Ed. B. Niese. Berolini, 1894, vol. 7.

И. состоит из семи книг. В центре внимания автора, естественно, оказывается восстание в Иудее в 67—73 гг.: характеристика политических разногласий среди восставших, описание ожесточенных сражений их с римскими легионами, осады и взятия Иерусалима Титом. Но эти события изображены на широком историческом фоне: Иосиф предпосылает изображению современных событий очерк истории Иудеи со времени захвата Иерусалима Антиохом (в 175 г. до н. э.), постоянно переносит повествование в Рим, сообщая о событиях, происходящих в столице империи. И. — выдающийся литературный памятник: автор стремится к живости изложения, следит за образностью и благозвучием языка, умело, в лучших традициях античной стилистики, строит диалоги и монологи, и даже в описаниях событий стремится к синтаксическому параллелизму, традиционным метафорам, образным перифразам. Эти литературные достоинства были поняты и оценены древнерусским переводчиком, который не только сумел сохранить стилистические достоинства оригинала, но вступает с автором в творческое соревнование, добиваясь еще большей выразительности повествования, используя в переводе формулировки и образы, традиционные для оригинальной русской литературы того времени. Перевод И. сделан с большой стилистической свободой, текст оригинала в некоторых случаях сокращен (главным образом за счет второстепенных сюжетных мотивов и подробностей), в других — дополнен сравнительно с греческим оригиналом И. О происхождении этих дополнений идут споры; по мнению Н. А. Мещерского, они могут принадлежать русскому переводчику.

Перевод И. был осуществлен в XI—XII вв. До нас дошли две его редакции. Хронографическая редакция содержит полный текст И. (за исключением вступления к ней). Она сохранилась в составе двух хронографов, восходящих к хронографическому своду XIII в., — *хронографах Архивском* и *Виленском*. Остальные списки И. относятся к Отдельной редакции — ее текст встречается отдельно от хронографа. Отдельная редакция также содержит полный текст памятника, однако начинается он с гл. 26 первой книги. Старшие списки Отдельной редакции датируются концом XV в. К спискам, указанным в книге Н. А. Мещерского («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, с. 15—20), следует добавить еще список ГПБ, Нового собр. рукоп. книг 1918, № 27 рубежа XV—XVI вв.

И. в Отдельной редакции широко распространилась в древнерусской литературе. Она вошла в состав ВМЧ (в том за январь, июль и декабрь — рукописи ГИМ, Синод. собр., № 178, л. 797—

917, № 182, л. 856—953; № 991, л. 776—890), в состав Лицевого свода (рукопись БАН, 17.17.9), в ряде случаев текст И. входит в состав компиляции «О трех пленениях Иерусалима». Извлечения из И. читаются в главах 93, 111—114 Хронографа редакции 1512 года (см. Хронограф Русский) и соответственно в последующих редакциях памятника.

На принадлежность перевода И. ко времени не позднее XII в. говорит, в частности, отмечавшаяся исследователями фразеологическая близость памятника к *Летописи Ипатьевской* (А. С. Орлов) и к *Слову о полку Игореве* (Е. В. Барсов и В. Н. Перетц). На текст И. ссылаются автор *Повести о житии Александра Невского*, Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе», Иван Грозный, Иван Наседка, протопоп Аввакум.

Изд.: Berents A., Grass K. Flavius Josephus von Jüdischen Kriege. Dorpat, 1924—1927, t. 1—2 (пер. на нем. яз.); Istrin V. La prise de Jérusalem par Josèphe le Juif, vol. 1—2. Paris, 1934—1938 (с пер. на фр. яз.); Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958; La prise de Jérusalem/ Traduction de P. Pascal. Monaco, 1964 (пер. на фр. яз.).

Лит.: Срезневский. Сведения и заметки, № 85; Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1, с. 213—259; Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913, с. 27—32 (ПДПИ, т. 180); Истрин В. М. «Иудейская война» Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — В кн.: Сб. статей, посв. проф. Борису Михайловичу Ляпунову. Одесса, 1922, с. 27—40; Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». 3. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. — ИОРЯС за 1924 г., 1925, т. 29, с. 43—55; Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 118—123; Мещерский Н. А. 1) Из наблюдений над древнерусским переводом Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. — Докл. АН СССР. Сер. В, № 2, 1930, с. 19—25; 2) Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, 1958, т. 15, с. 58—72; 3) Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, 1964, т. 20, с. 180—231; 4) Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978, с. 94—108; Адрианова-Перетц В. П., Покровская. Древнерусская повесть, с. 84—86; Гудзий Н. К. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — В кн.: Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941, с. 38—47; Назаревский. Библиография, с. 103—104; Hoecherl A. Zur Übersetzungstechnik des altrussischen «Jüdischen Krieges» des Josephus Flavius. München, 1970: Творогов О. В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 124—130.

О. В. Творогов

К

Кирик Новгородец (XII в.) — диакон и доместик Антониева монастыря в Новгороде, автор математического трактата и канонических вопросов. В истории древнерусской письменности с его

именем связывали несколько сочинений: «Вопрошание Кирика, иже воспроси епископа Нифонта и инех», «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (в котором есть приписка, содержащая сведения о К. авторе сочинения, а также приведена точная хронологическая дата написания сочинения — 1136 г.). Кроме того, считается, что с именем К. связаны отдельные статьи в НIЛ, (статьи под 1136—1137 гг.). Выдвигалось предположение, что Кирик перевел византийское историографическое сочинение константинопольского патриарха Никифора, известное на Руси как *Летописец вскоре* и «Пятикнижие» Моисея.

Одно из первых известий о К. в исторической науке, по-видимому, содержится в письме (1820 г.) историка К. Ф. Калайдовича к государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву. В начале же 20-х гг. прошлого столетия К. Ф. Калайдович издал текст «Вопрошения Кирика» и заключительную часть «Учения о числах» (по рукописи, ныне хранящейся в ГПБ, собр. Погодина, № 76). Впервые полный текст «Учения» опубликовал митрополит Евгений (Болховитинов) в 1828 г. В разное время в течение более 160 лет к сочинениям и проблемам, связанным с отождествлением сочинений К., его роли в древнерусской книжности и письменности обращались, кроме уже названных выше ученых, В. В. Бобынин, А. Х. Востоков, Е. Е. Голубинский, Н. Н. Дурново, В. Н. Зубов, Д. С. Лихачев, Е. Ю. Перфецкий, Н. В. Степанов, Н. В. Хавский, А. А. Шахматов, А. П. Юшкевич, в последние годы М. Ф. Мурьянов и Р. А. Симонов.

Первое из названных сочинений К., «Вопрошание», изучено недостаточно полно как в текстологическом, так и в источниковедческом аспекте. Существовало мнение, что оно является составной частью «Учения о числах». Однако, по-видимому, это вполне самостоятельное сочинение, в центре которого стоят вопросы догматически-канонического характера, обсуждавшиеся в среде церковнослужителей и прихожан Древнего Новгорода. Изучение текстологического и источниковедческого аспектов сочинения представляется насущной задачей современных исследователей.

Сочинение К. «Учение о числах» представляет несомненный интерес для изучения формирования астрономических и математических взглядов и воззрений у древнерусских книжников, а он сам считается первым русским математиком, известным нам по имени, и автором древнейшего сохранившегося математического сочинения Древней Руси. Историки астрономии считают, что «Учение» — первая русская оригинальная статья о календаре, в которой не только представлена система пасхального вычисления, но и даны теоретические основы календарного счета. В последнее время в сочинении К. обнаруживают следы влияния представлений античных взглядов (в частности, пифагорейской школы) о круговой модели движения времени, соответствующей характеру видимого перемещения небесных тел. Подобные космологические представления были известны, по-видимому, К. через какие-то недошедшие переводные космографические сочинения. Однако

в сочинении К., безусловно, есть свидетельства знакомства автора с сочинениями византийских хронистов. Во всяком случае этот вопрос требует тщательного исследования. До сих пор не выполнен также полный текстологический анализ дошедших четырех списков «Учения о числах» (ГПБ, собр. Погодина, № 76, л. 342—346; Архив ЛОИИ СССР АН СССР, собр. Археогр. ком., № 245 (б. Соф. 475), л. 45 об.—50 об. (до недавнего времени этот список считался пропавшим); ЦГАДА, собр. Мазурина, ф. 196, № 1069, XVIII в., л. 115—116 об.; ГБЛ, собр. Румянцева, № 35, XIX в., л. 1—4 — копия со списка собр. Археогр. ком. Предварительное же изучение текстов дошедших списков позволяет подтвердить традиционное мнение (высказанное еще в XIX в.) о существовании единого сочинения «Учения о числах» (а не выделять еще и «новое» сочинение автора — «Учение о дробном числе», как это было предложено в недавнем исследовании Р. А. Симонова).

В работах современных исследователей, в отличие от ученых XIX в. и начала XX в., приводятся убедительные доказательства, что Кирик не был переводчиком сочинения патриарха Никифора и «Пятикнижия Моисея».

В настоящее время наиболее полной и подробной работой, в которой рассматриваются проблемы, связанные с изучением рукописного наследия Кирика, является книга Р. А. Симонова.

Изд.: Калайдович К. [Ф.] Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с. 165—203; Е [в г е н и й]. Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому. — В кн.: Тр. и летописи ОИДР. М., 1828, ч. 4, кн. 1, с. 122—129; «Се иесть въпрошание Кюриково, неже въпраша иепископа ноугородьского Нифонта и инех» / Подг. А. С. Павлов. — В кн.: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880, ч. 1 (РИБ, т. 6), стб. 21—62; Степанов Н. В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII век). — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 3, с. 129—150; Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, с. 1—27; Зубов В. П. Примечание к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца. — Историко-математические исследования, М., 1953, вып. 6, с. 173—212 (Фотографическое воспроизведение текста «Учение о числах»).

Лит.: К [а л а й д о в и ч] К. [Ф.] Прибавление к статье «О времени перевода нашей Библии». — В кн.: Тр. ОЛРС. М., 1823, ч. 3, с. 169—173; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 203—204; 211—212; 442; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI—XII вв. М., 1978, с. 179—180; Симонов Р. А. Кирик Новгородец ученый XII века. М., 1980; Пиотровская Е. К. Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР. — ТОДРЛ, 1985, т. 40, с. 379—384.

Е. К. Пиотровская

Кирилл (ум. до 1182 г.) — епископ Туровский, церковный деятель, автор поучений, торжественных слов и молитв. Сведения о жизни К. крайне скупы. Согласно проложному сказанию, составленному, как полагают, в XIII в. и изданному в 1858 г. М. И. Сухомлиновым, К. родился в г. Турове в состоятельной семье. Он постригся в монахи и некоторое время был «затворником»; труды К. над «изложением божественных писаний» принесли

ему известность, и по требованию князя и горожан он был поставлен епископом в г. Турове (*Летопись Ипатьевская* именует его епископом в 1169 г.). Сказание упоминает о полемике К. с епископом-еретиком Феодором (Федорцом), о переписке с князем *Андреем Юрьевичем Боголюбским*, и многочисленных произведениях — «словах» на церковные праздники, канонах, молитвах, похвалах святым. В 1182 г. Ипатьевская летопись называет Туровским епископом Лаврентия, следовательно, к этому времени К. либо оставил епископский стол, либо уже умер.

Из большого числа произведений, приписываемых К., несомненно ему принадлежат «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и о мнишестве», «Сказание о черноризцем чине», восемь слов на церковные праздники, тридцать молитв и два канона.

«Кирила мниха притча о человечестей души и о телеси, и о преступлении божия заповеди, и о воскресении телесе человеча, и о будущемь суде и о муце» написана, по мнению И. П. Еремина, между 1160—1169 гг. и является обличительным памфлетом против ростовского епископа Федора (Федорца), а возможно и против князя Андрея Боголюбского. Притча использует сюжет аполога о слепце и хромце: слепой сторож (аллегория души) носил на плечах хромого (аллегория тела), и совместно они смогли обокрасть сад своего господина. Несмотря на взаимные обвинения в подстрекательстве оба были признаны виновными и казнены. И. П. Еремину было известно 24 списка притчи, старшие из которых восходят к XIV в.

«Повесть Кирилла многогрешнаго мниха к Василию игумену Печерьскому о белоризце человеце и о мнишьстве, и о души и о покаянии» рассматривалась как послание к игумену Киево-Печерского монастыря Василию, но Василий стал игуменом в 1182 г., когда К., возможно, уже не было в живых. Полагают, что имя Василия попало в заглавие Повести случайно, в списках XVI в. По мнению М. И. Сухомлинова, сюжет повести восходит к одному из апологов *Повести о Варлааме и Иосафе.* И. П. Еремину было известно 9 списков повести и два отрывка из нее.

Сказание «о черноризском чине» (в рукописи: «Кюрила епископа Туровьскаго сказание о черноризьчьстемь чину, от вътхаго закона и новаго: онаго образ носяща, а сего делы съвьршающа») известно в 29 списках начиная с XIII в., встречаются также отрывки из сказания.

Наибольшую известность приобрели торжественные слова К., написанные на двунадесятые праздники и на воскресные дни пасхального цикла. Бесспорно принадлежат К. следующие слова: «В неделю цветную о сказании евангельстемь святаго Кирила», «Слово Кюрила недостойнаго мниха на святую Паску во светоносный день воскресения Христова от пророческых сказаньи», «о Фомине испытании ребр господень» («Слово Кирила недостойнаго мниха по Пасце, похваление въскресения, и о арътусе, и о Фомине испытаньи ребр господних»), «Святого Кюрила мниха слово о сънятии тела Христова с креста, и о мюроносицах, от ска-

зания евангельского, и похвала Иосифу в неделю 3-ю по Пасце», «Того же грешнаго мниха слово о расслабленемь, от Бытия и от сказания евангелскаго, в неделю 4 по Пасце», «Кюрила мниха слово о слепьци и о зависти жидов, от сказания евангельскаго, в неделю 6-ю по Пасце», «Кюрила недостойнаго мниха слово на възнесение господне в четверток 6 недели по Пасце, от пророчьских указаний, и о въскрешении всеродьна Адама из ада» и «Кюрила грешнаго мниха слово на сбор святых отець 300 и 18, от святых книг указание о Христе, сыне божии, и похвала отцем святаго Никейскаго събора, в неделю преже пянтикостия».

Принадлежность некоторых слов и поучений К. остается спорной. М. И. Сухомлинов, помимо изданных И. П. Ереминым, публикует следующие произведения, приписывавшиеся К.: 1) «В неделю пятидесятную поучение на пришествие святаго духа и на святыя апостолы»; 2) «того же Кюрила наказанье», 3) «В неделю пятую по Пасхе слово о поучении церковном», 4) «В неделю 23-ю поучение некоего человека верна к духовному брату», 5) «В неделю 19, слово святаго Кирила философа о исходе души и восходе на небо», 6) «В неделю 28 слово святаго Кирила о небесных силах: чего ради создан бысть человек на земли», 7) «Слово святаго отца Кирила о страсе божии», 8) «Слово святаго отца Кирила, архиепископа Александрейскаго о страсе божии», 9) «Слово святаго Курила епископа о том, яко не забывати учителей своих», 10) «Кирила мниха о преступлении и изгнании и заповеди божиа Одамле из раю», 11) «Слово святого Кирила отца о первозданнем».

Наиболее спорна принадлежность К. текстов 2, 4—7, 9 и 11 (см. работы Е. Петухова, Н. Никольского, Антония, Л. В. Стояновича и С. Г. Вилинского). Притча, повесть, сказание и слова Кирилла издавались К. Ф. Калайдовичем, М. И. Сухомлиновым, А. И. Пономаревым; лучшее издание осуществлено в 1955—1958 гг. И. П. Ереминым. К. приписывают также около тридцати молитв и два канона («канон молебен» и канон «на успение преподобныя княгини Ольги, бабы Владимеря»), изданные неоднократно (Макарием в 1856 и 1857 гг. и в «Истории русской церкви», И. И. Срезневским в 1856 г.; в «Православном собеседнике»; в «Творениях. Кирилла Туровского» и др.).

Слова К. встречаются в древнерусских сборниках начиная с XIII в. Древнейшими из них являются сборники ГПБ, F.п. I.39, (XIII в.), ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 9 и № 11, ГИМ, собр. Уварова, № 589/1770 и Чуд. собр., № 20 (все — XIV в.). Существовавшее ранее мнение, что слова К. входят в состав «Златоуста» не подтверждаются: они встречаются лишь в отдельных списках, представляющих переработку традиционного состава «Златоуста». Помимо списков, учтенных И. П. Ереминым в его издании сочинений К., укажем список Ярославского Музея заповедника № 15433, XV в. (в нем читаются 6 слов), и списки XV в., выявленные в рукописных собраниях Москвы Т. А. Алексеевой. Древнейший сборник, содержащий молитвы К., находится в собрании Ярославского музея заповедника, № 15481 (2-й пол. XIII в.).

Литературное мастерство принесло ему прочную и долгую славу; его слова постоянно входят в состав сборников (в том числе в Торжественник) наряду с произведениями знаменитых византийских проповедников и богословов. К. хорошо знал и умело использовал литературные традиции Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Епифания Кипрского, Феофилакта Болгарского, Симеона Логофета, Тита Бострийского. Тем не менее К. не компилятор; он подражает совершенным образцам, как того требовал литературный этикет средневековья, но сам поднимается на их уровень, придавая особое значение литературному совершенству своих произведений. Слова К. отличает продуманность композиции, умелое введение элементов живого диалога, обилие риторических приемов (амплификация, антитеза, сравнения разных типов, яркие метафоры). Творчество К. явилось одним из наивысших достижений литературы XII в.

Изд.: Памятники российской словесности XII в., изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821, с. X—XII, 3—152; Срезневский И. И. 1) Новые списки поучений Кирилла Туровского. — Исторические чтения о языке и словесности за 1854 и 1855 гг. СПб., 1855, с. 137—153; 2) Еще одно поучение Кирилла Туровского по неизданным спискам. — Там же, с. 221—231; 3) Еще заметки о творениях Кирилла Туровского. — Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II отд. имп. АН за 1856 и 1857 гг. СПб., 1857, с. 175—186; Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский как писатель. — Там же, с. 119—174; Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. — ПС, 1857, с. 212—260, 273—351 (репринт: Kirill von Turov. Gebete. München, 1965 (Slavische Propyläen, Bd 6)); Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858, т. 2 (текст вступительной статьи переиздан в его кн.: Исследования по древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1908, т. 85, с. 273—349); Евгений. Творения отца нашего Кирилла епископа Туровского. Киев, 1880; Попов. Библиографические материалы, № 20, с. 127—146; Пономарев А. И. Св. Кирилл епископ Туровский и его поучения. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. проф. А. И. Пономарева. — СПб., 1894, вып. 1, с. 88—198; М.; Л., 1955, т. 2, с. 342—367; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 342; 1956, т. 12, с. 340; 1957, т. 13, с. 409; 1958, т. 15, с. 331—348 (см. репринт: Kirill von Turov. Zwei Erzählungen. München, 1964 (Slavische Propyläen, Bd 5)); Из «Притч» и «Слов» Кирилла Туровского (Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова). — ПЛДР. XII век. 1980, с. 290—323, 660—669.

Лит.: Вадковский А. Древнерусская проповедь и проповедники в период домонгольский: (Критико-библиографическая заметка). — Православное обозрение, 1881, сентябрь, с. 75—96; Петухов Е. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1887, т. 97, № 3; Барсов Е. В. Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского. — Тр. VII археол. съезда в Ярославле 1887. М., 1892, т. 3, с. 46—51; Соколов М. И. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. — Древности: Тр. славян. ком. Моск. археол. о-ва. М., 1902, т. 3, с. 223—238; Стоянович Л. В. Новые слова Климента Словенского. — СОРЯС, 1905, т. 80, № 1; Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. — ПДП, № 152, СПб., 1906, с. 147—150; Сухомлинов М. И. 1) Два семитические сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы. — В кн.: Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. — СОРЯС, т. 85. СПб., 1908, с. 672—677; 2) О псевдонимах в древней

русской словесности. — Там же, с. 441—493; С у ш и ц к и й Т. До питання про літературну школу XII в. — Зап. Укр. науков. товариства в Києві, 1909, кн. 4, с. 3—19; В и н о г р а д о в В. П. Уставные чтения: Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, вып. 3, с. 97—178; С п е р а н с к и й М. Н. 1) К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС, 1921, т. 26, с. 169—171; 2) Ярославський сбірник XIII в. — Наук. зб. за рік 1924. Київ, 1925, с. 29—36; Е р е м и н И. П. 1) Притча о слепце и хромце в древне-русской письменности. — ИОРЯС, 1925, т. 30, с. 323—352; 2) Ораторское искусство Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, 1962, т. 18, с. 50—58 (переизд. в кн.: Е р е м и н И. П. Литература древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1968, с. 132—143); V a i l l a n t A. Cyrille de Turov et Grégoire de Nazianze. — Revue des études slaves, 1950, t. 26, p. 34—50; А л е к с е е в а Т. А. 1) К лингвотекстологическому изучению произведений Кирилла Туровского. — В кн.: Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974, с. 157—170; 2) Сборники постоянного и варьирующегося состава со словами Кирилла Туровского. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 236—247; 3) «Слова» Кирилла Туровского как источник для исторической лексикологии. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 80—90; П р о к о ф ь е в Н. И. К литературной эволюции весеннего пейзажа: (Кирилл Туровский, И. М. Катырев-Ростовский и В. К. Тредиаковский). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве: (XVII—нач. XVIII в.). М., 1976, с. 231—242; А н т о н о в а М. Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый. — ТОДРЛ, 1981, с. 36, с. 223—227; К о л е с о в В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского. — Там же, с. 37—49.

О. В. Творогов

Кирилл (ум. 1230 г.) — епископ Ростовский, биографические сведения о котором есть в *Летописи Лаврентьевской*. Под 1216 г. сообщается, что К., черноризец Дмитриевского монастыря в г. Суздале, поставлен епископом в Ростове, в 1218 г. К. освящал церковь Бориса и Глеба в Ростове, а в 1224 г. — церковь Спаса в Ярославле. В 1228 г. К. разболелся, оставил епископский стол и вернулся в Дмитриевский монастырь, «хотя лечити свои немочь. бяше же ему лице изменилося, акы почернело от недуга, устне отолстели и нос». В это же время, по решению князя Ярослава Вселодовича, К. был лишен всего своего имущества, а до этого он был богат «кунами и селы, и всем товаром и книгами. И просто рещи, так бо богат всем, так ни един епископ быв в Суждальстей области». К. постригся под именем Кириака и роздал оставшееся имущество нищим. К. был погребен 17 апреля 1230 г. в Димитриевском монастыре (см.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. I, стб. 439, 442, 447, 452 и 454).

С именем К. исследователи связывают оживленную книгописную деятельность в Ростове в начале XIII в., предполагают, что К. была составлена большая библиотека и что по его инициативе был осуществлен перевод полной редакции *Жития Нифонта Констанцского*, рукопись с текстом которого сохранилась до наших дней (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 35). Текст Жития сопровождается припиской, согласно которой рукопись была закончена писцами Иоанном и Алексеем 21 мая 1219 г. «в граде Ростове при князи Василце при сыну Константинове, а внуце Всеволожи»,

а далее следует молитвенное обращение: «Святая богородица госпоже помози моему господину Василку и мене грешнаго раба своего Кюрила избави в день судный от вечныя муки». А. И. Соболевский допускал, что в библиотеке К. находился ряд рукописей, сохранившихся до наших дней, в частности Успенский сборник (ГИМ, Синод. собр. № 1063/4), *Златоструй* с Торжественником (ГПБ, F.п.I.46), *«Пандекты» Никона Черногорца* (Ярославский музей-заповедник, № 1/6). О. А. Князевская на основании палеографических и кодикологических данных считает, что в Ростове в нач. XIII в., помимо Жития Нифонта, был переписан Апостол Толковый (ГИМ, Синод. собр., № 7), а также возможно — Троицкий кондакарь (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 23) и Евангелие-апракос (Библиотека МГУ, № 2Ag 80). В. С. Голышенко установила принадлежность руке одного писца рукописей Учительного евангелия Константина Болгарского (ГИМ, Синод. собр., № 262) и Слова Ипполита об антихристе (ГИМ, Чуд. собр., № 12), также относя их к числу ростовских рукописей начала XIII в. Однако, по мнению современных исследователей, написанные в начале XIII в. в Ростове рукописи не обязательно связывать именно с библиотекой К.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 56; Соболевский А. И. 1) Остатки библиотеки XIII в. — Библиограф, 1889, № 6—7, с. 144—145; 2) Остаток библиотеки XIII в. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исслед. в области слав. филологии и археологии. — СОРЯС, т. 88, № 3, СПб., 1910, с. 205—207; Голышенко В. С. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 45—64; Князевская О. А. О ростовских рукописях начала XIII в. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971, с. 145—152; Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—нач. XV в. М., 1980, с. 22—29.

О. В. Творогов

Кирилл (ум. 1233 г.) — митрополит Киевский, предполагаемый автор поучений. Сведения о К. крайне скупы, в связи с чем исследователи относили часть летописных упоминаний имени К. к его предполагаемому преемнику, также Кириллу, и митрополит Кирилл, упоминаемый после 1242—1243 гг., именуется из-за этого то Кириллом II, то Кириллом III. Кроме того, существовало мнение, что Кириллом I следует считать митрополита, занимавшего престол в XI в. между 1039 и 1051 гг. (упоминается в перечне митрополитов перед текстом Никоновской летописи: см. ПСРЛ, СПб., 1862, т. 9, с. XIII), однако в летописях и иных источниках этот митрополит не упоминается.

Первое упоминание о К. относится к 6 января 1223 г., когда он был поставлен в митрополиты (см.: *Летопись Лаврентьевская*. — ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 447, под 1224 г.). *Летопись Новгородская первая* по Синодальному списку уточняет (в рассказе о смерти К.), что он был греком и «приведен бысть из Никея». Летописи указывают, что К. был «учителен зело и хытр учению

божественных книг», однако возможно, что эта характеристика трафаретна и создана под влиянием характеристики митрополита Киевского *Иоанна* (ум. 1089 г.) в *Повести временных лет*: «Муж хытр книгам и учению» (для Лаврентьевской летописи обычно подражание в статьях конца XII—XIII вв., тексту ПВЛ). В 1226 г. К. ставит Митрофана епископом во Владимире. В 1227 г. он способствует заключению мира между Юрием Всеволодовичем и Олегом Курским, а в 1229 г. — между Михаилом Черниговским и Ярославом Всеволодовичем. В 1231 г. К. ставит *Кирилла (ум. 1262) епископом Ростовским*, а Спиридона — архиепископом Новгорода. В некоторых списках Кормчей приводится текст грамоты константинопольского патриарха Германа II (1222—1240), посланной К.; исследователи определяют ее как грамоту «о непоставлении рабов в священный сан и неприкосновенности имуществ и судов церковных» (см.: Востоков. Описание, с. 303—304; РИБ (СПб., 1880, т. 6, ч. 1, с. 79—84). О смерти К. (1233 г.) упоминает НIЛ (по Синод. списку). Это же сообщение повторяется и в ряде поздних общерусских летописей. Согласно Густынской летописи, К. был «русин»; под 1230 г. сообщено, что «посвящен бысть Кирил митрополит киевский, бе искусен в писании и святительстве» (ПСРЛ. СПб., 1843, т. 2, с. 335—336). Это и дало основание предполагать существование в XIII в. трех, а не двух митрополитов, носивших имя Кирилл. Однако в достоверности сообщений Густынской летописи сомневались еще Макарий (История русской церкви. СПб., 1888, т. 3, с. 23, прим. 30) и Е. Голубинский (История церкви, т. I, 1-я пол., с. 289, примеч. 4).

Литературная деятельность К. не более чем догадка. Филарет приписывает ему «Поучение крестьяном» (нач.: «Чада моя милая, первое имейте веру праву. .»), читающееся, например, в сборнике ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 11 (XIV в.) и в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 589/1770, также XIV в. Этот памятник сходен с сочинением Матфея Сарайского (митрополита Алексия), но Филарет считал, что последний переработал сочинение К.

Изд.: Памятники древней русской словесности. — Москвитянин, 1851, кн. 2, № 6, с. 119—134.

Лит.: Материалы для истории русской церкви. М., 1862, т. 1, с. 27—32. Филарет. Обзор, с. 46—47; ПБЭ, т. 1, стб. 393.

О. В. Творогов

Кирилл (ум. 1262 г.) — епископ Ростовский, возможный автор поучений. Сведения о нем содержатся в *Летописи Лаврентьевской*. В 1230 г. ростовские князья Василько, Всеволод и Владимир послали в Суздаль, к отцу своему Юрию Всеволодовичу, с просьбой отпустить на опустевший с уходом в монастырь *Кирилла, епископа Ростовского* (*ум. 1230*) епископский стол игумена и архимандрита монастыря Рождества Богородицы — также К. В Ростове К. торжественно встречают князь, бояре и горожане. В 1231 г. в Софийском соборе в Киеве К. официально ставит епископом Ростову, Ярославлю и Угличу полю *Кирилл* (*ум. 1233*),

митрополит Киевский; по этому случаю в Киево-Печерском монастыре происходит торжественная трапеза. Далее в летописи говорится о деятельности епископа: он освящает храмы, сочетает браком князей и княгинь, в тяжелые годы борьбы с монголо-татарским нашествием погребает великого князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве на р. Сити, а затем и своего духовного сына — князя Василька Константиновича, убитого татарами. Летописец подчеркивает авторитет К. и его «книжность»: народ собирался в соборную церковь в Ростове послушать «ученья его еже от святых книг». Удивляется летописец «любовному ученью же и тщанью» епископа, называет его «словесе детелем» и «учительным» (см.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 453, 456—459, 465—469, 471—476). Эта оценка, содержащаяся в летописи, дала основания считать К. выдающимся церковным писателем и проповедником. Однако еще Е. Петухов допускал, что похвалы «книжности» К. могли быть лишь «риторической формулой», параллели которой исследователь обнаружил в греческом источнике, и что восторженная оценка могла проистекать из личных отношений летописца к епископу или из стремления «выставить и восхвалить своего епископа в противовес другим областям» (Петухов. К вопросу, с. 3). Эта догадка подтверждена: Н. К. Никольский установил, что похвала К. в летописи в «главной своей части . . представляет дословный перевод начала пролога (или глав) диакона Евфалия к посланиям апостола Павла».

Сочинения, приписанные Филаретом К. епископу ростовскому и не имеющие пока убедительной атрибуции, следующие: 1) «Слово святого Кирилла епископа о том, яко не забывати учителей своих» (нач.: «Аще кто велик святитель или малых. . .») в рукописи XVI в., ГИМ, собр. Уварова, № 515/1788, на л. 346 об.; 2) «Поучение святого отца Кирилла архиепископа» (нач.: «Духовное убо семя в ваших душах. . .»). Оно входит в «Измарагд» 2-й редакции, где составляет гл. 65. В «Измаргаде» ГПБ (Солов. собр., № 259/270) это поучение приписано «Кириллу Философу, архиепископу Катанскому». Именно так именовался в некоторых списках проложного жития Кирилл Философ — создатель славянской письменности; 3) «Слово святого отца Кирилла о первозданном» (нач.: «Созда бог Адама от земля и от ребра его. . .»), читается в Измарагде, гл. 114; 4) «Слово святого отца Кирилла, о страсе божии» (нач.: «Всегда, любимии братие и сестры, имеем страх божий. . .»), там же, гл. 119; 5) «Слово святого отца Кирилла о исходе души и о двунадесяти мытарствах» (нач.: «Сея же тайны не сведят мнози. . .»), там же, гл. 129. В Измарагде 1-й редакции читается сходный текст под заглавием «Слово от святых книг святаго отца Кирилла (в некоторых списках добавляется — философа)» (нач.: «Понеже не всем тайна откровена бысть. . .»). Это же слово читается в годовом «Златоусте» в 19 неделю после недели «всех святых» с заглавием: «Слово святого отца нашего Кирилла о небесных силах и чего ради создан бысть человек»

(нач.: «Понеже тайна сия не всем открована. .»). Одноименная статья, читающаяся в неделю 28 после недели «всех святых», имеет то же начало, но в дальнейшем тексты статей существенно различаются; 6) «Слово святого отца Кирилла о небесных силах» (нач.: «От небытия в бытие благий человеколюбец бог. .»), читается в Измарагде 2-й редакции, гл. 164; 7) «Слово святого отца Кирилла архиепископа Киприйского о злых духах» (нач.: «Многи погании еллини, манехеи в бесы веруют диаволом прелщены, а мы суще, рекше, истинныя християне. .») опубликованное в «Москвитянине» по неизвестной рукописи и «Слово святого отца нашего Кирилла о злых и неверных человецех» (нач.: «Мнози неверныя моновениям в бесы веруют и во дьяволы, прелщены, мы же, сущия крестьяне. . .») XVII в., опубликованное Е. В. Петуховым (по списку ГПБ, Q.I.64), представляют собой две редакции одного памятника (текст, опубликованный в Москвитянине», более полный), которые Филарет ошибочно принял за две разные статьи. 8) «Слово в неделю 6-ю (в некоторых списках — 7-ю) по пасце на собор святых отец 300 и 18, сшедшихся на Ария еретика в Никеи» (нач.: «Днесь память святых отец чтется. .»). Эта статья регулярно читается под указанными днями в списках пятидесятного и годового Златоуста. Из перечисленных статей 1-я, 3-я, 4-я и 5-я были опубликованы М. И. Сухомлиновым вместе с сочинениями *Кирилла, епископа Туровского.*

Изд.: Слово св. Кирилла. — Москвитянин, 1844, № 1, с. 241—245; Еще одно поучение Кирилла Туровского по неизданным спискам. — ИпоРЯС, 1855, т. 4, вып. 4, стб. 177—184; Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858, т. 2, вып. 1. О сочинениях Кирилла Туровского, с. 109—119, 125—128, 130—131, 135—136; Поучения Кирилла, епископа Ростовского. — ПС, 1859, ч. 1, с. 244—258; Петухов Е. В. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. СПб. 1887, с. 3—4, 13—16 (СОРЯС, т. 42, № 3).

Лит.: Филарет. Обзор, с. 56—58; Никольский Н. К вопросу о проповеди Кирилла II, епископа Ростовского. — Библиографическая летопись. СПб., 1914, т. 1, с. 122—124.

О. В. Творогов

Кирилл (ум. 1280 г.) — митрополит Киевский, церковно-политический деятель, связанный с кругами книжников. По предположению Пл. Соколова, поддержанному М. Д. Приселковым и другими исследователями, К. упоминается впервые в 1241 г. как печатник князя Даниила Галицкого, которого тот посылает в г. Бакоту «исписати грабительства нечестивых бояр» (см. *Летопись Ипатьевская.* — ПСРЛ, М., 1962, т. 2, стб. 791). Под 1243 г. мы встречаем уже упоминание К. в качестве митрополита, но официальное утверждение его в этом сане произошло, видимо, позднее, во время поездки в Никею, к патриарху (см. там же, стб. 809). В 1251 г. К. выезжает в Новгород на поставление архиепископа Долмата (см. *Летопись Новгородская первая* под этим годом). Тогда же, как полагают, произошел его разрыв с Даниилом Галицким, вызванный сближением князя с папским престолом;

Даниил был коронован папским нунцием в 1253 г. В 1252 г., по сообщению некоторых летописей, К. принимал участие в церемонии возведения Александра Невского на великое княжение и, видимо, оставался у Александра вплоть до смерти князя в 1263 г.: он отпевал князя и, возможно, по его инициативе создается *Повесть о житии Александра Невского.*

В начале 1270-х гг. К. снова в Киеве; в 1273 г. он привозит оттуда для поставления на епископство во Владимире *Серапиона*, в 1274 г. созывает во Владимире церковный собор для устранения разногласий в церковном праве, в 1276 г. к нему в Киев едет на поставление архиепископ новгородский Климент. Умирает К. в Переяславле Залесском, но погребают его в Киеве.

С именем К. исследователи связывают составление летописи в Галицкой земле: по предположению Л. В. Черепнина, материалы «обследования боярских беззаконий», осуществленного К. и стольником Львом, были использованы при составлении летописных статей за 1238—1245 гг. в Летописце Даниила Галицкого. Возможна причастность К. к составлению летописного свода 1281 г. в Переяславле Суздальском. Значительна роль К. в организации церковного управления на Руси. В 1270 г. по просьбе К. из Болгарии был прислан список Номоканона (свода церковных законоположений), легший в основу древнерусской редакции Кормчей. В рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 232 сохранился текст сопровождавшего присланный Номоканон послания к К. (см.: Востоков. Описание, с. 290—291). Несомненно принадлежит К. («Правило Кюрила, митрополита руськаго»), обобщившее решения собора 1274 г. К. приписывается также «Поучение к попам» и несколько статей в составе «Мерила праведного». Согласно другой версии, «Поучение» принадлежит *Серапиону* Владимирскому (см.: Колобанов В. А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом». — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 159—162). Наконец, именно К. и сопровождавшие его в поездке в Новгород галицкие книжники познакомили Владимиро-Суздальскую Русь не только со своими литературными приемами и традициями, но и с некоторыми текстами. Так, видимо, при посредстве митрополита К. в Переяславль был привезен список обширного хронографического свода, включавшего библейские книги, извлечения из переводных византийских *хроник Георгия Амартола* и *Иоанна Малалы*, *Александрию Хронографическую*, *«Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия*; этот список отразился в *Хронографе Архивском.*

Филарет приписывал К. ряд произведений, в частности, вслед за А. Розовым считал его автором «Слова на собор архистратига Михаила» (нач.: «Хотяй преблагий человеколюбец господь бог наш всего мира сотворити от небытия в бытие. . .»). Однако еще Макарий отвергал подобные атрибуции как неосновательные.

Изд.: Правило Кюрилла митрополита руськаго. — В кн.: Русские достопамятности, издав. ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 104—118; Розов А. Кирилла философа слово на собор архистратига Михаила. — ЧОИДР,

1847, № 8, отд. IV; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3, с. 111—114.

Лит.: Шевырев А. С. Обозрение русской словесности в XIII в. — ИпоРЯС, 1854, т. 3, с. 83—85, 87—89; Макарий. О сочинениях митрополита киевского Кирилла II. — Там же, СПб., 1859, т. 8, вып. 3, с. 161—185; Филарет. Обзор, с. 58—62; Голубинский. История церкви, т. 2, 1-я пол., с. 50—89; Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 159—192; Приселков М. Д. 1) Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, с. 83—85; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 104—106; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 40—41; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, № 12, с. 245—251; Лихачев Д. С. 1) Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 49—55; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 263—267; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 58—60; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 146—152, 181—184, 243.

О. В. Творогов

Климент Смолятич (ум. после 1164 г.) — церковный деятель, автор Послания и других не дошедших до нас сочинений. Судя по прозвищу Смолятич, К. был родом из Смоленской земли. Был схимником в г. Зарубе, а в 1147—1155 гг. киевским митрополитом. На митрополичью кафедру К. был возведен по настоянию князя Изяслава Мстиславича, несмотря на противодействие ряда епископов, возражавших против поставления митрополита без санкции константинопольского патриарха. После смерти Изяслава Мстиславича положение К. пошатнулось, и он оставил митрополичий стол.

Летопись Ипатьевская (под 1147 г.) характеризует К. как «книжника и философа», подобного которому не было «в Русской земле». Однако до нас дошло лишь одно произведение, бесспорно ему принадлежащее — «Послание, написано Климентом митрополитом русским, Фоме, прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом». Старший из известных списков Послания (ГПБ, Кир.-Белоз. собр.; № 134/1211) датируется XV в. Памятник состоит из двух частей. Первая — предисловие, в котором К. отводит упреки Фомы, обвиняющего его в тщеславии, в том, что К. мнит себя «философом», вместо «почитаемых писаний» ссылается на Гомера, Аристотеля и Платона. К. отстаивает свое право «пытати потонку божественных писаний», т. е. прибегать при толковании библейских образов и выражений к притчам и иносказаниям, а не ограничиваться буквальным их пониманием. Вторая часть Послания содержит толкования библейских выражений; многие из них имеют параллели в других источниках. Неясна роль «Афанасия мниха», который, судя по заголовку, принимал участие в «истолковании», поэтому степень авторства К. в этой части Послания остается спорной.

К. приписывается также поучение, озаглавленное в списке ГБЛ, собр. Румянцева, № 406, XV в. «В субботу сыропустную память творим святых отець». И. И. Срезневский (Памятники,

стб. 62) предположил, что К. является автором произведения под заглавием: «Слово о любви Климово». Н. Никольский допускал отождествление этого памятника с «поучением о любви» в Торжественнике № 109 Воскресенского собрания (ГИМ) XVI в., но в этом случае атрибуция И. И. Срезневского представляется ему спорной. К. принадлежат также ответы на вопросы *Кирика*, сохранившиеся в изложении последнего.

Изд.: Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892; Лопарев Хр. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. СПб., 1892 (ПДПИ, № 90); Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сборник документов подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1936, с. 154—155 (отрывок послания); Послание Климента Смолятича / Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. — В кн.: ПЛДР. XII в., М., 1980, с. 282—289, 658—660.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 47—50; Ключевский. Древнерусские жития, с. 260—262; Никольский Н. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. 1. К вопросу о неизданном поучении митрополита Климента Смолятича. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 65—73 (то же: СОРЯС, т. 82, № 4, СПб., 1907, с. 95—103); Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 375—390; Гранстрем Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом». — ТОДРЛ, 1970, т. 25, с. 20—28.

О. В. Творогов

Козьма Пскович (XIV в.) — дьяк-писец. До нас дошло несколько богослужебных рукописей, переписанных К. П. Две из этих рукописей примечательны его записями, сделанными на них: Паремийник 1313 г. (ЦГАДА, ф. Б-ки Моск. Синод. типографии, № 61/167) и *Пролог* первой четверти XIV в. (ГИМ, *Синод. собр.*, № 239, *по описанию* Т. Н. Протасьевой № 904). Записи К. П. на полях этих рукописей, рисующие его как остроумного, любящего меткое слово человека, носят очень непосредственный характер, свидетельствуют о хорошем знакомстве их автора с устным народным творчеством. В Паремейнике есть такая запись: «Бог дай съдоровие к сему богатию: что кун, то все в калите, что пърт, то все на себе, удавися убожие, смотря на мене» (эта запись дословно повторена К. П. и в Прологе). По словам А. Д. Седельникова, «это трехстрочное стихотворение от нач. XIV в. замечательно тем, что оно предвосхищает и своим общим мотивом, и отдельными образами произведения поэзии, зафиксированные письменностью позже» (Литературно-фольклорные этюды, с. 67). Особый интерес представляет запись, завершающая Паремийник: «А псал Козма дьяк Поповиць грабящима рукама, клеветливым языком, обидливыма очима. А где будеть измятено испровяче чтете, а не исправите, то вы на свою душу». Исследователи уже давно обратили внимание на эту уничижительную самохарактеристику К. П., так как она очень близка к былинной характеристике Алеши Поповича.

Подробное описание переписанных К. П. рукописей и публикация всех его записей даны А. А. Покровским.

Лит.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, с. 61—64, 150—151; Седельников А. Литературно-фольклорные этюды. — Slavia, 1927, roč. 6, seš. 1, с. 66—70; Адрианова-Перетц В. П. Литература Пскова XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 130—131; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. II, с. 48—50.

Л. А. Дмитриев, Е. А. Фет

Кузьма Киянин, см. *Повесть о убиении Андрея Боголюбского.*

Л

Лазарь (ум. 1117 г.) — епископ Переяславля Южного, предполагаемый автор *Сказания о Борисе и Глебе* и сказания о чудесах этих святых. По сообщению *Повести временных лет* в 1072 г. Л. был настоятелем храма Бориса и Глеба в Вышгороде, в 1088 г. — игумен Выдубицкого Михайловского монастыря, с 12 ноября 1105 г. — епископ Переяславля Южного (см. ПВЛ под 1072, 1088, 1115 и 1117 гг.). На основании анализа основного текста Сказания о Борисе и Глебе и сказания о чудесах этих святых Н. Н. Воронин предположил, что составителем двух названных памятников был Л., начавший работу над Сказанием по поручению *Владимира Мономаха* после торжеств в мае 1115 г. в связи с освящением церкви Бориса и Глеба в Вышгороде.

Лит.: Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 11—56; см. также литературу в статьях: *Иаков (XI в.)*, монах Киево-Печерского монастыря; *Сказание о Борисе и Глебе.*

О. В. Творогов

Леонтий (ум. в 1080-х гг.) — епископ Ростовский, предполагаемый автор «Поучения к попом». Сведения о Л. крайне скудны: в *Летописи Лаврентьевской*, в статье 1231 г., летописец, говоря о поставлении *Кирилла (ум. 1262 г.) епископом Ростовским*, назовет его преемником «святых епископ преже бывших Ростове: Леонтья святаго и священаго епископа Исаия, и Нестора» (ПСРЛ, 1962, т. I, стб. 457), а в Московской Академической летописи под 1230 г. упоминается о перенесении в новую церковь мощей «великаго святителя чюдотворца епископа Леонтия» (там же, стб. 512). *Житие Леонтия Ростовского*, по наблюдениям В. О. Ключевского, едва ли может быть надежным биографическим источником: характерно, что от редакции к редакции число фактических подробностей увеличивается и все они носят этикетный характер. Даже в первоначальном виде Житие, по словам В. О. Ключевского, содержание свое «черпало единственно из смутного преда-

ния, не основываясь на письменном источнике, на летописи или на чем нибудь подобном» (Древнерусские жития, с. 13). Спорно происхождение и обстоятельства смерти Л.: согласно Житию он грек, родился в Константинополе; крестив ростовцев, мирно почил среди своей паствы. По такой трактовке, как кажется, противоречит текст *Патерика Киево-Печерского*, из которого скорее следует, что Л. был славянином и что погиб за веру как мученик. В патерике говорится: «От того   Печерьскаго монастыря мнози епископи поставлени быша.   Первый — Леонтие, епископ ростовьский, великый святитель, его же бог прослави нетлением, и се бысть первый престолник, его же невернии много мучивше, бивше, и се третий гражданин бысть Рускаго мира, с онема варягома венчася от Христа, его же ради пострада» (ПЛДР. XII век. 1980, с. 482).

В рукописном сборнике XV—XVI вв., принадлежавшем архимандриту Амфилохию, и в «Минее новым чудотворцам» 1594 г. (ГПБ, Солов. собр., № 616/518, л. 213) находится «Поучение к попам о всем и наказание епископа ростовского Леонтия к попам о всем, како подобает дете своя духовныя учити и по правилом святых отец», нач.: «Слышите, крепкий иерейскый преподобный сборе, к вам ми слово. .». Однако в других списках тот же текст приписывается *Кириллу (ум. 1280 г.), митрополиту Киевскому*. Издание Поучения в РИБ осуществлено по древнейшим спискам: ГПБ, собр. Погодина, № 31, XIV в. и ГИМ, Чуд. собр., № 4, XIV в.

Изд.: Епископское поучение собору епархиального духовенства. — Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI—XV вв.). РИБ, СПб., 1908, т. 6, стб. 111—116.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 3—22; Голубинский. История церкви, т. 1, 2-я пол., с. 337—338; Никольский. Повременный список, с. 210—211.

О. В. Творогов

Лествица Иакова — переводное апокрифическое сказание. В книге Бытия (XXVIII, 10—22) содержится рассказ о том, как Иаков, сын Исаака, видит во сне лестницу, основание которой покоится на земле, а вершина достигает неба; по ней всходят и нисходят ангелы. Бог предвещает Иакову величие его рода в будущем. В основанном на этом библейском сюжете апокрифе, условно называемом Лествица Иакова, содержится более подробное описание лестницы (на ней 12 ступеней, на каждой из них справа и слева лица, а на самом верху — «лице, акы человече, из огня изсечено»). Существенно расширено толкование видения: ангел разъясняет символику ступеней, лиц на них, движения по лестнице ангелов, которое предвещает сошествие Христа на землю; подробнее говорится о судьбе потомков Иакова. В той части апокрифа, где рассказывается о чудесах при сошествии Христа, имеется сюжетная перекличка с *Сказанием Афродитиана*.

Апокриф этот упоминается в индексах запрещенных книг начиная с Номоканона XV в., где он именуется «Лествица» (см.:

Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пгр, 1921, вып. 1. Апокрифы ветхозаветные, с. 38—39). Текст Л. И. входит в состав *Палеи Толковой*, начиная с ее древнейшего Коломенского списка и Полной Хронографической палеи, причем, как предположил В. М. Истрин, составители обеих редакций располагали отдельными списками апокрифа, в настоящее время неизвестными. Время перевода апокрифа и пути его проникновения в древнерусскую литературу пока не установлены.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 27—32; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 91—95; Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, с. 58—59, 138—149; Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, с. 153—157; *Толковая палея* 1477 г.: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. [СПб.], 1892, вып. 1, л. 100 об.—107 об. (ПДП, № 93).

Лит.: Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 284—285; Истрин В. М. 1) Рец. на кн.: Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII вв. П. В. Владимирова. Киев, 1900. — ЖМНП, 1902, август, с. 419—420; 2) Редакции Толковой палеи. ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 150—151.

М. А. Салмина

«Летописец вскоре» патриарха Никифора — переводной краткий хронологический свод. В рукописях он имеет названия: «Преподобного (или Пресвятого), отца нашего Никифора патриарха Констянтинграда летописец вскоре», «Никифора патриарха Царяграда летописец», «Никифора патриарха Царяграда летописец въкратце изложен» и др. Л. в. восходит к византийской хронике «Χρονογραφικὸν σύντομον», построенной по поименному принципу и составленной известным церковным деятелем IX в. патриархом Никифором (см. о нем: Alexander P. I. Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1968; Липшиц Е. Э. Очерки по истории визант. о-ва и культуры. VIII—1-я пол. IX в. М.; Л., 1961). Греческий оригинал представляет собой сжатый хронологический перечень, начинающийся от Адама, в котором приведены имена библейских патриархов, царей иудейских и персидских, египетских Птолемеев, римских и византийских императоров с указанием времени их правления и перечислением особо важных событий всемирной истории, имевших место во время их царствования. «Χρονογραφικὸν» содержит и имена иерархов пяти вселенских патриархов — Константинопольского, Рима, Иерусалима, Александрии, Антиохии. Заканчивается текст изложением событий 829 г. (год смерти Никифора). Изд. греческого текста см.: Boor C. de. Nicephori archiepiscopi constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880. См. также: Самодурова З. Г. 1) К вопросу о малых византийских хрониках. — ВВ, М., 1962, т. 21, с. 127—147; 2) Греческие «рукописные сборники», содержащие малые византийские хроники, и их классификация. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 200—241. Греческая рукописная традиция памятника

насчитывает свыше десятка рукописей, которые разделяются на две редакции. В 870 г. папский библиотекарь Анастасий выполнил латинский перевод Хронографикона, который вошел в его «Chronographia tripertita» (Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 161).

В древнерусской рукописной традиции дошло 52 списка летописца XIII—XIX вв. Древнейший список — в так называемой Новгородской Кормчей (ГИМ, Синод. собр., № 132, кон. XIII в., л. 567 об.—576) — издан в приложениях к т. 1 ПСРЛ и, по мнению Н. В. Степанова и М. Н. Тихомирова, относится ко 2-й редакции. Все дошедшие списки разделяются на три основные редакции: 1-я, Нераспространенная (определение дано А. А. Шахматовым: Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, 1934, т. 4, с. 62—69), 2-я, Распространенная и 3-я, Сводная (Пиотровская Е. К. К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора. — ТОДРЛ, 1975, т. 29, с. 170—177). В свою очередь тексты списков 2-й и 3-й редакций разделяются на виды (вторая — на четыре, третья — на три). Кроме этого, существуют две особые редакции, каждая из которых представлена в единственном списке: ГПБ, собр. Кир.-Белоз., № 22/1099, XV в. (Ефросиновская редакция, см. о ней: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 130—168) и список XV в. из Никифоровского сборника, имеющий обширные вставки из *Хроники Георгия Амартола* (см. о нем: Белокуров С. А. Русские летописи: (1. Летописец патриарха Никифора. 2. Летописец Переяславля суздальского. 3. Хроника русская (Летописец вкратце) проф. Данилевича). — ЧОИДР, 1898, кн. 4, с. 1—90). Существуют и такие списки XVI—XIX вв., которые хотя и приписывают Л. в. патриарху Никифору, однако не соотносимы ни с одной из установленных редакций (например, ГПБ, Солов. собр., № 831/941, XVI в., л. 403—407; ГПБ, собр. Погодина, № 1568, XVII в., л. 114 об.—116 об.; ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева, № 197 (М. 632), втор. пол. XVII—XVIII вв., л. 179 об.—182 об.; ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 600, XVIII в., л. 180—185 об.; Научная библиотека Саратовского государственного университета, собр. Шляпкина, № 588 (Шл. 341), кон. XVII в., отдельная тетрадь; ГБЛ, Вологодское собр., № 168, 1885 г., л. 1—2 об.). Как правило, они содержат выборочные сведения и описания из Л. в., а также дополнительные хронологические выкладки из других хронографических сочинений, по-видимому, из не отождествленных еще малых хроник.

Все три редакции древнерусской версии текста восходят к одному переводу. 1-я редакция (изученная Я. Н. Щаповым) отражает содержание оригинала точнее других. 2-я представляет собой переделку текста 1-й редакции, кроме того, она испытала влияние многих широко известных сюжетов хронографической литературы; в текст ее были также внесены сведения из истории славян. В 3-й редакции были использованы тексты двух предшествующих

редакций, а также ряд дополнительных источников (издана в т. 9 и 27 ПСРЛ). Некоторые из этих источников явились переводами или переделками малых византийских хроник типа: «Цари, царствующие в Царьграде, православнии же и еретици», «счет лет» (ψῆφος ἐτῶν). Перевод «Χρονογραφικὸν σύντομον» предположительно был осуществлен в Болгарии по 1-й греческой редакции памятника, в кон. IX—нач. X в. Тогда же он, по-видимому, вошел в состав Кормчей и в числе других болгарских переводов попал к восточным славянам. Затем на древнерусской почве он подвергся переработкам и переделкам, вступая во взаимодействие с другими памятниками. 2-я редакция возникла, вероятно, в XIII в., когда в древнерусской письменности, казалось бы надолго угаснувшей после тяжелых и в большинстве своем непоправимых последствий монголо-татарского нашествия, с новой силой всколыхнулись живые традиции летописного и хронографического жанров. 3-я редакция возникла во второй половине XV в., когда вызревала будущая политическая концепция «Москвы — третьего Рима»; в данном случае она нашла свое воплощение в создании Сокращенных летописных сводов конца XV в., прологом к которым и послужила новая редакция Л. в.

Текст Л. в. дошел в рукописях самого разнообразного состава: Кормчии, летописные сборники, а также сборники историко-литературного содержания.

Особенно следует отметить роль сочинения Никифора в древнерусском летописании и хронографии. С переводом труда Никифора связывали текст хронологических выкладок в *Изборнике 1073 г.* (Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 499—506; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1859, т. 2, ч. 1, с. 365—405; Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 266—267, 282 и др.), следы влияния Хронографикона заметны и в сочинении болгарского автора IX в. Константина Преславского «Историкии за бога въкратце» (Златарски В. Н. Най-стариат исторически труд в старобългарската книжнина. — Списание на Бълг. Акад. за наук, кн. 27, клон ист.-филол. и филос.-обществ., № 15, София, 1923, с. 157—160), его влияние обнаруживали в *Повести временных лет* (Шахматов А. А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет». — ЖМНП, 1897, март, с. 217—222), в сочинении XII в. *Кирика новгородца*, посвященном Учению о числах (Степанов Н. В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII в.). — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 3, с. 129—150), в тексте *Повести о житии Александра Невского* (Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 36—56). Однако, как показали текстологические сопоставления сочинения Никифора с текстами указанных памятников, не один только текст Л. в. был использован

древнерусскими книжниками. Текстологические наблюдения позволяют считать, что древнерусским книжникам была хорошо известна традиция самых разнообразных форм малых византийских хроник (наряду с обширными трудами Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола), которая была интерпретирована ими совершенно оригинально.

Впервые в науке текст Л. в. начинает упоминаться в связи с открытием и изучением Изборника Святослава 1073 г. Дальнейшее изучение было продолжено в работах Н. В. Степанова, А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, Д. С. Лихачева, Р. П. Дмитриевой, Я. С. Лурье, Е. К. Пиотровской, Я. Н. Щапова.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1846, т. 1, Приложения, с. 248—252; ПСРЛ, СПб., 1862, т. 9, с. XVI—XXII; Степанов Н. В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — ИОРЯС, 1912, т. 17, кн. 3, с. 295—320; Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 234—243; ПСРЛ, 1962, т. 27, с. 165—172 и 301—307; Щапов Я. Н. Византийские хронографические сочинения в древнерусской кормчей Ефремовской редакции. В кн.: Летописи и хроники. 1976. М., 1976, с. 252—263.

Лит.: Степанов Н. В. Летописец вскоре патриарха Никифора в новгородской Кормчей. — ИОРЯС, 1912, т. 17, кн. 2, с. 250—293; кн. 3, с. 256—320; Шахматов. Обозрение, с. 119—127; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, 1955, т. 4, с. 243—285; Ангелов Б. Ст. 1) Le «Лѣтописьцъ въкратьцѣ» du Recueil de Siméon (Симеонов сборник) de 1073. — Byzantino-Bulgarica. Sofia, 1966, t. 2, p. 83—105; 2) Лѣтописьцъ въкратцѣ в Симеоновия сборник от 1073 г. — В кн.: Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература, кн. 2. София, 1967, с. 75—88; Дмитриева Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв.: (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, 1968, т. 23, с. 143—170; 2) Четьи сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 150—180; Пиотровская Е. К. 1) О третьей русской редакции «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора. — ВВ, 1974, т. 36, с. 147—153; 2) Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора. — ВВ, 1976, т. 37, с. 247—254; 3) О времени перевода «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора на славянский язык. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 7, с. 101—118; 4) Летописец вскоре Константинопольского патриарха Никифора и Учение о числах Кирика новгородца. — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 216—222; 5) Летописец вскоре Константинопольского патриарха Никифора и Изборник Святослава 1073 г. — В кн.: «Изборник Святослава 1073 г.»: Сборник статей. М., 1977, с. 317—331; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 199—205.

Е. К. Пиотровская

Летописец Переяславля Суздальского — краткий летописец XV в., отражающий Владимирский летописный свод XIII в.

«Летописцем Переяславля Суздальского» М. А. Оболенский назвал летописный текст (в рукописи именуемый «Летописец русских царей»), обнаруженный им в сборнике конца XV в. из собр. ЦГАДА, ф. Моск. Главного Архива МИД, № 279/658 (прежний шифр: № 902/1468). Он полагал, что Л., как и

предшествующая ему часть сборника, восходит к оригиналу — хронографическому своду 60-х гг. XIII в., но, как заметил А. А. Шахматов, есть все основания рассматривать текст Л. и предшествующий ему текст «*Летописца вскоре*» *патриарха Никифора* как добавление, сделанное составителем Архивного сборника после текста, который принято называть *Хронографом Архивским*.

Л. содержит текст *Повести временных лет*, а затем статьи 1137, 1143 гг. и изложение событий 1138—1214 гг. В другом списке Л., из собрания Н. П. Никифорова, текст обрывается на статье 907 г. По наблюдениям А. А. Шахматова, оба списка восходят к общему оригиналу. Л. представляет собой компиляцию, в основе которой лежит «Временник великих царств» (по А. А. Шахматову) — летописно-хронографическая компиляция XIV в., Киевская летопись (Киевский Выдубицкий свод?) и Переяславская летопись (известия 1102, 1111, 1138—1214 гг.), в свою очередь восходящая к Владимирскому летописному своду нач. XIII в.

Изд.: Летописец русских царей. — В кн.: Оболенский М. А. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836, с. 161—172; Летописец Переяславля Суздальского / Изд. М. А. Оболенским. — ВОИДР, 1851, кн. 9, отд. II (отд. издание: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214—1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М., 1851; Русские летописи: I. Летописец патриарха Никифора. II. Летописец Переяславля Суздальского. III. Хроника русская (Летописец вкратце) проф. И. Даниловича / По ркп., принадл. Н. П. Никифорову, с предисл. Сергея Белокурова. — ЧОИДР, 1898, кн. 4, с. V—IX, 7—17.

Лит.: Лавровский П. А. Замечательные слова из Переяславской летописи. — ИпоРЯС, 1854, т. 3, л. 8, 9, Прибавления, с. 126—128; Поленов Д. В. Обозрение летописца Переяславского. — Учен. зап. II отд. имп. АН, 1854, кн. 1, отд. III, с. 59—98; Карский Е. Ф. К истории звуков и форм белорусской речи. — РФВ, 1892, № 4, с. 182—225 (о языке Летописца); Бережков М. Н. Еще несколько слов о Летописце Переяславля Суздальского. — Сб. Ист.-филол. о-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900, т. 3, отд. 3, с. 59—86; Шахматов А. А. Обозрение, с. 44—68, 119—127, 304, 305.

О. В. Творогов

Летопись Ипатьевская — общерусский летописный свод южной редакции кон. XIII—нач. XIV в., древнейшим списком которого является Ипатьевский XV в. Рукопись эта, найденная Н. М. Карамзиным, содержит второй по древности (после списка *Летописи Лаврентьевской* 1377 г.) список начальной русской летописи — *Повести временных лет*. Л. охватывает хронологический период до 1292 г. и включает в себя три основных памятника — ПВЛ, Киевскую летопись и Галицко-Волынскую летопись.

Л. сохранилась в семи списках: 1) Ипатьевский список первой четверти XV в. (БАН, 16.4.4); завершается записями о пинских и степанских князьях 1292 г. Рукопись принадлежала костромскому Ипатьевскому монастырю. Есть пробелы, объясняющиеся неисправностью оригинала, а также перебои в повество-

вании в связи с тем, что в оригинале были перепутаны листы; 2) Хлебниковский список (ГПБ, F.IV.230) XVI в., юго-западного происхождения. Восходит к тому же оригиналу, что и Ипатьевский, но в ряде случаев содержит более правильные чтения и иногда восполняет пробелы Ипатьевского списка. Кроме того, сообщение о пинских и степанских князьях, завершающее Ипатьевский список, в Хлебниковском читается несколько ранее. Остальные пять списков восходят к Хлебниковскому и поэтому не имеют существенного значения для восстановления протографа; 3) Погодинский список (ГПБ, собр. Погодина, № 1401) начала XVII в., дефектный, конец утрачен. Это точная копия Хлебниковского списка, отразившая имеющиеся в нем перебои текста и перестановки; 4) Краковский список (из Пулавской библиотеки князей Чарторыских) конца XVII в., список сделан с русской рукописи 1621 г. (может быть, не непосредственно, а через список—посредник) латинскими буквами. Эта рукопись отражает текст Погодинского списка, но восполняет конец, который в Погодинском утрачен. Имеются искажения в тексте, связанные с тем, что писец плохо понимал оригинал; 5) Ермолаевский список (ГПБ, F.IV.231) конца XVII—начала XVIII вв.; 6) ГПБ, F.IV.237 — копия с Ермолаевского списка; 7) БАН, 21.3.14, 1651 г. Перечисленные рукописи подробно описаны А. А. Шахматовым в предисловии к изданию Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. 2, с. VI—XVI); о списке БАН, 21.3.14 в кн.: Описание Рукоп. отд. Библ. АН СССР М.; Л. 1959, т. 3, вып. 1, с. 304—306.

Происхождение, состав и формирование текста Л. определяются специалистами по-разному. Л. имеет мало аналогий с другими летописными памятниками. Текст ее включает три основных компонента: ПВЛ — от начала летописи до статьи 1118 г. (л. 1—106 об.); Киевская летопись — от 1119 до 1200 г. (л. 106 об.—245); Галицко-Волынская летопись — от 1201 до 1292 г. (л. 245—307 об.). Однако, поскольку Л. представляет собой свод, т. е. она формировалась путем последовательного включения одного в другой разных сводов, состав ее представляется значительно сложнее. А. А. Шахматов выделил четыре источника Л.: 1) Общерусский летописный свод, составленный в Суздальской области в начале XIV в. и бывший одним из источников Л., Летописи Лаврентьевской и летописного свода Московского великокняжеского 1479 г. Однако существование этого общего источника в настоящее время в науке отвергнуто; связь между Л. и Лаврентьевской летописью достаточно убедительно объясняется влиянием южнорусского свода XII—XIII вв. на владимирское летописание XII—XIII вв. Едва ли есть необходимость предполагать протограф начала XIV в. у Л., доведенной до конца XIII в. 2) Киевский летописный свод, составленный в киевском Михайловском Выдубицком монастыре в 1199 г.; 3) Черниговский свод; 4) Галицко-Волынский свод (который используется составителем Л. уже с 40-х г. XII в.).

Об основных компонентах Л. в науке существуют следующие суждения: Первый из них — 3-я редакция ПВЛ, составленная в 1118 г. в Киево-Печерском монастыре, в Л. она вошла в составе Киевского летописного свода. Второй компонент Л. — Киевский свод 1200 г. Он (согласно А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову) был составлен игуменом Выдубицкого монастыря *Моисеем* и кончался сообщением о постройке вокруг Выдубицкого монастыря в 1199 г. каменной стены; под 1200 г. помещена речь игумена Моисея с благодарностью князю Рюрику Ростиславичу и с похвалой ему. Поскольку известия о Рюрике Ростиславиче и его семье содержатся в этом своде регулярно начиная с 1173 г. (притом, как отмечает М. Д. Приселков, составитель свода приписывает Рюрику деяния его предшественника — Святослава Всеволодовича), М. Д. Приселков предлагал считать Киевский свод 1200 г. великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича. В этом своде он выделял три источника: первый из них — семейная хроника Ростиславичей, с некрологами каждому из них: Святославу (1172 г.), Мстиславу (1177 г.), Роману (1180 г.), Давыду (1198 г.). Эти некрологи, написанные традиционным этикетным языком, содержат похвалы князьям без индивидуальных характеристик и фактических сведений об их деятельности. Они написаны одним автором — Моисеем (многие из них текстуально совпадают) — в Киеве (а не в тех городах Киевского государства, где княжил тот или иной князь) в связи с получением известий о смерти князей, т. е. «хроника Ростиславичей» не содержит фактических сведений о княжении князей Ростиславичей или каких-либо местных данных. Второй источник Киевской летописи — летописец Переяславля Южного князя Владимира Глебовича, заканчивающийся описанием смерти этого князя в 1187 г. и включающий повествование о военных действиях его против половцев. Третий источник — Черниговский летописец князя Игоря Святославича, оканчивающийся сообщением о смерти в 1198 г. черниговского князя Ярослава Всеволодовича и вступлении на черниговский стол Игоря Святославича. Черниговский летописец, как полагал М. Д. Приселков, был начат при Святославе Ольговиче (отце Игоря), продолжен при Олеге и потом при его брате Игоре Святославиче — т. е. это семейный летописец Святославичей, возникший в 40-х г. XIII в. Однако летописец Игоря Святославича перерастает рамки семейного летописца; после 1120 г. (под 1123, 1140, 1142 и др. гг.) появляются сведения о черниговских князьях и епископах (за пределами семейной хроники). Это летописание велось в Киеве, а не в Чернигове (об этом можно судить, например, по враждебным — невозможным в Чернигове — сообщениям об Олеге Гориславиче). Принципы работы сводчика, сочетавшего киевский и черниговский источники, хорошо видны на примере рассказа об убийстве князя Игоря Ольговича киевлянами — в этом рассказе видны два источника: киевский рассказ (подробный, но деловой) и черниговский (условно-литературный). Приселков считает, что житийный рас-

сказ восходит к черниговскому летописанию, поскольку под 1180 г. есть сообщение о перенесении мощей Игоря Ольговича в Чернигов стараниями его брата Святослава Ольговича, князя Черниговского. Анализируя повесть об убийстве Игоря, Д. С. Лихачев высказал мнение, что в ней соединились три повести, причем соединение это сделано небрежно и противоречиво — версия Ольговичей, канонизировавших Игоря, написанная в житийном стиле; переяславская версия — нейтральная, и киевская — оправдывающая Изяслава и обвиняющая Ольговичей и Давыдовичей. В тексте Киевской летописи, как это отмечал еще А. А. Шахматов, имеются вкрапления из Галицко-Волынского свода начиная с 40-х г. XII в., и из ростово-суздальского летописания. Влияние этого источника наблюдается во всех частях Л., но главным образом это касается Киевской летописи. Поскольку все известия, взятые из ростово-суздальского летописания, в Л. связаны с Черниговом, М. Д. Приселков считает, что они попали в Киевскую летопись через черниговский летописец Святослава Ольговича. По мнению В. Т. Пашуто, Киевская летопись доходит не до 1200 г., а до 1238 г., т. е. до нашествия татар. Он опирается на тот факт, что в статье, предшествующей в Л. ПВЛ («Се же суть имена князем киевьским, княжившим в Киеве до избитья Батыева» — л. 1—1 об. Ипатьевского списка), список князей завершается Владимиром Рюриковичем и Димитром, наместником Даниила, при котором «взяша Батый Киев». Таким образом, по мнению В. Т. Пашуто, летописец писал при дворе Даниила Романовича после нашествия татар; он же пополнил киевский текст кусками галицко-волынского летописания XII в. и использовал Киевскую летопись до 1238 г. Этим объясняется и отсутствие в Л. сведений о Романе Мстиславиче — Киевская летопись была ему враждебна, а своего летописца у него не было. После 1200 г. летописец Даниила Романовича берет из Киевской летописи только те немногие сведения, которые ему были нужны для дополнения свобственного галицко-волынского летописания (которое возникло при Данииле, а не при Романе, в связи с тем, что политический центр общерусской жизни после татарского нашествия переместился в юго-западную Русь, в связи с чем там и возникло княжеское летописание). Пересматривает В. Т. Пашуто и точки зрения А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова на взаимоотношения Л. с другими летописями. Резюмируя рассуждения В. Т. Пашуто о Киевской летописи, следует предполагать наличие второго киевского свода, повествование которого было продолжено по сравнению со сводом 1200 г. и в котором были заимствования из ростово-суздальского летописания. Этот свод сохранился только в тех немногих фрагментах, которые включены в галицко-волынскую часть Л.

Третий компонент Л. — Галицко-Волынская летопись, резко отличается от предшествующего текста по стилю и по содержанию; можно считать, что это самостоятельный, почти независимый от общерусского летописания памятник. В частности, повествова-

ние в Галицко-Волынской летописи составлялось не по годам: в Хлебниковском списке вообще нет годовой сетки (как ее, по-видимому, не было в протографе), а в Ипатьевском списке годы проставлены при составлении списка, притом с механической ошибкой — при присоединении к Киевской летописи, оканчивающейся 1200 г., составитель Л. первым годом Галицкого летописца поставил 1201, хотя на самом деле события, о которых повествуется под 1201 г., произошли, как свидетельствуют другие источники, в 1205 г., так что хронологическую сетку следует сдвинуть лет на пять. Пашуто, опираясь на мнение Приселкова, считал, что первоначально летопись писалась в форме свободного рассказа, потом (в конце XIII в.) материалы были перегруппированы в соответствии с хронологией событий, но без годовой сетки, которую внес в летопись лишь редактор Ипатьевского списка.

Галицко-Волынская летопись — это уникальный источник сведений о Галицком и Волынском княжествах, а также о международных связях России этого времени, поэтому уже в XIX в. она привлекалась для исследований по истории юго-западной Руси, издавалась и цитировалась, но до 40-х г. XX в. исследования происхождения и состава этого памятника не было произведено. Вопрос об источниках и составе Галицко-Волынской летописи чрезвычайно важен. Трудность исследования ее текста заключается, во-первых, в том, что каждый последующий летописец редактировал работу своего предшественника, дополнял и включал в свой свод предыдущий в существенно переработанном виде. Во-вторых, сведения об авторах, редакторах, месте и времени написания сводов мы вынуждены черпать из самого текста летописи, так как мы не располагаем параллельными текстами, возможными источниками Галицко-Волынской летописи. Источники Галицко-Волынской летописи многообразны: это княжеские летописцы, различные документы (акты, грамоты, военные донесения, дипломатические отчеты), рассказы очевидцев о битвах и походах, воинские повести, фрагменты из других летописей (например, *Повесть о битве на Калке*), местное летописание (например, Пашуто утверждал существование Новогрудской Литовской летописи, откуда взяты подробные известия о литовских князьях в летописец Шварна Даниловича — однако, это считается недоказанным) и т. д. Кроме того, в Галицко-Волынской летописи есть частые обращения к книжным источникам — к переводным историческим сочинениям (греческим хроникам, к «*Истории иудейской войны» Иосифа Флавия*); есть в ее составе и большие цитаты из «Слова о законе и благодати» митрополита *Илариона*. Из текста летописи выясняются имена лиц, составивших отдельные документы, или авторов тех или иных рассказов; в создании летописи в качестве информаторов об отдельных событиях принимали участие тысяцкий Демьян, боярин Вячеслав Толстый, дядька Мирослав, стольник Яков, дворский Андрей, тысяцкий Димитр. Согласно гипотезе В. Т. Пашуто, Начальная Галицкая

летопись, составленная в 1211 г. галицким книжником *Тимофеем*, вошла в состав свода, составленного в 1246 г. *Кириллом (ум. 1280 г.), митрополитом Киевским*, и продолженного до 1261 г. епископом Иоанном в г. Холме. После смерти Даниила Романовича летописание перешло во Владимир Волынский. Пашуто считал, что летописец Василька Романовича довел повествование до 1269 г., его продолжил короткий летописец Шварна, а затем — свод 1272—1289 гг., рассказывающий о княжении *Владимира Васильковича*, князя Волынского. Автором этого свода Пашуто считал епископа Владимирского Евстигния (по мнению И. П. Еремина, не меньше оснований приписывать его епископу Туровскому Марку), а А. И. Генсьорский — писца Федорца, которому Владимир поручил писать свое «рукописание» — завещание. Последний свод — Свод Мстислава Даниловича 1292 г., включил в себя также сведения о «заднепровских князьях», т. е. отрывки из местных летописей Пинска, Степани и др. Киевская и Галицко-Волынская летописи рассматриваются как выдающиеся памятники литературы. Именно на материале Киевской летописи И. П. Еремин построил свою классификацию типов летописного повествования. Кроме того, исследователи «Слова о полку Игореве» (см. *Автор «Слова о полку Игореве»*) указывали на его близость к образной и языковой системам летописи. По гипотезе Б. А. Рыбакова, один из киевских летописцев мог быть автором «Слова о полку Игореве».

Л. оказала влияние на ряд последующих летописных памятников и, в числе их, на общий протограф Софийской I и Новгородской IV («Новгородско-Софийский свод» или «Свод 1448 г.») и на протограф Московского свода и Ермолинской летописи («Свод Феодосия—Филиппа» по А. Н. Насонову).

Изд.: ПСРЛ, 1843, т. 2 (2-е изд. под ред. А. А. Шахматова: СПб., 1908; фотомехан. переизд.: М., 1962; 3-е изд.: Пг., 1923, т. 2, вып. 1); Волынско-Галицкая летопись, составленная с концом XIII в. / Издал и объяснил А. С. Петрушевич. Львов, 1871; Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV в. / Изд. Александр Клеванов. М., 1871; Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археогр. ком. СПб., 1871; Древнерусские летописи / Пер. и ком. В. Панова, статьи В. Лебедева и В. Панова. М.; Л., 1936, с. 246—313; Галицько-Волинський літопис, ч. 1 / Переклав і пояснив Т. Коструб. Львів, 1936 (пер. на укр. яз.); The Galician-Volynian Chronicle / Transl. by G. A. Perfecky. München, 1973 (пер. на англ. яз.); Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и ком. О. П. Лихачевой. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 236—425.

Лит.: Фирсов Н. Н. Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи. Казань, 1891; Истрин В. М. Хронограф Ипатского списка... — ЖМНП, 1897, № 11, с. 83—91; Грушевський М. С. Хронольогія подій Галицько-Волинськоі літописи. — ЗНТШ, 1901, т. 41, с. 1—72; Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 93—126; 2) О галицко-волынском летописании. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 15—24; Шахматов. Обозрение, гл. 4—5; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. М.; Л., 1940; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 228—253; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 176—267, 431—433; Еремин И. П. 1) Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 67—69

(переизд. в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 98—131); 2) Волынская летопись 1289—1290 г. как памятник литературы Древней Руси. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 102—117 (переизд. в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 164—184); Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Генсьорский А. И. 1) Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958; 2) З коментарія до Галицько-Волинського Літопису. Історичні джерела, Київ, 1969, вып. 4, с. 171—184; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»?; (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 72—92; 2) Книжня лексика у Київському літописі. — Мовознавство, 1980, № 6, с. 36—43; 3) Образна мова Київського літопису. — Там же, 1982, № 3, с. 19—27; Романов В. К. Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи. — Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с. 79—103; Бибиков М. В. Сведения в Ипатьевской летописи о печенегах и торках в свете данных византийских источников XII в. — Там же, с. 55—78.

О. П. Лихачева

Летопись Лаврентьевская — летопись XIV в., сохранившаяся в единственном пергаменном списке (ГПБ, F.п.IV.2), переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Л. доведен до 6813 (1305) г. В шести местах обнаруживаются пропуски текста: 1) 6406 (898)—6430 (922) гг.; 2) кон. 6596 (1088)— нач. 6597 (1089) гг.; 3) нач. 6705 (1197) г.; 4) 6711 (1203)—6713 (1205) гг.; 5) 6771 (1263)—6791 (1283) гг.; 6) 6795 (1283)—6802 (1294) гг. Первый и пятый пропуски являются следствием утраты листов в рукописи; второй, третий и четвертый, очевидно, принадлежат самому писцу рукописи (Лаврентию) или его непосредственному предшественнику; происхождение шестого пропуска спорно: он мог быть отражением дефекта в непосредственном оригинале или в самой рукописи. Явно не на месте (даже если оно принадлежало летописному тексту), посредине статьи 6604 (1096) г., помещено в Л. Поучение *Владимира Мономаха*, не читающееся ни в каких других рукописях. Начальные 40 листов Л. написаны уставным почерком, дальнейшие — полууставом, но три листа рукописи (л. 157, 161 и 167) написаны не до конца (хотя текст их последовательно продолжается на следующих листах), иным, чем перед ними (уставным), почерком, на пергамене с иной разлиновкой строк. Л. принадлежала до начала XVIII в. владимирскому Рождественскому монастырю, затем была привезена в Петербург, а в 1792 г. приобретена А. И. Мусиным-Пушкиным, подарившим ее затем Александру I (рукопись была помещена в Публичную библиотеку). Уже в 1804 г. была предпринята первая попытка издания Л., но она не была доведена до конца, второе издание (1824 г.) также не было завершено; первое полное издание Л. (в ПСРЛ) осуществлено в 1846 г.

Со времени ее открытия для науки Л. постоянно привлекала внимание историков. Ею широко пользовался (наряду с двумя другими «харатейными» летописями — *Летописью Новгородской первой* по Синодальному списку и Троицкой) Н. М. Карамзин

в «Истории государства Российского» (именуя ее «Пушкинской» — по имени владельца). До конца XIX в. исследователей Л. особенно привлекала ее начальная часть — содержащаяся в ней *Повесть временных лет* в редакции *Сильвестра*. Первой работой, посвященной Л. в целом, было исследование И. А. Тихомирова, пытавшегося определить отдельные источники Л. — «сказания» и «походные заметки»; он пришел к заключению, что в Л., «кроме Повести временных лет и южнорусских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских».

На новую почву вопрос о происхождении Л. был поставлен А. А. Шахматовым в его отзыве на работу И. А. Тихомирова. А. А. Шахматов указал, что Л. не только сама представляла собою свод (это понимал и И. А. Тихомиров), но и основывалась на более ранних сводах. Для определения этих сводов-протографов необходимо было поэтому сравнить Л. с другими ранними летописями, и прежде всего с *Летописью Радзивиловской* и Летописью Троицкой. Такое сравнение обнаружило, что Л. особенно близка к Троицкой, Радзивиловская также сходна с Л. (вплоть до 6711 (1203) г.), однако в отличие от Троицкой, Радзивиловская на всем протяжении имеет редакционные отличия от Л. А. А. Шахматов сделал отсюда вывод, что в основе Л. — Троицкой и Радзивиловской (и сходных с нею летописей) лежал Владимирский летописный свод кон. XII—нач. XIII в., но в разных редакциях. Различие в изложении событий после смерти *Андрея Юрьевича Боголюбского* (1175 г.) дает основание предполагать, что в основе Л. лежала более ранняя редакция Владимирского свода (1185 г. — по А. А. Шахматову, 1177 и 1193 гг. — по М. Д. Приселкову), еще не отразившая тенденциозных добавлений, связанных с политикой Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (добавления имени Всеволода к известиям о его брате Михалке), а в основе Радзивиловской — более поздняя (Владимирский свод начала XIII в., дошедший через посредство Переяславского свода 1216 г.). Сопоставление Л. с *Летописью Ипатьевской* также обнаружило совпадения между ними, но гораздо более редкие. А. А. Шахматов объяснял их отчасти взаимными влияниями северно-русского и южнорусского (отразившегося в Ипатьевской летописи) летописания XII—XIII вв., отчасти же тем, что источником Л. и Ипатьевской (не отразившимся на Радзивиловской) был общерусский летописный свод — Полихрон начала XIV в. Влиянием Полихрона начала XIV в. А. А. Шахматов объяснял и совпадение двух известий (6725 г. и 6731 г. — начало битвы на Калке) Л. и НIЛ.

Важное место в исследованиях Л. занимает работа М. Д. Приселкова. Проанализировав заключительную часть Л., М. Д. Приселков пришел к выводу, что свод 1305 г., лежащий в основе ее, был не митрополичьим сводом начала XIV в. (Полихроном), а ве-

ликокняжеской летописью владимиро-тверского князя Михаила Ярославича — ряд известий из семейного летописца тверского князя содержится в конце Л. Он также отверг объяснение сходства Л. с Ипатьевской отражением в них Полихрона. Текст Ипатьевской летописи доходил до конца XIV в.; наличие сходных известий в обоих летописях (почти все они читаются также и в Радзивиловской) естественнее всего может быть объяснено взаимными влияниями северного и южного летописания в XII—XIII вв. Осуществленная им реконструкция Троицкой летописи позволила М. Д. Приселкову сопоставить Л. и Троицкую на всем их протяжении и установить, что они сходны вплоть до 6813 (1305) г. — т. е. до кончания Л. Он пришел к выводу, что в обеих летописях отразился владимирский великокняжеский свод 1305 г.; Лаврентьевский список 1377 г. может рассматриваться как «простая копия», старательное, но не всегда удачное воспроизведение «очень ветхого экземпляра свода 1305 г.». Тот же самый свод 1305 г. был положен и в основу свода 1408 г. — Троицкой летописи.

Выводы М. Д. Приселкова были в основном приняты в научной литературе последующего времени. Свод 1305 г., дошедший в составе Л., отражал владимирскую летописную традицию, но она была довольно сложной. В основе Л. лежало несколько владимирских сводов XII—XIII вв., опиравшихся на различные источники. Южные известия XII в. восходили во владимирском своде XII в. к летописанию Переяславля Южного, где княжили близкие родичи владимирских Мономашичей, и, возможно, также к его киевской переработке. Северное летописание в Л. также было неоднородным — уже с начала XIII в. в известиях Л. слито собственно владимирское летописание (связанное с сыном Юрием и Ярославом Всеволодовичами) и летописание Ростова (где княжил старший сын Всеволода Большое Гнездо Константин, первоначально обделенный при разделе отцовского наследия). Н. М. Бережков обратил внимание на смену календарных стилей в Л., важную для понимания соотношения этой летописи с другими. До 6678 (1170) г. в Л. преобладал (как и в Повести временных лет) мартовский стиль, с 6679 г. его сменяет ультрамартовский стиль (когда, начиная с марта, различие между датой от С. М. и датой н. э. равняется 5509 годам), со второй годовой статьи 6714 г. и до 6793 (1285) г. вновь следует мартовский, опять сменяющийся на протяжении 6802—6813 гг. (до конца Л.) ультрамартовским. Наличие в Л. двух статей за 6714 г. (излагающих события двух разных следующих друг за другом годов) Н. М. Бережков объяснял тем, что здесь происходила смена стилей, и первая статья 6714 г. была ультрамартовской, а вторая — мартовской. Но текст с 6711 по 6713 г. в Л. отсутствует, а сопоставление с близкой к Л. Троицкой летописью (текст которой сохранился в Летописи Симеоновской) позволяет восполнить этот пробел; между тем, в Троицкой (Симеоновской) с 6708 (1200) г. употребляется мартовский стиль. Очевидно, это объяснялось тем, что

свод 1305 г. с начала XIII в. отражал новый источник — ростовское летописание, где календарный стиль был мартовским. Первой статье, датированной в Л. 6714 г., соответствует в Троицкой 6713 г., второй — 6714 г. (по мартовскому стилю). Можно думать поэтому, что и в своде 1305 г. первая из этих статей была датирована 6713 г., а дата «6714» представляет собой поправку Лаврентия (или его непосредственного предшественника), пользовавшегося дефектным текстом, где отсутствовали года 6711—6713, и проставившего годовую дату по догадке. В Радзивиловской даты, начиная с 6711 г., сохраняют ультрамартовский стиль (в Летописце Переяславля Суздальского до 6721 г.), установившийся во владимирском летописании с 6679 (1170) г., и именно это календарное различие свидетельствует о смене источника в Л. с начала XIII в.

Двойственное — владимирское и ростовское — происхождение Л. сказалось и на Повести о нашествии Батыя 1237—1239 гг. Рассказ этот состоит из различных элементов — владимирских и ростовских записей (двойственное происхождение привело к тому, что о некоторых событиях здесь рассказано дважды), литературных «общих мест», особого рассказа о гибели ростовского князя Василька Константиновича и т. д. Объединение этих различных элементов в единый рассказ могло произойти в разное время: вскоре после завоевания, когда Владимир был разгромлен и центр летописания перенесен в Ростов, в 80-х г. XIII в., когда, по-видимому, были соединены в общую летопись владимирские своды конца XII в. и начала XIII в. (отразившиеся в Радзивиловской летописи), или в 1305 г. при создании оригинала Л. Представляются неубедительными попытки датировать этот рассказ концом XIV в. — временем написания списка Лаврентия. Реконструкция текста Троицкой летописи позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что рассказ о нашествии Батыя совпадал в ней с Л. Если бы мы предполагали, что рассказ Батыя создан в 1377 г., при написании списка Лаврентия, то необходимо было бы возводить Троицкую летопись к списку 1377 г. или к ее последующим отражениям. Но в ряде случаев Троицкая передает общий текст до 1305 г. лучше, чем список Лаврентия (в ней не было пропусков Л. за 6406—6430, 6596, 6705, 6711—6713, 6771—6791, 6795—6802 гг., она включает имена, пропущенные в Л. Л., в частности, имена деятелей XIII в.) — следовательно, она восходит не к списку 1377 г., а к своду 1305 г.

Изучение Л. еще требует ряда дальнейших исследований. Не решен вопрос о происхождении нескольких известий Л., совпадающих с НIЛ (предполагалось, что они — рязанского происхождения, но возможно, что их источником было новгородское летописание), о времени соединения владимирской и ростовской летописной традиции. Заслуживают также внимания кодикологические особенности списка 1377 г. (несколько листов в Л. явно вклеено задним числом, но это могло объясняться случайными обстоятельствами — порчей листов при переписке).

В целом Л. несомненно была выдающимся памятником древнерусской литературы и общественной мысли. Оригинал Л. был создан при владимирско-тверском князе Михаиле Ярославиче, первом русском князе, решившемся после нашествия Батыя на прямое сопротивление хану (1317 г.) и казненном за это в Золотой Орде. Свод 1305 г. не мог выступать против татарского ига открыто, но ряд рассказов этого свода (рассказ о нашествии Батыя, о расправе с князем Романом Рязанским, не сохранившийся в Л. из-за дефектности текста, но дошедший в Троицкой; о расправе, учиненной баскаком Ахматом в Курском княжестве в 1283—84 гг.) ярко рисовал жестокость завоевателей и производил сильное впечатление на читателей. Через свод 1408 г. (Троицкую летопись), свод 1448 г. (Летописи Софийская I и Новгородская IV) и летописный свод Московский великокняжеский конца XV в. Л. оказала глубокое влияние на последующее летописание.

Изд.: ПСРЛ, т. 1, 1846; 2-е изд.: Л., 1926—1928, вып. 1—3 (фототип. воспроизв.: М., 1961); Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. ком. СПб., 1872; 2-е изд.: СПб., 1897.

Лит.: Беляев И. Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. — ВОИДР, 1849, кн. 2, отд. 1, с. 1—26; Янишн Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1876; Тихомиров И. А. О Лаврентьевской летописи. — ЖМНП, 1884, октябрь, отд. 2, с. 240—270; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899, с. 6—20; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, ноябрь, отд. 2, с. 149—151; 3) Разыскания, с. 245—246; 4) Обозрение, с. 9—37, 365; Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 28—39; 2) «Летописец» 1305 г. — Века. Пг., 1924, т. 1, с. 30—35; 3) История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. ЛГПИ, 1939, т. 19, с. 175—197; 4) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 60—113; Комарович В. 1) Лаврентьевская летопись. — Ист. рус. лит., 1945, т. 2, с. 90—96; 2) Из наблюдений над Лаврентьевской летописью — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 27—57; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 41—123; Насонов А. Н. 1) Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжесове летописание первой половины XIII в. — ПИ, 1963, т. 11, с. 429—480; 2) История летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 80—225; Прохоров Г. М. 1) Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1972, т. 4, с. 83—104; 2) Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской лепиcи. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 77—98; Лурье Я. С. 1) Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, 1974, т. 29, с. 50—67; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 17—36; Fennell J. L. I. 1) The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the XIII-th—XV-th Centuries. — Russia Mediaevalis, München, 1977, t. 3, p. 41—60; 2) The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources. — In: Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln; Wien, 1977, p. 34—46.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская первая — древнейшая летопись Новгородской феодальной республики, является одним из главных источников наших знаний о культуре, быте, общественно-политической жизни Новгорода периода независимости. Хотя в основе НIЛ лежит местная летопись, ведшаяся при дворе епископа, нов-

городское летописание неоднократно входило в соприкосновение с летописанием других древнерусских центров. Таким образом новгородский читатель получал представление о наиболее важных исторических событиях, происходивших по всей Русской земле.

НIЛ известна в двух изводах (редакциях). Старший извод представлен пергаменным Синодальным списком XIII—XIV вв. (ГИМ, Синод. собр., № 786). Список дефектный: утрачены первые 16 тетрадей (с начала летописи до 1016 г.) и одна тетрадь с изложением событий 1273—1298 гг. Часть летописи до 1234 г. писана двумя почерками конца XIII в., в одном из которых признается рука Тимофея, пономаря церкви св. Якова из Людина Конца, переписавшего в 1282 г. *Пролог* для церкви св. Образа (ГИМ, собр. Хлудова, № 187). В данной части Синодального списка вообще обнаруживается интерес к церковному строительству в пределах Людина Конца и близлежащем Аркадиевском монастыре и содержатся известия, которые отсутствуют в других новгородских летописях. Можно полагать, что при создании рукописи были использованы владычная летопись и записи, ведшиеся при церкви св. Якова. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в.: она доводит изложение до 1330-х гг. и имеет приписки, сделанные разными почерками и доходящие до середины XIV в. Вероятно, первоначальное окончание летописи XIII в. по политическим соображениям было изъято и заменено новым (в тексте заметны следы нескольких пластов редакторской работы во времена острого московско-тверского соперничества за обладание великокняжеским столом и новгородским княжением).

Младший извод НIЛ близок к Синодальному списку, но продолжает его до 40-х гг. XV в. Известны два основных списка НIЛ младшего извода: Академический (БАН, 17.8.36) и Комиссионный (ЛОИИ, собр. Археогр. ком., № 240). Академический список утратил часть листов, но судя по снятым с него в XVIII в. копиям, кончался 1443 г. По палеографическим данным список относится к 40-м гг. XV в., а согласно свидетельству В. Н. Татищева (приобретшего рукопись у раскольников), имел точную дату написания — 1444 г. Комиссионный список — середины XV в., в основной своей части доведен до 1439 г., другой рукой (и на другой бумаге) написаны известия 1440—1446 гг. Хотя протограф списков НIЛ младшего извода доходил до 1432 г., но окончательно летопись сформировалась в конце 30-х гг. XV в., поскольку в нее включены материалы, использованные в создававшемся в это время в Новгороде митрополичьем своде (Новгородско-Софийском своде, по терминологии А. А. Шахматова).

Значение НIЛ младшего извода в истории русского летописания раскрыто трудами А. А. Шахматова. Он показал, что в ранних известиях летописи отразился так называемый Начальный свод конца XI в., предшествующий *Повести временных лет*. Шахматов, правда, считал, что в утраченной части Синодального списка читался иной текст, но в современных работах эта точка

зрения отвергается: во-первых, в сопоставимой части оба извода действительно очень близки, во-вторых, объем текста утраченных 16 тетрадей Синодального списка ненамного превосходит объем соответствующей части младшего извода. Кроме того, можно указать в самом Синодальном списке фрагменты (под 1198, 1238, 1268 гг.), выписанные из того же Начального свода, который представлен в НIЛ младшего извода. Ясно, таким образом, что в XIII в. Начальный свод уже использовался в новгородском летописании. В литературе высказывалось мнение о привлечении Начального свода в Новгороде еще ранее — в XII в., однако этот вывод пока не подкреплен текстологическими аргументами. Напротив, в тексте Предисловия к Начальному своду имеется след редактуры, связывающий его с *Повестью о взятии Царьграда фрягами* в 1204 г. (Повесть читается в обоих изводах НIЛ). По-видимому, Начальный свод появился в Новгороде только лишь в XIII в.

Изд.: Летописец новгородский, начинающийся от 6525/1017 г. и кончающийся 6860/1352 г. М., 1781; 2-е изд. М., 1781 Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 г. — Продолжение ДРВ. СПб., 1786, ч. 2, с. I—IV, 257—712; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888; ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. V—IX, 1—114; Michell R., Forbes N. The Chronicle of Novgorod. London, 1914 (2 ed.: New York, 1970) (пер. на англ. яз.); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Новгородская харатейная летопись: (Текст) / Изд. под наблюд. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964; Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion. Von J. Ditze. Leipzig, 1971 (пер. на нем. яз.).

Лит.: Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? — ЖМНП, 1852, июль, отд. 2, с. 1—28; Срезневский И. И. Исследования о летописях Новгородских. — В кн.: Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб., 1903, с. 1—255; Погодин М. П. Новгородские летописи. — ИпоРЯС, 1857, т. 1, вып. 3, л. 13—16, отд. Исторические чтения о языке и словесности, стб. 209—233; Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874, с. 1—96 (отд. отт. из ЧОИДР, 1874, кн. 2, отд. 1); Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода: Исследование. СПб., 1885 (отд. отт. из ЛЗАК, СПб., 1888, вып. 8); Тихомиров И. А. Несколько заметок о новгородских летописях. — ЖМНП, 1892, сентябрь, отд. 2, с. 144—152; Шахматов А. А. 1) Разыскания, с. 182—257, 378—398, 491—527, 611—629; 2) Обозрение, с. 128—132; 3) Киевский начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 177—160; Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. — Изв. АН СССР, VII сер. отд. обществ. наук, 1933, № 5, с. 337—362; Лихачев Д. С. 1) Новгородские летописные своды XII в.: (Автореф. канд. дис.). — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1944, т. 3, вып. 2—3, с. 98—106; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 197—215; 3) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 240—265; Зимин А., Насонов А. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. — ВИ, 1951, № 2, с. 89—91; Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи. — Вестн. МГУ, 1966. Сер. 9. История, № 1, с. 67—75; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 80—83.

Б. М. Клосс

Летопись Радзивиловская — летопись, основной список которой представляет собой лицевую (иллюстрированную) рукопись конца XV в. (БАН, 34.5.30). Рукопись эта принадлежала в XVII в. польско-литовским магнатам Радзивиллам (откуда и ее название); затем попала в Восточную Пруссию (Кенигсберг), где с нее по приказу Петра I была снята копия; в 1758 г. была захвачена как военный трофей в Семилетней войне и отвезена в Петербург, в конце XVIII в. была впервые опубликована. Чрезвычайно близка к Радзивиловскому списку летопись Московско-Академическая (или Московско-Академический список Суздальской летописи. — ГБЛ, собр. МДА, № 236); они совпадают с начала вплоть до 6714 (1206) г., до которого доведен текст Л. (далее в Московско-Академической вплоть до 1419 г. следует текст иного происхождения).

В ряде мест Л. обнаруживаются пропуски и перестановки текста. Пропущены (из-за утраты листа в рукописи) окончание вводной статьи и *Повести временных лет* (о «козарской» дани) и известия с 6360 (852) по 6366 (858) г.; пропущен текст с 6697 (1189) г. по начало 6700 (1192) г.; внутри статьи 6694 (1186) г. помещен текст за 6710 (1202)—6711 (1203) гг. Эти дефекты основного списка Л. не отразились в Московско-Академическом списке, но ряд других дефектов присущ обеим летописям. Так, пропущены тексты под 6532 (1024), 6572 (1064), 6582 (1074), 6659 (1151), 6662 (1154)—6663 (1155), 6677 (1169) гг. После статьи 6709 (1201) г. следуют статьи с конца 6711 (1205) по 6714 (1206) г., которыми, в сущности и заканчивается общий текст обеих летописей, но вслед за 6714 г., с нарушением хронологии, в обеих летописях следуют известия за 6711 (1203)—6713 (1205) гг.

Поскольку ни Радзивиловский список не может быть возведен к Московско-Академическому списку, ни Московско-Академический список — к Радзивиловскому, то А. А. Шахматов возводил их к общему источнику, который он определял как Л. (именуя рукопись БАН, 34.5.30 Радзивиловским списком этой летописи).

Начиная с известия 1138 г. может рассматриваться как третий список Л. еще один памятник — *Летописец Переяславля Суздальского*, или «Летописец русских царей» (рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 279/658). Сходный с Л. текст начинается в этом памятнике с 6646(1138) г. и продолжается после 6714 г., завершаясь 6722 (1214) г. А. А. Шахматов пришел к заключению, что в основе всех списков Л. лежал Переяславский свод 1214 г., окончание которого утрачено в Радзивиловском и Московско-Академическом списках Л.

Сравнение Л. (в трех списках) с *Летописью Лаврентьевской* обнаруживает существенные расхождения между ними. Рассказывая под 6665 (1157) г. о построении *Андреем Юрьевичем Боголюбским* церкви в память своего отца, Л. прибавляет: «в Переяславли Новем»; в Лаврентьевской этих слов нет; в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 6683 (1175) г. Л. называет,

в отличие от Лаврентьевской, в числе его убийц Ефрема Моизича; далее здесь говорится, что «володимерцы» не хотели покориться «ростовцем и суждальцем и муромцем» — в Лаврентьевской только «ростовцем». Под 6684 (1176) г., в Лаврентьевской подробно описывается, как брат Андрея Боголюбского «Михалко» (Михаил Юрьевич) по призыву владимирцев пришел во Владимир, вступил в борьбу с ростовцами, со своим племянником Ярополком Ростиславичем и его братьями, захватившими владимирский престол, и победил их; в Л. читается тот же рассказ, но к упоминаниям о подвигах «Михалки» всюду и неизменно добавляется «с братом своим Всеволодом»; на протяжении одной годовой статьи содержится не менее 13 таких добавлений. Под 6685 (1177) г. в Лаврентьевской описывается, как владимирцы потребовали от Всеволода выдачи их пленных врагов — Ростиславичей; летописец не указывает, какова была участь этих пленников (*Летописи Ипатьевская* и *Новгородская первая* сообщают об их ослеплении), но сообщает, что люди, ворвавшиеся во двор, кричали: «Хочем слепити и (их)», и что Всеволод не мог «удержати людей, множьства ради их клича»; в Л. нет слов «Хочем слепити и», и рисуется иная версия судьбы пленных: «и пустиша ею из земли». Может быть отмечен еще ряд отличий между Л. и Лаврентьевской (в рассказе о победе Всеволода в 6685 г. упоминаются среди его сторонников «переяславци» и т. д.).

А. А. Шахматов и М. Д. Приселков пришли на основании этих разночтений к выводу, что в основе Лаврентьевской летописи (свода 1305 г.) лежал Владимирский свод кон. XII в., где текст летописания предшествующего времени не подвергся еще особенно значительным и тенденциозным переделкам, а в основе Л. (Переяславского свода 1214—1216 г.) — владимирский свод начала XIII в., прославлявший Всеволода Большое Гнездо (составленный при его сыновьях Юрии и Ярославле).

Свод начала XIII в., отразившийся в Л., обнаруживает тенденцию составителя к обновлению языка своего источника: он систематически, хотя и не всегда точно, заменяет архаичные выражения раннего летописания (сохранившиеся в Лаврентьевской) более современными и более для него понятными («ложница» — постельница», «вира» — «вина» и т. д.).

Следует отметить, что текст Летописца Переяславля Суздальского в ряде случаев отличается от текста двух остальных списков Л. Так, под 6683 (1175) г. в Л., как и в Лаврентьевской, рассказ об убийстве Андрея Боголюбского завершается молитвой о помиловании «князя нашего и господина Всеволода» — в Летописце Переяславля вместо этого: «князя нашего и господина Ярослава» (княжившего с 1201 г. в Переяславле); сообщая о вокняжении Ярополка Ростиславича после убийства Андрея Летописец Переяславля дважды указывает, что «переяславцы» этого не хотели; в остальных списках Л. (как и в Лаврентьевской) этих слов нет; под 6684 (1176) г. в Летописце Переяславля за победу над Ростиславичами прославляются не только «володимерцы»

(как в остальных летописях), но двукратно также и «переяславцы» и т. д. С другой стороны, в ряде случаев оба основных списка Л. отличаются от Лаврентьевской, а Летописец Переяславля с ней сходится. Так, в основных списках Л. при перечислении имен убийц Андрея в 1175 г. нет имен Аньбала, Ясина и Якыма Кучковича — в Летописце Переяславля они названы; в Летописце Переяславля упоминается, что сразу после убийства Андрея «володимерци с радостью» посадили Ярополка (в остальных списках нет; под 6694 (1186) г. Летописец Переяславля, в отличие от остальных списков Л., сообщает о рождении у Всеволода сына Константина, и т. д.

Чем объясняются эти различия? Следует ли видеть в Летописце Переяславля специфически переяславскую версию владимирского свода начала XIII в., а в остальных списках Л. — владимирскую? Или же общий протограф Летописца Переяславля Суздальского и Л. переяславским сводом, а оба списка Л. отражали его владимирскую отработку. Вопросы, возникавшие в связи с этими различиями, еще не решены, но бесспорным остается вывод о двух основных редакциях владимирского летописания — своде конца XII—начале XIII в., отразившемся в Лаврентьевской летописи, и своде начала XIII в., представленном Л.

Важнейшей особенностью текста Л. являются многочисленные иллюстрации — свыше 600 миниатюр. В Радзивиловском списке XV в. эти миниатюры, очевидно, восходят к его оригиналу — Переяславскому своду 1214—16 гг. (хотя в Московско-Академическом списке иллюстраций нет, но один из дефектов его текста говорит о том, что в ее оригинале они были), а возможно и к Владимирскому своду начала XIII в. Иллюстрации к Л. являются ценным художественным памятником и вместе с тем источником, существенно дополняющим данные письменности.

Раннее издание Л., подготовленное в XVIII в. И. А. Таубертом и И. С. Барковым, содержало множество пропусков, произвольных дополнений, поновлений текста и т. д. В дальнейшем текст Л. (Радзивиловского и Московско-Академического списков) использовался для разночтений и дополнений при издании Лаврентьевской летописи (окончание Московско-Академического списка было издано в приложении к ней). Отдельно был издан (в 1851 г.) Летописец Переяславля Суздальского. Рукопись Л. была воспроизведена в 1902 г. фотомеханическим путем. Уже в 1936—1941 гг. М. Д. Приселков подготовил текст Л. с разночтениями по Московско-Академическому списку и Летописцу Переяславля Суздальского; это издание выходит в свет в составе ПСРЛ.

Изд.: Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи. . СПб., 1767, ч. 1. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г.; Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи (ОЛДП, вып. 118).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. — В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская

летопись. — ОЛДП, 1902, т. 2, с. 18—114; 2) Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи. — В кн.: Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина. М., 1913, с. 69—75; 3) Обозрение, с. 44—68, 123—124, 228—230, 365; К о н д а к о в Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. ОЛДП, 1902, т. 2, с. 115—127; С и з о в В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи. ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 1, с. 1—50; Г а н ц о в В. М. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи. ИОРЯС, 1927, т. 32, с. 177—242; А р т а м о н о в М. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи. — Изв. Акад. ист. матер. культуры. Л., 1931, т. 10, вып. 1, с. 1—28; П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 57—63, 82—87; А р ц и х о в с к и й А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи, с. 278—279, 433—437. П о д о б е д о в а С. И. Миниатюры исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1964, с. 49—101; Ч е р н е ц о в А. В. К изучению Радзивиловской летописи. ТОДРЛ, 1981, т. 36, с. 274—288.

Я. Лурье

Лука Жидята (ум. 15 X 1059/1060 г.) — епископ Новгородский, автор поучения. Л. Ж. был поставлен епископом в 1036 г. Полагают, что князь Ярослав предпочел его Ефрему, ученику и преемнику первого новгородского епископа *Иоакима*, либо потому, что Л. Ж. был новгородцем, а не греком, как Ефрем, либо «за способности. . как практического деятеля», как полагает И. Е. Евсеев. И. И. Малышевский полагал, что прозвище Жидята указывает на еврейское происхождение его носителя, но И. Е. Евсеев и А. И. Соболевский считали его типичным новгородским прозвищем либо от имени Георгий (Гюргий—Гюрята—Жидята), либо от имени Жидослав. В 1055 г. Л. Ж. был оклеветан «от своего холопа Дудики», вызван в Киев митрополитом и задержан там до 1058 г., когда он вновь был возвращен на новгородскую епископскую кафедру, а его обвинитель жестоко наказан — ему отрезали нос и руки, после чего он бежал «в немцы» Л. Ж. умер, возвращаясь из поездки в Киев.

Во время епископства Л. Ж. был построен Софийский собор (1045 г.), на эти же годы приходится создание Остромирова евангелия (см. *Григорий (XI в.), диакон*) и переписка Упырем Лихим толковых пророчеств. Эти факты без достаточных оснований используют как указание на то, что Л. Ж. покровительствовал церковному строительству и развитию книжности.

Сведения о Л. Ж. содержатся в НIVЛ и некоторых других летописях. А. А. Шахматов считал, что в свод 1448 г. они попали из древнейшего новогородского свода, к составлению которого Л. Ж. мог быть причастным. В НIVЛ по списку Дубровского, а также в НIIЛ помещено «Сказание о церкви св. Софии. .», в котором рассказывается, как Л. Ж. увидел, что образ Христа в строящемся Софийском соборе написан не с благославляющей рукой, а со «сжатою». Образ трижды переписывали, пока глас с неба не возвестил, что если рука «распространится», тогда «будет граду скончание». В Никоновской летописи добавлены имена «другов» доносчика Дудики — Демьян и Козма.

Только в НIVЛ, в статье 1058 г., после рассказа о возвращении Л. Ж. на епископский стол и наказания клеветника, читается «Поучение архиепископа Луки к братьи» (нач.: «Се братье первее всего сию заповедь известно должни есмы крестиане держати. .»). В Поучении, обращенном к пастве, проповедник призывает не лениться посещать церковь, благочестиво молиться, быть добрым, незлопамятным, милосердным, соблюдать христианские заповеди. Окончание Поучения представляет собой набор библейских цитат. Состоящее из нравоучительных сентенций, Поучение не содержит признаков, по которым можно его датировать или локализовать. Поэтому Р. Ф. Тимковский, открывший и первым опубликовавший памятник, сомневался, какому именно Луке оно принадлежит: Ростовскому, Белгородскому или Новгородскому. Сомнение в древности Поучения высказывал и П. М. Строев, о спорности атрибуции писал Н. К. Никольский. Однако большинство исследователей атрибутируют Поучение Л. Ж., поскольку оно соотнесено в летописи с рассказом о деятельности епископа.

Поучение читается в шести списках НIVЛ, а также в Новгородской Карамзинской летописи (ГПБ, F.IV.603) и в НIVЛ по списку Дубровского (ГПБ, F.IV.238). Летописи, по которым публиковал текст Поучения Р. Тимковский (список, принадлежавший П. П. Бекетову, и список ОИДР), по утверждению С. Бугославского, сгорели в 1812 г.

Кроме того, Поучение читается и в отдельных списках: в Спасо-Прилуцком *Прологе* XIV—XV в. (ГПБ, собр. ПДА, А.I.264) под 11 июля, в «Измарагде» (ГИМ, Музейское собр., № 1217/1774, XVI в.), в сборниках: ГПБ, Соф. собр., № 1262, XIV—XV вв., и в сборниках XVI—XVII вв.: ГИМ, собр. Уварова, № 320/57 и 339/64; ГБЛ, собр. ОИДР, № 208; ГПБ, собр. Погодина, № 797; ГПБ, Солов. собр., № 803/913 и 840/950.

В отдельных списках текст Поучения читается в той же редакции, что и в летописи, однако памятник носит там различные названия с разными указаниями авторства: «Поучение святых апостол о спасении души», «Поучение святого архиепископа Василия и душевной пользе», «Поучение святого епископа Григория», «Словеса душеполезна от святых апостол и святых отец» и др.

Изд.: Тимковский Р. Поучение архиепископа Луки к братии. — Русские достопамятности, издав. ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 3—16; Макарий. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1889, т. 1, с. 119—122, 270—271; Евсеев И. Е. Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского. — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894, вып. 1, с. 7—24; Бугославский С. Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV—XVII вв. — ИОРЯС, 1914, т. 18, кн. 2, с. 196—237.
Лит.: Строев П. Хронологические указания материалов отечественной истории. — ЖМНП, 1834, кн. 2, с. 153; Добромыслов В. Святой Лука Жидята, второй епископ Новгородский. — Странник, 1865, октябрь, с. 1—32; ноябрь, с. 49—73; Малышевский И. И. Русские известия о евреях в Киеве и южной Руси в X—XII в. — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2, отд. 1, с. 49—52; Никольский Н. К. 1) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 28—29 (ПДПИ, № 147);

2) Повременной список, с. 144—149; Шахматов. Разыскания, с. 219; Соболевский А. И. Заметки о собственных именах. 4. Жидята. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, 1910, т. 88, № 3, с. 255—256.

О. В. Творогов

М

Максим (ум. 1190 г.) — епископ Белгородский, предполагаемый автор канонических статей и поучения. М. упоминается в летописи под 1187 г., когда он венчает князя Ростислава Рюриковича с Верхуславой Всеволодовной, и под 1190 г., когда говорится о его смерти (*Летопись Ипатьевская*. — ПСРЛ, 1965, т. 2, стб. 658 и 666).

С. И. Смирнов считал принадлежащими М. четыре статьи в тексте канонических правил («Апостольских заповедей правила святых отец» или «Заповеди святых отец»), обнаруженных им в сборнике, принадлежавшем Н. П. Никифорову, и в Номоканоне (ГИМ, собр. Уварова, № 559). Исследователь допускал также атрибуцию ему Поучения, названного в рукописи «Святаго Григория Богослова поучение попом» (нач.: «Слышите убо во отеческих заповедех глаголет. .»), вопреки мнению А. И. Соболевского, считавшего автором поучения *Григория епископа белгородского*. Отрывок из данного поучения, надписанный «Максимово», найден С. Смирновым в рукописи ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 478/958, XVI в. Полные списки указаны А. И. Соболевским: ГИМ, собр. Уварова, № 1770, XIV в. и ГПБ, Соф. собр., № 875, XVI в.; по последнему издано А. Алмазовым. В поучении содержатся наставления священникам внимательно и тактично относиться к исповедующимся, умеренно налагать епитемью. Мирянанам после смерти их духовного отца предписывается сообщить «иному отцу» о своих прежних грехах. Даются советы, как причащать умирающего грешника.

Изд.: Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894, т. 3, Приложения, с. 267—268; Соболевский А. И. Два русских поучения с именем Григория. — ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 1, с. 250—251; Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). — ЧОИДР, 1912, кн. 3, с. 332—341 и 367—368.

О. В. Творогов

Максим (ум. 1305 г.) — митрополит Киевский и Владимирский, автор Правил. М. родом грек, рукоположен в митрополита всея Руси в 1283 г. По прибытии на Русь сразу же совершил путешествие в Орду. Вернувшись в Киев, созвал там собор русских

епископов (обсуждавшиеся там вопросы неизвестны). В 1285 г. М. побывал во Владимире на Клязьме, Новгороде, Пскове, Галиче, на Волыни. В 1288 г. в киевском Софийском соборе поставил владимиро-суздальского епископа Иакова. В 1289 г. там же рукоположил ростовского епископа Тарасия и тверского Андрея. В 1295 г., будучи во Владимиро-суздальской земле, поставил владимиро-суздальского епископа *Симеона*. В 1299 г. со всем своим двором ушел из Киева, население которого разбежалось по причине монголо-татарского насилия, и поселился во Владимире на Клязьме, тамошнего же епископа Симеона перевел в Ростов. В 1300 г. ходил в Новгород, посвятил там во владыки Феоктиста. В 1301 г. был в Константинополе, присутствовал на патриаршем соборе. Во время этого путешествия получил в подарок от игумена Ратского монастыря на Волыни *Петра* (будущего митрополита) написанную тем икону богородицы, принес ее во Владимир. В период его управления русской церковью митрополия подверглась разделу, так как в 1302 г. константинопольский патриарх Афанасий по просьбе галицкого князя Юрия Львовича возвел галицкую епископию в ранг митрополии Малой Руси, тем самым выведя ее и пять других западнорусских епископий (перемышльскую, владимиро-волынскую, луцкую, холмскую и туровскую) из-под власти М. Согласно рассказу об убийстве в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского, митрополит М. в 1304 г., после смерти великого князя Андрея Александровича, по просьбе великой княгини Оксиньи, матери князя Михаила, удерживал московского князя Юрия Даниловича от борьбы с Михаилом Ярославичем Тверским за великое княжение Владимирское, когда тот, направляясь в Орду, находился во Владимире. Вернувшегося из Орды с ярлыком Михаила Ярославича митрополит М. торжественно сажал на Владимирский великокняжеский стол. Умер М. 16 декабря 1305 г., похоронен в Успенском соборе во Владимире. Сохранившееся в Кормчих «Правило» митрополита М. (нач.: «Благословение Максима митрополита всея Руси и всем християном правоверным») касается главным образом вопроса о постах. В конце «Правила» М. меняет тему и говорит о браках. Обращаясь к «детем» и «чядам» своим, «порожденим в купели новосвященней», он призывает их строго соблюдать правила церковного брака. Написано Правило простым языком, без цитат Св. писания и риторических оборотов.

Изд.: Макарий, митр. История русской церкви, СПб., 1866, т. IV, с. 365—367; *РИБ*, 1880, т. 6, стб. 139—142.

Г. М. Прохоров

Митуса (XII—XIII в.). —«словутьный певец». В рассказе Галицко-Волынской летописи (см. *Летопись Ипатьевская*) о междоусобной борьбе нач. 40-х гг. XIII в. за Галицкий стол Даниила Романовича и его брата Василька с племянником Ростиславом (сыном Михаила Черниговского, который был женат на сестре Даниила и Василька) есть такой эпизод. Сторонником Ростислава

был перемышльский епископ, в Перемышле находился во время этих событий и союзник Ростислава, рязанский боярин Константин. Выбив из Галича Ростислава, Даниил послал войско под предводительством своего дворского Андрея на Перемышль. Боярин Константин бежал со своими силами из города. Андрей занял Перемышль и обрушил свой гнев на перемышльского епископа и его свиту. Он «слуги его (епископа) разъграби гордые, и тулы их бобровье раздра и прилбичее (прилобья шлемов) их волчье и боръсуковые раздраны быша. Словутьного певца Митусу, древле за гордость не восхотеста служити князю Данилу, раздраного, акы связаного приведоша (ограбленного привели как узника)» (ПСРЛ, т 2, стб. 794). Вопрос о том, как следует толковать в данном контексте термин «певец» — писатель, сказитель-поэт типа Бояна или же певец (в современном значении этого слова) — по существу остается открытым. Кто имеется в виду? Многие исследователи не сомневаются, что речь здесь идет о писателе-поэте. Л. В. Черепнин, рассматривая вопрос об источниках Галицко-Волынской летописи, считает, что борьбе Даниила за Галицкое княжение с местным боярством была посвящена специальная повесть, которую Черепнин условно называет Второй галицкой повестью и определяет ее как острый памфлет. Повесть эта, по его мнению, была составлена между 1238—1245 гг. и представляла собой «публицистическое произведение, вышедшее из княжеского окружения. О том, что Даниил действительно ставил перед собой задачу литературной полемики со своими политическими противниками, достаточно говорит его расправа после взятия Перемышля в 1243—1244 гг. с певцом Митусом, не пожелавшим поставить свою лиру на службу княжеских интересов» (Черепнин. Летописец, с. 251). В. Г. Пашуто считал Митусу придворным поэтом перемышльского епископа (см.: Пашуто В. Г. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 227). Однако еще в 1861 г. М. А. Максимович писал: «Не знаю, кому первому из русских ученых принадлежит мнение, давно принятое многими, что словутный певец Митуса, упоминаемый Волынской летописью под 1241 г., был песнотворец, подобно Бояну и певцу Игоря Святославича (т. е. автора «Слово о полку Игореве» — *Л. Д.*). Но из сказания Волынской летописи напрасно, мне кажется, выведено такое заключение; скорее следовало принять, что упомянутый Митуса (т. е. Дмитрий) был знаменитый в свое время церковный певец, принадлежавший к певчим владыки перемышльского, но не хотевший прежде поступить в певчие князя Данилы Романовича» (Максимович. Собр. соч., т. 1, с. 129). Останавливаясь на этимологии имени Митусы, один из исследователей писал, что это имя «образовалось от нарицательного, а не от «Димитрий» .. ««мытуса» — суетливый, непоседа, егоза» (Крымский А. Е. Филология и погодинская гипотеза. Киев, 1904, с. 45). Этимология имени М. дала основание Н. П. Сидорову связать это имя с термином «митуспевание», которым обозначилось антифонное пение в церкви на два клироса. Проанализировав характер записи

о М. в летописи, рассмотрев все существующие на этот счет гипотезы, Н. П. Сидоров пришел к выводу, что «в лице „словутного певца" Митусы мы имеем не поэта, слагателя славных песен, а придворного, может быть, владычного певца. Вопрос о стремлении Даниила привлечь к себе знаменитого («словутного») певца получит, пожалуй, большую ясность, если мы вспомним, что Даниил строит новый, свой собственный город Холм (основан в конце 30-х гг. XIII в., т. е. перед 1241 г.), куда переносит центр религиозной жизни и где строит для этого храм» (Сидоров. К вопросу об авторах, с. 174). Историки церковного пения (В. Металлов) считают М. церковным певцом, ряд филологов (И. В. Ягич, И. И. Срезневский) оставляют вопрос открытым. Писатель А. К. Югов, сторонник галицко-волынского происхождения «Слова о полку Игореве» считал, что М. был поэтом, писателем, но столь же вероятно можно видеть в нем церковного певца. Сколько-нибудь веских аргументов в пользу своей гипотезы о М. как авторе Слова о полку Игореве Югов не привел. Аргументированное опровержение гипотезы Югова дано в статье Н. П. Сидорова. Д. С. Лихачев считает, что М. — «несомненно светский певец, а не церковный», о чем говорит обвинение М. в нежелании служить князю (Лихачев Д. С. Размышления об авторе «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1985, № 3, с. 4).

Лит.: Максимович М. А. Заметка о словутном певце Митусе. — Основа, 1861, июнь (перепеч.: Максимович М. А. Собр. соч., т. 1, Киев, 1876, с. 129—130); Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1951, № 12, с. 228—253; Югов А. К. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве / Пер. и ком. А. Югова. Л., 1945, с. 171—179 (перепеч. в кн.: Слово о полку Игореве / Пер., ком. и статьи А. Югова. М., 1970, с. 205—213); Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—174.

Л. А. Дмитриев

Моисей (ум. 1187 (?)) — автор поучений. Ему атрибутируются «Поучение Моисея о безвременном пиянстве» (нач.: «Бог вложил есть всякое похотенье человека. .») и «Слово отца Моисея о ротах и о клятвах» (нач.: «Пророк глаголет: того рещи завяза небо. .»). А. И. Соболевский приписывал эти сочинения игумену новгородского Антониева монастыря М. (ум. 1187 г.; иных сведений в *Летописи Новгородской первой* о нем нет), а А. Попов и Н. Гальковский — новгородскому архиепископу М. (ум. 1362 г.). Вторая атрибуция вряд ли верна, поскольку и темы безыскусных поучений М. ближе к потребностям церкви XII в., и стилистически они совпадают с оригинальными новгородскими текстами домонгольского периода; см., например, употребление в них некоторых слов и понятий: пьянство понимается широко — как излишество вообще, представлена языческая символика желто-зелено-черного цвета, в текстах имеются грамматические архаизмы и т. д. Относительно авторства архиепископа М. сомневался еще И. И. Срезнев-

ский, указавший на текст, в котором сказано, что этот М. «добро пасяще свое стадо. и многы писца изыскав и книгы многы исписав скончася много писание оставив» (см.: Новгородская вторая летопись. — ПСРЛ, 1965, т. 30, с. 198—199) — речь идет о переписке книг, а не о литературном творчестве иерарха. Поучение и Слово — типичные для древненовгородской литературы увещевательные слова, направленные против языческих пороков в среде новопосвященных христиан. Произнесенные на разговорном языке своего времени, русским по рождению человеком, в своеобразной поэтической форме, лаконично и в народном ритмическом исполнении, такие слова затрагивали нравственные проблемы общественного значения; их особенность — в полном отсутствии цитат из Св. Писания (последнее характерно для торжественного красноречия и вообще становится типичным только в более поздней традиции) и в той системе эмоциональных по своему характеру доказательств, которые диктуются обращением не к церковному авторитету, а к простой и понятной житейской мудрости, А. И. Соболевский указал также на связь содержания второго слова, написанного по случаю засухи, с засухой и голодом в новгородской земле 1161 г.

Известны списки сочинений М. XIV—XV вв.: ГИМ, собр. Хлудова, № 30д; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 297/1081.

Изд.: Срезневский. Памятники, с. 275; Попов А. Первое прибавление к описанию рукописей. . . А. И. Хлудова. М., 1875, с. 56—57; Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. I. Слова отца Моисея. — ИОРЯС, 1912, т. 17, кн. 3, с. 77—80; Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913, ч. 2, с. 133—140; Поучения к простой чади / Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. — ПЛДР. XII век. 1980, с. 400—403, 690.

В. В. Колесов

Моисей (кон. XII—нач. XIII в.) — игумен киевского Михайловского Выдубицкого монастыря, автор похвального слова. Его имя дважды упоминается в *Летописи Ипатьевской*; в статье 1198 г. сообщается, что князь Рюрик Ростиславич созывает на «духовный пир» по случаю освящения церкви духовных лиц и среди них — «Моисея игумена святаго Михаила Выдобичьского»; в статье 1199 г. рассказывается о постройке стены, укрепляющей берег под монастырской церковью. На торжествах по случаю окончания строительства М. произнес похвальное слово Рюрику Ростиславичу. В летописи (ПСРЛ, т. 2, стб. 712—715) приводится текст слова, которое характеризует М. как эрудированного книжника, в совершенстве владеющего приемами ораторского искусства. Исследователи отмечали сходство риторических приемов М. и *Кирилла, епископа Туровского*. Ю. К. Бегунов установил, что М. подражает в своем слове «*Откровению*» *Мефодия Патарского* («О пиявици, сущии в Притчах, и о небеса исповедают славу божию, творение же руку его возвещает твердь»). М. подражал инок Фома в «Слове похвальном великому князю тверскому Борису Александровичу».

Существует предположение, что игумен М. был также летописцем: он редактировал Киевский свод 1200 г., и ему, по мнению Б. А. Рыбакова, принадлежит текст статей 1196—1198 гг., а также ряд ретроспективных вставок в некрологи Ростислава Мстиславича и Святослава Ростиславича (ПСРЛ, т. 2, стб. 532, 550—551), рассказ о рождении Ростислава Рюриковича (стб. 657), вставки в статьях 1174, 1176, 1179, некролог Роману Ростиславичу (стб. 616—617) и др.

Изд.: ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 712—715 (переизд.: М., 1962); Бегунов Ю. К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 60—76.

Лит.: Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 115; Голубев С. Т. Подбережная каменная стена в Киево-Выдубицком монастыре, сооруженная в 1199—1200 гг. — ЧИОНЛ, 1907, т. 19, вып. 4, отд. 2, с. 97—100; Грушевський М. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923, т. 3, с. 30—32; Шахматов. Обозрение, с. 70—71; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 47—49;

О. В. Творогов

Мудрость Менандра — сборники кратких изречений (моностихов), выбранных из сочинений знаменитого древнегреческого драматурга Менандра (ок. 343—ок. 291), сложившиеся еще на греческой почве. Время их славянского перевода и появление на Руси не может быть точно определено, но характер взаимоотношений текстов в старших списках (сербского XIV в. и русских XV в. — пергаменного списка ГПБ, F.п.I, № 44 и ГБЛ, собр. ОИДР, № 189) позволяет считать датой перевода XIV или даже XIII в.

И. В. Ягич полагал, что памятник был переведен в Македонии в XIII в.

В древнерусской письменности подборки моностихов Менандра в рукописях носят названия: «Менандра Мудраго разуми и словеса назидательна» («наказательна»), «Менандра Мудраго о разуме. .» («о разумех»), «Мудрость Менандра Мудраго». Они часто соседствуют в сборниках с Пчелой, подборками изречений Иисуса Сирахова, Соломона, Исихия, Варнавы.

Тематика изречений разнообразна: это прославление доброты, воздержанности, ума, трудолюбия, щедрости («жизнь живеши предобру, аще гневу съодолееши», «от труда добра доброе прибывает человеком», «умей всем добро творити, а не себе единому» и др.), осуждение людей коварных, завистливых, лживых, скупых («мужа лукава пиши клятвы на воде», «лжаи не утаится в много время», «нищу жити луче, негли богату зле» и др.), сентенции на темы семейной жизни («оженивыися борзо скоро раскаеться после», «несть злее ничтоже ино паче мачехи злы»), осуждение женской злобы («ветер север в дому — жена лукава», «в женах редко есть обрести истина») и прославление «добрых жен» и т. д.

Видимо, еще на греческой почве подборки моностихов Менандра приписывались Григорию Богослову. Перевод такой под-

борки под заглавием «Разумения единострочная святаго Григория Богослова» известен по рукописям: ГБЛ, собр. Ундольского, № 621; ГИМ, собр. Уварова, № 349/59; ГПБ, собр. Погодина, № 1558.

Изд.: J а г и ħ В. 1) Разум и философиjа из српских књижевних старина. — Споменик. Београд, 1892, т. 13, с. III—XIX, с. 1—21; 2) Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Übersetzung. — Sitzungberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Wien, 1892, Bd 126, Abt. 7; Мудрость Менандра по русским спискам: Сообщение В. Семенова. ПДП, 1892, вып. 88; Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянской письменности. М., 1905, с. 393—414.

Лит.: Сухомлинов М. И. О сборниках, известных под названием «Пчел». — ИпоРЯС, 1853, т. 2, с. 222—231; Соколов М. И. Сербский пергаменный сборник П. С. Сречковича. — В кн.: Соколов М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888, 1—5, с. 11—12; Сперанский М. Н. «Разумения единострочные Григория Богослова» и «Разуми мудраго Менандра» в русском переводе. — ИОРЯС, 1898, т. 2, кн. 2, с. 541—559; Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе древней Руси. — ТОДРЛ, 1972, т. 28, с. 3—39.

О. В. Творогов

Мучение Варвары — переводной агиографический памятник. Мартирий известен в нескольких греческих редакциях (см.: BHG, t. 1, p. 75—77). В древнерусском переводе он носит название: «Мучение святыя Варвары и Улиании» (нач.: «При Максимиани царе, владыце сущу Маркиану, бе (некто еллин) Диоскор богат зело. . .», «При Максимьяне цари бе Диоскор етер, богат зело. . .»). М. содержит известный эпический мотив о заключенной в башню красавице-девушке (см.: Wirth A. Danae in christlichen Legenden. Wien, 1892, S. 13—16; там же, на с. 105—111 опубликован греческий текст мартирия). Содержание М. таково. У богатого правителя Геласии Диоскора есть дочь Варвара необычайной красоты. Отец поселил ее в уединенных полатах, где ее никто не может видеть. Варвара отказывается от брака, желая посвятить себя служению богу. По ее настоянию в созидаемой для нее «бане» делают не два (как того требовал Диоскор), а три оконца, что символизирует Троицу. Диоскор, узнав об этом, гневается на дочь и хочет ее «усекнуть». Девушка чудесным образом спасается и убегает от него в горы, но пастух выдает ее местонахождение преследователям. Варвара проклинает пастуха и обращает его овец в жуков. Отец предает Варвару изощренным мукам, а затем отдает ее царю Максимиану (в некоторых списках — Маркиану). Но и тому не удается склонить Варвару к отступничеству от христианской веры. Ее подвергают новым истязаниям, но явившийся к ней в темницу Христос исцеляет мученицу. Варвару и уверовавшую в Христа Юлианию (в некоторых версиях — это сестра Варвары) подвергают новым пыткам. Тогда Диоскор сам убивает Варвару, а сотник — Юлианию. Огонь, сошедший с неба, сжигает Диоскора и Максимиана. Благочестивый Валентий погребает тела мучениц, и у их могилы происходят чудеса.

Старшие списки М. находятся в сборниках XIV—XV вв.: ГИМ, Чуд. собр., № 20; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, №№ 683, 745 и 754; ГБЛ, собр. Большакова, №№ 66 и 430; ГПБ, Соф. собр., № 1355 и др. Та же редакция входит в состав ВМЧ под 4 декабря.

Проложное житие краткое (оно именуется: «Страсть святой великомученицы Варвары», нач.: «Святая мученица Варвара бе от Востока. .»), здесь отсутствует мотив отказа Варвары от брака, эпизод с пастухом, мучения не описаны, а лишь упомянуты, нет чудесного исцеления от ран, не упомянута Юлиания. В некоторых поздних списках *Пролога* (см. о них: Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: Избр. визант., рус. и инославян. статьи. — В кн.: Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 111, 115) читается пространная редакция М., с тем отличием, что Варвару истязает не Максимиан, а Маркиан.

По наблюдениям Т. В. Черторицкой (см.: Черторицкая Т. В. О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 19), начиная с XV в. М. Варвары начинает включаться в состав минейного Торжественника: оно отмечено исследовательницей в списках ГБЛ, собр. Румянцева, №№ 435 и 436; ГИМ, собр. Уварова, №№ 1045/613, 330/85 и 331/926; ГПБ, собр. Погодина, №№ 850 и 949; ГПБ, собр. ОЛДП, №№ F.185, F.186 и F.451 и др.

Изд.: ВМЧ, декабрь, дни 1—5. М., 1901, стб. 102—104.

О. В. Творогов

Мучение Димитрия Солунского — греческий мартирий, очень рано переведенный на славянский язык. М. Димитрия Солунского рассказывает о кончине одного из наиболее чтимых святых православной церкви, пострадавшего за приверженность христианству при императорах Диоклетиане и Максимиане в Фессалониках (начало IV в.). Датировка греческого оригинала М. наталкивается на серьезные трудности — первоначальный его вариант появился во всяком случае не позднее VI в. Из трех версий М., обращавшихся в греческой письменности (сопоставление их см. в кн.: Delehaye H. Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909, p. 103—106; Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius. T. 2. Commentaire. Paris, 1981, p. 197—204), для перевода на славянский язык была избрана вторая — «Passio altera» (PG, t. 116, col. 1173—1184). Перевод М., по-видимому, появился очень рано, так как отражение его можно усмотреть в одной фразе из Похвалы Димитрию Солунскому, написанной Климентом Охридским — «Максимиянь бо и Еркулий примучи готфы и савраматы к римляномь и сьниде в Селуньскый град» (Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970, т. 1, с. 234); как установил М. Н. Сперанский, М. входило

в состав древней Минеи Четии за октябрь месяц (Сперанский М. Н. Октябрьская Минея-четья до-макарьевского состава.—ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 1, с. 78). О существовании М. Димитрия Солунского в древнерусской письменности впервые узнаем из летописного рассказа о вкладах князя *Владимира Васильковича Волынского* (ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 925 — «списа святаго Дмитреа всего»), однако популярность великомученика Димитрия в Киевской Руси заставляет думать, что оно появилось здесь много раньше вместе с другими болгарскими переводами. К тому же реминисценция из одного чуда Димитрия (15-е чудо 1-го сборника) обнаруживается в *Сказании о Борисе и Глебе* (ПЛДР. Начало русской литературы. XI—нач. XII в. М., 1978, с. 300; та же реминисценция использована в *Житии Михаила Ярославича Тверского* и в поздней редакции «Видения хутынского пономаря Тарасия»: Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. — В кн.: Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985, с. 21; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 82). Русские списки М. сохранились с XIV в.: ГИМ, Чуд. собр., № 20, л. 35 об.; ГБЛ, ф. 29, собр. Беляева, № 54 (М., 1548), л. 36 и др. Из двух вариантов перевода, опубликованных А. Н. Поповым (нач.: «Максемьян и Ерькулий примучи готъфы. .») и в составе ВМЧ (нач.: «Максимиян, иже и Еркулие, покорив готьфы. .»), древнейшим признается первый (Библиографические материалы А. Н. Попова, № 20, с. 2; Иванова К. Зографският сборник, паметник от края на XIV век. — Изв. на Ин-та за бълг. език. София, 1967, кн. 17, с. 123—124), входящий в архаические в языковом отношении болгарские сборники (в частности, в сборник Германа 1359 г.). Отсутствие текстологического исследования М. не дает возможности составить отчетливое представление о других редакциях или переводах памятника (ср.: Tăpkova-Zaimova V. Les légendes de saint Démétrius dans les textes byzantins et slaves. — В кн.: Славянские культуры и Балканы. София, 1978, ч. 1. IX—XVII вв., с. 165).

Если судьба М. в славянских литературах остается неизученной, то другие литературные произведения, отражающие культ великомученика у южных и восточных славян, известны нам гораздо лучше. При этом наряду с переводами многочисленных греческих памятников, прославляющих небесного патрона Фессалоник — второго после Константинополя города империи (обзор их см.: Баришић Ф. Чуда Димитриjа Солунског као историски извори. Београд, 1953, с. 16—29; BHG, t. 1, p. 152—165; Halkin F. Auctarium BHG. Bruxelles, 1969, p. 58—59; Lemerle P. Les plus anciens recueils. Paris, 1979, t. 1, Le texte, p. 9—11), известны и оригинальные произведения, посвященные великомученику. Популярность Димитрия не в последнюю очередь объясняется тем, что уроженцами Солуни были просветители славян — братья Константин и Мефодий. Не случайно первые литературные памятники, отражающие культ Димитрия, появи-

лись на заре славянской письменности — это атрибутируемый обычно Мефодию Канон Димитрию Солунскому (Ангелов Б. С. Канон на Димитър Солунски. — В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, [кн. 1], с. 19—35) и Похвальное слово Димитрию Солунскому Климента Охридского (Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 1, с. 221—237; позднее для прославления памяти Димитрия были приспособлены два других произведения Климента Охридского: Там же, София, 1977, т. 2, с. 788—806). К X в., по мнению Д. Хеммердингер-Илиаду, относится перевод энкомия Димитрию, написанный Иоанном архиепископом Фессалоникийским (ВМЧ, октябрь, дни 19—31, стб. 1944—1959; см.: Hemmerdinger-Iliadou D. 1) Un encomion inédit de saint Démétrius. — Analecta Bollandiana, 1955, t. 73, p. 17; 2) L'encomion de saint Démétrius par Jean archevêque de Thessalonique. Balkan Studies, 1960, vol. 1, p. 49—56).

Новым толчком к распространению культа солунского мученика среди славян явилось образование Второго болгарского царства. Призывая болгар к выступлению против византийского владычества в 1185 г., братья Петр и Асень соорудили храм во имя Димитрия и объявили, что святой покинул Фессалоники, незадолго до того разграбленные норманнами, и явился на поддержку восставшим. Подчеркивая покровительство Димитрия своему государству, болгарские цари изображают великомученика на монетах и печатях. В ответ на подобную «узурпацию» небесного патрона в Фессалониках создается легенда, согласно которой болгарский царь Калоян, умерший во время осады Солуни в 1207 г., был поражен святым Димитрием (см.: Дуйчев И. Проучвания върху българско средновековие, IX. Въстанието на Асеневци и култът на свети Димитрия Солунски. — Сборник на Българската Академия на Науките. София, 1949, кн. 41. Клон историко-филологичен, № 21, с. 44—51; Obolensky D. The Cult of St. Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations. — Balkan Studies, 1974, vol. 15, p. 18—19; Tăpkova-Zaimova V. Quelques representations iconographiques de saint Démétrius et l'insurrection des Assenides — première scission dans son culte «œcuménique». — Byzantinobulgarica. Sofia, 1978, t. 5, p. 261—267).

XIV—XV вв. датируется целый ряд южнославянских литературных памятников — переводных и оригинальных, посвященных Димитрию Солунскому. Не позднее XIV в. появилось «апокрифическое» Житие Димитрия (Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 327—331; Сырку П. А. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде. — ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 4, с. 124—129; Radčenko K. Eine apokryphe Lebensbeschreibung des heil.: Megalomartyr Demetrius. — Archiv für slavische Philologie, 1911, Bd 32, S. 388—399), в XV в. — два похвальных слова Димитрию Григория Цамблака (ВМЧ, октябрь,

дни 19—31, стб. 1913—1920; см.: Тъпкова-Заимова В. 1) Похвално слово за св. Димитър от Григорий Цамблак. — В кн.: Търновска книжовна школа. София, 1980, т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски, с. 133—138; 2) Празнично слово за св. Димитър Солунски от Григорий Цамблак. — В кн.: Търновска книжовна школа. София, 1984, т. 3. Григорий Цамблак: Живот и творчество, с. 61—65) и одно — Димитрия Кантакузина (Ангелов Б.С. Стари славянски текстове, IX. Две неизвестни творби на Димитър Кантакузин. — Изв. на Ин-та за бълг-ка лит. София, 1959, кн. 8, с. 263—273; Tachiaos A.-É. Nouvelles considérations sur l'œuvre littéraire de Démétrius Cantacuzène. — Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1971, t. 1, p. 152—159; Данчев Г. Неизвестен препис на «Похвално слово за Димитър Солунски» от Димитър Кантакузин. — Изв. на Ин-та за лит. София, 1972, кн. 21, с. 67—78). В Рильском панегирике Владислава Грамматика 1479 г. и некоторых других рукописях находятся не изданные до сих пор болгарские переводы еще трех греческих памятников «димитриевского» цикла: метафрастовская редакция М. (BHG, t. 1, p. 153, № 498), Похвальное слово Григория Паламы (BHG, t. 1, p. 161—162, № 546), сборник чудес Димитрия, составленный Иоанном Ставракием (BHG, t. 1, p. 159, № 532; выдержки напечатаны: Качановский В. Славянский список описания чудес св. великомученика Димитрия Солунского, 1479 г. — Христианское чтение, 1883, январь—февраль, с. 246—281; Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1927, т. 1, ч. 2, с. 850—853; София, 1940, т. 3, с. 581—587). На Балканах должны были появиться и не известные в греческом оригинале чудеса Димитрия Солунского — чудо «о двою девицю» (ВМЧ, октябрь, дни 19—31, стб. 1898—1899, ср. стб. 1960—1961) и чудо о венгерском короле (Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам, вып. 1. I—L. СПб., 1908, с. 115—121). Наконец, следует отметить перевод Канона Георгия Скилицы (Angelov B. St. Un canon de St. Jean de Rila de Georges Skylitzes. — Byzantinobulgarica. Sofia, 1969, t. 3, p. 176, note 10). Пересказ М. и основных чудес солунского великомученика вошел в «Дамаскины». О средневековой болгарской литературе, посвященной Димитрию Солунскому, см.: Tăpkova-Zaimova V. 1) Les légendes de saint Démétrius dans les textes byzantins et slaves, p. 161—169; 2) Култът на св. Димитър Солунски и някои въпроси, свързани с византийското културно влияние в балканските и славянските страни. — В кн.: Проблеми на балканската история и култура (Studia balcanica, N 14). София, 1979, с. 5—19; 3) Новооткрити славянски (български) преводи на похвални слова за св. Димитър Солунски. — В кн.: Българско средновековие: Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980, с. 263—264; 4) Les textes démétriens dans les recueils de Rila et dans la collection de Macaire. — Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1981, t. 5, p. 113—119.

В Древней Руси очень рано утвердился культ Димитрия Солунского — он был патроном сына Ярослава Мудрого Изяслава, Всеволода Большое гнездо и других князей Киевской Руси, в его имя воздвигались церкви и монастыри. Из древнейших изображений великомученика нужно назвать шиферный рельеф Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, мозаику того же монастыря, образ святого на «дске гробной», принесенный во Владимир из Фессалоник в 1197 г., наконец, знаменитую икону XII в. из г. Дмитрова (Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII в. из г. Дмитрова. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1951, т. 41, с. 85—98; Постникова-Лосева М. М. К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле Древней Руси (Серебряный оклад иконы Димитрия Солунского 1586 г.). — ВВ, М., 1969, т. 30, с. 233—242; Попов Г. В. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 198—216). Глубоко чтил своего патрона князь Дмитрий Донской, перенесший икону Димитрия Солунского из Владимира в Успенский собор в Москве. Согласно Летописной повести о Куликовской битве, солунский великомученик вместе с другими святыми воинами помогал русским в сражении с монголо-татарами (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 21). Поминовение погибших на Куликовом поле было установлено в Димитровскую субботу (между 18 и 26 октября). Представление о решающей роли Димитрия Солунского в исходе сражения с татарами отразилось в иконах, изображающих святого, который пронзает копьем поверженного Мамая (Соколов Б. Св. Димитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. — Этнографическое обозрение, 1909, № 2—3, с. 182—185; Рогов А. И. Белградская икона с изображением Дмитрия Солунского и царя Мамая. — Советское славяноведение, 1968, № 5, с. 58—61), а также в широко распространенном духовном стихе, в котором святой бьется с войском Мамая (Кирпичников А. Особый вид творчества в древнерусской литературе. — ЖМНП, 1890, апрель, с. 306—313; Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 112—115; Азбелев С. Н. Куликовская битва в славянском фольклоре. — Русский фольклор, 1968, т. 11, с. 82—83; Бегунов Ю. К. Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем. — Byzantinoslavica, 1975, t. 36, fasc. 2, с. 149—172).

В конце XV или начале XVI в. реминисценция из М. попала в такое сомнительное с церковной точки зрения сочинение, как Тайная Тайных (Ryan W. F. The Passion of St. Demetrius and the Secret of Secrets. An Onomantic Interpolation. — Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1984—1985, t. 8—9, p. 59—65).

В XVI в. в ВМЧ митр. Макария были собраны основные памятники «димитриевского» цикла, обращавшиеся в то время в древ-

нерусской письменности (ВМЧ, октябрь, дни 19—31, стб. 1872—1961), а в конце XVII в. на основе ВМЧ написано Житие Димитрия Солунского в минеях Димитрия Ростовского; см. помету на поле: «От Симеона Метафраста и от Чети блаженнаго Макариа митрополита Московскаго» (Книга житий святых, сентябрь—ноябрь. Киев, 1689, л. 347).

Небесный патрон Фессалоник не утратил своей популярности на Руси и в XVIII в. Сюжет М. был положен в основу пьесы «Венец Димитрию», поставленной в 1704 г. учениками ростовской школы митрополита Димитрия (Ранняя русская драматургия (XVII — 1-я пол. XVIII в.). Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975, с. 49—92); как считает П. Н. Берков, ростовская пьеса в свою очередь явилась источником народной драмы «Царь Максимилиан» (Берков П. Н. Вероятный источник народной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 298—312). Известны лубочные картинки с изображением Димитрия, на одной из которых содержится и краткий пересказ М. (Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. 3, с. 593—594; СПб., 1881, т. 4, с. 752—753).

Изд.: ВМЧ, октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стб. 1883—1891; Библиографические материалы А. Н. Попова, № 20, с. 25—33.

Д. М. Буланин

Мучение Ирины — переводной памятник агиографии, получивший распространение в древнерусской письменности. О греческих его списках см.: BHG, t. 2, p. 42—43.

Содержание М. следующее. У царя-язычника града Мегидского рождается красавица-дочь Пеленопия. Царь приказывает построить роскошный «столп», куда поселяет дочь, совершенно изолировав ее от мира, и где она должна пребывать до того времени, когда сможет вступить в брак. Чудесное знамение, истолкованное учителем девушки Апелианом, побуждает ее принять крещение; ангел сообщает Пеленопии ее крестное имя — Ирина. Когда Ликиний вознамерился выдать Ирину замуж, она заявляет о своей приверженности христианству, низвергает языческих идолов и отказывается принести им жертву. Разгневанный Ликиний приказывает раздавить дочь колесницей. Однако конь вырывается из упряжи, отгрызает царю руку, и тот умирает. Конь, заговорив человеческим языком, славит Ирину. Она воскрешает отца, Ликиний крестится и отрекается от царства. На страну нападает царь Седекий. Ирина корит его за приверженность к язычеству. Тогда Седекий заключает ее в ров со змеями, а когда те не причиняют мученице вреда, приказывает жестоко истязать. Однако пила, которой должны перепилить тело Ирины, ломается, вода течет мимо колеса, к которому привязывают Ирину. Седекия забрасывают камнями жители города, он возвращается в свою землю и там умирает. Отомстить за отца приходит сын Седекия Савах,

но с божественной помощью Ирина сносит новые истязания, десять тысяч воинов Савахa гибнут от руки ангела, ангел рассекает мечом и самого Саваха. Ирина тем временем творит чудеса: исцеляет больных, воскрешает умершего. Но на ее царство нападает брат Седекия — Нумериан. Снова Ирину подвергают изощренным пыткам, и снова происходят чудеса: огонь не прикасается к телу святой, а раскаленный медный сосуд в виде быка, в котором должна погибнуть мученица, превращается в живого быка. Потрясенный царь приказывает эпарху убить его. Некоторое время спустя Ирина просит отвести ее в поле. Там она ложится в пустую гробницу, ее закрывают там, а когда через четыре дня возвращаются к «раке», она оказывается пустой — бог «преложи» Ирину «в рай».

Видимо, обилие нетрадиционных для агиографии мотивов (способность Ирины воскрешать людей, гибель войска язычников от руки ангела, таинственное исчезновение тела святой) привело к тому, что М. иногда рассматривали как апокрифическое: оно упомянуто в перечне ложных книг, в статье «От апостольских заповедей. Правила святых отец 7 соборов о написанных, которые книги подобает почитати и которые отметны имети всегда» (рукопись ГПБ, F.I.263, нач. XVII в.). Но в то же время проложная статья и М. Ирины читаются в Прологе в минеях.

Древнейший список М. — «Мучение святыя и славныя и добропобедныя мученицы Иринии. . .» (нач.: «В она времена бе цесарь именем Ликиний. . .») — находится в Успенском сборнике XII—XIII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 1063/4). Тот же текст (а не более полный, как полагал Н. С. Тихонравов), читается в сборниках ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 669 и 752 (оба XV в.), а также в ряде списков XVI в.: ГПБ, Солов. собр., № 643/830; ГБЛ, собр. МДА, № 8/94; ГБЛ, Волок. собр., № 199/597 и др. Этот же текст читается в ВМЧ под 5 мая. В прологе могут встречаться под 5 мая «память» Ирины (нач.: «Та бяше единородна сущи Ликиниа Василиска и Ликиниа матери. . .») и «страсть» (нач.: «Ирина Христова мученица бе дщи василиска при Ликинии. . .»).

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 146—163; Франко. Апокрифы, т. 5, с. 22—44; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 135—162.
Лит.: Соч. Н. С. Тихонравова, М., 1898, т. 1, Приложения, с. 76.

О. В. Творогов

Мучение Никиты относится к апокрифическим переводным житиям, или, вернее, мартириям первых христианских мучеников, погибших за веру. Память его отмечается церковью 15 (28) сентября. Упоминание о М. встречается в индексе отреченных книг (см. *Списки отреченных книг*) начиная с XIV в. (Погодинский Номоканон, ГПБ, собр. Погодина, № 31), оно вошло в «Правило 69 Лаодикийского собора» наряду с «Обходами апостольскими», «Георгиевым мучением». Славяно-русские списки индекса коммен-

тируют это сочинение: «Никитино мучение, именующе его яко царев сын, еже не бысть тако» (Погодинский Номоканон), «Никитино мучение, что сын царев Максимианов и беса мучил» (ГИМ, Синод. собр., № 491, кон. XVI в.). В названиях некоторых списков самого М. слова: «иже беса мучил» превратились в «иже бе сам мучил». Славяно-русские списки М. известны с конца XV в. (ЦНБ УССР, собр. Муз., IV, № 208, Минея 1489 г., список Афонского Хиландарского м-ря, № 75), они изданы В. М. Истриным («Апокрифическое Мучение Никиты». Одесса, 1898, там же перечень других русских списков).

Название текста: «Месяца сентября 15 день мучение (или: страсть) святого мученика Никиты» (нач.: «Во время оно бысть нехто воин храбр именем Никита сын царев нарицаемого Максимьяна» (Минея 1489 г., л. 29)); «Въ она времена бысть мужь богомудрь именем Никита боляринь сын цесарев нарицаемому Максимиану» (собр. Хиланд., № 75, л. 99); «Въ родъ бысть мученъ богомудрый именем Никита сын цесаря Максимиана» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1296, л. 37, XVI в.).

Издавший греческие и русские списки М. В. М. Истрин считал, что и в византийской, и в славянской письменности было два разных произведения, оба приуроченные к 15 сентября. Это приурочение есть уже в греческих списках, греческие и славянские списки М. во многом сходны между собой, различия заключаются в порядке изложения содержания. Основные части М. такие, как например история уверования Никитой в истинного бога, перечисление мучений святого, эпизод с диаволом в темнице, сказание о смерти Никиты, сохраняются и в оригинале, и в переводе. В. М. Истрин отметил наличие «общих мест», в частности, в рассказе об уничтожении Никитой идолов и обличении нечестия царя. Ни один список, по мнению исследователя, не сохранил полностью первоначального текста, но все они представляют собой независимые друг от друга переделки. Все известные ему русские списки В. М. Истрин отнес к одной редакции, за исключением списка в Минее 1489 г., редакцию которого считал особой. На начало этого текста повлияло каноническое Житие Никиты Готского. Дошедший в списке Минеи текст перевода был выполнен, по мнению Н. С. Тихонравова (его разделяет и В. М. Истрин) в конце XII в. в Южной Руси.

Наряду с каноническим Житием Никиты Готского М. читается в Прологах (см. *Пролог*) и в Четьих Минеях. Уже на греческой почве, полагал В. М. Истрин, началось смешение обоих мучений с именем Никита: «При переходе византийской агиографической и мартироложной письменности к южным славянам явилось два описания мученической кончины Никиты, оба приуроченные к одному и тому же дню и, следовательно, в глазах славянина относящиеся к одному лицу». В Прологах и Четьях Минеях чаще однако встречается Житие Никиты Готского. В апокрифическом М. говорится, что Никита был сыном царя Максимилиана, в этом особенность М. В нем больше, чем в каноническом Житии, элементов

чуда, благодаря чему оно, вероятно, и стало впоследствии сочинением отреченным. Текст оказал влияние на изображение, в частности, на иконопись, где Никита предстает, как правило, попирающим беса и бьющим его цепью.

Н. С. Тихонравов усматривал в М. определенную сюжетную зависимость от апокрифического Мучения Георгия, указывая на некоторые совпадения этих текстов. Составитель Мучения, по мнению Н. С. Тихонравова, был духовным лицом, «судя по апологии священнического сана, вставленной в этот апокриф» (Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898, т. 1, Примеч., № 4, с. 79).

С именем Никиты связаны две заклинательные молитвы. Одна из них читается перед сном, другая приписывается самому Н. перед смертью. В этих молитвах проявилось отношение древнерусского человека к мученику Н. как к главному защитнику от демонов.

Изд.: ПЛ, т. 1, с. 146—149; Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 112—120; Истрин В. М. Апокрифическое мучение Никиты. Одесса, 1899 (там же исследование); Франко. Апокрифы, т. 5, с. 119—137.

М. В. Рождественская

Мучение Феодора Стратилата — переведенное с греческого житие-мартирий, получившее распространение в древнерусской литературе. В русских рукописях обычно именуется «Мучение святаго Феодора Стратилата» (нач.: «Якоже сияет солнце видящим, тако о мученицех словеса слышащим. . .»).

Известны три русские версии М. В Краткой рассказывается о муках, которым царь Ликиний подверг христианина, военачальника Герклеи. Услышав о военачальнике Герклеи Понтийской, Феодоре Стратилате (стратилат — военачальник высокого ранга), пользующемся большим авторитетом, Ликиний приглашает его к себе. Он рассчитывает, что Феодор согласится принести жертву языческим «идолам» и тем подаст благой пример гражданам. Но Феодор отпускает императорских послов с почестями и сам приглашает к себе Ликиния. Когда тот прибывает в провинцию Феодора, он просит отдать ему идолов, обещая, что дома воздаст им почести и умилостивит их, а затем уже поклонится им при всем народе. Ликиний соглашается. Однако Феодор разбивает золотых идолов, а золото раздает нищим. Сотник Макселл доносит царю, что видел в руках у нищих голову Афродиты и они глумились над богиней. Призванный к царю Феодор признается в содеянном, обличает идолопоклонство и славит Христа. Ликиний повелевает жестоко истязать Феодора: его пригвождают к кресту, выкалывают ему глаза, наносят раны. Феодор обращается к «скорописцу» Авгару и велит ему записывать все происходящее. Когда Феодор умирает, ангел снимает его тело с креста и исцеляет. Воины Ликиния, посланные царем за телом мученика, находят его сидящим у креста и славословящим бога. Видя это чудо, многие уверовали в Христа, против Ликиния вспыхивает бунт. Но Феодор успока-

ивает людей, просит Авгара описать его кончину, и сам подставляет шею под меч палача. Феодора казнят, а тело его погребают в Евхаитах.

Полная редакция М. почти дословно сходна с Краткой, но в текст, после слов «юн телом, стар же смыслом о боголюбивом деянии своем» сделана большая вставка о победе Феодора над змеем. Здесь рассказывается, что в области Евхаиты обитает страшный змей, поедающий людей и скот. Змей огромен и страшен: когда он идет — дрожит земля. Феодор втайне от всех отправляется сражаться со змеем. В пути он видит поляну с сочной травой, пускает коня пастись, а сам ложится и засыпает. Благочестивая женщина Евсевия будит его и предупреждает, что поблизости находится змей. Феодор велит ей стать поодаль, молится, обращается к своему коню, словно человека убеждая его во всесилии бога, а затем вызывает змея на битву. Когда змей приблизился, конь вскакивает на него и топчет копытами, а Феодор убивает чудовище. Прославляемый народом Феодор возвращается к войску. После этого в М. продолжается основной текст — рассказ о приходе послов Ликиния.

В византийской литературе также были известны два варианта М. — с эпизодом змееборчества и без него. Так, Полная редакция читается в рукописи Ватиканской библиотеки, № 1993, Краткая — в рукописи № 1245 той же библиотеки. Оба текста по этим рукописям изданы в кн.: Delehaye H. Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909. См. также издание греческого текста. М. с эпизодом змееборчества в кн.: Analecta Bollandiana, Bruxelles, 1883, t. 2, p. 359—367; о других изданиях греческого текста см.: BHG, t. 2, p, 277—279.

В старшем из известных славянских списков М., в так называемом Златоусте Ягича начала XIV в. (рукопись ГПБ, Q.п. 1, 56, л. 128 об.—136 об.), читается текст Краткой редакции. В рукописной традиции чаще встречается текст Полной редакции (например списки ГПБ, Соловецкого собр., № 509/528 (Минея-Четья) и 818/928 (Соборник); о М. в составе Торжественников см. ниже. В ВМЧ под 9 февраля читается Полная редакция М. В Прологе память Феодора начинается словами: «Великий мученик Феодор Стратилат бе при Ликиньи цесаре . .».

Третий вариант был опубликован А. И. Анисимовым, который назвал его «славянской версией» и отметил отличия от версии «греческой», не решаясь, однако, утверждать, что причина отличий — «особый, характерно-национальный склад души русского переводчика». В действительности оказалось, что этот текст — перевод М., входящего в сборник Βιβλίον καλούμενον Θησαυρός («Сокровище»), составленный греческим писателем XVI в. Дамаскином Студитом. Перевод был осуществлен Арсением Греком и вошел в состав сборника «Анфологион» (М., 1660), откуда, видимо, и был переписан в сборник, принадлежавший А. И. Анисимову. Это М. начинается словами: «Ино несть сладчайшее во блазей души благочестиваго человека . . .». В 1715 г. «Сокровище»

Дамаскина Студита было полностью переведено Феодором Герасимовым Полетаевым. М. озаглавлено в этом переводе «Мучение святаго славнага великомученика Феодора Стратилата, преложенное на общий язык последнейшим в монасех Дамаскином иподиаконом и Студитом» (нач.: «Яко несть слаждшо блазей душе благочестиваго человека . »).

А. Н. Веселовский отмечает, что в Византии культ Георгия (см. *Житие Георгия Победоносца*) был распространен в Малой Азии и Каппадокии, прилегающих к Галатии и Пафлагонии, с которыми связаны легенды о Феодоре Тироне (см. *Апокриф о Феодоре Тироне*) и Феодоре Стратилате: «В Эвхаите, на расстоянии одного дня пути от Амазеи. погребен был св. Феодор Тирон и соименный ему мученик Феодор Стратилат... К Эвхаите приурочено известное чудо св. Феодора со змеем. Св. Феодор Тирон и Феодор Стратилат такие змееборцы, как св. Георгий, и подобно ему принадлежат к народным святым восточного христианства» (Веселовский. Разыскания, с. 50).

В русских духовных стихах образ Феодора Стратилата также связывается с понятиями воинской доблести и змееборчества: отец Егория (т. е. Георгия Победоносца) именуется в них Феодором; в немецкой средневековой поэме братом Георгия назван Федор (Тирон или Стратилат) (Веселовский. Разыскания, с. 5).

Известно также Сказание о иконе богоматери Одигитрии Федоровской (в списке ГПБ, Солов. собр., № 990/1099). В нем повествуется как чудесным заступничеством Феодора Стратилата спасена икона богоматери (ее находит в поле князь Василий Квашня, она не сгорает во время пожара церкви и т. д.).

Изучение М. представляло немалые трудности, так как оно постоянно смешивалось с Житием Феодора Тирона. Эти жития сближались не только именами мучеников: оба Феодора были воинами (один «тирон» — новобранец, другой военачальник — «стратилат») и змееборцами: в Проложной памяти Феодора Тирона упоминалось о его победе над змием («всегда же мимоходя, уведев, яко змий велик есть близ Евхаитем, помысли, яко еще и змия убию, побежу и дьявола, еже и сотвори»), а апокрифическое Житие Феодора Тирона (нач.: «Во времена Уалента царя, царствующи во Афинстве (Афимстем) граде...») целиком посвящено победе над змеем; оно читалось обычно под 17 февраля и легко могло приниматься за ортодоксальное житие подвижника (в греческом житии упоминалось о победе Тирона над змеем, но очень кратко). В обоих житиях упоминается местность Эвхат (Евхаита), в обоих действует благочестивая женщина Евсевия. А. Хаханов привел пример, как в грузинском переводе мученик назван Феодором Стратионом (!), эпизод змееборчества рассказан по житию М., а мучения и смерть героя — по Житию Феодора Тирона.

М. читается иногда в сборнике «Златоуст» непосредственно за статьей о Феодоре Тироне, приуроченной к субботе первой

недели поста (см., например: Златоуст, БАН, 33.16.10), в другом случае Феодор Тирон назван в тексте «стратиотом». В апокрифическом житии Феодора Тирона мученик нередко именуется «стратигом», что противоречит его прозвищу «Тирон». А. Н. Веселовский приводит народное поверие: день 8 июня (память перенесениям мощей Феодора) «колодезники... считают... важным сроком в своих занятиях (оттуда народное прозвище святого — Колодезник), вероятно в связи с апокрифом о св. Феодоре Тироне и о змее, заключившем воду» (Веселовский. Разыскания, с. 7). Здесь опять-таки смешаны два Феодора — Тирон и Стратилат.

Неточные сведения, указывающие на смешение двух святых, нередки и в научной литературе. В академической «Истории русской литературы» говорится, что «Феодор Тирон спасает от змия Евсевию, а Феодор Стратилат является спасителем своей матери» (История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 99), тогда как спасает мать именно Феодор Тирон, а Феодор Стратилат не спасает Евсевию: напротив, она предупреждает его о грозящей опасности. В Торжественниках XVI в. (списки ГПБ: собр. Погодина, № 949, ОСРК, № I.257 и I.881, Софийское собр., № 1419; ГБЛ, собр. Румянцева, № 434) под 8 февраля читается М. Феодора Стратилата, а не Феодора Тирона, как утверждает Т. В. Черторицкая (Черторицкая Т. В. О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 21), а в Торжественнике ГБЛ, собр. Румянцева, № 436 (на л. 177 об.), ею не упомянутом, действительно, читается Житие Феодора Тирона.

М. отразилось в византийском и древнерусском искусстве. При этом, как отмечает А. И. Анисимов, в иконописи «Феодор Стратилат и Тирон никогда не сливаются в одно лицо: повторяя в иконографии почти одни и те же черты они остаются, однако, отдельными личностями» (Новгородская икона, с. 21). В 1360 г. в Новгороде на торговой стороне в честь святого была воздвигнута церковь. Икона Феодора Стратилата с житием находится в Новгородском музее, на таблетках часто встречаются изображения обоих Феодоров-змееборцев — Тирона и Стратилата (или Димитрия Солунского (см.: *Мучение Димитрия Солунского*) и Феодора Стратилата).

Изд.: Анфологион, си есть цветословие: страдалчества и мучения святыя великомученицы Екатерины, и святаго великомученика Феодора Стратилата, и житие святаго и преподобнаго Алексия человека божия. . . М., 1660, с. 58—94; Новгородская икона св. Феодора Стратилата / Текст П. П. Муравьева и А. И. Анисимова. М., 1916.

Лит.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов. — СОРЯС, т. 21, № 2, СПб., 1880, с. 5—10, 50, 51; Хаханов А. Житие св. Феодора Стратилата и Тирона в грузинском переводе. — Богословский вестник, 1910, октябрь, с. 324—332; Анисимов А. Реставрация фресок церкви Феодора Стратилата в Новгороде. — Старые годы, 1911, февраль, с. 48—49.

О. В. Творогов

Мучение Феодора Тирона — переводной агиографический памятник, распространенный в древнерусской письменности. М. («Мучение святого Феодора Тирона, ему же память творим в первую субботу поста»; нач.: «Максимиан царь посла по всему своему царству...» или «Максимиан и Диоклитиан царя посласта...») читается в четьих минеях под 17 февраля. В М. повествуется, как тирон (воин-новобранец) Феодор отказывается выполнить повеление императора Максимиана и препосита (воинский чин в Римской империи) Вринки и принести жертву языческим богам. Феодор спорит, отстаивает свою христианскую веру перед Вринкой и дукинарием (воинский чин) Посидоном, а когда они отпускают Феодора, тот поджигает языческий храм. Феодора хватают и ведут на суд к князю Поплию, а затем заточают в темницу, обрекая на голодную смерть. Однако с божественной помощью святой остается жив и в темнице, окруженный ангелами, славит бога. Феодора подвергают жестоким мукам и сжигают, но тело его остается целым, и христианка Евсевия хоронит его и воздвигает над местом погребения церковь.

В Прологе под тем же числом (начиная с древнейшего списка Пролога — ГПБ, Соф. собр., № 1324, XII—XIII вв.) читается статья: «Страсть святого и великого мученика Феодора Тирона» (нач.: «Святый Феодор Тирон бе в царстве Максимияне и Максимине горькою гонителю. . .»), восходящая к греческому менологию. В ней рассказывается, как тирон Феодор, видя самоотверженную борьбу христиан с притесняющими их язычниками, сам решает исповедовать новую веру. Он сжигает языческий храм, за что мученика «ввергают в огнь». В проложной статье также упоминается Вринка и «место» Амасия и Еухант — селения, где погиб и где погребен Феодор. Здесь же появляется и новый мотив — Феодор одолевает дракона, решая, что, победив чудовище, он одолеет и дьявола. Этот мотив, кратко намеченный в проложной статье, лег в основу апокрифа о Феодоре Тироне. На него указывают некоторые индексы ложных книг: «Федора Тирона еже о змии» (см.: Пыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862, вып. 1, с. 40). В апокрифе — «Чудо бывшее святого Феодора Тирона, како выведе матерь от змеа» (нач.: «Во времена Уалента царя, царствующу в Афимстем граде. . .») или «Слово святого мученика Феодора Тирона» (нач.: «В время Уалента царя, царьствующе в Афунеистем граде...») рассказывается, как «первый боярин» Феодор Тирон одолел дракона, которому жители города приносили дань, так как, не получив даров, дракон, обитавший в подземелье близ некоего кладязя, «удерживал» воду и жители страдали от жажды. Дракон похитил мать Феодора. Воин проник в змеиное царство, с божественной помощью одолел дракона и его воинство. Мотивы мучения Феодора оттеснены здесь на второй план: лишь в конце апокрифа упоминается о том, что преемник царя, которому служил Феодор, казнит его и после смерти святого совершаются чудеса.

В Златоусты входит статья «Сказание Нектария патриарха, что ради празднуем суботу 1-й недели поста святого великомученика Феодора Тирона» (нач.: «Приидите, слышите, вернии, како благий Христос наш не остави нас. . .» или «Яко много множество благостыня твоея, господи. . .»). В ней повествуется, как император Юлиан, желая оскорбить религиозные чувства христиан, приказывает разрешить продажу в канун поста лишь оскверненной языческими «требами» пищи. Патриарху Нектарию является в видении великомученик Феодор и советует сварить пшеницу и раздавать ее бедноте, иначе лишенные запасов продовольствия бедняки будут покупать на торжище оскверненную «ядь». С той поры, говорится далее, первая неделя поста и стала именоваться Федоровой. По наблюдениям Т. В. Черторицкой (О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (Триодного типа). — В кн.: Источниковед. лит. Древней Руси. Л., 1980), эта статья встречается уже в триодных сборниках XIV в.: ГИМ, Чуд. собр., № 20 и ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 9.

В исследовательской литературе апокрифические легенды о змееборстве Феодора Тирона нередко смешиваются с аналогичными легендами о Феодоре Стратилате (см. *Мучение Феодора Стратилата*).

Изд.: Житие св. Федора Тирона. — ПЛ, вып. 3, с. 143—145; Федор Тирон. — В кн.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 93—99; Франко. Апокрифы, т. 5, с. 144—159.
Лит.: см. в статье Мучение Феодора Стратилата.

М. А. Салмина

Мученичество Арефы и дружины его — переведенное с греческого сочинение, повествующее о гонении на христиан в Аравии в VI в. Включенное в древнерусский *Пролог* и в ВМЧ, это произведение читается там под 24 октября. Вначале сообщается о современных Арефе правителях в Византии и в сопредельных странах; названы император Юстин II, епископы иерусалимский, александрийский и антиохийский, царь Эфиопии христианин Елизаван, царь Омиритский язычник Дунаос; упомянута брань — военный конфликт между эфиопским и омиритским царями. Когда в 523 г. омиритский царь захватывает город Негран, среди старейшин находится Арефа с дружиной. Арефа отказывается отречься от христианской веры и защищает свою религию в споре. В это время совершается казнь 207 христианок, в том числе знатной женщины и двух ее дочерей, матери велят вкусить кровь обезглавленных дочерей, после чего казнят и ее. Арефу и 340 «соузников» приводят к царю. Арефа в споре пытается защитить свою веру. Но царь неумолим: Арефу с дружиной ведут к выкопанному рву, здесь они прощаются друг с другом, молятся, произнося «мир вам!», а когда оруженосец-спафарий отсекает голову Арефе, все стремятся омыть в его крови лицо и тело. Далее говорится о явлении с небес архангела Гавриила, и о том, как

праведный царь Елизаван убивает омиритского царя и строит в городе Неграпе церковь во имя святых мучеников, казненных вместе с Арефой. По заповеди Арефы к церкви отходят его села, а население «во градех и в странах» становится христианским.

Сопоставление греческого и древнерусского текста показывает, что в переводе в ряде случаев допущены пропуски, внесены цифровые изменения, не совпадают географические названия. М., включенное в древнерусский Пролог, читается в краткой редакции. Совсем краткий пересказ находится в сборнике Ефросина XV в. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, л. 119—119 об.).

Изд.: ВМЧ, октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стб. 1839—1863.

Лит.: Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 282, 338.

О. А. Белоброва

Н

Начальный свод см. *Повесть временных лет.*

Нестор (1050-е гг. (?) — нач. XII в.) — монах Киево-Печерского монастыря, агиограф и летописец. Из написанного Н. Жития Феодосия Печерского мы узнаем, что он был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074—1078) и возведен им в «диаконский сан», что еще до Жития Феодосия им было написано Житие Бориса и Глеба (см.: Успенский сборник XII—XIII в., с. 71, 135). Канонизирован Н., видимо, не был. Его житие появляется лишь в старопечатном *Патерике Киево-Печерском*, изданном в 1661 г., откуда его заимствовал и включил в свои минеи Димитрий Ростовский. Служба Н. составлена не ранее 1763 г. (см.: Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике, с. II—III).

Житие Бориса и Глеба («Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба») написано Н. по канону жития-мартирия. Истории гибели сыновей князя Владимира в 1015 г. от руки их сводного брата Святополка Н. предпосылает пространное историческое введение, повествуя о грехопадении Адама и Евы, о борьбе пророков со злом идолопоклонничества о воплощении и распятии Христа. Борис и Глеб выступают в Чтении как активные поборники христианских идеалов — братолюбия и смирения, а Святополк предстает как орудие дьявольских козней. Традиционный сюжет жития-мартирия, в котором обычно мученик страдает от руки язычников или иноверцев, приобретает у Н. совершенно иное, публицистическое звучание: Чтение осуждает междоусобную борьбу среди братьев — потом-

ков Владимира. Жизнеописания князей-мучеников строятся по традиционной схеме: братья с детства благочестивы; Борис, как подобает христианскому подвижнику, стремится избежать брака и женится лишь «закона ради цесарьскаго и послушания отца», сцены гибели Бориса и Глеба нарочито условны: князья не оказывают сопротивления убийцам, а лишь со слезами молятся, они торопятся умереть и принять мученические венцы. Чтение широко распространилось в древнерусской письменности, уступая, однако, в известности *Сказанию о Борисе и Глебе*. Старший из известных нам списков «Чтения» находится в составе Сильвестровского сборника (ЦГАДА, ф. 381, № 53) сер. XIV в.

После «Чтения» Н. пишет «Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго», в котором повествуется о жизни и деяниях одного из основателей Киево-Печерского монастыря (см. *Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря*). Как это типично для житий праведников, подвизающихся в монастыре, Житие Феодосия отличается живостью изображения монастырского быта, яркими характеристиками монахов и мирян; Н. достигает иллюзии правдоподобия в рассказах о чудесах, творимых Феодосием. Очень нетрадиционен образ матери святого: женщины, по оценке Жития, благочестивой, но в то же время властной, суровой, противящейся желанию Феодосия посвятить себя богу. Сложен и характер самого Феодосия: отличающийся необычайным смирением он, однако, решительно выступает против князя Святополка, изгнавшего с великокняжеского стола своего брата Изяслава. Исследователи обнаружили в Житии немало сюжетных мотивов, заимствованных из памятников переводной агиографии (патериков, Жития Евфимия Великого и *Жития Саввы Освященного*). Однако можно говорить лишь о сходстве ситуаций: повествование у Н. отнюдь не является набором традиционных агиографических шаблонов — умело строя диалог, широко используя бытовые подробности и детали, он достигает сюжетной занимательности; Житию присуща та «прелесть простоты и вымысла», которую А. С. Пушкин отмечал в Киево-Печерском патерике, куда Житие вошло в качестве его составного компонента. В составе патерика Житие Феодосия широко распространилось в древнерусской книжности начиная с XV в. Отдельных списков Жития известно сравнительно немного; старший из них в составе Успенского сборника XII—XIII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 1063/4). С. А. Бугославский отмечал, что мотивы и образы Жития оказали существенное влияние на агиографию Владимиро-Суздальской и Московской Руси.

Житие Феодосия было использовано Б. А. Романовым в его книге «Люди и нравы древней Руси» (Л., 1947; 2-е изд. М.; Л., 1966) и легло в основу исторической повести В. Ф. Пановой «Сказание о Феодосии», вошедшей в книгу «Лики на заре» (М.; Л., 1966; Л., 1969).

Спорным остается вопрос о времени написания обоих житий. А. А. Шахматов полагал, что Житие Бориса и Глеба и Житие

Феодосия были написаны в 80-х гг. XI в. С. А. Бугославский, Л. А. Черепнин, а в настоящее время А. Г. Кузьмин датируют эти памятники началом XII в. С доводами С. А. Бугославского о написании Жития Бориса и Глеба около 1109 г. согласился в последних своих работах и А. А. Шахматов. Недавно А. Поппе вновь попытался обосновать датировку обоих житий 80-ми гг. XI в.

Сложнее обстоит вопрос с атрибуцией Н. *Повести временных лет*. Основанием для атрибуции является свидетельство Киево-Печерского патерика, в котором среди монахов, подвизавшихся в монастыре в XI в., упоминается «Нестор, иже написа летописец», а также наличие имени Н. в заглавии ПВЛ по Хлебниковскому списку (XVI в.) *Летописи Ипатьевской*: «Повесть временных лет черноризца Нестера Феодосьева манастыря Печерьскаго, откуду есть пошла Русская земля. . .». В старшем списке (Ипатьевском, нач. XV в.) имя Н. опущено. Сомнения в принадлежности Н. — агиографу ПВЛ — были высказаны уже в нач. XIX в., так как аргументация в пользу этой атрибуции была далеко не безупречной; в частности, Н. приписывались высказывания от первого лица в статьях 1051 и 1091 гг. ПВЛ; считалось, что весь этот текст летописи за 2-ю пол. XI—нач. XII в. единолично написан им и т. д. Р. Ф. Тимковский, А. Кубарев, П. Казанский и другие справедливо указывали, что в этом случае обнаруживаются существенные противоречия между ПВЛ и Житием Феодосия Печерского, безусловно написанным Н. Эти сомнения усугублялись убежденностью представителей «скептической школы» (М. Т. Каченовский, С. М. Строев и др.) в том, что известные нам списки летописей — это поздние (XIII в.) «сборники», а монах XI в. не смог бы «написать что-нибудь хотя несколько похожее на эти сборники»; т. е. сомнения в авторстве Н. связывались со скептическим взглядом на начало русского летописания в XI в. А. А. Шахматов объяснял разноречия между летописью и Житием Феодосия прежде всего тем, что последнее составлено Н. в 80-х гг. XI в., а летопись — 25 лет спустя. Кроме того, продолжает Шахматов, «Нестор, составляя Повесть врем. лет, включил в нее старший Киевский свод. . в этом-то своде и находились статьи, противоречащие Житию Феодосия» (Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916, с. XIX). Из нескольких фрагментов ПВЛ, где летописец говорит о себе в первом лице (в статьях 1051, 1091 и 1106 гг.), Шахматов склонен относить к Н. лишь слова «егоже повелению бых аз, прьвое самовидец» в рассказе о перенесении мощей Феодосия, но содержащуюся там же реплику: «аз же грешный твой раб и ученик. . .» исследователь приписывает составителю Начального свода.

В поздней, Кассиановской редакции патерика Киево-Печерского именем Н. надписано «Сказание, что ради прозвася Печерьский монастырь», частично совпадающее с летописной статьей 1051 г. в составе ПВЛ, и «Слово о пренесении мощей Феодосия». Однако эти статьи отсутствуют в древнейшей (Арсе-

киевской) редакции патерика. Надписание их именем Н. и вставка его имени во фразу «придох же и аз к нему (Феодосию, — *О. Т.*) худый и недостойный аз раб Нестор, и прият мя, тогда лет сущу 17 от рождения моего», по мнению А. А. Шахматова, результат того, что Кассиан принимал Н. за единоличного создателя ПВЛ (см.: Шахматов. Нестор летописец, с. 44—46). Атрибуция ПВЛ Н. не имеет все же неопровержимых доказательств и сомнения в правомерности отождествления Н.-агиографа с Н.-летописцем продолжают возникать и в наше время.

Изд.: Бодянский О. М. Житие Феодосия игумена Печерьскаго, съписание Нестора: По харатейному списку XII в. Московского Успенского собора, с разнословиями по многим другим. — ЧОИДР, 1858, кн. 3, отд. 3, с. I—IV, 1—31; Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба. — В кн.: Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860, стб. 1—40; Житие. . . Феодосия, игумена Печерьскаго. Съписание Нестора: По харатейному списку Московского Успенского собора буква в букву и слово в слово / С предисл. А. Попова. — ЧОИДР, 1879, кн. 1, с. 1—10, 1—42 об.; Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1 / Изд. под набл. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 2, с. I—IV, с. 40—96; Абрамович Д. И. Сказание о Борисе и Глебе. — В кн.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. Д. И. Абрамовичем. Пг., 1915, с. I—VII, 1—26 (репринт: Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. München, 1967 (Slavische Propyläen, Bd 14)); Сказания о Борисе и Глебе. — В кн.: Бугославський С. А. Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928; A Treasury of Russian Spirituality / Comp. and ed. by G. P. Fedotov. London, 1952, p. 15—48 (пер. Жития Феодосия на англ. яз.); Benz E. Russische Heiligenlegenden. Zürich, 1953, S. 82—156 (пер. Жития Феодосия на нем. яз.); Житие Феодосия — Успенский сборник XII—XIII вв / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 71—135; Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и примеч. О. В. Творогова. — ПЛДР. XI—нач. XII в. 1978, с. 304—391, 456—459; Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и примеч. О. В. Творогова). — В кн.: Повести Древней Руси XI—XII вв. Л., 1983, с. 230—325, 548—551; см. также библиографию изданий к статье: Повесть временных лет.

Лит.: Миллер Г. Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, апрель, с. 275—298; Тимковский Р. Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца российского. — Зап. и тр. ОИДР, 1815, ч. 1, с. 53—74; Каченовский, проф. О баснословном времени в российской истории. — Учен. зап. имп. Моск. ун-та, 1833, ч. 1, № 2, отд. 3, с. 278—298; Погодин М. 1) Кто писал Несторову летопись. — Библ. для чт., 1835, № 1, отд. III, с. 1—10; 2) Нестор: Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839, с. 61—74; Скромненко С. [Строев С. М.]. Кто писал ныне нам известные летописи? — Сын Отеч. и Сев. арх., 1835, ч. 47, № 3, с. 161—176; Кубарев А. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской. — РИС, т. 4, кн. 4. М., 1842, с. I—II, 367 (ошиб. 417) — 480; Казанский П. 1) Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? — ВОИДР, 1849, кн. 1, отд. 1, с. 23—30; 2) Критический разбор свидетельств Патерика печерского о летописи Нестора. — Там же, 1850, кн. 7, отд. 1, с. 1—16; Срезневский И. И. Дополнение к записке Древние жизнеописания русских князей. — ИпоРЯС, 1853, т. 2, с. 209—211; Билярский П. Замечания о языке Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого

Нестору, сравнительно с языком летописи. — Зап. имп. АН, 1862, т. 2, кн. 1, с. 109—120; Шахматов А. А. 1) Несколько слов о Несторовом житии Феодосия. — СОРЯС, 1896, т. 64, № 1; 2) Разыскания, с. 38—41, 55—70, 82—97; 3) Нестор летописец. — ЗНТШ, 1914, т. 117—118, с. 31—53; 4) Повесть временных лет. Пгр., 1916, Т. 1. Вводная часть; Текст; Примечания, с. XI—XV, XVIII—XXI; Абрамович Д. И. 1) К вопросу об источниках Несторова жития Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1, с. 243—246; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. I—XXIX, 142—175 (отд. отт. из ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 3 и 1902, т. 7, кн. 3); Лукьяненко А. М. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. — РФВ, 1907, т. 58, № 3, с. 1—79; Бугославский С. А. 1) К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 131—186; 2) Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии. — В кн.: Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 332—336; 3) Жития. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, ч. 1. Литература XI—нач. XIII в., с. 326—332; Приселков М. Д. Нестор-летописец. Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 147—169; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 305—313; Müller L. 1) Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. 1. Die wunderbare Gefangenbefreiung nach dem Bericht Skazanije und des Čtenije. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1952, Bd 23, H. 1, S. 60—77; 2) Neure Forschungen über das Leben und die kultische Verehrung der heiligen Boris und Gleb. — Opera slavica. Göttingen, 1963, Bd 4, S. 295—317; Еремин И. П. 1) К характеристике Нестора как писателя. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 54—64 (переизд.: Еремин П. И. Литература древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 28—41); 2) Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 21—31; Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. — ТОДРЛ, 1964, т. 20, с. 46—51, 63—66; Poppe A. 1) Chronologia utworów Nestora hagiografa. — Slavia orientalis, 1965, rocz. 14, N 3, s. 287—305; 2) О времени зарождения культа Бориса и Глеба. — Russia Mediaevalis, 1973, t. 1, c. 6—29; Børtnes J. Frame Technique in Nestor's «Life of St. Theodosius». Scando-Slavica, 1967, t. 13, p. 5—16; Siefkes F. Zur Form des Žitije Feodosija. Berlin; Zürich, 1970; Кузьмин А. Г. 1) О времени написания Нестором Жития Феодосия: (К вопросу об авторе Повести временных лет). — В кн.: Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань, 1970, с. 255—263; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 133—155, 178—183; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Душечкина Е. В. Нестор в работе над Житием Феодосия: Опыт прочтения текста. — Учен. зап. Тарт. унив., 1971, вып. 266, с. 4—15 (Тр. по рус. и славян. филол., т. 18. Литературоведение); Толочко П. П. Нестор-літописець Київської Русі. — Укр. іст. журн., 1981, № 12, с. 27—31;

См. также *лит.* в статьях: *Повесть временных лет, Сказание о Борисе и Глебе.*

О. В. Творогов

Никифор (ум. 1121 г.) киевский митрополит, автор посланий и поучений. Н., грек по национальности, был прислан на Русь константинопольским патриархом в 1104 г.; занимал митрополичий престол до самой смерти. Н. написал (по-видимому, на греческом языке) несколько произведений нравоучительного характера, которые, вероятно, тогда же были переведены на русский язык. Они дошли до нас в сборниках, обычно в соединении с произведениями Мефодия Патарского, и на этом основании

К. Ф. Калайдович допускал, что именно Н. и перевел сочинения Мефодия. По спискам не ранее XVI в. до нас дошли: 1) Послание к *Владимиру Всеволодовичу Мономаху* о посте, о воздержании чувств («Благословен бог и благословено имя святое славы его...»); 2) «Послание от Никыфора митрополита Кыевского к Владимеру князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля» — о разделении церквей на восточную и западную («Въпрашал еси был, благородный княже, како отвержени быша латине...»), оба текста приведены в ВМЧ под 20 VI; ГИМ, Синод. собр., № 121, л. 444—450; 3) Послание о латинянах к великому князю Ярославу Святополчичу («Послание от Никифора митрополита Киевского всея Руския земля, написание на латыну к Ярославу, князю муромскому, Святославичю, сына Ярославля о ересех»), помещено в ВМЧ под 31 VIII; ГИМ, Синод. собр., № 183, л. 588—593; 4) поучение о посте, которое представляет собою распространение текста 1, встречается в разных редакциях с различными заглавиями и представлено многочисленными списками (иногда в сочетании с выдержками из других поучений о посте); 5) Филарет атрибутировал Н. также сказание о чудесах Бориса и Глеба. Поучения о посте дают важный материал для суждения о нравах в начале XII в., послания представляют собою ответы на вопросы князей о различиях между православной и католической церквями после их разделения после 1054 г. (всего указано 20 расхождений) и с призывами отступить от следования «латинщине».

Изд.: Калайдович К. Ф. 1) Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 59—75 (1-е послание по сп. XVI в. ГИМ, Синод. собр., № 496 с вариантами по другим спискам); 2) Памятники российской словесности XII века. М., 1821, с. 157—163 (2-е послание по тому же списку с разночтениями); Макарий. История русской церкви. СПб., 1868, т. 2, с. 314, 320, 326, 327—330 (остальные послания и отрывки из них).

Лит.: Филарет. Обзор русской духовной лит Харьков, 1859, с. 28—30; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: (XI—XV вв.). М., 1875, с. 99—118; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей грекорусской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 48—57; С. П. Шевырев. История русской словесности. СПб., 1887, т. 1, с. 111; Порфирьев И. Я. История русской словесности. Казань, 1897, ч. 1, с. 393—396; Безобразова М. В. Послание митрополита Никифора. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 4, с. 1080—1085; Голубинский Е. Е. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 857—859; Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода. Киев, 1900, с. 148—151; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946, с. 47—53; Українські письменники, с. 114—116.

В. В. Колесов

Никон (Великий) (ум. 1088 г.) — игумен Киево-Печерского монастыря, летописец. Сведения о Н. содержатся в *Повести временных лет*, Житии Феодосия Печерского (см. *Нестор*) и в *Патерике Киево-Печерском*. Не позднее 1058 г. поселился вместе с отшельником Антонием в пещере на берегу Днепра; впоследствии на этом месте возник Киево-Печерский монастырь. Н. пользовался большим авторитетом (Нестор в своем Житии Феодосия называет его Н. Великий). Это дало М. Д. Приселкову основания

предположить, что под именем Н. принял схиму в 50-х гг. XI в. бывший митрополит Руси *Иларион.* В 1060 и 1061 гг. (по расчетам А. А. Шахматова) Н. постриг сына боярина Иоанна и одного из приближенных Изяслава (в монашестве они приняли имена Варлаама и Ефрема) и этим навлек на себя гнев князя. В 1061 г. Н. был вынужден покинуть Киев и уехать в Тмуторокань, где основывает монастырь. В 1067 г. Н. приехал в Киев с поручением добиться поставления в Тмуторокань нового князя вместо умершего Ростислава. В 1068 г. Н. возвращается в Киево-Печерский монастырь. Как сообщает Нестор, *Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря,* наставлял братию «духовными словесы», а Великий Н. по его просьбе поучал «из книг почитающе». В период междоусобицы, когда Изяслав был изгнан из Киева Всеволодом и Святославом, Н., видимо, оставшийся на стороне изгнанного Изяслава, был вынужден снова уехать в Тмуторокань, откуда вернулся, возможно, лишь в 1077 г. С 1078 г. и до смерти Н. был игуменом Киево-Печерского монастыря.

О книгописной деятельности Н. свидетельствует то же Житие Феодосия. По словам Нестора, «многажды» бывало, что Н. сидит и «делает книги», а Феодосий, сидя рядом, «прядет нити, еже на потребу таковому делу». Гипотеза о Н. как авторе летописного свода, составленного около 1073 г., принадлежит А. А. Шахматову. Ученый основывался на наблюдениях над характером летописных статей и соотнесенностью их с данными биографии Н.: киевские события излагаются с позиций очевидца в годы, когда Н. находился в Киеве, а события в Тмуторокани — в годы, когда он пребывал там. Как полагают, гипотетически восстанавливаемый свод Н. явился продолжением древнейшего свода 1037 г. (по гипотезе А. А. Шахматова) или «Сказания о распространении христианства на Руси» (так условно назвал предшествующее летописное повествование Д. С. Лихачев). Именно Н., по этой гипотезе, придал историческим записям форму погодных статей и, таким образом, явился создателем специфической именно для русской историографии погодной структуры летописания. По мнению Д. С. Лихачева, Н. впервые изложил новгородскую легенду о призвании варягов и высказал предположение, что киевский князь Игорь является сыном Рюрика, «призванного» новгородцами. Возможно, Н. ввел в летопись версию о крещении Владимира Святославича не в Киеве, а в Корсуни (Херсонесе), легенду о том, как Ольга перехитрила греческого императора, рассказ об основании Киево-Печерского монастыря. Полагают также, что некоторые подробности войны Руси с Византией в 1043 г., а также новгородские предания (о призвании варягов) Н. рассказал боярин *Вышата,* бежавший в 1064 г. в Тмуторокань, где в то время уже находился Н. Свод Н. был использован впоследствии составителем Начального свода в 1093—1095 гг.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 423—460; Приселков М. Д. 1) Митрополит Иларион — в схиме Никон — борец за независимую русскую церковь (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского

монастыря). — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 188—204; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; 3) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 24—26, 31—33; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 82—93; Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 59—71.

О. В. Творогов

Нифонт (ум. 1156 г.) — архиепископ новгородский, автор ответов на вопросы *Кирика Новгородца*, инициатор составления Софийского временника Н., постриженник Киево-Печерского монастыря, согласно *Летописи Новгородской первой*, с 1131 г. был епископом в Новгороде. В 1135 г. он выступает посредником между враждующими киевлянами и черниговцами. В 1147 г. присутствует при избрании митрополитом Климента Смолятича. Придерживающийся провизантийской ориентации Н. выступал против Климента, так как его поставление не было санкционировано константинопольским патриархом: «Не достоин есть стал, оже не благословен от великого собора, ни ставлен». В 1148 г. Н. едет в Суздаль к Юрию Долгорукому. На следующий год Н. вызывает в Киев князь Изяслав и заключает его в Киево-Печерском монастыре, откуда Н. вызволил Юрий Долгорукий, в 1149 г. захвативший Киев. Вероятно, в это время Н. и получает от константинопольского патриарха титул архиепископа, что ставило его в независимое положение от киевского митрополита. В 1154 г. Н. снова едет в Суздаль приглашать на новгородский стол Мстислава, сына Юрия Долгорукого. Умирает Н. в Киеве, куда отправился встречать митрополита Константина. Его погребают в Печерском монастыре. *Летопись Ипатьевская* характеризует его как поборника всей Русской земли и ревнителя веры. Новгородский летописец отмечает строительную деятельность Н.: «который епископ тако украси святую Софию, притворы испьса, кивот створи и всю извъну украси; а Пльскове (Пскове) святого Спаса церковь създа камяну, другую в Ладозе, святого Климента» (Новгородская первая летопись, с. 29).

По предположению Д. С. Лихачева, Н. был инициатором составления в 1136 г. «Софийского временника» — новгородской летописи с откровенной антикняжеской направленностью. Именно поэтому при создании этого свода *Повесть временных лет*, с которой начинался предшествовавший Временнику княжеский свод Всеволода Мстиславича, была заменена во Временнике Начальным сводом.

Н. принадлежат ответы на вопросы о церковном праве и обрядности.

Изд.: Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц. — Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880, ч. 1, стб. 21—62 (РИБ, т. 6).

Лит.: Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — ИЗ, 1948, № 25, с. 240—265; Новгородская

первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 22—24, 27—29; Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1961, т. 1, стб. 308—347; Ипатьевская летопись — ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 341, 383, 384; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 179—180.

О. В. Творогов

О

Откровение Варуха — переводное апокрифическое сочинение, распространенное в древнерусской книжности. Пророку Варуху приписывается одна из ветхозаветных книг, следующая, согласно канону, за книгой пророка Иеремии. Эти два пророка являются персонажами апокрифа *Паралипомен Иеремии*. Кроме того, в славянских литературах встречается переводной апокриф О. Он известен в двух редакциях: одна представлена списками Сречковича и Дринова, изданными М. И. Соколовым, списком, изданным Ст. Новаковичем и болгарским списком из собр. Н. С. Тихонравова, изданным П. А. Лавровым, другая — списком ГБЛ, собр. МДА, № 368/379, изданным Н. С. Тихонравовым, и списком из собрания Барсова. Перечень известных славянских списков см. в кн.: Яцимирский. Библиографический обзор, с. 227—231.

О. стоит в ряду других апокрифических «видений», особенно сближаясь тематически с апокрифической книгой Еноха (см. *Апокриф об Енохе*). В О. повествуется, как пророк, вознесенный на небо ангелом, сподобился познать тайны мироустройства: Варух видит обращенных в чудовищ строителей вавилонской башни, дракона, вечно пьющего из моря, что предотвращает затопление земли водами рек, дерево, явившееся причиной грехопадения Адама и Евы (им оказывается виноградная лоза, взращенная Сатанаилом). Варух наблюдает движение солнца, влекомого на огненной колеснице сорока ангелами вслед за гигантской птицей фениксом, движение луны на колеснице, запряженной быками и овнами и т. д.

Славянский перевод способствует в ряде случаев лучшему пониманию греческого текста апокрифа.

Изд.: Novaković St. Otkriveńe Varuhovo. — Starine. U Zagrebu, 1886, kn. 18, с. 203—209; Тихонравов. Апокрифические сказания. — СОРЯС, 1894, т. 58, с. 48—51; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, 1899, т. 67, с. 149—151; Соколов М. И. Апокрифическое откровение Варуха. Древности: Тр. славян. ком. имп. Моск. археол. о-ва. М., 1907, т. 4, вып. 2, с. 201—258; Hercigonia E. «Videnje Varuhovo» u Petrisovu zborniku iz 1468. godine. — Зб. за филол. и лингв. Нови Сад, т. 7, с. 63—93.

Лит.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 752—753; Соколов М. И. 1) Материалы и заметки по старинной рус-

ской литературе. М., 1888, вып. 1, с. 133—138; 2) Феникс в апокрифах об Энохе и Варухе. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 395—405.

О. В. Творогов

Откровение Мефодия Патарского — переводное византийское эсхатологическое сочинение неизвестного автора, датируемое одними исследователями IV в., другими — VII в. В средневековой рукописной традиции атрибутировалось епископу города Патар в Ликии (Малая Азия) Мефодию, жившему в III IV вв.

О. — краткий рассказ о истории мира от Адама до светопреставления, распределенный по тысячелетиям на семь периодов. Вторая половина О., в которой повествуется о седьмом тысячелетии (в ней освещаются события, которые будут предшествовать кончине мира и происходить в последний период его существования, — царство антихриста, второе пришествие Христа, страшный суд), привлекала к себе наибольшее внимание средневековых читателей. Большое место как в исторической, так и в пророческой части О. занимает история борьбы израильтян с измаилтянами и рассказ о «нечистых» народах, заключенных Александром Македонским в неприступных горах. Племена измаилтян, разгромленные израильским вождем Гедеоном и бежавшие в Етривскую пустыню (сюжет этот восходит к Библии), в седьмом тысячелетии выйдут из Етривской пустыни и поработят многочисленные страны. После их нашествия в мире воцарится беззаконие, наступит полное падение нравов. Но со временем праведный греческий царь одолеет насильников. Наступит расцвет христианства и всеобщее благоденствие. И тогда заточенные Александром «нечистые» народы выйдут и покорят почти весь мир. Тогда бог пошлет своего архистратига, который погубит всех захватчиков. Через некоторое время родится антихрист. После царства антихриста последует второе пришествие Христа и страшный суд.

О. получило широкое распространение в византийской литературе. Сохранившиеся списки дают четыре редакции произведения; первая редакция представлена двумя вариантами. С греческого языка О. уже в ранний период своей литературной истории стало переводиться на латинский и славянский языки. Латинский текст О. сохранился в двух редакциях. С латинского текста памятник переводился на западноевропейские языки. На славянский язык О. переводилось дважды, оба раза в Болгарии, сербский перевод восходит к болгарскому оригиналу. В основу славянского перевода легла первая редакция греческого текста. Оба славянских перевода, не зависящие друг от друга, восходят к различным вариантам первой греческой редакции О., но в основе их лежат более древние и близкие к авторскому тексту списки, чем дошедшие до нашего времени. На Руси славянский перевод О. стал известен очень рано — не позже начала XII в.

На русской почве, как предполагает В. М. Истрин, в XV в., возникла оригинальная русская переработка О., названная Истриным интерполированной редакцией. В основу этой переработки лег старый славянский перевод, дополненный из других источников — библейского повествования о Гедеоне, апокрифа о потопе, Сказания о царе Михаиле, сказаний об антихристе, из *Жития Андрея Юродивого.*

В *Повести временных лет* дважды в статье 6604 (1096) г. упоминается О. Объясняя происхождение половцев, летописец говорит, что это одно из племен измаилтян, изгнанных Гедеоном в Етривскую пустыню, и вот теперь они вышли из пустыни и пришли на Русскую землю. Затем ниже, в рассказе Гюряты Роговича о северных народах, приводится пророчество О. об исходе накануне кончины мира «нечистых» народов, заключенных в горах Александром Македонским. А. А. Шахматов, развивая замечания П. И. Потапова о тексте О., к которому обращался русский летописец, пришел к заключению, что текст этот был более древним и более близкий к оригиналу, чем сохранившиеся до нашего времени списки О. А. А. Шахматов приходит также к выводу, что характер использования О. в обоих случаях говорит о том, что в каждом случае к нему обращались два разных летописца, хотя летописная статья читается под одним годом.

Рассказ О. об изгнанных в Етривскую пустыню измаилтянских племенах, которые со временем выйдут из пустыни и нападут на христианские народы, в XIII в. был приведен летописцем в первом сообщении о нашествии на Русь монголо-татар. Говоря о том, что к границам Русской земли подошла невиданная по количеству рать неведомых дотоле народов, летописец склонен видеть в них пришельцев из Етривской пустыни, о нахождении которых в преддверии грядущей гибели мира говорил Мефодий Патарский. Это сообщение о монголо-татарах вошло как начальная часть во все редакции летописной *Повести о битве на Калке.* Отдельные эпизоды О. нашли отражение во 2-й редакции Еллинского и Римского летописца, во 2-й редакции Хронографической Александрии и в других памятниках древнерусской литературы.

Интерполированная редакция имела широкое распространение в древнерусской литературе. Особую популярность она приобрела в XVII в. в среде старообрядцев. О. часто переписывается в своем полном составе, из него делаются выписки, создаются сокращенные редакции. Ссылки на О. и заимствования из этого памятника встречаются в сочинениях старообрядцев при обличении падения современных нравов, в рассуждениях об антихристе. В южной Руси, в период борьбы в XVII в. с католицизмом полемисты обращаются к авторитету О. изображая римского папу антихристом.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 213—281; Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исслед. и тексты. М., 1897; Лавров П. Апокрифические тексты. — СОРЯС, т. 67, № 4. СПб., 1901, с. 6—39;

Яцимирский А. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. — ИОРЯС, 1906, т. 2, кн. 2, с. 297—301.

Лит.: Сухомлинов М. А. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 106—114; Веселовский А. Опыты по истории развития христианской легенды. — ЖМНП, 1875, апрель, с. 283—331; май, с. 48—130; Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности. Тула, 1879, с. 96—109, 120, 134—148; Потапов П. К вопр. о литературном составе летописи. — РФВ, 1911, т. 65, № 1, с. 81—110; Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и летопись. — ИОРЯС, 1925, т. 29, с. 380—382; Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 92—103; Литвинова Е. В. Списки «Откровения Мефодия Патарского» в Древлехранилище ИРЛИ. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 382—390.

Л. А. Дмитриев

П

Палея Толковая — памятник, в котором пересказываются с полемическими, антииудейскими толкованиями, а также с многочисленными дополнениями и комментариями библейские книги. Содержание П. таково (указаны столбцы по изданию П. 1406 г.): рассказ о сотворении мира (1—92), основанный, в частности, на Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского и Севериана Гевальского, в составе которого апокрифический рассказ о Сатанаиле (73—78) и описание реальных и фантастических существ — птицы алконоста, ехинии, мурены, феникса и др. (81—87); рассказ о сотворении человека (90—123), включающий описание устройства человеческого организма (114—123), история Адама и Евы и их грехопадения (123—163), с вкраплением «естественно-научного» экскурса о природе огня и атмосферы (131—138). Затем следует рассказ о Каине и Авеле (163—195) с рассуждениями о соотношениях души и тела (177—184). После перечня потомков Адама (195—199) читается рассказ о Ное и потопе (199—227), о разделении земли между его сыновьями, столпотворении и народах, заселивших землю после разделения языков (227—245). Далее обширное сказание об Аврааме, основанное на Библии, но с отдельными апокрифическими элементами (245—290), история Исаака и его сыновей (290—336) с рассказом о «лествице», виденной Иаковом (306 и след.), история Иосифа (336—395). Затем в П. читается обширная статья о заветах двенадцати патриархов (401—474). Очень подробно, с отдельными апокрифическими мотивами, излагается история Моисея и исхода евреев из Египта (475—648); здесь же находим сказание о двенадцати камнях и их свойствах (546—556). Далее следует пересказ библейских книг Иисуса Наввина (648—680), Судей (680—726), Руфь (726—734). Заключает палейное повествование изложение истории Саула и Давида (737—814) и Соломона (с. 814 и до конца).

В П. библейское повествование о сотворении мира и человека и истории человеческого рода является материалом для пространных богословских рассуждений: полемических увещеваний «жидовина», раскрытия символического значения многих ветхозаветных событий как прообраза будущих событий новозаветных. В ряде случаев «историческое» повествование прерывается «естественно-научными» рассуждениями. Все это придает П. универсальность, делает ее своеобразной энциклопедией как богословских знаний, так и средневековых представлений об устройстве мироздания.

Литература о палеях очень обширна. Первые наблюдения над памятником были сделаны еще в работах П. М. Строева, М. А. Оболенского, А. С. Лазаревского, А. Х. Востокова, М. А. Сухомлинова, А. Н. Попова в связи с исследованиями летописей и хронографов, но изучение палеи как памятника началось с трудов Н. С. Тихонравова. О происхождении палеи существуют различные мнения. И. И. Срезневский, Н. С. Тихонравов, И. Я. Порфирьев, В. М. Успенский считали ее переводом с греческого, хотя греческий оригинал ее неизвестен; другие (А. В. Михайлов, В. М. Истрин, И. Н. Жданов, В. П. Адрианова-Перетц) видят в ней труд, составленный древнерусскими книжниками. В процессе изучения палеи были выделены ее разновидности, которые сейчас принято рассматривать как отдельные памятники: П., Палея Хронографическая и Палея Историческая. Однако выделение этих редакций палеи четко проведено лишь в работах В. М. Истрина: его предшественники, рассуждая о составе памятника и его источниках или публикуя фрагменты его текстов, обращались одновременно к разным редакциям Палеи — П., Краткой и Полной разновидностям Палеи Хронографической, называя все эти тексты — П. Поэтому необходимо учитывать принадлежность каждого анализируемого в этих работах сюжета к определенной редакции палеи или даже определенному ее списку, порой не имеющему себе аналогий.

Спорен вопрос о соотношении отдельных редакций палеи. Наиболее убедительной представляется точка зрения В. М. Истрина, согласно которой именно П. является древнейшей из известных на Руси редакций, а Палея Хронографическая обеих разновидностей (Краткая и Полная) является ее позднейшей переработкой.

П. (в некоторых работах она именовалась первой редакцией П.) представляет собой сложную компиляцию, в которой библейский текст обильно дополнен апокрифическим материалом (свод их см. в работах В. М. Успенского и И. Н. Жданова, но там смешаны палеи разных редакций) — извлечениями из Откровения Авраама (см. *Апокрифы о Аврааме*), слова Афанасия Александрийского о Мельхиседеке (см. *Апокрифы о Мельхиседеке*), *«Лествицы» Иоанна Синайского*, *Заветов двенадцати патриархов*, *Апокрифов о Моисее* и более мелкими извлечениями из различных апокрифических преданий. Составитель П. обращался также к со-

чинениям Ефрема Сирина (см. *«Паренесис» Ефрема Сирина*), Мефодия Патарского (см. *«Откровение» Мефодия Патарского*), Косьмы Индикоплова (см. *«Христианская топография» Косьмы Индикоплова*), Епифания Кипрского, к «Шестодневам» Иоанна экзарха Болгарского и Севериана Гевальского (см. *«Шестодневы»*), и др. источникам. Среди них оказался и неизвестный пока памятник, в котором библейская история излагалась с существенным привнесением апокрифических элементов. Именно этот источник был использован как составителем П., так и составителем «Речи философа», входящей в состав *Повести временных лет*. Текстуальная близость П. и летописи была замечена давно, но ей давались различные объяснения: видели в П. источник летописи, и, напротив, в своей последней работе по этому вопросу А. А. Шахматов посчитал возможным, что П. сама восходит к летописи. Более вероятна, однако, точка зрения, согласно которой близость П. и летописи объясняется их обращением к общему источнику. Время составления П., во всяком случае той ее разновидности, которая известна нам по Коломенскому и сходным спискам, не установлено. В. М. Истрин высказал мысль о создании П. в XIII в., но приведенная им аргументация недостаточна.

В настоящее время известно более 15 списков П. Старшие из них — ГПБ, собр. ПДА, А.1.119 (XIV в.; фрагмент из него находится в ЦГАДА, фонд Синод. типографии, № 53); ГБЛ, фонд Костромской библиотеки, № 320 (кон. XIV—нач. XV в.); ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 38 (1406 г.).

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 91—232, 259—272 (отрывки); Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896, вып. 1—2.

Лит.: Сухомлинов М. А. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 54—64; Успенский В. М. Толковая палея. Казань, 1876; Павлов А. Рец. на кн.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. — В кн.: Отчет о девятнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1878, с. 191—212; Веселовский А. Н. 1) Талмудический источник одной Соломоновской легенды в русской Палее. — ЖМНП, 1880, апрель, с. 298—300; 2) Заметки по литературе и народной словесности. 1. Эпизод о южской царице в Палее. — СОРЯС, 1883, т. 32, № 7, с. 1—8; Жданов И. Н. Палея. — Киев. унив. изв., 1881, сент., с. 235—258 (перепеч. в кн.: Соч. И. Н. Жданова. СПб., 1904, т. 1, с. 445—470); Родосский А. С. К материалам для истории славяно-русской библиографии: Единственный древнейший список Толковой палеи, принадлежавший библиотеке Александро-Невской лавры, а ныне составляющий собственность библиотеки СПб. духовной академии. — Хрис. чт., 1882, ч. 2, с. 590—609; Соколов М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. — Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1887—1889, т. 2, с. 143—159; Михайлов А. В. 1) Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой палеи. — Варш. унив. изв., 1895, № 7, с. 1—21; 2) К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой палее. — Там же, 1895, № 9, с. 1—35; 1896, № 1, с. 1—23; 3) К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой палеи. — ИпоРЯС, 1928, т. 1, кн. 1, с. 49—80; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. — ПДП, 1895, т. 108, с. 258—262, 371—378; Франко. Апокрифы, т. 1, с. XV—XXIII; Истрин В. М. 1) Замечания о составе

Толковой палеи. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 175—209; кн. 4, с. 845—905; 1898, т. 3, кн. 2, с. 472—531 (то же: СОРЯС, т. 65, № 6. СПб., 1899); 2) Новый сборник ветхозаветных апокрифов. — ЖМНП, 1898, январь, с. 112—133; 3) *Из области древнерусской литературы*. — ЖМНП, 1903, август, с. 411—414; октябрь, с. 201—218; 1904, февраль, с 257—294; октябрь, с. 321—354; 1906, февраль, с. 185—246 (то же см. в кн.: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 31—51, 70—198); 4) Редакции Толковой палеи. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 135—203; 1906, т. 2, кн. 1, с. 1—43; кн. 2, с. 20—61; кн. 3, с. 418—450 (текст, опубл. в т. 10, в другом варианте печатался в ЖМНП за 1903—1904 гг.) (отд. отт.: СПб., 1907); 5) Толковая палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, 1925, т. 29, с. 369—379: Тихонравов Н. С. Сочинения, М., 1898, т. 1. Древняя русская литература, с. 156—170, дополнения, с. 110—122; Евсеев Ив. Заметки по древнеславянскому переводу св. писания. — ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 3, с. 788—823; Карнеев А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой палеи и Златой матицы. — ЖМНП, 1900, февраль, с. 335—366; Заболотский Н. К вопросу об иноземных источниках «Начальной летописи». — РФВ, 1901, т. 45, № 1—2, с. 4—19; Редин Е. К. Толковая лицевая палея XVI в. собрания гр. А. С. Уварова. — ПДПИ, 1901, Отчеты 1899—1900, Приложение, с. 1—9; Шахматов А. А. 1) Толковая палея и русская летопись. — В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1904, вып. 1, с. 199—272 (отд. отт.: СПб., 1904); 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 75—80, 131—139; Истомин К. К. 1) К вопросу о редакциях Толковой палеи. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 1, с. 174—184; 1906, т. 11, кн. 1, с. 337—374; 1909, т. 13, кн. 4, с. 290—343; 1914, т. 18, кн. 1, с. 87—172; 2) Ответ г. Истрину. — ЖМНП, 1906, ноябрь, с. 204—233; Рыстенко А. В. Материалы для литературной истории Толковой палеи. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 2, с. 324—350; Адрианова В. П. К литературной истории Толковой палеи. Киев, 1910.

О. В. Творогов

Память и Похвала князю Владимиру — похвальное слово князю Владимиру Святославичу (ум. 1015 г.). Оно дошло до нас в переделанном виде и сравнительно поздних списках. Старший список его находился в Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г. (сгорел в 1812 г.), остальные тринадцать датируются концом XV—XVII вв. Полное заглавие памятника, одинаковое во всех списках: «Память и похвала князю русскому Володимиру, како крестися Володимир и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимира. Списано Иаковом мнихом» (нач.: «Паул святыи апостол, церковныи учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, глаголаше...»).

Текст П. состоит из трех частей: 1) Похвала Владимиру; 2) Похвальное слово Ольге, с собственным заглавием: «Похвала княгине Олги, како крестися и добре поживе по заповеди господни»; 3) Житие Владимира (нач.: «Блаженныи же князь Володимир внук Олжин крестився сам...»). Известна редакция П., в которой отсутствует средняя часть. В некоторых случаях переписывалась одна 3-я часть. Оба эти вида восходят к полному тексту.

Хронология и взаимные отношения частей П. не выяснены окончательно. Первые исследователи памятника (митр. Макарий, И. И. Срезневский, Е. Е. Голубинский) относили его к XI в.

и видели в нем древнейшее церковное сказание о Владимире. Затем были высказаны предположения о разновременности составных частей памятника. По гипотезе А. И. Соболевского, основой П. и наиболее ранней его частью является «древнее житие» (3-я часть), написанное в кон. XII—нач. XIII в. По гипотезе А. А. Шахматова, вначале существовал древний текст о князе Владимире, в котором слились два несохранившихся жития Владимира XI в.; этот текст был разорван вставкой Похвального слова Ольге. Последняя по времени точка зрения (С. А. Бугославского) сводится к тому, что все части П. имеют независимое происхождение и собраны вместе лишь в середине XIII в.

По наиболее вероятному предположению Н. И. Серебрянского, первоначальную основу П. составляет историческое похвальное слово князю Владимиру, написанное во 2-й пол. XI в. неким монахом Иаковом. Это произведение по форме было сочетанием похвального слова и жития (ныне 1-я и 3-я части П.). Похвала Ольге вставлена позднее. Владимир в течение долгого времени не признавался святым: его официальной канонизации противилась греческая константинопольская патриархия. Однако почитание его существовало уже в XI в.

Труд Иакова представляет именно эту национальную тенденцию. Вслед за митрополитом *Иларионом* Иаков прославляет Владимира как крестителя Руси и «апостола в князех». Заслуги Владимира (крещение Руси и милостыня) искупают в его глазах злодеяния князя-язычника. Житие завершается перечнем походов и побед Владимира, умирающего в благочестии. 1-я часть П. составлена под влиянием «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. В житийной части Иаков воспользовался летописным рассказом о Владимире (возможно, из древнейшего свода 1039 г.), дополнив его протокольными заметками из какого-то особого списка летописи (см. работы А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова).

Значительный интерес представляет отношение Иакова к Корсунской легенде. Версия о крещении Владимира в Корсуне была создана греческим клиром Десятинной церкви и официально принята в кон. XI—нач. XII в. Иаков не руководствуется этой легендой, однако знает ее и даже полемизирует с ней: по Иакову, Владимир берет Корсунь лишь на третий год по крещении. Тем самым время работы автора П. определяется приблизительно 3-й четвертью XI в. С этим согласно заявление самого Иакова: «Аз, худыи мних Иаков, слышав от многых о благовернем князи Володимери   и мало собрав от многыя добродетели его написах...». Вопрос о личности автора П. спорен. Его отождествляли с упомянутым в *Повести временных лет* под 1074 г. Иаковом (см. *Иаков (XI в.) монах Киево-Печерского монастыря*).

Переделка текста Иакова была произведена, по-видимому, в XIV в. в Северной Руси. Редактор изменил заглавие, внес в текст разъяснения и заголовки и в том месте, где у Иакова читалась краткая заметка об Ольге, поместил Похвальное слово

Ольге. Это Похвальное слово в свою очередь не является оригинальным произведением: в нем соединены панегирик проложного типа и легендарный рассказ о гробнице Ольги в Десятинной церкви. П. вскоре была вытеснена составленными в соответствии с Корсунской легендой житиями. Поэтому этот древнейший памятник русской агиографии сохранился лишь в нескольких списках.

Изд.: Макарий. 1) Три памятника русской духовной литературы XI в. — Христ. чт., 1849, ч. 2, с. 302—336, 367—369; 2) История Русской церкви. Изд. 2-е. СПб., 1868, т. 1, с. 255—263; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 208—214; Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому. — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2, отд. 2, с. 7—12, 17—30 (отд. оттиск: Сб. в память 900-летия крещения Руси. Киев, 1888); Срезневский В. И. 1) Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIV в. Зап. имп. АН, 1893, т. 72, Приложение, № 5, с. 17—31; 2) Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 г. — Зап. имп. АН, 1897, сер. 8, т. 1, № 6, с. 2—8; Серебрянский. Княжеские жития, с. 32- 36, 43—51; Тексты, с. 12—13; Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. — ИОРЯС, 1925, т. 29, с. 105—159; Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку Кр. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР 1963, № 37 Русско-польские революционные связи, с. 66—75.

Лит.: Срезневский И. И. Древние жизнеописания русских князей X—XI в. — Ист. чт. о яз. и словесн. в засед. II отд. им. Акад. наук. 1852 и 1853 гг. 1854, с. 80—84; Соболевский А. И. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о св. Борисе и Глебе. — Христ. чт., 1890, ч. 1, с. 791—795; Никольский Н. К. 1) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДПИ, СПб., 1902, № 147, с. 29—31; 2) Повременной список, с. 225—239; Шахматов А. А. 1) Корсунская легенда о крещении Владимира. — В кн.: Сб. ст. в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906, с. 16—18; 2) Разыскания, с. 13—28; Приселков М. Д. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 228; 2) Борьба двух мировоззрений. — В кн.: Россия и Запад. Пг., 1923, № 1, с. 38—56; Федотов Г. П. Канонизация святого Владимира. — В кн.: Владимирский сборник. Белград, 1959, с. 188—196; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. — ВИ, 1960, № 5, с. 53—54; Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в.: Очерки и исслед. М. 1969, с. 27—31.

Е. А. Фет

«Пандекты» Антиоха — компиляция, представляющая собой своего рода справочник по вопросам христианской морали. Составлен Антиохом, уроженцем Галатии, постригшимся в Атталинском монастыре в Анкире, а затем жившим до конца своих дней в лавре Саввы Освященного близ Иерусалима (и пережившим там, как видно из П., нашествие персов в 614 г.), по просьбе его земляка Евстафия, игумена Атталинского монастыря. П., по замыслу Евстафия и Антиоха, должны были заменить братии монастырскую библиотеку, недоступную им из-за вражеских набегов на Галатию (Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 449—450). Сборник, составленный Антиохом (Πανδέκτης τῆς ἁγίας γραφῆς), включает его послание Евстафию и 130 глав, каждая из которых трактует о различных добродетелях и пороках (о воздержании,

о посте, о скупости, о гневе и т. д.) и содержит выписки из Св. писания и сочинений отцов церкви (PG, 1865, t. 89, col. 1415—1850). В XI в. по образцу сборника Антиоха составил свои «Пандекты» Никон Черногорец (см. *«Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца*).

П., по мнению исследователей, были переведены в Болгарии еще в X в. Они очень рано сделались известны в Древней Руси — самый ранний список датируют XI в. (ГИМ, собр. Воскр. мон. № 30; описание рукописи и литературу о ней см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, № 24, с. 66—67); большинство ученых считают Воскресенский список новгородским по происхождению. Значительная часть П. находится также в сборнике ГБЛ, ф. 304, I, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12 (см.: Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Зап. ОР ГБЛ. М., 1968, вып. 30, с. 93—98, 125—137). В литературе отмечалось, что в переводе к некоторым главам (17, 18, 19, 23, 47 и др.) П. в конце даны краткие заключения, которых нет в греческом оригинале. Сербские списки П. относятся к более позднему времени (см.: Ягич В. История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871, с. 93). Компиляция Антиоха пользовалась исключительной популярностью в Древней Руси. Многие нравоучения из П. были внесены в состав *Пролога*, причем, по наблюдениям архимандрита Амфилохия, на раннем этапе его истории. Как указывает тот же ученый, одна молитва восходящая к П., помещена в Часослове (из гл. 19), а две другие молитвы — в Псалтири (из гл. 84 — после 3-й кафизмы, 85 — после 12-й кафизмы). На сборнике Антиоха в значительной мере основано Послание *Иакова* черноризца князю Дмитрию Борисовичу (см.: ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 456—463). Глава «о пьянстве» оказала влияние на древнерусские сочинения об этом пороке (Калиновская В. Н. К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства. — В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984, с. 60—61). П. помещены в ВМЧ под 24 декабря.

Изд.: Амфилохий архим., Срезневский И. И. Выписки из списка Пандекта Антиохова XI в. — ИпоРЯС, 1858, т. 7, стб. 41—47, 147—155; Петровский М. Поучение, приписываемое Илариону митрополиту Киевскому (Отд. отт. из Ученых записок Казанского ун-та за 1865 г., с. 37—40); Амфилохий, архим. 1) Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, с. 45—57; 2) Исследование о Пандекте Антиоха XI в., находящемся в Воскресенской Новоиерусалимской библиотеке. М., 1880; ВМЧ, декабрь, день 24. М., 1910, стб. 1864—2183; Пандект монаха Антиоха: По рукописи XI в., принадлежащей Воскресенскому монастырю / Под набл. О. М. Бодянского. М., 1913; Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв. хранящихся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Зап. Отд. рукописей ГБЛ. М., 1962, вып. 25, с. 180—183.

Лит.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, с. 247—267; Выписка из Пандекта Антиохова XI в. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1861, т. 5, стб. 161—190; Амфилохий, архим. 1) О переводе св. Кириллом и Мефодием Апостола. Тр. II Археол. съезда в СПб., 1876, вып. 1, с. 16—33; 2) Словарь из Пандекта Антиоха XI в. Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1880; Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 92—93; Никольский. Повременной список, с. 494—495; Копко П. М. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. — ИОРЯС, 1915, т. 20, кн. 3, с. 139—216; кн. 4, с. 1—92; Панькевич I. Пандекти Антiоха 1307 р. — ЗНТШ, 1917, т 123—124, с. 1—64; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 193; Українські письменники, с. 725—726; Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970, t. 4, s. 18.

Д. М. Буланин

«Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца популярные в Древней Руси компиляции, переведенные с греческого языка. Оригиналы П. и Т. до сих пор не изданы (ср. начальную часть Т.: Бенешевич В. Н. Тактикон Никона Черногорца: Греческий текст по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины. — Зап. ист.-филол. фак. Петрогр. унив., 1917, ч. 139, вып. 1). Создатель этих компиляций Никон жил в XI в. и был монахом в обители св. Богородицы Ῥοιδίου на Черной горе (Μαῦρον ὄρος) в Сирии, потом в монастыре Симеона Дивногорца. Патриархом антиохийским Феодосием III (1057—1059 гг.) Никон Черногорец был поставлен в священники и дидаскалы. В 1088 г. он был еще жив (Beck H.- G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 600).

Наиболее известное сочинение Никона Черногорца — П. (иначе Ἑρμηνεῖαι τῶν ἐντολῶν τοῦ Κυρίου), составленное им в подражание *«Пандектам» Антиоха*, представляет собой монтаж выписок из творений отцов церкви, соборных постановлений и других памятников. Выписки эти распределены по различным рубрикам (всего 63 главы), так что в целом П. должны были заменить монахам труднодоступные источники этого сочинения. Не менее известный труд Никона Черногорца — Т. (Τακτικόν) — преследует подобную же цель и является одной из наиболее интересных византийских канонических компиляций, причем особое внимание здесь обращено на вопросы, связанные с церковной дисциплиной (всего 40 глав).

Оба сочинения Никона Черногорца были рано переведены на славянский язык (кроме славянского, известен также арабский перевод Т.): наиболее ранний список перевода П. относится к XIII в. (Ярославский гос. музей-заповедник, № 15583, описание см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, № 214, с. 234—235), а наиболее ранние списки Т. датируются концом XIV в. (ГПБ, F. п. I. 41—1397 г.). История перевода П. Никона Черногорца сводится к следующим этапам: первоначальный перевод П. был

сделан (по мнению ряда ученых — в Древней Руси), по-видимому, вскоре после их создания со значительными сокращениями; позднее этот перевод был дополнен и исправлен, как считают А. В. Горский и К. И. Новоструев, — в Болгарии (дошел в рукописях XIV в.); наконец, еще позднее (по мнению А. В. Горского и К. И. Новоструева — в Сербии, Р. Павловой — в Болгарии) этот перевод был вновь пересмотрен, причем иногда был восстановлен древний текст (Р. Павлова обнаружила список этого перевода середины XIV в.); последний вариант перевода получил особенно широкое распространение в Древней Руси. Перевод Т. по мнению А. В. Горского и К. И. Невоструева, того же происхождения, что и последний вариант перевода П.

В Древней Руси компиляции Никона Черногорца пользовались исключительной популярностью — в редком сборнике, в редком оригинальном средневековом сочинении нет выписок из П. или Т. Статьи из Никона Черногорца были довольно рано включены в славянский устав (Мансветов И. О трудах митрополита Киприана по части богослужения. — Прибавл. к изд. творений св. отцов в рус. пер., 1882, ч. 30, с. 145—147); его сочинения сыграли важную роль в истории таких памятников, как *Пролог*, Кормчая, *Златая чепь*, Измарагд (Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875, с. 184, 214—215, 290—291; Žužek I. Kormčaja kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law (Orientalia Christiana Analecta, N 168). Roma, 1964, p. 99—100, 187, note 14, 285; Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности. Киев, 1894, 1—3, с. 57—59; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 12, 23, 176, 178; ср. также об Индексе отреченных книг: Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966, с. 234—244). Особенно популярны компиляции Никона Черногорца становятся в конце XV—XVI вв. (ср.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XV—нач. XVI в. М.; Л., 1960, с. 322); у писателей этого времени (Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Зиновий Отенский и др.) постоянно встречаются ссылки на Никона Черногорца или выписки из его сочинений. Как установил Б. М. Клосс (Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 63—64), П. редактировал митрополит Даниил в процессе подготовки Сводной Кормчей. Впрочем, судьба П. и Т. в древнерусской письменности почти не изучена. Виленское издание трудов Никона Черногорца 1592 г. не было завершено (см.: Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Л., 1973, вып. 1, № 23). Впервые сочинения Никона Черногорца были напечатаны в XVIII в.: Книга преподобнаго и богоноснаго отца нашего Никона, игумена Черныя горы. Почаев, 1795 (изданы П. и Т.). Второе издание с разночтениями по рукописи XVI в. вышло в единоверческой

типографии при Троицко-Введенской церкви (М., 1888). Отрывки напечатаны в следующих изданиях: В а р л а а м, архим. Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, кн. 2, с. 45—65; П о п о в А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875, с. 289—296; С р е з н е в с к и й. Сведения и заметки, № 55, с. 217—296; M i k l a s H. Zur kirchenslavischen Überlieferung der Häresiengeschichte des Johannes von Damaskus. — In: Festschrift für Linda Sadnik zum 70. Geburtstag. Freiburg im Breisgau, 1981, S. 323—387 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 15). Научное издание памятников отсутствует.

Лит.: Г о р с к и й А., Н е в о с т р у е в К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 1—52; С р е з н е в с к и й И. И. 1) Пандекты Никона Черногорца в русском списке XII в. — Зап. имп. АН, 1871, т. 20, кн. 1, с. 149—156; 2) Пандекты Никона Черногорца по древнему переводу. — Там же, 1872, т. 21, кн. 1, с. 194; 3) Памятники (1882), стб. 283—284; К а л у ж н я ц к и й Е. И. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах Львовских (Отд. отт. из Тр. III Археол. съезда. Киев, 1877, с. 34—46): Отзыв Ф. Терновского о сочинении А. Ленского «Никон Черногорец и судьба его сочинений в русской литературе». — Тр. Киев. духовн. акад., 1877, № 10, Приложение, с. 353—355; Отзыв В. Малинина о том же сочинении. — Там же, 1888, № 8, Приложение, с. 74—80; А р х а н г е л ь с к и й А. С. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 143—146; Т и х в и н с к и й А. Ярославский список Пандект Никона Черногорца XII—XIII в. — РФВ, 1892, № 3, с 114—132; 1893, № 4, с. 340—345; 1894, № 1—2, с. 316—323; № 3, с. 113—122; № 4, с. 261—269; С о б о л е в с к и й А. И. 1) Переводная литература, с. 21; 2) Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. VIII. Особенности русских переводов до-монгольского периода. — СОРЯС, СПб., 1910, т. 88, № 3, с. 167 (то же: С о б о л е в с к и й А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 138); Л и х а ч е в Н. П. Рукопись, принадлежавшая патриарху Феодосию Тырновскому. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 312—319; Українські письменники, с. 751—752; И с а к и н А. Г 1) Палеографическое описание Пандектов Никона Черногорца по Ярославскому рукописному списку XIV в. — Тр. кафедр рус. яз. вузов Вост. Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, т. 1, с 77—89; 2) Глагольные формы настоящего-будущего времени в Пандектах Никона Черногорца по списку XIV века. — Там же. Улан-Удэ. 1966, т. 4, с. 73—82; К у ч к и н В. А. Один из источников Еллинского летописца второго вида. — ВВ, 1967, т. 37, с. 319—324; И в а н о в а-К о н с т а н т и н о в а К. Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания. — ТОДРЛ, 1970, т. 25, с. 294—308; Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970, t. 4, s. 18—19; З а г р е б и н В. М., К о л е с о в В. В. «Пандекты» Никона Черногорца в пергаменном списке XV в. — Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 33—36; П а в л о в а Р 1) Неизвестен ръкопис с подписа на българския патриарх Теодосий Търновски. — Език и литература. София, 1975, № 2, с. 25—38; 2) Три рукописи четырнадцатого века с подписью болгарского патриарха Феодосия. — Славистични изследвания. София, 1978, кн. 4, с. 131—142; 3) Още един непознат среднобългарски ръкопис. — Език и литература. София, 1983, № 5, с. 23—31; B i r k f e l l n e r G. Das Römische Paterikon (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung, XXVII). Wien, 1979, Bd 1, S. 64—67; Б у л а н и н Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984, с. 190.

Д. М. Буланин

Паралипомен Иеремии — переводной апокрифический памятник. Славянский текст П. соответствует греческому оригиналу, носящему название: Διήγησις περὶ τῆς αἰχμαλωσίας Ἱερουσαλὴμ εἰς τὰ παραλειπόμενα τοῦ ἁγίου Ἱερεμίου τοῦ προφήτου, т. е. «Повествование о пленении Иерусалима, восполняющее опущенное у Иеремии пророка». Название П. регулярно встречается в славянских индексах ложных и отреченных книг: «Паралипомена Иеремеина о плененьи, что орла слали в Вавилон с грамотою к Иеремии», или короче: «Паралипомена, что орла слали к Иеремии в Вавилон».

В русских списках П. носит различные названия: «Слово Еремия пророка о пленении града Ерусалимська», «Повесть святаго и великаго пророка Иеремии о преселении и о прогнаньи Иерослалимли», «Слово святаго пророка Иеремии», редко — «Паралипомена Иеремии» и др. (нач.: «Бысть егда пленени быша сынове израилеви царемь халдейским. . .»). В П. рассказывается следующее. Бог сообщает Иеремии и Варуху о предстоящем завоевании Иерусалима Навуходоносором. Варух и Иеремия закапывают в землю священные сосуды. Иеремия вместе с остальными жителями отправляется в плен, в Вавилон. Варух остается подле города. Далее повествуется о чуде с Авимелехом. По молитве Иеремии и по воле бога Авимелех накануне падения города отправляется за смоквами (инжиром). На обратном пути, утомленный жарой, он садится под деревом, засыпает и спит 66 (или 70) лет. Проснувшись, Авимелех находит Варуха, «седяшего во гробе» (?). Они посылают с орлом «епистолию» в Вавилон Иеремии, с орлом же получают ответ. Иеремия вместе с остальными горожанами возвращается из Вавилона. Он умирает, затем воскресает и вновь гибнет: на этот раз его забили насмерть камнями горожане. Обращалось внимание на яркую сюжетную деталь: смоквы, которые нес Авимелех за все годы его сна остаются столь же свежими; из них продолжает течь сок («млеко каплюще»).

Старший из известных славянских списков П. находится в составе Успенского сборника XII—XIII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 1063/4), однако текст дефектен: без начала и с лакуной в середине. Другой список XII—XIII вв., болгарского происхождения, в настоящее время представлен двумя фрагментами: ГПБ, греч. № 70 и в составе сборника № 34 монастыря св. Екатерины на Синае (см.: Загребин В. М. О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая. — В кн.: Из истории рукописных и старопечатных изданий: (Исследования, обзоры, публикации). Л., 1979, с. 64—72). Известны также списки: ГИМ, собр. Хлудова, № 195; ГПБ, Солов. собр., № 135/1132; ГБЛ, Музейное собр. № 3176 и др. П. входит в состав ВМЧ под 1 мая.

С П. связан и другой апокриф: «Повесть о плаче и рыдании пророка Иеремии и о Иерусалиме и о запустении его» (нач.: «Иеремия сей великий пророк от Наафона случается. . .»). В начале его повествуется о пророчествах Иеремии и о наказа-

ниях, которым его подвергают в Иерусалиме (пророка заключают в темницу, бросают в ров, откуда он выведен по заступничеству Авимелеха). В дальнейшем апокриф сюжетно близок к П. Этот апокриф входит в состав *Пролога* стишного под 4 ноября, а также некоторых сборников (напр. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 751 и 765). В древнерусской рукописной традиции встречается также Житие пророка Иеремии (нач.: «Иеремия бе от Анатота и погребен бысть в Египте. . .»), читающееся уже в *Изборнике 1073 г.* (издание текста: ПЛ, вып. 3, с. 72), в списках библейских книг, где оно предшествует каноническому тексту Книги пророка Иеремии, в составе пророческих книг с толкованиями. Входит оно и в состав ВМЧ под 1 мая. В Прологе под 1 мая читается статья «Страсть пророка Иеремии» (нач.: «Сей из утробы матерьне освящен бысть . . .» или «Иеремия пророк освященный от чрева матерня. . .»). Извлечения из библейской Книги пророка Иеремии входят в состав некоторых хронографических компиляций: *Хронографа Архивского*, *Хронографа Виленского* (см.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 334—335), *Хронографа Троицкого*, полной редакции Палеи Хронографической (см.: Истрин. Редакции Толковой палеи, с. 177—180; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 67). В Сербской Александрии духовным наставником Александра Македонского является пророк Еремия. О его соотношении с библейским пророком Иеремией писал А. Н. Веселовский (Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. I. — СОРЯС, т. 40, № 2, СПб., 1886, с. 331—379).

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 273—297; т. 3, с. 15—24: Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 185—187; Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 406—413; Novaković St. Apokrifi jednoga srpskog ćirilowskog zbornika XIV v. — Starine. U Zagrebu, 1876, t. 8, s. 36—48; Polivka Gj. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu: Priča proroka Jeremije o plijenjenju Jerusalima. — Starine. U Zagrebu, 1889, t. 21, s. 221—224; Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 31—37.

Лит.: Истрин В. М. Редакции Толковой палеи. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, 1905, с. 179; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 221—227; Истоки русской беллетристики. Л. 1970, с. 145—147.

О. В. Творогов

«Паренесис» Ефрема Сирина — популярный в Древней Руси сборник слов, преимущественно назидательного характера, восходящий к греческому переводу произведений сирийского богослова, писателя и поэта Ефрема Сирина (Мар Афрем, ум. в 373 г. в Едессе). Хотя в основе сборника лежат «увещевательные слова» (λόγοι παραινετικοί — отсюда заглавие книги) Ефрема Сирина к египетским монахам, а к большей части других глав П. также подобраны греческие оригиналы (полное издание сочинений Ефрема Сирина см.: Sancti. . .Ephraem opera omnia qua exstant, Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. . . / Ed. J. S. As-

semanus, P. Benedictus, S. E. Assemanus. Romae, 1732—1746), в полном виде подобный сборник греческой рукописной традицией не засвидетельствован. Высказывалось предположение, что П. возник на славянской почве.

Перевод П. по языку относят к древнейшему периоду славянской письменности: по-видимому, он был осуществлен в Болгарии еще в X в. Хотя не сохранилось полных списков памятника ранее конца XIII в., от более древнего времени дошли его фрагменты (перечень их см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 25, 128, 163, 165, 289, с. 67—68, 152—153, 180, 183, 270), в том числе македонский глаголический листок (который, правда, датируют поразному; по наблюдениям И. И. Срезневского и других исследователей, перевод здесь и в полных списках П. один и тот же). Есть и иные свидетельства распространения П. в XI—XIII вв.: по уставу патриарха Алексея (древнейший полный список XII в. ГИМ, Синод. собр., № 330), в течение седмиц четыредесятницы «чьтеться святый Ефрем до въторника цветьнаго» (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 43); в описи XII в. русских книг монастыря богородицы Ксилургу па Афоне отмечена книга «св. Ефрем» (Срезневский. Памятники (1882), стб. 57); ссылку на Ефрема Сирина встречаем в *патерике Киево-Печерском* (ПЛДР, XII век. М., 1980, с. 514); в написанном *Ефремом* Житии Авраамия Смоленского сказано, что святой «любя часто прочитати учение преподобнаго Ефрема» (ПЛДР, XIII век. М., 1981, с. 72). П. был переписан по повелению волынского князя *Владимира Васильковича* — см. запись в списке П. ГПБ, собр. Погодина, № 71[a] (Срезневский. Памятники (1882), стб. 149).

П. был одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях. Влияние его И. Гошев отмечает в «Прогласе к Евангелию» и других древнеболгарских памятниках. Многие слова П. в полном или переработанном виде вошли в «Измарагд», а также в *Пролог*; памятник отразился и в *Палее Толковой* (см.: Успенский В. М. Толковая Палея. — ПС, 1876, июль, с. 75 и сл.; Франко. Апокрифы, ч. 1, с. 124—144). Особенно популярны были слова эсхатологического содержания, отразившиеся в древнерусских сочинениях и духовных стихах (см.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879); часто переписывалось слово 85 П. (в действительности оно не принадлежит Ефрему Сирину), в переделанном виде вошедшее в Пролог под 30 сентября («о проскуре рекше о комкании», см.: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 150—152; Туницкий Н. Древние сказания о чудесных явлениях младенца-Христа в евхаристии. — БВ, 1907, май, с. 206; Яцимирский А. И. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 1, с. 7—17); слово

48 (об Авраамии Затворнике), вошедшее в Успенский сборник (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 474—490), оказало влияние на Жития Авраамия Ростовского, Нила Столбенского (см.: Кадлубовский. Очерки, с. 12—43), его знал также и *Ефрем*, автор Жития Авраамия Смоленского; одно из слов П. (Архангельский. Творения, т. 3, с. 34) использовал в своем послании старец Елеазарова монастыря Филофей (см.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901, с. 189—192). Влияние слов Ефрема Сирина усматривают в сочинениях Климента Охридского, митрополита *Илариона*, *Кирилла Туровского*, *Серапиона Владимирского*, Нила Сорского. П. включен в ВМЧ под 28 января.

По мнению А. С. Архангельского, древнейшая редакция П. ограничивалась 101—104 словами. Об этом, по его мнению, свидетельствует тот факт, что различия между списками касаются в первую очередь последующих, «прибавочных» слов. Этот вывод был оспорен П. В. Владимировым, который указал, что в Уставе ГИМ, Синод. собр., № 330 в неделю мясопустную положено чтение «слова святаго Ефрема о въторемь пришьствии» (Виноградов В. П. Уставные чтения, вып. 1, с. 44), идущее в полных списках П. под номером 105. Однако рукописная традиция славянского перевода Ефрема Сирина изучена все еще очень поверхностно.

Первое издание П. вышло в Москве в 1647 г. (по данным В. С. Сопикова, было издание 1643 г.: Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, ч. 1, с. 27) и затем многократно перепечатывалось (иногда вместе с поучениями аввы Дорофея впервые в Москве в 1652 г.). В Московском издании 1701 г. к первоначальному составу сборника были добавлены переведенные Федором Поликарповым «ина словеса новопреведеныя тогожде святаго Ефрема» (числом 28, а также «Завет святаго Ефрема Сирина» и «Слово похвальное преподобному отцу Ефрему Сирину»). В настоящее время вышел в свет первый том научного издания П., в котором славянский перевод памятника печатается параллельно по списку ГПБ, собр. Погодина, № 71[а] (с вариантами по другим рукописям) и по Лесновскому списку 1353 г (редакция правленная в XIV в.).

Изд.: Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Herausgeg. von G. Bojkovsky, Bd 1 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 20). Freiburg im Breisgau, 1984 (рец.: Thomson F. J. — Старобългаристика, 1985, год. 9, № 1, р. 124—130).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 2, с. 49—51; Срезневский И. И. 1) Сведения и заметки. СПб., 1867, т. 1, вып. 1, № 5—9, с. 27—81; 2) Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 146—148, 398—405; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 3 (рец.: Владимиров П. В. — Отд. отт. из «Киевских университетских известий» за 1891 г. (то же в сокращении: ЧИОНЛ, Киев, 1895, кн. 9, с. 23—28)); Погорелов В. К вопросу о Македонском глаголическом листке. — РФВ, 1903, т. 49, № 1—2, с. 24—31; Цонев Б.

Из Софийской национальной библиотеки. — В кн.: Сб. ст., посвящ. почитателями акад. и заслуженному проф. В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1908, ч. 2, с. 914—924; Ильинский Г. А. 1) Македонский глаголический листок: Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI в. СПб., 1909 (Памятники старославянского языка, т. 1, вып. 6); 2) Запись в Лесновском Паренесисе Ефрема Сирина 1353 г. — Списание на Бълг. Акад. на наук., кн. 45. Клон ист.-филол. и филос.-обществ. София, 1933, с. 67—74; Гординський Я. Слова св. Ефрема Сирина в перемиських пергамінових листках поч. XIV в. — ЗНТШ, 1918, т. 126—127, с. 171—209; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 189—190; Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956; Vaillant A. Le saint Éphrem slave. — Byzantinoslavica, 1958, t. 19, N 2, p. 279—286; Lunt H. Contributions to the Study of Old Church Slavonic, 2. On the Rila Folia. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1959, vol. 1—2, p. 16—37; Українські письменники, с. 735—737; Hemmerdinger-Iliadou D. 1) Vers une nouvelle édition de l'Ephrem grec. Studia patristica, vol. 3 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd 78). Berlin, 1961, p. 72—80; 2) L'Ephrem grec et la littérature slave. — In: Actes du XII Congrès international des études byzantines. Beograd, 1964, t. 2, p. 343—346; 3) Études comparatives des versions grecque, latine et slave de la Vita Abrahamii (BHG 5, 6 et 7). — Études balkaniques, 1965, N 2—3, p. 301—308; 4) L'Ephrem slave et sa tradition manuscrite. — In: Geschichte der Ost- und Westkirche in ihren wechselseitigen Beziehungen. Wiesbaden, 1967, p. 87—97; 5) Ephrem: versions grecque, latine et slave. Addenda et corrigenda. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1975—1976, t. 42, p. 320—373; Смядовски С. Към въпроса за състава на Рилските глаголически листове. — Български език, 1980, ч. 30, кн. 6, с. 500—501; Aitzetmüller R. Abg. ЛНЦЕМЪРЪ προσωπολήπτης. — Старобългаристика, 1982, г. 6, № 3, S. 140—142; Thomson F. The True Origin of Two Homilies Ascribed to Ephraem Syrus Allegedly Preserved in Slavonic In: Ἀντίδωρον: Hommage à Maurits Geerard pour célébrer l'achèvement de la Clavis Patrum Graecorum. Wetteren, 1984, vol. 1, p. 13—26.

Д. М. Буланин

Патерик Азбучно-Иерусалимский — переведенный с греческого языка сборник патериковых рассказов. Основную часть сборника занимают «Изречения отцов» (Ἀποφθέγματα τῶν πατέρων, Apophthegmata patrum), возникшие в среде египетского монашества в IV—V вв. Эти патериковые рассказы, связанные с именами знаменитых подвижников или безымянные, являются своеобразной устной формой передачи монашеского идеала «совершенного человека» и способов его осуществления, своего рода монашеским фольклором. Они представляют собой небольшие повествования об анахоретах и монастырях Египта или короткие изречения, к VI в. оформившиеся в два вида собраний: систематическое и алфавитно-анонимное. Основное содержание этих собраний посвящено вопросам психологического усвоения монашествующими постановлений Вселенских соборов, устанавливающейся практики литургии, правил монашеского общежития, необходимости утверждения христианства среди язычников. Патериком Азбучно-Иерусалимским принято называть древнеславянский перевод алфавитно-анонимного собрания «Изречения святых старцев» (Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων), в том виде, в каком оно сложилось к IX в. Изучение П. затруднено тем обстоятельством, что критического издания греческого текста «Изречений святых

старцев» до сих пор нет (изданы: одна из разновидностей алфавитной части — PG, t. 65, col. 71—440 — по изданию Котелье 1677 г.; одна из разновидностей анонимной части в издании Ф. Нау в «Revue de l'Orient Chrétien» (1907—1913): безымянные изречения № 1—392; инципиты остальных безымянных изречений № 393—765 приведены у Ж.-К. Ги: G u y. Recherches, p. 64—74, 94—97). Поэтому при изучении состава П. приходится обращаться к изданиям «Изречений святых старцев» в коптском, латинском, сирийском, грузинском, армянском и эфиопском переводах, а также к изданиям переводов систематического собрания. Впервые состав П. был определен Н. Ван-Вейком в 1930-х гг., затем значительно уточнен на основании изучения греческих прототипов перевода и славянской рукописной традиции П. М. Капальдо в 1970-х гг. Согласно М. Капальдо, П. включает 1062 рассказа и изречения, разделенных на три части, и имеет следующий состав: 1) «Предисловие о житии блаженных отец» — выполняет функцию заглавия ко всему П. в рукописной традиции (опубликовано Н. Ван-Вейком: van W i j k. Подробный обзор, с. 41—42); 2) алфавитная часть: 467 рассказов и изречений, приписываемых 112 подвижникам, чьи имена распределены по 24 буквам греческого алфавита (список инципитов и отождествления с греческим текстом см. у Н. Ван-Вейка: van W i j k. Подробный обзор, с. 42—62; ср. уточнения М. Капальдо (C a p a l d o. La tradizione slava, p. 110—120); 3) предисловие к анонимной части собрания (опубликовано Н. Ван-Вейком: van W i j k. Die slavische Redaktion, S. 240—249); 4) оглавление: список 17 глав, на которые согласно главнейшим монашеским добродетелям разделена анонимная часть собрания; в некоторых рукописях оглавление заключает в себе список 40 глав; 5) анонимная часть собрания; состоит из 17 глав, на которые разделены 473 рассказа и изречения; список инципитов см. у Н. Ван-Вейка (van W i j k. Подробный обзор, с. 63—81; ср. уточнения М. Капальдо: C a p a l d o. L'Azbučno-Ierusalimskij paterik, p. 32—33); 6) дополнительная часть, принадлежность которой П. установлена М. Капальдо на основании изучения греческих прототипов П.; состоит в распространенной форме из 122 рассказов и изречений, в краткой — из 27, 23 или 19 рассказов и изречений (список инципитов и отождествления с греческим текстом см.: C a p a l d o. L'Azbučno-Ierusalimskij paterik, p. 35—37).

П. по составу и по характеру распределения входящих в него материалов отличается от представленных в греческой рукописной традиции списков алфавитно-анонимного собрания обычного типа. Как установил М. Капальдо, греческая рукопись, с которой был сделан перевод П. и которая до сих пор не обнаружена, относится к производному виду греческого алфавитно-анонимного собрания, где представлены почти все особенности П.: особый порядок рассказов и изречений в алфавитной и анонимной частях, наличие дополнительной части. Имеются, однако, отличия П. и от производного вида греческого алфавитно-анонимного собрания, ко-

торые, по мнению М. Капальдо, могут восходить как к греческой рукописи, так и к деятельности славянского переводчика: введение в алфавитное и анонимное собрания патериковых рассказов и изречений, расположенных в греческих рукописях алфавитно-анонимного собрания производного вида в виде самостоятельных разделов; исключение, возможно при переводе, всех патериковых рассказов и изречений, входящих в состав систематического собрания «Изречений отцов» (систематическое собрание — см. *Патерик Скитский* — было переведено, по мнению большинства исследователей, ранее П.). Уже в рукописях греческого алфавитно-анонимного собрания производного вида присутствовали распределенные по трем частям П. извлечения из «Луга духовного» Иоанна Мосха, «Лавсаика» Палладия Еленопольского, Истории египетских монахов, рассказов и изречений, связанных с именами Даниила Скитиота (VI в.) и Анастасия Синаита (VII в.). Число глав (40 или 17), названное в оглавлении анонимной части собрания, связано с историей памятника в древнеславянской рукописной традиции, так как оглавление анонимной части в рукописях греческого алфавитно-анонимного собрания производного вида состоит из 20 глав (Capaldo. 1) Caratteristiche strutturali, p. 22—27; 2) La tradizione slava, p. 87—109; 2) L'Azbučno-Ierusalimskij paterik, p. 44—49).

Рукописи, содержащие П., датируются временем не ранее XIV в. П. текстологически не изучен. М. Капальдо считает характерной чертой рукописной традиции П. постепенную утрату им первоначального полного состава и распределяет известные ему списки П. на несколько групп в зависимости от наличия элементов полного состава (перечень списков П. и их состав см.: Capaldo. 1) La tradizione slava, p. 84—87; 2) L'Azbučno-Ierusalimskij paterik, p. 39—44). Полный состав П. засвидетельствован только в южнославянской рукописной традиции (ГПБ, собр. Гильф., № 50, XIV в., сербского извода и др.); на основе двух рукописей этой традиции Н. Ван-Вейк составил вышедшее в 1936 г. постатейное описание азбучной и анонимной частей П. (П. Н. Ван-Вейк поначалу принимал за перевод Большого Лимонария (Μέγα Λειμωνάριον), описанного Фотием в его «Библиотеке» в X в. — не дошедшего до нас сборника патериковых рассказов, сокращением которого, по Фотию, является систематическое собрание «Изречений отцов»). В почти полном составе (дополнительная часть в краткой форме) П. известен в древнерусской рукописной традиции (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 701, 1469 г. и др.). В первой половине XVI в. анонимная часть собрания и предисловие к нему, а также дополнительная часть в краткой форме получают наименование Патерик Иерусалимский; с середины XVI в. встречаются уже отдельные списки Патерика Иерусалимского (ГПБ, Соф. собр., № 1449, XVI в. и др.).

По мнению большинства исследователей, П. переведен в начале X в. в Болгарии в кругу непосредственных учеников Кирилла и Мефодия. П. с XI в. получил распространение в древнерусской

культуре, явился одним из источников *Изборника 1076 г.* и собрания патериковых рассказов, вошедших в состав *Пролога.* В середине XVI в. П. был внесен в ВМЧ под 31 декабря (Иосиф, архим. Подробное оглавление ВМЧ всерос. митр. Макария. М., 1892, стб. 296—307).

В XVII в. на основе П. возникла новая компиляция патериковых рассказов — Патерик Алфавитный, обладающий следующим составом: 1) предисловие ко всему собранию П.; 2) алфавитная часть П. с дополнениями из Патерика Скитского (Capaldo. La tradizione slava, p. 87; Veder W. R. L'Alfavitnyj paterik (Collection alphabétique dérivée du Azbučno-Ierusalimskij paterik et du Skitskij paterik). — Полата кънигописьная, 1981, № 4, p. 50). Возможно, одним из вариантов этой компиляции является составленный в 1630—1640-е гг. соловецким книгописцем Сергием Шелониным Патерик Алфавитный (ГПБ, Солов. собр., № 652/710), в котором также помещены извлечения из *патериков Египетского, Синайского, Киево-Печерского,* Сводного и *Пролога.* Патерик Алфавитный Сергия Шелонина получил распространение уже в XVII в. (ГПБ, собр. Соф., № 1390, 3-я четв. XVII в.; ГИМ, собр. Шук., № 102, кон. XVII в.), а в XVIII в. был издан старообрядцами (Патерик Азбучный. Супрасль, 1791). Указания на главы «Алфавитного патерика» в изданной по рукописи Сергия Шелонина «Лествице» Иоанна Синайского (М., 1647) относятся к Патерику Алфавитному Сергия Шелонина. Алфавитная часть «Изречений святых старцев», изданная в 1677 г. Котелье, имеется в рус. переводе: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1846.

Лит.: Ундольский В. М. Библиографические разыскания. — Москвитянин, 1846, № 11 и 12, с. 202—203; van Wijk N. 1) Die slavische Redaktion des Mega Leimonarion. — Byzantinoslavica, 1932, t. 4, S. 236—252; 2) Подробный обзор церковнославянского перевода Большого Лимонария. — Byzantinoslavica, 1935—1936, t. 6, p. 38—84; Еремин И. П. Патерики. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 112—113; Guy J.-C. Recherches sur la tradition grècque des Apophthegmata Patrum. Bruxelles, 1962; Capaldo M. 1) Caratteristiche strutturali e prototipi greci dell'Azbucno-Ierusalimskij Paterik e dell'Egipetskij Paterik. — Cyrillomethodianum, 1975, 3, p. 13—27; 2) La tradizione slava della collezione alfabetica anonima degli Apophthegmata patrum: Prototipo greco e struttura della parte alfabetica. — Ricerche Slavistiche, 1976, 22—23, p. 81—120; 3) L'Azbučno-Ierusalimskij paterik (Collection alphabético-anonyme slave des Apophthegmata Patrum). — Полата кънигописьная, 1981, № 4, p. 26—49; Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 215—217; Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980, с. 9—11, 16, 20—23.

Н. И. Николаев

Патерик Египетский — переведенный с греческого языка сборник нравственно-назидательных произведений аскетического характера. В рукописях П. имеет заглавие — «Сказание о египетских черноризцех». Наименование обусловлено тем, что большую

часть сборника образуют собрания патериковых рассказов, возникшие в среде ближневосточного, прежде всего египетского, монашества IV—V вв. В патериковых рассказах П. отразилась, несмотря на нарочитую безыскусственность формы, сложнейшая проблематика важнейшего периода становления древнего монашества. Этим обстоятельством объясняется высокий авторитет собраний патериковых рассказов, вошедших в состав П. в последующей традиции и их перевод на языки почти всех народов, испытавших влияние византийской культуры.

В П. входят несколько произведений, причем одна часть их разделена на 62 главы, а другая, принадлежность которой П. была с большой долей вероятности установлена М. Капальдо (C a p a l d o. Caratteristiche strutturali, p. 22), общей нумерации с предшествующей частью не имеет.

П. состоит, помимо оглавления 62 глав, помещенного в начале сборника, из следующих произведений (постатейное описание 62 глав по рукописи — ГПБ, Солов. собр., № 635/693, кон. XV в. — см.: Е р е м и н. К истории древне-русской переводной повести, с. 38—46): 1) гл. 1—32 — «История египетских монахов» (Ἡ κατ' Αἴγυπτον τῶν μοναχῶν ἱστορία, Historia monachorum in Aegypto), являющаяся описанием путешествия группы монахов по главным центрам египетского монашества в кон. IV в. и составленное в 395—396 гг.; 2) гл. 33—35 — сочинение Палладия «О народах Индии и брахманах» (Περὶ τῶν τῆς Ἰνδίας ἐθνῶν καὶ τῶν Βραχμάνων, De gentibus Indiae et Bragmanibus), написанное в форме диалога Александра Македонского и брахманов; 3) гл. 36—60 — «Лавсаик» (ἡ Λαυσιακὴ ἱστορία, Λαυσαϊκόν, Historia Lausiaca) Палладия, еп. Еленопольского (364—430), написанный около 420 г. и представляющий собой собрание рассказов из жизни подвижников и подвижниц Египта, Ближнего Востока и других областей Византийский империи, которые автор посетил во время своих многочисленных путешествий; заглавие свое получил позднее от имени Лавса — византийского придворного — по просьбе которого было написано произведение; 4) гл. 61—62 — извлечения из алфавитной части собрания «Изречения святых старцев» (Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων, Apophthegmata patrum), относящиеся к египетским пустынникам отцу Антонию (гл. 61) и отцу Арсению (гл. 62). Вторая часть П. содержит: гл. 1—30 — приписываемые Василию Великому «Словеса хотящим жити черноризкая жития» (Λόγοι πρὸς τοὺς τὸν μονήρη βίον ἀσκοῦντας) и гл. 31 — поучение Василия Великого «О житии како лето быти черноризцю» (πῶς δεῖ κοσμεῖσθαι τὸν μοναχόν); 2) «Нила отца епистолия к епискому Анастасу» (πρὸς Ἀναστάσιον ἐπίσκοπον); 3) «О отцех слово от истории» — отрывки из «Церковных историй» Феодорита Киррского и Созомена, посвященные египетским и ближневосточным подвижникам.

Самая ранняя рукопись, в которой находится часть П., соответствующая гл. 2—20, — ГИМ, собр. Увар., № 1771 (510) 363, 30-е гг. XIV в. по датировке Т. В. Диановой и А. А. Турилова,

болгарского извода. Полные списки П. дошли до нас в относительно небольшом числе по сравнению с другими патериками; известны пока только в отечественных рукописных собраниях; датируются временем не ранее кон. XV в. Полный состав П. встречается лишь в нескольких рукописях (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 710; ГИМ, Синод. собр., № 995; ГПБ, собр. Солов., № 635/693); остальные списки содержат только первую часть П. из 62 глав (перечень списков П. см.: В а н В е й к. О происхождении Египетского патерика, с. 361—362; Е р е м и н. К истории древне-русской переводной повести, с. 36; C a p a l d o. Caratteristiche strutturali, p. 15—16). Однако в раннем, Софийском, списке ВМЧ (ГПБ, собр. Соф., № 1322) в полный состав П., как его определяет М. Капальдо, введено дополнение (отсутствующее в Успенском списке ВМЧ) во вторую часть — подборка патериковых изречений с именем аввы Иеронима — после поучения Василия Великого «О житии како лепо быти черноризцю» с указанием «от патерика» (А б р а м о в и ч Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1907, ч. 2, с. 130).

Установленный М. Капальдо на основании изучения рукописной традиции оригиналов греческий прототип П. (поскольку греческая рукопись, соответствующая П., до сих пор не обнаружена), по его мнению, с наибольшей вероятностью определяет состав П. и подтверждает предположения Н. Ван-Вейка и И. П. Еремина, что несовпадения первых четырех произведений с изданиями греческих оригиналов в порядке следования, в составе и в редакции текста (Е р е м и н. К истории древне-русской повести, с. 46—48) восходят к греческой рукописи, с которой был сделан славянский перевод П. (C a p a l d o. Caratteristiche strutturali, p. 17—22): во-первых, в двух греческих рукописях к трем первым произведениям П. (часто соединенным в греческой рукописной традиции вместе, но в иной последовательности — «Лавсаик», «О народах Индии и брахманах», «История египетских монахов»)добавлены извлечения из «Изречений святых старцев», расположенные в порядке, точно соответствующем их следованию в главах 61 и 62 П.; во-вторых, «История египетских монахов», переведенная полностью за исключением двух глав (гл. 5 и 25 по изданию Прейшена: P r e u s c h e n E. Palladius und Rufinus. Giessen, 1897, и гл. 5 и 20 § 12 по изданию Фестюжьера: F e s t u g i è r e A.-J. Historia Monachorum in Aegypto. Edition critique du texte grec et traduction annotée. Bruxelles, 1971), обладает особой последовательностью глав, однако в обнаруженном М. Капальдо неучтенном прежними исследователями вышедшем в Иерусалиме в 1914 г. издании «Лавсаика» и «Истории египетских монахов» (Παλλαδίου ἐπισκόπου Ἑλενουπόλεως πρὸς Λαῦσον ἱστορία ἤτοι Λαυσαϊκὸν καὶ ἡ κατ' Αἴγυπτον τῶν μοναχῶν ἱστορία περιέχουσαι βίους τῶν ἐρημιτῶν πατέρων ἐξ ἱεροσολυμιτικοῦ χειρογράφου ΙΣΤ' αἰῶνος ἐκδίδονται ὑπὸ Αὐγουστίνου μοναχοῦ Ἰορδανίτου. Hierosolymis, 1914) по гр. ркп. Иерус. б-ки № 112 в «Истории египетских монахов» нет

гл. 5, порядок глав тот же, что и в П. (см. сопоставление порядка глав по изданиям 1914 г., Прейшена и Фестюжьера у М. Капальдо: C a p a l d o. Caratteristiche strutturali, p. 20), а редакция текста обнаруживает соответствия в славянском переводе; в-третьих, перевод «Лавсаика» в П. содержит меньшее число глав, чем в издании К. Батлера (B u t l e r C. The Lausiac History of Palladius. Cambridge, 1898—1904, v. 1—2; ср. новейшее издание: P a l l a d i o. La Storia Lausiaca / Ed. G. J. M. Bertelink. Milano, 1974); расположены главы в порядке (частично совпадающем с изданием К. Батлера), точного соответствия которому в греческих рукописях пока не найдено; редакция греческого текста, который послужил основой для перевода «Лавсаика», отличается от изданной К. Батлером и по большей части находит соответствия в редакции, изданной И. Меурсием (M e u r s J. van. Palladii episcopi Helenopoleos Historia Lausiaca. Leiden, 1616); совпадения славянского перевода с текстом «Лавсаика» в издании Миня (PG, t. 34, col. 995—1262) объясняются тем, что в издании Миня текст «Лавсаика» создан искусственно на основании трех изданий XVII в., в том числе и издания И. Меурсия; в-четвертых, перевод сочинения «О народах Индии и брахманах» основан на тексте, воспроизводящем особенности двух известных редакций греческого текста этого памятника (редакция Θ: D e r r e t t M. Palladius: De vita Bragmanorum narratio, alias Palladii de gentibus Indiae et Bragmanibus commonitorii necnon Arriani opusculi versio ornatior. — Classica et Mediaevalia, 1960, 21, p. 100—135; редакция Σ: B e r g h o f f W. Palladius de gentibus Indiae et Bragmanibus. Meisenheiman Glan, 1967); в-пятых, отсутствие в тексте П. гл. 43, название которой приведено в оглавлении, позволяет М. Капальдо предположить, что и само оглавление восходит к греческому оригиналу П.; в-шестых, произведения, следующие после 62 главы, вероятно, присутствовали уже в греческом оригинале, так как в рукописи Иерусалимской библиотеки № 112 также находятся аскетические сочинения Василия Великого, которые, однако, как и следовавшее за «Историей египетских монахов» в этой рукописи сочинение «О народах Индии и брахманах», в издание 1914 г. не вошли.

Извлечения из собрания «Изречения святых старцев» (гл. 61—62) были также переведены в составе патериков *Скитского* и *Азбучно-Иерусалимского*. Отдельные главы (или отрывки из них) «Истории египетских монахов» и «Лавсаика» имеют другой перевод в патериках Азбучно-Иерусалимском (номера глав «Истории египетских монахов» по изданию Фестюжьера: 1, 2, 10, 12, 14, 17, 20, 23; «Лавсаика» по изданию Батлера: 3, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 29, 37) и Синайском (номера глав «Истории египетских монахов» по изданию Фестюжьера: 1, 25).

П. был переведен, хотя и позже других патериков, в раннюю эпоху истории славянской письменности. Судя по данным языка перевода, он был выполнен, по мнению Н. Ван-Вейка, в X в., скорее всего в период, последовавший за деятельностью непосред-

ственных учеников Кирилла и Мефодия (Ван Вейк. О происхождении Египетского патерика, с. 367—369; van Wijk N. The Old Church Slavonic translation of the Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος in the edition of Nikolaas van Wijk. The Hague; Paris, 1975, p. 76—79). И. П. Еремин, подчеркивая древность перевода П., не исключал возможности осуществления этого перевода на Руси (Еремин. К истории древне-русской переводной повести, с. 50—52).

Время перевода и его распространение в древнерусской культуре XI—XII вв. подтверждают ранние компиляции, сделанные на основе П., и его влияние на оригинальные произведения.

Переработкой и сокращением П. является П. Египетский Краткий (далее ПЕК), дошедший в одном списке в рукописи нач. XV в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 37, л. 230 об.—238 об.). Впервые текст ПЕК был постатейно описан И. М. Смирновым (Смирнов И. М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917, с. 217—221) как сокращение П.; определен с соответствующими уточнениями как ПЕК и опубликован В. Р. Федером (Федер. Патерик Египетский Краткий, с. 8—34). Переработка П. в ПЕК (извлечение отдельных изречений, парафразы текста, раздробление длинных глав и т. п.) совершена путем «апофтегмизации» рассказов П. по образцу статей Патерика Скитского. Принципом составления ПЕК, по мнению В. Р. Федера, является подбор мест П. «о внешних проявлениях аскетизма». Время возникновения ПЕК (до 1076 г.) определяется В. Р. Федером на основании включения почти всех статей ПЕК наряду с извлечениями из Патерика Скитского и «Лествицы» Иоанна Синайского в Протопатерик Скалигеров (Veder W. R. The Scaliger Patericon. Zug, 1976, vol. 1, p. 90—101), один из источников Изборника 1076 г. Текст ПЕК дошел в составе второй — распространенной редакции «Лимониса», возникшей, согласно И. М. Смирнову, не позднее нач. XII в. на Руси, когда первая редакция «Лимониса» (X в.) была пополнена извлечениями из П. (т. е. ПЕК) и главами Синайского патерика строго аскетического характера (Смирнов. Синайский патерик в древнеславянском переводе, с. 225—258).

На распространение П. на Руси уже в XI в. указывают и отмеченные И. П. Ереминым факты отражения некоторых мотивов рассказов П. в житии Феодосия Печерского, составленного Нестором в 80-х гг. XI в. (Еремин. К истории древне-русской переводной повести, с. 56—57).

П., подобно другим патерикам, послужил источником для корпуса патериковых рассказов, вошедших в состав *Пролога*. Патериковые рассказы были введены в текст Пролога, как считается, при составлении 2-й его редакции, возникшей на Руси, как полагают некоторые исследователи, в конце XII в. Принципы редакторской обработки патериковых рассказов, вошедших в состав Пролога (сокращения, дополнения, стилистические и лексические изменения и т. д.), способы разнесения патериковых рассказов по отдельным дням чтений и их зависимость от различных

редакций Пролога — до сих пор не выяснены. Как свидетельствует древнейший список Пролога кон. XII—нач. XIII вв. (ГПБ, Соф. собр., № 1324), а также другие ранние списки памятника, рассказы П. Египетского вносились в Пролог или непосредственно из текста П., или из ПЕК по тексту «Лимониса» с указанием источника: «Слово от Лимониса» (Еремин. К истории древне-русской переводной повести, с. 54—56). Из глав «Истории египетских монахов», переведенных в составе Патерика Синайского, в Пролог включена непосредственно одна глава (гл. 336 по счету Патерика Синайского) с небольшим редакционным дополнением (Смирнов. Синайский патерик в древне-славянском переводе, с. 264, 266).

О степени распространения П. на Руси в XII—XIII вв. свидетельствует тот факт, что часть П. — сочинение Палладия «О народах Индии и брахманах» («О врахманех») появляется в составе хронографических компиляций XIII—XIV вв., где или примыкает к *Александрии Хронографической* первой редакции, или частично вносится, как в *Виленском* и *Архивском хронографах*, в текст «Александрии» (Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 121—134; публикацию текста «О врахманех» см. там же, Прилож., с. 106—128; Еремин. К истории древне-русской переводной повести, с. 52—54); в середине XV в. при составлении Еллинского летописца второй редакции перевод сочинения Палладия был с многочисленными добавлениями введен в текст «Александрии» (Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 31, 141). Об этом же говорит и наличие отрывка о Пахомии из гл. 41 П. (см.: ГПБ, Солов. собр., № 635/693, л. 184—192) в сборнике минейного типа XII—XIII вв., внесенного в него под 15 мая (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 208—212 (л. 115—118)).

В середине XVI в. П. был внесен в ВМЧ под 30 июня (Иосиф, архим. Подробное оглавление Четьих-Миней митр. Макария. М., 1892, стб. 274—282). В опубликованном в Супрасле в 1791 г. Патерике Азбучном, являющемся изданием составленного в 1630—1640-е гг. Сергием Шелониным Патерика Алфавитного (ГПБ, Солов. собр., № 652/710), помещена большая часть П. с указанием источника «от Египетского патерика» (гл. 2—3, 5—13, 15—17, 19—25, 28—29, 37—39, 40 — частично, 41 — частично, 42, 44—45, 47—50, 52—53, 56—58, 61 — частично, 62 — частично, «Слово от истории»). Однако в ссылках на П. в супрасльском издании, а также в изданной по рукописи Сергия Шелонина «Лествице» Иоанна Синайского (М., 1647) использована другая нумерация глав П., соотносящаяся с числом глав (93 главы) П., составленного Сергием Шелониным (ГПБ, Солов. собр., № 638/696); увеличение числа глав здесь связано с раздроблением крупных глав на более мелкие и с введением в П. новых текстов.

Ни один из списков П. не озаглавлен по названию одной из своих частей «Лавсаиком». В то же время известно, что наименование «Лавсаик» («Лапсаик», «Лафсаик» и т. п.) постоянно,

начиная с конца XIV в., усваивалось различным собраниям патериковых рассказов (например, патерикам Сводному, Азбучно-Иерусалимскому), оказываясь в этих случаях, подобно наименованию «Патерик Скитский», термином родовым, а не видовым (Еремин И. П. «Сводный» Патерик у південно-словянських, украинському та московському письменствах — Зап. Іст.-філол. від. Укр. АН, (1927) кн. 13, с. 54—55, (1927) кн. 15, с. 61—65, 84). Поскольку наименование «Лавсаик» не встречается ранее конца XIV в., то, возможно, его появление связано с введением в конце XIV в. в богослужение Иерусалимского устава, согласно которому полагалось чтение Лавсаика на утрене великого поста (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 151), а применение к различным собраниям патериковых рассказов — с отсутствием в древнерусской письменности устойчивого сборника с подобным наименованием. В этом случае указание на «Лавсаик» в списках Александрии Хронографической второй редакции как на источник сочинения «О рахманех» (Еремин И. П. К истории древне-русской переводной повести, с. 53), скорее всего, не относится к П. Египетскому, т. е. имеет и здесь не видовой, а родовой характер.

Возможные редакции текста и его рукописная традиция не установлены. Текст П. не издан. Имеются рус. переводы древнего латинского перевода «Истории египетских монахов» (Жизнь пустынных отцов / Пер. с лат. М. И. Хитрова. Тр.-Серг. лавра, 1898) и «Лавсаика» (Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик. Изд. ? СПб., 1873).

Лит.: Ундольский В. М. Библиографические разыскания. . — Москвитянин, 1846, № 11 и 12, с. 201—202; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 133—134, 136; Ван-Вейк Н. О происхождении Египетского патерика. — В кн.: Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ. София, 1933, с. 361—369; Еремин И. П. 1) К истории древне-русской переводной повести. — ТОДРЛ, 1936, т. 3, с. 37—57; 2) Патерики. — В кн.: История русской литературы. М. Л., 1941, т. 1, с. 109—110; Capaldo M. Caratteristiche strutturali e prototipi greci dell'Azbučno-Ierusalimskij Paterik e dell'Egipetskij Paterik. — Cyrillomethodianum, 1975, 3, p. 13—27; Федер В. Р 1) Сведения о славянских переводных патериках. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР М., 1976, вып. 2, с. 218—219; 2) Патерик Египетский Краткий: Переделка Патерика Египетского до 1076 г. — Palaeobulgarica, / Старобългаристика, 1979, № 3/1, с. 8—34; Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980, с. 7—9, 16, 20—23.

Н. И. Николаев

Патерик Киево-Печерский — сборник произведений об истории Киево-Печерского монастыря и первых его подвижниках. П. оказал определяющее влияние на развитие жанра «патерика» в древнерусской литературе: под его воздействием были составлены патерики Волоколамский, Псково-Печерский, Соловецкий. Хотя старший из списков П. датируется 1406 г. (ГПБ, Q. п. I. 31), формирование памятника относится к первой трети XIII в.,

когда возникла «переписка» между владимиро-суздальским епископом *Симоном* и печерским монахом *Поликарпом*, составившая остов П. В первоначальном виде текст П. до нас не дошел. Состав Основной редакции памятника был реконструирован А. А. Шахматовым и Д. И. Абрамовичем. В него, кроме произведений Симона («Слово о создании церкви Печерской», послание к Поликарпу и рассказы о печерских монахах: Онисифоре, Евстратии, Никоне, Кукше и Пимене, Афанасии, Святоше, Еразме, Арефе, Тите и Евагрии) и Поликарпа (послание к игумену Печерского монастыря Акиндину и рассказы о Никите, Лаврентии, Агапите, Григории, Иоанне, Моисее, Прохоре, Марке, Федоре и Василии, Спиридоне и Алимпии, Пимене), входило летописное по происхождению «Слово о первых черноризцах печерских» (Дамиане, Иеремии, Матфее и Исаакии). По мнению А. А. Шахматова, это — фрагмент Печерской летописи, включенной в состав *Повести временных лет* под 1074 г. «Слово» это имело патериковый характер и, видимо, послужило образцом Симону и Поликарпу.

Некоторые сюжеты и мотивы П. восходят к переводным *патерикам Египетскому*, *Синайскому*, *Скитскому*. Но несмотря на наличие традиционных «общих мест», памятник отличается яркой самобытностью. Традиционная схема повествования о святом оживляется историческими, бытовыми и психологическими деталями. Сказочно-фантастический мир видений, знамений, чудес имеет в П. реальную историческую основу: события развертываются на фоне русской действительности XI—XIII вв. Из патериковых рассказов мы узнаем, как монастырь рос, богател, влиял на междукняжескую борьбу, какой устав регулировал монастырскую жизнь и т. д. Основной конфликт в патериковых рассказах определяется не только борьбой монахов с иноверцами, но и их выступлениями против отрицательных явлений монастырского быта, самоуправства и корыстолюбия князей.

Формирование и развитие П. связано с летописанием. Общность идейной установки привела к тому, что П. на разных этапах своего развития свободно включал в свой состав летописные тексты, долгое время стремился подчинить композицию хронологическому принципу. Структура П. отличалась незамкнутостью и подвижностью, с течением времени границы монастырской агиографической летописи были значительно раздвинуты путем введения текстов, родственных в тематическом и жанровом отношении первооснове памятника. Так, например, уже в Арсениевской редакции П. его органическими частями стали произведения, сначала сопровождавшие его, существовавшие на правах литературного конвоя, — Житие Феодосия Печерского и похвала святому, летописное сказание об основании монастыря. Создание в кон. XIV—нач. XV в. сразу двух переработок П., Арсеньевской и Феодосьевской (последняя названа так Макарием по имени редактора и переписчика), свидетельствовало об интересе к литературному наследию Киевской Руси. Вопрос о том, какая из редакций возникла раньше, в науке не получил однозначного

решения. Р. Поп, например, возводит Феодосьевскую редакцию П. к переделке середины XV в. Ценность Феодосьевской редакции, в которой, помимо патериковых текстов, расположенных бессистемно, расчлененных на ряд эпизодов, читаются инородные произведения, в том, что именно в ней дошел до нас старший извод Послания Симона к Поликарпу (см.: Поп. Древнейший отрывок Послания Симона, с. 93—100). Эта редакция памятника интересна и стремлением приблизить П. к своду жизнеописаний печерских святых на широком фоне предшествующей и последующей «отческой» литературы. На этой стадии формирования патерикового свода в его состав включаются *жития Андрея юродивого*, Варлаама и Иоасафа (см. *Повесть о Варлааме и Иоасафе*), слова о крещении княгини Ольги и князя Владимира, а также другие тексты, в основном агиографического характера, причем состав и расположение их в сборнике варьируются. Арсеньевская редакция П. лишена собственно эпистолярной части, что «укрупнило» идейно-политическую установку патерикового свода. Этой цели служило и введение в основной состав памятника Жития Феодосия Печерского, написанного Нестором. В Арсеньевской редакции П. изменяется порядок следования текстов, что было, видимо, связано с формированием нового нравственного идеала эпохи. Им стал человек энергичный, деятельный, способствующий национальному возрождению страны. Не случайно житие Феодосия стало открывать П., а рассказы Поликарпа о затворниках Никите и Лаврентии в Арсеньевской редакции памятника уступают место «словам» писателя о монахах с активной жизненной позицией: для Агапита исцеление недужных не исключительный факт биографии, как чудо с бесноватым в рассказе о Лаврентии, а повседневный род деятельности, не ограничивающийся только стенами монастыря; Григорий-чудотворец идет на конфликт с представителями княжеской власти, предрекая поражение в военном походе на половцев. Как литературный сборник особого состава, имеющий свою «программу» изложения материала (оглавление), определенный принцип организации произведений внутри свода (тематический), а в редакциях 1460 и 1462 гг. традиционную концовку о месте, времени и причинах появления труда печерского «крилошанина», а позднее — «уставника» *Кассиана*, памятник сложился к середине XV в. К этому времени восходит архетип Кассиановских редакций, по терминологии А. А. Шахматова, — Иоанновская редакция.

В XVII в. центром редакторской работы над П. становится Киев, что объясняется обострением религиозной борьбы в западных областях России. В Киево-Печерской лавре созданы все редакции памятника этого периода. Одной из причин активизации редактирования П. в условиях борьбы православной церкви с протестантской и католической, — как проявления движения за национальную независимость, — была канонизация «рядовых» печерских святых Петром Могилой. Составители редакций П. XVII в. взяли на вооружение в изложении «высоких истин»

стиль барокко. Религиозно-полемический характер первой печатной редакции П. 1635 г. виден в произведениях, сопровождающих памятник и проводящих мысль о святости мощей печерских подвижников в противовес доводам католиков и униатов, в летописных текстах о христианизации Руси, призванных свидетельствовать о независимости русской церкви от западной. Для переработок П. XVII в. характерно постепенное разрушение хронологического принципа новым — «поавторским», а внутри его — «погеройным» способом изложения материала. В редакции Иосифа Тризны (1647—1656 гг.) происходит «очищение» агиографических произведений Симона и Поликарпа от назидательных отступлений, что приводит к распространению эпистолярной части и ее циклизации в сборнике, в дальнейшем на этой основе будут формироваться биографии «списателей» П. Значение редакции Иосифа Тризны велико уже потому, что ее составители пытались в новых исторических условиях «разомкнуть» границы патерикового повествования, рассмотреть агиографическую хронику монастыря на фоне общерусской и мировой истории (см.: Кучкин В. А. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 196—198). Новый этап работы над П. связан с именем игумена Гадяцкого монастыря Калистрата Холошевского, по инициативе которого монахом Тарасием был создан в 1657—1658 гг. еще один вариант патерикового свода, отличный от редакций Сильвестра Коссова (1635 г.) и Иосифа Тризны (см. рукопись БАН УССР, ДА/П 580, л. 1—153). Сходный список обнаружен в ГБЛ (Музейное собр., № 4706); он составлен в Киево-Печерской лавре Софронием в 1655 г. «Небрежение» составителя авторскими циклами внутри патерикового свода (в заглавии памятника нет упоминания о Симоне и Поликарпе как «списателях» П.) противоречит основному направлению в развитии памятника в XVII в., выпадает из общего русла деятельности его «справщиков»; поэтому эта редакция оказалась непродуктивной.

Второе издание П. 1661 г. продолжает традиции польской печатной редакции 1635 г. и рукописной редакции Иосифа Тризны. Русская печатная редакция 1661 г. появилась благодаря «повелению и благословению» Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерского монастыря, но непосредственные составители и издатели П. неизвестны. В редакции 1661 г. текст четко делится на три цикла в зависимости от его атрибуции. В первую часть, вслед за «Посвящением» и «Предисловием к читателю», входят жития, написанные *Нестором* или созданные на основе его летописных и агиографических произведений. В этот цикл включены также «слово» об Онисифоре, тесно связанное с культом Антония Печерского (см.: *Житие Антония Печерского*), и рассказ об основании церкви Успения, автором которых является Симон. Вторую группу глав П. составляют сочинения Поликарпа, причем последовательность их восходит к редакции 1635 г. Третья часть П. образована произведениями Симона, которому

приписывается и Житие Нифонта Новгородского, включенное в П. Кассианом. Завершает этот цикл собственно эпистолярное наследие Симона и Поликарпа. Редакцию 1661 г. дополняют жития его авторов П.: Нестора, Симона и Поликарпа. Кроме того, в «Пристяжание» входят сказания о чуде в Печерском монастыре в 1463 г. и «мироточивых главах». Издание завершают именной и предметный указатели. В научной литературе содержатся различные оценки идейной и художественной сторон П. редакции 1661 г., с незначительными изменениями повторенной в изданиях 1678 г. и 1702 г. Если Макарий ставил это издание выше рукописных редакций памятника, то Д. И. Абрамович отказывал этой редакции в художественной самостоятельности и ценности.

Количество списков П. (к настоящему времени их известно около двухсот), пометы на полях сборников, принадлежащие читателям и переписчикам, говорят о том, что произведение являлось популярной четьей книгой русского средневековья. Повествуя о славном прошлом монастыря, П. в страшные годы монголо-татарского ига, феодальных «котор» и государственных «нестроений» будил патриотический дух русского народа. П. входил и в «круг чтения» писателей нового времени, к нему обращались в своем творчестве Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой. Его художественные достоинства высоко ценил А. С. Пушкин, восхищавшийся «прелестью простоты и вымысла» патериковых рассказов (Письмо к П. А. Плетневу. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941, т. 14, с. 163). П. привлекал к себе внимание ученых самого разного профиля: историков, литературоведов, лингвистов, искусствоведов.

Изд. Киево-Печерский патерик по древним рукописям В переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1870; Яковлев В. А. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872 (отзыв см.: Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1900, с. 212); Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911; Абрамович Д. Києво-Печерський патерик. У Києві, 1931 (репринт: Das Paterikon des Kiever Höhlenklosters. Nach der Ausg. von D. Abramovic neu hrsg. von D. Tschižewskij. München, 1964); Киево-Печерский патерик / Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. — ПЛДР XII век. М., 1980, с. 313—626, 692—704.

Лит.: Тимковский Р Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца российского. — Зап. и труды ОИДР, 1815, ч. 1, с. 53—74; Кубарев А. М. 1) О Патерике Печерском. — ЖМНП, 1838, октябрь, с. 1—34; 2) О редакциях Патерика Печерского вообще, в ответ на статью «Обзор редакций Киево-Печерского патерика, преимущественно древних». — ЧОИДР, 1858, кн. 3, с. 95—128; Бутков П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. — Современник, 1850, т 23, № 9, отд. 3, с. 1—52; Макарий. Обзор редакций Киево-Печерского патерика, преимущественно древних. — ИпоРЯС, 1856, т. 5, вып. 3, с. 126—167; Викторова М. А. Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба. М., 1863; Яковлев В. А. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875; Шахматов А. А. 1) Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897; 2) Житие Антония и Печерская летопись. — ЖМНП, 1898, март, с. 105—149; Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1898, т. 2, с. 293—309; Абрамович Д. И. 1) Несколько слов в дополнение к исследованию

А. А. Шахматова «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись». СПб., 1898; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902; G o e t z L. K. Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904; Е р е м и н И. П. Патерики; Жития. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 106—113; 338—346; В о р о н и н Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 96—103; П е р е т ц В. Н. Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе. — IV Междунар. съезд славистов: Славянская филология. М., 1958, сб. 3, с. 174—188; Б і л е ц ь к и й О. І. Киево-Печерськиї патерик. — В кн.: Матер. до вивч. іст. укр. літ. Київ, 1959, т. 1, с. 135—141; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. — ТОДРЛ, 1964, т. 20, с. 41—71; 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 96—107; П о п Р. 1) Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 93—100; 2) О характере и степени влияния византийской литературы на оригинальную литературу южных и восточных славян: дискуссия и методология. — American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. August 21—27, 1973, vol. 2. Literature and Folklore. The Hague; Paris. 1973, p. 469—493; B u b n e r F. Das Kiever Paterikon. Eine Untersuchung zu seiner Struktur und den literarischen Quellen. Inaug. Diss. Augsburg, 1969; Д у й ч е в Ив. Эпизод из Киево-Печерского патерика. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 89—93; V l a š e k J. Ďáblavé a knižata v Kyjevopečerském pateriku. — Československa rusistika, 1972, r. 17, № 1, s. 18—23; R e i t e r H. Studien zur ersten kyrillischen Druckausgabe des Kiever Paterikons. München, 1976; В о л к о в а Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике. — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 228—237; О л ь ш е в с к а я Л. А. Киево-Печерский патерик (Текстология, литературная история, жанровое своеобразие): Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М. 1979.

Л. А. Ольшевская

Патерик Римский — переведенное с греческого языка сочинение Григория Великого (в славянской традиции — Григорий Двоеслов или Беседовник) «Диалоги о житии и чудесах италийский отцов и о вечной жизни души» (Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum). Деятельность и сочинения Григория I Великого (ок. 540—604), папы римского (с 590 г.), оказали во многом определяющее влияние на развитие культуры западноевропейского средневековья. Помимо П. в древнеславянской письменности также получили большое распространение принадлежавшие Григорию Великому «Беседы на Евангелия». «Диалоги» написаны на латинском языке около 593—594 гг. и посвящены описанию подвигов итальянских монахов. В «Диалогах» 148 глав, разделенных на четыре книги (книга вторая содержит жизнеописание Бенедикта Нурсийского; книга четвертая повествует о предсмертных «видениях монашествующих»). В отличие от других переводных патериков, оригинал П. написан в виде диалога самого Григория и диакона Петра. Повествования «Диалогов» близки по жанру патериковым рассказам, каковыми они и воспринимались в древнеславянской письменности, о чем свидетельствует полученное ими в древнерусской рукописной традиции заглавие «Патерик Римский». Между 741 и 752 гг. папа Захария перевел «Диалоги» на греческий язык (издание

латинского текста с параллельным греческим переводом папы Захарии см.: PL, t. 77, p. 3 (кн. I, III, IV); t. 66 (книга II). Известны три славянских перевода «Диалогов» с греческого языка. Первый, неполный, относится к начальному этапу истории славянской письменности; второй, полный, создан в Болгарии в середине XIV в. (перечень списков этих двух переводов см.: M a r e š. Welches griechische Paterikon, S. 208); включающий фрагменты «Диалогов» третий перевод, наличие которого установил Г. Биркфеллнер, находится в составе Патерика Сводного, возникшего в Болгарии в XIV в. (описание четырех списков перевода см.: B i r k f e l l n e r. Das Römische Paterikon, 2, S. 6—11; сводную таблицу соответствий списков трех переводов латинскому тексту «Диалогов» см.: B i r k f e l l n e r. Das Römische Paterikon, 1, S. 59—63).

Заглавие «Патерик Римский», известное по самому раннему списку первого, древнейшего, перевода П. (ГИМ, Синод. собр., № 265, сер. XVI в.), не встречается ни в латинских рукописях «Диалогов», ни в южнославянских списках его переводов. По всей видимости, оно появилось в древнерусской письменности в первой половине XVI в. и было связано с попыткой классифицировать патерики по географическому принципу.

А. И. Соболевский в 1904 г., а затем Ф. Мареш в 1972 г. предположили на основании лексического состава памятника, что первый перевод П. осуществлен в Моравии в кругу Мефодия в 80-х гг. IX в. и что под переводом «отеческих книг», названных в Житии Мефодия, следует понимать перевод П. Римского. По мнению Ф. Мареша, это подтверждает и тот факт, что дошедшее двух списках предисловие к этому переводу переведено с латинского языка (см. публикацию предисловия по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 265: M a r e š. Welches griechische Paterikon, S. 217—220). Однако по мнению большинства исследователей, если под переводом «отеческих книг» следует понимать перевод какого-либо патерика, то более обоснованными являются выводы Н. Ван-Вейка, доказавшего на основании результатов лингвистического анализа текста, что вначале был переведен Патерик Скитский. П. в таком случае был переведен позднее, в Болгарии в кругу учеников Кирилла и Мефодия в конце IX—начале X вв. (см. обзор проблемы: P o p e R. Preface. — In: van Wijk N. The Old Church Slavonic translation of the Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος in the edition of Nikolaas van Wijk. The Hague; Paris, 1975, p. 17—20).

Глубокой древностью, подобно первому переводу П., по мнению А. И. Соболевского, отличается перевод с латинского языка значительно сокращенной второй книги «Диалогов», сохранившийся в одном списке (ГПБ, собр. Гильф., № 90, XIV в.), но, вероятно широко распространенный в первые века славянской письменности, судя по его отражению в славянской культурной традиции (см. публикацию текста: С о б о л е в с к и й А. И. Житие преп. Бенедикта Нурсийского по сербскому списку XIV в. — ИОРЯС, 1903, т. 8, № 2, с. 121—137).

Второй, полный, перевод «Диалогов» появился в Болгарии в середине XIV в. (С ы р к у. К истории исправления книг, с. 478—484). Самые ранние списки датируются временем возникновения перевода (Венская нац. библиотека, № 22; ГПБ, Q,I.275; ГБЛ, собр. МДА, № 34 и др.); перевод в рукописях озаглавлен: «Григория. папы старейшаго Рима беседования повестна к Петру архидиакону».

Третий перевод содержит 30 глав, извлеченных из третьей и четвертой книг «Диалогов». Перевод дошел в составе одной из редакций Патерика Сводного (Венская нац. библиотека, № 42, сер. XIV в.; ГИМ, собр. Хлуд., № 237, XV в. и др.). Как перевод, так и Патерик Сводный появились, скорее всего, в Болгарии в середине XIV в. В отличие от второго, полного, перевода XIV в. в лексике третьего перевода отразилось влияние исихазма и его основных установок. Г. Биркфеллнер, исследовавший и издавший третий перевод (B i r k f e l l n e r. Das Römische Paterikon, 1—2), показал, что характер извлечений из «Диалогов» Григория Великого близок к собранию патериковых рассказов и агиографических сочинений, составленному в конце X—начале XI в. Павлом Евергетинским (Paulos Euergetinos), неоднократно издававшемуся в XVIII—XX вв.: из 30 переведенных глав 20 находятся в собрании Павла Евергетинского.

Несколько извлечений из «Диалогов» Григория Великого было переведено в XII в. в составе Пандектов Никона Черногорца. В конце XII в. П. явился одним из источников для патериковых рассказов, вошедших в состав Пролога. В середине XVI в. перевод четырех книг «Диалогов» («Григория . папежа стараго Рима к Петру архидиакону вопросы и ответы») был внесен в ВМЧ под 11 марта (И о с и ф, архим. Подробное оглавление ВМЧ всерос. митр. Макария. М., 1892, стб. 13—14). Кроме того, отдельные главы «Диалогов» введены в Великие Минеи-Четьи под другими числами (B i r k f e l l n e r. Das Römische Paterikon. 1, S. 64—73).

Тексты первого и второго переводов П. не изданы. Имеется русский перевод «Диалогов»: Г р и г о р и й Д в о е с л о в. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858.

Изд.: B i r k f e l l n e r G. Das Römische Paterikon: Studien zur serbischen, bulgarischen und russischen Überlieferung der Dialoge Gregors des Grossen mit einer Textedition. Wien, 1979, 1—2.

Лит.: У н д о л ь с к и й В. М. Библиографические разыскания. . . — Москвитянин, 1846, № 11 и 12, с. 204—206; П о н о м а р е в А. И. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. СПб., 1886, с. 217—223; С ы р к у П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898, т. 1. вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, с. 478—486; А б р а м о в и ч Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 139—140; С о б о л е в с к и й А. И. Римский Патерик в древнем церковно-славянском переводе. — В кн.: Изборник Киевский. Киев, 1904, 25, с. 1—28; Е р е м и н И. П. Патерики.— В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 110—111; M a r e š F. W.

1) Welches griechische Paterikon wurde im IX. Jahrhundert ins Slavische übersetzt. — Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, (1972). 109, S. 205—221; 2) S. Gregorii Magni Dialogorum libri IV — die «Bücher der Väter» der vita Methodii. — Slovo, 1974, t. 24, S. 17—39; H a n n i c k C. Die griechische Überlieferung der Dialogi des Papstes Gregorius und ihre Verbreitung bei den Slaven im Mittelalter. — Slovo, 1974, t. 24, S. 41—57; B i r k f e l l n e r G. 1) Gregorius I der Grosse und die slavischen «Paterika». — Slovo, 1974, t. 24, S. 125—133; 2) Paulos Evergetinos und die dritte kirchenslavische Übersetzung der Dialoge Gregors des Grossen. — Slovo, 1978, t. 28, S. 45—56; Ф е д е р В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР М., 1976, вып. 2, с. 221—222; Н и к о л о в С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980, с. 12—13, 16, 20—23.

Н. И Николаев

Патерик Синайский — переведенный с греческого языка сборник патериковых рассказов, большую часть которого составляет созданный в первой четверти VII в. «Луг духовный» Иоанна Мосха. Название сборника П. Синайский, которое в научной литературе, посвященной истории древнеславянских переводных памятников, относят постоянно только к его части — «Лугу духовному» Иоанна Мосха, восходит к позднему заглавию — «Патерик Синайский» (не ранее XIV—XV вв.) — рукописи XI—XII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 551), где содержится единственный полный список древнеславянского перевода сборника. Мотивировка подобного наименования остается невыясненной. В греческой рукописной традиции, где «Луг духовный» именуется также «Новым раем» (Νέος Παράδεισος) или «Лугом» (Λειμών, Λειμωνάριον), такое название отсутствует. По мнению некоторых исследователей, это название сборника в древнерусской традиции связано с попыткой классифицировать сборники патериковых рассказов по географическому принципу. Однако хотя значительное количество рассказов «Луга духовного» и посвящено подвижникам синайских и палестинских монашеских обителей, в которых Иоанн Мосх провел первые годы своего монашества, ими не исчерпывается содержание «Луга духовного», автор которого посетил вместе со своим другом Софронием (в котором видят позднейшего патриарха Иерусалимского) Египет, Сирию, Самос, Кипр, Рим. Кроме того, автор, собирая «цветы» — рассказы об аскетических подвигах, с чем связано и название произведения — «луг, цветник» (λειμών), приводит примеры духовных преуспеяний не только монашествующих, но и мирян различного социального положения. Простота в построении и живая выразительность рассказов, иллюстрирующих постановления Вселенских соборов, правила монастырского обихода, установившиеся к тому времени нормы повседневной церковной жизни, способствовали широкой популярности и авторитетности «Луга духовного», а также появлению многочисленных переводов на другие языки.

П. состоит из 336 глав (в действительности из 335: лишняя глава появилась из-за ошибки в счете в первом десятке): 1) гл. 1—

301 — «Луг духовный» (Λειμών [illegible] ματικός, Pratum Spirituale, Иоанна Мосха (ок. 538—619); 2) г[illegible] 302—336 — и[illegible]лечения из различных собраний патериковых рассказов: «Книги святых [illegible]жей» (᾽Ανδρῶν [illegible]), «Изречений святых [illegible]тарцев» (᾽Απο[illegible] [illegible]ματα τῶν [illegible] γερόντων), «Истории египетских монахов» (῾Η [illegible] Αἰ[illegible] μοναχ[illegible] ἱστορία

Полный состав древнеславянского перевода П. Синайского сохранился также в рукописи XVI в. (ГИМ, Синод. собр., № 848), являющейся списком с рукописи XI—XII вв. (ГИМ, Синод. собр. № 551) (Смирнов И. М. Синайский патерик, 275—280).

Греческая рукопись, с которой был сделан перевод П., до сих пор не обнаружена. «Луг духовный» Иоанна Мосха в составе П. насчитывает 300 глав. В греческой рукописной традиции [illegible] духовный» состоит из 300 или 219 глав (в X в. Фотий в своей «Библиотеке» определял его состав как непостоянный — 304 или 342 главы). Редакция греческого ориганала, положенного в основу древнеславянского перевода, отличается от текста, опубликованного у Миня (PG, t. 87, p. 3, col. 2852—3112), который был искусственно создан на основе двух изданий XVII в. Хотя в издании Миня «Луг духовный» в соответствии с традицией латинского перевода насчитывает 219 глав, греческий текст для трех глав отсутствует полностью, а для пяти глав приведен лишь частично (см. таблицу соответствия глав «Луга духовного» в составе П. и в издании Миня: Синайский патерик. М., 1967, с. 12—14). В 1917 г. И. М. Смирнов по двум греческим рукописям X и XI вв. (ГИМ, Синод. собр., № 345 и 163) восполнил пробелы издания Миня и привел греческие параллели ко всем особенностям, отличающим древнеславянский перевод «Луга духовного» (Смирнов. Синайский патерик, с. 106—143; см. новейший обзор рукописной традиции и публикацию недостающих глав: Pattenden Ph. The text of the Pratum Spirituale. — The Journ. of Theolog. Studies. N. S. (1975) 26, p. 38—54). Для переведенных в составе П. глав 302—336 И. М. Смирнов, во-первых, издал греческий текст извлечений из «Книги святых мужей» и «Изречений святых старцев» — гл. 302—305, 306—311, 315—333; во-вторых, указал источник для глав 312—314, 335—336: 1 и 32 главы «Истории египетских монахов» (по изданию Прейшена; 1 и 25 главы по изданию Фестюжьера). Главы 306 и 334 отождествлены не были (Смирнов. Синайский патерик, с. 283—295).

«Луг духовный» Иоанна Мосха был переведен также в составе других сборников патериковых рассказов. В Патерике Азбучно-Иерусалимском другой перевод (см.: van Wijk N. Einige Kapitel aus Ioannes Moschos in zwei kirchenslavischen Übersetzungen. — Zeitschr. für slavishe Philologie, 1933, Bd 10, S. 60—66) включает 25 глав (по счету издания Миня). Относительно текста 58 глав «Луга духовного», входящих в состав самого распространенного из собраний патериковых рассказов в древнерусской письменности — Патерика Сводного, возникшего в Болгарии в XIV в., существуют различные мнения: И. П. Еремин полагал,

что текст 58 глав представляет новую редакцию древнеславянского перевода, известного по рукописи XI—XII вв. (Еремин И. П. «Сводный» Патерик у південно-словяньских, украинському та московському письменствах. — Зап. Іст.-філол. від. Укр. АН, кн. 15 (1927), с. 66—69), а С. Николова не исключает возможности их нового перевода (Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980, с. 37—39; текст 58 глав в составе изданного С. Николовой Патерика Сводного см. там же, с. 147—384). Извлечения из «Книги святых мужей» и «Изречений святых старцев» переведены также в составе *патериков Скитского* и *Азбучно-Иерусалимского*. Главы «Истории египетских монахов», переведенные в составе П., отличаются по редакции греческого оригинала от полного перевода этого сочинения, помещенного в Патерике Египетском.

Большинство исследователей на основании данных лексики памятника считает, что П. Синайский был переведен в Болгарии в начале X в. Однако, исходя из этих же данных, Т. А. Иванова считает, что П. был переведен в IX в. Мефодием прежде других собраний патериковых рассказов (Иванова Т. А. Заметки о лексике Синайского Патерика. (К вопросу о переводе Патерика Мефодием). — В кн.: Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 149—152), а А. С. Львов полагает, что перевод был осуществлен на Руси в XI в. (Львов А. С. рец.: Синайский патерик. М., 1967. — Сов. славяновед., 1971, № 6, с. 107—110).

На распространенность П. в древнерусской культуре XI—XII вв., помимо созданного на Руси древнейшего списка памятника XI—XII вв. указывают и сюжетные и тематические параллели к рассказам П. в повествованиях *Патерика Киево-Печерского*.

Извлечением из П. является «Лимонис» («Книга, нарицаемая Лимонис, еже сказается новаго рая цветци различнии»), известный в списках, представляющих две редакции памятника (Смирнов. Синайский патерик, с. 155—157, 215—223). По мнению И. М. Смирнова, которое до сих пор никем не оспорено и не опровергнуто, первая, краткая, редакция «Лимониса», состоящая из 94 глав — 97 глав П. (ГИМ, Чуд. собр., № 318б, кон. XV—нач. XVI в.), имеет отчетливую антибогомильскую тенденцию и составлена в Болгарии в X в. в полемических целях, возможно, в окружении Козмы Пресвитера (Смирнов. Синайский патерик, с. 227—248). Как полагал И. М. Смирнов, вторая, распространенная, редакция «Лимониса» (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 37, нач. XV в., л. 178—242 об.) возникла на Руси во второй половине XI в., когда к тексту первой редакции, посвященной в основном вопросам догматического и нравственно-назидательного характера, были присоединены части исключительно аскетического содержания — *Патерик Египетский* Краткий и 43 главы П. (Смирнов. Синайский патерик, с. 226—227, 250—257). Текст «Лимониса» представляет более древнюю редакцию

перевода П., чем список XI—XII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 551). А. И. Соболевский считал, что заглавие извлечений из П. — «Лимонис» (Λειμωνίς) — является заглавием полного перевода П., перенесенным из греческого оригинала (Соболевский А. И. Отзыв о труде свящ. И. М. Смирнова: Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. — ИОРЯС (1918), т. 23, кн. 2, Пг., 1921, с. 293—294).

П. Синайский, как и другие патерики, явился источником, откуда извлекались патериковые рассказы при составлении 2-ой редакции *Пролога*. Как показывают ранние списки Пролога, в том числе древнейший список кон. XII—нач. XIII в. (ГПБ, Соф. собр., № 1324), рассказы П. извлекались или непосредственно из его текста, или из текста «Лимониса» с обозначением источника: «Слово от Лимониса». При этом патериковые рассказы или сокращались, или в них вносились значительные добавления; текст внесенных в Пролог рассказов несет следы стилистических исправлений (Смирнов И. М. Синайский патерик, с. 259—272).

Во второй половине 1520-х гг. по инициативе архиепископа Новгородского и Псковского Макария была создана новая, досифеевская, редакция П. (перечень списков см.: Смирнов. Синайский патерик, с. 147—152). Ее редактора, именующего себя в послесловии новой редакции, дошедшем в 3 списках (ГИМ, собр. Уварова, № 960/883, 1528—1529 гг.; ГПБ, Q.I. № 397, 1528 г.; ГПБ, Солов. собр., № 643, XVII в.), «Досифеос Осифитие», И. М. Смирнов отождествляет с крупным деятелем книжной культуры XVI в., книгописцем и составителем Патерика Волоколамского, племянником Иосифа Волоцкого — Досифеем Топорковым на основании биографических сведений и историко-литературных данных: сходство в приемах построения предисловий новой редакции П. Синайского (анонимное предисловие к греческому тексту «Луга духовного» в древнеславянском переводе отсутствует) и Патерика Волоколамского (Смирнов И. М. Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита Макария, с. 174—184). Исправление древнеславянского перевода П. Досифеем Топорковым (скорее всего, по Волоколамскому списку П. — ГИМ, Синод. собр. № 848) заключалось в пересказе неясных для читателя мест или в полном исключении непонятных для редактора выражений и частей текста (Смирнов. Синайский патерик, с. 158—182). П. в досифеевской редакции был внесен в ВМЧ под 30 июня (Иосиф, архим. Подробное оглавление ВМЧ всерос. митр. Макария. М., 1892, стб. 253—273).

Другая редакция П. (по мнению И. М. Смирнова — митрополита Иова Борецкого) была издана С. Соболем (который, согласно А. С. Зерновой, являлся инициатором издания, а возможно, и его редактором) в Киеве в 1628 г. (Лимонарь, сиречь цветник. Киев, 1628; после 1632 г. С. Соболь в Кутеине (или Буйничах) выпустил второе издание Лимонаря). Как установил И. М. Смир-

нов, в основу «Лимонаря» положен текст 300 глав. П. досифеевской редакции, соответствующих «Лугу духовному» Иоанна Мосха. Текст этих 300 глав сведен по одному из изданий латинского перевода «Луга духовного» (Липомана — 1558 или 1583 гг. — или Росвейда — 1615 или 1617 гг.) в соответствии с латинской традицией к 219 главам, при этом часть глав досифеевской редакции оставлена без изменений, часть подверглась стилистической редакции и лишь несколько глав были сверены с латинским текстом. Кроме того, в «Лимонаре» 1628 г. имеются два предисловия на украинском языке, текст которых заимствован из издания латинского перевода «Луга духовного», и указатель личных имен (Смирнов. Синайский патерик, с. 183—212). В рукописной традиции известно около десятка списков Лимонаря с печатного издания 1628 г. В XVIII в. появляются старообрядческие перепечатки Лимонаря, отличающиеся от киевского издания и друг от друга по композиции частей и по составу: клинцовское 1787 г. и издание 1785—1789 гг. (без выходных данных) двух видов (Смирнов. Лимонарь, с. 281—284; А. С. Зернова, исходя из типографского материала, полагала, что издание без выходных данных вышло в Гродне около 1789 г.: Зернова. Белорусский печатник Спиридон Соболь, с. 135). В Патерике Азбучном (Супрасль, 1791), представляющем собой издание составленного в 1630—1640-е гг. Сергием Шелопиным Патерика Алфавитного (ГПБ, собр. Солов., № 652/710), помещена значительная часть (245 глав) П. досифеевской редакции с указанием источника («Патерик Синайский») и номера главы по списку П. Сергия Шелонина (ГПБ, собр. Солов., № 642/700), где состав П. расширен за счет добавления нескольких текстов (П. здесь насчитывает 339 глав).

Критического издания древнеславянского перевода П. Синайского нет. Существуют, однако, издания русского перевода «Луга духовного» Иоанна Мосха: Иоанн Мосх. 1) Луг духовный / Пер. с греч. Филарета (Гумилевского). М., 1853; 2) Луг духовный / Пер. с греч. с подробн. объяснительн. примеч. М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 1896.

Изд.: Буслаев Ф. И. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 333—342 (фрагменты); Срезневский И. И. Патерик Синайский (в русском списке XI—XII вв.). В кн.: Срезневский. Сведения и заметки, № 32, с. 49—110; Синайский патерик / Изд. подг. Голышенко В. С., Дубровина В. Ф. М., 1967; Думитреску М. Синайский патерик: Указатель слов и форм. Т 1—2. București, 1973—1976; Синайский патерик: Указатели. Новосибирск, 1980; Методические указания к анализу Синайского патерика / Сост. Т. А. Иванова. Л., 1984 (указатели личных и географических имен).

Лит.: Ундольский В. М. Библиографические разыскания. Москвитянин, 1846, № 11 и 12, с. 200—201; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 133—135; Смирнов И. М. 1) Об авторе Λειμών'α. Богосл. вестн., 1915, № 9, с. 135—172; 2) Лимонарь. — В кн.: В память столетия (1814—1914) имп. Моск. Духовн. акад. Сб. статей. Сергиев Посад, 1915, ч. 2, с. 251—284; 3) Материалы для характеристики книжной деятель-

ности всероссийского митрополита Макария. — Богосл. вест., 1916, № 5, с. 163—189, № 6, с. 275—291; 4) Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917; Еремин И. П. Патерики. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 107—109; Зернова А. С. Белорусский печатник Спиридон Соболь. — Книга: Исследования и материалы. М., 1965, сб. 10, с. 128—129, 133—135, 145; Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 219—221; Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980, с. 11—12, 16, 19—23.

Н. И. Николаев

Патерик Скитский — переведенный с греческого языка сборник патериковых рассказов. Большую часть сборника составляет систематическое собрание «Изречений отцов» (см.: *Патерик Азбучно-Иерусалимский*), в котором, в отличие от алфавитно-анонимного собрания «Изречений отцов», представленного в славянской письменности Патериком Азбучно-Иерусалимским, все патериковые рассказы и изречения разделены на главы согласно главнейшим монашеским добродетелям, причем внутри каждой главы сначала расположены в алфавитном порядке рассказы и изречения, связанные с именами знаменитых египетских подвижников, а затем следуют безымянные рассказы и изречения. Названия глав П. во многом совпадают с названиями глав описанной у Фотия в его «Библиотеке» (X в.) «Книгой святых мужей» (Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος), являющейся сокращением не дошедшего до нас сборника «Большой Лимонарий»; таким образом П. является в своей основной части переводом «Книги святых мужей». Названия глав П. Скитского во многом совпадают также с названиями глав анонимной части Патерика Азбучно-Иерусалимского. Изучение П. затруднено вследствие того, что критического издания греческого текста систематического собрания нет (о существующих изданиях отдельных разновидностей «Изречений отцов» см. Патерик Азбучно-Иерусалимский). Однако имеются издания переводов систематического собрания: древнего латинского перевода Пелагия и Иоанна середины VI в. (PL, t. 73, col. 855—1022), русского перевода (Древний патерик, изложенный по главам. М., 1874), выполненного по двум греческим рукописям XI в. (ГИМ, Синод. собр., № 452 и 163), а также издания переводов на коптский, сирийский, грузинский, армянский и другие языки. Название «Скитский патерик» с XV в. в древнерусской письменности применялось к различным собраниям патериковых рассказов, в частности к возникшему в Болгарии в XIV в. Патерику Сводному, в том числе к П.; с сер. XIX в. исследователи древнерусской письменности относят наименование «Патерик Скитский» к систематическому собранию «Изречений отцов». В рукописной традиции функцию наименования П. выполняет заглавие той главы, с которой начинается П. в зависимости от изменения его состава в списках того или иного вида. В наиболее полных и древних списках П. имеет заглавие «Патерик».

Состав П., изучение которого было начато В. С. Преображенским, а затем продолжено в 1930-х гг. Н. Ван-Вейком, был во многом уточнен на основании исследования славянской рукописной традиции В. Р. Федером в 1970-х гг. Согласно В. Р. Федеру, П. содержит 1136 патериковых рассказов и изречений: 1040 рассказов и изречений разделены на 29 глав, а остальные в двух группах (соответственно 31 и 66 рассказов и изречений) расположены в конце П. Кроме того, в состав П. входят 13 извлечений из произведений аскетического содержания, не относящихся к жанру патериковых повествований и изречений. Для 22 глав, содержащих перевод систематического собрания «Изречений отцов», В. Р. Федер сохраняет нумерацию глав и нумерацию рассказов и изречений внутри глав, приведенные в сводной таблице греческих рукописей и латинского перевода VI в. систематического собрания у Ж.-К. Ги (Guy. Recherches, p. 126—181); список инципитов и отождествлений с греческим текстом см.: Veder. La tradition slave, p. 66—93; уточнения см.: Veder. Le Skitskij paterik, p. 52—53. Для остальных, дополнительных, т. е. не входящих в состав систематического собрания, глав и двух групп в конце П., содержащих патериковые рассказы и изречения, В. Р. Федер приводит инципиты (Veder. Le Skitskij paterik, p. 54—61) и дает там же отождествления со сводной таблицей патериковых рассказов и изречений «Изречений отцов» (Regnault L. Les sentences des pères du désert: Troisième recueil et tables. Solesmes, 1976, p. 202—308). Восстанавливаемый В. Р. Федером полный состав П. имеет следующий вид (Veder. Le Skitskij paterik, p. 52—54): первый раздел П. включает: дополнительную главу из 53 патериковых рассказов и изречений («Жития и повести различны святых отец богоносных»); 1-ю главу систематического собрания, заключительную часть которой составляют 40 дополнительных патериковых рассказов и изречений; дополнительную главу из 27 рассказов и изречений; пять небольших извлечений из сочинений Иоанна Златоуста и Евсевия; второй раздел П. включает главы 2—22 систематического собрания (заглавие главы 2 — «Повести святых старец, яко безмолвия со всяким тщанием искати»); дополнительные части патериковых рассказов и изречений также входят в главы 3 и 22; третий раздел П. включает: четыре извлечения из сочинений Стефана Фивейского, Макария Великого, Моисея Египетского, «Слово отца Макария о умилении»; группу из 31 дополнительного рассказа и изречения; два извлечения из слов аввы Исайи и Иоанна Златоуста; группу из 66 дополнительных рассказов и изречений.

Греческая рукопись, с которой был переведен П., до сих пор не обнаружена. И хотя известна греческая рукопись систематического собрания «Изречений отцов», обнаруживающая почти полное соответствие построению систематического собрания, вошедшего в состав П. (Capaldo M. Sul prototipo greco dello Skitskij Paterik. — In: Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977, p. 53—55), в греческой рукописной традиции рукописей,

содержащих, подобно П., наряду с систематическим собранием дополнительные главы патериковых рассказов и изречений, а также извлечения из различных сочинений аскетического характера, нет. Однако на основании близости по построению и составу систематического собрания «Изречений отцов», вошедшего в П., древнему латинскому переводу середины VI в. Пелагия и Иоанна, а также учитывая факт раннего перевода П. и наличие части извлечений аскетического характера во всех видах рукописной традиции П., В. Р. Федер считает не лишенным вероятности предположение, что греческая рукопись, с которой был выполнен перевод П., относится к VI—VII вв. и тем самым отражает ранний этап греческой рукописной традиции систематического собрания, когда известные по переводу П. дополнительные главы патериковых рассказов и изречений могли быть присоединены к систематическому собранию без распределения по соответствующим главам. Извлечения аскетического характера также могли быть уже в этой греческой рукописи, поскольку в латинской рукописной традиции имеются рукописи, где подобные извлечения присоединены к систематическому собранию. Вместе с тем В. Р. Федер не исключает возможности того, что некоторые части были введены в состав П. в X в. деятелями болгарской книжной культуры (Veder. Le Skitskij paterik, p. 67—71). П. известен в рукописях не ранее конца XIII в. (перечень списков и их состав см.: van Wijk. The Old Church Slavonic Translation, p. 37—43; Veder. 1) La tradition slave, p. 59—64; 2) Le Skitskij paterik, p. 63—67). Текстологии П. нет. В. Р. Федер распределяет списки П. на несколько групп в зависимости от наличия элементов полного состава и их расположения в рукописях. Рукописей, содержащих полный состав П., как он восстановлен В. Р. Федером, нет. Почти полный состав П. представлен только в древнерусской рукописной традиции (ГПБ, собр. Погодин., № 267, XIV в. — описание рукописи см.: Иванова-Константинова К. Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания. — ТОДРЛ, т. 25, 1970, с. 294—308; ГИМ, Синод. собр., № 3, нач. XV в., и др.), причем разнесены списки по группам в основном в зависимости от местоположения первого раздела П.: в начале П., в середине или в конце. Вид П., в котором нарушен порядок глав систематического собрания, а первый раздел помещен в конце, в середине XVI в. был внесен в ВМЧ под 31 декабря (Иосиф, архим. Подробное оглавление ВМЧ всерос. митр. Макария. М., 1892, стб. 309—310). В двух группах рукописей первый раздел П. отсутствует. Списки одной из них, представленной в древнерусской рукописной традиции (ГИМ, Чуд. собр., № 18, кон. XIV в. и др.), воспроизводят кириллическую транслитерацию дефектной глаголической рукописи (Veder W. R. Der glagolitische Archetyp des Paterik Skitskij. — In: Dutch contributions to the Eighth international Congress of slavists. Lisse, 1979, p. 339—346), другая группа, в которой имеются общие для всех списков группы пропуски отдельных патериковых рассказов и изречений (Veder.

Le Skitskij paterik, p. 65), относится к южнославянской рукописной традиции. На основании двух рукописей последней — болгарской (Венской нац. б-ки, № 152, кон. XIII в.) и сербской (Парижской нац. б-ки, № 10, XIV в.) Н. Ван-Вейк подготовил в конце 1930-х гг. вышедшее в 1975 г. издание глав 2—22 (у Н. Ван-Вейка вторая часть главы 22 выделена в главу 23) П. Скитского (van Wijk N. The Old Church Slavonic translation, p. 95—310).

В 1930-х гг. Н. Ван-Вейк на основании лингвистических данных показал, что П. Скитский был переведен ранее всех других собраний патериковых рассказов, возможно, самим Мефодием в Моравии или Паннонии в 80-х гг. IX в., отождествив для этого П. Скитский с указанным в житии Мефодия переводом «отечьскыя книгы» (обзор других точек зрения на этот перевод Мефодия см.: Pope R. Preface. — In: van Wijk N. The Old Church Slavonic translation, p. 1—24). Н. Ван-Вейк полагал, что этот перевод включал изданные им главы 2—22 П.

Уже в раннюю эпоху истории славянской письменности П. явился источником для новых компиляций. Такой компиляцией является возникший скорее всего в X в. в Болгарии Протопатерик Скалигеров, включающий извлечения из полного состава П., «Лествицы» Иоанна Синайского и *Патерика Египетского* Краткого (исследование и публикацию текста по рукописи конца XIII в. см.: Veder 1) The Scaliger Paterikon; 2) Le Protopaterikon Scaligeri, p. 76—78). П. известен в древнерусской культуре с XI в. В *Патерике Киево-Печерском* приводятся изречения из П., при этом два раза источник изречений назван «отечьником», что соответствует названию П. в списках полного состава — «Патерик». П. явился одним из источников *Изборника 1076 г.* и корпуса патериковых рассказов, вошедших в состав Пролога. Причем, как показал В. Р. Федер, несколько изречений П. вошли в Изборник 1076 г. именно в том виде, в каком они представлены в Протопатерике Скалигерове (Veder. Welche Paterika, S. 25—34). В XVII в. на Руси скорее всего или на Афоне возникла на основе П. Скитского новая компиляция патериковых рассказов — Патерик Систематический (перечень списков и состав см.: Veder. Le Systematičeskij paterik, p. 73—75). В. С. Преображенский дал подробное описание состава Патерика Систематического (Преображенский. Славяно-русский скитский патерик, с. 37—48, 211—217), предположив при этом, что описанный им патерик является поздним переводом упомянутого Фотием «Большого Лимонария». Однако Н. Ван-Вейк показал, что этот патерик является результатом смешения двух патериков — Скитского и анонимной части Азбучно-Иерусалимского (van Wijk N. Ein junges, durch Textmischung entstandenes slavisches Paterikon. — Zeitschr. für slawische Philologie, 1938, Bd 15, S. 1—17). В начале Патерика Систематического находится предисловие к анонимной части Патерика Азбучно-Иерусалимского, за которым следует П. Скитский полного состава того вида,

где первый раздел П. находится в середине П., с исключением ряда патериковых рассказов и изречений и с дополнением глав систематического собрания рассказами и изречениями анонимной части Патерика Азбучно-Иерусалимского. В конце XVIII в. значительная часть рассказов и изречений П. вошла в выпущенный в Супрасле в 1791 г. Патерик Азбучный — издание Патерика Алфавитного, составленного в 1630—1640-е гг. Сергием Шелониным (ГПБ, Солов. собр., № 652/710). И в супрасльском издании Патерика Азбучного и в изданной по рукописи Сергия Шелонина «Лествице» Иоанна Синайского (М., 1647) ссылки и указания на главы П. относятся к составленному и значительно дополненному Сергием Шелониным П. с особым числом глав (ГПБ, Солов. собр., № 645/703).

Лит.: Ундольский В. М. Библиографические разыскания... — Москвитянин, 1846, № 11 и 12, с. 202; Преображенский В. С. Славяно-русский скитский патерик: Опыт историко-библиографического исследования. Киев, 1909; van Wijk N. 1) O pateryku przetłumaczonym praez Metodego. — Prace filologiczne, 1937, 17, s. 59—65; 2) La traduction slave de l' 'Ανδρῶν 'αγίων βίβλος et son prototype grec. — Byzantion, 1938, 13, p. 233—241; 3) The Old Church Slavonic Translation of the 'Ανδρῶν 'αγίων βίβλος in the edition of Nikolaas van Wijk. The Hague; Paris, 1975; Еремин И. П. Патерики. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 111—112; Guy J.-C. Recherches sur la tradition grècque des Apophthegmata Patrum. Bruxelles, 1962; Veder W. R. 1) La tradition slave des Apophthegmata Patrum: (Aperçu de l'économie de la collection systématique). — Slovo, 1974, 24, p. 59—94; 2) Сведения о славянских переводных патериках. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 214—215; 3) The Scaliger Paterikon. Zug, 1976—1985, vol. 1—4; 4) Welche Paterika lagen vor 1076 in slavischer Übersetzung vor? — Slovo, 1978, 28, S. 25—34; 5) Le Skitskij paterki (Collection systématique slave des Apophthegmata patrum). — Полата кънигописьная, 1981, N 4, p. 51—72; 6) Le Protopaterikon Scaligeri. — Там же, p. 76—78; 7) Le Systematičeskij paterik (Collection systématique dérivée du Skitskij paterik et du Azbučno-Ierusalimskij paterik). — Там же, p. 73—75; Николова С. Патеричните разкази в българската средневековна литература. София, 1980, с. 9—11, 16, 19—23; Nowak R., Veder W. R. The Protopaterikon Scaligeri: Text in transcription. — Полата кънигописьная, 1985, № 12: Приложение.

Н. И. Николаев

Петр (ум. 1326 г.) — митрополит всея Руси, автор поучений. Известно, что П. был уроженцем Волыни, отца его звали Феодором, мать Марией, в 7 лет он был отдан учиться грамоте, в 12 лет постригся в монахи, служил, нося воду и дрова, в монастырской поварне, выучился по собственному желанию «иконному письмени и бысть иконник чюден», писал образы Христа, богородицы, пророков, апостолов, мучеников, святых. На р. Рати на Волыни (между Львовом и Бельзом) основал собственный монастырь. Когда этот монастырь посетил — во время своего путешествия в Константинополь — митрополит *Максим*, П. подарил ему написанный им образ богородицы. После смерти митрополита Максима, с 1299 г. проживавшего во Владимире, один из тамошних игуменов, Геронтий, по-видимому, по инициативе великого князя Михаила

Ярославича Тверского, отправился, взяв эту икону, в Константинополь для поставления в митрополиты. Но прежде его туда прибыл П., посланный Галицким великим князем Юрием Львовичем, недовольным переносом места пребывания митрополита из Киева во Владимир и желавшим раздела русской митрополии. Патриарх Афанасий, за несколько лет до этого (в 1303 г.) давший Галиции отдельного митрополита, теперь (в мае—июне 1308 г.) рукоположил П. в митрополиты всея Руси, а привезенную Геронтием икону передал П. В 1309 г. П. прибыл во Владимир и, несмотря на то, что был встречен в северо-восточной Руси враждебно, «нача учити заблудшая крестьяны, ослабевшаа нужа ради поганых иноверец», обходя «Волынскую землю, Киевскую, и Суздальскую землю». 5 июня 1309 г. он рукоположил новгородского архиепископа Давида. В 1310 г. был в Брянске, убеждал там князя Святослава, изгнавшего оттуда своего племянника Василия, вернуть ему город или поделиться с ним княжением, но тщетно и пережил там, укрывшись в церкви, набег татаро-монголов, с помощью которых Василий вернул себе город и убил Святослава. В 1311 г. рукоположил ростовского епископа *Прохора*. В этом же году в Переяславле Залесском состоялся собор, явившийся результатом какой-то жалобы, поданной на П. тверским епископом Андреем, сыном литовского князя Герденя. На этом соборе в присутствии детей великого князя, Дмитрия и Александра Михайловичей Тверских, П. сумел доказать свою правоту, возможно, при поддержке московского и ростово-суздальских князей. Доносчика П. простил. Вскоре после Переяславского собора Дмитрий Михайлович Тверской пошел ратью на Юрия Даниловича Московского, в ответ на что П. прибег к отлучению его от церкви. Тверской же епископ Андрей послал в Константинополь к новому патриарху Нифонту монаха по имени *Акиндин*, а тот, вернувшись, написал великому князю Михаилу Ярославичу резкое по тону послание, в котором сообщил, что патриарший собор всякое взимание платы за поставление священников считает преступлением. Князь написал патриарху Нифонту, тот ответил, веля прислать П. для рассмотрения его дела в Константинополь (этот ответ сохранился). Но в 1315 г. Нифонт был низвергнут, и П. в Константинополь не ходил. В прении П. победил и проклял некоего «еретика» Сеита (судя по имени, бывшего у мусульман духовным лицом). В 1312 г. лишил сана сарайского епископа Измаила. В следующем году с великим князем Михаилом Ярославичем ходил в Орду по случаю восшествия на престол хана Узбека. В 1315 г. получил от этого хана ярлык, написанный, как ясно из его содержания, по записке, составленной им в 1313 г. в Орде. Этим ярлыком подвластные митрополиту лица освобождались от княжеского суда. При П., в 1316—1317 г. патриарх Иоанн Глика в правление императора Андроника II по просьбе литовского князя Гедимина разделил русскую митрополию, поставив для Литвы отдельного митрополита Феофила с кафедрой в Новогрудке (просуществовала эта митрополия недолго). По-видимому,

враждебность Михаила Ярославича Тверского была причиной того, что П. нашел поддержку у его соперника в борьбе за великое княжение Владимирское, Юрия Даниловича Московского, и стал сначала останавливаться в его городе во время своих обходов Руси, а затем практически перенес туда из Владимира кафедру митрополитов всея Руси. Весной 1325 г. в Москве он рукоположил *Моисея Новгородского архиепископа* и похоронил убитого в Орде князя Юрия Даниловича. Его преемнику Ивану Даниловичу Калите он выразил пожелание, чтобы тот воздвиг в Москве храм в честь Успения богородицы. Князь его заложил в августе 1326 г., а П. своими руками сделал в нем себе гроб. Из описанной в Житии митрополита Петра последней литургии П. ясно, что он прежде имени своего князя поминал в молитвах «благоверных царей», в каковых одни ученые видят золотоордынских ханов, другие — византийских императоров. Перед смертью П. выбрал некоего архимандрита Феодора как наследника своей кафедры (в Константинополе с этим выбором не посчитались). Умер П. с 20 на 21 декабря 1326 г. Канонизирован как святой сначала на Владимирском соборе 1327 г., где ростовский епископ Прохор прочел записанные по инициативе Ивана Даниловича Калиты посмертные чудеса П., затем в 1339 г. в Константинополе. Таким образом, П. стал первым московским епископом и первым московским святым. В конце XIV в., при митрополите Киприане (авторе второй редакции его жития), П. уже выступал как небесный покровитель города Москвы, в особенности как защитник от нападений «поганых».

Сохранилось шесть связанных с именем П. посланий. Одно из них представляет собой окружное послание по поводу наступления Великого поста, или «Поучение игуменом, попом и диаконом», в нем говорится о значении священного сана и налагаемых им обязанностях по отношению к себе и к другим. В этом оно схоже с «Поучением к попом», приписываемым *Кириллу (ум. 1280 г.), митрополиту Киевскому*, но короче того и более просто по стилю. Автор убеждает здесь духовных лиц быть кроткими и смиренными; удерживаться от непристойных дел, страстей, пьянства и смехотворства, регулярно читать подобающие книги, заботиться о духовной пастве, учить своих духовных детей избегать блуда, пьянства, занятий колдовством и ростовщичеством, крестить велит не обливанием, а троекратным погружением, строго запрещает поединки, победителей в которых приравнивает к душегубцам и т. д.

Второе поучение, «игуменом, и попом, и диаконом, и ко мнихом, и ко всем православным христианом», в единственном известном списке (ГИМ, Синод. собр., № 222, Кормчая, XVI в.) приписано митрополиту Киприану, но так как московский собор 1503 г., решавший вопрос о вдовых священниках, ссылался на это поучение как на принадлежащее митрополиту П., а, кроме того, определения Стоглавого собора содержат отрывок из этого поучения под заглавием «Поучение иже во святых отца нашего Петра

митрополита всея Русии», больше оснований считать его принадлежащим именно П. Автор поучения напоминает: «многажды писах вам, к священником и мнихом, како пребывати», «писах многажды о сем к вам: аще у попа умрет жена, да идет в монастырь, имеет священство свое; аще имеет в слабости пребывати и любити мирскыи сласти, да не поет», т. е. должен оставить служение. Далее идут общие наставления о благочестии и милосердии.

Третье «Поучение Петра митрополита всея Руси» по обращению — «к епископом, и попом, и архимандритом, и игуменом, и дьяконом, и ко всем православным крестьяном» — схоже с первыми двумя и тоже посвящено тому, «како ходити по закону крестьянскому». Речь в нем идет о недопустимости пьянства, блуда, третьих браков, сквернословия, слушания «басней», ворожбы, поединков, о необходимости причащаться «с году на год», почитать родителей. Венчать он велит после обедни, причем девица должна быть не моложе 13 лет; крестить погружением, причем если ребенок мужского пола, подобает быть одному куму, если женского — одной куме. Попам запрещает торговать и давать серебро в рост; монахам — жить в одном монастыре с монахинями. Имея в виду, по-видимому, отношения церкви со светской властью, говорит, что «кто церковь божию или слугу церковного приобидить, а того бог приобидить. А который иерей святую литургию священствовал, тогда царя честней. . .». В рукописях встречаются и отрывки из этого поучения, также с именем П.

Четвертое «Поучение Петра митрополита» начинается с убеждения «отца вашего епискупа ли, священника слушати во всем», а затем после слов «Любимии, слушите» идет цитация-пересказ небольшого текста (нач.: «Аще в гресех состаревся, человек положит завет свой к богу, моляся. . .»), который встречается в рукописях и отдельно (см.: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № XII, нач. XV в., л. 322 об.). Заканчивается это поучение рассуждением о евангельских словах Христа относительно блаженных.

Под названием «Поучение Петра митрополита, егда препре тферьскаго владыку Андрея во сборе», встречается текст, первая часть которого представляет собой действительно поучение (к ней, видимо, и относится название), а вторая — похвальное слово митрополиту П. В поучении говорится, что мы призваны «в вечную жизнь», но не должны обманываться, «яко бесмертни ся мняще, предавшись похотем житья сего». Оно оканчивается словами «и внидем, радующися в бесконечную радость, и в бесмертный живот, и в неизреченную красоту»; начало Похвалы П.: «ея ж желая святый святитель Христов Петр митрополит и подвигну житься сего сласти попрати. . .».

Наконец, шестым можно назвать небольшое, по словам Е. Голубинского, «загадочное поучение» под названием «Поучение Петра митрополита ко князю великому Димитрию и к смерти его, и к братии его, и к епискупу, и к боляром, и ко старым, и ко младым, и ко всем християном». Оно начинается словами «Дети, были есте от бога в казни», далее говорится, что того, кто не обращает

внимания на наказания, «предасть бог таковаго мучителем и (в) большую казнь», затем следует обращение: «Дети, не давайтеся в безстрашие!», — и намек на то, что случилось при великом князе и его смерти: «Старии добре помнять, како было при великом князе и при смерти его, да и вспоминают младым». В заключение молодые призываются к «великому послушанию». Упоминание неизвестной нам грамоты П. (наряду с грамотами митрополита Максима) содержат грамоты митрополитов *Феогноста* и Алексея на Червленый Яр, спорный между рязанским и сарайским епископами. Возможно, снятие в 1312 г. сана с сарайского епископа Измаила как-то было связано с этой грамотой. Первое поучение П. было издано А. В. Горским, второе — в РИБ, третье — в ПЛ, четвертое и пятое — Н. К. Никольским, шестое — Е. Е. Голубинским.

Изд.: Горский А. В. Святой Петр, митрополит Киевский и всея России. — Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844, ч. 2, с. 73—84; ПЛ, вып. 4, с. 186—188; Памятники древнерусского канонического права. — РИБ, 1880, т. 6, стб. 159—164; Голубинский. История церкви, т. 2, I половина, с. 119—120, прим. 4; Никольский Н. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. I—II. Поучение Петра митрополита. — Христ. чт., 1909, июнь—июль, с. 1109—1115.

Лит.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, кн. I, с. 312—317; Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, 1962, т. 18, с. 59—70.

Г. М. Прохоров

Петр Бориславич (XII в.) — боярин великого князя киевского Изяслава Мстиславича, летописец. После смерти Изяслава (в 1154 г.) находился на службе у его сына Мстислава. В 1170 г. поссорился с Мстиславом и перешел к другому сыну Изяслава — Давиду. В 1152 г. П. Б. выступал как посол Изяслава Мстиславича перед галицким князем Владимиром (Владимирко) Володаричем. Можно предполагать, что П. Б. происходил из знатного боярского рода — в *Летописи Ипатьевской* под 1152 г. упоминается «Бориславль двор» (видимо, отца П. Б.) как хорошо известный киевлянам. В Ипатьевской летописи называется имя брата П. Б. — Нестор Бориславич. В Никоновской летописи «сестричем» (племянником по сестре), а у В. Н. Татищева — братом П. Б. назван епископ ростовский Феодор (Феодорец). Татищев называет П. Б. киевским тысяцким. Этими данными и ограничиваются все биографические сведения о П. Б.

В Ипатьевской летописи под 1152 г. подробно рассказывается о посольстве П. Б. от Изяслава Мстиславича к галицкому князю Владимиру, потерпевшему поражение в борьбе с Изяславом и союзником последнего, венгерским королем Гейзой II. По просьбе Гейзы Изяслав соглашается пощадить Владимира Галицкого, и к последнему направляется посольство (в него входили вельможи венгерского короля и боярин Изяслава П. Б.), которое должно было потребовать от галицкого князя выполнения всех предъ-

явленных ему требований. Владимир целует венгерскую святыню — крест святого Стефана, в том, что он сдержит свое слово. Однако, как и говорили с самого начала Изяслав Мстиславич и его сын Мстислав, Владимир не выполняет взятых на себя обязательств (он обманывал послов, уже целуя крест — притворялся изнемогающим от ран, хотя ранен не был). П. Б. вторично едет послом к Владимиру от Изяслава. «Это последнее посольство Петра Бориславича описано особенно подробно, насыщено такими деталями, которые не оставляют сомнения в том, что автором повести о взаимоотношениях Изяслава и Владимирка был сам Петр Бориславич» (Лихачев. Русские летописи, с. 235).

Д. С. Лихачев включает эту повесть П. Б. в особый ряд летописных повестей о княжеских преступлениях. Рассказ П. Б. представляет интерес не только с точки зрения отражения в нем целого ряда важных исторических подробностей, но и как произведение литературное: реальные в своей основе события переданы не как сухой перечень фактов, а как эпизоды единого повествования, тесно взаимосвязанные, нарастающие и усложняющиеся и в психологическом и в сюжетном отношении. Читатель с напряженным вниманием следит за развитием описываемых событий. Перед нами, таким образом, не просто посольский отчет, а рассчитанное на эмоциональное восприятие повествование.

Впервые предположение о том, что автором летописного рассказа о посольстве к Владимиру Галицкому был сам посол — П. Б. высказал в 1878 г. И. П. Хрущов. Он относил рассказ этот к отдельным, самостоятельным сказаниям «светского характера», написанным «приближенными людьми» (О древнерусских исторических повестях. ., с. 176) великого князя киевского Изяслава Мстиславича. Хрущов положения эти выдвигал в споре с К. Н. Бестужевым-Рюминым, который за десять лет до того, в 1868 г., анализируя состав Ипатьевской летописи, высказал предположение, что «княжение Изяслава Мстиславича, быть может, вместе с событиями, непосредственно следующими за его смертью, описаны одним лицом» (Бестужев-Рюмин. О составе, с. 104). Возможно при этом, полагал К. Н. Бестужев-Рюмин, что дошедшее в составе Ипатьевской летописи описание является лишь «частию подробной летописи» (там же, с. 103), которая писалась «современником, сторонником и, вероятно, даже соратником» Изяслава Мстиславича (там же, с. 79). Дальнейшее развитие предположения о летописце Изяславе Мстиславиче и о боярине П. Б. получили в работах Б. А. Рыбакова. Рассмотрев все дополнительные сведения «Истории Российской» В. Н. Татищева по сравнению с известными летописями, Б. А. Рыбаков пришел к заключению, что упоминаемая Татищевым «Раскольничья летопись» — не сохранившийся до нас летописный памятник XII в. Он пишет: «Раскольничий манускрипт Татищева, содержащий 85 % всех дополнений XII в., представлял собой полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись двух поколений «Мстиславова племени»: Изяслава Мстиславича и двух внуков Мстислава —

Мстислава Изяславича и Рюрика Ростиславича. Летопись на протяжении полувека настолько устойчиво сохраняет единый стиль, единую политическую концепцию и широту кругозора, что должна быть обязательно сочтена произведением одного человека» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 276). Этим человеком, по мнению Б. А. Рыбакова, был боярин П. Б., занимавший высокие государственные посты при перечисленных князьях, опытный воин и воевода, проживший долгую жизнь и в течение полувека (с 40-х по 90-е гг.) ведший летописные записи. Исследователь так характеризует этого летописца-боярина: «В отличие от большинства летописцев того времени, этот автор. был далек от церкви. В его ясном и точном языке не было церковной витиеватости, в его философии отсутствовал провиденциализм. Светский писатель, полководец и дипломат, он обладал еще одной чертой, выгодно выделявшей его из общей массы средневековых летописцев, — он выражал свои, а не княжеские мысли, он не был придворным подневольным летописцем и мог временами, не нарушая феодальной верности, подняться до мудрого осуждения торопливых и необдуманных действий своего князя» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 307). Как считает Б. А. Рыбаков, П. Б. был выразителем интересов киевского боярства, а в целом ряде положений (княжеские междоусобицы, борьба с половцами) интересы эти совпадали с общенародными. И политическая позиция П. Б., и его социальное положение, и особенности его литературного творчества, воссозданные Рыбаковым, приводят его к заключению, что П. Б. — «один из замечательнейших людей XII столетия, патриот, всегда призывавший к борьбе с половцами, сторонник мира, враг усобиц, талантливый историк и публицист» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 392) — был автором и «Слова о полку Игореве» (см. *Автор «Слова о полку Игореве»*). Как считает Б. А. Рыбаков, автора «Слова о полку Игореве» и П. Б. объединяют совпадение времени и места жизни, социальный статус (принадлежность к старшей дружине, к боярству), одинаковые симпатии и антипатии, одинаковое отношение к киевскому великому князю Святославу Всеволодовичу, одинаковая политическая программа.

В свое время В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что в повести об Изяславе Мстиславиче, как она определяет первоначальную основу летописного повествования за 1146—1154 гг. Ипатьевской летописи, «обращают на себя внимание отдельные выражения, напоминающие манеру Слова о полку Игореве» (История русской литературы, М.; Л., 1941, т. 1. Литература XI—начала XIII в., с. 314). В. Ю. Франчук, исследовав лексические и синтаксические особенности тех частей Ипатьевской летописи, которые Б. А. Рыбаков считает принадлежащими «летописи Мстиславова племени», т. е. летописи П. Б., пришла к выводу о том, что в ряде случаев характерные именно для этих частей Ипатьевской летописи лексические обороты и синтаксические конструкции совпадают со «Словом о полку Игореве».

Имя П. Б. реально. С полной уверенностью можно говорить о том, что он занимался литературной деятельностью и был незаурядным писателем своего времени (об этом мы знаем из рассказа о посольстве к Владимиру Галицкому). Поэтому гипотеза о существовании особой летописи, составленной П. Б., вполне вероятна, так же как вполне вероятно и то, что летопись эта была связана с киевским великим князем Мстиславом Изяславовичем и его потомками. Эти гипотезы основываются на данных реально сохранившихся летописных текстов. О том же, что представлял собой «Раскольничий манускрипт» Татищева, мы ничего не знаем, а главное — мы не можем быть уверены в том, что дополнительные сведения Татищева — это именно сведения предполагаемого полного летописного текста П. Б., а не добавления и осмысления самого Татищева. Поэтому и образ П. Б. как летописца и представление о написанной им летописи носят гипотетический характер. Если П. Б. действительно был таким человеком, каким его рисует Б. А. Рыбаков, если действительно его авторству принадлежал такой летописный свод, который воссоздается Б. А. Рыбаковым, то предположение о том, что он мог быть и автором «Слова», допустимо. Но не является ли образ П. Б., воссозданный Б. А. Рыбаковым, идеальным воплощением наших современных представлений о том, каким должен был быть автор «Слова о полку Игореве»? Не случайно поэтому предисловие к своему исследованию Б. А. Рыбаков заканчивает следующими словами: «Был ли этот летописец (Петр Бориславич, — *Л. Д.*) автором «Слова о полку Игореве» или только современным ему двойником, во всем подобным ему, решить нельзя. Да и сам облик этого летописца, составленный из разнородных источников, может вызвать много сомнений и возражений» (Рыбаков. Русские летописцы, с. 6).

Изд.: ПСРЛ, Ипатьевская летопись. СПб., 1843, т. 2; 2-е изд. СПб. 1908 (фототип. переизд.: М., 1962).

Лит.: Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3. М., 1774 (см. также: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964, т. 3); Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. Спб., 1868, с. 79—80, 100—101, 131—133; Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII столетие. Киев, 1878, с. 176—182; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 230—241; Рыбаков Б. А. 1) Боярин-летописец XII в. — История СССР, 1959, № 5, с. 56—79; 2) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 304—358, 499—515; 3) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 277—392; Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 77—92.

Л. А. Дмитриев

Повести о Николе Заразском — цикл рязанских повестей о событиях татаро-монгольского нашествия. Цикл не имеет единого автора: он слагался в течение почти двух столетий, продолжая дополняться описанием «чудес» и порождая различные редакции

еще два столетия. Изучение истории текста цикла сильно затрудняется тем обстоятельством, что сохранились лишь поздние списки. Всего один список датируется XVI-м в. (ГБЛ, Волок. собр., № 526), остальные списки (их не менее ста) — XVII и XVIII вв. Тем не менее положение не безнадежно. Центральная и лучшая из составных частей цикла — Повесть о разорении Рязани Батыем в той или иной степени отразилась во многих произведениях русской литературы XIV—XVI вв. и по этим отражениям до известной степени мы можем судить о движении ее текста и текста некоторых других произведений цикла.

Цикл состоит из Повести о перенесении Иконы Николы Заразского из Корсуня, уже упомянутой Повести о разорении Рязани Батыем, Похвалы роду рязанских князей (иногда включаемой в состав предшествующей повести), родословной попов, служивших у иконы Николы Заразского, и охватывающей то 335, то 389 лет, и двух «Коломенских чудес» иконы Николы Заразского, произошедших уже в XVI в. и так или иначе связанных с Коломной (с перенесением иконы в Коломну в 1522 г. и построением каменной стены в Зарайске в 1531 г.).

Некоторое указание на авторство первой из повестей рязанского цикла имеется в краткой части этого цикла — «Род служителей чудотворца Николы Заразского». Все «служители» церкви Николы Заразского в городе Заразске, переименованном в XVII в. в Зарайск, происходили из одного рода «служителя» Евстафия, который пришел «ис Корсуни с чюдотворным Николиным образом». О сыне Евстафия — «Евстафии втором» говорится: «сии написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсунскова. На память последнему роду своему».

Что же «сии» написал «Евстафий вторый»? Родословие, само собой разумеется, написать он не мог. Центральную повесть цикла — Повесть о разорении Рязани, как мы увидим, написать он также не мог, так как повесть эта содержит признаки относительно позднего своего происхождения: там спутана хронология, погибшими в неравном бою с Батыем показаны такие князья, которые на самом деле умерли позднее, смешаны их родственные отношения — все это могло произойти не ранее XIV в., когда многое уже забылось, получило свое эпическое обобщение. «Евстафий вторый» мог написать какой-то первоначальный краткий вариант Повести о разорении Рязани Батыем, однако по существу этот первоначальный краткий вариант был летописного характера и не связан с иконой Николы. Остается предположить, что «Евстафий вторый» написал Повесть о перенесении иконы Николы из Корсуня. Эта повесть сравнительно мало варьируется в списках (главное колебание — в указании на тот город, через который прибыл Евстафий со своим семейством и иконой в Новгород из Корсуни: по одной версии он проехал через Кесь, ныне Цесис Латвийской ССР, по другой — через Ригу). Предположение о том, что «Евстафий вторый» написал именно Повесть о перенесении иконы Николы, согласуется и с тем, что в самой повести «Евстафий

вторый» упоминает о самом себе: Никола является во сне «Евстафию первому» и говорит: «Астафие, возми мой чюдотворный образ Корсунски, супругу свою Феодосию, и сына своего Остафия и гряди в землю Резаньскую». Язык этой повести весьма архаичен, лексический состав ее не противоречит тому предположению, что она была составлена в середине XIII в. Предположения о том, что род служителей Николы Заразского был греческого происхождения, лишены основания. Корсунь в начале XIII в. имела, как известно, многочисленное русское население наряду с греческим и представителями других национальностей. Заключается первая повесть цикла описанием гибели князя Федора Юрьевича «от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронежи» и самоубийства его жены Евпраксии вместе с сыном их — Иваном Постником. Этот заключительный эпизод первой повести повторен во второй — в Повести о разорении Рязани Батыем, причем повторен он в сходных выражениях, что указывает на общий источник или на то, что вторая повесть, составлявшаяся позднее, заимствовала этот эпизод из первой.

Вероятнее всего предположение, что перед нами какая-то запись летописного характера: в основной части второй повести — Повести о разорении Рязани Батыем — ясно проступает рязанская летопись. Дело в том, что под 1238 г. в Синодальном списке *Летописи Новгородской первой*, в той его последней части, которая в наиболее авторитетном издании, выполненном А. Н. Насоновым, определена как относящаяся к первой половине XIV в. (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950, с. 5), читается рассказ, очень близкий к Повести о разорении Рязани Батыем и не содержащий анахронизмов, которых немало в окончательном дошедшем до нас тексте Повести о разорении Рязани Батыем. Это и есть, как нам представляется, древнейшая основа Повести.

Впервые на ее сходство со статьей НІЛ под 1238 г. обратил внимание В. Л. Комарович (в «Истории русской литературы»). Он считал, что в НІЛ сохранились остатки рязанского летописного свода Ингваря Ингоревича. Другой фрагмент этого свода читается в НІЛ под 1218 г., в нем описывается убийство рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. Оба рязанских рассказа резко выделяются в спокойном изложении НІЛ своим обличительным пафосом, а с другой стороны, во второй повести и таким традиционным способом, отмечающим конец вставки, как фраза: «Но на предлежащее возвратимся». Рязанское происхождение рассказа в НІЛ под 1238 г. о взятии Рязани Батыем ясно из того, что говорит о себе сам рассказчик: «И кто, братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых
Да и мы то видевше, устрашилися быхом». Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа НІЛ и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град», и даты подхода татар к Рязани и ее взятия указаны совершенно точно: 16 и 21 декабря.

Итак, древнейшее ядро Повести о разорении Рязани Батыем имело летописный характер. В последующем «зрелом» тексте Повести эта летописная форма в какой-то мере сохраняется (например, формула «В лето 6745. .», отдельные летописные приемы изложения и пр.). В древнейшем ядре Повести нет рассказа о Евпатии Коловрате, нет плача Ингваря Ингоревича, нет явно анахроничного рассказа о смерти Олега Красного (в действительности же князь попал в плен, возвратился из Орды в 1252 г. и умер в 1258 г.), не сделаны еще все рязанские князья братьями вопреки исторической правде, нет Похвалы роду рязанских князей и мн. др.

Повесть о разорении Рязани Батыем в дальнейшем отразилась в летописной Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. в обеих ее редакциях (в редакции Симеоновской летописи и Рогожского летописца и в редакции НIVЛ и СIЛ). Обращает на себя внимание, что Повесть о разорении Рязани не повлияла на Повесть о нашествии Тохтамыша, ни «плачем Ингваря Ингоревича», ни эпизодом с Олегом Красным, ни рассказом о Евпатии Коловрате, ни Похвалой роду рязанских князей. Очевидно, что всех этих частей не было еще в Повести о разорении Рязани, однако текст, повлиявший на Повесть о нашествии Тохтамыша, вполне близок тому, который и сейчас читается в Повести о разорении Рязани. Отсюда ясно, что в конце XIV в. эта Повесть уже существовала, но, вероятнее всего, без указанных частей.

Плач Ингваря Ингоревича появился в Повести под влиянием плача великой княгини Евдокии по Дмитрии Донском, читающемся в составленном в XV в. Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, «царя Русьскаго». Это Слово, повлиявшее на Повесть, само испытало в свою очередь ее влияние. В Слове отразилась Повесть без рассказа о Евпатии Коловрате и без рассказа об Олеге Красном, но уже с Похвалою роду рязанских князей. Это, конечно, не значит, что Похвала была составлена только в это время: по всей литературной форме и идеалам княжеского поведения она очень архаична и могла быть написанной еще в XIII в., тогда же, когда было написано близкое ей по духу Слово о погибели Русской земли. Однако в соединении с Повестью о разорении Рязани Похвала появилась, очевидно, уже в XV в. То же влияние Повести, уже соединенной с Похвалой, видим мы и в «Задонщине». Значит и ко времени создания «Задонщины» (дата ее создания, впрочем, весьма спорна) соединение в одном своде Повести и Похвалы было налицо. Мало того, в «Задонщине» отыскиваются следы влияния рассказа о Евпатии Коловрате и плача Ингваря Ингоревича. «Задонщина» несомненно составлена позднее Повести о нашествии Тохтамыша в 1382 г. Отсюда можно предположить, что дошедший до нас состав и вид Повести о разорении Рязани с Похвалою роду рязанских князей и плачем Ингваря Ингоревича образовался где-то в самом кон. XIV или нач. XV в., между созданием Повести о нашествии Тохтамыша и написанием «Задонщины». Неясен только

вопрос о рассказе со смертью Олега Красного. Возможно, что он был присоединен к Повести о разорении Рязани именно в это время — тогда, когда нужна была некая патриотическая реабилитация Рязанского княжества и его князей.

В полном своем составе повлияла Повесть о разорении Рязани и на Сказание о Мамаевом побоище во всех его редакциях. Так же точно в полном своем составе отразилась она и в Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками конца XV в.

В XVI в. в связи с временным переносом в 1522 г. иконы Николы Заразского в Коломну рязанский цикл был дополнен двумя коломенскими «чудесами» явно коломенского же происхождения. В XVII в. весь цикл Повестей о Николе Заразском подвергается различным переработкам. Цикл становится особенно популярен в связи с той ролью, которую сыграл Заразск и икона Николы в событиях Смутного времени. В 1608 г. она была украшена Василием Шуйским, в 1610 г. заразский протопоп Димитрий действовал против интервентов вместе с князем Пожарским. Характер переработок Повестей в XVII в. резко отличается от характера переработок в предшествующие столетия: если тогда рязанский цикл складывался, дополнялся новыми текстами, то теперь текст перерабатывается целиком — и в стилистическом, и в идеологическом отношении. Так появляются редакции, связанные с определенной средой или узкими назначениями (например, церковно-служебными). Появляются редакции «Стрелецкая», составленная, очевидно, в Коломне, редакция «Сказания», «Воинская», редакция «Русского временника», Проложная и пр.

Один из списков пространного вида редакции «Сказания» заключается словами: «справил Ивашко иконник Калашников», но был ли иконник Калашников автором редакции «Сказания» этого пространного вида или простым переписчиком — сказать трудно. По-видимому, необходимо признать, что наиболее «существенными» авторами в рязанском цикле были «Евстафий второй», создавший первую повесть цикла, безвестный автор Похвалы роду рязанских князей и тот автор, который на грани XIV и XV вв. создал окончательный текст Повести о разорении Рязани Батыем вместе с рассказом о Евпатии Коловрате, плачем Ингваря Ингоревича и пр. Все указанные авторы обладали незаурядными литературными способностями и высокими патриотическими чувствами.

Изд.: [Ундольский В. М.] Приход чудотворного Николина образ Зараїского иже бе из Корсуня града в пределы Резанские . — ВОИДР, 1852, т. 15, отд. III, с. 11—21; Повесть о разорении Рязани. — Срезневский. Сведения и заметки, № 39; Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском (тексты). — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 257—406; Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. / Подг. текста, пер., статьи и ком. Д. С. Лихачева. — В кн.: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949, с. 5—29, 119—142, 244—266, 284—295 (сер. «Литературные памятники»); Повесть о разорении Рязани Батыем / Пер., статья и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, с. 267—275, 358—366; Ботош И. Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Воloколам-

скому списку XVI в. (№ 523). — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1960, t. 6, c. 23—73; Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер. и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: «Изборник»: Сб. произв. литературы Древней Руси. М., 1969, с. 344—361, 72—745; Altrussische Dichtung aus dem 11.—18. Jahrhundert. Leipzig, 1971, S. 100—113 (пер. с нем. яз.); Zenkovsky S. A. Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales. 2 ed. New York, 1974, p. 199—207 (пер. на англ. яз.); Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер. и ком. Д. С. Лихачева. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 184—199, 554—558; Похвала роду рязанских князей / Подг. текста, пер. и ком. Д. С. Лихачева. — Там же, с. 200—203, 559—560.

Лит.: Комарович В. Л. 1) Рязанский летописный свод XIII в. — В кн.: История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х—1580-х гг. М.; Л., 1946, ч. 1, с. 74—85; 2) К литературной истории Повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 57—72: Водовозов Н. В. Повесть о разорении Рязани Батыем. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1955, т. 48, вып. 5, с. 3—27; Путилов Б. Н. 1) Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 118—139; 2) Песня об Авдотье Рязаночке. — Там же, 1958, т. 14, с. 163—168; 3) К вопросу о составе Рязанского песенного цикла. — Там же, 1960, т. 16, с. 230—244; Антонова В. И. Московская икона начала X в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». — Там же, 1957, т. 13, с. 375—392; Черменский П. Н. Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины. — АЕ за 1959 год. 1960, с. 13—15; Лихачев Д. С. 1) Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22; 2) К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем. — АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 48—51; 3) «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Великое наследие: Классич. произв. литературы Древней Руси. М., 1975, с. 221—239; 4) «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 366—370; Юшин П. Ф. Поэма С. Есенина о Евпатии Коловрате. — ИОЛЯ, 1965, т. 24, вып. 1, с. 18—28; Евсеева И. А. 1) «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. — Вестн. ЛГУ, 1983, № 20, с. 50—55; 2) Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем. — В кн.: Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983, с. 120—125; 3) «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI в. — В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л. 1984, с. 156—171.

Д. С. Лихачев

Повесть временных лет — принятое в науке название летописного свода, созданного в начале XII в. ПВЛ дошла до нас в двух редакциях, условно именуемых второй и третьей. Вторая редакция читается в составе *Летописи Лаврентьевской* (рукопись ГПБ, F. п. IV, № 2), *Летописи Радзивиловской* (рукопись БАН, 34.5.30) и Летописи Московско-Академической (ГБЛ, собр. МДА, № 236), а также других летописных сводов, где данная редакция чаще всего подверглась различным переработкам и сокращению. Третья редакция дошла до нас в составе *Летописи Ипатьевской* (списки: Ипатьевский — БАН, 16.4.4, XV в., Хлебниковский — ГПБ, F. IV, № 230, XVI в. и др.). Большинство исследователей считает составителем не дошедшей до нас первой редакции ПВЛ монаха Киево-Печерского монастыря *Нестора*. В Лаврентьевском списке ПВЛ озаглавлена: «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Руская зем(л)я, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть»; в Ипатьевском списке после слова «лет» добав-

лено: «черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго», а в Хлебниковском — «Нестера черноризца Федосьева манастыря Печерского». Исследования А. А. Шахматова позволили отказаться от господствовавших в науке первой половины XIX в. представлений о ПВЛ как летописи, составленной единолично Нестором: А. А. Шахматов доказал, что ПВЛ предшествовала другая летопись, так называемый Начальный свод, но Нестор существенно переработал его и дополнил изложением событий кон. XI — нач. XII в. Начальный свод, по гипотезе А. А. Шахматова, был составлен в 1093—1095 гг. игуменом Киево-Печерского монастыря *Иоанном*. Начальный свод до нас не дошел, но отразился в новгородском летописании, в частности, сохранился в составе *летописи Новгородской первой* младшего извода, в начальной ее части (до 1016 г.) и в статьях 1053—1074 гг. Следы его могут быть обнаружены также в НIVЛ и СIЛ, протограф которых использовал новгородское летописание.

В основу Начального свода, по гипотезе А. А. Шахматова, лег летописный свод *Никона* 70-х гг. XI в., дополненный описанием событий до 1093 г. включительно. Начальный свод составлялся под впечатлением половецкого нашествия 1093 г. и в обстановке размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком Изяславичем, поэтому для свода характерна публицистическая заостренность, особенно ярко выраженная в его вводной части: современным князьям, разорившим Русскую землю своими поборами, противопоставляются «древние князи и мужи их», которые «не собираху многа имения», заботились о своей земле, подчиняли Руси окрестные страны, были щедры к дружине. В своде подчеркивалось, что нынешние князья стали пренебрегать «старшей дружиной», «любить смысл юных». Полагают, что эти упреки были подсказаны летописцу *Янем Вышатичем*, выразителем интересов старшей дружины, считавшей основным источником обогащения успешные завоевательные походы, а не феодальные поборы. Однако с этим мотивом связан и патриотический призыв прекратить междоусобные распри и совместно выступить против половецкой опасности. Антикняжеская направленность Начального свода и явилась, по мнению А. А. Шахматова, причиной того, что новгородские летописцы XV в. (а по мнению Д. С. Лихачева — после 1136 г.) заменили текст ПВЛ в начале новгородской летописи («Софийского временника») именно текстом Начального свода.

Эта гипотеза А. А. Шахматова разделяется в основных своих чертах многими его последователями (М. Д. Приселковым, Л. В. Черепниным, А. Н. Насоновым, Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье и др.). Иное объяснение отличиям летописного текста в новгородских летописях от ПВЛ предложено В. М. Истриным, который считал, что новгородские летописцы сократили текст ПВЛ, и таким образом мы находим здесь не текст, предшествовавший ПВЛ, а восходящий к ней. Сомнения в существовании Начального свода высказывались также А. Г. Кузьминым.

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, Нестор, перерабатывая Начальный свод, углубил и расширил историографическую основу русского летописания: история славян и Руси стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам легендарного Ноя. Таким образом, русская история вводилась в рамки традиционной христианской историографии.

Именно этой историографической концепции была подчинена композиция ПВЛ. Рассказу Начального свода об основании Киева Нестор предпослал обширное историко-географическое введение, повествуя о происхождении и древнейшей истории славянских племен, определяя границы исконно славянских земель и территорий, ими освоенных. Нестор внес в летопись извлечения из Сказания о начале славянской письменности, чтобы лишний раз подчеркнуть древность и авторитетность славянской культуры. Описывая обычаи различных племен, обитающих на Руси, или народов дальних стран, сведения о которых Нестор приводит по переводу византийской *Хроники Георгия Амартола*, летописец подчеркивает мудрость и высокую нравственность полян, на земле которых находится Киев. Нестор укрепляет предложенную еще Никоном историографическую концепцию, согласно которой великие князья киевские ведут свой род от «призванного» новгородцами варяжского князя Рюрика. Переходя к изложению событий X—XI вв., Нестор в основном следует тексту Начального свода, но дополняет его новыми материалами: он вводит в ПВЛ тексты договоров Руси с Византией, пополняет рассказы о первых русских князьях новыми подробностями, почерпнутыми из народных исторических преданий: например, повествованием о том, как Ольга хитростью овладела столицей древлян Искоростенем, как юноша-кожемяка одолел печенежского богатыря, а старец спас осажденный печенегами Белгород от неминуемой капитуляции. Нестору принадлежит и заключительная часть ПВЛ (после окончания текста Начального свода), однако, как полагают, эта часть могла быть переработана в последующих редакциях ПВЛ. Именно под пером Нестора ПВЛ становится выдающимся памятником древнерусской историографии и литературы. По словам Д. С. Лихачева, «никогда ни прежде, ни позднее, вплоть до XVI в., русская историческая мысль не поднималась на такую высоту ученой пытливости и литературного умения» (Лихачев. Русские летописи, с. 169).

Таким образом, ПВЛ второй редакции содержит изложение древнейшей истории славян, а затем — истории Руси вплоть до 1100 г. ПВЛ, как уже сказано, начинается вводной частью, повествующей о происхождении и расселении славянских племен. Эта часть не имеет деления на погодные статьи. Первая дата в ПВЛ — 852 г., ибо с этого времени, по мнению летописца, «нача ся прозывати Руска земля». Далее рассказывается о так называемом призвании варягов (под 862 г.), о захвате Киева Олегом (под 882 г.), киевских князьях Игоре, Ольге, Святославе,

междоусобной борьбе сыновей Святослава, из которой победителем вышел Владимир. В рассказ о «испытании вер» Владимиром (под 986 г.) включено краткое изложение библейской истории (так называемая «Речь философа»). В статье 1015 г. повествуется об убийстве сыновей Владимира Бориса и Глеба их сводным братом Святополком. Этот сюжет лег в основу древнейших агиографических памятников — *Сказания о Борисе и Глебе* и Чтении о Житии и о погублении Бориса и Глеба, написанного Нестором. Повествуя о княжении сына Владимира — Ярослава, летописец (под 1037 г.) сообщает о развернувшейся при этом князе интенсивной переводческой и книгописной деятельности. Принципиальное значение для уяснения политического уклада Киевской Руси имеет рассказ ПВЛ о завещании Ярослава (под 1054 г.), ибо в нем определялась главенствующая роль Киева и киевского князя, которому должны были подчиняться остальные князья. В повествование о Ярославе и его преемниках на киевском великокняжеском столе — Изяславе (1054—1073 гг.), Святославе (1073—1078 гг.) и Всеволоде (1078—1098 гг.) вставлены обширные рассказы об основании Киево-Печерского монастыря (под 1051 и 1074 гг.) и о его игумене — *Феодосии* (под 1074 и 1091 гг.): эти темы будут подробнее развиты в Патерике Киево-Печерском и Житии Феодосия (см. *Нестор*). Постоянной темой ПВЛ является борьба с половецкими набегами (см., например, статьи 1068, 1093 и 1096 гг.). Заключительная часть ПВЛ рассказывает о княжении Святополка (1093—1113 гг.). В статью 1097 г. вставлен драматический рассказ об ослеплении Святополком и Давыдом Игоревичем князя Василька Теребовльского (см. *Василий*). Завершается вторая редакция ПВЛ неоконченным рассказом о чудесном явлении в Киево-Печерском монастыре (статья 1110 г.). В третьей редакции ПВЛ (по Ипатьевской летописи) рассказ этот читается полностью, а далее следуют статьи 1111—1117 гг.

О редакциях ПВЛ и их соотношениях существуют различные суждения. По гипотезе А. А. Шахматова, первая редакция ПВЛ (Нестора) была создана в Киево-Печерском монастыре в 1110—1112 гг. После смерти покровительствовавшего монастырю князя Святополка летописание было передано в Выдубицкий Михайловский монастырь, где в 1116 г. игумен *Сильвестр* перерабатывает заключительные статьи ПВЛ, положительно оценивая деятельность Владимира Всеволодовича Мономаха, ставшего в 1113 г. великим князем Киевским. В 1118 г. по поручению новгородского князя Мстислава Владимировича составляется третья редакция ПВЛ.

Однако не все детали этой гипотезы в равной мере убедительны. Во-первых, существуют различные суждения о дате составления первой редакции ПВЛ и о ее объеме. Сам А. А. Шахматов то относил ее создание к 1110 г., то допускал, что труд Нестора был продолжен до 1112 г., то полагал, что сам Нестор довел его до 1112 г. (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. XV, XVIII, XXI и XLI). М. Д. Приселков указывает на 1113 г. как

на время составления первой редакции, основываясь, в частности, на расчете лет в статье 852 г., доведенном до смерти Святополка в 1113 г., но Шахматов считал упоминание смерти Святополка в этом перечне вставкой, сделанной Сильвестром (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. XXVII). Во-вторых, допущение, что «главное внимание Сильвестра было направлено на переделку Несторова изложения за 1093—1113 гг., т. е. за время княжения Святополка» основано лишь на предпосылке, что «летопись князя Святополка» (т. е. первая редакция ПВЛ) «оказалась враждебной новому Киевскому князю Мономаху, давнему политическому врагу Святополка» (Приселков. История русского летописания, с. 42). Но доказать этот тезис невозможно, поскольку первая редакция не сохранилась. Объем и характер редакторской работы Сильвестра не ясен. А. А. Шахматов то указывал, что «основная редакция Повести вр. лет при переделке ее Сильвестром исчезла совсем» (Повесть временных лет, т. 1, с. XVII), то наряду с этим допускал, что Сильвестр, «можно думать, ограничил свою работу редакционными поправками» (с. XXVII). Допущение Шахматова, что ПВЛ первой редакции была использована одним из составителей *Патерика Киево-Печерского — Поликарпом* (см. там же, с. XIV—XV), развито М. Д. Приселковым в предположение, что Сильвестр «главным образом просто опускал весьма любопытные рассказы Нестора в пределах этих годов, касавшиеся в большинстве случаев отношения Святополка к Печерскому монастырю» (Приселков. История русского летописания, с. 42). Однако приводимые Шахматовым (Повесть временных лет, т. 1, с. XIV) примеры известий, возможно, отразившихся в Киево-Печерском патерике, содержат негативную характеристику Святополка. Их присутствие в летописи, составленной под его покровительством, и последующее устранение из летописи, ему враждебной (как считал Приселков), весьма странно. В-третьих, наличие во второй редакции фрагментов текста, относимых Шахматовым к третьей редакции, заставляет его допускать вторичное влияние третьей редакции на вторую (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. V—VI), что существенно ослабляет его гипотезу. Поэтому предпринимались попытки иначе объяснить взаимоотношения древнейших списков ПВЛ. Так, Л. Мюллер предложил гипотезу, согласно которой вторая редакция ПВЛ (1116 г.), составленная Сильвестром, дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, а в Лаврентьевской и подобных ей мы находим отражение той же редакции, но с утраченным концом (статьями 1110—1115 гг.). Существование третьей редакции ПВЛ (1118 г.) Мюллер считает вообще недоказанным. М. Х. Алешковский также видел в Лаврентьевском списке копию редакции, представленной Ипатьевским списком, а Нестору приписывал летописный свод, отразившийся в летописи Новгородской первой. Таким образом, взаимоотношение древнейших списков ПВЛ и установление древнейших ее редакций еще требует дальнейшего изучения.

Много исследований посвящено языку ПВЛ. Их обзор см. в кн.: Творогов О. В. Лексический состав. с. 3—8, 16—21.

Изд.: Летопись Нестерова, по списку инока Лаврентия, издавали профессоры: Харитон Чеботарев и Н. Черепанов с 1804 по 1811 г. М. (изд. не заверш.); Летопись Нестерова по древнейшему списку мниха Лаврентия / Изд. проф. Тимковского, прерывающееся 1019 г. Напечатано при ОЛДП. М., 1824; Ипатьевская летопись. СПб., 1843 (ПСРЛ, т. 2) — текст ПВЛ 3-й ред. с 1111 по 1117 г., с. 1—8; Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846 (ПВЛ 2-й ред., с. 1—123); Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. ком. СПб., 1872, с. 1—274; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872 (фототип. воспроизв. ркп); Chronique dite de Nestor / Trad. par L. Leger. Paris, 1884 (пер. на фр. яз.); Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908, стб. 1—285 (ПСРЛ, т. 2) (фототип. воспроизв. изд.: М., 1962); Nestorkrönikan översätting från fornryskan av A. Norrback. Stockholm, 1919 (пер. на швед. яз.); Лаврентьевская летопись: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926 (ПСРЛ, т. 1, вып. 1) (фототип. воспроизв. изд.: М., 1962); Die altrussische Nestorchronik / Herausgeg. von R. Trautmann. Leipzig, 1931 (пер. на нем. язык); Cronica lui Nestor / Trad. de Gh. Popa-Lisseanu. Bucureşti, 1935 (пер. на рум. яз.); Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подг. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; ч. 2. Приложения / Статьи и ком. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»); The Russian Primary Chronicle / By S. H. Cross, O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge Mass., 1953 (пер. на англ. яз.); Nestorův letopis ruský. Pověst dávných let. Přeložil K. J. Erben. Praha, 1954 (пер. на чеш. яз.); Powieść minionych lat. Przekład F. Sielickego. Wrocław, 1968 (пер. на польск. яз.); Повесть временных лет / Подг. текста и ком. О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева. — ПЛДР. XI—1-я пол. XII в. 1978, с. 22—277, 418—451; Повесть временных лет / Подг. текста и примеч. О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачев. — В кн.: Повести Древней Руси XI—XII вв. Л., 1983, с. 23—227, 524—548.

Лит.: Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856; Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. — ЛЗАК, 1868, вып. 4, отд. 1, с. I—IV, 1—157, 1—138 (Прилож.); Некрасов Н. П. Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи. — ИОРЯС, 1896, т. 1, с. 832—927; 1897, т. 2, кн. 1, с. 104—174; Шахматов А. А. 1) Древнейшие редакции Повести временных лет. — ЖМНП, 1897, октябрь, отд. 2, с. 209—259; 2) О начальном Киевском летописном своде. — ЧОИДР, 1897, кн. 3, отд. 3, с. 1—58; 3) Начальный киевский летописный свод и его источники. — В кн.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изд. его учениками и почитателями. М., 1900, с. 1—9; 4) Разыскания; 5) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, 1909, т. 13, кн. 1, с. 213—270; 6) Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916 (ЛЗАК, 1917, вып. 29); 7) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 11—150; 8) Киевский Начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов: 1864—1920 / Сб. статей и матер. под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947, с. 117—160; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. ИОРЯС за 1921, 1923, т. 23, с. 45—102; за 1922, 1924, т. 24, с. 207—251; Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры / К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930 (Сб. по РЯС, т. 2, вып. 1); Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 16—44; Бугославский С. «Повесть временных лет»: (Списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: Старинная русская повесть / Статьи и исслед. по ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941, с. 7—37; Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Пробл. ее ист.-лит. изуч. Л., 1946 (на обложке 1947 г.) (переиздано

в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 42—97); Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 35—172; 2) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 240—265; 3) Повесть временных лет. В кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. 2-е изд. М., 1979, с. 46—140; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 293—333; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По матер. летописей). — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1949, т. 80; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 215—300; Алешковский М. Х. 1) «Повість временних літ» та її редакції. — Укр. іст. журн., 1967, № 3, с. 37—47; 2) Первая редакция Повести временных лет. — АЕ за 1967 г. М., 1969, с. 13—40; 3) К датировке первой редакции Повести временных лет. — АЕ за 1968 г. 1970, с. 71—72; 4) Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971; Müller L. Die «Dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik. — In.: Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 171—186; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 72, 255—257; Кузьмин А. Г. 1) Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969; 2) Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. (по материалам летописания XI—XII вв.). — ВИ, 1971, № 10, с. 55—76; 3) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Насонов А. Н. История русского летописания X—нач. XVIII в. М., 1964, с. 12—79; Творогов О. В. 1) Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 31—66; 2) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 99—113; 3) Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 3—26; 4) Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984; Душечкина Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании. — Учен. зап. Тартус. унив., 1973, вып. 306 (Тр. по рус. и славян. филол., т. 21, с. 65—104); Поппэ А. В. К вопросу об ультрамартовском стиле в Повести временных лет. — История СССР, 1974, № 4, с. 175—178; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975, с. 15—20, 49—65, 130—132, 229—247; Громов М. Н. 1) Древнерусская философия истории в «Повести временных лет». — В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1975, вып. 2, с. 3—13; 2) «Речь философа» из древнерусской летописи «Повесть временных лет». — Филол. науки, 1976, № 3, с. 97—107; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975; Handbuch zur Nestorchronik / Herausgeg. von L. Müller. München, 1977, Bd 1—3, I. Lieferung; Кизилов Ю. А. Историческое мировоззрение авторов Повести временных лет. — ВИ, 1978, № 10, с. 61—78; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979; Пауткин А. А. Батальные описания «Повести временных лет»: (Своеобразие и разновидности). — Вестн. МГУ. Сер. 9, Филол., 1981, № 5, с. 13—21; Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык: Источники, время и место написания. — Byzantinoslavica, 1985, t. 46 (1), s. 121—130.

О. В. Творогов

Повесть о Акире Премудром — переводной памятник, восходящий к ассирийской повести V—VII вв. до н. э. П. получила распространение у различных народов: известны ее арамейская, арабская, армянская, грузинская, румынская и славянская версии. Перевод П. на Руси осуществлен, возможно, уже в XI—XII вв. Источник, с которого сделан перевод, окончательно не установлен. А. Д. Григорьев склонялся к признанию сирийского

оригинала перевода, Н. А. Мещерский также допускал, что перевод сделан по сирийской версии. А. А. Мартиросян доказывает близость славянского текста к армянской версии П.

В П. рассказывается о мудром советнике ассирийского царя Синагрипа — Акире. Бездетный Акир в старости, по божественному повелению, принял в дом и воспитал вместо сына своего племянника Анадана. Акир представил его царю как своего преемника. Однако Анадан оклеветал Акира перед царем, и старый мудрец был приговорен к смерти. Друг Акира и жена осужденного хитростью сохраняют ему жизнь и скрывают в подземелье. Тем временем египетский фараон, узнав о гибели Акира, предъявляет Синагрипу невыполнимое требование — построить дворец между небом и землей. Царь в отчаянии. Узнав, что советник его жив, он прощает его и посылает к фараону. Акир мудро отклоняет требование египтян, разгадывает предложенные загадки и с богатыми дарами возвращается в Ассирию. Синагрип выдает Акиру коварного Анадана, и тот, не выдержав укоров и поношений, которыми осыпает его Акир, лопается от злости.

Сюжет П. сочетает традиционную фольклорную фабулу (типа фабулы «император и аббат»; см.: Андерсон В. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916, т. 1), когда слабый (незнатный, юный, лишенный заслуженных привилегий и т. д.) герой одолевает благодаря смекалке или силе могучего (жестокого, хитрого) противника: в П. Акир не только невинно осужден, он также является к фараону под видом простого конюха. Другой сюжетный компонент — свод изречений и афоризмов, с которыми обращается Акир к Анадану; этот перечень наставлений занимает около четвертой части объема П.

Оба названных сюжетных компонента присутствуют во всех версиях П. и сохраняются во всех ее переработках.

Древнейший текст древнерусского перевода П. сохранился лишь в трех списках: двух списках XV в. (ГБЛ, собр. ОИДР, № 189 и ГИМ, собр. Вахрамеева, № 427) и списке XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 246). Однако список ОИДР крайне неисправен, изобилует ошибками и искажениями, а список Вахрамеевский не имеет конца. В ныне утраченном (но изданном Н. Дурново) Соловецком списке XVI или XVII вв. часть текста П. принадлежит к первой редакции, а часть к ее переработке (второй редакции). П. в древнейшей редакции (как можно предположить на основании выписок Н. М. Карамзина) находилась в составе Мусин-Пушкинского сборника вместе со «Словом о полку Игореве».

Известны также две поздние переработки П., старшие списки которых датируются началом XVII в.: Краткая редакция и Распространенная (их тексты изданы в ПЛ, перечень списков и анализ см. в кн.: «Истоки русской беллетристики»). В этих редакциях текст П. несколько сокращен и заметно русифицирован: Акир приобретает черты благочестивого праведника—христианина, а царь Синагрип (Синограф) напоминает теперь не восточного

владыку, а простоватого царя из народной сказки. Переработки П. продолжали появляться и в начале XVIII в., и позднее, в старообрядческой среде, вплоть до конца XIX в.

Остается неясным происхождение имен Акира и Синагрипа в «Слове о святом Феостирикте» (см. публикацию Хр. Лопарева в 94 вып. ПДП за 1893 г. и статью Г. Н. Потанина «Акирь повести и Акирь легенды» (Этнографическое обозрение, 1895, кн. 25, с. 105—125)). Более определенно можно говорить о влиянии П. на «Моление» *Даниила Заточника*, Повесть о Горе-Злочастии. По предположению некоторых исследователей, П. влияла также на былину об Илье Муромце и Калине царе. Сказка по мотивам П. опубликована в кн.: Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пгр. 1917, вып. 2, с. 757—758.

Изд.: Полевой Н. Древнерусские повести. — Рус. вестн., 1842, № 1, отд. 2, с. 54—65; Пыпин А. Н. Очерки из старинной русской литературы. — Отеч. зап. 1855, № 2, отд. 2, с. 116—150; Повесть о премудром Акире. — ПЛ, вып. 2, с. 359—370; Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром: Исслед. и тексты. М., 1913; Дурново Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. М., 1915, 1. К истории повести об Акире. Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром». — ИОРЯС, 1916, т. 21, кн. 1, с. 262—278; Повесть об Акире Премудром / Подг. текста, пер. и ком. О. В. Творогова. — ПЛДР. XII век. 1980, с. 246—281, 656—658.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816, т. 3, примеч. 272; Полевой Н. Древний русский перевод арабской сказки. — Московский телеграф, 1825, № 11, с. 227—235; Пыпин А. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 63—85; Буслаев Ф. И. Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1861, т. 1, с. 579—581; Бессонов П. Заметка. — В кн.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862, ч. 2, с. CCIV—CCXXX; Халанский М. Г. Южнославянские сказания о кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1895, с. 511—520; Миллер В. Ф. Рец. на «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XVIII—XIX, XX». — ЖМНП, 1895, июль, с. 207—211; Григорьев А. Д. 1) К вопросу о происхождении и редакциях Повести об Акире Премудром. — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 107—113; 2) Повесть об Акире Премудром как художественное произведение. — Варш. унив. изв., 1913, № 4, с. 1—60; Истрин В. М. Новые исследования в области славяно-русской литературы. — ЖМНП, 1914, июнь, с. 333—365; Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, с. 302—328; Назаревский А. А. Повесть об Акире Премудром в исследовании А. Д. Григорьева. Киев, 1915, с. 3—35. Отд. отт. из ЧИОНЛ, кн. 25, вып. I (том в целом не вышел); Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 56—63; Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, 1964, т. 20, с. 205—206; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 163—180; Мартиросян А. А. История и поучения Хикара Премудрого. Автореферат доктор. диссертации. Ереван, 1970; Пиотровская Е. К. 1) Усть-цилемская обработка «Повести об Акире Премудром». — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 378—383; 2) О III русской редакции Повести об Акире Премудром. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, т. 10, с. 323—327.

О. В. Творогов

Повесть о битве на Калке — летописная повесть, рассказывающая о первом столкновении русских с монголо-татарами. В 1223 г. тридцатитысячный отряд монголо-татар под предводительством Джебе и Субедея вышел через Закавказье в степь и разгромил половцев, которые бежали за Днепр. Русские князья на съезде в Киеве решили оказать помощь половцам, и коалиция, состоявшая из большинства тогдашних князей за исключением Юрия Всеволодовича Владимирского, выступила в поход. Однако из-за феодальных распрей русско-половецкая рать потерпела жестокое поражение в сражении с монголо-татарами на реке Калке 31 мая 1223 г.

Происхождению и взаимоотношению трех первоначальных версий П., содержащихся в *Летописях Лаврентьевской, Новгородской первой* и *Ипатьевской*, посвящен целый ряд исследований, из которых последнее и наиболее обстоятельное принадлежит Д. Феннеллу. В Лаврентьевскую летопись вошла краткая редакция П., содержащая лишь деловой перечень событий. Считается, что рассказ о битве на Калке в Лаврентьевской летописи восходит к владимирской великокняжеской летописи 1228 г., куда он, очевидно, попал из Летописца Переяславля Русского. В Лаврентьевской летописи этот рассказ был переработан ростовским летописцем, который значительно сократил повествование и включил сведения о Васильке Константиновиче, счастливо избежавшем поражения на Калке. Начальная часть рассказа о сражении на Калке в Лаврентьевской летописи находит точную аналогию в НIЛ. Существует предположение, что эта часть восходит к рязанскому летописанию.

В основе подробного варианта П. НIЛ лежит южнорусский летописный рассказ; по мнению Д. Феннелла, это — летопись Мстислава Романовича, киевского великого князя (которая, как считает ученый, использована также в Лаврентьевской летописи). Для рассказа о сражении на Калке НIЛ характерно сочувственное отношение к великому князю Мстиславу Романовичу, который не обратился в бегство, но вместе со своим зятем Андреем и князем Александром Дубровским устроил на высоком берегу Калки ограду из кольев и мужественно оборонялся, пока не был предательски выдан монголо-татарам. Резко враждебное отношение к половцам и бродникам естественно для южнорусского летописца. Самый характер повествования свидетельствует против новгородского происхождения этой версии. Наиболее противоречивые мнения были высказаны о происхождении того варианта П., который входит в Ипатьевскую летопись. Л. В. Черепнин (Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 244—245) предполагал даже, что этот вариант первоначально существовал как самостоятельный текст. Д. Феннелл считает, что версия П., содержащаяся в Ипатьевской летописи, восходит к южнорусскому, возможно черниговскому, источнику, независимому от Лаврентьевской и НIЛ. Дублирующиеся известия объясняются более поздними вставками западнорусского происхождения, которые были сде-

ланы с целью прославить потомков князя Романа Галицкого (ср. рассказ о ратных подвигах князя Даниила Романовича).

П. о битве на Калке в позднейших летописных сводах представляет собой различные комбинации сведений, почерпнутых из трех первоначальных версий. К особому источнику восходят лишь некоторые *«избыточные» известия*, содержащиеся в своде 1448 г. (протографе СIЛ и НIVЛ). Если А. В. Эммаусский возводит их *к киевской летописи* (источнику П. в составе НIЛ), то Д. Феннелл доказывает смоленское происхождение этих известий. Особый интерес представляет вставка, сделанная в своде 1448 г., сообщающая о гибели на Калке 70 «храбров» во главе с Александром Поповичем. Эта вставка, которая сохранилась и в позднейших летописных сводах, была сделана не раньше XV в. Летописные известия об Александре Поповиче, герое былин Алеше Поповиче, были изучены Д. С. Лихачевым. Подробный рассказ об Александре Поповиче читается в Тверском сборнике (в той его части, которая является сводом 1534 г.; считается, что составитель этого свода был ростовцем). Рассказ о нем, вставленный в П., интересен своей антикняжеской направленностью: летописец объясняет поражение на Калке «гордостью» и «высокоумием» русских князей и именно в связи с этим приводит рассказ об Александре и его слуге Торопе. Александр Попович участвовал в усобице между сыновьями владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, Юрием и Константином, на стороне Константина. После смерти Константина, опасаясь мести Юрия, Александр вместе с другими «храбрами» принял решение служить Мстиславу Романовичу Киевскому. Сообщение о гибели в сражении на Калке Александра и 70 других «храбров» находит параллель в известной былине о том, как на Руси перевелись богатыри. Подробный рассказ об Александре Поповиче, несомненно фольклорного происхождения, вставлен в летопись из какого-то ростовского источника; не случайно в этом рассказе упоминаются местные ростовские урочища.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1863, т. 15, стб. 335—343 (репринт: М., 1965); СПб., 1908, т. 2, 2-е изд., стб. 740—745 (репринт: М., 1962); Л., 1925, т. 5, вып. 1, 2-е изд., с. 202—207; Л., 1926, т. 1, вып. 1, 2-е изд., стб. 445—447 (репринт: М., 1961); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 61—63; ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 132—135, 148—161; За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV вв. М., 1981, с. 130—137.

Лит.: К [у н и к А. А.] О признании 1223 года временем битвы при Калке. — Ученые записки имп. Академии Наук по первому и третьему отделениям, 1854, т. 2, с. 765—787; С е р д о б о л ь с к а я Л. А. 1) К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке. — Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического ин-та, Ставрополь, 1947, вып. 1, с. 135—143; 2) К вопросу о месторасположении острова Варяжского на Днепре (Историко-географические заметки). — Там же, Пятигорск, 1949, вып. 4, с. 213—217; Л и х а ч е в Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 17—51; К у д р я ш о в К. В. О местоположении реки Калки. — ВИ, 1954, № 9, с. 118—119; В о д о в о з о в Н. В. Повесть о битве на реке Калке. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1957, т. 67. Кафедра русской литературы, вып. 6,

с. 3—19; Эммаусский А. В. Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу. — Учен. зап. Кировск. гос. пед. ин-та, вып. 17, факультет ист.-филол. Киров, 1958, т. 1, с. 59—109; Свердлов М. Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке». — Вестн. ЛГУ, 1963, № 2. Сер. ист. яз. и лит., вып. 1, с. 139—144; Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems. — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 1980, Bd 27, p. 18—31; Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981, с. 79—103.

Д. М. Буланин

Повесть о битве на Липице — летописная повесть о битве, произошедшей в 1216 г. на реке Липице (невдалеке от города Юрьева Польского) между новгородцами, предводительствуемыми Мстиславом Удалым, и ростовцами во главе с Константином Всеволодовичем, с одной стороны, и владимиро-суздальской ратью, возглавляемой Юрием и Ярославом Всеволодовичами — с другой. Битва была выиграна новгородцами, и великокняжеское, владимиро-московское летописание вплоть до второй половины XV в. не включало рассказа о ней (упоминалось только столкновение между владимирскими князьями — Константином, Юрием и Ярославом в 1217 г.). Наиболее ранняя версия П. читается в *Летописи Новгородской первой* старшего (XIII—XIV вв.), а затем и младшего извода. Повествование НIЛ выдержано в стиле, характерном для этого памятника — изложение, включая реплики действующих лиц, лаконично; авторская оценка событий ограничивается двумя патетическими восклицаниями («О, мъного победы, братье. .», «О, велик е, братье, промысл божий. .»). Принадлежность рассказа новгородскому автору не вызывает сомнений.

В общерусское летописание П. была введена сводом 1448 г., отразившимся в НIVЛ и СIЛ. В этих летописях рассказ НIЛ подвергся значительному расширению. Как и в новгородском рассказе, героем здесь выступает Мстислав Удалой, которому противостоят «възнесшиеся славою» Юрий и Ярослав. В рассказ введены сцены переговоров между желающими мира и справедливости новгородцами и их надменными противниками и описание пира в шатре Юрия и Ярослава, во время которого боярин Творимир призывает князей проявить умеренность и уступить княжение старшему брату Константину, а другой боярин заранее хвастается победой — «право, навержем их седлы»; Юрий и Ярослав слушаются последнего советника. Новгородский рассказ в своде 1448 г. дополнен по источнику, связанному со смоленскими Ростиславичами, к которым принадлежал Мстислав Удалой (князья Ростиславичи именуются здесь «нашими князьями»); тенденция рассказа (обсуждение междукняжеских распрей и уважение к «старейшинству» в княжеском роде) совпадают с общими тенденциями свода 1448 г.

Большинство московских сводов заимствовало П. из СIЛ. Свод начала 70-х гг., отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, несколько смягчил критику владимирских князей в повести; более радикально та же тенденция об-

наруживается в Московском своде 1479 г. и близкой к нему в первой части (до XV в.) Ермолинской летописи.

В Сокращенных сводах конца XV в. сохранилось краткое сообщение о битве на реке Где (Гзе) (рядом с Липицей) в 1217 г., в которой участвовали ростовские «храбры» (богатыри) «Добрыня Золотый пояс да Александро Попович с своим слугою с Торопомь», тот же ростовский рассказ с упоминанием Александра Поповича в более подробном виде сохранился и в летописи XVI в. — Тверском сборнике под 1216 г. (Липица) и 1224 г. (вставка о Липице в *Повести о битве на Калке*). Из других летописей XVI в. Воскресенская довольно точно передала рассказ Московского свода, а Никоновская сильно распространила его, введя, в частности, заимствования из ростовского рассказа. Степенная книга противопоставила П. прямо противоположный по духу рассказ (в составе «степени», посвященной Ярославу Всеволодовичу — предку владимиро-московских князей), в котором Ярослав, резко осуждавшийся в П., выступал в роли «благоверного и богохранимого князя», а герой П. Мстислав изображался завистником и зачинщиком кровопролития.

Изд.: Летопись по Воскресенскому списку. — ПСРЛ, СПб., 1856, т. 7, с. 120—124; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. — ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 318—325; Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, 1915, т. 4, вып. 1, ч. 1, с. 186—197; Софийская первая летопись. — ПСРЛ, 1925, т. 5, вып. 1, с. 193—201; Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 111—114; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 55—57, 254—257; Вологодско-Пермская летопись. — ПСРЛ, 1959, т. 26, с. 61—66; Никаноровская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 27, с. 38—41; Сокращенные летописные своды конца XV в. — Там же, с. 234, 320; Повесть о битве на Липице / Подг. текста, пер. и ком. Я. С. Лурье. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 114—127, 539—543.

Лит.: Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. — ТОДРЛ, 1979, т. 34, с. 96—115.

Я. С. Лурье

Повесть о Варлааме и Иоасафе — переводная повесть, широко распространенная в древнерусской письменности. П. — одно из самых распространенных произведений мировой литературы средневековья. Она известна в огромном числе переводов и переработок более чем на 30 языках народов Азии, Европы и Африки. Мнения исследователей о происхождении П. существенно расходятся. Наиболее устойчиво мнение об индийском происхождении П., в основу которой якобы положено легендарное жизнеописание Будды; передаваясь от одного народа к другому, П. обрела христианизованный облик, и основатель религии буддизма превратился в царского сына Иоасафа, перешедшего от идолопоклонства к вере в Христа (Ф. Либрехт, акад. А. Н. Веселовский и др.). Менее распространена, но представляется более справедливой другая точка зрения, согласно которой царевич Иоасаф не является христианской ипостасью Будды; П. и жизнеописания Будды имеют гораздо более существенных различий, чем общих особенностей, и создана она не в Индии, а скорее

в Центральной Азии (А. И. Кирпичников, Б. И. Кузнецов). Значительно лучше изучен путь распространения П.: созданная в своем первоначальном виде в Центральной Азии, П. уже к VIII в. была переведена с пехлевийского на арабский язык, а с него на несколько других, в том числе на грузинский. С грузинского языка в кон. X—нач. XI в. в Иверском монастыре на Афоне был сделан греческий перевод (вернее, переработка, со значительными дополнениями) Ефремием Святогорцем, выдающимся деятелем грузинской средневековой литературы. Об авторстве Ефремия по отношению к греческой версии свидетельствуют разноязычные источники: грузинские, греческие, латинские. Тем не менее делались настойчивые попытки (Ф. Дэльгер) приписать авторство греческой версии Иоанну Дамаскину, византийскому философу, богослову и поэту (VIII в.). Греческая версия через два латинских перевода дала начало многим переводам и переработкам на западноевропейские языки; с нее также были сделаны переводы армянский, арабо-христианский и древнеславянские. О происхождении П. см.: Dölger F. Der griechische Barlaam-Roman, ein Werk des h. Joannes von Demascos. Ettal, 1953; Нуцубидзе Ш. И. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956; см. также издание арабской и грузинской версии П.: Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе царевиче индийском / Пер. с араб. акад. В. Р. Розена / Под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947; Балавариани. Мудрость Балавара / Предисл. и ред. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1962.

Своим широчайшим распространением среди разных народов П. обязана прежде всего своим почти сказочным сюжетом. У индийского царя Авенира рождается долгожданный сын Иоасаф, которому звездочеты предсказывают будущее великого христианского подвижника. Царь-идолопоклонник помещает сына в изолированный от внешнего мира дворец, чтобы тот не мог ниоткуда узнать о ненавистной царю вере. Но божиим промыслом о царевиче узнает пустынник Варлаам, под видом купца проникающий во дворец и наставляющий царевича в христианской вере. В конце концов после многих испытаний Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму, где вместе с ним предается отшельническому подвигу. После смерти обоих на их могиле происходят чудеса и исцеления. Возникшая на востоке как рассказ о благочестивом царевиче, в своем дальнейшем распространении П. стала восприниматься как житие святых подвижников, и главные ее герои вошли в церковные календари у грузин, греков, славян и народов Западной Европы. Успеху П. немало способствовал также ее характер диалога между учителем и учеником, причем учитель излагает сложнейшие догматические истины в виде многочисленных притч, широко известных у многих народов.

В настоящее время известны три древнеславянских перевода П.: древнерусский, сербский и среднеболгарский. Древнейшим из них является древнерусский перевод, сделанный, по-видимому,

в Киеве не позже начала XII в. Об этом можно судить по тому, что уже в состав первой редакции русского Пролога были внесены пять притч из этого перевода П., дополненные толкованиями русского книжника. Две из них были использованы вместе с проложными толкованиями *Кириллом Туровским* в его «Притче о белоризце». В XV в. был составлен так называемый Афанасиевский извод этого перевода на основе списка, в котором первоначальный текст был несколько сокращен, причем автор этого извода внес целый ряд дополнений. Распространившись в составе Пролога и в виде Афанасиевского извода, П. в своем полном первоначальном виде оказалась вытесненной ими, известно лишь пять списков полного текста, все они XVI в. (ГПБ, Солов. собр., № 208; ГБЛ, собр. Большакова, № 210; ГИМ, собр. Хлудова, № 60 и др.). Князь Андрей Курбский редактировал текст этого перевода по латинскому тексту П. и включил отредактированный текст в собрание своих переводов произведений Иоанна Дамаскина.

Сербский перевод был сделан, по-видимому, на Афоне, время его установить трудно, старейшие списки относятся к XIV в. Уже в житии краля Стефана Милутина (1275—1321), составленном архиепископом Даниилом Сербским, цитируется П., а в росписи Студеницкой богородичной церкви, сделанной в 1209 г. при Савве Сербском, есть изображение Варлаама и Иоасафа. Сербский перевод П. широко распространился у сербов, болгар и русских. На полях Киевской Псалтири 1397 г. есть иллюстрация притчи об инороге, к которой приписан текст из сербского перевода Повести. В XVII в. известен полный русский список этого перевода (ГПБ, Соф. собр., № 1365). П. по этому изводу трижды издавалась на Руси: в Кутейне в 1637 г. на белорусском языке, в 1680 г. в Москве Симеоном Полоцким, в 1689 г. в Киеве в составе миней Димитрия Ростовского.

Среднеболгарский перевод, или, вернее, извод П. был сделан в XIV в. в лавре св. Афанасия на Афоне в числе многих других книг выдающимся болгарским книжником старцем Иоанном. Старец Иоанн отредактировал текст сербского перевода, вновь сверив его с греческим оригиналом и внеся многочисленные исправления и уточнения, так что отредактированный текст стал самостоятельным изводом и получил другое заглавие. Болгарский извод широко распространился в болгарских и русских списках, среди русских списков несколько лицевых, число миниатюр в них доходит до 200. Список 1629 г. этого извода издан в серии ОЛДП. Болгарский текст П. был использован Иосифом Волоцким в его «Просветителе». С болгарского текста был сделан в XVII в. румынский перевод П.

Древнеславянские переводы П. имели широкое хождение на Руси. В каждой монастырской библиотеке, о чем можно судить по старым описям, было по нескольку ее списков. Сохранились многочисленные изображения сюжетов П. в росписях, иконах и миниатюрах рукописей. В XVII в. П. послужила основой для создания одной из первых пьес русского театра. Русская клас-

сическая литература также использовала ее сюжеты (В. А. Жуковский, А. Н. Майков, Л. Н. Толстой, П. И. Мельников-Печерский).

Изд.: Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынника и Иоасафа царевича Индийского. СПб., 1887 (ОЛДП, № 88); ВМЧ, ноябрь, дни 16—22. М., 1914, стб. 2704—2891; Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подг. текста, пер. и ком. И. Н. Лебедевой. — В кн.: ПЛДР, XII век. М., 1980, с. 196—225, 653—654; Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подг. текста, иссл. и ком. И. Н. Лебедевой. Л., 1984.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 125—135; Кирпичников А. И. Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876; Веселовский А. Н. 1) Византийские повести и Варлаам и Иоасаф. — ЖМНП, 1877, июль, с. 122—154; 2) О славянских редакциях одного аполога Варлаама и Иоасафа. — Зап. имп. АН, 1879, т. 34, с. 63—66 (см. также: СОРЯС, 1879, т. 20, № 3, с. 1—8); Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1881, т. 2, с. 126—127; Новаковић С. Варлаам и Іоасаф: Прилог к познаваңу упоредне литерарне и хришћанске белетристике у срба, бугара и руса. У Београду, 1881; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 3, с. 64—66, 561—564, 689; кн. 4, с. 534, 738—748; Франко І. Варлаам і Йоасаф, старохристиянський духовний роман и его літературна істория. — ЗНТШ, 1895, т. 8, с. 1—28; Доп., с. I—XVI; 1896, т. 10, с. 29—80; 1897, т. 18, с. 81—134; т. 20, с. 135—202; Шляпкин И. А. Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898 (ПДП, № 128); Успенский В., Писарев С. Лицевое житие преподобного Иоасафа царевича индийского. СПб., 1908; Кадлубовский А. П. К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе. — РФВ, 1915, т. 29, № 2, с. 224—248; Попов Н. П. Афанасиевский извод Повести о Варлааме и Иоасафе. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 189—230; Абрамович Д. И. Повесть о Варлааме и Иоасафе в Четьих Минеях Димитрия Ростовского. — В кн.: Юбилейна збірка М. С. Грушевському. Київ, 1928, с. 729—743; Piskorski S. Żywot Barlaama i Jozafata. Wyd. i wstępem poprzedził J. Janów. Lwów, 1935, s. V—CCVIII; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 69—77; Адрианова-Перетц, Покровская. Древнерусская повесть, с. 51—74; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 162—167; Назаревский. Библиография, с. 61—85; Творогов О. В. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 380—383; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 154—163; Кузнецов Б. И. Повесть о Варлааме и Иоасафе: (К вопросу о происхождении). — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 248—245; Лебедева И. Н. 1) О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 246—252; 2) К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 41—53; 3) Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, 1984, т. 38, с. 39—53; Итигина Л. А. Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе». — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 259—265; Сидорова Л. П. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого. — В кн.: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, с. 134—151.

И. Н. Лебедева

Повесть о взятии Царьграда фрягами — древнерусская повесть о событиях в Византии в начале XIII в.

Древнерусская повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. во время четвертого крестового похода в старших

своих списках (в составе *Летописи Новгородской первой*) не озаглавлена, представляя обычную годовую статью, но в СIЛ носит название «О взятьи богохранимого Царяграда», а в Летописце Еллинском и Римском — «О взятьи богохранимого Костянтинаграда от фряг». Автор П. неизвестен, но полагают, что им был русский, находившийся в Византии либо непосредственно в момент взятия города крестоносцами, либо вскоре после описываемых событий. Возникавшее предположение, что автором был Добрыня Ядрейкович (*Антоний, архиепископ новгородский*), не имеет под собой достаточных оснований. Старшие тексты П. находятся в составе новгородской летописи, но возможно и южнорусское происхождение ее автора.

П. представляет собой ценный исторический источник. Позиция ее автора достаточно нейтральна: он не является ни апологетом византийцев, которых упрекает в «сваде» (распре), приведшей в конечном счете к захвату города, ни сторонником «фрягов»: он откровенно описывает грабеж и насилия, чинимые крестоносцами, хотя и упоминает, что все это делалось вопреки повелению императора и папы. Автор весьма точен в описании обстоятельств осады и взятия города, он хорошо знает топографию столицы. Его рассказ поэтому позволяет корректировать и дополнять сообщения других источников. Отразились в П. народные слухи и легенды, возникавшие по поводу произошедших событий: легендарен, видимо, рассказ о подробностях бегства царевича Алексея в бочке с двойным дном, о количестве сокровищ, разграбленных «фрягами». Язык П. прост и выразителен, стиль повествования напоминает стиль древнерусских летописей. Н. А. Мещерский подчеркивает «лаконичное, полное внутренней энергии построение речей, обилие в них исконно русской лексики». «Летописный стиль, — продолжает исследователь, — прослеживается и в описаниях боевых действий, когда мы встречаемся с точным употреблением воинской терминологии» (М е щ е р с к и й. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г., с. 132).

П. сохранилась в трех группах списков: во-первых, она вошла в состав НIЛ — Синодального списка Старшего извода (в часть, датируемую XIII в.), и списков Младшего извода — Комиссионного (сер. XV в.), Академического (XV в.) и восходящих к ним Воронцовского и Толстовского списков. Вторая группа списков находится в составе летописных сводов XV—XVI вв.: СIЛ, Вологодско-Пермской, Воскресенской, Никоновской и др. летописей. В-третьих, П., видимо, через посредство летописного свода середины XV в. вошла в состав второй редакции Летописца Еллинского и Римского, см. списки БАН, 33.8.13; ГБЛ, собр. Пискарева, № 152, собр. Егорова, № 867; ГИМ, Синод. собр., № 86. В списках: ГИМ, Чуд. собр., № 51/353 и ГПБ, собр. ОЛДП, F. 33 текст П. сохранился не полностью.

Изд.: (кроме публикаций в составе летописей): Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. / Подг. текста, пер. и примеч. О. В. Творогова. — В кн.: «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси.

М., 1969, с. 280—289; Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. / Подг. текста, перевод и комментарий О. В. Творогова. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 106—113, 537—539.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818, т. 3, примеч. 149; Савваитов П. С. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, с. 8—10; Мещерский Н. А. 1) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 120—135; 2) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, 1956, т. 9, с. 170—185; Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца. — ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 378; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 148—151, 158.

О. В. Творогов

Повесть о житии Александра Невского — историко-агиографическая повесть о выдающемся государственном и военном деятеле Древней Руси. П. дошла до нас в нескольких редакциях XIII—XVIII вв. История ее текста необычайно сложна, многое остается пока спорным, в частности начальная история памятника, взаимоотношения между его старшими редакциями — Первоначальной, Особой, Лихачевской и редакцией СІЛ.

Первым жизнеописанием Александра Невского, по мнению некоторых ученых (Н. И. Серебрянского, В. Л. Комаровича), была светская дружинная Повесть о «мужестве и житии» Александра, не сохранившаяся в первоначальном виде, но частично отразившаяся в двух редакциях П. — Первоначальной и Особой. Не ясно, однако, что из текстов этих двух редакций могло читаться в светской биографии князя. Считалось, например, что вступлением к П. являлось *Слово о погибели Русской земли* и что повествование о жизни Александра начиналось с похвалы князю (сохранившейся в Особой редакции жития), где он уподоблялся Александру Македонскому, Ахиллу, Дигенису Акриту. В дальнейшем текст Повести восстанавливался в основном по первоначальной редакции П., с исключением из него библейских параллелей и описания чуда с «душевной грамотой». Н. И. Серебрянский считал, что автором светской биографии Александра был его дружинник, но не из числа тех, кто принимал участие в боевых действиях князя. В. Л. Комарович предположил, что автором П. мог быть Федор Данилович или Яким, дружинники князя Ярослава — отца Александра, но не аргументировал эту атрибуцию. Основой для гипотезы о существовании древней светской биографии князя послужили наблюдения над стилистической неоднородностью первоначальной редакции П., в тексте которой соединяются две разных точки зрения — монаха и дружинника и два разных стилевых начала — церковное и светское. Слияние различных стилевых тенденций и доказывает, по мнению сторонников гипотезы, что Первоначальная редакция является церковной обработкой светской дружинной биографии князя. Гипотеза о существовании светской биографии князя строилась на ошибочной предпосылке, отрицающей возможность соединения в произведениях древнерусской литературы различных стилевых начал. Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, У. Филипп, Ю. К. Бегунов,

критикуя эту гипотезу, отмечали, что у нее нет серьезных текстологических доказательств.

Сохранившиеся списки П. о житии Александра Невского разделяются на следующие редакции.

1. Первоначальная редакция. В научной литературе существуют разные ее обозначения: Первоначальная (В. О. Ключевский, В. Мансикка), Церковно-летописная (Н. И. Серебрянский), Летописная (В. Л. Комарович), Первая (Ю. К. Бегунов). Заглавие этой редакции варьируется: «Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра», «Житие блаженнаго великаго князя Александра Ярославичя всеа Русии Невскаго», «Слово о велицем князе Александре Ярославиче» и др.

Содержание первоначальной редакции П. составляют краткие рассказы об основных, с точки зрения автора, эпизодах из жизни Александра (битвы на Неве и Чудском озере, дипломатические отношения с папой римским и Ордой), которые воссоздают героический образ князя-воина, доблестного полководца и мудрого политика. Жизнеописание князя автор строит как житие. В соответствии с канонами жанра в предисловии он называет себя «худым», «многогрешным», «мало смыслящим», рассказ о жизни Александра начинает, как и подобает в житии, с сообщения о его рождении от благочестивых родителей. Все повествование насыщено библейскими цитатами и аналогиями; сравнения с Самсоном, Соломоном, Иосифом Прекрасным, Давидом, Иисусом Навином, Езекией подчеркивают вечный, вневременной характер деятельности Александра. Автор постоянно напоминает о небесном покровительстве князю, стремясь показать, что «на таковые бог призирает», подчеркивает благочестивость Александра, вкладывает в его уста молитвы и обращения к богу. Завершается первоначальная редакция описанием кончины князя и чуда с «душевной грамотой».

Наряду с агиографическими, в Первоначальной редакции отчетливо прослеживаются и традиционные черты воинских повестей: Александр прекрасен внешне, мужествен, горяч, бесстрашен. В соответствии с канонами воинских повестей князь «разгореся сердцем», узнав о приближении врага; выступил в поход «в мале дружине, не съждався с многою силою своею»; в бою «самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемь». Слава о храбрости Александра распространилась «по всемь странам», его имени «начаша . . блюстися» многие народы; хан Батый признает, что «несть подобна сему князя», а жены татарские пугают своих детей словами: «Александр едет!». По словам И. П. Еремина, Александр «предстает перед нами в образе то царя-военачальника библейской древности, то храброго витязя книжного эпоса, то иконописного „праведника“. Этот несколько пестрый стилистический наряд, в который подчас облекает своего героя автор жития, — еще одна с его стороны восторженная дань светлой памяти покойного князя» (Еремин. Житие Александра Невского, с. 355).

Имя автора Первоначальной редакции неизвестно, но в тексте есть некоторые сведения о нем. Автор говорит, что многое об Александре он знает по рассказам «отець своих» («своих отець домочадець»), а сам «самовидець есмь възраста его», т. е. зрелых лет Александра. Автор не был участником Невского боя, о нем ему рассказали князь и другие участники битвы. Сведения о Чудском сражении он тоже получил от «самовидца», правда, на «самовидца» автор ссылается в той части рассказа о битве, где повествуется о чудесной помощи Александру «полка божьего». На основании этих авторских замечаний трудно установить общественное положение автора и степень его близости к князю. Еще первые исследователи П. отмечали, что автор Первоначальной редакции не мог быть новгородцем: в его рассказе нет многих подробностей и фактов, которые можно было бы почерпнуть из новгородских и псковских источников, а иногда его рассказ противоречит этим источникам. Так, автор Первоначальной редакции упоминает роль новгородцев в победе на Неве, говоря, что многие новгородцы «не совокупилися бешя», и князь выступил в поход с «малой дружиной»; согласно новгородским летописям Александр идет в поход против шведов в основном с новгородцами и ладожанами. Включение в текст нелестных для псковичей упреков в неблагодарности («О невегласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучат Александровых, и уподобитеся жидом. .») исключает возможность псковского происхождения Первоначальной редакции. Многое указывает на то, что автор был жителем северо-восточных земель, Суздаля или Владимира. Александр изображается прежде всего как Владимиро-Суздальский князь, его называют «солнцем земли Суздальской», и т. д.

Говоря об авторе Первоначальной редакции, все ученые отмечают его большую начитанность. Среди установленных источников Первоначальной редакции, помимо библейских текстов, — *«История иудейской войны» Иосифа Флавия, Александрия хронографическая, «Летописец вскоре» патриарха Никифора* (все эти произведения, как считает Д. С. Лихачев, могли быть известны автору через компилятивный хронограф), *Девгениево деяние* и др. Еще В. О. Ключевский заметил «литературное веяние старого киевского или волынского юга под этим северным суздальским пером» (Древнерусские жития, с. 70). Сопоставив Первоначальную редакцию с Галицкой летописью, Д. С. Лихачев установил сходство между ними в стиле, в манере описывать военные действия, подвиги князя, особенно в той части Галицкой летописи, где читается биография Даниила Галицкого. Первоначальная редакция, по его мнению, отражает западнорусскую, галицкую литературную традицию. Литературные связи Галича и северо-восточной Руси могли осуществляться, как предположил Д. С. Лихачев, через *митрополита Кирилла*, который в 1250 г. переехал с юга от Даниила Галицкого к Александру Невскому. «Вне всякого сомнения, — пишет Д. С. Лихачев, — Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и

автором, но прежде всего он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников» (Л и х а ч е в. Галицкая литературная традиция, с. 52). На Кирилла автор ссылается, описывая чудо с «душевной грамотой», он передает и слова Кирилла при известии о смерти князя: «Чада мои, разумейте, яко уже зайде солнце земли Суздальской». Развивая выводы Д. С. Лихачева, Ю. К. Бегунов связывает составление Первоначальной редакции с монастырем Рождества богородицы во Владимире. Здесь было погребено тело Александра, монастырь сыграл большую роль в создании культа князя. Именно здесь, в монастыре Рождества богородицы, жил с 1250 по 1274 гг. митрополит Кирилл. Покровителем монастыря был князь Дмитрий Александрович, сын Александра Невского, ему автор Первоначальной редакции уделяет особое внимание, изображая Дмитрия Александровича достойным преемником власти отца. Первоначальная редакция Ж., вероятно, и была составлена по инициативе Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла в 80-е гг. XIII в. книжником монастыря Рождества богородицы во Владимире, галичанином по литературной школе и, возможно, происхождению. Эта редакция имела длительную рукописную традицию, она сохранилась в 13 списках XIV—XVII вв., самыми старшими из них являются списки *Летописи Лаврентьевской*, Псковской II летописи и сборника Государств. архива *Псковской области*, ф. 449, № 60. Наиболее интересный этап в рукописной истории Первоначальной редакции связан со «Словом о погибели Русской земли». Именно изучение истории текста Первоначальной редакции показало, что «Слово о погибели» — самостоятельное произведение и было присоединено к этой редакции приблизительно в 80-е гг. XV в.

Велико значение Первоначальной редакции Ж. для древнерусской литературы. Она явилась основным источником для всех последующих редакций памятника. На долгое время ее манера повествования явилась образцом для княжеских жизнеописаний последующего времени.

2. Особая редакция Ж. (В. Мансикка называл ее Особенной, второй, Новой; Н. И. Серебрянский — Особой; В. Л. Комарович и У Филипп — Проложной; Ю. К. Бегунов — Третьей) дошла до нас в шести списках XVI—XVII вв. Она именуется: «Успение великого князя новгородского Александра Ярославича». Многое в изложении событий из жизни князя в Особой редакции совпадает с Первоначальной и, видимо, ее составителю был известен текст Первоначальной редакции. В Особой редакции нет, однако, многих исторических эпизодов и деталей; события изображаются сжато и лаконично. В Особой редакции отсутствуют молитвы князя, упоминания об ангельской помощи, описания чудес, почти нет здесь библейских цитат и аналогий, что придает жизнеописанию князя более светский характер. В начале Особой редакции рисуется условный образ князя-воина — умного, храброго, непобедимого, имя которого «грозно на ратех». Это князь, в храбрости подобный Александру Македонскому, Ахиллу и Дигенису

Акриту этим литературным, а не библейским героям уподобляется теперь Александр, слава о его мужестве распространилась по многим странам Варяжского моря до Рима. Характеристика эта иллюстрируется тремя примерами, в условно-литературной манере, почти без исторических деталей, изображающих князя в битвах на Неве и Чудском озере, походе в Поморье. Вторая часть Особой редакции раскрывает иные стороны личности и деятельности князя. Традиционно-этикетная характеристика «благого» князя (кроткий, смиренный, приветливый, милосердный, почитающий монахов и священников и т. д.) дополняется описанием деятельности Александра по восстановлению княжества после нашествия Неврюя и одобрением его политики в отношениях с Ордой. В описании кончины и погребения князя есть много схожего с Первоначальной редакцией, но в Особой редакции отсутствует плач автора «О горе тебе, бедный человече!» и рассказ о чуде с «душевной грамотой». По предельному обобщению изображаемого и лаконичности повествования Особая редакция больше напоминает развернутую похвалу, чем жизнеописание.

Относительно времени создания Особой редакции, ее источников и взаимоотношений с другими редакциями существуют разные, иногда прямо противоположные точки зрения. В. Мансикка и Ю. К. Бегунов полагали, что Особая редакция восходит к СIЛ, и относили ее создание ко второй половине XV в. (Ю. К. Бегунов), XV—началу XVI в. (В. Мансикка). Н. И. Серебрянский датировал Особую редакцию XVI в., считая, что она не зависит от СIЛ. По его мнению, автор Особой редакции следовал в основном несохранившейся светской Повести об Александре, но под его рукой была и Первоначальная редакция II. Обе точки зрения на время создания Особой редакции текстологически не доказаны. Ошибочность гипотезы В. Мансикки — Ю. К. Бегунова о зависимости Особой редакции от СIЛ подтверждается фактами из истории текста Повести о Довмонте, все редакции которой имеют заимствования из Особой редакции П. о житии. Наличие текста Повести о Довмонте в общем протографе СIЛ и НIVЛ показывает, что и Повесть о Довмонте и тем более ее источник — Особая редакция П. были созданы до 40-х гг. XV в., и возможно даже — в начале этого столетия (см.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте и псковские летописи. К вопросу о датировке Повести. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 182—191). Местом составления Особой редакции исследователи единодушно вслед за Н. И. Серебрянским называют Новгород. Об этом говорят постоянные указания в ее тексте на то, что Александр совершал походы с новгородскими полками, именование его «великим князем Новгородским», неоднократное упоминание о Софии Новгородской и желании князя послужить ей, определение Пскова как пригорода Новгорода и т. д., а с другой стороны — плохая осведомленность в обстоятельствах смерти князя во Владимире.

3. Лихачевская редакция (третий вид второй редакции по

терминологии Ю. К. Бегунова) озаглавлена: «О велицемь князе нашем и умнем и о крепкомысленом. Редакция сохранилась в одном списке конца XV—начала XVI вв. (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 71), открытом В. Мансиккой. Текст Лихачевской редакции обнаруживает сходство с Первоначальной и Особой редакциями, летописными заметками НIЛ старшего извода и редакцией П. в СIЛ. В. Мансикка, публикуя текст Лихачевской редакции, указал, что ее источниками, по-видимому, были протограф СIЛ, Особая и Первоначальная редакции П.; ее составление он относил к кон. XV—нач. XVI в. Н. И. Серебрянский считал Лихачевскую редакцию соединением текстов Первоначальной и Особой редакций, дополненных выписками из НIЛ и личными догадками редактора, и не зависящей от СIЛ. Точка зрения В. Мансикки на историю текста Лихачевской редакции развита в последнее время Ю. К. Бегуновым, но и в его работах она не получила убедительного текстологического обоснования. Вопрос о взаимоотношениях Лихачевской редакции с другими редакциями П. и о времени ее создания остается открытым.

4. Редакция СIЛ является наиболее полным отражением общерусской летописной редакции 40-х гг. XV в. (т. е. свода 1448 г. — протографа СIЛ и НIVЛ, не сохранившегося в своем первоначальном виде). Жизнеописание Александра в составе СIЛ складывается из летописных статей 1240—1243, 1246, 1251, 1262 гг. НIЛ старшего извода и текста Первоначальной редакции, оно разнесено по годам и разбито летописными сообщениями другого содержания. Целые фразы, отдельные выражения и обороты сближают эту редакцию П. с Особой редакцией (см., например, вступление «О велицем князе», начало описания Чудского боя, сообщение о походе на чудь, перечисление границ распространения славы Александра и др.). Это сходство истолковывалось исследователями по-разному: В. Мансикка, Ю. К. Бегунов считали, что Особая редакция Жития составлена на основе СIЛ, Н. И. Серебрянский видел в Особой редакции один из источников редакции СIЛ. Подобное же противоречие есть и во взглядах на взаимоотношения редакций СIЛ и Лихачевской.

Разнородные по стилю и жанру произведения об Александре Невском составитель общерусской летописной редакции соединял не механически. Критическим было его отношение к Особой редакции, ее текст, в отличие от Первоначальной редакции, был использован не полностью, возможно, это вызвано светским характером Особой редакции П. Всему повествованию составитель свода 40-х гг. придал общерусскую направленность. Александр представлен здесь как князь всей русской земли («солнце земли Русьской»). СIЛ сохранила эти особенности общерусской редакции.

Общерусская летописная редакция П. через СIЛ и НIVЛ вошла в большинство летописей XV—XVII вв. (Никаноровскую, Ермолинскую, Типографскую, Львовскую, Воскресенскую, Симеоновскую, Новгородскую 5, Никоновскую и мн. др.)

5. Слово похвальное или Владимирская редакция П. (заголовок: «Слово похвальное благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чюдотворцу, в нем же и о чюдесех его споведася»). Слово похвальное было написано, как это явствует из вступления, по инициативе митрополита Макария, который после собора 1547 г. повелел произвести изыскание чудес святого и понудил «убогаго списателя» составить житие. В 1550 г. оно вошло уже в состав ВМЧ. Автор Слова похвального неизвестен. В. О. Ключевский предположил, что им мог быть Михаил, инок владимирского Рождественского монастыря, составивший службу Александру Невскому. Ключевскому возражал В. Мансикка, отмечавший, что рассказ о кончине князя и чуде с «душевной грамотой» в службе и Слове похвальном восходит к разным версиям. С В. Мансиккой согласился Н. И. Серебрянский, добавив, что автор Слова похвального называет Рождественский монастырь «той обителью», «тем монастырем», для монаха этой обители более естественными были бы местоимения «сей», «наш». Однако нет сомнения в том, что Слово написано владимирским книжником (Владимир для него «град наш»). Автор был начитанным человеком, хорошо знакомым с агиографическими канонами, он составил правильное житие, отвечающее требованиям макарьевской литературной школы. Это проявилось в строгой композиции (традиционное вступление, биография, чудеса, похвала акафистного типа), в разработке каждой ее части, в отборе материала. В информативном отношении Слово похвальное почти ничего не добавляет к содержанию своего основного источника — Первоначальной редакции П. Из ее текста автор Слова похвального устраняет все, не соответствующее житийному характеру памятника (опущено сравнение с Веспасианом, сокращен рассказ о шести храбрецах, нет обращения к псковичам «О невегласии псковичи», рассказа о походе в Литву и т. д.), но распространяет текст Первоначальной редакции агиографическими мотивами, особенно в рассказе о детстве князя и о его кончине, он вкладывает в уста Александра благочестивые наставления, расширяет молитвы. Автор Слова похвального был знаком и с традиционными формулами воинских повестей, которыми он «украшает» описание Невской битвы и Ледового побоища. Традиционно и изложение тринадцати чудес, почти все они относятся к позднему времени и записаны со слов монахов Рождественского монастыря.

6. Редакция Василия-Варлаама, писателя макарьевского круга, автора житий многих псковских и новгородских святых (заголовок: «Житие и жизнь и повесть о храбрости и о чюдесех, описано вкратьце, святаго великаго князя Александра Ярославичя Невьскаго, новаго чюдотворца»). В основу своей редакции Василий-Варлаам положил Первоначальную редакцию П., дополнил ее по летописи, близкой СIЛ, и распространил заимствованиями из агиографической литературы. Среди литературных источников Василия-Варлаама — жития Михаила Черниговского, написан-

ное Пахомием Сербом, Иоанна Новгородского, Федора Ярославского, написанное Антонием, Летописная повесть о Мамаевом побоище и др.

7. П. о житии Александра Невского особой редакции («Житие и подвизи вкупе же отчасти чюдеса прехвальнаго и блаженнаго великаго князя Александра Ярославича, рекомаго Невскаго, нареченнаго во иноцех Алексия») помещена в 8-й степени Степенной книги. Редакция Степенной книги составлена на основе Слова похвального и летописных источников, близких СIЛ, Воскресенской, Ермолинской, Никоновской летописям. Автор придал редакции характер связного исторического повествования, он сознательно избегает общих агиографических мест и риторических длиннот Слова похвального, сокращая его, по его собственным словам, «ради прочих деяний», сведения о которых он черпает из летописных источников. В летописных известиях он опускает излишние подробности и детали, изменяет слог, приводя его в соответствие с общим стилем повествования Степенной книги. Отдельные выражения и обороты этой редакции напоминают П. о житии в редакции Василия-Варлаама.

Вопрос об авторе биографии Александра в Степенной книге окончательно не решен. Н. С. Державин без особых доказательств приписывал ее Василию-Варлааму. Он не видел ничего удивительного в том, что у Василия-Варлаама почти в одно и то же время появляются два очень не похожих друг на друга произведения об Александре Невском, объясняя это различием задач — агиографической и историографической (Державин Н. «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Миллера. Батум 1902, с. 24, 77—78, 85—87). Убедительно оспаривая участие Василия-Варлаама в составлении Степенной книги, П. Г. Васенко считает ее редактором и составителем большинства биографий Афанасия; вопрос об авторе биографии князя в Степенной книге им специально не рассматривался, высказывались только сомнения в атрибуции, предложенной Н. С. Державиным (Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1). Проблема авторства жития в Степенной книге еще требует дальнейшего исследования.

8. Светская обработка третьей четверти XVI в. Первоначальной редакции сохранилась в списке XVI в. ГПБ, Q.I.321 (заглавие: «23 день преставление святаго и великаго князя Александра Ярославича Невьскаго. Сей бе князь великий Александр. .»). В списке есть интересные дополнения: много внимания уделяется «витязям» А. Н., с подробностями, неизвестными другим редакциям, рассказывается о происхождении шести храбрецов и их подвигах в битве на Неве, в описание кончины князя включается плач его «витязей» и всей Русской земли. В остальном переработка источника заключалась, по-видимому, в сокращениях и поновлении слога, который в некоторых выражениях напоминает редак-

ции Жития Александра Невского Степенной книги и Никоновской летописи. В. Мансикка считает новые подробности этой редакции «фантастическими», выдуманными самим автором; Ю. К. Бегунов предполагает, что он мог быть новгородцем. Составление этой редакции относят предположительно к третьей четверти XVI в.

9. Проложная редакция жития составлена в XVI в. неизвестным автором, вошла в состав печатного *Пролога*, представляет собою сокращение жития в редакции Василия-Варлаама. Главное внимание в Проложной редакции уделено двум эпизодам из жизни князя — Невскому сражению и поездке в Орду. Они сохранены почти во всех своих подробностях. Все остальные эпизоды либо очень сильно сокращены, либо опущены совсем; нет в Проложной редакции рассказа о взятии Копорья, Ледовом сражении, литовском походе, диспуте с послами папы римского. Упрощены и многие риторические обороты Василия-Варлаама. В некоторых выражениях и деталях (описание чуда с «душевной грамотой», монашеское имя Александра — Алексей) Проложная редакция близка Слову похвальному; возможно, и оно было одним из источников этой редакции. О составителе Проложной редакции нет никаких мнений, только Н. И. Серебрянский предположил, что он, как и Василий-Варлаам, был псковичем.

Помимо рассмотренных выше, известны редакции П., составленные Ионой Думиным, Викентием, Титом (в списке ГПБ, собр. ОЛДП, № 198; редакция является компиляцией редакции Василия-Варлаама и редакции Степенной книги). Известны также особые редакции XVII в. Одна из них, дошедшая в списке ГПБ, Q.XVII.24, представляет переделку редакции Ионы Думина. Автор свободно отнесся к своему оригиналу, не только сократил его, но и стилистически поправил, главным образом упростил, многое передал своим слогом, тоже не лишенным риторических оборотов. Из новых сведений, содержащихся в этой редакции, следует отметить пополнение раздела чудес и некоторые исторические уточнения (имя великой княгини, сгоревшей во Владимирском пожаре 1237 г. — Агафья; указание на то, что во время похода Неврюя татары не взяли г. Владимира, а только его уезд, и др.). Большинство дополнений можно считать литературными, среди них особенно интересны описание облика Александра, его личного мужества и храбрости шести удальцов, мощи шведов и ангельской помощи во время битвы на Неве, предание о смерти Георгия Всеволодовича, подробности смерти Батыя и того, как «моавитянки» стращали своих детей именем Александра, видение Кирилла и др. Источники этих дополнений не изучены. В результате всех изменений текст редакции стал более светским. В. Мансикка делает вывод о владимирском происхождении автора: об этом свидетельствует и знание им подробностей Владимирского пожара, неизвестных по другим редакциям, которые он мог почерпнуть из местных преданий, а также именование Александра «владимирским чюдотворцем».

Светская редакция последней четверти XVII в. читается также в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1408. Автор ее неизвестен. Источником новой редакции П. была Никоновская летопись. Из ее летописных статей составитель выбрал четыре эпизода (Невский бой, Ледовое побоище, поездка в Орду, смерть князя), значительно сократил и видоизменил их текст, проявив стремление подчеркнуть светские, воинские доблести Александра и опустить все, что характеризует его как святого; агиографические элементы в этой редакции совершенно отсутствуют.

Изд.: Мансикка В. Житие Александра Невского [illegible] редакций и текст. — ПДП, № 180. СПб., 1913; Серебрянск[illegible]еские жития; Азбелев С. Н. Светская обработка «Жития Александра Невского». — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 147—153; Бегунов Ю. К. 1) К [illegible]росу об изучении Жития Александра Невского. — ТОДРЛ, 1961, т. 17 [illegible] 277; 2) Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели [illegible] М.; Л., 1965; 3) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in d[illegible] Literatur des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slavistik, 1[illegible] 1, S. 105—109.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 65—71, 238—242, 251—258, 312—313; Бугославский С. А. К вопросу о первоначальном тексте Жития великого князя Александра Невского. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 261—290; Орлов А. С. Александр Невский в средневековой литературе. — Вестн. АН СССР, 1942, № 4, с. 72—79; Комарович В. Л. Повесть об Александре Невском. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 50—58; Лихачев Д. С. 1) Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 36—56; 2) Реплики: (По поводу статьи Н. В. Водовозова «Повесть XIII в. об Александре Невском» и «Повесть о битве на реке Калке»). — ТОДРЛ, 1958, т. 15, с. 499—502; Еремин И. П. Житие Александра Невского. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. / Сост. пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957, с. 354—356; Водовозов Н. В. Повесть XIII в. об Александре Невском: (К вопросу о составе повести и ее авторе). — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1957, т. 67, вып. 6, с. 21—45; Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, 1957, Bd 5, S. 7—37; Бегунов Ю. К. 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 229—238; 2) Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 311—326; 3) Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w składzie łatopisów ruskich. — Slavia orientalis, 1969, rocz. 18, № 3, s. 293—309; 4) Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. — ТОДРЛ, 1971, т. 26, с. 71—84; 5) Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв. — Zeitschrift für Slawistik, 1976, Bd 21, H. 3, S. 311—318; 6) Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 60—72; Lammich M. Fürstenbiographien des 13. Jahrhunderts in dem russischen Chroniken. Köln, 1973; Дмитриев Л. А. Повесть о житии Александра Невского. — В кн.: История русской литературы X—XVII вв. М., 1980, с. 173—177; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания XI—XIV вв. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 115—128.

В. И. Охотникова

Повесть о нашествии Батыя — летописный рассказ о завоевании Руси монголо-татарами, предводимыми Батыем, помещенный в летописях под 6745—6747 (1237—1239) гг. В *Летописях Ипатьев-*

ской, Лаврентьевской и Новгородской Первой содержатся три разные версии этой П.: в Ипатьевской — южная, в Лаврентьевской — центральнорусская (владимиро-суздальская, возможно, опирающаяся на рязанскую), в НIЛ — северная. СIЛ, НIVЛ, а также зависящие от них летописи, содержат сводный рассказ, выборочно соединяющий эти три версии. Версии Ипатьевской и НIЛ, судя по всему, древнейшие. Относительно рассказа Лаврентьевской летописи Г. М. Прохоров высказал мнение, что он принадлежит не столько XIII в. — времени описываемых в нем событий, сколько XIV в. — времени создания рукописи Лаврентьевской летописи (1377 г.). Это мнение основывается, во-первых, на анализе текста П., который, как оказалось, на треть составлен из кусочков, заимствованных из предшествующей части летописи, и не содержит никаких оригинальных сведений, которые обнаруживали бы в ее авторе современника и очевидца событий; во-вторых, на кодикологическом анализе Лаврентьевской летописи, хранящей следы переделки (переброшюровка тетрадей, неоднократная замена листов в момент создания рукописи, изменения в объеме текста — как раз в том ее месте, где располагается П). По трактовке описываемых событий версия Лаврентьевской летописи противостоит версиям Ипатьевской и НIЛ, где владимирский и ростовский князья осуждаются за неоказание помощи Рязани и за неподготовленность к обороне от завоевателей: Лаврентьевская же выставляет Юрия Всеволодовича Владимирского и Василько Константиновича Ростовского как героев — борцов с иноверцами за православную веру, отказавшихся от «студного» с ними мира. Так что в любом случае работа создателей Лаврентьевской летописи, очевидно, имела целью дать русским князьям-современникам исторический пример мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы русских князей-христиан, их предков, с иноверцами-татарами. В условиях «розмирия» с татарами, начавшегося в 1375 г. и увенчавшегося победой над Мамаем на Куликовом поле в 1380 г., пример этот был в высшей степени актуален. Существует и другая точка зрения, наиболее четко сформулированная М. Д. Приселковым (см.: Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись (история текста). — Учен. зап. ЛГУ № 32. Сер. ист. наук, вып. 2, 1939, с. 11, 76—142) и поддержанная затем А. Н. Насоновым и Я. С. Лурье, согласно которой весь текст Лаврентьевской летописи идентичен тексту ее протографа — великокняжеского свода, составленного в 1305 г. в Твери. Что касается П., то, по мнению М. Д. Приселкова, она могла быть составлена в 1239 г., а по мнению А. Н. Насонова — в 1281 г.

Изд.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 2-е изд. Л., 1927, т. 1, вып. 2, стб. 460—467; Новгородская первая летопись. — ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 50—52; Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 74—77, 286—289; Ипатьевская летопись. — ПСРЛ. 3-е, ф.-т. изд. М., 1962, т. 2, стб. 778—785; Летописные повести о монголо-татарском нашествии / Подг. текста, пер. и ком. Д. М. Буланина. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 132—148, 546—551.

Лит.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 87—94; Комарович В. Л. 1) Лаврентьевская летопись.— В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 90—93; 2) Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 27—59; Насонов А. Н. 1) Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — ПИ, 1963, т. 11, с. 429—480; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 180—201; Прохоров Г. М. 1) Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972, т. 4, с. 77—104; 2) Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 77—98; Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, 1974, т. 29, с. 50—67; Fennell J. L. I. The Tale of Baty's Invasion of North—East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the Thirteenth—Fifteenth Centuries. — Russia Mediaevalis, München, 1977, t. 3, p. 41—78.

Г. М. Прохоров

Повесть о ослеплении Василька Теребовольского см. *Василий*

Повесть о разорении Рязани см. *Повести о Николе Заразском.*

Повесть о убиении Андрея Боголюбского — одна из так называемых повестей о княжеских преступлениях. Андрей Юрьевич Боголюбский погиб в результате дворцового заговора в своей резиденции недалеко от Владимира. Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных уже в наше время раскопками могилы князя и реконструкцией Боголюбовского замка), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэтому и называют одного из действующих лиц П., сторонника князя и его политической линии: игумена Феодула (Приселков), что наименее вероятно, киевлянина Кузьму (Бестужев-Рюмин, Хрущев, Бугославский, Адрианова-Перетц, Лихачев, Рыбаков) — слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец») и выходца из Вышгорода, главу капитула Успенского собора во Владимире Микулу (Воронин), который, возможно, был автором и других произведений, например широко известного *Сказания о чудесах Владимирской богоматери* (некоторые части этого текста вошли в состав Повести об убиении Андрея Боголюбского).

П. известна в двух версиях: краткой, в составе Владимирского летописного свода 1177 г., отразившегося в *Летописи Лаврентьевской*, и пространной — в составе *Летописи Ипатьевской* (под 1175 г.). Ученые по-разному объясняют соотношение краткой и пространной версии. Н. Н. Серебрянский и Б. А. Рыбаков считают первичным пространный рассказ, А. А. Шахматов, С. А. Бугославский (в неопубликованной работе, о которой см. в статье Н. Н. Воронина), А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц полагают, что первоначально был составлен краткий рассказ, который затем был переработан на основании сведений, полученных от Кузьмы или даже им самим. По некоторым соображениям (обозначение двух братьев Андрея, Михалка и Всеволода, формами двойственного числа до смерти Михалка и употребление формы единственного числа затем в отноше-

нии к самому Всеволоду) П. могла быть написана между 21 мая 1175 г. [illegible] июня 1176 В полном варианте прослеживаются две линии: «мирская», поданная в действии, в развитии событий, в психологических характеристиках действующих лиц, — и церковная, отраженная в размышлениях князя и комментариях автора, близкая к канонам житийной литературы. Психологические детали повествования и образная народная речь перекрывают намеренно идеализированный образ князя; действия и поступки живого Андрея не совпадают с «разъяснениями» автора относительно их. Складывается впечатление, что П. написана двумя авторами, тем более что между двумя вариантами текста существуют и фактические несовпадения. На композицию и стилистику П. оказала свое влияние поэтика традиционных жанров, использованных и умело переработанных в этом синкретическом по характеру произведении (жития, торжественные слова, народные заплачки, бытовые разговоры). Несомненны черты южнорусских биографических повестей XI—XII вв.; подражание их стилю, прямые цитаты из житий Владимира и *Сказания о Борисе и Глебе*, однако автор выступил уже в защиту интересов нового политического центра Руси, противопоставляя его Киеву (ср. четкую противопоставленность Киева — Владимиру, Боголюбова — Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города — таким же воротам другого, мучений Андрея — мучениям Бориса и Глеба и т. д. вплоть до смешения названий Киева и Владимира в тексте народного плача). Можно предположить, что в окончательном оформлении полного текста и создании его композиционного и стилистического единства принимал участие третий автор, который обозначил общерусскую направленность событий и в сущности создал окончательный текст П. По мнению Б. А. Рыбакова, таким автором был Кузьмище Киянин. О личности Кузьмы известно очень мало: он был приближенным Андрея Боголюбского (его «милостником»), очевидцем гибели князя, решительно осудил заговорщиков. Согласно гипотезе Б. А. Рыбакова, Кузьма мог приехать во Владимир из черниговского княжества среди других мастеров, приглашенных во Владимир для строительных работ. По его же мнению, Кузьма был причастен к летописанию, являясь составителем ряда сообщений о строительстве церквей (записи под 1155—1157, 1160—1164 и 1172—1175 гг.) во Владимирском своде.

Иной точки зрения на автора П. придерживались М. Д. Приселков, считавший составителем П. игумена Феодула, и Н. Н. Воронин, атрибутировавший П. попу Микуле — вышегородцу, духовнику князя Андрея, главе Капитула Владимирского Успенского собора.

Независимо от того, кто явился автором П., она представляет собой значительное литературное произведение с яркими конкретными зарисовками подлинных обстоятельств гибели князя.

Изд.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962. т. 1, стб. 367—371. Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 580—595. Повесть о убиении

Андрея Боголюбского / Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. ПЛДР, XII век. 1980, с. 324—337, 669—671.

Лит.: Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XV в. СПб., 1868, с. 105—107; Хрущев И. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетий. Киев, 1878, с. 138—143; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 142—146; Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., 1938, с. 76; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940, с. 76; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 241—246; 2) Об одной особенности реализма. — ВЛ, 1960, № 3, с. 53—68; Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 85—96; Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. — ТОДРЛ, 1953, т. 9, с. 65—66; Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 15—17; Насонов А. Н. Малоисследованные вопросы Ростово-Суздальского летописания XII века. ПИ, 1962, т. 10, с. 373—386; Воронин Н. Н. 1) Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 364—374; 2) «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. — История СССР, 1963, № 3, с. 80—97; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 34, 46—48; 65—66; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 79—131, 256—257; Филипповский Г. Ю. «Повесть о убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода. — Československá rusistika, 1986, roč. 31, N 1, с. 11—17.

В. В. Колесов

Повесть о Федоре купце — переводная повесть, распространенная в древнерусской книжности. П. в рукописях обычно носит название «Слово о Федоре купци, иже взимая злато у жидовина, дасть поручника образ Христов» (нач.: «В Костянтине граде бяше купець богат зело, именем Феодор. .» или «В Костянтине граде бяше купец, именем Феодор, богат. .»). В ней повествуется, как купец, поклявшись на мозаичной иконе Христа над городскими воротами, трижды брал долг у богатого «жидовина», но дважды его корабли разбивались бурей. На третий раз купец вложил золото в уплату своего долга в «ковчежец», который бросил в море. Волны вынесли его к ногам «жидовина». Тот, потрясенный этим чудом, крестился.

П. читается в *Прологе* под 31 октября (в том числе в древнейшем списке XII—XIII вв. — ГПБ, Соф. собр., № 1324, на л. 217 об. — 219 об.) в минеях-четьих, а также в сборниках (например, в сборниках ГПБ, Соф. собр. № 1420, 1459; собр. Погодина, № 1590, 1594, ГБЛ, собр. Большакова, № 23). В сборниках Софийского собрания П. соседствует с Повестью о некоем христолюбивом купце.

Сюжет П. был использован Н. С. Лесковым (см. его «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине». — Полн. собр. соч. Н. С. Лескова. Изд. 3-е. СПб., 1903, т. 30, с. 88—111).

Изд.: ВМЧ, октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стб. 2051—2054.

М. А. Салмина

Повесть о царе Адариане — переводная повесть, принадлежащая к числу беллетристических занимательных рассказов о гордом царе. Герой ее, царь Адариан (Дариан, Дарий), повелевает подданным называть себя богом. Бояре и мудрые философы ставят ему ряд условий—овладеть вышним Иерусалимом (раем), удалиться из Вселенной, стать невидимым и оттуда вершить судьбы людей, спасти чудесным образом тонущий корабль. Задачи эти предлагаются в форме притч и загадок, которых царь не понимает, решая их земными, а отнюдь не божественными способами, — завоевывает город Иерусалим, хочет спасти корабль, не утихомирив ветер, а послав многих людей. Только после того, как царица предлагает ему вернуть богу душу и стать бессмертным, он соглашается, что при этом умрет и, следовательно, он не бог.

Сюжет П. назидателен. Гордыня царя осуждена, развязка не предполагает никаких двояких толкований со стороны читателя. Однако форма произведения не столь уж примитивна и прямолинейна. В форме притч и диалогов читателю предлагается ряд вопросов, занимавших средневекового человека: о различии божественного и человеческого, о сути божественной власти, о бессмертии души. Ставится и политическая проблема — о пределах власти царской. Это побудило одного из переписчиков завершить П. рассуждением о том, что хотя на земле выше царя никого нет и он почти равен богу, но он человек и смертен, в чем равен всем людям, и как смертному ему подобает не возноситься, а слушаться благих советов (ГПБ, Q.XVII. 215, л. 106—106 об.).

По словам М. А. Яковлева, П. направлена против царского высокомерия; образ гордого царя Адариана — литературный вариант библейского образа вавилонского царя Навуходоносора (История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 167—169).

По своим жанровым признакам П. близка к апокрифическим диалогам — *Беседе трех святителей* и Ответам Афанасия Александрийского князю Антиоху. Сказочные черты ставят ее в один ряд с *Повестью об Акире Премудром*, *Повестью о Варлааме и Иоасафе*, со Сказанием о двенадцати снах царя Шахаиши, где также философы своими притчами убеждают и побеждают царей. Однако если сюжет Повести об Акире Премудром отразился впоследствии в восточнославянских сказках (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 235, № 992А—АА* 9221), то сюжет о царе Адариане находит себе только очень отдаленные аналогии в сказках о святом Петре, захотевшем стать заместителем бога (там же, с. 188, № 752В*, 752С*).

П., по-видимому, появилась в Киевской Руси в домонгольский период. По традиции считали, что перевод сделан с греческого, хотя греческий оригинал был неизвестен (Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 162, 175; История русской литературы, т. 1, с. 167). Однако уже А. Н. Веселовский в 1872 г. указал на существование в еврейской литературе иден-

тичного рассказа, героем которого был Александр Македонский (Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, с. 92—93, примеч. 1, со ссылкой на кн.: Tendlau A. M. Fellmeiers Abende Märchen und Geschichten aus grauer Vorzeit. Frankfurt am Main, 1856, S. 218—220). Впоследствии было установлено, что источником П. является рассказ из сборника средневековых еврейских толкований на Ветхий Завет — Мидраш Танхума, с которым дословно совпадает древнерусский текст первого вида краткой редакции; см.: Мидраш Танхима. Люблин, 1893, т. 1, с. 11; Berešith (книга Бытия) 7, ср. также: Guttman. Encyclopedia Judaica, Bd 7, S. 783; Борисов А. Я. К вопросу о восточных связях древнерусской литературы. — Палестинский сборник, М., 1986, вып. 28.

Рукописная традиция русского перевода П. насчитывает несколько десятков списков XV—XIX вв. Текст ее представлен двумя редакциями — краткой и пространной. Краткая редакция имеет два вида, текстуально близких между собою. Особенность первого вида (ГПБ, Соф. собр., № 1420, 1490 — XVI в.; собр. Погодина, № 1952 — XVII в.) в том, что в нем читается упрек бояр Адариану: «Не вышний Иерусалим пленил еси, царю», и концовка: «и бысть на царе срам и стыд велик зело, яко же рече ему царица, и от того часа премолче о сем». Поскольку эти фразы есть в оригинале, первый вид следует считать старшим. Второй вид повести эти фразы утратил. Текст второго вида встречается, как правило, в составе *Палеи Толковой*, ранние списки которой относятся к XV в., где он, вероятно чисто механически, был присоединен к судам царя Соломона и стал как бы его рассказом. Но этот вид переписывался и вне Палеи, как это известно по списку 60-х гг. XV в., сделанному книгописцем Ефросином (ГПБ, Кир.—Белоз. собр., № 22/1099, л. 19), где царь назван «Дарием перским», хотя в других списках краткой редакции его называют Адарианом.

Пространная редакция возникла на основе текста второго вида краткой редакции, вероятно, не ранее XVII в. Имя царя в ней, как правило, Дариан. Не меняя существенно сюжета П., она носит характер экспрессивно-стилистической редакции. Лаконичное изложение старшего перевода заменено в ней развернутым повествовательным рассказом, соответствующим стилю древнерусских повестей и отвечающим вкусам русского читателя. Этой редакции присуще стремление к мотивировке ситуаций. Так, царь заставляет народ звать себя богом под страхом смерти; мудрецы предостерегают царя, что он погубит себя, свое царство и живущих в нем; введена стереотипная формула о незнакомстве мудреца с «еллинскими учениями» и добавлены цитаты из Св. писания. Для списков пространной редакции характерны бóльшие текстуальные различия.

Политические мотивы П. привлекали к ней те общественные круги, в которых поддерживалась мысль о превосходстве священства над царством, и в те исторические моменты, когда шла

борьба с ростом политической власти Московского государя. Так, П. вошла в сборники, составленные во Пскове в 1494 г. (см.: Хронографическая палея. ГБЛ, собр. Румянцева, № 453, л. 333 об.) *и в Новгороде в XVI в.* при епископе Пимине (см. сборник Гос. архива Ярославской обл. Коллекция рукописей, № 1265, л. 305 об.). Пространная редакция встречается в старообрядческих сборниках конца XVII—XVIII вв. (см. ИРЛИ, Северо-Двинское собр., № 99, л. 51 об.).

Полного исследования П. пока нет.

Изд.: ПЛ, вып. 2, с. 343—344; вып. 3, с. 58; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 268—269; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 289; Шмидт С. О. «Слово о Дариане-царе» в рукописной книге XVI в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 414—418.

А. И. Зайцев, М. Д. Каган

Поликарп (конец XII — первая половина XIII в.) — монах Киево-Печерского монастыря, один из авторов *Патерика Киево-Печерского*. Возможно, что родина писателя — Ростов, где П. был «самовидцем» чуда, связанного с иконой работы Алимпия Печерского. Одно время в науке бытовало мнение, что П. в юном возрасте пришел в Печерский монастырь (см., например: Кубарев А. М. О патерике Печерском. — ЖМНП, 1838, кн. 3, с. 38; Шевырев С. П. Обозрение русской словесности в XIII веке. СПб., 1854, с. 7). Однако слова П., обращенные к архимандриту Печерского монастыря Акиндину, — «да слышит твое благоразумие глаголы моего младоумия и несовершенна смысла», — нельзя толковать в биографическом смысле, это типичный случай самоуничижения древнерусского писателя, традиционный прием. Выходец из Киево-Печерской лавры, П. одно время игуменствовал в Козмодемьянском монастыре в Киеве, хотел «игуменити у святаго Дмитриа» и мечтал о епископской кафедре, поддерживаемый княгиней Верхуславой, вдовой князя Ростислава Рюриковича, и ее братом — князем Юрием Всеволодовичем. Видимо, с просьбой о содействии в поставлении на епископию П. обратился к владимиро-суздальскому епископу *Симону*, что послужило поводом к написанию произведений, составивших остов Киево-Печерского патерика. Создатели печатной редакции Патерика 1661 г., поместившие в приложении жития *Нестора*, Си́мона и П., указывали на существование родственных уз между последними двумя писателями. М. А. Викторова считала правомерным подобное сближение Симона и П., хотя к моменту появления ее работы об авторах патерика в науке утвердилась точка зрения, согласно которой «Симон называет Поликарпа братом и сыном, но, конечно, в духовном смысле» (ср.: Викторова. Составители Киево-Печерского патерика, с. 16—19; Кубарев. О патерике Печерском, с. 9). М. А. Викторова находила странным утверждение Симона в послании к П.: «въсхотел еси пакы игуменити у святаго Дмитриа: а не бы тебе принудил игумен, ни князь и аз». Так как епископ-

ская власть Симона не распространялась на Киево-Печерский и Дмитровский монастыри, то, делает вывод исследователь, он имел какую-то другую власть над П., скорее всего власть старшего родственника или учителя. Дружеские отношения между авторами Патерика могли возникнуть и на почве их литературных интересов, ибо оба были «книжными людьми, обладавшими и литературным талантом и интересом к писанию» (И с т р и н В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пг., 1922, с. 200). Бесспорно, авторы Патерика были лично знакомы, и судьба П. была небезразлична епископу Симону, он принимал в ней живейшее участие. Из бесед с Симоном П. узнал о жизни первых печерских святых; рассказы учителя легли в основу его литературного труда. Очевидно, П. был у Симона во Владимире: «Но аще был ты достоин таковаго сана, то не бых тебе пустил от себе, но своими руками съпрестолника тя себе поставил бых в обе епископии — Владимерю и Суждалю». Из уст П. Симон привык слышать, как тот «повелевает младшими» и «противоречит старшим».

Произведения П., вошедшие в состав Киево-Печерского патерика: «Втораго послания, еже к архимандриту Печерьскому Акиндину, о святых и блаженых черноризцех печерьских, братии нашей, списано Поликарпом, черноризцем того же Печерьскаго манастыря», «О Никите затворнице, иже по сем бысть епископ Новуграду», «О Лаврентии затворнице», «О святем и блаженем Агапите, безмездном врачи», «О преподобнем Моисии Угрипе», «О Прохоре черноризце, иже молитвою в былии, глаголемей лобода, творяше хлебы и в пепелу соль», «О преподобным Марьце печернице, его же повелениа мертвии послушаху», «О преподобнем Спиридоне проскурнице и о Алимпии иконпице», «О преподобнем и многострадальнем отци Пимине и о хотящих преже съмерти в иноческый образ» (названия текстов даются по Кассиановской второй редакции патерика) — не являлись непосредственным ответом на письмо Симона, обличавшее монаха в честолюбии. Восприняв произведения Симона как явление большого литературного масштаба, а не как документ частной переписки, П. продолжил труд своего учителя, но в отличие от него прямо указал на то, что свои рассказы о печерских подвижниках он адресует большой аудитории читателей. Цель его сочинения — донести до «будущих чернецов» жития «светильников Русской земли».

Вопрос о датировке сочинений П. относится к числу дискуссионных. А. А. Шахматов допускал, что они могли быть написаны либо в период между 1214 и 1226 гг. (во время епископства Симона), либо в конце первой трети XIII в. (см.: Ш а х м а т о в А. А. Житие Антония и Печерская летопись. — ЖМНП, 1898, март, с. 114). С. П. Шевырев (см. его: Обозрение русской словесности. с. 8) относил их создание к 1234 г.

Сравнивая писательское мастерство Симона и П., и в частности степень их начитанности, «книжной мудрости», исследова-

тели патерика, как правило, отдавали предпочтение печерскому монаху. Большая опора П. на исторические и литературные источники, конечно, определялась не столько незаурядностью таланта агиографа, сколько иными принципами работы, условиями творчества второго «списателя» Печерского патерика. «Очевидно, киевский монах Поликарп имел под руками богатые точные исторические материалы. между тем как Симон писал вдали от Киева, с бедными пособиями под руками. Бледные нравоучительные рассказы Симона далеко уступают рассказам Поликарпа, полным жизни бытовой, исторической» (Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1900, прилож. II, с. 3). Если задача Симона сводилась к литературной обработке монастырского эпоса в духе переводной патериковой традиции, то П. стремился не просто передать устные рассказы учителя о печерских святых, но и согласовать их с летописными известиями по истории монастыря, а подчас основательно противопоставить официальной точке зрения летописца версию местного предания. Поэтому в числе основных источников сочинений П. А. А. Шахматов называл Печерскую летопись. Три отсылки к «Летописцу» содержатся в «словах» о Моисее Угрине, об Агапите и Пимене, причем в последнем случае у П. речь идет о трех столпах над церковью во время смерти святого, тогда как в *Повести временных лет* под 1110 г. упоминается о *явлении лишь одного столпа над гробом Феодосия, игумена печерского*, в церкви. Это расхождение можно объяснить либо тем, что П. пользовался текстом летописи, отличным от известного, либо тем, и это вероятнее всего, что автор воспользовался монастырским преданием, где «три столпа» должны были подчеркнуть особую святость печерского подвижника.

Активность жизненной позиции П., стремление не к простой *регистрации событий агиографической истории* монастыря, а к творческому переосмыслению их под углом зрения общей направленности патерикового свода, идейной и художественной, привели к острому социально-политическому звучанию многих его «слов». Если Симон отстаивает в литературных произведениях мысль о высокой миссии преемников Владимира Всеволодовича Мономаха в деле единения Руси, не поднимается до прямой критики княжеского «самовластия», создает на страницах одного из лучших своих житий идеальный тип князя («Слово о Святоше, князе Черниговском»), то П., напротив, резко осуждает за корыстолюбие князя Святополка Изяславича (которого Нестор изображал покровителем монастыря и инициатором канонизации Феодосия Печерского), обличает жестокость Мстислава Святополчича, расправившегося с монахами Федором и Василием, феодальное самоуправство Ростислава Всеволодовича. Т. Н. Копреева допускает даже, что обличение княжеских пороков и некоторых сторон монастырского быта выражают определенную социальную и этическую позицию П., во многом противопоставленную позиции Симона. Если для последнего «добрые дела» суть покорность,

послушание, заботы о процветании монастыря, то П. относит к «добрым делам» прежде всего нестяжание и нищелюбие, а причину народных бедствий видит в наказании за «неустроение властелина», творящего зло и беззаконие. По мнению Т. Н. Копреевой, позиции, которые занимали П. и Симон, тесно связаны «с теми церковно-политическими и социальными проблемами, которые волновали русское общество в первой четверти XIII в.», и поэтому есть основания зачислить П. «в число церковных и социальных реформаторов» (К о п р е е в а. Инок Поликарп, с. 72—73).

Образ П., каким он предстает в патерике, лишен одполинейности. Противоречивость самохарактеристики писателя и оценки его человеческой сущности в послании Симона нарушали литературную этикетность, что побуждало редакторов памятника вносить коррективы в состав и расположение материала внутри Печерского патерика (см.: К о п р е е в а. Образ инока Поликарпа, с. 113; О л ь ш е в с к а я Л. А. Об источниковедческом аспекте изучения художественно-документальной литературы Древней Руси: (Типолого-текстологическое исследование списков Арсеньевской редакции Киево-Печерского патерика). — В кн.: О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979, с. 67—68).

Лит.: В и к т о р о в а М. А. Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба. М., 1863; К о п р е е в а Т. Н. 1) Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа: (Опыт реконструкции). ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 112—116; 2) Инок Поликарп — забытый писатель-публицист Киевской Руси. — В кн.: Духовная культура славянских народов. Л., 1983, с. 59—73; О л ь ш е в с к а я Л. А. Об авторах Киево-Печерского патерика. — В кн.: Литература Древней Руси. М., 1978, вып. 2, с. 13—28. См. также литературу к статье «Патерик Киево-Печерский».

Л. А. Ольшевская

Послание Пилата к Тиберию — переводное апокрифическое сочинение. Апокрифическое *Евангелие Никодима* заканчивается текстом П., в котором римский прокуратор Иудеи Пилат сообщал императору Тиберию об Иисусе Христе, его проповеди, творимых им чудесах, о смерти на кресте и воскресении. В сборниках П. встречается и отдельно от Евангелия, иногда в составе цикла апокрифических преданий о смерти Христа («Предание Пилата на смерть», «Сказание о приходе в Рим сестер Лазаря Марфы и Марии», «Повесть об Иосифе Аримафейском»).

Текст П. в различных списках носит разные названия; варьируются начальные слова памятника. Например: «Возношение послано от Пилата к Тиверию кесарю в Рим о содеяных господем нашим Иисусом Христом» (нач.: «Веледержавному и зело честному, и божественному, и вельми страшному Тиверию кесарю аз, Пилат Понтийский, восточныя страны область предержа. . .»); «Воспоминание Понтийского Пилата, игемона июдейского, посланое к Тиверию кесарю в Рим, к державному севасту, и страшному и божественному августу» (нач.: «Пилат Понтийский, иже восточное держа начало. . .»); «О написании Пилата в Рим к Тиверию ке-

кесарю (нач.: «По воскресении же написа Пилат к Тиверию в Рим...»); «Послание Пилата к Тиверию кесарю» (нач.: «Сия же слышано будет у кесаря. Седе Пилат написа грамоту к кесарю в Рим...»). Последние два варианта — это буквальные выписки из Никодимова евангелия.

Апокриф о Пилате в кратком изложении отразился в хронографических сводах: он читался в *Хронографе по великому изложению*, фрагмент из него вошел в состав Летописца Еллинского и Римского (см.: Т в о р о г о в О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 292, фрагмент 150). В Хронографе редакции 1512 г. (см.: ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 240) есть лишь краткое упоминание о письме Пилата. В редакциях XVII в. Русского хронографа рассказ дополнен сведениями о смерти Каиафы, повинного в осуждении Христа. Г. Ильинский полагал, что существовало либо два перевода апокрифа с греческого, либо две редакции славянского перевода. Древнейшие тексты апокрифа читаются в составе «Орбельской триоди» XII—XIII вв. (ГПБ, F п. I.102, л. 179—181 об.; См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894, с. 25—26, издан Г. Ильинским), болгарский в составе сборника ГПБ, Q. п. I.56 (л. 10 об. — 17) и сербский, изданный Л. В. Стояновичем.

Греческие тексты апокрифа изданы в кн.: T h i l o J. C. Codex Novi Testamenti. Lipsiae, 1832, t. 1, p. 803—816; T i s c h e n d o r f C. de. Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1876, p. 433—455.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 106—108; П о р ф и р ь е в. Апокрифы новозаветные, с. 21—30, 191—197; С п е р а н с к и й М. Н. Славянские апокрифические евангелия. М., 1895, с. 71, 114—117; Я г и ч И. Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний. II. Апокрифическое Послание Пилата в Рим. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 3, с. 793—822; С т о я н о в и ч Л. В. Новые слова Климента Словенского. — СОРЯС, 1905, т. 80, № 1, с. 240—250; И л ь и н с к и й Г. Апокриф «Acta Pilati» в списке Орбельской триоди XIII в. — РФВ, 1906, № 3—4, с. 209—217.

О. В. Творогов

Похвала к богу о сотворении всякой твари см. *Шестодневы*.

Похвала князю Ростиславу Мстиславичу — древнерусский литературный памятник XII в. П. читается в Нифонтовском сборнике (ркп. ГПБ. Q. XVI. 15, л. 468 об. — 469), созданном в 30—40-х гг. XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре во время игуменства Нифонта Кормилицына и при его непосредственном участии. В рукописи П. имеет ошибочное, позже приписанное название: «О великом князе Мьстиславе Смоленском и о церкви». В начале XIX в. для Н. П. Румянцева была сделана копия с П., в которой не везде правильно воспроизведен текст и сделаны некоторые орфографические поновления (см. об этом в статье: С у м н и к о в а. «Повесть», с. 134). Однако именно по ней вплоть до 1973 г. судили о тексте памятника. Дело в том, что в основу издания П., предпринятого в 1909 г. И. И. Орловским, лег не текст Нифонтовского сборника, а сделанная с него для Н. П. Румян-

цева копия. Текст же, опубликованный И. И. Орловским, был в 1964 г. перепечатан с незначительными изменениями (буквенная цифирь заменена арабской) М. К. Каргером в монографии «Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.)». Ошибки и поновления копии, по которой судили о тексте П., и заставили, видимо, А. Поппэ усомниться в древности памятника (см.: Поппэ А. В. Учредительная грамота смоленской епископии. — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 70, примеч. 48). Лишь в 1973—1974 гг. в статьях Т. А. Сумниковой и Я. Н. Щапова был опубликован текст П. по Нифонтовскому сборнику и внесена поправка в чтение одной из дат, что позволило по-новому решить некоторые вопросы, связанные с данным памятником.

Включение П. в сборник историко-полемического характера, содержащий сочинения в защиту истинности официального русского православия, Я. Н. Щапов объясняет тем, что она «заинтересовала составителя сборника... как сочинение, показывающее древность православия на Руси и успехи, связанные с его распространением» (Щапов. Похвала, с. 49). По жанру запись в Нифонтовском сборнике о Ростиславе Мстиславиче является посмертной похвалой князю. Особенность данной П. по сравнению с другими памятниками этого жанра состоит в том, что в ней нет перечисления добродетелей святого князя, являвшегося обязательной чертой этого жанра, в ней описан лишь один факт из биографии князя Ростислава: устроение им церкви в Смоленске, учреждение тамошней епископии и ее обеспечение (до этого главная смоленская церковь подчинялась Переяславской епископии), чем Ростислав «боле люди сия и землю просвети». Этого факта вполне достаточно, по мнению автора П., для установления церковного почитания этого смоленского, а затем великого киевского князя, с надеждой на которое, как считают исследователи, и написан памятник. Не случайно автор П., говоря о Ростиславе, употребляет многозначительную формулу «треблаженный и святой», т. е. достойный особой благодати и особого почитания современников. Церковное почитание Ростислава, видимо, действительно имело место в древности, на что, по мнению Я. Н. Щапова (Щапов. Похвала, с. 54), указывает включение имени Ростислава с точным указанием даты его смерти в русское агиографическое сочинение XVII в. «Книгу о российских святых», однако официально Ростислав Смоленский не был канонизирован. П. была создана, как считают Т. А. Сумникова и Я. Н. Щапов, в Смоленске, вскоре после 1167 г. — года смерти Ростислава. Есть основания говорить о принадлежности автора П. к кругам, тесно связанным с той смоленской церковью Богородицы и епископской кафедрой, которые упоминаются в П. (Щапов. Похвала, с. 53). Кроме того, указывая на определенную близость некоторых составных частей П. и порядка их расположения к обычным дипломатическим формулярам средневекового документа, Щапов предполагает, что автор ее был связан с епископской канцелярией, занимался составлением документов кафедры (там же, с. 56).

Большой интерес для историков и археологов представляет запись летописного характера, заканчивающая П. Она сообщает об освящении церкви Богородицы первым епископом города Смоленска «месяца августа ЄІ день, индикта ГІ, в лета ҂Ѕ·Х·Н·ІЄ». В данной записи исследователи видят указание на освящение Успенского собора в Смоленске, заложенного еще в 1101 г. Поскольку при указании года последнее титло покрывает две буквы, возник вопрос, как читать дату: как 1147 г. (как считал И. И. Орловский, вслед за ним М. К. Каргер и другие исследователи) или как 1150 г. (так считают Т. А. Сумникова и Я. Н. Щапов). Спорным является и вопрос о том, было ли это первое освящение Успенского собора, связанное с окончанием его строительства (так считает Т. А. Сумникова), или вторичное (так считает Я. Н. Щапов).

Изд.: Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыне и раскопки его развалин. — Смоленская старина. Смоленск, 1909, вып. 1, с. 211—212, примеч. 2; Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, с. 125, прил. 8; Сумникова Т. А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу других смоленских источников XII в. — В кн.: Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973, с. 128—146; Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 47—59.

Лит.: Барсуков. Источники агиографии, стб. 467—468: Щапов Я. Н. 1) Княжеские уставы и церковь на Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 137—149; 2) Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. — В кн.: Новое в археологии: Сб., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972, с. 276—282.

Л. В. Соколова

Пролог — древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей. П. имеет календарный характер: жития святых расположены в нем в соответствии с днями их церковной памяти; на каждый день года обыкновенно приходится несколько житий и памятей святых. Проложные жития отличаются исключительной краткостью и сухостью изложения (ср. минеи). П. был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством помещенных в него с назидательной целью рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию. В Древней Руси П. пользовался широкой популярностью и сделался со временем любимой книгой для чтения. Сохранилось около трех тысяч рукописных П. различного вида. Наименование «Пролог» употреблялось только на Руси: по-видимому, заголовок предисловия (греч. πρόλογος) был по ошибке принят за название книги. Имеется три основных разновидности обыкновенного (нестишного) П.: славянский Синаксарь, 1-я русская редакция и 2-я русская редакция. Все три вида относятся к киевскому периоду. Существование двух редакций П. (Синаксарь и 1-я редакция не разграничивались)

было установлено архим. Сергием (см.: Сергий архим. Полный месяцеслов Востока, т. 1, с. 216—289).

Славянский (переводной) Синаксарь сохранился в единственном русском списке (ГПБ, Соф. собр., № 1324, 1-я часть, кон. XII в.); а также в нескольких сербских и болгарских списках XIII—XIV вв. Синаксарь, как и его византийский источник, представляет собой календарный свод житий и памятей с тропарями важнейшим святым. Непосредственным греческим оригиналом Синаксаря явился Менологий Василия II (ок. 985 г.) с дополнениями, сделанными в XI в. вначале студийским монахом Ильей, а затем Константином, митрополитом Мокисийским. Обилие местных константинопольских праздников указывает на происхождение этого оригинала. Точное время и место перевода Менология на славянский язык неизвестны, однако ряд словарных данных доказывает участие в этом предприятии русских переводчиков. Были выдвинуты две гипотезы: согласно первой (Сергий, А. И. Соболевский, В. А. Мошин), Синаксарь был переведен на Руси, причем не позднее начала XII в.; по другой версии (М. Н. Сперанский) этот перевод есть результат совместной работы русских и южнославянских книжников в Константинополе или на Афоне. Данные текстов позволяют отдать предпочтение первой гипотезе. Во всяком случае, не вызывает сомнений тот факт, что перевод Синаксаря, даже если он был выполнен в Константинополе, предназначался для надобностей именно русской церкви; возможно, он был сделан для Киево-Печерского монастыря, студийский устав которого предписывал чтение Синаксаря. Вскоре после перевода в текст Синаксаря были внесены памяти русских святых: Бориса и Глеба (см. *Нестор*, *Сказание о Борисе и Глебе*), *Феодосия Печерского*. Этот русский Синаксарь в XIII в. был перенесен к южным славянам, где претерпел некоторые изменения (в т. ч. был дополнен новыми русскими статьями), но не получил большого распространения (о славянских П. см. в работах А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Яцимирского и В. А. Мошина).

1-я редакция П. известна только в русских списках; к ней относится большинство (ок. 50) пергаменных П., в том числе древнейший датированный список П. (ГИМ, собр. Хлудова, № 187, 1262 г.) и ряд списков XIII—XIV вв. (например, ЦГАДА, Типограф. собр., № 154—160, 163, 168—179; ГИМ, собр. Уварова, № 96, 325, 326; Синод. собр., № 239, 240). В бумажных списках П. 1-я редакция встречается сравнительно редко. Так как 1-я редакция своим объемом значительно превосходит Синаксарь, годовой текст разделен в ней (как и во 2-й редакции П.) на две половины: сентябрьскую и мартовскую. 1-я редакция имеет вид, отличный от синаксарного: под каждым числом вслед за житиями вписана назидательная статья (небольшое поучение или патериковый рассказ). Несмотря на видимую новизну состава, 1-я редакция не является оригинальной переработкой Синаксаря: житийная часть 1-й редакции в точности соответствует перевод-

ному Синаксарю, а нравоучительные статьи почти все взяты из пространной 2-й редакции П. (которая, таким образом, по нашему мнению, хронологически предшествует первой). Первоначально эти выписанные из 2-й редакции статьи были собраны в конце Синаксаря в качестве приложения к нему (такой порядок сохранен списками ГПБ, Соф. собр., № 1324, 2-я часть; ЦГАДА, Typograф. собр., № 171; ГИМ, собр. Уварова, № 83), но вскоре были разнесены по числам. Составление подобной компилятивной редакции объясняется, по-видимому, желанием сохранить древний канонический состав житий (измененный во 2-й редакции) и воспользоваться в то же время новым литературным материалом. Кроме того, такая компиляция по своему объему была более удобна для частой переписки на пергамене, нежели громоздкая 2-я редакция. Составление 1-й редакции датируется началом XIII в.; о месте ее возникновения нельзя сказать ничего определенного. Во всех списках 1-й редакции читается одинаковый набор русских праздников — памяти Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Освящения церквей Георгия, Десятинной и Софии Киевской. Статьи на эти праздники в 1-й редакции составлены главным образом по *Повести временных лет* и не особенно удачны. Этот комплекс русских статей был внесен в Синаксарь в Киеве еще в половине XII в. и в составе Синаксаря перешел в текст 1-й редакции. Статьи о Владимире Святом и Перенесении мощей Николы (см. *Житие Николая Марликийского*), также читающиеся в 1-й редакции, взяты из 2-й редакции П. Некоторые списки 1-й редакции (в т. ч. ГПБ, F. п. I.47, XIII в. и ГПБ, Соф. собр., № 1325, XIV в.) сохранили архаическую черту переводного Синаксаря — тропари и указания служб.

2-я редакция П. по своему объему вдвое превышает первую; пергаменные ее списки редки (например: ЦГАДА, Типографское собр., № 164 и 166, кон. XIII—нач. XIV вв., № 153, кон. XIV в.; ГИМ, Синод. собр., № 244—248, XIV в., ГИМ, Успенское собр., № 3, 1406 г.; ГПБ, собр. ПДА, А $1/264_{1-2}$, кон. XIV в. и др.), бумажные исчисляются сотнями. 2-я редакция, в отличие от первой, есть подлинная русская редакция Синаксаря, результат последовательной и полной переработки синаксарного текста. Весь житийный материал подвергся решительным изменениям: многие памяти выброшены или перенесены на другое число, введены новые святые, прежние краткие жития расширены вставками или заменены новыми, более подробными. В этих изменениях составители 2-й редакции руководствовались преимущественно славянскими минеями. Во 2-й ред. имеется также некоторое число статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, ап. Нафанаила и др.). Отдел русских праздников во 2-й ред. замечателен своей полнотой: в него входят статьи о Борисе и Глебе, Феодосии Печерском (иные, и более удачные, чем в 1-й редакции), Жития Ольги, Варягов, Владимира, *Жития Антония* и Исаакия Печерских, *Житие Леонтия Ростовского*, сказания о постройке церкви Георгия, о пришествии апостола

Андрея на Русь, о перенесении мощей Николая Мирликийского, Слово на праздник Покрова (см. *Слова на Покров*). Во 2-ю редакцию вошли краткие жития славянских святых — *Жития Константина (Кирилла) и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских.* Наконец, важным нововведением было внесение в житийный текст Синаксаря массы назидательных статей (подобный нравоучительный материал никогда не встречался в греческих месяцесловах). Подобная фундаментальная переработка Синаксаря несомненно могла быть предпринята лишь компетентными деятелями, имевшими в своем распоряжении большую библиотеку оригинальной и переводной литературы. Исследование текстов 2-й редакции и ее русских житий позволяет предположить, что местом ее составления был Туров, а временем — конец XII в. Можно предположить также, что инициатором переработки Синаксаря был древнерусский писатель и церковный деятель *Кирилл, епископ Туровский.* Заметим, что именно в ранних списках 2-й редакции сохранилось единственное известное житие Кирилла Туровского. Назидательный отдел П. необычайно богат: его составляют многочисленные рассказы из патериков, фрагменты из *Жития Андрея Юродивого. Повести о Варлааме и Иоасафе*, Жития Иоанна Милостивого, притчи, поучения Иоанна Златоустого, Ефрема Сирина (см. «*Паренесис*» *Ефрема Сирина*) и п. (Об источниках П. см.: Петров. О происхождении и составе). Это собрание коротких, доступных и часто занимательных отрывков положило основу всей древнерусской литературе поучений и обеспечило П. постоянный успех. Общее направление проложных поучений альтруистическое, идеи милосердия и любви к ближнему преобладают. Литературное влияние П. неоспоримо: проложными рассказами изобилуют сборники, их цитируют позднейшие жития и «Домострой», на них сочиняются духовные стихи. В новое время сюжеты П. обрабатывали Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой. К. Н. Батюшков в своих сатирах сделал П. символом славянофильства.

Иной, независимый вид П. представляет собой так называемый стишной П., сравнительно мало распространенный на Руси. Этот П. нового иерусалимского устава был переведен с греческого в Сербии в XIV в.; «стишным» он именовался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых. Наиболее ранний русский список «стишного» П. (ГИМ, Чуд. собр., № 17) датируется концом XIV в. Есть основания полагать, что «стишной» П. был привезен и введен в обращение на Руси митрополитом Киприаном, пропагандировавшим иерусалимский устав (см.: Турилов. Оригинальные южнославянские сочинения). Впоследствии «стишной» П. трансформировался, в частности, дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций нестишного П. В XVI в. «стишной» П. вместе со 2-й редакцией обычного П. вошел в ВМЧ.

Первое издание П. состоялось в Москве в 1641—1643 гг.; при этом в 1641 г. был напечатан только том на сентябрьскую половину года, а в 1642 г. повторен сентябрьский том, а на следующий

год вышел том на мартовскую половину. Издание это отличалось крайней компилятивностью: в нем были смешаны тексты 1-й и 2-й «стишной» редакций. За ним последовали новые издания П. (в том числе семь изданий XVII в.), уже не связанные с рукописной традицией и подчинявшиеся в своих изменениях политической конъюнктуре. Из сказанного можно судить, что исследование Н. И. Петрова (О происхождении. .), основанное на печатном издании 1813 г., весьма отдаленно напоминает состав и структуру древнейших списков рукописного П.

Постатейные описания отдельных списков П. см. в кн.: Абрамович Д. И. Описание рукописей Санкт-Петербургской Духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1907, вып. 2, с. 154—251; Пергаменные рукописи БАН СССР. М., 1976, с. 49—62, 124—162, 197—203. Оглавление житийного отдела П. см. у Сергия (Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. 1, прилож. 10). Отдельные русские жития, вошедшие в состав П., рассматриваются в кн.: Никольский. Повременный список; Шахматов. Разыскания; Серебрянский. Княжеские жития; Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, с. XV—XVIII, 104—108.

Изд.: Славяно-русский Пролог. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1896, вып. 2; 1898, вып. 4 (отдельные статьи из П.); Пролог по рукописи Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58. СПб., 1916, вып. 1 (изд. ОЛДП, № 135); СПб., 1917, вып. 2 (изд. ОЛДП, № 136); Литературный сборник XVII в. — Пролог. М. 1978.

Лит.: Калайдович К. 1) Известия о древностях славяно-русских и об ИгнатииФерапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, с. 9—10, 14; 2) Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824, с. 90—91; Востоков А. Х. 1) Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих. А. С. Норову. — ЖМНП, 1836, сентябрь, отд. 3, с. 538—541; 2) Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 447—462; Снегирев И. Новгородский древний Пролог. — Русский исторический сборник, 1839, т. 3, кн. 3, с. 293—296; Куприянов И. Обозрение пергаментных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, с. 25—26; Срезневский Сведения и заметки, № 41, с. 25—31; Владимирский Н. Несколько слов о Прологе, памятнике древнерусской письменности, и несколько вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения. — Учен. зап. Казан. унив. Казань, 1875, ч. 42, с. 851 883; Петров Н. И. 1) О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875; 2) Новые сочинения по агиологии в 1875 г. — Тр. Киев. духовн. акад., 1876, т. 1, с. 583—603; Сергий. 1) Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875, с. 216—289; (2-е изд.: Владимир, 1901, т. 1, с. 278—351); 2) Ответ по агиологии. — ЧОЛДП, 1876, кн. 5, с. 334—370; 3) Святый Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. СПб., 1898, с. 57—84; Петухов Е. В. Материалы и заметки по истории древнерусской письменности. Киев, 1894, 1. К истории древнерусского Пролога, с. 1—31; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. СПб., 1896, т. 1, с. 457—467; Абрамович Д. И. О Спасо-Прилуцком Прологе Санкт-Петербургской Духовной академии. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 282—288; Сперанский М. Н. 1) Сентябрьская книга четья домакарьевского состава. — СОРЯС, 1899, т. 64, № 4, с. 1—9; 2) История древнерусской литературы. 2-е изд. М., 1914, с. 201—209; 3) К истории взаимоотношений русской и югославской литера-

тур. — ИОРЯС за 1921, 1923, т. 26, с. 143—206; Перетц В. Н. К истории славяно-русского Пролога. — Зап. Неофилол. об-ва, 1914, вып. 8. (отд. оттиск: Пгр., 1914); Шляпкин И. А. Лекции по истории русской литературы, 3-е изд., Пгр., 1915, ч. 1, вып. 2; Серебрянский. Княжеские жития, с. 8—12; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. — ИОРЯС, 1916, т. 21, кн. 1, с. 79—85; Смирнов И. М. Синайский патерик. Сергиев Посад, 1917, с. 260—272; Mošin V. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskogo u svjetlosti visantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII v. — Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenckih Akademije. Zagreb, 1959, vol. 2, s. 17—68; Widnäs M. Les synaxaires slavo-russes des «Fragments Finlandais». — Commentationes Humanorum Litterarum, Helsinki, 1967, vol. 38, N 1, p. 1—214; Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 255—269; Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 41—50, 58—74; Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973, вып. 1, с. 274—296; Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 138—156; Фет Е. А. 1) О Софийском Прологе кон. XII—нач. XIII в. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 78--92; 2) Прологи в собрании Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, 1979, т. 34, с. 357—361; 3) Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—70; Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978, с. 39—44; Жуковская Л. П. 1) О якобы датированных списках Стишного пролога XV в.: (Троицкое собрание ГБЛ). — В кн.: История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982, с. 74—121; 2) Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи). — В кн.: Славян. языкозн. IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делег. М., 1983, с. 110—120; Лебедева И. Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 39—53.

Е. А. Фет

Прохор (ум. 7.IX.1328) — епископ Ростовский, предполагаемый автор *Жития митрополита Петра* и похвального ему слова. П. был поставлен в епископы ростовские митрополитом *Петром* в 1311 г. После смерти митрополита Петра (21 декабря 1326 г.) до приезда на Русь митрополита *Феогноста* (1328 г.), по-видимому, возглавлял русскую церковь. 14 августа 1327 г. освятил в Москве собор в честь успения богородицы, строительство которого было начато 4 августа 1326 г., при митрополите Петре, князем Иваном Даниловичем Калитой. В Житии митрополита Петра в рассказе о его канонизации на Владимирском соборе 1327 г. упоминается П.: «Князь Иван, написав та чюдеса, и посла в град Владимерь ко святому собору, и, взем свиток, преподобный епископ Прохор взиде на анбол, и нача чести чюдеса, бывшаа в граде Москве от гроба святаго Петра митрополита». Второй извод первой редакции этого жития в рукописях называется «Преставление Петра митрополита всея Руси, а се ему чтение Прохора епископа ростовского». На этом основании Житие митрополита Петра в первоначальной редакции считалось написанным П. Но уже Е. Е. Го-

лубинский усомнился в возможности этого, так как П. упоминается там при этом как преподобный. В. А. Кучкин также отрицает авторство П., объясняя наличие его имени в заголовке Жития тем, что оно было перенесено сюда с Поучения, которое во втором изводе присоединили к Житию. Таким образом, П. он считает автором этого Поучения. Поучение же это является собственно поучением лишь в первой своей части, второй частью представляя собой похвальное слово митрополиту Петру. Оно несамостоятельно и обнаруживает свою зависимость от «Поучения на память святого апостола Марка», «Поучения на память апостола или мученика», «Похвального слова вселенским патриархам», «Поучения в неделю по рождестве Иоанна Предтечи» и от третьей статьи Фрейзингенских отрывков. В рукописях, однако же, оно не носит имени П., но называется обычно, когда помещается отдельно от Жития, «Поучение Петра митрополита, егда препре тверского епископа Андрея в соборе». Наличие имени Петра в этом заголовке заставляет допустить, что поучение Петра здесь слито с похвальным ему словом П.

Изд.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, с. 312; Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Христ. чт., 1909, август—сентябрь, с. 1113—1115.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 76; Барсуков. Источники агиографии, стб. 447—449; Ист. рус. лит. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 70; Голубинский Е. История русской церкви. Период второй, Московский. М., 1900, т. 2, 1-я пол., с. 98; Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, 1962, т. 18, с. 59—79.

Г. М. Прохоров

Пчела — переводной сборник изречений и кратких исторических анекдотов, распространенный в древнерусской книжности. Изучение древнерусской П. с точки зрения ее состава, композиции и особенностей перевода может быть продуктивным лишь при сопоставлении ее с греческим оригиналом. Если В. Семенов, издатель пергаменого списка П., напечатал древнерусский текст параллельно с греческим текстом, контаминированным из разных рукописей, то А. В. Михайлов и М. Н. Сперанский поставили своей целью обнаружить наиболее близкую греческую версию греческой «Пчелы» (Флорилегия). Опираясь на изучение греческих разновидностей Флорилегиев (на работы Р. Дресслера, К. Ваксмута, Х. Шенкля и др. ученых) и собственные разыскания, М. Н. Сперанский установил, что древнерусская П. восходит к поздней и сокращенной версии флорилегия Максима Исповедника, отразившейся, в частности, в списках Парижской национальной библиотеки № 1169 (XIV в.), и библиотеки Лаврентия (Лоренцо Медичи) во Флоренции (Laurentianus, plut LIX, cod. 20, XV в.). Однако список-оригинал перевода был старше и исправнее известных М. Н. Сперанскому списков. Восходящая к этому источнику древнерусская П. насчитывает 71 главу (в отдельных списках есть лакуны: в частности в изданном В. Семеновым пергаменном списке пропущен конец 33-й и начало 34-й главы, из-за чего

сбита нумерация глав). Эта редакция П. озаглавлена: «Книги бьчела. Речи и мудрости от Еуангелья и от Апостола и от святых мужь и разум внешних философ». Русский перевод П. содержит главы: «О житийстей (жития) добродетели и о злобе» (гл. 1), «О мудрости» (2), «О чистоте и о целомудрии» (3), «О мужестве и о крепости» (4), «О правде» (5), «О дружбе и братолюбьи» (6), «О милостыне» (7), «О благодати» (8), «О власти и о княжении» (9), «О лжи и о клевете» (10), «О ласканьи» (11), «О богатстве и убожестве» (12), «О удобьи» (13), «О молитве» (14), «О учении и о беседе» (15), «О наказании» (16), «О любомудрии и о учении (детий)» (17), «О богатстве и о убожии (убожестве)» (18), «О ярости и о гневе» (19), «О молчании и о тайне» (20), «О многопитании и молчании» (21), «О многоимании и обиде» (22), «О чести родитель» (23), «О страсти (страсе)» (24), «О скоровозвращении (скоровозвращающихся) и о покаянии» (25), «О грехе и о исповедании» (26), «О сытости угодии чреву (О чрессытости и чреву угожающи)» (27), «О печали и о беспечалии» (28), «О снах (сне)» (29), «О пьянстве» (30), «О бодрости (дерзновении) и о обличении» (31), «О страдолюбии (трудолюбии)» (32), «О клятве» (33), «О тщеславии» (34), «О истине и о лжи» (35), «О хвалении» (36), «О красоте» (37), «О хотящем быть суде» (38), «О славе» (39), «О многомолвлении» (40), «О промысле» (41), «О смирении» (42), «О врагах» (43), «О вере» (44), «О памяти» (45), «О душе» (46), «О зависти» (47), «О волнем и неволнем» (48), «О разумеи о себе» (49), «О благости» (50), «О законе» (51), «О словеснем сердечнем» (52), «О безумьи» (53), «О блуженьи» (54), «О обычае и о нраве» (55), «О благородии и злородьи» (56), «О смесех» (57), «О сне» (58), «О безлобии и о не воспоминании злу» (59), «О непостояньи житья (житийстем)» (60), «Яко достойно чтити благодать, (а) зло (злобу) отгнати» (61), «Яко проста есть злоба и одва годится благодеяние человеком» (62), «О самолюбьи» (63), «О правде, о обиде» (64), «О смерти» (65), «О мире и о рати» (66), «О уповании» (67), «О женах» (68), «О противословьи и о шатаньи» (69), «О старости и о уности» (70), «О терпеньи и о долгодушии» (71). Каждая глава содержит более 20 изречений и фрагментов: в начале ее — цитаты из книг Св. писания, сочинений отцов церкви (Иоанна Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Севериана Гавальского и др.). Далее следуют изречения, принадлежащие или приписываемые античным философам и писателям: Аристотелю, Анаксагору, Пифагору, Демокриту, Диогену, Сократу, Плутарху, Софоклу, Эврипиду, Феогниду и др. В исторических анекдотах содержатся краткие эпизоды из жизни и деяний Александра Македонского и Филиппа, спартанских царей Агесилая, Леонида, афинского государственного деятеля Алкивиада, восточный царей — Дария, Артаксеркса, Кира, Креза и др. Таким образом, П. являлась не только сводом этических рекомендаций, но и расширяла исторический кругозор читателя.

Известно более двух десятков списков этой версии древнерусской П.: ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 370/820, конца XIV в.;

ГПБ, F. п. 1. 44, XV в. (изд. В. Семеновым); ГБЛ, собр. Ундольского, №№ 195 и 621, XVI и XVII вв.; ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 38; ГИМ, Синод. собр., №№ 312/579, 313/944, 314/854 (л. 4—103), 324/421 и 325/560; ГИМ, собр. Уварова, № 394/59, XV и XVI вв.; ГПБ, собр. Погодина, № 1068, XVII в. и др.

Эта редакция, как убедительно доказал М. Н. Сперанский, переведена на Руси не позднее XII—XIII вв. Об этом говорит, в частности, наличие цитат из П. в составе летописи и «Мерила праведного». В Летописце Переяславля Суздальского под 1186 г. читается: «якоже в бчеле глаголеть: брань славна луче мира скудна; с лживым миром живуще велию пакость землям творят» (см.: Оболенский М. Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851, с. 99; в Летописи Лаврентьевской под тем же годом читаются те же цитаты. Однако источником их названа не П., а некий «пророк»). В П. эти цитаты читаются в составе гл. 66 (см. в изд. В. Семенова 1893 г., с. 412 и 413). В «Мериле праведном» (см.: Мерило праведное по рукописи XIV века. М., 1961, л. 21 об. 31 и 67—68) также читается несколько изречений из П. Они изданы М. Н. Сперанским (см. приложение к его книге: Переводные сборники изречений, с. 48—62).

Поэтому догадка П. Бессонова, что посредником в деле ознакомления с П. русских книжников или даже переводчиком ее мог быть *Стефан Новгородец*, посетивший Византию в середине XIV в., может быть оставлена.

Неоднократно указывалось на связь П. с «Молением» *Даниила Заточника*. Однако соотношение этих памятников сложнее, чем казалось первым исследователям: в ряде случаев «Моление» и П. имели общий источник, в других можно допустить, что именно П. в своих поздних разновидностях обращалась к «Молению». Поэтому, по заключению М. Н. Сперанского, «все эти сомнения не позволяют нам опираться на „Моление“ как на источник для датировки „Пчелы“ с полной уверенностью» (Переводные сборники изречений, с. 313). К аналогичному выводу пришел и Н. Миндалев, отметивший, что влияние П. наблюдается «в таких местах, принадлежность которых первоначальному тексту более чем сомнительна» (Моление Даниила Заточника, с. 279).

Вторую разновидность П. представляет редакция, состоящая из 68 глав. Она восходит к древней редакции, но изменен состав глав и их порядок, сделан ряд добавлений, обычно опущены имена лиц, которым принадлежат изречения. Гл. 1 соответствует 9 главе древней редакции, гл. 2 — 7-й, гл. 3 — 8-й, гл. 4 — 14-й, гл. 5 — 41-й, гл. 6 — 36-й, гл. 7 — 66-й, гл. 8 — 45-й, далее следуют главы (в скобках — соответствующие главы древней редакции): 9 (46), 10 (38), 11 (65), 12 (5), 13 (63), 14 (25), 15 (48), 16 (59), 17 (62), 18 (61), 19 (37), 20 (42), 21 (50), 22 (15), 23 (64), 24 (67), 25 (44), 26 (31), 27 (68), 28 (69), 29 (70), 30 (71), 31 (17), 32 (23), 33 (20), 34 (40), 35 (27), 36 (28), 37 (16), 38 (57), 39 (43), 40 (2), 41 (32), 42 (49), 43 (56), 44 (47), 45 (22), 46 (26), 47 (35), 48 (10), 49 (11), 50 (18), 51 (52), 52 (53), 53 (39), 54 (29), 55 (51), 56 (60),

57 (30), 58 (19), 59 (55), 60 (1), 61 (3), 62 (24), 63 (2), 64 (6), 65 (33), 66 (54), а главы 67 и 68 соответствия первой редакции П. не имеют. Эта разновидность П. известна, в частности в списках ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 735 и ГИМ, Синод. собр., № 314/854 (л. 106—225).

Третья разновидность П. содержит 44 главы. Она озаглавлена: «Книга, глаголемая Пчела. Избрание душеполезных вещей Ветхого и Нового завета от святого Евангелия, и от Апостола, и от Притчей Соломоних, и от книг Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго и от многих книг различных древних философов».

Главы 42 и 44 этой версии составлены на основе «*Паренесиса*» *Ефрема Сирина* и «Лествицы» Иоанна Синайского. Остальные главы восходят к первой разновидности П., однако сами главы следуют в ином порядке, а входящие в них изречения часто не соответствуют по составу изречениям аналогичных глав; в одной главе объединяются изречения, находящиеся в первой разновидности в разных главах, отдельные изречения добавлены из других источников и т. д. Гл. 1 состоит из изречений, извлеченных из статей, обычно сопровождающих П.: Книг Притч Соломоновых и Премудрости Соломона, *Мудрости Менандра*. Главы 2 и 3 соответствуют главам 47 и 48 первой разновидности, глава 4 содержит изречения из 30-й и 40-й глав; гл. 5, 6 и 7 соответственно сходны с гл. 40, 42 и 6; гл. 8—12 и начало гл. 13 в основном соответствуют 2—7-й и частично 8-й главам; гл. 14—17 соответствуют гл. 60, 59, 58, 57; гл. 18 — гл. 63 и 64; гл. 19—22 — гл. 65, 10, 54 и 56; гл. 23—28 — гл. 22, 24, 8, 9, 16 и 17; гл. 29 — гл. 12 и 18; гл. 30 и 31 — гл. 15 и 14; гл. 32 — гл. 26, 38 и 39; гл. 33—35 — гл. 68—70; гл. 38—40 — гл. 27—29; гл. 36 состоит из гл. 20 и 21; гл. 37 соответствует гл. 32; гл. 43 — гл. 36 и 37; гл. 41 содержит извлечение из «Словес избранных св. Исихия».

Эта редакция была исследована, описана и издана В. Семеновым в 1895 г.; ему были известны списки: ГПБ, Q.1.196; ГБЛ, собр. Румянцева, № 368 и собр. Пискарева, № 89, XVII—XVIII вв.

Особой разновидностью П. является редакция, переведенная в 1599 г. с издания 1546 г., осуществленного К. Геснером. Перевод был сделан в Дерманском монастыре (на Волыни), находившемся под покровительством известного деятеля культуры князя Острожского. Эта редакция именуется: «Сущая сей в книге Пчела, или Собрание стихов от богодуховного писания и внешнего учителей в три книзе Антонием и Максимом иноками собрана. Антонию убо книги две в главах 176, а Максиму книга 1 в главах 71 изображена суть». Если старшая редакция П. знакомила русских книжников с флорилегием Максима, то данная редакция содержала также флорилегий Антония, включавший по преимуществу цитаты из Св. писания. Рассматриваемая редакция П. не получила большого распространения, но была известна в XVII—XVIII вв. в старообрядческой среде. Известны, например, списки: ГИМ, собр. Щукина, № 74; ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 126; ГБЛ, собр. Лу-

кашевича, № 93 и 94; ГИМ, собр. Уварова, № 392/21 и 393/507 и др. С. П. Розанов обратил внимание на компилятивные сборники: ГБЛ, Музейное собр. № 3271, содержащий текст, озаглавленный «Пчела а си словца избранна от старчества наказанья», и ГПБ, собр. Погодина, № 1287 с текстом: «От Пчелы, а се словца избраны от старчества». Погодинская рукопись содержит лишь первую половину текста. Во второй половине (в сборнике ГБЛ) находится ряд выдержек из П., списка, близкого к списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 195 и к списку ГИМ, Синод. собр., № 312/579. В первой части обоих сборников также находятся выписки из П., близкой к 68-главной П. например к списку ГИМ, Синод. собр., № 314/854.

Известны также южнославянские списки П. При этом сербские списки восходят к русскому переводу. Единственный известный пока болгарский список XV в. (Парижской национальной библиотеки, Департамент рукописей, славянский фонд, № 26; см.: Черепнин Л. В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки: (Краткий обзор). — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 222) содержит текст особого перевода, сделанного в XIV в., при этом с иной редакции греческого флорилегия, чем редакция — источник древнерусского перевода. Та же редакция П. отразилась в оглавлении, читающемся в списке Хронографа Архивского, однако сам текст в рукописи не сохранился. Фрагменты сербской и болгарской П. изданы М. Н. Сперанским (Сперанский. Переводные сборники. Приложения, с. 63—154).

Использование П. древнерусскими писателями исследовано еще недостаточно. Известно, например, обращение к ней Вассиана Рыло (см.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. — ТОДРЛ, 1951, т. 8, с. 175—176).

Изд.: Бессонов П. Книга Пчела: Памятник древней русской словесности, переведенный с греческого. — ВОИДР, 1857, кн. 25; Семенов В. 1) Древняя русская Пчела по пергаменному списку. — СОРЯС, 1893, т. 54, № 1 (репринт: Melissa. Ein byzantinischen Florilegium, griechisch und altrussisch. München, 1968 (Slavische Propyläen, Bd 7); 2) Материалы к литературной истории русских Пчел. — ЧОИДР, 1895, кн. 2; Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты. М., 1904, с. 155—392; Прилож., с. 48—62; 155—164; Щеглова С. А. «Пчела» по рукописям Киевских библиотек: Опыт изучения и тексты. СПб., 1910; «Пчела» /Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова). — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 486—519, 614—616.

Лит.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1831, кн. 1, с. 71; Сахаров И. П. О слове Даниила Заточника. — Москвитянин, 1843, ч. 5, с. 149—155; Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846, т. 1, ч. 2, с. 248; Оболенский М. А. Летописец Переяславля Суздальского. — ВОИДР, 1851, кн. 9, с. 82—84; Сухомлинов М. И. Замечания о сборниках, известных под названием «Пчел». — ИпоРЯС, 1853, т. 2, с. 222—234; Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 530—569; Модестов И. О послании Даниила Заточника. — ЖМНП, 1880, ноябрь, с. 165—195; Михайлов А. В. К вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений. — ЖМНП, 1893, январь, с. 15—59; Соболев-

с к и й А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — В кн.: С о б о л е в с к и й А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 141 (впервые опубл. в 1893 г.); Б у д д е Е. О слове Даниила Заточника в его отношении к древнерусской Пчеле. — В кн.: Под знаменем науки. М., 1902, с. 74—94; И с т р и н В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? Одесса, 19J12, с. 20—32; Р о з а н о в С. П. Материалы по истории русских Пчел. СПБ., 1904 (ПДПИ, № 154); М и н д а л е в П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, с. 244—279; П е р е т ц В. Н. Сведения об античном мире в Древней Руси XI—XIV в. — Гермес, 1917, т. 20, с. 261—262; Пгр., 1919, т. 23, с. 180—185; С п е р а н с к и й М. Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур. — ИОРЯС, за 1921 г., т. 26. Пгр., 1923, с. 190—192; Е г у н о в А. Н. Erotici scriptores в древнерусской «Пчеле». — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 101—104; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси. — ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 3—68.

О. В. Творогов

Р

Рагуил Добрынич, тысяцкий см. *Автор «Слова о полку Игореве»*.

С

Серапион (ум. 1275) — епископ Владимирский, проповедник и писатель. Сведения о жизни и деятельности С. крайне скудны. В летописи имеются лишь два сообщения о нем. Под 1274 г. говорится: «Того же лета прииде ис Киева митрополит Кирил и приведе с собою архимандрита печерьскаго Серапиона, и постави его епископом Володимерю, Суждалю и Новугороду Нижнему» (Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 151). Тот же текст читается в Воскресенской, сходный — в Никоновской летописи. В летописном своде 1479 г. сообщается несколько иначе: «Прииде из Киева митрополит Кирил и постави епископа Володимерю и Суздалю, привед с собою печерскаго игумена Серапиона» (ПСРЛ, 1963, т. 28, с. 61. Тот же текст читается в летописном своде 1518 г.). Под следующим 1175 г. в Московском летописном своде говорится: «В то же лето преставися епископ Володимерьски Серапион, бе же учителен зело в божественом писании, положен же бысть в церкви святыа Богородица во Владимери» (ПСРЛ, т. 25, с. 151). В своде 1497 г. иначе: «Преставися епископ Володимерскии Серапион и положен в церкви Пречистыя Златоверхия, бе же зело учителен и книжен» (ПСРЛ, т. 28, с. 61;

аналогичный текст в своде 1518 г.). Во Владимирском летописце в сообщении о поставлении С. упомянуты только Ростов и Владимир, а в сообщении о его смерти отсутствует характеристика «книжности» епископа (ПСРЛ, 1965, т. 30, с. 95). Кроме того, еще Е. Болховитинову удалось установить, что до поставления во Владимир С. игуменствовал с 1249 по 1274 г.

Несмотря на скупость летописной оценки «книжности» С., в науке утвердилось мнение о принадлежности ему пяти поучений. Четыре из них надписаны именем С. в одном из древнейших четьих сборников — «Златой чепи» XIV в. из собрания ГБЛ, Тр.-Серг. лавры, № 11. Эти поучения следующие: 1. «Слово преподобнаго отца нашего Серапиона» (нач.: «Слышасте, братие, самого господа, глаголюща в евангелии: И в последняя лета будет знаменья. . .»). Под заглавием «Слово святаго Иоанна Златоустаго о казнех божиих и о ратех» эта статья входит в «Измарагд» 1-й редакции, являясь его 37 главой (см. списки: ГБЛ, собр. Румянцева № 186, собр. Тр.-Серг. лавры, № 204 и ГПБ, F.I.233). Эта статья входит в сборник ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 40/1117, представляющий собой, по наблюдениям В. А. Яковлева (см. его кн.: К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 278—281), переделку той же редакции «Измарагда». Читается это же слово и в сборниках ГПБ, F. I. 915 и Q. I. 312; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 768 и 794 (в первом из них с заглавием «Поучение о потрясении, да отступим от зла и избудем гнева божия»); ГИМ, собр. Уварова, № 77/307 и 740/309, в сборнике Владимиро-Суздальского музея заповедника, № 5636/18 и «Златой чепи» из собрания Новгородского исторического музея, № 10960. 2. «Поучение преподобного Серапиона» (нач.: «Многу печаль в сердци своем вижу. . .») помимо Троицкого сборника № 11 («Златой чепи»), читается в Златоусте во вторник 1-й недели поста, где оно озаглавлено: «Поучение Иоанна Златоустаго, да престанем от грех наших», а также в сборниках. 3. «Слово святаго преподобнаго Сирапиона (так!)» помимо Троицкого сборника читается в «Златой чепи» Новгородского музея, в сборниках и регулярно в Измарагде 2-й редакции, где под заглавием «Слово святаго Ефрема о казнях божиих и о ратех» (нач.: «Удивимся, братие, и почудимся человеколюбию и милости бога нашего. . .») оно составляет главу 148. 4. «Поучение преподобнаго Серапиона» (нач.: «Мал час порадовахся о вас, чада, видя вашу любовь. . .») было известно лишь по списку Троицкого сборника. В. А. Колобанов обнаружил второй список Поучения в Златой чепи Новгородского музея. 5. «Слово блаженаго Серапиона о маловерии» (нач.: «Печаль многу имам в сердци от вас, чада. Никако же не пременито от злобы. . .») известно пока в составе одного лишь Паисиевского сборника XV в. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081). В первом из названных слов С. призывает свою паству к покаянию, напоминая ей о грозных божественных «наказаниях» — землетрясении и нашествии иноплеменников. Е. В. Петухов полагал, что речь идет о землетрясении 1230 г.,

описанном в летописях, и поэтому данное поучение написано С. вскоре после события. Что же касается упоминания в нем «ратей многих» и вражеского нашествия, то исследователь считал его позднейшей вставкой. В. А. Колобанов допускает, что поучение написано уже после монголо-татарского нашествия, и что имеется в виду другое землетрясение (например, 1258 г., упомянутое в Густынской летописи). Он отмечает, что в ряде списков поучения его предлагается читать не в мае, когда свершилось землетрясение 1230 г., а «октября в 26 день», в «воспоминание страшнаго трясения». Второе и третье слова С. развивают ту же тему — призыв к покаянию перед лицом постигших страну бед. Несмотря на церковно-учительный характер, все три названных слова С. являются выразительными свидетельствами настроений русского общества в тяжкие годы вражеского нашествия: уже к «40 лет приближается томление и мука», — говорит С., — «исчезла крепость» князей и воевод, в плену соотечественники, поросли сорной травой разоренные села, русское богатство стало «корыстью» врагов, и вся земля «иноплеменником в достояние бысть». При этом С. сурово обличает своих соплеменников, не упускающих случая «пограбить» чужое имение, вслед за автором «Слова о полку Игореве» выступая против феодальных междоусобиц. Четвертое и пятое слова С. посвящены более частным вопросам: проповедник выступает против языческих обычаев, против веры в колдовство, осуждает жестокую расправу над людьми, обвиняемыми в «волховании». Поучениям С. присущи высокие художественные достоинства, изысканное мастерство церковного ритора соединяется в них с необыкновенной простотой и ясностью языка. Исследователи отмечали влияние слов С. на другие литературные памятники: на Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского, на Повесть о Псковском взятии, на окружное послание патриарха Иоасафа (1636 г.).

Сложен вопрос о степени участия С. в соборе 1273 или 1274 г., одним из вопросов которого было поставление С. епископом владимирским. Я. Н. Щапов указывал на невыясненность многих обстоятельств проведения собора: когда именно и где он был созван, кто были его участниками и т. д. (см.: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 181—184). В. А. Колобанов, основываясь на стилистическом и языковом сходстве, считал, что С. принадлежит «Поучение к попам», входящее в состав Кормчих книг вместе с Постановлениями собора (см. *Кирилл* (*ум. 1280 г.*), *митрополит киевский*).

Изд.: Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. СПб., 1843, т. 1, с. 97—111, 193—205; Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, ч. 2, с. 36—38; Новые поучения Серапиона, епископа Владимирского (XIII в.). — ПС, 1858, июль, с. 472—484; Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888; Zenkovsky S. A. Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales. 2 ed. New York, 1974, p. 243—248 (пер. на англ. яз.); «Слова» Серапиона

Владимирского / Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 440—455, 606—610.

Лит.: Болховитинов Е. *Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок.* . Киев, 1831, с. 138; Аристов Н. Я. Заметка о поучениях епископа Серапиона. — Тр. III Археол. съезда. Киев, 1878, т. 2, с. 47—48; Филарет. Обзор, с. 63—64; Gorlin M. Serapion de Wladimir, prédicateur de Kiev. — Revue des études slaves, 1948, t. 24, p. 21—28; Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского. — ИОЛЯ, 1952, т. 2, вып. 5, с. 450—456; Колобанов В. А. 1) К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского. — Учен. зап. Владимир. пед. ин-та, 1958, вып. 4, с. 250—258; 2) О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попам». — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 159—162; 3) К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 442—445; 4) Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 329—333; 5) Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского: Автореферат канд. дисс. Л.; Владимир, 1962; Bogert R. On the Rhetorical Style of Serapion Vladimirskij. — In: Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984, p. 280—310.

О. В. Творогов

Сильвестр (ум. 1123 г.) — епископ Переяславля Южного, летописец. В 1116 г. был игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом, с 1118 г. становится епископом Переяславля (см.: *Летопись Лаврентьевская.* — ПСРЛ, М., 1962, т. 1, стб. 291, 293). В приписке, читающейся в конце статьи 1110 г. *Повести временных лет* второй редакции (в Летописи Лаврентьевской и *Летописи Радзивиловской*) говорится: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книгы си летописец, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне игуменящю в то время у святаго Михаила, в 6624 (1116), индикта 9 лета. А иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах». Эта приписка получила различное истолкование. По гипотезе А. А. Шахматова, разделяемой большинством исследователей, С. был составителем второй редакции ПВЛ. Характер и объем его редакторской работы остается неясным, так как предшествующая, первая редакция ПВЛ, составленная Нестором, не сохранилась. М. Д. Приселков полагал, что С. переработал заключительную часть ПВЛ (от статьи 1093 г.), так как она «оказалась враждебной новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому противнику Святополка» (Приселков. История Русского летописания, с. 42). По мнению Приселкова, С. сократил ряд известий о взаимоотношениях Святополка с Киево-Печерским монастырем, добавил в статью 1097 г. рассказ Василия об ослеплении князя Василька Теребовльского, включил в Вводную часть ПВЛ легенду о посещении Руси апостолом Андреем. М. Х. Алешковский, напротив, считал С. простым переписчиком, а приписку датировал 1118—1123 гг., когда С. был уже епископом. Этому допущению, однако, противоречит то, что С. именует себя в начале приписки игуменом. По гипотезе Л. Мюллера, С. — редактор ПВЛ, доведший ее изложение до 1115 г., а место приписки, механически прерывающей текст статьи 1110 г., — резуль-

тат дефекта списка, легшего в основу текстов так называемой второй редакции ПВЛ (см. также *Повесть временных лет*). А. Г. Кузьмин выдвинул гипотезу, что С. — ученик *Феодосия*, игумена Киево-Печерского монастыря, который упомянул себя в статье 1051 г. («к нему же (Феодосию Печерскому, — *О. Т.*) и аз придох худый и недостойный раб, и приял мя лет ми сущю 17 от роженья моего»), и приписывает ему значительный объем редакторских добавлений в тексте ПВЛ, в частности, статьи по истории Киево-Печерского монастыря.

Лит.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пгр., 1916, т. 1. Вводная часть; Текст; Примечания, с. II, X—XXI, XXVI—XXVII; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 42—43; Müller L. Die «dritte Redaktion» des sogenannten Nestorchronik. — In: Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 171—186; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971, с. 49—52; Кузьмин А. Г. Начальные этапы русского летописания. М. 1977, с. 155—167.

О. В. Творогов

Симеон (ум. 1289 г.) — епископ Тверской, автор «Наказания» Константину князю Полоцкому. Сведения о С. — первом епископе Твери — скудны. Имя его упоминается в летописях под 6779 г. в рассказе о погребении князя Ярослава Ярославовича в Твери в церкви Козьмы и Дамиана (Симеоновская, Никоновская летописи), под 6792—6794 гг. в рассказе о закладке в Твери церкви Спаса на месте, где прежде была церковь Козьмы и Дамиана (*летописи Лаврентьевская*, Воскресенская, Ермолинская, Типографская, Никоновская, Пискаревский летописец, Московский летописный свод конца XV в.), под 6795 г. в рассказе об освящении им этой церкви (Воскресенская, Никоновская летописи, Владимирский летописец, Московский летописный свод конца XV в.). Под 6796—6797 гг. сообщается о смерти С. (Симеоновская, Воскресенская, Новгородская V, Ермолинская, Типографская, Вологодско-Пермская, Никаноровская, Никоновская летописи, Пискаревский и Владимирский летописцы, Московский летописный свод конца XV в.), а под 6826—6827 гг. говорится, что рядом с его могилою в тверском Спасском соборе погребают князя Михаила Ярославича (Никаноровская, Типографская, Вологодско-Пермская летописи, Пискаревский летописец, Московский летописный свод конца XV в., Степенная книга). Имя С. («Симеон из Полотцька») упоминается в перечне тверских епископов перед текстом Никоновской летописи и перед текстом Сокращенного летописного свода 1493 г. (Беляевский список. — ГБЛ, собр. Беляева, № 1512).

«Наказание» С. князю полоцкому Константину — памятник, в котором в форме поучения затрагивается вопрос о суде и правде: каким окажется княжеский тиун — человек, которому доверено вершить суд, — умным, добрым, правдивым или жестоким, зависит от того, каков окажется князь по отношению к своим под-

данным. Попадут ли оба они на том свете в ад или рай, зависит от моральных принципов, которыми будет руководствоваться князь в жизни.

«Наказание» дошло до нас в составе «Мерила праведного» (по нему оно издано в ПЛ), древнейший список которого датируется серединой XIV в., под заглавием «Семена, епископа тферьскаго наказание» (нач.: «Костянтин, князь Полотьский, нарицаемый Безрукий. .») и в отдельных списках, например списке ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/1086 (по этому списку оно издано арх. Варлаамом) и списке того же собрания, № 22/1099 под заглавием «Слово Симеона, епископа тферскаго».

Изд.: Варлаам, арх. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. II отд. имп. АН, 1859, кн. 5, отд. 3, с. 66; Поучение князьям. — ПЛ, вып. 4, с. 185; Семена епископа Тфѣрьскаго наказание. — В кн.: Правда Русская. М.; Л., 1940, т. 1, с. 97. Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961, с. 128—130; Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М.: 1969, с. 243—251; Наставление тверского епископа Семена / Подг. текста, пер. и ком. Д. С. Лихачева. — ПЛДР, XIII век. 1981, с. 464—465, 612.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 4, с. 95, примеч. 178; Попечение отечественной церкви: О внутреннем благоустройстве русского гражданского общества в XIII, XIV и XV вв. — ПС, 1861, ч. 1, с. 91—92; Срезневский. Памятники (1882), с. 151; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, 1980, т. 35, с. 28, 142.

М. А. Салмина

Симон (ум. 1226 г.) — владимиро-суздальский епископ, один из авторов *Патерика Киево-Печерского*. По предположению П. Г. Буткова, С. родился около 1166 г. (Бутков П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. СПб., 1850, с. 10. — Отд. оттиск из журнала «Современник», 1850, т. 23, № 9). Круг источников, из которых можно почерпнуть сведения о С., видном церковном деятеле и незаурядном писателе, невелик: это сочинения С. и *Поликарпа*, составившие ядро Киево-Печерского патерика, а также свидетельства русских летописей. Из них известно, что С. был монахом Киево-Печерского монастыря, потом игуменом Рождественского монастыря во Владимире и духовником великой княгини, супруги Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). В 1214 г. он стал епископом Суздаля и Владимира. Во время княжеских усобиц, когда после поражения в Липецкой битве (1216 г.) князь Юрий Всеволодич был вынужден уступить владимирский стол старшему брату Константину, С. следует за княжеской семьей в городец Радилов, оставляя епископию. В 1217 г. он сопровождает Юрия Всеволодича в его поездке во Владимир для примирения с Константином, а затем переезжает с княжеским двором в Суздаль, доставшийся Юрию в удел. С. возвращается на епископию только после смерти Константина и утверждения на владимирском столе Юрия Всеволо-

довича. Церковно-политическая и литературная деятельность С. была направлена на укрепление позиций Владимиро-Суздальского княжества в государственной, культурной жизни страны, на «освящение» власти представителей рода Мономаховичей. С этой целью по инициативе епископа С. возводятся соборные храмы во Владимире и Суздале «в чин и подобие» Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Мысль о сопряженности прошлого и настоящего страны, о преемственности в ее культурном строительстве лежит в основе финала «Слова о создании церкви Печерской» С., где сообщается о возведении *Владимиром Всеволодовичем Мономахом* соборов в честь Богородицы в Суздале и Ростове. В этом известии исторический факт причудливо переплетается с художественным вымыслом: Рождественский собор в Суздале лишь архитектурным обликом напоминал Печерский, рассказ же С. о постройке каменного собора в Ростове не находит подтверждения в летописных источниках, является вымышленным (См.: Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 102). Отступление от исторического факта объясняется желанием писателя прославить и утвердить общерусское значение Киево-Печерского монастыря, а вместе с тем перенести ореол славы киевской святыни на храмы Севера. Это способствовало борьбе преемников Мономаха, *Андрея Юрьевича Боголюбского* и Всеволода III за возвышение нового политического и культурного центра — Владимиро-Суздальского княжества.

Ряд исследователей подвергает сомнению причастность С., умершего в 1226 г., к созданию Печерского патерика, атрибутируя его другому Симону, жившему раньше, получившему сан епископа в 1160 г. и умершему в 1172 г. Опровержению данной точки зрения посвящена большая часть книги В. А. Яковлева «Древнекиевские религиозные сказания» (Варшава, 1875). Ученым проделана огромная работа по сбору и систематизации материала о современниках С.-писателя. Среди событий и лиц, упоминаемых в его сочинениях, связанных с историей монастыря и формированием его «агиографической летописи», есть, как доказал В. А. Яковлев, такие, которых не мог застать при жизни Симон-первый.

Причиной разногласий между учеными является отчасти противоречие летописного сообщения, что С. погребен во Владимире, с тем, что мощи «спасителя» патерика «нетленно почивают» в пещерах Киево-Печерской лавры. В работах М. А. Викторовой и Д. И. Абрамовича о Печерском патерике эти разноречивые свидетельства примирялись: С. после смерти был погребен во Владимирском Успенском соборе, а в Киево-Печерскую лавру его мощи были перенесены после канонизации святого в XVII в. (Викторова М. А. Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба. М., 1963; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902). Но Е. Е. Голубинский высту-

пил с утверждением, что легче было родиться монастырской легенде о желании С. быть погребенным в пещерах лавры, чем добиться разрешения владимирских, а позднее московских князей на перенесение мощей С. (см.: Голубинский. История канонизации, с. 213).

В историю русской литературы С. вошел как создатель произведений, легших в основу Киево-Печерского патерика: слова «О создании церкви, да разумеють въси, яко самого господа промыслом и волею и его пречистыа матере молитвою и хотениемь създася и съвръшися боголепнаа, небеси подобная, великаа церкви Рускыа земля, еже есть лавра святаго и великаго отца нашего Феодосиа», «Послания смиреннаго епископа Симона Владимерьскаго к Поликарпу, черноризцу печерскому»; «Сказания Симона, епископа владимерьскаго и суздальского о святых черноризцах печерьскых, что ради имети тщание и любовь к преподобным Антонию и Феодосию, отцем печерьскым» (слово об Онисифоре); рассказов: «О блаженем Евстратии постнице», «О смиреннем и многотерпеливем Никоне черноризце», «О святем священномученице Кукъши и о Пимене постьнице», «О святем Афанасии затворнице, иже умер и пакы в другий день оживе и пребысть лет 12», «О преподобнем Святоши, князи Черниговськом», «О Еразме Черноризце, иже истроши имение свое к святым иконам и тех ради спасение обрете», «О Арефе черноризце, ему же татьми украденное имение в милостыню вънемися, и сего ради спасеся», «О двою брату, о Тите попе и Евагрии диаконе, имевшим вражду между собою» (названия текстов даны по Кассиановской второй редакции Патерика).

Поводом для написания сочинений С., включенных в Патерик, было письмо Поликарпа с жалобами на жизнь в Печерском монастыре. Оно до нас не дошло, поэтому о его содержании мы можем судить лишь по реакции епископа Симона: «А еже въписал ми еси досаду свою, люте тебе: погубил еси душу свою».

Вопрос о литературном достоинстве произведений С., читающихся в составе Печерского патерика, относится к разряду дискуссионных. Если В. А. Яковлев видел в послании к Поликарпу «одно из писем частного характера», то Ф. Бубнер расценивал послание как введение к крупному литературному произведению (ср.: Яковлев. Древнекиевские религиозные сказания, с. 109; Bubner F. Das Kiever Paterikon. Eine Untersuchung zu seiner Struktur und den literarischen Quellen. Inaug. Diss. Augsburg, 1969, S. 26). Но Ф. Бубнер выражает скептическое отношение к фактической стороне послания, стремится свести сочинение к «литературной фикции», снять вопрос о прямом поводе и идеологических предпосылках его появления, что не разделяется большинством патериковедов.

Верхнюю и нижнюю границы в датировке произведений С. исследователи определяют исходя из данных биографии древнерусского писателя и его сочинений. Так, «Слово о создании церкви Печерской» могло быть составлено не позднее 1226 г., когда умер

его автор, и не ранее 1222 г., когда «распадошася» церковь в Суздале, о чем сообщается в сказании. Время написания Послания С. к Поликарпу падает на еще более узкий промежуток времени: оно было создано между 1225—1226 г., так как в нем упоминается об освящении С. церкви в Суздале. Агиографические произведения С. не всегда тематически связаны с обличительным по своему пафосу посланием. Если «Слово о Святоше, князе Черниговском» учит смирению и послушанию, радению в работе на братию и в молитве к богу, тем самым бичуя пороки, присущие Поликарпу, то многие из рассказов С. обращены больше к читателю, а не прямо к заблудшему монаху. «Несколько искусственный характер переписки» между епископом С. и печерским монахом Поликарпом привел В. М. Истрина к гипотезе о существовании произведений владимиро-суздальского епископа в двух изводах (северном, тверском, и южном, киевском), причем поучительные заключения к рассказам из жизни печерских святых и письмо к Поликарпу исследователь считал позднейшими добавлениями, сделанными С. после «грехопадения» ученика (см.: Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пг., 1922, с. 203). Версии о том, что сочинения С. были пристроены к частному факту монастырской жизни, облечены в назидательную мантию после отступления Поликарпа от заповедей иноческого жития», придерживается и Ф. Бубнер.

Источниками сведений С. служили прежде всего живые предания старины, «монастырский эпос». Постоянные ссылки на слова очевидцев легендарных событий, которыми была богата история Печерского монастыря, на источники известий о чудесах первых его святых призваны придать рассказам С. достоверность. Часто на помощь писателю приходили реликвии, которые монастырское предание связывало с деятельностью того или иного святого.

С. был человеком «учительным», книжным, хорошо образованным для своего времени. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на литературные источники в его сочинениях. Чаще и охотнее всего С. цитирует Писание; он знаком с произведениями переводной и оригинальной агиографии: с *Патериками Скитским* и *Синайским*, с Житием Феодосия Печерского *Нестора*, причем ссылки на последний памятник немало способствовали включению Жития Феодосия Печерского в состав патерика. Многочисленные упоминания в сочинениях С. о не дошедшем до нас *Житии Антония Печерского* помогли ученым реконструировать состав и содержание этого памятника. В числе источников С. находились и первые русские летописные своды, часть из которых была утрачена, но может быть восстановлена, в том числе и на основе свидетельств в сочинениях С., не имеющих аналогов в сохранившемся летописном фонде.

Сочинения С. отличаются жанровым разнообразием. Среди его слов о печерских святых есть близкие к поминальной записи («Слово о Кукше и Пимене»), к повестям легендарно-исторического характера (рассказ об Онисифоре и одном недостойном иноке),

к развернутым жизнеописаниям святых («Слово о Святоше, князе Черниговском»), при том что основная часть слов является патериковыми житиями. Историческое начало в произведениях владимиро-суздальского епископа преобладает над условно литературным (см.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 60. Ср.: Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X—XVII ст.). Париж, 1931, с. 54), поэтому так подробно описывает С. создание Успенского собора в Печерском монастыре, восстанавливает «биографию» князя Николы Черниговского, дает великолепные зарисовки монастырского быта, рассказывает, используя элементы религиозной фантастики, о первых успехах в деле христианизации страны, о борьбе Руси за религиозную и национальную независимость.

Сочинения С. свидетельствуют о неотделимости в сознании писателя событий «монастырского строительства» от общерусского и мирового исторического процесса, об идее веротерпимости, гуманного отношения к иноверцам. Недаром честь основания главной святыни Печерского монастыря — Успенского собора — С. разделил между представителями трех культур: славянской, греческой, скандинавской.

Широкое введение бытовых эпизодов в патериковые рассказы С. приводило к невольному обнажению теневых сторон монастырской жизни. Изображение житийного героя часто лишалось С. одноплановости, установки на идеализацию. Поступки будущих святых обрастали чувствами и помыслами живых людей, далеких от идеала нравственного совершенства.

В библиографии к статье перечислены лишь издания послания к Поликарпу в извлечении из состава Патерика. К. Ф. Калайдовичем Послание напечатано по Основной редакции патерика, а Р. Попом — по Феодосьевской.

Изд.: Послание Симона к Поликарпу. — В кн.: Калайдович К. Ф. Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с. 249—257; Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 93—100.

См. также *лит.* к статьям Патерик Киево-Печерский и Поликарп.

Л. А. Ольшевская

Сказание Афродитиана — переводной новозаветный апокриф, повествующий о знамениях в Персидской земле, сопровождавших рождение Христа, и о поклонении волхвов. Как показал П. Е. Щеголев, греческий оригинал перевода является отрывком из анонимной «Повести о событиях в Персиде», которую он датирует 30-ми гг. V в.

Содержание этой повести — прение о вере, происходившее при дворе персидского царя Аррената между христианами, язычниками и иудеями под председательством верховного жреца Афродитиана. Переведенный отрывок из повести, содержащий

рассказ Афродитиана, принадлежит, по мнению П. Е. Щеголева, перу Филиппа Сидета.

Существуют два перевода С. Первый был сделан в домонгольское время в пределах Южной Руси (древнейший список относится к XIII в. — ГПБ, F.п.I.39). Второй перевод, согласно предположению П. Е. Щеголева, выполнен в Константинополе или на Афоне в кон. XIV—нач. XV в. Во втором переводе текст озаглавлен «Повесть Афродитиана», а не С., и авторство приписывается Филиппу Презвитеру.

Композиционно произведение делится на две части. В первой части рассказывается о том, как в языческую кумирницу в Персии явилась звезда в ночь рождества Христова. Все изваяния пали ниц, кроме статуи Иры (Урании), на голове у которой оказался царский венец. Персидские мудрецы поняли смысл знамения, и были посланы волхвы поклониться Марии и Христу. Во второй части С. приводится рассказ волхвов (от первого лица) о том, что они видели в Иудее. По мнению П. Е. Щеголева, если первая часть является плодом «дикого синкретизма» христианства и язычества, то вторая представляет собой лишь распространение евангельских сведений.

С. было широко распространено в древнерусской письменности, и до нас дошло более 50 списков этого произведения. Помимо уже упомянутого списка ГПБ, стоящего несколько особняком, можно выделить две группы списков древнейшего перевода. В одной из них в конце текста сделано прибавление, судя по всему, русское по происхождению. Оно содержит пространную похвалу родившемуся Христу и богородице и как бы восполняет недостаток риторики в повествовательном тексте. Самый ранний список С. Афродитиана с прибавлением относится к XIV в. (ГИМ, Чуд. собр., № 20). Списки другой группы в целом ряде случаев дают наиболее близкий к греческому оригиналу вариант текста, восстанавливая пропуски в списках с прибавлением в конце текста и в списке рукописи из Толстовского собрания (см., например, сборник начала XV в. — ГПБ, F.I.202).

Из Руси С. в древнейшем переводе попало к южным славянам. Первый список сербского извода датируется XIV в. (издан В. Макушевым).

В начале XVI в. Максим Грек подверг С. критическому разбору («Инока Максима Грека Слово обличительно вкупе и развращательно лживаго писания Афродитиана Персиянина зломудренного». — В кн.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862, т. 3, с. 125), причем он цитирует второй перевод текста. Вообще, по наблюдениям П. Е. Щеголева, в поздней традиции второй перевод получает большее распространение, чем первый. По-видимому, под влиянием обличения Максима Грека, С. с XVI в. начинает вноситься в индексы. До этого произведение зачастую могло не восприниматься как апокрифическое, что подтверждается «конвоем» С. в сборниках. Памятник переписывается вместе с творениями *Кирилла, епископа Туровского*, Иоанна

Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого и других авторитетных писателей. Обычно в Минеях и других построенных по календарному принципу сборниках С. Афродитиана приурочивалось к 25 декабря. Под этим же числом произведение включено в ВМЧ.

Влияние С. прослеживается во многих произведениях древнерусской литературы, в частности в «Слове на Рождество Христово о пришествии волхвов» цитируются значительные отрывки из С., восходящие, как правило, к тексту первой группы списков древнейшего перевода. Также, как отметил П. Е. Щеголев, связаны со С. 81 глава Русского Хронографа в первой редакции (предсказания языческих философов) и толкование на «Лествицу» Иоанна Синайского из *Палеи Толковой.*

Научного издания текста памятника по всем спискам нет.

Изд.: Лавровский П. А. Описание семи рукописей имп. Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, отд. 3, с. 40—46; ПЛ, вып. 3, с. 73—75; Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 1—4; Novakovic St. Srpsko-slovenski zbornik iz vremena despota Stefana Lazarevica. — Starine, 1878, kn. 10, s. 72—80; Макушев В. О некоторых рукописях Народной библиотеки в Белграде. — РФВ, 1882, т. 7, № 1, с. 9—12; Polivka I. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslovenskih rukopisa u Pragu. — Starine, 1890, kn. 22, s. 195—200; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 13—20, 149—155; Франко. Апокрифы, т. 2, с. 2—18; ВМЧ, декабрь, дни 25—31. М., 1912, стб. 2259, 2322, 2340; Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 245—299.

Лит.: Соболевский А. И. Рец. на кн. О. Калитовского «Материалы по русской литературе апокрифичной». Львов, 1884. — ЖМНП, 1885, сентябрь, с. 159; Сумцов Н. Очерк истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, 1887, № 9, с. 17—18; Щеголев П. Е. Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана. — ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 148—199; кн. 4, с. 1304—1344; Бобров А. Г. О Новосибирском списке Сказания Афродитиана: (К вопросу о формировании Великих Миней Четий митрополита Макария). — В кн.: Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983, с. 117—119.

А. Г. Бобров

Сказание о Борисе и Глебе — самый интересный и совершенный в литературном отношении памятник из цикла произведений, посвященных рассказу о гибели сыновей Владимира I Святославича Бориса и Глеба во время междоусобной борьбы за великокняжеский киевский стол в 1015 г. Борисо-Глебский цикл включает в себя: С., Летописную повесть о Борисе и Глебе (далее Лп), «Чтение о житии и о погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба» *Нестора* (далее: Чт), проложные сказания, паремийные чтения, похвальные слова, церковные службы. В той или иной степени, непосредственно или опосредованно, все эти тексты связаны между собой, и центральное место среди них занимает С. Самый ранний из дошедших до нас список С. — текст, находящийся в Успенском сборнике XII—XIII вв., где он озаглавлен так: «Въ тъ же день съказание и страсть и похвала свя-

тую мученику Бориса и Глеба» (Варианты заглавия в других списках: «Месяца июля в 24 день. Сказанье страсти и похвала святую мученику Бориса и Глеба»; «Сказание страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глеба»; «Месяца июля в 24 день. Житие и убиение, похвала святых страстотерпець Бориса и Глеба», и т. п.).

В 1015 г. умер князь киевский Владимир I Святославич. Киевский великокняжеский стол, возможно лишь в силу стечения благоприятных обстоятельств, занял один из двенадцати сыновей Владимира (от разных жен) — Святополк, еще при жизни отца в союзе с польским королем Болеславом I Храбрым (Святополк был женат на сестре Болеслава) пытавшийся организовать против него заговор. Стремясь укрепиться на киевском столе, Святополк решает устранить наиболее опасных соперников. По его тайному приказу были убиты сыновья Владимира Борис, Глеб и Святослав. В борьбу за киевский княжеский стол вступил княживший в Новгороде сын Владимира Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, продолжавшейся до 1019 г. и окончившейся поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском столе и княжил до своей смерти в 1054 г. Так в общих чертах представляются исторические события 1015—1019 гг., которым посвящены памятники Борисо-Глебского цикла. Необходимо отметить, что такое освещение событий предстает перед нами из самих этих памятников, на самом же деле можно предполагать, что многие подробности взаимоотношений между участниками этой драмы были более сложными. Отдельные противоречия и различия в описании одних и тех же эпизодов в разных памятниках цикла дают основание полагать, что существовали разные предания о Борисе и Глебе, и в настоящее время мы далеко не всегда можем отдать предпочтение сообщению одного источника перед другим, решить вопрос — имеем ли мы дело с противоречиями, ошибками того или иного текста, с объединением в одном тексте разных преданий об одном и том же факте или же перед нами отражение специфики древнерусской литературы.

Гибель Бориса и Глеба от руки подосланных Святополком наемных убийц была истолкована как мученическая смерть, и Борис с Глебом были признаны святыми. Это были первые официально канонизированные русские святые. Культ их активно насаждался и пропагандировался, он имел важное политическое значение для своего времени: «Политическая тенденция культа Бориса и Глеба ясна: укрепить государственное единство Руси на основе строгого выполнения феодальных обязательств младших князей по отношению к старшим и старших по отношению к младшим» (Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 89).

Когда возник культ святых Бориса и Глеба, мы не знаем. Большинство исследователей предполагает, что это произошло во

время княжения Ярослава Мудрого, так как культ этих святых в значительной степени возвеличивал его: он был братом убитых и выступал как мститель за них. Однако А. Поппэ высказал обоснованное предположение, что культ Бориса и Глеба возник позже, в самом конце княжения Ярослава, а, скорее, уже после его смерти. Дело в том, что «Слово о законе и благодати» *Илариона*, созданное в 1049—1050 гг., ничего не говорит о святых Борисе и Глебе, хотя «Слово» прославляет Владимира I как крестителя Руси и Ярослава как продолжателя дела своего отца. И политическая и церковно-религиозная тенденция «Слова о законе и благодати» носят такой характер, что если бы ко времени создания этого произведения на Руси уже существовал культ русских святых Бориса и Глеба, то Иларион не преминул бы их упомянуть. Этот довод подтверждается наблюдениями над традицией употребления княжеских имен. А. Поппэ считает, что на 50—60-е гг. XI в. падает начальный период развития культа Бориса и Глеба, а в 1072 г., когда мощи Бориса и Глеба переносили из одной церкви в другую, произошла их канонизация. Поэтому, согласно концепции Поппэ, ни одно из произведений Борисо-Глебского цикла не могло быть создано ранее 60-х гг. XI в. (П о п п э А. В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба).

Вопросы о времени создания произведений Борисо-Глебского цикла, о характере их соотношений, оценка их как литературных произведений и как исторических источников тесно взаимосвязаны и ключевое положение в решении этих вопросов занимает С. Несмотря на большую литературу о Борисо-Глебском цикле, ни один из этих вопросов не может считаться до настоящего времени окончательно решенным.

В Успенском сборнике С. состоит из двух частей. В первой рассказано о гибели Бориса и Глеба, о борьбе Ярослава со Святополком, о перенесении при Ярославе тела Глеба из-под Смоленска в Вышгород и погребении его рядом с Борисом. Заканчивается эта часть похвалой святым. Вторая часть, имеющая свое заглавие — «Сказание чюдес святою страстотьрпьцю Христову Романа и Давида» (далее — Сч) — рассказ о чудесах, совершенных святыми, о построении посвященных им церквей в Вышгороде, о перенесении их мощей в 1072 и в 1115 гг. Во многих списках до нас дошла только первая часть С. Одни исследователи считают, что С. исконно содержало Сч. Другие же видят в этих двух частях С.: сказании о гибели Бориса и Глеба (далее: Сг) и Сч разновременно созданные произведения, объединенные в единое целое на более позднем этапе литературной истории памятника. То или иное решение этого вопроса имеет принципиально важное значение и для датировки С. и для определения характера взаимоотношения С. с другими произведениями Борисо-Глебского цикла. Если С. с самого начала своей литературной истории состояло из двух частей, то оно не могло быть написано ранее 1115 г., так как рассказом о перенесении в этом году мощей святых заканчивается Сч. Если же первоначальный вид

С. не включал Сч, то создание С. может быть датировано значительно более ранним временем.

С. и Лп совпадают по содержанию и последовательности развития сюжета, имеются между ними и текстуальные совпадения. С. и Чт сильно отличаются друг от друга. Однако общий характер соотношения их текстов таков, что отрицать возможность знакомства одного автора с произведением другого нельзя.

Существует несколько вариантов решения проблемы соотношения С., Лп и Чт: 1) первоначален текст С. и к нему восходят Лп и Чт; 2) первоначален текст Лп и он является источником и С. и Чт.; 3) С. создавалось после Чт и его источниками были и Лп и Чт; 4) и Лп, и С. и Чт восходят к общим, недошедшим до нас источникам.

На раннем этапе изучения С. было высказано предположение, что автором его был *Иаков (XI в.), монах Киево-Печерского монастыря.* Позже эта гипотеза была отвергнута, поэтому в научной литературе С. часто называется «анонимным Сказанием о Борисе и Глебе».

А. А. Шахматов, исследовавший Борисо-Глебский цикл в связи с историей древнейшего периода русского летописания, пришел к заключению о зависимости С. как от Лп, в том ее виде, в каком она читалась в Начальном своде, так и от Чт. С., по его мнению, возникло после 1115 г., так как с самого начала состояло из Сг и Сч. Позже, под влиянием работ С. А. Бугославского, Шахматов пересмотрел свою точку зрения по вопросу о соотношении текстов Борисо-Глебского цикла, не изменив своего взгляда на время создания их. В книге «Повесть временных лет» он пришел к выводу, что, вероятнее всего, существовал не дошедший до нас общий источник для всех трех произведений: Лп, С. и Чт. Возможность существования недошедшего до нас источника (или нескольких источников), к которому (или к которым) восходят сохранившиеся памятники Борисо-Глебского цикла, допускали многие исследователи (и до и после Шахматова). Исследователь из ФРГ Л. Мюллер, например, предполагает, что вскоре после окончательной победы Ярослава над Святополком в 1019 г. при киевском дворе князя возникла сага, посвященная рассказу о гибели Бориса и Глеба и о борьбе Ярослава со Святополком. Митрополиту Иоанну, при котором произошло открытие мощей святых и установление праздника 24 июня, Ярослав поручил составить рассказ о событиях, связанных с Борисом и Глебом. Рассказ этот, называемый Мюллером первоначальной легендой (Urlegende) был написан Иоанном по-гречески. Первоначальная легенда — мартирий святым. Фактический материал Иоанн почерпнул из саги, устных преданий и рассказов князя Ярослава и его окружения. Первоначальная легенда и сага до нас не дошли, но и сагой и первоначальной легендой пользовались авторы сохранившихся памятников Борисо-Глебского цикла. Летописец, составлявший историческое сочинение, использовал и сагу, и первоначальную легенду. Автор С., произведение которого следует относить к жанру типа

проповеди или торжественной речи, положил в основу своего произведения первоначальную легенду и летописную повесть, добавив в конце похвалу святым и молитву. С. было написано в XI или начале XII в. Чт, которое Мюллер, как и Шахматов, датирует 80-ми гг. XI в., имело целью создать текст, который отвечал бы требованиям собственно агиографического жанра. Нестор, автор Чт, располагал тем же кругом источников, что и автор С.

С. А. Бугославский, которому принадлежит наиболее обстоятельное исследование памятников Борисо-Глебского цикла, отвергает гипотезу о несохранившемся общем источнике для С., Лп и Чт. Первоначальным письменным текстом о Борисе и Глебе, считает он, является Лп, но в более древнем виде, чем в дошедших до нас списках летописей. Составлена она была автором летописи, так как по стилю не отличается от соседствующих с нею летописных статей. К этому древнему виду Лп восходит С., которое было написано по поручению князя Ярослава в начале второй половины XI в., это панегирик Ярославу, как брату святых. В дальнейшем к этому первоначальному виду С., состоявшему только из текста Сг, была присоединена небольшая статья о внешнем облике Бориса (во многих списках, в том числе в Успенском, она носит заглавие «О Борисе, как бе възоръмь») и Сч. Чт, считает Бугославский, было написано в период времени между 1108—1115 гг. и Нестор пользовался текстом С. С. А. Бугославский много внимания уделяет анализу Сч. Вслед за большинством предшествующих исследователей он отмечал, что Сч основано на записях, ведшихся при Вышегородской церкви, и считал, что оно состоит из произведений трех авторов. Три части Сч отличаются друг от друга и выбором лексики, и стилистически, и идеологическим направлением. Первый автор писал после 1089 г., но до 1105 г., второй — после 1097 г., но до 1111 г., третий автор писал в период с 1115 г. по 1118 г., он был одновременно и редактором всего текста Сч в целом, в том его виде, в каком этот текст дошел до нас в Успенском сборнике. С. А. Бугославский приходит к заключению, что и по формальным признакам (Сг оканчивается похвалой святым, Сч имеет самостоятельный заголовок и начинается новым вступлением), и по содержанию, и по стилю Сг и Сч — два разных произведения. А. А. Шахматов, хотя и считал, что Сг нельзя отделять от Сч, в работе «Повесть временных лет» писал о двух редакциях Сч: первая редакция возникла не ранее 1081 г., вторая редакция посвящена рассказу о временах Святослава Ярославича, Всеволода Ярославича, Святополка Изяславича и *Владимира Всеволодовича Мономаха*, она была составлена после 1115 г. Д. И. Абрамович, не останавливаясь на вопросе о разных редакциях Сч, пишет, что окончательная обработка Сч относится к первой четверти XII в. (после 1115 г. и до 1125 г., так как в Сч не говорится о смерти Владимира Мономаха). Он считает, что Сч составлено отдельно и независимо от Сг. Двумя отдельными, возникшими в разное время произведениями, считает Сг и Сч А. Поппэ: об этом свидетельствует, как он доказывает, и композиционная самостоятель-

ность Сг и Сч, и разный характер этих произведений. Существенным подтверждением первоначальной самостоятельности Сг, по мнению Поппэ, следует считать вставку между Сг и Сч статьи «О Борисе, как бе възрьмь». Об этом же и о более раннем написании Сг, чем Сч, говорит, по его мнению, отсутствие в Сг, которое заканчивается общей похвалой святым, упоминания о перенесении их мощей в 1072 и 1115 гг., чему так много уделено внимания в Сч. А. Поппэ считает Сч произведением двух авторов. Первый автор писал в 1073 г., написанная им часть заканчивалась рассказом о прозрении слепого, которого направил для исцеления к гробницам Бориса и Глеба святой Георгий. Второму автору принадлежит вся остальная часть Сч, он писал после 1115 г. до 1117 г., автор этой части Сч был человеком, близким к Владимиру Мономаху. В похвале, которой оканчивается Сг, считает А. Поппэ, явно прослеживаются аллюзии на события 1068—1069 гг. На основе этого он датирует время написания Сг периодом после 1069 г., но до 1072 г., когда происходило перенесение мощей.

Специально исследованию характера взаимоотношений С и Лп посвящена монография Н. Н. Ильина «Летописная статья 6523 года и ее источник». Исследователь приходит к следующим выводам. Первоначальная редакция С. — текст только Сг, без Сч. С. представляет собой первоначальную литературную обработку преданий о Борисе и Глебе, и текст С. явился источником Лп. С., памятник агиографического жанра, составленный около 1072 г. По мнению Ильина, С. возникло под сильным влиянием хорошо известных в то время на Руси легенд о чешских святых X в. Людмиле и Вячеславе (см.: *Жития Людмилы и Вячеслава Чешских*). Обстоятельства гибели Бориса и Глеба, сообщаемые С., как считает Ильин, — «в большинстве своем чисто литературного происхождения и представляют композиционно как бы переделку и, местами, перефраз отрывков однородного содержания названных выше чешских легенд» (Ильин. Летописная статья, с. 209). Лп представляет собой, как считает Ильин, сокращенную переработку С., которая придала тексту источника «видимость повествования о реальных исторических событиях» (там же, с. 209). Идейная направленность С. отражает политическую ситуацию в Киевской Руси при Изяславе Ярославиче — времени создания С. По мнению Ильина, С. «несомненно вышло из стен Киево-Печерского монастыря, прошло через редакцию Феодосия, если только не составлялось по его указаниям» (там же, с. 183). Гипотезу Ильина о создании С. в стенах Киево-Печерского монастыря поддерживает А. В. Поппэ.

Специальную статью литературной истории С. посвятил Н. Н. Воронин, особенно подробно остановившийся на социально-политических идеях произведения. По его мнению, С. как единое литературное произведение было все полностью создано одним автором и с самого начала включало в себя обе части: Сг и Сч. Автором С. был переяславльский епископ *Лазарь*. Он дважды упомянут в Сч: сначала как «старейшина клириков» вышегородской

церкви (при нем свершается чудо с сухорукой женщиной из Дорогобужа), а затем — как переяславльский епископ — в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Последняя дата — ранний рубеж написания С., а время смерти Лазаря (6 сентября 1117 г.) — поздний рубеж возможного времени написания С. Лазарь, как считает Н. Н. Воронин, работал над С. до последних дней жизни и из-за смерти не успел завершить свой труд: этим обстоятельством Н. Н. Воронин объясняет отсутствие в произведении общей заключительной похвалы святым и отсутствие статьи о внешнем облике Глеба. Лазарь писал С. после того, как Нестором было написано Чт. Для Лазаря, как и для Нестора, источником фактических данных служили записи, которые велись при вышегородской церкви. Среди этих записей, как полагает Н. Н. Воронин, могли находиться и рассказы, записанные со слов очевидцев гибели Бориса и Глеба. К сожалению, Н. Н. Воронин совсем не останавливается на вопросе о соотношении С. и Лп, а между этими произведениями много общего не только в содержании эпизодов и в текстуальных совпадениях, но и в идейно-политической направленности. Едва ли в таком случае можно считать С. полностью оригинальным произведением, принадлежащим перу Лазаря и созданным между 1115—1117 гг., если Лп бесспорно была написана раньше этого времени.

Таким образом, приходится признать, что литературная история С. до настоящего времени остается не до конца раскрытой и многие предположения на этот счет носят гипотетический характер.

С. дошло до нас в большом количестве списков. Наиболее полное текстологическое исследование С. (165 списков) было сделано С. А. Бугославским, который разделил эти списки на 6 редакций. 1-я редакция — Торжественник (50 списков; близки друг другу и архетипу), она была составлена во 2-й пол. XIV—1-й пол. XV в. Сч. в архетипе этой редакции не было. 2-я редакция — Синодальная (54 сп.), XV в., текст этой редакции лег в основу С. в Степенной книге, где в качестве источников были также использованы Чт, Лп, паремийные чтения. 3-я редакция — Северозападнорусская (9 сп.), XV в. 4-я редакция — Сильвестровская (она же Минейная, так как входит в ВМЧ) (12 сп.). В этой ред. имеется несколько вставок из Лп, относится она к XIV в., названа по раннему списку — лицевому тексту С. в Сильвестровском сборнике. 5-я редакция — Чудовская (35 сп.), названа по сп. Чудовского м-ря XIV в. 6-я редакция — Успенская (4 сп.), названа по Успенскому сп. XII в. Как отмечает сам же Бугославский, Чудовская и Успенская редакции очень близки, но в Чудовской ред. не было Сч. По мнению Бугославского, архетипом Чудовской редакции был оригинал С. Бугославский отмечает, что в XVI—XVII вв. создавались новые ред. и переработки С. В издании текстов С. 1928 г. Бугославский издает помимо текстов всех названных редакций (с разночтениями по спискам) свою реконструкцию оригинала С. (за основу взят Успенский список). Следует отметить,

что текстуальные отличия между редакциями (за исключением вставок из других текстов Борисо-Глебского цикла в отдельных редакциях) не велики, преимущественно в разночтениях отдельных слов, и принципы деления текстов на редакции недостаточно ясны. Показательно в этом отношении, что Д. И. Абрамович, издавая тексты Борисо-Глебского цикла, публикует С. по Успенскому списку и приводит к нему разночтения по тем спискам, которые по классификации С. А. Бугославского входят в 5 разных редакций. На вопросах текстологии списков С. кратко останавливался в своем исследовании княжеских житий Н. Серебрянский, отметивший ряд поздних редакций и переделок С. Приходится, таким образом, признать, что, несмотря на большую работу С. А. Бугославского, текстологическое исследование С. остается одной из актуальных задач изучения С. и всего Борисо-Глебского цикла.

Из С. явствует, что автор его знал целый ряд памятников переводной житийной литературы: он ссылается на *Мучение Никиты*, Житие Вячеслава Чешского, *Житие Варвары*, Житие Меркурия Кесарийского, *Мучение Димитрия Солунского*. О популярности самого С. в Древней Руси прежде всего свидетельствует большое число списков С. Патриотическая направленность С. — Борис и Глеб выступают как защитники Руси от внешних врагов, как святые молебники перед богом о благоденствии Русской земли, — способствовала тому, что Борис и Глеб очень часто фигурируют помощниками русского воинства в различных воинских повестях. С. лежит в основе народного духовного стиха о Борисе и Глебе.

В конце XII—нач. XIII в. на основе С. было составлено армянское проложное сказание о Борисе и Глебе, входящее в состав армянского Синаксаря. По вопросу о происхождении армянского текста существует две точки зрения: 1) армянский текст восходит к греческому, составленному на основе С., который до нас не дошел; 2) непосредственным источником армянского текста был сам текст С. В последнее время преобладает число сторонников второй точки зрения.

В русском *Прологе* помещено несколько текстов о Борисе и Глебе. Прежде всего это четыре варианта краткого проложного жития Бориса и Глеба: 1-й — извлечение из Лп (в том ее виде, в каком она читалась в Начальном своде) с вставками из Чт; 2-й и 3-й — восходят к С., 4-й — источник не ясен. Это Житие помещается в Прологе под 24 июля; 5 сентября — статья об убиении Глеба (в нескольких вариантах); 2 и 20 мая — статья о первом (в 1072 г.) и втором (в 1115 г.) перенесении мощей Бориса и Глеба; 11 августа — статья о перенесении мощей святых из Вышгорода в Смоленск на Смядынь в 1191 г.

Кроме проложных статей о Борисе и Глебе в Паремийник (сборник церковно-служебных назидательных чтений), включено чтение Борису и Глебу. Паремийное чтение Борису и Глебу делится на 4 редакции, составлено оно было в конце XI—нач. XII в. Последний его исследователь считает, что оно восходит к общему

с Лп источнику. Паремийное чтение пользовалось большой популярностью у древнерусских писателей: заимствования из него имеются в *Повести о житии Александра Невского*, в Летописной повести о Мамаевом побоище, в Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, в Сказании о Мамаевом побоище, в Повести о начале Москвы и об убиении Даниила Суздальского.

Есть похвальное слово Борису и Глебу, которое, по-видимому, было составлено для ВМЧ. Текст, имеющий в древнерусской рукописной традиции заглавие: «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба» и «Месяца маия въ 2 день. Слово похвальное на пренесение святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою» — самостоятельный литературный памятник второй половины XII в., называемый в истории древнерусской литературы *Словом о князьях*.

Имеются церковные службы святым Борису и Глебу. Предполагается, что первоначальный вариант церковной службы был составлен в первой половине XI в. киевским митрополитом Иоанном (если принять гипотезу А. Поппэ о времени возникновения культа Бориса и Глеба, то эта точка зрения требует пересмотра). Окончательный вид служба приобрела не позже XV в.

Сохранилось несколько лицевых списков С., из которых самый ранний и наиболее интересный — Сильвестровский сборник. Велика иконография Бориса и Глеба. Попытки уточнить время создания произведений Борисо-Глебского цикла и характер соотношения этих произведений на основе данных миниатюр и иконографии, как весьма убедительно показал А. Поппэ, удачными признаны быть не могут.

Изд.: Макарий, архим. Три памятника русской духовной литературы XI в. — Христ. чт., 1849, ч. 2, с. 301—315 (статья); с. 377—407 (тексты); Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860; Житие святых мучеников Бориса и Глеба: 1) По харатейному списку XII в. С 2 литографированными снимками и предисловием О. М. Бодянского. 2) По харатейному же списку XIV в. С литографированным снимком. — ЧОИДР, 1870, кн. 1, январь—март, отд. 3, с. I—XVII (Предисловие), с. 1—31 (текст Успенского списка), с. 1—17 (текст Чудовского списка); Лопарев Х. М. Слово похвальное на пренесение мощей свв. Бориса и Глеба: Неизданный памятник литературы XII в. (ПДП, № 98), СПб., 1894; Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Вып. 2. Славянорусский Пролог. Ч. 1. Сентябрь—декабрь. / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896, с. 3—4; Лихачев Н. П. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба: По рукописи конца XV столетия [СПб.], изд. ОЛДП, № 124, 1907; Серебрянский Н. Заметки: Тексты из псковских памятников. — Тр. Псков. церковн. ист.-археол. комитета. Псков, 1910, т. 1, с. 153—175; Бугославский С. А. Святые князья Борис и Глеб в древнерусской литературе, ч. 2. Тексты. — Киев. унив. изв., 1915, ноябрь—декабрь, с. 1—16 (Прибавления); 1916, апрель, с. 17—64; май—июнь, с. 65—96; июль—август, с. 97—128; сентябрь—октябрь, с. 129—144; 1917, январь—февраль, с. 145—168; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916 (репринт: Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. München, 1967 (Slavische Propyläen. Bd 14)); Бугославський С. Україно-руські

пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка й тексти). У Київі, 1928; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971; с. 42—71; Сказание о Борисе и Глебе / Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. — ПЛДР. Начало русской литературы: XI—нач. XII в. 1978, с. 278—303, 451—456.

Лит.: Б[утков] П. Разбор трех древних памятников русской духовной литературы — Современник, 1852, т. 32, № 4, отд. 2, с. 85—106; Тюрин А. Ф. Мнение о Иакове мнихе академика П. Г. Буткова. — ИпоРЯС. СПб., 1853, т. 2, с. 81—95; Срезневский И. И. Древние жизнеописания русских князей X—XI века. — Там же, с. 113—130 (Дополнения — там же, с. 157—164); Макарий. История русской церкви, 2-е изд. СПб., 1868, т. 2, с. 144—151; Владимирский Н. Несколько слов о Прологе, памятнике древнерусской письменности, и несколько литературных вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения. — Учен. зап. Казан. унив., 1875, кн. 5, с. 851—883; Эмин Н. О. Сказания о святых Романе и Давиде по армянским Четьим-Минеям. — Рус. арх., 1877, кн. 1—6, № 3, с. 274—288 (то же в кн.: Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др. М., 1897, с. 150—155); Левитский Н.: 1) Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: (По поводу мнения проф. Соболевского). — Христ. чт., 1890, ч. 1, № 3—4, с. 370—421; № 5—6, с. 687—740; ч. 2, № 7—8, с. 147—174; № 9—10, с. 318—368; 2) Несколько слов по поводу заметки проф. Соболевского. — Там же, ч. 2, № 11—12, с. 677—688; Соболевский А. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание о свв. Борисе и Глебе»: (По поводу статьи г. Левитского). — Христ. чт., 1890, ч. 1, № 5—6, с. 791—804; Васильев В. История канонизации русских святых — ЧОИДР, 1893, кн. 3 (166), с. 63—67; Гусев П. Л. Новгородская икона свв. Бориса и Глеба в деяниях. — ВАИ, СПб., 1898, т. 10, с. 86—108; Голубовский П. В. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547—1579 гг. — ЧИОНЛ, 1900, кн. 14, вып. 3, отд. 2, с. 125—164; Голубинский. История канонизации, с. 43—49; Пономарев А. Борис и Глеб. — ПБЭ, т. 2, с. 954—968; Никольский. Повременной список, с. 48—58, 253—289; Шахматов А. А. 1) Разыскания, с. 29—97; 2) Повесть временных лет. Пгр., 1916, т. 1. Вводная часть; Текст; Примеч., с. LVII—LXXVII; Бенешевич В. Н. Армянский пролог о свв. Борисе и Глебе. — ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 1, с. 201—236; Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. Миниатюры «Сказания» о святых Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 3, с. 1—128 (отд. отт.: СПб., 1911); Бугославский С. А.: 1) Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и с. Поречья (гр. Уваровых): (Август-октябрь 1912 г.). — Киев. унив. изв., 1913, октябрь, с. 1—52 (отд. отт.: Киев, 1913); 2) К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 131—186; кн. 3, с. 153—191; 3) К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. — ИОРЯС, 1925, т. 29, с. 105—159; 4) Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии. — Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 332—336; 5) Жития. — История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 315—332; Серебрянский. Княжеские жития, с. 81—107 и Тексты, с. 27—47; Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, с. 118—127; Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. — Сов. археол., 1946, т. 8, с. 225—247; Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. — Там же, 1952, т. 16, с. 77—86; Müller L.: 1) Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1954, Bd 23, S. 60—77; 1956, Bd 25, S. 329—363; 1959, Bd 27, S. 274—322; 1962, Bd 30, S. 14—44; 2) Neuere Forschungen über das Leben und die kultische Verehrung der heiligen Boris und Gleb. — Opera Slavica, Göttingen, 1963, t. 4, S. 295—317; Воронин Н. Н. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и ав-

юр. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 11—56; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М., 1957; Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, 1958, т. 15, с. 312—327; Алпатов М. В. Гибель Святополка в легенде и в иконописи. — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 18—23; Еремин И. П. «Сказание» о Борисе и Глебе. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 18—27; Поппэ А. В.: 1) О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 24—45; 2) Opowieść o męczeństwe i cudach Borysa i Gleba. Okoliczności i czas powstania utworu. — Slavia Orientalis, 1969, rocz. 18, N 3, s. 267—292; N 4, s. 359—382; 3) О времени зарождения культа Бориса и Глеба. — Russia Mediaevalis. München, 1973, t. 1, c. 6—29; Атаджанян И. А. Русское «Сказание о Борисе и Глебе» и армянские Четьи-Минеи. Ереван, 1969; Алешковский М. Х.: 1) Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; 2) Русские глебоборисовские энколпионы 1072—1150 гг. — Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 104—125; Соболева Л. С. 1) Паремийные чтения Борису и Глебу. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975, с. 105—125; 2) К вопросу об эволюции минейного текста, посвященного Борису и Глебу. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 5—12; 3) Особенности возникновения и развития жанра Исторических Паремий Борису и Глебу. — В кн.: Проблемы литературных жанров. Томск, 1979, с. 27—29; 4) Исторические паремии Борису и Глебу — малоизученный памятник Киевской Руси: Автореф. канд. дис. Л., 1981; Абгарян Г. В. К проблеме предполагаемой греческой версии «Сказания о Борисе и Глебе». — В кн.: Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 235—254.

Л. А. Дмитриев

Сказание о двенадцати снах Шахаиши — древнерусский переводной памятник, восходящий к персидскому прототипу. Перевод был сделан, по-видимому, со среднеперсидского языка, о чем можно судить по среднеперсидским формам слов, сохранившимся в С.: Шахаиша (перс. Шахиншах, т. е. царь царей), Ириин (перс. Иран), Амера (Амер, т. е. Митра).

Язык перевода С. содержит много архаизмов, что позволяет относить его к числу древнейших переводов эпохи Киевской Руси.

В С. повествуется о том, как мудрец Амера (Митра) толкует персидскому царю Шахаише его сны и пророчествует о будущих временах. Основной частью С. является толкование на первый сон Шахаиши, в котором полностью изложена суть пророчеств: в будущем человечество ожидают многие тяжкие испытания и беды за моральное падение, после чего наступит конец света. Толкование на остальные сны — это всего лишь повторение, иногда более подробное изложение сюжетов или дополнение к ним.

Есть основания предполагать, что в древнем Иране были две религиозные традиции, связанные с именами двух учителей или пророков, Митры и Заратуштры. Первый проповедовал политеизм, а второй — монотеизм. В Иране восторжествовал зороастризм, и обе традиции соединились в одну под эгидой имени Заратуштры. В результате в священных книгах персов воздается хвала единому богу наряду с почитанием других богов.

Сведения о пророке Митре, равно и его биография, сохранились в Центральной Азии в текстах на тибетском языке благодаря иранским народам, которые переселились туда в V—IV вв. до н. э. и растворились среди тибетских племен. В самой Персии жизнеописание Митры не сохранилось. Оно в виде отдельных эпизодов вошло в состав биографии Заратуштры. Это объясняет, почему в С. речь идет о пророке Митре, а его пророчества имеют общее с теми, которые сохранились в персидской «Книге Заратуштры» (биография Заратуштры XIII в.). Очевидно, «Книга Заратуштры» и С. восходят к общему для них персидскому источнику.

Изучение С. в связи с памятниками литературы Востока дает материал для более глубокого понимания тех взаимоотношений, которые существовали в прошлом между народами в области культуры и литературы.

Можно полагать, что мрачные предсказания С. находили отклик у древнерусских читателей в период татаро-монгольского нашествия. Эсхатологические мотивы С. привлекли к нему читателей-старообрядцев, чем объяснимо обилие его поздних списков.

История перевода С. не выяснена окончательно: было ли оно переведено непосредственно в Киевской Руси или же попало на русскую почву позднее от южных славян, как считали А. В. Рыстенко, В. М. Истрин и А. С. Орлов. Единственная попытка текстологического анализа древнерусских и инославянских списков была предпринята А. В. Рыстенко. Он разделил известные ему списки на две редакции. Старший из обнаруженных списков С. — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, XV в.

Изд.: [Сборник с лицевыми изображениями и с крюковыми пометами «На реках Вавилонских»]. Изд. ОЛДП, 1877, № 15, л. 355—357; Веселовский А. Н. Слово о двенадцати снах Шахаиши: По ркп. XV в. — СОРЯС, 1879, т. 20, № 2; Polívka I. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. 2. Dvanajest snova cara Šahinšaha. — Starine, 1889, kn. 21, s. 187—194; Рыстенко А. В. 1) Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе. — Летопись Ист.-филол. о-ва при Новорос. унив. Одесса, 1905, т. 13, с. 23—134; 2) Addenda к статье о 12 снах царя Мамера. — Там же, с. 135—164; 3) Фроловский список «Снов Шахаиши». — ЖМНП, 1908, январь, с. 114—117; Потапов П. К литературной истории Сказания о 12 снах царя Шахаиши. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского (СОРЯС, 1928, т. 101, № 3), с. 120—129.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 123—124; Сухомлинов М. О преданиях в древней русской летописи. — В кн.: Основа, южнорусский литературно-ученый вестник. СПб., 1861, июнь, с. 54—57; Булгаков Ф. Энциклопедический сборник XVIII в., Библиографические сведения о сказаниях Соломоновых, о снах царя Шахайши и повести о вине. — Отчет о деятельности ОЛДП за 1877 г. СПб., 1877, с. 7—9; Ольденбург С. Ф. 1) К вопросу об источниках Слова о двенадцати снах Шахаиши. — ЖМНП, 1892, ноябрь, с. 135—140; 2) Сны Кейда, царя Канодожского и сны царя Шахаиши. — В кн.: Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л., 1924, с. 47—54; Истрин В. М. 1) Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897, с. 248—250; 2) Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 224; Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. Л., 1937, с. 194—198; Адрианова-

Перетц и Покровская. Древнерусская повесть, с. 86—95; Назаревский. Библиография, с. 167—170; Кузнецов Б. И. «Слово о двенадцати снах Шаханши» и его связи с памятниками литературы Востока. — ТОДРЛ, Л. 1976, т. 30, с. 272—278.

Б. И. Кузнецов

Сказание о Индийском царстве — греческое литературное произведение XII в., написанное в форме послания индийского царя и одновременно священника-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу. Послание написано как бы в ответ на посольство царя Мануила в Индийскую землю с целью разузнать о силе Индии и ее чудесах. Царь-священник Иоанн — лицо мифическое. Чудеса Индии описаны в С. в духе средневековой фантастики; в стиле же заметно влияние жанра хождений. Царь Иоанн предстает здесь господином необъятной и богатой и загадочной страны, а при этом также — «поборником по православной вере Христовой». С., несомненно, удовлетворяло интерес к легендарным и фантастическим сюжетам, но вместе с тем в XIII—XIV в. оно в какой-то мере могло отвечать мечтам христиан Малой Азии и Восточной Европы о сильном православном государе, который был бы способен противостоять неуклонному наступлению мусульман. На Русь С. попало в XIII или XIV в. Образ царя-священника, почерпнутый из С., был использован в XIV в. в Повести о Митяе для насмешки над незаконным наместником митрополичьего престола Митяем-Михаилом. Существует также мнение, хотя некоторыми учеными оно оспаривается, что влияние С. испытала и былина о Дюке Степановиче. Первая редакция С. сохранилась только в отрывке — в составе Сербской Александрии. Старейшие полные русские списки относятся ко второй половине XV в.

Изд.: Баталин Н. Сказание об Индейском царстве. — Филол. зап., 1874, вып. 3—4, с. 1—41; вып. 5, с. 41—56; вып. 6, с. 57—79; 1875, вып. 3, с. 80—98, вып. 5, с. 99—137 (отд. изд.: Воронеж, 1876); Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб., 1881, с. 173—154; Истрин В. М. Сказание о Индейском царстве. — Древности. Тр. славян. ком. имп. Моск. археол. о-ва. М., 1895, т. 1, с. 1—75 (отд. изд.: М. 1893); Сперанский М. Н. Сказание об Индейском царстве. — Изв. по РЯС, 1930, т. 3, кн. 2, с. 369—464; Сказание об Индейском царстве / Подг. текста, пер. и примеч. Г М. Прохорова. — В кн.: «Изборник»: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 362—369; Сказание об Индийском царстве / Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 466—473.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 3. Спб., 1818, с. 168, примеч. 282; Полевой Н. Предания в России о пресвященнике Иоанне. — Московский телеграф. 1825, № 10, май, с. 96—105; Летописи Тихонравова, т. 2, ч. 3, с. 100—103; Миллер О. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1870, с. 587—616; Жданов И. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881, с. 238—239; Соболевский А. И. К истории заимствованных слов и переводных повестей. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 144—145; Перетц В. Н. Український список «Сказанiя про Индiйське царьство». — ЗНТШ, 1912, кн. 9, с. 1—8; Лященко А. Былина о Дюке Степановиче. — ИОРЯС за 1925 г., т. 30, с. 60—76; Říga V. Новая версия легенды о земном рае. — Byzantinoslavica, 1930, roč. 2, sv. 2, с. 379; Сперанский М. Н.

Индия в старой русской письменности. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу : Сборник статей к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с. 463—469.

Г. М. Прохоров

Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа (заглавие в рукописях: «Месяца августа в 1 день празднуем всемилостивому спасу и пречистей его матере»; начало: «Ведети нам есть, братие, о сем възлюбленая еже пантократы день милости божиа празднуемь, благочестивому и благоверному нашему царю князю Андрею уставлеши се праздновати») — одно из программных произведений владимирской литературы 60-х гг. XII в., отразившее создание сильной военно-политической державы на северо-востоке Руси.

Согласно С., победа в день 1 августа сопутствует не только воинам *Андрея Юрьевича Боголюбского*, но и Мануилу Комнину в походе против сарацын, причем владимирский князь и византийский император показаны равными в славе и достоинстве. На С. повлияло переводное «Слово о явлении честного креста и о победе». Явлению «божественного луча огнена» Андрею Боголюбскому и его полку в сцене битвы 1164 г. с волжскими болгарами прямую параллель составляет видение лабарума — «божественной победы» — римскому императору Константину перед битвой при Сакса Рубра. Текст благодарственного моления Андрея за победу в походе близко повторяет этикетное моление Владимира I в *Повести временных лет* под 996 г. В отличие от «Слова великого князя Андрея Боголюбского о милости божией» (см. Андрей Юрьевич Боголюбский) С. приписывает учреждение нового церковно-государственного праздника Владимирской Руси не только лично князю Андрею Боголюбскому, но и византийским иерархам — императору Мануилу, патриарху Луке, а также грекам киевскому митрополиту Константину и ростовскому епископу Нестору.

С. дошло в трех редакциях и более чем в 30 списках. Из них наиболее ранние — в пергаменных списках Пролога: ГПБ, собр. ПДА, А1/264, XIV—XV вв. и ГБЛ, собр. Рогож. кладб., № 511, XIV—XV вв. Первая, основная редакция С. имеет 4 варианта. Варианты 1 и 2 имеют различные продолжения основного текста С.: 1) описание храмового праздника 1 августа (см. списки: ГПБ, F. I, 257, XVI в.; ГБЛ, собр. Рогож. кладб., № 560, XVI в.; Калининский гос. обл. арх., № 1153, XVI в.); 2) особое Установление о постах на праздник 1 августа (см. списки: ГПБ, собр. ПДА, А1/264; ГБЛ, собр. Большакова, № 195). Вариант 1 принадлежит, по-видимому, епископу Феодору (ум. 1169 г.), который боролся вместе с Андреем Боголюбским за автокефалию владимирской кафедры; вариант 2, по-видимому, редактировал епископ грек Леон, выступавший в Ростове против автокефальных притязаний Владимира (нач. 1170-х гг.). В варианте 3, опубликованном В. О. Ключевским в 1878 г. вместе со *Сказанием о чудесах Владимирской иконы богоматери*, продолжения основного текста

сняты, а в конце добавлен молитвенный текст, который Н. Н. Воронин приписывал Андрею Боголюбскому. Вариант 4 содержит основной текст С. без продолжений и дополнений (списки: ГБЛ, собр. Рогожского кладб., № 511; ГБЛ, собр. Егорова, № 637).

Вторая редакция С. — краткая летописная. Она читается в составе *Летописи Лаврентьевской* и опубликована В. О. Ключевским по списку Минеи. Редакция трактует победу 1164 г. над волжскими болгарами как новое чудо Владимирской иконы богоматери. По мнению Б. А. Рыбакова, она датируется началом 70-х гг. XII в. (см.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 110, примеч. 47).

Третья редакция С. представляет собой соединение текста 4 вар. 1-й редакции со «Словом великого князя Андрея Боголюбского о милости божией». Возникла она не ранее кон. XIII—нач. XIV в. Опубликована И. Е. Забелиным в 1895 г. В печатном Прологе на 1 августа помещен текст «Сказания», близкий к 1-му варианту 1-й редакции.

С. существенно переосмысливает фабульное ядро воинской повести, изображая поход Андрея Боголюбского с литературно-публицистических и государственно-идеологических позиций, и принадлежит к жанрам историко-легендарного повествования Владимирской литературы второй половины XII в.

Изд.: Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. СПб., 1878, с. 21—28 (изд. ОЛДП, № 30); Забелин И. Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — Археол. изв. и заметки. М., 1895, № 2—3, с. 45—46; Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. 1. М., 1962, стб. 352—353; Hurwitz E. S. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980, p. 90—91.

Лит.: Голубинский. История церкви, т. 1, ч. 2, с. 409—410; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, с. 243—249; Воронин Н. Н. 1) Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг: (Из истории русско-византийских отношений XII в.). — ВВ, 1962, т. 21, с. 29—50; 2) Сказание о победе 1164 г. над болгарами и празднике Спаса. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 88—92; Филипповский Г. Ю. 1) Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х гг. XII в. — Вестн. МГУ, Филол., 1979, № 4, с. 37—44; 2) Жанры историко-легендарного повествования владимирской литературы второй половины XII в.: Автореф. канд. дис. М., 1979.

Г. Ю. Филипповский

Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. В 1246 г. в Орде, по повелению хана Батыя, были убиты черниговский князь Михаил Всеволодович (род. в 80—90-е гг. XII в.) и, сопровождавший князя в его поездке в Орду за получением ярлыка на Черниговское княжение, боярин Феодор. Гибель Михаила и Феодора в Орде была истолкована как мученическая смерть за христианскую веру, они были признаны святыми и канонизированы русской церковью. О гибели черниговского князя и его боярина сообщается под соответствующим

годом в летописях. В списках Пролога имеется краткая запись о их мученической смерти. Этому событию посвящено также специальное С., представленное несколькими разновидностями, редакциями и вариантами. И в рукописной традиции и в научной литературе С. обозначается также как Житие. С., все разновидности которого так или иначе взаимосвязаны, дошло в большом числе списков в составе прологов, сборников житийного и смешанного состава, в четьих сборниках, в летописях. Фабула С. сводится к следующему: Батый, покорив русскую землю, заставляет русских князей приходить в Орду за получением ярлыков на княжение. Там они должны совершать унизительный обряд: кланяться татарским идолам и проходить сквозь огонь (между двух разожженных костров). Михаил Черниговский отказывается выполнить этот обряд, заявляя, что Батыю как царю он готов кланяться, но поклониться идолам и проходить меж огней он как истинный христианин не может. За это Михаилу, после истязаний, отрезают голову. Подвигу своего господина последовал и его боярин Феодор. Несмотря на все разнообразие, фабула С. всегда одинакова, а разнообразие различных видов и редакций достигается за счет детализации событий, новых подробностей, риторических дополнений и отступлений. Наиболее исчерпывающее исследование С. принадлежит Н. И. Серебрянскому. Все рассказы о Михаиле Черниговском он классифицирует следующим образом: 1) проложные записи в несколько строк, фиксирующие дату события и его суть; 2) краткие проложные жития; 3) распространенные проложные сказания; 4) подробное (Пахомиевское) житие и его разновидности и переделки.

Краткие проложные жития, так же как и проложные записи, встречающиеся только в составе прологов, Н. И. Серебрянский делит на три редакции: 1) Ростовскую; 2) Общерусскую и 3) Особую. Самый ранний список Ростовской редакции — пергаменный пролог XIII—XIV в. Серебрянский датирует возникновение этой редакции С. временем до 70-х гг. XIII в., так как в 1271 г. умерла ростовская княгиня Марья, дочь Михаила Черниговского, которая вместе с сыновьями (Борисом и Глебом) установила церковное почитание Михаила и Феодора в Ростове и построила в их честь церковь. Характер соотношения текстов трех выделенных Серебрянским редакций краткого проложного жития таков, что, скорее, следует говорить не о их непосредственной связи, как считал Серебрянский, а о их независимом друг от друга происхождении. Общерусская редакция краткого проложного Жития Михаила Черниговского может расцениваться и как поздняя переделка-сокращение распространенного проложного С. Особая редакция краткого проложного жития, возможно, представляет собой переработку такого вида Распространенного С., который лег в основу редакции С. Пахомия Логофета. Таким образом, краткие проложные жития Михаила Черниговского объединяются не их зависимостью друг от друга, а их жанровым сходством — тем, что это проложные краткие жития. Они возникали в разное время не-

зависимо друг от друга. Одна — Ростовская редакция — очень рано, другие значительно позже. Помимо краткости их объединяет и то, что все они выдержаны в строго религиозном духе. Ростовскую редакцию краткого проложного жития Серебрянский считал первоначальным текстом С., к которому в конечном счете восходят все остальные виды произведения. Этот вывод нельзя считать бесспорным. Некоторые особенности текста этой редакции дают основание видеть в ней уже сокращение более пространного текста. Можно предположить, что тот вид С., который определяется Серебрянским как Распространенное проложное С., лег в основу Ростовской редакции краткого проложного жития и время возникновения Распространенного проложного С. относить ко второй половине XIII в. Этот вид С. встречается не только в прологах, но и в сборниках самого разного состава.

Распространенное С. Серебрянский делит на 4 группы: 1) редакция с именем отца Андрея («Слово новосвятою мученику Михаила князя рускаго и Феодора воеводы первого в княжении его. Сложено въкратце на похвалу святыма отцемь Андреем»: заглавие по списку пергаменного пролога XIV—XV вв. — ГПБ, Соф. собр., № 1365, л. 192—195 об.); 2) редакция с именем епископа Иоанна («Месяца семптеврия в 20 день. Убиение благовернаго князя Михаила Черниговского и Феодора воеводы его. Сотворено Иоанном епископом. Благослови отче»: заглавие по тексту сборника конца XIV в.: ГИМ, собр. Уварова, № 613, л. 30—33 об.); 3) распространенный вид первой; 4) сокращенный вид второй. Эта классификация требует уточнения. Тексты с именем Андрея и именем Иоанна едва ли следует определять как две разные редакции. Существенное отличие между ними заключается в разнице заглавий и в том, что там, где в заглавии стоит имя Андрея, в тексте имя духовного отца, благословившего князя на подвиг, не названо, а там, где в заглавии стоит имя Иоанна, в тексте он и назван духовным отцом князя. Остальные разночтения между этими текстами могут рассматриваться как разночтения разных вариантов одной редакции. Большинство исследователей (Макарий, И. И. Срезневский, В. О. Ключевский, Н. И. Серебрянский) считают, что автором Распространенного С. был Андрей. Но конкретно связать это имя с каким-либо определенным историческим лицом мы не можем. В *Летописи Лаврентьевской* под 1231 г., в статье о поставлении *Кирилла епископа Ростовского* среди духовных лиц, присутствовавших при поставлении, назван Иоанн, игумен Борисоглебского монастыря в Чернигове (ПСРЛ, т. 1, с. 457). Таким образом, связь духовного лица по имени Иоанн с черниговским князем приобретает вполне реальную основу. Как бы ни решался вопрос об имени автора С., ясно одно — и текст с именем Андрея, и текст с именем Иоанна восходят к общему протографу. К этому общему протографу восходит и третий вид Распространенного С., определяемый Серебрянским как «Распространение редакции отца Андрея». Здесь существенное отличие от двух первых видов Распространенного С. заключается

в ином, более обширном, вступлении и в том, что в этом тексте говорится об избиении Михаилом Черниговским послов Батыя перед бегством Михаила в «Угры» (Венгрию), когда монголо-татарами был взят Киев. Имеется ряд более мелких разночтений. В остальном же текст «Распространения редакции отца Андрея» в отдельных чтениях совпадает то с текстом, атрибутируемым Андрею, то с текстом, атрибутируемым Иоанну. Четвертый вид Распространенного С. также не может определяться как сокращение текста с именем Иоанна в заглавии: это сокращение и переработка текста, являвшегося общим протографом всех выше названных видов Распространенного С. Таким образом, все тексты Распространенного С. следует делить не на 4, а на 3 редакции: Первую, представленную двумя вариантами — с именем Андрея и с именем Иоанна; Вторую — с расширенным вступлением и сообщением об избиении Михаилом послов Батыя; Третью — сокращенную. В 70-х гг. XV в. на основе Второй редакции Распространенного С. пишет свою редакцию С. Пахомий Логофет. Редакция Пахомия была включена в ВМЧ, она послужила основой ряда более поздних редакций С.

Различные виды С. были включены в летописные своды. В СIЛ и в Воскресенской летописи текст С., за исключением первой фразы, которая повторяет первую фразу Ростовской и Общерусской редакций краткого проложного жития, полностью совпадает со 2-й редакцией Распространенного С. (по классификации Серебрянского «Распространение ред. отца Андрея»). В Никоновской летописи, кроме Лаптевского списка, своя, особая редакция С. В Лаптевском списке Никоновской летописи (Лаптевском томе Лицевого свода) текст С. такой же, как в Степенной книге — расширенная риторическая переработка Пахомиевской редакции С. с привлечением летописных рассказов о нашествии Батыя. В число переработок Пахомиевской редакции С. Серебрянский включает и текст, дошедший в единственном Чудовском списке XVI в. (ГИМ, Чуд. собр., № 49/251). Однако Чудовский текст — оригинальная, самостоятельная редакция С. и Пахомиевская редакция послужила лишь одним из ее источников. Основой Чудовской редакции С. является вариант с именем Иоанна Первой редакции Распространенного С. Автор Чудовской редакции С., кроме Пахомиевской привлек еще ряд источников, в том числе, по-видимому, устных. Из Пахомиевской редакции в Чудовскую было заимствовано начало С., отдельные заимствования встречаются и по всему тексту. За Пахомиевским началом в Чудовской редакции следует большая вставка о Георгии Всеволодовиче Владимирском, в которой рассказывается о нахождении Батыя и о разорении Владимира и Суздаля, о гибели владимирского князя Георгия Всеволодовича. Источник этого рассказа, носящего легендарно-книжный характер, неизвестен (бесспорно, что он позднего происхождения). Третья большая вставка в Чудовской редакции С. — плач жены Михаила Черниговского. Как установил Серебрянский, источником этого плача послужил плач княгини Евдо-

кии из Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского.

С., пользовавшееся в Древней Руси огромной популярностью и имевшее длительную литературную историю (XIII—XVI вв.), требует монографического исследования, основанного на исчерпывающем текстологическом изучении всех видов, редакций, вариантов этого произведения, посвященного борьбе русского народа с монголо-татарскими завоевателями.

Изд.: Софийская первая летопись. — ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 182—186 (2-е изд.: Л., 1925, с. 230—235); Сказание о св. мученике Михаиле, князе черниговском, и Феодоре, болярине его. М., 1852; Воскресенская летопись. — ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 152—156; ВМЧ, сентябрь, дни 14—24. СПб., 1868, стб. 1298—1305; Некрасов И. Пахомий Серб, писатель XV в. Одесса, 1871, с. 62—69; Никоновская летопись. — ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 130—133 и 237—244 (фототипическое переиздание — М., 1965); Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, СПб., 1896, вып. 2, с. 10—11 и 172—175; Серебрянский. Княжеские жития, с. 108—141; Тексты, с. 49—86; Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 228—235.

Лит.: Иванчин-Писарев Н. Д. Михаил, великий князь Киево-Черниговский. М., 1839; Ключевский. Древнерусские жития, с. 128 и 146—147; Барсуков. Источники агиографии, стб. 372—379; Строев. Словарь, с. 337; Филарет. Обзор, с. 62; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 100—105; Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 212—216; Пак Н. И. Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском». — В кн.: Литература Древней Руси. Сборник научных трудов / Отв. ред. Прокофьев Н. И. М., 1981, с. 58—61; Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981.

Л. А. Дмитриев

Сказание о чудесах Владимирской иконы богоматери — цикл рассказов, основная часть которых посвящена описанию чудес, совершенных в XII в. Владимирской иконой богоматери (необходимо отличать «Сказание о чудесах Владимирской иконы богоматери» XII в. от одноименного «Сказания о Владимирской иконе богоматери» второй половины XVI в.). Рукописная традиция донесла до нас около 20 списков этого произведения, самый ранний из которых датируется 60—70 гг. XV в., а самый поздний относится к концу XVII в. Немногочисленные списки делятся на две группы: пространную и краткую. В пространном тексте рассказу о чудесах иконы предшествует *Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 г.* и краткая запись о том же событии, сходная с известием в *Летописи Лаврентьевской.* В конце С. помещены две статьи о чудесах византийских святынь: иконы Одигитрии и ризы богородицы. В кратком варианте содержится только текст «Сказания о победе над волжскими болгарами», за которым в некоторых списках следует «Слово великого князя Андрея Боголюбского о милости божией» (см. *Андрей Юрьевич Боголюбский*). И пространный, и краткий варианты С. о чудесах

начинаются одинаково: «Месяца августа в 1 день. Празднуем всемилостивому Христу и пречистей его матери» (ГБЛ, собр. Егорова, № 637. Сборник 60—70 гг. XV в., л. 383 об.).

Исследователи С., посвятившие ему специальные работы или только упоминавшие о нем, были единодушны в вопросе о датировке произведения. Все без исключения связывали время его создания с периодом княжения Андрея Боголюбского (Ключевский. Сказание о чудесах, с. 13—18; Забелин. Следы, с. 40—43; Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, т. 2. Замеч., с. 296—298; Будовниц И. У Общественно-политическая мысль. ., с. 242 и др.). Н. Н. Воронин считал, что оно было написано до 1164 г. (Воронин Н. Н. Из истории. ., с. 198). А. Н. Насонов предложил две возможные датировки С.: 1164 г. и 1164—1185 гг. (Насонов. История, с. 139). А. И. Анисимов относил появление произведения к 1164—1180 гг. (Анисимов А. И. Владимирская икона божьей матери. Прага, 1928, с. 14). Однако, датируя С., исследователи не учитывали его составного характера. Наряду со сказанием о победе над волжскими болгарами и рассказом о чудесах Владимирской иконы в произведение входят летописная запись, повторяющая текст «Сказания о победе над болгарами», и две статьи о византийских святынях. По-видимому, в таком виде С. о чудесах Владимирской иконы сложилось позднее, в 70—80 гг. XV в. Но существование уже в XII в. рассказа о чудесах иконы и «Сказания о победе над болгарами» несомненно. По мнению И. У. Будовница и А. Н. Насонова, вдохновителем рассказа о чудесах иконы был Андрей Боголюбский. Непосредственным участником создания произведения его также считали И. Е. Забелин (Забелин. Следы, с. 49) и В. С. Иконников (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908, с. 953). Соглашаясь с И. Е. Забелиным, Н. Н. Воронин приписал составление рассказа о чудесах окружению князя — Лазарю, Нестору и Микуле (Воронин. Из истории, с. 208). Исследователь полагал, что древний текст повествования о чудесах иконы был значительно обширнее и подробнее и, по-видимому, содержал отсутствующий в С. рассказ о чуде в Боголюбове, о котором впервые упоминается в Комиссионном списке XV в. *Летописи Новгородской первой* (Воронин. Из истории, с. 199—201). Раннее происхождение «Сказания о победе над болгарами» подтверждается текстом «Слова великого князя о милости божией», продолжающим в некоторых списках текст Сказания о победе. В Слове указывается, что праздник в честь победы над болгарами установлен «худым и грешным рабом божиим Андреем князем, сыном Георгиевым, внуком Мономахова именем Владимира, царя и князя всея Руси» (см. рукопись ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 161. Торжественник 80-х гг. XV в., л. 449 об.—450). По мнению И. Е. Забелина, так мог говорить только сам Андрей Боголюбский. Исследователь даже связывал с ним авторство «Сказания о победе над волжскими болгарами» (Забелин. Следы, с. 44, 45, 49). Вероят-

ность существования Сказания уже в XII в. доказывает упоминание о празднике Спаса и богородицы в Троицком кондакаре конца XII—начала XIII в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 23, л. 47) и в евангелии из Архангельского собора (ГИМ, собр. Архангельского собора, № 1/1019, л. 255 об.). «Сказание о победе над волжскими болгарами» и рассказ о чудесах Владимирской иконы — два самостоятельных произведения XII в., существовавшие, по-видимому, независимо друг от друга до конца XV в., когда они были объединены и вместе с другими статьями составили С.

Идейная направленность произведений полностью соответствовала идейно-политическим мероприятиям Андрея Боголюбского. В С. проводилась идея избранности Владимиро-Суздальской земли среди других русских княжеств, подчеркивалось большое политическое значение деятельности великого князя, упоминалось покровительство ему небесных сил. Эти идеи — и особенно мысль о приоритете Владимирской земли и ее князей — оказали влияние на авторов «Повести о Темир-Аксаке» и «Сказания о Владимирской иконе богоматери» XVI в., которое, как говорилось, не следует смешивать со С. XII в. В последнем произведении текст С. о чудесах стал основной частью обширного повествования об истории общерусской святыни.

Изд.: Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. СПб., 1878 (изд. ОЛДП, № 30); Забелин И. Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — В кн.: Археологические известия и заметки. М., 1895, № 2—3, с. 37—49.

Лит.: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, с. 242—243; Воронин Н. Н. 1) Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 88—91; 2) Из истории русско-византийской борьбы XII в. — ВВ. М., 1965, т. 26, с. 190—218; Альшиц Д. Н. Что означает «Пирогощая» русских летописей и «Слова о полку Игореве». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 475—482 (Тр. Ин-та ист. АН СССР, Л/о, вып. 7); Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 138—143; Hurwitz E. S. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980, p. 54—59.

И. Л. Жучкова

Сказания о Иоанне Предтече (Крестителе) — цикл переводных и оригинальных памятников разных жанров (гомилии, памяти, сказания о чудесах), связанных с почитанием Иоанна Предтечи. Иоанн Предтеча, согласно евангельскому рассказу (см.: Мф., I; Лук., III и др.), предуготовлял еврейский народ к крещению, крестил многих и в числе их самого Иисуса Христа, почтив его и провозгласив сыном божьим. За обличение связи тетрарха Иудеи Ирода Антипы с женой его брата — Иродиадой Иоанн был заточен. Дочь Иродиады угодила Ироду своей пляской и попросила в награду голову Иоанна. Тот был обезглавлен.

С церковными праздниками в память зачатия, рождения, усекновения главы и обретения главы Иоанна связано множество широко распространенных в древнерусской книжности памятни-

ков: а) гомилии на зачатие Иоанна (см. ВМЧ под 23 сентября): Слово на зачатие Иоанна Предтечи (нач.: «Понеже убо преблагий бог и человеколюбец. . .»); Слово похвальное на зачатие Иоанна Предтечи (нач.: «Любовницы, доброгоден день, строин праздник, соборная радость. . .); б) гомилии на рождество Иоанна Предтечи (см. ВМЧ под 24 июня): Поучение на рождество Иоанна Предтечи (нач.: Подобно есть, братие, со испытанием всяку правду творяще. . .»); Поучение на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «В праздники святых и соборех божественных. . .»); Слово на рождество Иоанна Предтечи, написанное Григорием Цамблаком (нач.: «Креститель нам днесь раждается. . .»); Григория папы римского слово на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «В одно время слышав Иоанн во узилищи дела Христова. . .»); Похвальное слово на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «Присно текыи источник божества. . .»); Слово Афанасия Александрийского на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «Ниву убо изсохшую и зверем в попрание быти оставленную. . .»); Слово похвальное святому славному пророку и Предтече (нач.: «Начало мирскыа радости, яже и Захарии. . .»); слова Иоанна Златоуста на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «Солнцу сему хотящу видимому изити. . .» и «Благовременен день праздника. . .»); Слово похвальное на рождество Иоанна Предтечи (нач.: «Славию некоему велегласну подобяся. . .»); в) гомилии на усекновение главы Иоанна Предтечи (см. ВМЧ под 29 августа): слова Иоанна Златоуста на усекновение главы (нач.: «Паки Иродия беситься, паки метется, паки пляшет. . .» и «Якоже се муж етер любяи пустыню. . .»); Слово Григория Цамблака на усекновение главы Иоанна Предтечи (нач.: «Паки Иудея жадает пророческыа крове. . .»); Поучение на усекновение главы (нач.: «Лют убо, братие, воистину блудный грех . . .»); «Житие и усекновение честнаго пророка . . . списано от ученика его Иоанна, сиречь Марка» (нач.: «Исполнившимся летом пять тысящ и пятии стом. . .»); Слово на усекновение Иоанна Предтечи (нач.: «Родившуся Иисусу в Вифлиоме. . .»); г) памятники, связанные с празднованием обретения главы Иоанна Предтечи (см. ВМЧ под 24 февраля и 25 мая): память (?) Иоанна Предтечи (нач.: «Явися пребогатый вселенский апостол. . .»); «Сказание, како обретена бысть честная и всехвалная глава Иоанна Предтечи» (нач.: «Инока два от востока устремишася. . .»); Слово на обретение главы Иоанна Предтечи (нач.: «Праведный аще постигнет скончатися. . .»); Слово похвальное Федора Студийского на обретение главы Иоанна Предтечи (нач.: «Третие явление Предтечевы памяти. . .»); Похвала обретению главы (нач.: «Бысть во дни Ирода царя глас. . .»).

Памяти и слова на зачатие, рождество, усекновение главы и на обретение главы и руки Иоанна Предтечи входят в Пролог под 23 сентября, 24 июня, 29 августа, 24 февраля, 25 мая и 7 января.

Помимо перечисленных выше памятников назовем также «Слово Евсевия (в разных рукописях оно приписывается то Евсевию

Александрийскому, то Евсевию Самосатскому) о сошествии Иоанна Предтечи в ад» (нач.: «Возлюбление, добро есть нам нарещи, каково благовещение Иоанна Предтечи. .»), читающиеся в ВМЧ под 5 сентября «Слово похвальное Климента Охридского на память пророка Захарии и о рождении Иоанна Крестителя» (нач.: «Свет восия праведнику и правым сердцем веселие. .») и «Слово о рождестве Иоанна Предтечи и о умертвии отца его Захарии» (нач.: «В лето четверодесятное Ироду царствующу, взискание сотвори. .»), «Похвальное слово Иоанну Крестителю Климента Охридского» (нач.: «Приде Исус от Галилея на Иордан к Иоану крестити ся от него. .»), а также Похвалу обретению главе Иоанна Крестителя («Бысть в дни Ирода царя глас к Иоанну. .») и Поучение (Похвалу) в неделю по рожестве Иоанна Предтечи (нач.: «Братье, присно жадая спасения господь бог нашь. .») — последние два памятника, как и ряд из вышеназванных, уверенно или предположительно атрибутируются Клименту Охридскому.

Небольшая статья (источник ее пока не установлен) — «Сии Антипа Ирод поя Иродьяду главу Предтечеву усекнути» входит в состав Хронографа по великому изложению и через его посредство в Летописец Еллинский и Римский второй редакции и Палею Хронографическую (см.: Т в о р о г о в О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 246, 291).

Три фрагмента из памятника «Житие и усекновение. . Крестителя Иоанна» вошли в состав 111 главы Русского хронографа редакции 1512 г., где образуют статьи: «О крещении господни и о Иоанне Предтечи от житиа его», «Сие от житиа Предтечева» и «От жития Предтечева». Читающиеся в той же главе статьи «От списания Иосипа Евреина» и «Разрешает сон господень Предотеча Иоанн Ироду Филиппу», также повествующие об Иоанне, не имеют отношения к рассматриваемому циклу, а являются выдержками из славянского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (ср.: М е щ е р с к и й Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, с. 250—251 и 257).

Из старших славянских сборников, содержащих слова и поучения об Иоанне Предтече, упомянем так называемый Златоуст Ягича (ГПБ, Q.п.I.56), где на л. 66—72 читаются: «Слово святаго Иоанна Златоустаго. Похвала Иоанну Крестителю» (нач.: «Прииде Иисус от Галилеи на Иордан. .»), «Слово святаго Иоанна Златоустаго на усекновение Иоанна Крестителя» (нач.: «Пакы Иродья бесится, паки метется, паки мутится. . .»), «Слово святаго Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Крестителя» (нач.: «Яко се муж един любяи пустыню на месте лесне. .»), «Слово святаго Иоанна Златоустаго на обретение главы Иоанна Предтечи» (нач.: «Бысть в дни Ирода царе усекновение святаго Иоана. .»), «Слово святаго Иоана Златоустаго на рождьство святаго Иоана Крестителя» (нач.: «Елисавефи же рече еуангелист. .»), а на л. 245—249 об. — «Слово святаго Иоанна Злато-

устаго на рождьство крестителя Иоана» (нач.: «Понеже убо преблагы бог и человеколюбець не презре рода человечьскаго»). Слово Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад читается в сборнике XII—XIII вв. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12 и в сборнике № 11 того же собрания, относящегося к XIV в., а также в Успенском сборнике XII—XIII вв. ГИМ Синод. собр., № 1063/4. Слово Климента Охридского на рождество Иоанна Предтечи входит в состав сборника XII в. (ГПБ, F.п.I, 46).

На русской почве слагались сказания о чудесах от церкви Иоанна Предтечи. Они изданы в ПЛ (вып. 1, с. 251—252) и А. И. Никольским (Никольский А. И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и крестителя господня. — ИОРЯС за 1907 г., т. 12, кн. 3, 1908, с. 98—116).

Изд.: Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 41—43, 204—214; Антоний. Памятники древнеболгарской проповеднической письменности. — ПС, 1881, декабрь, с. 350—358; Ундольский В. М. Климент, епископ словенский. М., 1895, с. 23—33; ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стб. 271—281; сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1356—1370. Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 358—368; Климент Охридски. Събр. съч. София, 1970, т. 1, с. 158—185, 378—396; 1977, т. 2, с. 35—51, 259—268, 370—415, 807—813.

Лит.: Попов. Библиографические материалы, № 7, с. 311—316; Петухов Е. В. Болгарские литературные деятели древнейшей поры на русской почве. — ЖМНП, 1893, апрель, с. 296—322.

О. В. Творогов

Слова на Покров — цикл древнерусских памятников, созданных в связи с праздником Покрова богородицы (1-е октября), учрежденным *Андреем Юрьевичем Боголюбским* во Владимире в 60-х гг. XII в. Праздник установлен в память о чуде явления богоматери св. Андрею Юродивому: согласно *Житию Андрея Юродивого*, во Влахернской церкви в Константинополе ему было видение богородицы, осенившей народ своим покровом (омофором) и молившейся «за весь мир». Покров, означавший божественную защиту и милосердие, стал почитаться на Руси как символ особого покровительства богородицы русской земле. Культ Покрова по своему происхождению есть византийский культ Влахернской божьей матери — покровительницы града (skepe или episkepsis); по всей видимости, на Руси он был первоначально принят в Киево-Печерском и соседнем с ним Влахернском монастырях. Праздник Покрова нашел отражение в древнерусской иконографии (см., например: Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899, вып. 6, с. 68—83; Кондаков Н. П. Иконография богоматери. СПб., 1915, т. 2, с. 56—59, 92—104; Lathoud R. P. D. Le thème iconographique du «Pokrov» de la Vièrge. — In: L'art byzantin chez les slaves, Paris, 1932, t. 2, p. 302—314; Медведева Е. С.

Древнерусская иконография Покрова. — Рукоп. дисс. Арх. Ин-та археол. АН СССР, р-2, № 1728; Миляева Л. С. Памятник Галицкой живописи XIII в. — Сов. археол., 1965, № 1, с. 249—258; Лазарев В. Н. 1) Снетогорские росписи. — В кн.: Русская средневековая живопись. М., 1970; 2) О дате одной новгородской иконы. В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 247—253).

В цикл входят проложное Сказание, служба и пять похвальных слов.

1. «Проложное сказание» (нач.: «Страшное и чюдное видение. .») — краткая заметка, в которой излагается видение Андрея и сообщается об учреждении праздника Покрова на Руси по воле некоего владетельного князя. Заметка составлена в конце XII в. специально для внесения нового праздника в Пролог; она читается во всех сентябрьских Прологах на 1-е октября. Вместе с другими статьями из Пролога Сказание вошло в ВМЧ.

2. Служба на Покров, написанная, по-видимому, одновременно с установлением праздника, впоследствии неоднократно переделывалась и распространялась. Старший список — ГИМ, Синод. собр., № 431, второй половины XIV в., л. 126—128.

В цикл входят также пять С.

1. «Слово похвальное честному Покрову пресвятыя богородица» (нач.: «Понеже убо человеческий род. .»), написанное Пахомием Сербом в 1460-х гг. для новгородского епископа Ионы. Это риторическое сочинение, содержащее объяснение происхождения праздника Покрова и похвалу богородице. В распоряжении Пахомия были «Проложное сказание» и Служба на Покров. Слово внесено в ВМЧ под 1-м октября.

2. «Слово похвально на святый Покров пречистыя богородица» (нач.: «Сладчаиши убо во временех весна. .») — пространное компилятивное сочинение, известное в рукописях XVI—XVIII вв. Содержит толкование происхождения и значения праздника Покрова и молитвенные обращения. Общий план взят у Пахомия, и поэтому датировки Е. С. Медведевой — XIV в. и Н. Н. Воронина — XII—XIV вв. неприемлемы, текст уснащен цитатами из «Проложного сказания» и Службы, а также многочисленными гимнографическими шаблонами. Датируется, вероятно, началом XVI в. С. внесено в ВМЧ под 1-м октября.

3. «Поучение на Покров богородицы» (нач.: «Многа и различна торжества и праздницы. .») — слово нравоучительного содержания. Составлено в XV в. иноком неизвестного монастыря. Встречается редко. Старший список — ГБЛ, собр. Большакова, № 66, XV в., л. 204 об.—214 об.

4. «Слово похвальное на Покров» (нач.: «Светлое и преславное настоящее торжество. .») — малооригинальное сочинение XVI в., составленное из отрывков «Проложного сказания» и слов на другие богородичные праздники. Один из ранних списков — ГИМ, собр. Уварова, № 409, XVI в.

5. «Слово на Покров» (нач.: «В последняя и лютая времена. . .»)— позднее похвальное С., известное в списках XVIII—XIX вв. См., напр., список ГПБ, собр. Вяземского, F.120.

Изд.: ВМЧ, октябрь, дни 1—3. 1870, стб. 4—23; Hurwitz E. S. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980, p. 92—93.

Лит.: Георгиевский Г. П. Русский ли праздник Покров? — ЧОЛДП, 1893, т. 11, с. 626—639; Сергий, архим. Святый Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова пресвятыя богородицы. СПб., 1898; Голубинский. История церкви, т. 1, 2-я пол., с. 400—406; Яблонский В. Пахомии Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 126—129; Остроумов М. А. Праздник Покрова пресвятыя богородицы. — Приходское чтение, 1911, № 19, с. 401—412; Воронин Н. Н. 1) Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1962, т. 1, с. 122—123; 2) Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — ВВ, 1965, т. 26, с. 208—218; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 88—89; Belting-Ihm Ch. «Sub matris tutela». — Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, 1976, N 3, Heidelberg, 1976.

Е. А. Фет

Слово Епифания Кипрского о погребении Иисуса Христа и о Иосифе Аримафейском — переводная гомилия пасхального цикла, содержащая апокрифические мотивы. В С., приписываемом Епифанию, епископу Кипра (IV), повествуется о распятии Христа, о приходе к Пилату одного из тайных учеников Христа — Иосифа Аримафейского — с просьбой разрешить ему похоронить тело учителя, о самом погребении, о воскресении Христа. Далее рассказывается о мучениях праотцев и пророков в аду (среди них Адам и Ева, Авраам, Иаков, Ной, Даниил, Моисей, цари Давид и Соломон). Иисус нисходит в ад и освобождает пленников. В рассказе о сошествии Христа в ад в С. наблюдаются текстуальные совпадения с *Евангелием Никодима*.

С. широко распространено в славянской письменности, его древнейшие списки находим в составе сборника Клоца (XI в.), Супрасльской рукописи (XI в.) и других древнейших славянских сборников и гомилиариев. Эти древнейшие списки С. хорошо исследованы и неоднократно издавались. Так, например, текст из сборника Клоца издавался В. Вондраком (Vondrak V. Glagolita Clozuv. Praha, 1893, s. 87—96) и А. Досталом (Dostal A. Clozianus, staroslovensky hlaholsky sbornik Tridentsky a Insbrucky. Praha, 1959, s. 94—104), И. И. Срезневским (Срезневский И. Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866, с. 199—206), текст из Супрасльского сборника — С. Северьяновым (Северьянов С. Н. Супрасльская рукопись. СПб., 1904, с. 447—471) и в новейшем издании рукописи (Супраслъски или Рътков сборник. София, 1983, т. 2, с. 355—403); по рукописи ГПБ, Q.п.I,56 и сборнику Михановича текст издан В. Ягичем (Jagič V. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14. Jahrhunderts. — Sitzungsberichte der Akad. d. Wissenschaften in Wien, 1898, Bd 139. H. 4, S. 13—56). Критическое издание по южнославянским спи-

скам осуществлено А. Вайяном (V a i l l a n t A. L'Homelie d'Epiphane sur l'ensevelissement du Christ (texte grec et traduction française). — Radovi Staroslovenskog instituta. Zagreb, 1958, kn. 3, p. 7—101). Обнаружен новый перевод этой гомилии в составе болгарского Германова сборника 1359 г. Он исследован и издан в кн.: И в а н о в а - М и р ч е в а Д., И к о н о м о в а Ж. Хомилиата на Епифаний за слизането в ада. София, 1975, — где обстоятельно изложена и история вопроса.

Древнерусские списки С. восходят к болгарскому переводу. Они ближе к версии, отразившейся в сборнике Клоца и Златоусте Ягича (ГПБ, Q.п.I,56), чем, например, версии в сборнике Михановича. Старший из известных др.-рус. списков относится к XIV в.: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 744, другие списки — к XV в.: ГПБ, собр. Погодина, № 67; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 750, 753, 754; ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) и др. В списках С. носит название: «Иже во святых отца нашего Епифания, архиепископа Кипрского, слово в святую и великую субботу о погребении тела господа нашего Иисуса Христа, и о Иосифе, иже от Аримафея и о Никодиме, и о успении господа нашего Иисуса Христа гробием по спасеней страсти дивне бывшу» (нач.: «Что :е? Безмолвие много на земли, молчания много яко царь спит. .»). Под заголовком «Слово Григория Антиохийского» (начало то же) памятник входит в традиционный состав сборника Златоуст, где читается в субботу Страстной недели, и в Торжественник. Однако в этих сборниках представлен лишь краткий пересказ начальной части текста (около одной третьей от общего объема памятника).

С. Епифания оказало влияние на праздничные слова *Кирилла, епископа Туровского* — на его «Слово о мироносицах» и «Слово на пасху» (см.: Е р е м и н И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ. 1955, т. 11, с. 351, 355, 357, 358; там же литература вопроса). Несомненно влияние С. Епифания и на *Слово на Лазарево воскресение*. Оно вошло в печатный Соборник 1647 г. и было одним из основных источников для составления слов Кирилла Транквиллиона Ставровецкого (XVII в.), о чем он сам сообщал в предисловии к своему «Слову в святую субботу», вошедшему в сборник «Евангелие Учительное» (1619): «Поучение в святую великую суботу, взято по части от Епифания, по части от иных богословцев, о съшествии Христове в ад». На использование С. Кириллом Транквиллионом указал И. Я. Порфирьев (Апокрифы новозаветные, с. 39—41).

Есть все основания полагать, что под «иными богословцами» Кирилл Транквиллион имел в виду и неизвестного автора «Слова на Лазарево воскресение», так как можно усмотреть следы знакомства Кирилла с его краткой редакцией. В русских сборниках постоянного состава со 2-й пол. XIV по сер. XVI в. С. Епифания встречается особенно часто, нередко с именем Григория Антиохийского, или Евсевия Александрийского, сопровождаемое «словом» Евсевия о сошествии Иоанна Предтечи в ад, «словом пророка Исайи о последних летех» и «Словом на Лазарево воскресение».

Изд.: Соборник. М., 1647, л. 128—242; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 36—41; 214—228.

Лит.: Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 223—229; Thal G. A. Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus. — AfslPh, 1902, Bd 124, H. 1 und 2, S. 532—554; Blahová E. 1) Homilie Clozianu a homiliare Mihanovicova. — Slavia, 1963, roč. 32, s. 1—16; 2) Staroslovensky preklad Epiphanovy homilie. — Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury, 1966, t. 10, s. 28—41.

М. В. Рождественская

Слово и Сказание святого Ипполита об антихристе — переводные эсхатологические сочинения, известные в древнерусской книжности. Четыре статьи Ипполита Римского, христианского писателя III в., входят в состав *Изборника 1073 г.*: «Иполутово от того еже о песнь песньм» (л. 155), «Иполутово, чьто есть мудрость създавъшия себе дом» (л. 155 об.), «Иполутово от того еже о Данили» (л. 163), «Иполутово о 12 апостолу, къде кыижьдо из проповеде или къде умреша» (л. 261). Толкования Ипполита на книгу пророка Даниила встречаются в отдельных списках, входят в состав Летописца Еллинского и Римского 2-й редакции, Русского хронографа редакции 1512 г. и других хронографических компиляций. Фрагмент из толкований (толкование на 10 главу книги Даниила) вошел в состав статьи 1111 г. 3-й редакции *Повести временных лет*.

Особую известность получили эсхатологические сочинения Ипполита. В «Сказании о Христе и антихристе» (нач.: «Помыслившу ти по истовому научитися, предложеныя от тебе нам главы. .») в форме ответа некоему Феофилу рассказывается о приходе антихриста и последних днях мира. Источниками «Сказания» явились книги пророков Даниила, Исайи и Иеремии, Апокалипсис, книги Бытия и Второзакония. Тому же Ипполиту приписывается «Слово о скончании мира и о антихристе» (нач.: «Понеже убо блаженнии пророци очи нам быша. .»), основанное на «Сказании», но дополненное новыми выборками из библейских пророческих книг. С названными памятниками связано также сочинение, озаглавленное в рукописях: «Дамаскина инока иподиакона и студита слово общим сказанием о скончании мира и о антихристе. .» (нач.: «Обычаи имуть царие благословении христиане, егда хотеть поити на брань. .»).

Древнейший известный список «Сказания о Христе и антихристе» — рукопись ГИМ, Чуд. собр., № 12, XII в.

Сочинения Ипполита об антихристе продолжали бытовать в старообрядческой книжности вплоть до Нового времени.

Изд.: Невоструев К. Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. с исследованием о Слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же, с примечаниями и приложениями. М., 1868; Срезневский И. И. Сказания об антихристе в славянских переводах творений св. Ипполита. — В кн.: Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1874, с. 140—362.

Лит.: Евсеев И. Е. Заметки по древнеславянскому переводу Св. писания: Толкования на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старин-

ной русской письменности. М., 1901; Голышенко В. С. Замечания к изданному тексту «Слова Ипполита». — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 80—92.

О. В. Творогов

Слово на Лазарево воскресение — апокриф, возникший на русской почве на рубеже XII—XIII вв. Он связан с евангельским рассказом о воскрешении Лазаря (Иоанн, XI). И. П. Еремин считал С. русским по происхождению и «сотканным из целого ряда апокрифических мотивов, комбинация которых является оригинальной и принадлежит автору» (История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 363—364).

Евангельский рассказ о Лазаре входил, по-видимому, первоначально в текст С., однако в дошедших до нас списках оно значительно шире по сюжету.

Все известные списки С. (их около 30) распадаются на две редакции: пространную и краткую, выделение которых из первоначального не дошедшего до нас текста произошло довольно рано. Древнейший список краткой редакции датируется нач. XV в. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/4), пространной — сер. XV в. (Новосибирск, Государственная научно-техническая библиотека, собр. Тихомирова, № 287).

О существовании двух разных редакций С. писал И. Я. Порфирьев, которому было известно два списка. В 1899 г. И. Я. Франко издал третий список, из собрания Киевской духовной Академии, местонахождение которого сейчас неизвестно. Через год Франко повторил издание, сопроводив его обширной исследовательской статьей и реконструкцией первоначального текста С., выполненной автором на основании уже трех списков (XVI—XVII вв.). Полагая, что в жанровом отношении С. представляет собой образец «дружинной поэзии», издатель разбил текст на ритмические отрезки.

О том, что перед нами две редакции одного произведения, а не разные сочинения на сходную тему, говорит существование некоторых других списков С., где соединились черты обеих редакций, причем в их архаичном виде. Краткая редакция концентрирует внимание на плаче-молитве Адама, с которой тот через посредство Лазаря обращается к Христу, готовящемуся воскресить Лазаря. Появлению этой редакции из архетипного текста С. способствовала традиция лироэпических плачей, связанная с устной причетью и библейско-византийскими плачами, развивавшаяся в переводной литературе, и, кроме того, известный «Плач Адама о рае», который входил как составная часть в апокрифическое «Сказание о Адаме и Еве» и отразился позднее в духовных стихах.

Пространная редакция С. содержит не только плач-молитву Адама, но и подробный рассказ о сошествии Христа в ад и освобождении им пленников, текстуально связанный с Евангелием Никодима и сочинениями, на нем основанными, прежде всего со «Словом о сошествии Иоанна Предтечи в ад» Евсевия

Александрийского (Самосатского) и «Словом о погребении Иисуса Христа и о Иосифе Аримафейском» Епифания Кипрского. Краткая редакция С. называется: «Слово святых пророк (апостол) иже от Адама во аде Лазарю». Пространная редакция: «Слово на (о) воскресение друга божия Лазаря (и на Рождество Христово)».

С. в обеих редакциях приписывается то Иоанну Златоусту, то Иакову, брату господню, то пророку Давиду. Каждая редакция имеет и свой литературный конвой в сборниках. Списки пространной редакции чаще всего помещены среди святоотеческих сочинений, связанных с «неделей вайий» и праздником воскрешения Лазаря (6 суббота великого поста). Списки краткой редакции обычно связаны с кругом апокрифической литературы на тему «страстей» — прежде всего, с *Евангелием Никодима*, как бы восполняя отсутствующую в тексте этой редакции тему сошествия во ад.

Литературные источники С. — это ветхозаветные тексты (Псалтырь), святоотеческая литература, ораторские сочинения и молитвы *Кирилла, епископа Туровского*. Сопоставление их со С. перспективно для изучения не только художественной природы С., но и стиля произведений Кирилла. В жанровом плане С. близко древнерусской торжественной ораторской прозе, но следует учитывать и фольклорную традицию, особенно в изучении списков, донесших следы такой фольклорной обработки (например, ИРЛИ, собр. Пинежское, № 533).

С. неоднократно упоминалось в научной литературе в связи со «Словом о полку Игореве». Эта связь выразилась во всем стилистическом строе и образной системе памятника, наиболее отчетливо в начальных фразах о пророке Давиде: «Удари рече Давид в гусли. накладая (воскладая) (много)очитая персты на живыя струны». Юго-западный проповедник Кирилл Транквиллион Ставровецкий в нач. XVII в. в предисловии к Учительному Евангелию использовал этот образ: «Давид седяй в преисподнем аде накладая очитыя персты на живыя струны, мы же, приемля трость скорописную с чернилом и бумагу, накладаем письмена».

Исследование С. после Порфирьева и Франко было продолжено И. П. Ерёминым и М. В. Рождественской. Монографическое издание С. было осуществлено Д. Р. Хичкоком, ограничившимся лингвистическим изучением текста, — он привлек к изданию лишь семь списков.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 11—12; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 228—231; Франко 1) Апокрифы, т. 2, с. 315—316; 2) Слово о Лазаревe воскресении: Староруська поема на апокріфічни теми. — ЗНТШ, 1900, т. 35—36, с. 1—56; Рождественская М. В. К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении». — ТОДРЛ, 1970, т. 25, с. 53—59; Hitchcock D. R. The Appeal of Adam to Lazarus in Hell. Hague; Paris; New York, 1979 (рец.: Рождественская М. В.: Byzantinoslavica, 1980, t. 41, fasc. 2, p. 235—237).

Лит.: Перетц В. «Слово о полку Ігоревім»: Пам'ятка феодальноі Украïни—Русп в XII в. / Вступ. текст, ком. У Киïві, 1926; Čiževskij D. History of Russian Literature: (From the eleventh Century to the End

of the Baroque. S'-Gravenhage, 1960, p. 135—137; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, с. 54—55; Еремин И. П. 1) Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 154—155, 2) Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968, с. 92—94; Крекотень В. І. Історія української літератури. Київ, 1967, т. 1, с. 176—178; Рождественская М. В. 1) «Слово о Лазаревом воскресении»: (Характеристика редакций). — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 64—67; 2) О жанре «Слова на Лазарево воскресение». — ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 109—119.

М. В. Рождественская

Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере — сочинение, направленное против пережитков славянских языческих верований и языческих обрядов. В пространной редакции С. называется: «Се же изложено от многословесных книгь некымь христолюбьцемь, ревнителемь по правей вере на раздрушение льсти неприязнине, на укор творящимь таковая, на поучение правоверным и на причастье будущаго века послушающим книг сих святых и творящих делом повеления в оставление грехов». Согласно выводам Е. В. Аничкова, впрочем далеко не во всем убедительным, в первоначальном виде С. некоего христолюбца ничего не сообщало о язычестве; оно осуждало только пиршества и сопряженные с ними игры, песни и забавы, а перечни языческих богов и обрядов — позднейшие, постепенно разраставшиеся вставки. С., по мнению Е. В. Аничкова, обращено не к пастве, а к приходским священникам, съехавшимся на собор, причем в позднейшей редакции сочинения эта особенность его еще более подчеркнута. Помимо Св. писания, многочисленные цитаты из которого читаются в С. некоего христолюбца, его автор знает апокрифическое «Видение Павла апостола» (Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 43), а по мнению В. И. Мансикки, и летопись. Одним из основных источников С. В. И. Мансикка признает южнославянский фрагмент, опубликованный Н. С. Тихонравовым (Летописи Тихонравова, т. 4, с. 85—86).

Большинство ученых считает С. произведением домонгольского периода (А. Н. Пыпин, Е. Е. Голубинский, Н. М. Гальковский); только В. И. Мансикка относит возникновение памятника к более позднему времени — XIV в. Е. В. Аничков полагает, что оно было произнесено между 1037 и 1054 гг. в Киеве в Софийском соборе, куда на «соборную неделю» съезжались приходские священники. Автором С. некоего христолюбца он считает создателя трех произведений, также приписанных «христолюбцу»: отрывка из Паисиевского сборника (в состав которого входит и С.), начинающегося словами: «Сидящу некогда святому отцю. и се принесоша житье некоего христолюбца» (Срезневский. Сведения и заметки, № 56, с. 299), рассуждения о целомудрии (Никольский Н. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 1, с. 216), «Слова некоего христолюбца и наказания отца духовнаго» (там же, с. 216—221). В пользу древности С. свидетельствует и тот факт,

что влияние его сказалось на целом ряде сочинений, в том числе относящихся к начальному этапу в истории древнерусской литературы. Е. В. Аничков отметил заимствования из С. в поучении «о казнях божиих», которое приписывалось *Феодосию, игумену Киево-Печерского монастыря*, «Слове святого отца нашего Иоанна Златоустаго... о томь, како пьрвое погании веровали в идолы...», «Слове святых отець, како подобаеть христианом жити», «Поучении Иоанна Златоустаго» (последние три произведения напечатаны: Гальковский. Борьба христианства, т. 2, с. 55—63, 102—112, 186—190); ученый усматривает также влияние С. в поучении *Иоанна, новгородского архиепископа* (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, с. 240—250). Предположение Филарета Гумилевского о том, что автором С. является Феодосий Печерский, не выдерживает критики (Обзор, с. 13—14).

С. некоего христолюбца известно в значительном количестве списков (в издании Н. Гальковского учтено 15 рукописей, В. И. Мансикка указал еще 3 списка). В. И. Мансикка выделяет две редакции памятника — краткую и пространную. Пространную редакцию, дошедшую в двух списках, он считает более поздней. В остальных списках, наиболее ранние из которых — *Златая чепь* кон. XIV—нач. XV вв. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 11) и Паисиевский сборник (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081), представлена краткая редакция. Текстологическое исследование памятника по всем известным спискам не проводилось.

Изд.: Буслаев Ф. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 519—525; Летописи Тихонравова, т. 4, с. 89—96; Срезневский. Памятники, с. 269—271; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3, с. 224—231; Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 2. — Зап. имп. Моск. археол. ин-та, М., 1913, т. 18, с. 36—48; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб. 1914, с. 369—379 (Зап. ист.-филол. ф-та СПб. унив., ч. 117).

Лит.: Азбукин П. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе: (XI—XIV вв.). — РФВ, 1896, № 2, с. 225—226, 228, 249—250, 259; 1898, № 1—2, с. 258; Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898, т. 1, с. 111; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 827; Никольский. Повременной список, с. 182—183; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916, т. 1; Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922, Bd 1. Quellen, S. 147—160; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 353—354; Казачкова Д. А. 1) Към въпроса за богомилската ерес в Древна Русия през XI в. — Исторически преглед, 1957, г. 13, № 4, с. 64—67; 2) Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси XI в. — Вопр. ист. религии и атеизма. М., 1958, т. 5, с. 300—302; Łowmiański H. Religia słowian i jej upadek (w. VI—XII). Warszawa, 1979, s. 134—151; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982, S. 253—254.

Т. В. Буланина

Слово о князьях — литературный памятник, традиционно относимый к XII в., но дошедший лишь в рукописях XV—

XVII вв. Он встречается под заглавиями: «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба» (нач.: «Слышасте, братие, что глаголеть господь. . .»), «Слово похвальное на пренесение святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою» (нач.: «Слышасте, братие, что глаголет господь. .»), «Неделя 18 по всех святых. Слово о князьях» (нач.: «Слышите, князи, противящеся старейшей братьи. .») — см., например, списки ГПБ, собр. Погодина, № 833, 1024; собр. ОЛДП, F.CLXXXIX. Отрывки из него под заглавием «О блаженном князе Давиде Светославичи, внуке Ярослава Владимировича чюдесная повести» читаются в Степенной книге (например, ГПБ, собр. ОЛДП, F.XII; F.LIII; F.CXXIII).

Поводом к написанию произведения послужили княжеские усобицы, раздиравшие Русь. Оно начинается прославлением почитаемых на Руси святых Бориса и Глеба, явивших собой пример братского послушания. Основной пафос произведения в том, чтобы убедить современных ему князей отказаться от распрей и братоубийственных войн, приводящих к расколу Руси. Автор настоятельно призывает «младших братьев» подчиниться старшим в роде, не считать обиды поводом к измене, не обращаться за помощью в борьбе к иноземцам — «половцам», помнить о славном прошлом своего рода. Примером, достойным подражания, автор считает жизнь черниговского князя Давида Святославича, умершего в первой четверти XII в., рассказ («притчю») о праведном, миролюбивом нраве которого он приводит. С. представляет интерес в литературном отношении; отмечалась перекличка его по содержанию со «Словом о полку Игореве».

Памятник был найден М. П. Погодиным и опубликован им в отрывках в 1843 г. по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1024. Несколько списков произведения и отрывки из него были опубликованы Х. М. Лопаревым в 1894 г. О С. как о литературном памятнике писали В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Текстологически С. не исследовано.

С. обычно датируют временем до монгольского нашествия и относят к памятникам учительной литературы торжественного типа: еще М. П. Погодин считал, что С. было «говорено» в церкви «в продолжении последней четверти 12 и в первой 13 столетия». Помещая С. по традиции в XII в., подчеркнем, однако, что датировка его по существу не доказана: вопрос, поднимаемый в С., — о необходимости подчинения «молодших» князей старшим в роде столь же остро стоял, например, и в XV—XVI вв. (при Василии II, Иване III, Василии III, Иване IV), когда между старшими и младшими «братьями» не раз возникала борьба, в том числе борьба за великокняжеский стол.

Изд.: Погодин М. П. 1) Новая историческая находка. — Москвитянин, 1843, ч. 6, № 11, с. 412—413 (в отрывках); 2) Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1856, т. 7, с. 406—408 (в отрывках); Слово похвальное на пренесение мощей свв. Бориса и Глеба: Неизданный памятник XII в.: Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1894 (ПДП, № 98); Слово о князьях /

Пер. и ком. И. П. Еремина. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, с. 237—239, 330—333; Слово о князьях / Подг. текста М. В. Рождественской, пер. и ком. И. П. Еремина. — В кн.: ПЛДР. XII век. 1980, с. 338—343, 671—674; Слово о князьях / Подг. текста М. В. Рождественской, пер. и примеч. И. П. Еремина. — В кн.: Повести Древней Руси. XI—XII вв. Л., 1983, с. 346—351, примеч. с. 553—554.

Лит.: Голубовский П. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. — В кн.: Древности: Тр. Археогр. ком. имп. Моск. археол. об-ва. М., 1899, т. 1, вып. 3, стб. 491—510; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 824; Адрианова-Перетц В. П. Учительная литература. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 362—363; Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 89—90; Линдберг О. А. «Слово о князьях»: Проблема соотношения списков. — В кн.: Источниковедение в изучении литературы Древней Руси. Л., 1987.

М. А. Салмина

Слово о лживых учителях — русская переработка сочинения псевдо-Златоуста «Слово о лжепророках и лжеучителях, и об еретиках, и о знамениях кончины века сего», известного в Древней Руси в составе *Златоструя* (см.: PG, t. 59, 1859, col. 553—568; Aldama J. A. de. Repertorium Pseudochrysostomicum. Paris, 1965, p. 106—107 (N 288)). Некоторые исследователи (А. Д. Седельников, Н. П. Попов) пытались связать возникновение С. с деятельностью стригольников. Однако, по мнению последнего исследователя С. А. И. Клибанова, это сочинение возникло раньше — между 1274 и 1312 гг. в демократической среде. С. требует предоставить мирянам право изучать священные книги; в С. критикуются пороки духовенства, звучит протест против симонии. Автор С. не ограничился сокращением слова псевдо-Златоуста; вставки, отмеченные А. И. Клибановым, дают возможность рассматривать С. как оригинальный памятник русской общественной мысли. Между прочим, автор С. одобрительно пишет о русском сочинении «Предъсловие честнаго покаяния». По предположению А. И. Клибанова автором С. является составитель Трифоновского сборника (список XIV в. — ГПБ, Соф. собр., № 1262). Помимо этого известно еще три списка С. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081; Соф. собр., № 1285; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 204 — «Измарагд»). С. находится в рукописях в окружении русских произведений, критикующих остатки языческих верований.

Изд.: Клибанов А. И. «Слово о лживых учителях». — В кн.: Исслед. и матер. по древнерусской литературе. М., 1961, с. 300—312.

Лит.: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 4, с. 228; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 127—129; Седельников А. Д. Следы стригольнической книжности. — ТОДРЛ, 1934, т. 1, с. 133—134; Попов Н. П. Памятники литературы стригольников: Старший русский Измарагд. — ИЗ, 1940, № 7, с. 37—38; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, с. 32—34, 113—117; Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославян-

ской письменности (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, 1980, т. 35, с. 357, № 54; Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984, с. 187.

Т. В. Буланина

Слово о погибели Русской земли — отрывок полностью не сохранившегося произведения, посвященного татаро-монгольскому нашествию на Русь. Отрывок этот дошел до нас в двух списках, при этом не как самостоятельный текст, а как введение к первой редакции *Повести о житии Александра Невского*. Один список — XV в. (Гос. архив Псковской области, собр. Псково-Печерского мон., ф. 449, № 60), второй — XVI в. (ИРЛИ, Р.IV, оп. 24, № 26). Заглавие памятника «Слово о погибели Рускыя земли и по смерти великого князя Ярослава» читается только в первом списке.

Объединение в рукописной традиции С. с Повестью о житии Александра Невского давало основание ряду исследователей считать С. вступлением к не дошедшей до нас светской биографии Александра Невского, которая якобы послужила основой его жития. Однако сравнение стиля С. со стилем Повести о житии свидетельствует о независимости этих произведений и о разном времени их возникновения. И в настоящее время полностью возобладала точка зрения, согласно которой объединение этих текстов — факт их более поздней литературной истории.

Дошедший до нас отрывок С. — либо вступление, либо первая часть произведения о «погибели Русской земли» — об ужасах батыевщины, о разгроме русских княжеств монголо-татарами. В сохранившемся тексте описывается былая красота и богатство Русской земли, ее прежнее политическое могущество. Такой характер вступления к тексту, который должен был повествовать о горестях и бедах страны, не случаен. Эта особенность С. находит себе типологическое соответствие с произведениями древней и средневековой литературы, в которых встречается похвала величию и славе родной земли. В. В. Данилов, изучавший эту проблему, пришел, однако, к заключению, что С. «сближается не со всяким патриотическим произведением в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего проявления, когда родина писателя страдала от войн, междоусобий и произвола» (Данилов В. В. «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное. — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 137—138).

С. по поэтической структуре и в идейном отношении близко к *Слову о полку Игореве*. Оба этих произведения отличает высокий патриотизм, обостренное чувство национального самосознания, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста. Оба памятника близки и сочетанием в них похвалы и плача: похвала былому величию страны, плач о ее бедах в настоящем. «Слово о полку Игореве» было лирическим призывом к единению русских князей и русских княжеств, прозвучавшим перед татаро-монгольским нашествием. С. же явилось лири-

ческим откликом на события этого нашествия. Между обоими произведениями могут быть отмечены близкие стилистические формулы, сходные поэтические образы, параллельные словосочетания и обороты (см.: Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, 1958, т. 15, с. 109—113). Однако о непосредственной зависимости С. от «Слова о полку Игореве» эти совпадения свидетельствовать не могут. В данном случае близость этих произведений объясняется их поэтическими особенностями.

В науке существуют различные точки зрения как по вопросу о времени написания С., так и по вопросу об авторе произведения. Некоторые исследователи (М. Н. Тихомиров, В. Филипп и др.) соотносят возникновение С. с Калкской битвой 1223 г. Есть точка зрения (М. В. Горлин), согласно которой С. — отклик на смерть князя Ярослава Всеволодовича в 1246 г. В. В. Данилов полагал, что С. было написано после 1250 г. кем-то из лиц, прибывших в свите *Кирилла, митрополита* из Галича во Владимиро-Суздальскую Русь. Наиболее убедительной, однако, следует принять датировку тех исследователей (А. В. Соловьев, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, Ю. К. Бегунов и др.), которые связывают возникновение С. с Батыевым нашествием на Русь в 1237—1240 гг. С. обрывается на фразе «А в ты дни болезнь крестианом от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго». «Нынешний Ярослав» — Ярослав Всеволодович, умер в 1246 г., следовательно, С. было написано, во всяком случае, до 1246 г. Но в приведенном контексте и имя Юрия Всеволодовича фигурирует, скорее всего, как имя еще живого князя, а он погиб в битве на Сити 4 марта 1238 г. Можно думать поэтому, что С. было создано в самом начале Мамаева нашествия, еще до битвы на реке Сити.

Столь же гипотетичным остается для нас вопрос и об авторе С. Одни исследователи видят в авторе жителя Новгорода (М. Н. Тихомиров, В. Филипп), другие считают, что произведение возникло в пределах южной Руси (А. В. Соловьев), третьи полагают, что автором С. был житель северо-восточной Руси — Переяславля-Залесского или Владимира (Н. К. Гудзий), четвертые — местом написания С. называют северо-восточную Русь, но говорят, что автором был выходец из южной Руси (В. В. Данилов, Ю. К. Бегунов). Последняя гипотеза представляется наиболее убедительной: в С. много черт, свидетельствующих о северо-восточной Руси (имена князей, перечисляемые земли, некоторые термины), а вместе с тем автор хорошо знает легенды о *Владимире Всеволодовиче Мономахе* южнорусского происхождения.

С., как известно, нашло отражение в нескольких памятниках древнерусской литературы — образами С. воспользовался монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, создавая свой вариант «Задонщины» (конец 70-х гг. XV в.), реминисценции из «Слова» имеются в редакции Андрея Юрьева *Жития*

Феодора Ярославского (вторая половина XV в.) и в Степенной книге (60-е гг. XVI в.).

Первая публикация С. была осуществлена по рукописи псковского Печерского монастыря в 1892 г. Х. М. Лопаревым. Однако до издания Лопарева памятник этот был известен псковскому археологу К. Г. Евлентьеву, о чем свидетельствует запись последнего от 1878 г. на обороте верхней крышки переплета сборника со С. Второй список произведения был открыт в 1933 г. И. Н. Заволоко среди рукописей рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. Вторично этот список был открыт В. И. Малышевым в 1945 г. Текст этого списка был в 1947 г. одновременно опубликован В. И. Малышевым по рукописи и по фотокопии в работе М. В. Горлина, опубликованной посмертно (фотокопию списка В. М. Горлину в 30-е гг. предоставил И. Н. Заволоко). Текст С. неоднократно публиковался и отдельно, и в составе сборников и хрестоматий. Произведению посвящена обширная исследовательская литература (подробный обзор ее см. в монографии Ю. К. Бегунова).

Изд.: Лопарев Х. М. «Слово о погибели Рускыя земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII в. СПб., 1892 (ПДПИ, № 34); Серебрянский. Княжеские жития, с. 109; Малышев В. И. Житие Александра Невского: (По рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 185—193; Gorlin M. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. — Revue des études slaves, t. 23, 1947, fasc. 1—4, p. 5—33; Слово о погибели Русской земли / Пер., статья и примеч. И. П. Еремина. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков / Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957, с. 251—254, 351—354; Soloviev A. V. Die Dichtung vom Untergang Russlands. — Die Welt der Slaven, 1964, Jhrg. 9, S. 225—245 (пер. на нем. яз); Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965; Слово о погибели Русской земли (подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова). — В кн.: «Изборник»: (Сб. произв. литературы Древней Руси). М., 1969, с. 326—327, 738—739; Literatura staroruska. Warszawa, 1971, s. 92—93 (пер. на польск. яз); Zenkovsky S. A. Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales, 2 ed. New York, 1974, p. 196—197 (пер. на англ. яз.); Слово о погибели Русской земли / Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. — ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 130—131, 544—546.

Лит.: Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895; Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913 (ПДП — 180); Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли». — ТОДРЛ, 1951, т. 8, с. 235—244; Soloviev A. 1) Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, 1953, t. 22, p. 105—128; 2) New Traces of the «Igor Tale» in Old Russian Literature. — Harvard Slavic Studies, 1953, vol. 1, p. 73—81; Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, 1956, т. 12, с. 527—545; Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1957, Bd 5, S. 7—37; Малышев В. И. О втором списке «Слова о погибели Рускыя земли»: (История открытия). — Slavia, 1959, roč. XXVIII, seš. 1, с. 69—72; Мещерский Н. А. 1) Из наблюдений над языком «Слова о погибели Рускыя земли». — Учен. зап. ЛГПИ, т. 248. Вопр. языкозн. Л., 1963, с. 407—416; 2) К реконструкции текста «Слова о погибели Рускыя земли». — Вестн. ЛГУ, 1963, № 14, Сер. ист. яз. и лит., вып. 3, с. 44—53.

Л. А. Дмитриев

Слово о полку Игореве — литературный памятник XII в., одно из самых значительных в художественном отношении произведений древнерусской литературы. С момента своего открытия С. находится в центре внимания русской филологической науки, ему посвящена обширная исследовательская литература.

С. дошло до Нового времени в единственном списке, в составе сборника. В XVIII в. сборник хранился, как полагают, в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря, а не позднее 1792 г. оказался в составе коллекции известного ценителя и собирателя древнерусских рукописей графа А. И. Мусина-Пушкина. В 1800 г. С. было издано. Сопоставление издания с копией текста, изготовленной еще в конце XVIII в. для Екатерины II, показывает, что издатели (А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский) достаточно точно воспроизвели текст памятника, позволив себе, однако, некоторую орфографическую унификацию. Гибель сборника с текстом С. во время московского пожара 1812 г. сделала невозможными новые обращения к рукописи для более точного ее палеографического анализа, но, по мнению большинства исследователей, можно датировать список С. XVI в., хотя наличие в сборнике Хронографа XVII в. заставляет допускать, что сборник был конволютом. Гибель сборника со С. и высокие художественные достоинства памятника, которые казались некоторым исследователям несовместимыми с их представлениями об уровне литературы Киевской Руси, послужили почвой для возникновения сомнений в подлинности и древности С.: такие сомнения высказывали представители так называемой скептической школы в русской исторической науке первой половины XIX в., а впоследствии — французские ученые Л. Леже и А. Мазон, чешский славист Я. Фрчек, советский историк А. А. Зимин. Поэтому чрезвычайно важным было обнаружение и исследование в других древнерусских литературных памятниках следов знакомства с текстом С. Особенно ярко влияние С. проявилось в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». Важно было показать также языковое и стилистическое соответствие С. его времени. Был предпринят ряд специальных разысканий, в результате которых было показано сходство С. со многими литературными памятниками XI—XII вв., огромное количество языковых параллелей С. в текстах этого времени. Несомненным является также то, что события Игорева похода изложены и осмыслены с позиции современника.

Имя автора С. нам неизвестно (см. *Автор «Слова о полку Игореве»*). Неизвестна и точная дата его написания. Но большинство исследователей уверенно датирует С. временем от 1185 до конца 90-х гг. XII в.

Много исследований посвящено художественным особенностям С., анализу его композиции, поэтики, системы образов. Особое место в литературе о С. заняла проблема типологических связей его с современным ему западноевропейским эпосом, изучение связей С. со славянским фольклором (особенно в системе образов).

Эти наблюдения позволили выдвинуть гипотезу, согласно которой С. принадлежит к особому жанру песен или «слов», создававшихся княжескими певцами, и, следовательно, является безусловно авторским произведением.

Немалую трудность для исследователей представило истолкование и комментирование текста С., особенно из-за наличия в нем многих испорченных чтений (так называемых «темных мест»). Ряд таких неясных чтений разгадан и получил общепризнанное объяснение, другие все еще не нашли удовлетворительного истолкования, так как возникли, видимо, как следствие существенных ошибок, возникших на каком-то из ранних этапов переписки текста, к которому в конечном счете восходит текст в Мусин-Пушкинском сборнике.

Открытие С. произвело большое впечатление не только на исследователей, но и на широкие круги читателей. С. более 80 раз переводилось на русский язык (учитывая как поэтические, так и прозаические переводы), существует несколько переводов его на украинский язык, оно переведено на многие языки народов СССР (на абхазский, армянский, башкирский, белорусский, грузинский, казахский, латышский, литовский, татарский, узбекский, эстонский и др.), а также на многие европейские и азиатские языки. Неоднократно осуществлялись поэтические переводы Плача Ярославны. По мотивам С. написана опера А. К. Бородина «Князь Игорь» и балет Б. Тищенко «Ярославна».

Сведения о литературе, посвященной С., его изданиях и переводах см. в библиографических трудах: Слово о полку Игореве: Библиография изданий, переводов и исследований / Сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1940; Слово о полку Игореве: Библиографический указатель / Сост.: О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко, под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940; «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954 / Сост. Л. А. Дмитриев. М.; Л., 1955; Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве: Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955; Cooper H. R. The Igor Tale. An Annotated Bibliography of 20-th Century non-Soviet Scholarship on the «Slovo o polku Igoreve». London, 1978; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве»: (Краткая тематическая библиография). — В кн.: Исследования о «Слове о полку Игореве». Л., 1986, с. 248—265.

Ввиду существования названных выше библиографий ниже называются лишь основные труды (монографии и сборники по преимуществу), посвященные С. и вышедшие после 1945 г.

Изд. см. в статье *Автор «Слова о полку Игореве»*.

Лит. (основные труды, вышедшие после 1945 г.): Обнорский С. П. Очерки по истории русского языка старшего периода. М.; Л., 1946, с. 132—198; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е, дополненное изд.: М.; Л., 1946; Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, 1948, т. 25, с. 71—103; Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950; Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Матер. и исслед. М.; Л., 1960; «Слово

о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965, вып. 1. А—Г; Л., 1967, вып. 2. Д—Копье; Л., 1969, вып. 3. Корабль — Нынешний; Л., 1973, вып. 4. О—П; Л., 1978, вып. 5. Р—С; Л., 1984, вып. 6. Т—Я и Дополнения; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Лихачев Д. С. 1) «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1976 (2-е изд., испр. и доп.: М., 1982); 2) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978 (2-е изд., доп. Л., 1985); Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»: К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976 (2-е изд., доп.: Л., 1984); «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. 31, 1976; Кулаковский Л. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М., 1977; «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978; Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980; Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы: («Слово о полку Игореве»). Изд. Харьк. унив., 1982; «Слово о полку Игореве» и его время. М. 1985; Исследования по «Слову о полку Игореве». Л. 1986.

О. В. Творогов

Слово святого Григория изобретено в толцех — компиляция. составленная на основании слова Григория Богослова на богоявление (PG, 1886, t. 36, col. 335—360) и направленная против славянских языческих верований и обрядов. Согласно выводам Е. В. Аничкова, впрочем далеко не во всем бесспорным, первоначальная редакция С. представляла собой сокращенное переложение выдержек из слова Григория Богослова и ничего не говорила о язычестве восточных славян; сведения о языческих верованиях древних славян — позднейшие наслаивавшиеся одна на другую вставки. Перевод слова Григория Богослова, лежащий в основе компиляции, близок, по наблюдениям Е. В. Аничкова, первому переводу собрания 13 слов этого отца церкви (См.: Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. б-ки XI в. СПб., 1875, с. 1—15); по мнению В. И. Мансикки, составитель С. пользовался комментариями к Григорию Богослову. Обращение к этой проповеди прославленного отца церкви объясняется тем, что она считалась в древности классическим обличением язычества (см.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984, с. 44—45). Помимо слова Григория Богослова в компиляции использована летописная Речь философа (см. *Повесть временных лет*); В. И. Мансикка видит в С. следы влияния *Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере*.

В датировке С. святого Григория мнения исследователей расходятся. Если Н. М. Гальковский вслед за И. И. Срезневским датировал сочинение кон. XIII—нач. XIV вв. (датировка В. И. Мансикки менее определенна: нижней датой является время создания «Слова некоего христолюбца»), то Е. В. Аничков выдвинул предположения, что С. написано в 60-х гг. XI в. и связал его

возникновение с борьбой против волхвов. В отличие от своих предшественников ученый признал сообщение о создании сочинения по дороге в Царьград («досюде могох написати даже несоша ны Царюграду») позднейшей вставкой, относящейся только к одному из списков С. Попытка атрибутировать С. святого Григория *Даниилу игумену*, предпринятая Б. А. Рыбаковым, малоубедительна.

С., называющееся в рукописях «Слово святаго Григорья изобретено в толъцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят», не получило широкого распространения в рукописной традиции. Помимо Паисиевского сборника (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081), в котором, по единодушному мнению исследователей, лучше всего сохранился первоначальный текст памятника, С. известно еще в двух рукописях (ГПБ, Соф. собр., № 1295; Кир.-Белоз. собр., № 43/1120). С. было использовано при составлении компилятивного «Слова святого отца нашего Иоанна Златоустаго. . о томь, како пьрвое погании веровали в идолы. .» (напеч. Н. Гальковским: Борьба христианства. ., т. 2, с. 55—63), из которого в свою очередь были сделаны вставки в особую редакцию С. святого Григория (ГИМ, Чуд. собр. № 270).

Изд.: Буслаев Ф. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 528—530; Летописи Тихонравова, т. 4, с. 96—105; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, в. 3, с. 231—235; Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 2. — Зап. имп. Моск. археол. ин-та. М., 1913, т. 18, с. 17—35; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 380—386 (Зап. ист.-филол. ф-та СПб. унив., ч. 117).

Лит.: Срезневский И. Свидетельства Паисиевского сборника о языческих суевериях русских. — Москвитянин, 1851, № 5, с. 52—64; Азбукин П. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе (XI—XIV вв.). — РФВ, 1896, № 2, с. 226, 237, 244, 246; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916, т. 1; Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. Bd 1. Quellen. Helsinki, 1922, S. 160—172; Ильинский Г. А. Одно неизвестное древнеславянское божество. — Изв. АН СССР. Сер. 6, 1927, № 5—6, с. 369—372; Łowmiański H. Religia słowian i jej upadek: (w. VI—XII). Warszawa, 1979, s. 130—153; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. 1981, с. 11—30.

Т. В. Буланина

Слово святого Иоанна Милостивого о исходе души — переработанный фрагмент из Жития Иоанна Милостивого (Gelzer H. Leontios' von Neapolis Leben des heiligen Johannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien. Freiburg im Breisgau; Leipzig, 1893, S. 81—83; в славянском переводе: ВМЧ, ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897, глава 41, стб. 866—868; Куев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981, с. 97—98, ср. об этом переводе: Соболевский А. Церковно-славянские тексты моравского происхождения. — РФВ, 1900, т. 43, № 1—2, с. 167—168), который вычленялся из Жития уже в греческой рукописной традиции (Halkin F. Auctarium Bibliothecae hagiographicae

graecae. Bruxelles, 1969, p. 101; «Пандекты» Никона Черногорца. Почаев, 1795, л. 242 об.—243 (слово 32)). С. входит в состав «Измарагда»; мнение А. С. Архангельского о том, что сочинение это в «Измарагде» заимствовано из «Пандектов» Никона Черногорца (см. *«Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца*), нуждается в проверке, ибо перевод в «Пандектах» и «Измарагде» различный. Иногда С. приписывалось Иоанну Златоусту; оно представляет интерес для истории древнерусских сочинений о посмертных мытарствах (ср. *Ефрем, автор Жития Авраамия Смоленского*).

Вероятно, на основе этого С. создано «Слово о исходе души и о восходе на небеса по смерти» (изд.: ВМЧ, октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стб. 1984—1985; Франко. Апокрифы, т. 4, с. 228—229), которое входит в состав *Пролога* под 29 октября (Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 211; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 564). «Слово о исходе души» входит также в Паисиевский сборник (Срезневский. Сведения и заметки, № 56, с. 301; ссылка на *Кирилла, епископа Туровского*, ошибочна). Попытка приписать его Максиму Греку (Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л. 1969, № 53) не выдерживает критики.

Изд.: Франко. Апокрифы, т. 4, с. 227—228.

Лит.: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 4, с. 111—112; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 23, 173.

Д. М. Буланин

Слово святых апостол: Петра и Андрея, Матфея и Руфа, и Александра — апокрифический памятник, посвященный описанию хождения апостолов в «варварский город» для проповеди. Он известен в настоящее время в трех списках, из которых полным и имеющим заглавие является только один, датируемый XVII в. (опубл. Н. С. Тихонравовым), два же других представляют собой отрывки, дошедшие в составе: один — рукописи XII в. (опубл. К. Истоминым), другой — рукописи рубежа XIV—XV вв. (неопубл.: ГПБ, Соф. собр., № 1261, л. 25—25 об.). Повествование апокрифа начинается с сообщения о том, как апостолы, покинув некий «град человекоядцев» (о котором — важно обратить на это внимание — текст не дает никаких разъяснений), были подняты чудесной силой на гору, где явившийся им Христос повелел идти на проповедь в город варваров. По пути в город апостолы встречают пашущего ниву старца и просят у него хлеба. Старец оставляет апостолов сторожить его пашню и волов, а сам уходит за хлебом в город. В его отсутствие апостолы вспахивают и засевают его ниву, на которой сразу же чудесным образом вызревает урожай. Вернувшийся с хлебом старец, потрясенный чудом, благодарит апостолов и ведет их в свой дом.

Горожане, увидав в руках пахаря сноп от чудесного урожая, принуждают его рассказать о том, как это произошло. Узнав об апостолах, варварские старейшины пытаются предотвратить их появление в городе и решают для этого поставить в городских воротах нагую блудницу, надеясь, что при виде ее апостолы повернут прочь. Но апостол Андрей обращается с молитвой к архангелу Михаилу, прося у него подвесить блудницу «на аере за власы» на то время, пока они войдут в город для проповеди. Подвешенная «на аере» блудница кается в своих грехах и обращается в истинную веру, а вслед за ней, видя это чудо, обращается к христианству и множество других горожан. На описании проповеди апостолов в городе кончается текст С. в списке XVII в. Но в отрывке XII в. (начинающемся со слов о замысле варваров выставить во вратах блудницу) повествование продолжено рассказом о богатом горожанине Онисифоре, который во время всеобщего обращения варваров тоже пожелал примкнуть к вере апостолов, но не захотел, как они учили, оставить свои богатства и близких. Онисифор стал избивать апостолов Андрея и Петра, взбешенный их аскетическими требованиями, а услышав от Петра слова Христа о том, что «легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное», — в глумлении требовать, чтобы ему было явлено чудо в доказательство этих слов. На обращении апостола Петра с молитвой к богу о даровании чуда обрывается список XII в.

Исследователями установлено, что С. представляет собой перевод греческого апокрифа о хождении апостолов в страну варваров. В греческом оригинале, известном в нескольких списках, имеются все опорные сюжеты С.: о пахаре, о блуднице, о Онисифоре (греческий текст заканчивается на том, что бог являет испрашиваемое Петром чудо, и на глазах всего народа верблюд проходит в игольное ушко, а Онисифор с этого момента становится приверженцем христианства).

В греческой рукописной традиции как отдельный памятник существует также Хождение апостола Андрея в страну антропофагов. Западные и русские ученые высказывали мнение о том, что Хождение апостолов в страну варваров первоначально представляло собой одно целое с этим памятником, являлось его продолжением. О былой связи двух памятников свидетельствует начало греческого Хождения в страну варваров, читающееся в русском переводе (т. е. в С.) так: «Яко изыдоша апостоли Христови из града человекоядьска, и се облак светел восхити я на гору...». В русской рукописной традиции оба Хождения тоже существуют отдельно друг от друга. Старший из известных в настоящее время русских списков Хождения апостола Андрея в страну человекоядцев (см. *Апокрифы о апостоле Андрее*) датируется серединой XV в. Пока не разрешен вопрос о том, были ли оба Хождения переведены на русский язык одновременно, в составе единого памятника, или каждое из них переводилось по отдельности в разное время. Поскольку в сохранившихся греческих рукописях

памятники зафиксированы только врозь, они могли появиться врозь и в русской литературе.

В русских индексах отреченных книг, начиная с *Изборника 1073 г.*, согласно с греческими индексами, содержится упоминание «Обходов апостольских» (вар. «Обхождения и учения апостольская»). В ряде русских списков это упоминание сопровождается пояснительной глоссой такого содержания: «Что приходили [апостолы, — *Н. П.*] ко граду и обретоша человека, орюща волы, и просиша хлеба. Он же иде во град хлеба ради. Апостоли же без него взоравше ниву и насеяша. И прииде с хлебы и обрете пшеницу зрелу». Следовательно, эти списки под запрещавшимися «Обходами апостольскими» подразумевали только один памятник, а именно наше С. Этот факт нуждается в истолковании будущих исследователей, так как греческие индексы, конечно же, имели здесь в виду (ср. περίοδοι — «обходы», «хождения») не одно произведение, а группу.

Благодаря датировке сохранившегося старшего списка мы знаем, что в XII в. С. уже существовало в русской письменности, более точно время перевода его на русский язык не установлено. Исследователи обращали внимание на то, что лежащий в основе апокрифа мотив награды за помощь встречается в большом числе народных легенд о хождении по земле Христа совместно с апостолами или святыми. Отмечалось влияние памятника на былину о Микуле Селяниновиче.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 5—10; Истомин К. Из славянорусских рукописей об апостоле Андрее. СПб., 1904, с. 11—14.

Лит.: Васильевский В. Русско-византийские отрывки. — ЖМНП, 1877, январь, с. 58—76; Сумцов Н. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, 1877, сентябрь, с. 44; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 101; Сперанский М. Н. Апокрифические Деяния ап. Андрея в славяно-русских списках. — Тр. Моск. археол. о-ва. М., 1894, т. 15, вып. 2, с. 35—75; Лавров П. А. Апокрифические тексты СПб., 1899, с. XIV, 40—51 (отд. отт.: СОРЯС, т. 67); Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. — ЖМНП, 1903, ноябрь, с. 28—31; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 38—39; История русской литературы. М.; Л. 1941, т. 1, с. 79—80.

Н. В. Понырко

Списки отреченных книг — заимствованные из Византии перечни (=библиографии) тех сочинений, читать которые по разным причинам запрещалось ортодоксальной церковью. Процесс складывания С. неотделим от истории христианской книжности, от канонизации религиозных книг. В различные времена и в разной среде в понятие «апокриф» вкладывалось разное содержание и различные произведения считались апокрифическими. Так, на ветхозаветную легенду об Асенефе, опирающуюся на библейское сказание о браке Иосифа с дочерью египетского жреца Потифера (Быт. XLI, 45), как показывают источники, не было единой точки зрения: Мхитар Айриванский, армянский ученый XIII в., помещает ее в С. (См.: Хронографическая история. СПб., 1869,

с. 359—360), а его современник Эбед Есу, сирийский епископ, составляя список истинных книг Ветхого завета, приводит в их числе «Книгу Асенефы, жены Иосифа праведного» (см.: Assemani G. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. Roma, 1725, t. 3, 1, p. 3—362). Древнейший славянский С., переводной, помещен в *Изборнике Святослава 1073 г.* (ГИМ, Синод. собр., № 31[д], л. 253—254) и его списках XV—XVIII вв., где он входит в состав статьи «Богословца от словес» в списках ГИМ, Синод. собр., № 275, собр. Барсова, № 309; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 75/1152, 5/1082; ГБЛ, Волок. собр., № 496), или в списках, восходящих к дефектному протографу (БАН, 33.8.15; ГИМ, собр. Уварова, № 757, Единовер. № 34; ГБЛ, собр. Овчинникова, № 108, собр. Егорова, № 745), где этот перечень присоединен без специального заголовка и начала к предыдущей статье «Того же Иоанна о вънарочитых книгах». В списках Изборника краткой редакции (ГБЛ, собр. Румянцева, № 6, собр. Строева, № 66; ГПБ, Солов. собр., № 86) этих глав нет. Первоначальный переводной византийский С. имел своей целью отделить канонические священные книги от неканонических — «ложно написанных» и уже в XI в. не отражал, очевидно, репертуара апокрифов в древнеславянской литературе. Анализ показывает, что из 29 названий апокрифических сочинений, перечисленных в Изборнике 1073 г. и его списках, реально в старославянской и древнерусской литературе (XI—сер. XVII в.) в переводах и переделках было известно не более 9: Адам (или Адам-завет — это переименованный Апокалипсис Моисея), Заветы 12 патриархов, Исаино видение, Иаковля повесть (очевидно, Первоевангелие Иакова), Петрово обавление, Обхождения апостольские, Павлово откровение, Учение Климентово, Асенефь. В тексте С. Изборника 1073 г. содержится ссылка на запрещение еретических книг у Афанасия Александрийского (298—373 гг.) и на автора перечня ложных книг — Исидора (Пелусиота? ум. после 434 г.). Возможным автором этого перечня исследователи считали также Анастасия Синаита (VI в.), среди сочинений которого он иногда помещается. Второй, также переводной С. содержится в Тактиконе Никона Черногорца (XI в.), где входит во вторую часть слова XIII. В основе его лежит тот же перечень Афанасия—Исидора, что и в Изборнике 1073 г., дополненный по не названным автором источникам. Сюда впервые включается апокрифическое Откровение Иоанна (Апокалипсис Иоанна) и произведения, связанные с именами апостолов Андрея и Фомы (последние два имени включены в список на основании указаний в сочинении Иоанна Дамаскина «О ересех», о чем свидетельствует ссылка в тексте Тактикона). С. этого типа дошел в ряде русских, сербских и болгарских списков, начиная с первой половины XIV в.

Первым по времени С. славянского происхождения обычно считают индекс, помещенный в пергаменном сборнике уставного характера — «Погодинском Номоканоне» XIV в. (ГПБ, собр.

Погодина, № 31, л. 187—190; аналогичные списки индекса см. также: ГБЛ, Волок. собр., № 463, 60-е гг. XIV в. кон. XIV — нач. XV в., л. 251—251 об.; № 530, ок. 1550—60 гг., л. 370 об.—379). Он впервые включает в перечисление произведения славянского автора — компилятивную «Повесть о крестном древе» болгарского попа Иеремии, круг сочинений которого устанавливается на основании показаний этого индекса и отчасти на основании «Послания Афанасия к Панку о Крестном древе», наиболее ранний список которого включен в Новгородскую (или «Климентовскую») Кормчую 1280 г. (ГИМ, Синод. собр., № 132). С. входят в рукописные книги разного состава: Уставы церковные, Кормчую, *Златую чепь*, Требники, «Измарагд» и, в особенно большом количестве, в сборники непостоянного состава. В большей части рукописных книг так называемого постоянного состава, таких как Кормчая, Устав и др. (кроме Изборника 1073 г. и Тактикона) наличие или отсутствие С. не зависят от редакции этих книг. В рукописях индекс ложных книг имеет более 30 вариантов заглавий, большая часть которых приписывает его к правилам различных соборов: «Лаодикийского собора правило 59» (с XIV в.), «Правило Халкидонского собора о неисправленных книгах» (со 2-й пол. XV в.) «От апп. заповедей, правила свв. отец 318, иже в Никеи» (с XV в.) и т. д. Как правило, под одним заглавием в рукописи бывает собрано несколько статей: список книг истинных Ветхого и Нового завета, список книг ложных типа «Тактикона» Никона Черногорца или Изборника 1073 г., список книг ложных иного, более обширного состава, список книг «еретических» (т. е. гадательной и естественнонаучной тематики) и т. д. (см., например: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 10/1087, сер. XV в.; № 22/1099, 50—70 гг. XV в.; № 53/1130, 1492 г.). В научной литературе высказывалось предположение о связи между «Сказанием» митрополита Зосимы «о отреченных книгах» (ГИМ, Синод. собр., № 853) и борьбой с еретическим движением (так наз. «ересью жидовствующих»), которую вел этот митрополит, возглавивший собор против новгородских еретиков в 1490 г. (но впоследствии сам обвиненный в сочувствии ереси). Содержащееся в «Сказании» упоминание «собора», который, «обыскав», очистил церковь от «еретиков», А. С. Павлов рассматривал как указание на собор 1490 г., в упоминании «мирских составленных псалмов» он видел указание на Псалтирь, переведенную во 2-й пол. XV в. иудеем Федором (см.). Однако текст о соборе против «еретиков» в «Сказании» Зосимы является точным повторением аналогичного текста из сборника сер. XV в. Данилы Мамырева (принадлежал затем митрополиту Даниилу, ГБЛ, Волок. собр., № 13), а в более общей форме упоминание соборов вошло уже в С. XIV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 31) и относится оно к Лаодикийскому собору IV в. «Составленные мирские псалмы» также упоминались уже в правилах Лаодикийского собора, в индексе они впервые появляются на рубеже XIV и XV в. (ГПБ, собр. Вяземского, Q.55) и сопровождаются обычно перечислением 2—4 названий

самих псалмов. То же самое касается и тех сочинений, появление которых традиционно связывается с новгородско-московской ересью — Шестокрыла, Логики, Космографии. Они, как писал Н. С. Тихонравов, после поражения «жидовствующих» были внесены «чутким и отзывчивым читателем» в индекс ложных книг. Следует отметить, что указанные здесь сочинения не названы ни в одном С.

Не отражая непосредственно перипетий идеологической борьбы в Древней Руси, С. имеют большое значение для изучения древнерусской литературы и книжности. На славянской и русской почве состав С. существенно расширяется, в них впервые включаются сочинения славянских авторов — болгарского попа Иеремии «О господе нашем Иисусе Христе, како в попы ставлен», «О древе креста» — с XIV в. — ГПБ, собр. Погодина, № 31; «Как Христос плугом орал» — с перв. четв. XV в. — ГПБ, Соф. собр., № 1264; «Что Пров царь Христа другом назвал» — на рубеже XVI—XVII вв. — ГБЛ, собр. Попова, № 110. Однако в наибольшей степени о знакомстве русского читателя с запрещенными сочинениями свидетельствуют не столько из названия, которые, как правило, соответствуют названиям этих апокрифических произведений в рукописях, а те комментарии, которые дает этим названиям составитель индекса. Например, в качестве запрещенного автора в С. упоминается Мефодий Патарский (с кон. 1-й четв. XV в. — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 704). В большинстве списков он просто назван, а в некоторых называется также его конкретное произведение и сопровождается подробным комментарием: «Слово от начала и до кончины, в нем же писан Мунт сын Ноев и три лета земли горети, и что цари запечатлены Александром Македонским Гох и Магох» (ГПБ, Солов. собр., № 913/1023, сер. XVI в.). По наблюдению В. Истрина (И с т р и н В. Откровение Мефодия Патарского и Апокрифическое видение Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897, с. 7, 175—232), подобный комментарий мог возникнуть только под влиянием полной редакции «Откровения», составленной на Руси в XV в. А в одном из списков (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 275/532, кон. XV—нач. XVI в.) его читатель, старец Паисий, прибавляет к названию «Восход Моисеев» следующий комментарий: «...что Моисии над срацыны царствовал и что у тестя у своего у Рагуила во ограде палицу вырвал». Однако несмотря на то, что в отдельных случаях читатели соотносили показания индекса с конкретными апокрифическими произведениями, С. не могли остановить потока апокрифической литературы, проникающей на Русь из Византии и южнославянских стран. Значительное же число книг, упомянутых в индексах, было известно русскому читателю только по названию, среди них такие ветхозаветные апокрифы, как Молитва Иосифова, Откровение Илии, Елдад и Модад, Псалмы Соломона, другие — в первую очередь гадательные книги, например «Чаровник», «Волховник», очевидно, просто не сохранились или пока не найдены. Конечно, в индекс

попали не только названия книг, но и названи некоторых суеверных обычаев, не связанных с определенными текстами (например, обычай носить на шее список «Авгарева послания» в качестве амулета, писать названия болезней на яблоках с целью «отвести порчу» и т. д.), но книга «Чаровник» несомненно существовала: известно не только ее название, но и то, что она состояла из 12 глав. Судя по показанию С., это было сочинение по оборотничеству. Его описание в индексе обнаруживает поразительное сходство со сведениями Хеймскринглы о чародейских способностях Одина: «Один мог менять свое обличье. Тогда его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны...» (С т у р л у с с о н С. Круг земной. М., 1980, с. 14). Указания С. отличались противоречивостью — так, запрещая истории о Моисее в сборниках, они разрешали читать те же истории в Палее («Исход Моисеев, еретицы криво склали, разве Палеи» — ГПБ, O.I.506, кон. XVI в.), считавшейся «истинной книгой». Известны случаи замены в ряде списков индекса названия старого апокрифа другим сочинением, с тем же главным героем, но более соответствующим вкусам эпохи. Например, в кон. XVI—1-й пол. XVII в. *Хождение богородицы по мукам* (в С. с XIV в.) заменяется названием «Богородицыно деиство» (ГПБ, F.I.99, F.I.864), а затем — «Сон богородицы» (ГИМ, собр. Забелина, № 443, нач. XVII в.). В кон. 1-й трети XVII в. в индекс впервые включается название сатирической повести «О бражнике и о Акире» (ГБЛ, собр. Румянц., № 362), т. е. вскоре после появления этого произведения. Эти дополнения свидетельствуют о существенном расширении репертуара русской внецерковной литературы, расширении, которое тщетно пытались преодолеть С. и подобные им памятники. Очень убедительно свидетельствуют об этом четьи сборники выдающегося книгописца кон. XV в. Ефросина. В двух его сборниках были помещены С. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, л. 39 об.—42; 53/1130, л. 548—552 об.). Но в тех же сборниках Ефросин поместил ряд памятников, включенных этими индексами в число «ложных» и «отреченных»: «О иерействе Христа», выписки из «Беседы трех святителей», «Первоевангелия Иакова», «Откровение Ездры», «О часах добрых и злых», несколько версий «басен» о Соломоне и Китоврасе. В других сборниках Ефросина (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/1086, 6/1083, 11/1088) мы находит еще большее количество апокрифических текстов, запрещенных С., в их числе — апокрифические молитвы и заговоры, а также выписки из «Громника» и «Колядника», считавшихся книгами не просто запрещенными, но «еретическими». При этом Ефросин, очевидно, прекрасно сознавал «неправедность» подобных текстов, так как, поместив апокрифическое «Сказание о 12 пятницах» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11/1088, л. 234 об.), специально приписал: «...сего во зборе не чти, ни многим являи. . .».

Расширение С. имело ту же цель, что и характерные для кон-

ца XV в. поучения Иосифа Волоцкого против «неполезных повестей» и Нила Сорского против «небожественных» писаний. Но так же как эти поучения, С. далеко не полностью достигали своей цели. Тем не менее индексы ложных книг пользовались популярностью, сохранились в большом количестве списков. Неоспоримым свидетельством незатухающего интереса к С. и их актуальности является появление первого печатного текста индекса в московском издании «Кирилловой книги» 1644 г.

Изд.: Калайдович К. Ф. Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824, с. 208—212; Розенкампф Г. А. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839, с. 186—190; Востоков. Описание, с. 716—717; Порфирьев И. Я. О чтении книг. — ПС, 1858, ч. 2, с. 457—459; Щапов А. Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859, с. 449—452; Буслаев Ф. И. 1) Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1, с. 484—486; 2) Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 533—544; Пыпин А. Н. 1) Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК, 1861, вып. 1, с. 1—55; 2) Ложные и отреченные книги русской старины. — Рус. слово, 1862, вып. 1, отд. 2, с. 86—88; Летописи Тихонравова, т. 4, с. 89—112; Макарий (Булгаков). Материалы для истории русской церкви. — Духовн. вестн., 1862, т. 2, с. 36—41; Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Моск. Синод. б-ки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 640—641, 742—744; Тихонравов Н. С. 1) Памятники, т. 1, с. I—X; 2) Соч. М., 1898, т. 1, примеч., с. 30—33; Керенский Ф. Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса. — ЖМНП, 1874, март, с. 52—79; апрель, с. 278—342; Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovinskih rukopisa, 9. — Starine, 1877, sv. 9, s. 91—116; Калужняцкий Е. И. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах Львовских. — Тр. III Археол. съезда. Киев, 1878, т. 2, с. 213—221; Лилеев М. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880, с. 212—213; Шляпкин И. А. Описание рукописей суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. — ПДП, СПб., 1881, вып. 4, с. 53—56; Франко. Апокрифы, т. 1, 1-я пол., с. 1—6; Сперанский М. Н. 1) Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотек. — Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Кушелева-Безбородко в Нежине. М., 1898, т. 16, с. 84—87; 2) Сербские списки книг истинных и ложных. — ЧОИДР, 1908, кн. 3, с. 41—45; Лопарев Х. М. Описание рукописей ОЛДП. СПб., 1899, ч. 3, с. 175—176; Владимиров П. В. Научное изучение апокрифов — отреченных книг в русской литературе во второй половине XIX ст. Киев, 1900, с. 50—51; Яцимирский А. И. 1) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 1, с. 134—136; 2) К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — Там же, 1909, т. 14, кн. 2, с. 282—287; Сырку П. А. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде. — Там же, 1907, т. 12, кн. 4, с. 136—140; Назаревский А. А. Отчет о занятиях в Воронежском губернском музее. — Унив. изв. Киев, 1912, № 8, с. 1—18, Прилож. VI, с. 33—36; Ангелов Б. Списъкът на забранените книги в старобългарската литература. — Изв. на Ин-та за бълг. лит., 1952, кн. 1, с. 107—159.

Лит.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 142—168; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 1—75; Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966, с. 234—244; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 143 и 155; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, 1980, т. 35, с. 20—21, 213—214; Кобяк Н. А.

1) Индексы «ложных» и «запрещенных» книг и славянские апокрифические евангелия. — В кн.: Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., МГУ, 1984, с. 19—30; 2) Индексы отреченных и запрещенных книг в русской письменности. — Древнерусская литература: Источниковедение. Сб. научных трудов. Л., 1984, с. 45—54.

Н. А. Кобяк

Стефан Новгородец (XIV в.) — автор хождения (рассказа о путешествии) в Царьград (Константинополь) в 1348 или 1349 г. Судить о том, кто был этот человек и в какое время он посетил Константинополь, мы можем только на основании данных самого сочинения, которое озаглавлено в рукописях: «От Странника Стефанова Новгородца». Анализ этих данных дал основание М. Н. Сперанскому предположить, что С. Н. «скорее всего, был мирянином, человеком благочестивым (как показывает самый «Странник»), несколько начитанным в духовной литературе (ему известно, например, житие Феодосия), довольно трезвым в своей наблюдательности. . . был он, по-видимому, человеком достаточным. . . Судя же по тому вниманию, с каким отнеслись греки к Стефану... можно предположить, что он и его спутники по своему положению выделялись из общей массы рядовых паломников, с гидом ходивших по городу, т. е. можно счесть их людьми, занимавшими выдающееся положение и у себя в Новгороде» (Сперанский. Из старинной новгородской литературы, с. 46). Время посещения С. Н. Константинополя устанавливается, как показал М. Н. Сперанский, очень точно: 1348 или 1349 г.: С. Н. сообщает, что его со спутниками на страстной неделе принимал патриарх Исидор, а последний был царьградским патриархом с 17 мая 1347 по 2 декабря 1349 г., но в 1347 г. С. Н. в Царьграде быть не мог, так как в этом году страстная неделя приходилась на время до патриаршества Исидора. В близкое к этому время С. Н. и написал рассказ о своем хождении в Константинополь. Е. Е. Голубинский датировал путешествие С. Н. 1353 г., но эта датировка основывается на данных той части текста сочинения (в изд. Сахарова), которая представляет собой позднее добавление. С. Н. посетил и описал большинство известных построек и местностей Константинополя. Достопримечательности эти интересуют С. Н. не только как святыни, но и как архитектурные сооружения, рассказ его отличается деловитостью, простотой изложения, отсутствием дидактичности. Немногочисленные отступления от фактографического описания носят эмоциональный характер — передают чувство восхищения автора увиденным им в Константинополе. Д. С. Лихачев отмечает, что «Хождение» С. Н. «так же как и многие литературные произведения Новгорода, прежде всего поражает лаконичностью и отсутствием внешней украшенности» (Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, с. 60). Произведение Н. С. — один из наиболее ценных источников по истории и топографии Константинополя, так как

содержит немало сведений о предметах, которые неизвестны по другим средневековым описаниям Константинополя. В его сочинении нашли отражение местные легенды. Число известных списков сочинения С. Н. невелико (5), при этом лишь в двух текст дошел в полном виде: 1) XVI в., БАН, 16.8.13; 2) копия начала XIX в. с неизвестного Софийского списка (ГБЛ, собр. Румянцева, № 419). М. Н. Сперанский предположил, что список БАН и является Софийским списком. В первой половине XIX в. сочинение С. Н. дважды было издано И. П. Сахаровым. Списки, по которым делалось это издание, не сохранились. В изданном Сахаровым тексте имеются дополнения (выделенные в издании курсивом), которых нет ни в одном из известных списков памятника. Неизвестно, сделаны ли они самим Сахаровым или же имелись в том списке, которым он располагал, но поздний характер их несомненен. Среди этих добавлений имелось сообщение о том, что С. Н. повстречал в Царьграде новгородцев Ивана и Добрилу, якобы переписывавших в Студийском монастыре книги. В XIX в. многие исследователи ссылались на это сообщение как на достоверное. Впервые «сочинением новейшего времени» охарактеризовал его А. И. Соболевский (Переводная литература, с. 9, примеч. 3). Новгородское происхождение «Странника» признается всеми исследователями, но возникает вопрос, почему в заглавии подчеркнуто, что С. — новгородец. Сперанский объясняет это тем, что либо С. писал свое «хождение» не в Новгороде, или же заглавие с упоминанием новгородского происхождения автора появилось потому, что его сочинение получило распространение не в Новгороде, а, допустим, в Пскове, так как, по определению того же Сперанского, ряд языковых особенностей сохранившихся списков дает основание предполагать псковское происхождение их архетипа.

Изд.: Сахаров И. П. 1) Путешествия русских людей. СПб., 1839, т. 2, с. 13—28; 2) Сказания русского народа. СПб., 1849, т. 2, с. 51—56; Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934, с. 5—82; «Хождение» Стефана Новгородца / Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. — ПЛДР. XIV — сер. XV в. М. 1981, с. 28—41, 529—531.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 71; Голубинский. История церкви, т. 2, 2-я пол., с. 204; Лихачев Д. С. Литература Новгорода XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы. М.; Л. 1945, т. 2, ч. 1, с. 121—123.

Л. А. Дмитриев

«Стословец» Геннадия — переводной памятник, представляющий собой подборку из ста сентенций, трактующих основные положения христианского вероучения и христианской морали. В списках С. носит названия: «Святаго Геннадия, архиепископа Константинаграда, сто глав о святей вере»; «Геннадия, архиепископа Константина-града Стословец»; «Святаго Геннадия, патриарха константинопольского, о вере, еже убо православную веру имети...» и т. п. Начинается памятник словами: «Веруи

в Отца и Сына и святаго Духа, троицу нераздельну...» (или: «Веруи Отцу и Сыну и святаму Духу, троицу нераздслну и неслиянну, единобожественну...»). Полагают, что подборка еще на византийской почве (хотя греческий оригинал ее пока не известен) приписывалась Геннадию, константинопольскому архиепископу (ум. в 471 г.). По мнению М. Н. Сперанского, перевод был осуществлен у южных славян (в Болгарии) и оттуда попал на Русь.

Древнейший список С. находился в *Изборнике 1076 г.* Там текст озаглавлен: «Еже убо правоверьну веру имети основания добрыих дел есть, темьже от веры начьнеться слово к тебе, брате, понеже бо верою въстребова, а не лукаво...» (л. 28 об.—29). Порядок изречений в Изборнике нарушен сравнительно с традиционным: изречения 1, 2, 4, 5, 14, 15, 24—26, 30—32, 35, 40, 38, 39, 42, 43, 46, 49—52, 54, 57, 58, 67—78, 66, 79, 6—13, 16—23, 27, 28, 33, 34, 36, 37, 41, 44, 45, 48, 53, 55, 56, 59—65, 80—100. Двух изречений (3 и 29) нет, но добавлено три отсутствующих в других списках.

С. входит как одна из глав в *Златую чепь*, им открывается старшая редакция «Измарагда», он встречается в сборниках изречений, соседствуя с «*Пчелой*», *Мудростью Менандра* и подобными памятниками в сборниках, включающих аскетические и философские статьи. Старшие списки С. (помимо Изборника): ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12 (XII в.) и № 11 (XIV в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 963 (фрагм. рукописи XIII в.); ГИМ, собр. Уварова, № 1770/361 (XIV в.); ГИМ, собр. Хлудова, № 30д (XIV в.) — см.: П о п о в А. Н. Первое прибавление к описанию рукописей А. И. Хлудова. М., 1875, с. 25, 26.

В XVII в. С. был дважды издан: в составе книги «Собрание краткия науки о артикулах веры» (М., 1649), л. 65—77 и в кн. «Анфологион» (М., 1660, с. 368 об.—394).

Изд.: Изборник 1076 г. / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г Ф. Нефедов. М., 1965, с. 206—273.

Лит.: А р х а н г е л ь с к и й А. С. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 133—135; Я к о в л е в В. А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 9, 10, 41; В л а д и м и р о в П. В. Древняя русская литература киевского периода, XI—XIII вв. Киев, 1900, с. 27—29; С п е р а н с к и й М. Н. Переводные сборники изречений в славянской письменности. М., 1905, с. 505—515; К о п р е е в а Т. Н. К вопросу о происхождении так называемого «Стословца Геннадия». — Zeitschrift für Slawistik, 1980, Bd 25, H. 1, с. 33—45.

О. В. Творогов

Т

Тимофей (XIII в.) — «премудрый книжник». В Галицко-Волынской летописи (см. *Летопись Ипатьевская*), в том разделе, где рассказывается о бесчинствах в Галиче венгерского палатина Бенедикта Бора, командовавшего венгерскими силами, посланными в Галич венгерским королем Андреем, читается такой отрывок: «Бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, отчество имея во граде Кыеве (родом из города Киева), притчею (иносказательно) рече слово о семь томители (тиране) Бенедикте, яко: „В последняя времена тремя имены наречется антихрист“. Бегаше бо Тимофей от лица его (скрывался Тимофей от него), бе бо (потому что был Бенедикт) томитель бояром и гражданом и блуд творя и оскверняху жены же и черници и попадьи. В правду бе антихрист за скверная дела его» (ПСРЛ. М., 1962, т. 2, стб. 722; Галицко-Волынская летопись / Подг. текста, пер. и ком. О. П. Лихачевой. — ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 240—243). Запись эта помещена под 1205 г., на самом деле описанные в ней события происходили в 1210 г. Под 1226 г. в Галицко-Волынской летописи повествуется о таком событии. Галицкий боярин Жирослав распространил среди галицких бояр слух о том, что князь Мстислав Мстиславич Удалой (в это время занимавший галицкий великокняжеский стол) с помощью своего тестя, половецкого князя Котяна, собирается уничтожить всех галицких бояр. Поверив Жирославу, галицкие бояре бежали из Галича. Мстислав посылает к боярам своего духовного отца Тимофея, которому удается убедить бояр в том, что Жирослав оклеветал перед ними князя Мстислава (ПСРЛ, т. 2, стб. 747; ПЛДР. XIII век, с. 262—263). Ряд исследователей считает, что «премудрый книжник» Т. и Тимофей, духовник Мстислава Удалого, — одно и то же лицо. Все реальные сведения о книжнике Т. ограничиваются приведенными данными.

В 1846 г. Н. Головин пришел к заключению, что Т. мог быть *автором «Слова о полку Игореве»*: автор «Слова» был «подданным» Игоря, после смерти Игоря он, скорее всего, остался при его детях; когда в начале XIII в. Игоревичи захватили Галич, автор «Слова» переехал с ними туда; в результате борьбы за галицкий стол, по проискам провенгерски настроенных галицких бояр, сыновья Игоря были повешены; возмущенный злодеяниями Бенедикта, Т. выступил обличителем его, из-за чего был вынужден бежать из Галича. Столь смелое и страстное выступление Т., связанное к тому же с судьбой потомков Игоря Новгород-Северского, по мнению Н. Головина, дает основание видеть в Т., названном летописцем «премудрым книжником», автора «Слова». Основательные аргументы против такого отождествления были приведены Н. П. Сидоровым. Термин «премудрый книжник» в древнерусской письменности имел специфическое значение — «тот, кто

умел истолковывать темные места Писания» (Сидоров. К вопросу об авторах, с. 165). Т. выразил свою мысль «притчею», т. е. иносказательно, что характерно для древнерусских книжников, но чуждо «Слову». Называя Бенедикта антихристом, Т. имел в виду вполне конкретный книжный текст — популярное в средневековье «Толкование на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, где антихрист называется тремя именами: «Лампетис, Титан, Бенедиктос». Сидоров приходит к убедительному заключению: «Мы не можем представить себе автора „Слова" типичным для того времени книжником, начетчиком, каким был Тимофей» (с. 166). Но поскольку имя Т. как известного книжника названо в Галицко-Волынской летописи, имеется несколько гипотез, связывающих его с историей русского летописания кон. XII—1-й четв. XIII в.

Л. В. Черепнин, рассматривавший вопрос об источниках Галицко-Волынской летописи, останавливался и на проблеме участия в Галицко-Волынском летописании Т. По Черепнину первая часть Галицко-Волынской летописи — Летописец Даниила Галицкого, созданный в середине 50-х гг. XIII в., основывается на целом ряде более ранних источников. Среди этих источников была отдельная повесть, посвященная судьбе малолетних наследников князя Романа Мстиславича — Даниила и Василька Романовичей. Повесть эта рассказывала о борьбе Даниила и Василька за Галицко-Волынское княжество с сыновьями героя «Слова о полку Игореве» Владимиром и Романом Игоревичами в первое десятилетие XIII в. Вероятно, она была написана «вскоре после свержения сыновей кн. Игоря Святославича, т. е. в 1211 г.» (Черепнин. Летописец. . ., с. 244). Л. В. Черепнин полагает, что автором ее мог быть Т.: «Из всего летописного контекста вытекает, что книжник Тимофей был идеологом той части боярства (Владислав, Судислав, Филипп), которая вначале пыталась сбросить венгерское иго при помощи черниговских князей, а затем, недовольная последними, выставила кандидатуру на галицкий стол Даниила, рассчитывая ввиду его малолетства захватить власть в свои руки. Поэтому авторство книжника Тимофея кажется нам весьма вероятным» (с. 244). Л. В. Черепнин не отождествлял «премудрого книжника» Т. с духовником князя Мстислава Удалого Тимофеем. О каком-либо участии последнего в книжной деятельности он ничего не говорит и считает, что описателем времени Мстислава Удалого на страницах Галицко-Волынской летописи является человек, близкий к Даниилу Галицкому, вероятнее всего тысяцкий *Демьян*.

В. Т. Пашуто полагал, что в основе княжеского свода Даниила Галицкого, составленного в гор. Холме в 1246 г. *Кириллом митрополитом (ум. 1282 г.)* лежала Киевская летопись 1238 г. Ряд сведений в этой Киевской летописи был записан либо самим Т., либо с его слов. Т. «премудрый книжник» и Тимофей духовник Мстислава Удалого по В. Т. Пашуто одно и то же лицо. Т., — пишет Пашуто, — «как духовник Мстислава Удалого, присут-

ствовал, конечно, при кончине князя и его погребении в Киеве, и, видно, ему обязаны мы сведениями, имеющимися в Киевской летописи времен Владимира Рюриковича о действиях Мстислава в Галичине. Думаем также, что притча Тимофея о Бенедикте, упомянутая сводом князя Даниила, читалась в Киевской летописи; к перу же Тимофея следует отнести все, что связано с разгромом похода Бенедикта Бора на Галич» (П а ш у т о. Очерки, с. 37).

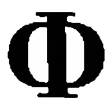
Много внимания Т. уделил в своих работах по «Слову о полку Игореве» Б. А. Рыбаков. По его гипотезе Т. — летописец-галичанин. Препарируя летописные тексты конца XII в., Б. А. Рыбаков приходит к заключению, что в 1189—1190 гг. «в Киеве при дворе Рюрика появился какой-то галичанин, церковник, книжник, явный сторонник князя Владимира Ярославича Галицкого» (Р ы б а к о в. Русские летописцы, с. 158). Этот галицкий книжник внес в Летописец Рюрика ряд дополнений о судьбе Владимира Галицкого. Он же, как предполагает Б. А. Рыбаков, на основе рассказов двух великокняжеских летописей князей дуумвиров Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, по поручению летописца Рюрика, составил повесть о походе в 1185 г. Игоря Святославича против половцев, которая дошла до нас в составе Ипатьевской летописи. По мнению Б. А. Рыбакова, это был Т. «Премудрого книжника». Т. Рыбаков отождествляет с Тимофеем — духовником Мстислава Удалого. Вскоре после составления «Повести о походе Игоря», которая была одним из его первых произведений, Т. снова вернулся в Галич. Вынужденный покинуть Галич из-за обличений Бенедикта, Т. уходит в Новгород к Мстиславу Удалому и становится его хронистом. Перу Т., как считает Б. А. Рыбаков, принадлежит ряд записей в *Летописи Новгородской первой* за 1210—1218 гг., в которых много внимания уделяется Мстиславу. Т., по гипотезе Б. А. Рыбакова, был и автором первоначального вида *Повести о битве на Липице*. По наблюдениям исследователя, можно отметить стилистическое и лексическое сходство между этой повестью и «Повестью о походе Игоря». Т. продолжает вести летопись Мстислава и во время его княжения в Галиче: «Княжеская летопись Мстислава за годы его княжения в Галиче очень близка к его Новгородской летописи. Здесь и содержится одна из притчей его духовного отца Тимофея о лукавом Жирославе, в адрес которого Тимофей расточает библейские проклятия» (там же, с. 172). Таким образом, по Б. А. Рыбакову, Т. автор двух, первоначально вероятнее всего независимых от летописей, повестей (о походе Игоря на половцев в 1185 г. и о Липицкой битве в 1216 г.) и целого ряда летописных статей в киевском, новгородском и галицком летописании.

Отрывочность и краткость реально-летописных сведений о Т., а также гипотетичность всех точек зрения на его роль в истории русского летописания заставляют с большой осторожностью относиться ко всем предположениям об этом древнерусском

книжнике. Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью, это то, что такой книжник действительно был. Слова летописного сообщения «отечество имея во граде Кыеве» заставляют видеть в нем не галичанина, а киевлянина, и, скорее всего, книжной деятельностью он начал заниматься еще на родине: в противном случае едва ли подчеркивалось бы его киевское происхождение. Фраза о том, что Т. скрывался («бегаше») от гнева Бенедикта, говорит, что он оставался в Галицком княжестве, а не покинул его. Вполне возможно, что «премудрый книжник» и духовный отец Мстислава Удалого одно и то же лицо. Но столь же правомерно и предположение, что это два разных Тимофея. Обличительная филиппика по адресу Жирослава, которая читается в летописи после рассказа о клевете Жирослава и о успешной миссии духовника Мстислава, убедившего бояр в том, что князь ничего против них не замышляет, совсем не обязательно должна принадлежать Т. Скорее наоборот: если бы обличение Жирослава приписывалось Т., то, как и в случае с Бенедиктом, это было бы отмечено в тексте летописи, а этого там нет.

Лит.: Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846; Петрушевич А. Галицко-Волынская летопись. Львов, 1871; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 228—253; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—174; Рыбаков Б. А.: 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. 1972.

Л. А. Дмитриев



Феогност (ум. 14 III 1353 г.) — митрополит всея Руси, автор поучения и грамоты. Ф., по происхождению грек, был хиротонисан в митрополита Киевского и всея Руси константинопольским патриархом Исайей в 1328 г. и в этом же году прибыл на Русь. Его предшественник, митрополит *Петр*, перед смертью (1326 г.) намечал в качестве своего преемника — по-видимому, в согласии с московским князем Иваном Даниловичем Калитой — некоего архимандрита Феодора, которого Е. Е. Голубинский считает архимандритом либо владимирского Рождественского, либо ростовского Петровского, либо московского Данилова монастырей. Иван Данилович Калита не повторил, однако же, той ошибки в отношениях с избранным в Константинополе митрополитом, какую допустил Михаил Ярославич Тверской в отношениях с митрополитом Петром, оттолкнув его, так что Ф., прибыв

в свою митрополию, поселился в московском дворе своего предшественника, а не во Владимире, за обладание которым боролись русские князья и куда в 1299 г. переселился со своим двором из опустошенного татарами Киева *Максим, митрополит*. Московский великий князь Иван Данилович, ставший в том же 1328 г. великим князем Владимирским, тоже остался жить в Москве, и она таким образом на деле стала светской и церковной столицей Руси. Ф. и князь продолжили каменное церковное строительство в Москве, начатое закладкой в 1326 г., по совету митрополита Петра, церкви Успения Богородицы: в 1329 г. Ф. возвел церковь Иоанна Лествичника и пристроил с севера у церкви Успения придел в честь апостола Петра; князь же в 1330 г. заложил храм Спаса Преображения на Бору, а в 1333 г. выстроил церковь архангела Михаила. Весной 1329 г. Ф. был вместе с великим князем в Новгороде, побуждая псковичей выдать Александра Михайловича Тверского, которого требовал хан Узбек для наказания за восстание тверичей против татар в 1327 г. и убийство ханского посла Шевкала. После церковного отлучения, наложенного Ф. на Псков, князь Александр Михайлович ушел оттуда в Литву, но затем (1331 г.) вернулся туда и стал псковским князем. Поддержанные Гедимином, псковичи при этом хотели отделиться от Новгорода и церковно-административно и просили у митрополита Ф. поставить им особого псковского епископа, на должность которого они предлагали своего кандидата Арсения. Ф. сделать это отказался. В октябре 1329 г. в присутствии епископов Феодора Галицкого и Григория Рязанского — возможно, в Москве — Ф. поставил ростовского епископа Антония. В марте 1330 г. он рукоположил Даниила Суздальского и Феодора Тверского. В это же время сарайский епископ Софония написал в Костроме отступную грамоту о невмешательстве его впредь в управление Червленым Яром как областью Рязанской епархии. С этой отступной грамотой связана более поздняя (1343—1352 г.) грамота самого Ф. властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности этого края Рязанской епархии и о необходмости послушания их рязанскому епископу. В этой грамоте Ф. пишет, что «многажды речи и мятеж был промежи двема владыкама, рязаньским и сарайским, про предел тъ», что он посылал разобраться в деле своего игумена, тот высказался в пользу сарайского владыки, но рязанский владыка, приехав к митрополиту с клирошанами, привез ему грамоты митрополитов Максима и Петра, согласно которым той областью должен был ведать рязанский епископ, а также третью грамоту — отступную сарайского владыки Софонии. На этом основании Ф. отобрал у сарайского епископа данную им ему прежде грамоту и решил дело в согласии со своими предшественниками, о чем и написал в данной рязанскому епископу Кириллу грамоте. Если, как считает С. Введенский, Ф. в марте 1330 г. был в Костроме, то он присутствовал при основании предком Бориса Годунова, крещенным татарином Четом-Захарией (в благодарность

за исцеление от болезни, последовавшее за видением ему богородицы с апостолом Филиппом и мучеником Ипатием Гангрским) Ипатьевского монастыря и церквей во имя Троицы, апостола Филиппа и святого Ипатия. Вскоре после этого, вероятно, узнав о смерти литовского Феофила, Ф. отправился в юго-западную Русь, по-видимому, для возвращения в свою власть литовской митрополии, созданной в 1316—1317 гг. по инициативе Гедимина и существовавшей (с центром в Новогрудке) по крайней мере по 1329 г. С сентября 1330 г. он был на Волыни, оттуда послал послов в Новгород за кандидатом в тамошние архиепископы *Василием* (*Каликой*) и 25 августа 1331 г. во Владимире Волынском посвятил его в новгородские владыки. В апреле 1332 г. там же или в Галиче он рукоположил черниговского епископа Павла, а затем через Константинополь и Золотую Орду вернулся в северо-восточную Русь. В 1339 г. в ответ на свое послание в Константинополь о прославлении как святого митрополита Петра он получил от патриарха Иоанна XIV Калеки утвердительную грамоту о его канонизации. Согласно приписке в Сийском Евангелии, датированной 25 февраля 1340 г., при великом князе Иване Даниловиче Калите, а стало быть, и при митрополите Ф. были прекращены какие-то «безбожные ереси». Если судить по тому, что в это время на завоеванной турками малоазийских землях, в Византии и в Болгарии распространялась ересь «жидовствующих», а одна из датировок в приписке Сийского Евангелия сделана с помощью еврейско-караимской системы летосчисления, представляется вероятным, что своим возникновением упомянутые ереси были обязаны караимскому влиянию. В 1340 г. Ф. был в Брянске, в 1341 г. — во второй раз в Новгороде, после того как великий князь Симеон Иванович Гордый занял своим войском Торжок и принудил Новгород уплатить ему дань. Это посещение Новгорода Ф. вызвало жалобу новгородского летописца на бывшую тогда тяжесть «владыце и монастырем кормом и дары». В 1342 г. во второй раз ходил в Орду — по случаю воцарения хана Джанибека. Об этом посещении Ф. Орды рассказывает небольшая повесть под названием «Страдание преосвященного Феогноста митрополита о дани церковьней», содержащаяся в Степенной книге (ПСРЛ, СПб., 1913, т. 21, 2 половина, с. 345—346) и в Милютинских Четиих Минеях под 14 марта. С митрополитом ходил в Орду великий князь Симеон Иванович, но тот скоро вернулся в Москву. Ф. же был там задержан, так как «некои русские злодеивые мужи» говорили хану о больших доходах, которые имеет русская церковь, и побуждали его обложить ежегодной данью и ее. Хан передал этот вопрос на рассмотрение своим людям, Ф. претерпел от них многие мучения, но, раздав им до шестисот рублей, убедил их оставить в силе узаконения прежних ханов, основанные на «Ясе» Чингис-хана, получил об этом ярлык от Джанибека и его жены Тайдулы и в 1343 г. возвратился на Русь. Согласно сообщениям византийского историка Никифора Григоры, получив присланные из Константинополя определения со-

бора 1341 г., на котором потерпел поражение обвинявший монахов-исихастов в ереси Варлаам Калабрийский и восторжествовал защищавший их Григорий Палама, Ф. энергично выразил свое возмущение этим документом и предал Григория Паламу и его сторонников анафеме. Сообщение это, однако же, вызывает недоверие, потому, во-первых, что Никифор Григора очень пристрастный автор, во-вторых, потому, что мы знаем о дружественной переписке Ф. именно со сторонниками Григория Паламы, которые восстановили в 1347 г. нарушенную его противниками целостность митрополии всея Руси, вернув в ведение Ф. Галицкую митрополию с подчиненными ей владимирской, холмской, перемышльской, луцкой и туровской епархиями на Волыни. В том же 1347 г. русские князья во главе с Симеоном Ивановичем собрали и послали императору Иоанну VI Кантакузину (стороннику Паламы) деньги на восстановление разрушенной землетрясением восточной апсиды константинопольской Святой Софии. В 1348—1349 гг. Ф. вновь посетил Волынь. В 1352 г. некий монах по имени Феодорит уверял в Константинополе, что Ф. умер и добивался поставления на его место, а когда патриарх просил его подождать до выяснения обстоятельств, тот бежал в Тырново и был там возведен в сан русского митрополита, после чего поселился в Киеве. За этим событием последовали грамоты константинопольского патриарха и посольство от Ф. и великого князя Симеона Ивановича в Константинополь с просьбой поставить после смерти Ф. его преемником его помощника, владимирского епископа Алексея. В 1353 г., незадолго до смерти Ф., был «снем на Москве» «про причет церковный» (подробнее ничего не известно). Примерно в то же время на Ф. жаловался патриарху через посольство *Моисей, архиепископ новгородский*, прося «исправления о непотребных вещех, приходящих с насилием от митрополита», в частности, он был недоволен тем, что митрополит не дал ему права, бывшего у его предшественника Василия, носить кресчатую фелонь. Умер Ф. в эпидемию чумы; погребен в пристроенном им к Успенскому собору приделе в честь апостола Петра.

Сохранилось «Поучение Феогноста, митрополита всея Руси, душеполезное и спасенное, к духовным чадом, нашим правоверным крестьяном, от божественных писаний о смеренолюбьи, яко не подобаеть играти и смеятися бещинно крестьяном, и яко же недостойни приходять к божественным тайнам — в муку себе не в терпеливую въвергуть, и как подобает чтити честнаго и животворящаго креста» (нач.: «Взлюблени, многожды помянух вашей любви. .»). Комментируя евангельские слова о блаженствах, автор призывает к благочестию, смирению, учит «не иметь ни на кого вражды, ни зависти, ни всяких скверных страстий». Поучение составлено из разных источников, заимствования из которых не объединены внутренней связью.

Изд.: Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, 18. Поучение митрополита всея Руси Феогноста. — СОРЯС, 1907, т. 82, № 4, с. 118—126; Акты социально-экономической исто-

рии Северо-Восточной Руси кон. XIV—нач. XVI в. М., 1964, т. 3, с. 341—343.

Лит.: Барсуков. Источники агиографии, стб. 584; Филарет. Обзор, с. 70—71; Голубинский Е. Е. 1) Митрополит всея Руси Феогност. — Богосл. вестн., 1893, февраль, с. 223—245; 2) История церкви, т. 2, 1-я пол., с. 145 и след.; Введенский С. Церковный собор в Костроме при митрополите всероссийском Феогносте. — Христ. чт., 1914, февраль, с. 235—245.

Г. М. Прохоров

Феодосий (ок. 1036—3 V 1074 г.) — игумен Киево-Печерского монастыря, церковно-политический деятель, автор поучений. Ф. родился в состоятельной семье в г. Васильеве (под Киевом), детство провел в Курске, куда, по повелению князя, переселились его родители. Отец Ф. умер, когда ему было 13 лет. С отроческих лет Ф. отличался необычайной религиозностью, своим экзальтированным благочестием и смирением вызывал гнев матери. В 1055—1056 гг. покинул родительский дом и ушел с паломниками в Киев; там он постригся в монахи и поселился в пещере вместе с *Никоном Великим* и Антонием. Ф. явился одним из создателей Киево-Печерского монастыря и был его вторым (после Варлаама) игуменом (с 1062 г. до смерти). Под руководством и по инициативе Ф. были возведены многие монастырские строения, в том числе знаменитый Успенский собор (завершен в 1078 г.). Ф. активно участвовал в политической жизни Киева, решительно выступил против князя Святополка, свергнувшего Изяслава в 1073 г. Подробный рассказ о жизни Ф., где наряду с легендарными мотивами отразились и действительные факты его биографии, содержится в обширном житии, написанном *Нестором*; биографические сведения о нем имеются также в *Повести временных лет* (в статьях 1051, 1073, 1074 гг.; в статье 1091 г. повествуется о перенесении мощей его, в статье 1108 г. о внесении его имени в синодик для поминания) и в *Патерике Киево-Печерском*.

Ф. приписывалось более двадцати различных произведений, однако с достаточным основанием можно считать его автором двух посланий, восьми поучений и одной молитвы. О популярности творчества Ф. можно судить как по большой распространенности его произведений, так и по фактам проникновения его послания к Изяславу и поучения «о хождении к церкви и о молитве» в сербскую литературу.

Послание Ф. князю Изяславу Ярославичу («Въпрошание Изяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, игумена Феодосья Печеръскаго монастыря»), сохранившееся в двух списках (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081, кон. XIV—нач. XV в. и ГПБ, Соф. собр., № 1285, XV в.), представляет собой ответ Ф. на вопрос князя Изяслава (1054—1073 гг.), можно ли по воскресным дням есть мясо. Хотя А. А. Шахматов, А. И. Лященко, Г. П. Бельченко и некоторые другие сомневались в авторстве Феодосия (приписывая поучение *Феодосию Греку*), характер вопроса свидетельствует о написании памятника именно в ранний период русского христианства; к тому же оба списка указывают

на Ф. как автора и Изяслава Ярославича как адресата послания. К тому же князю адресовано и другое послание Изяславу («Слово святаго Феодосья игумена Печеръскаго монастыря о вере крестьянской и о латыньской»), написанное, как полагают, в 1069 г., и сохранившееся в тех же сборниках, что и предыдущее, а также в ряде списков более позднего времени. Это послание было использовано в летописи — в так называемом «исповедании веры», читавшемся уже в Начальном своде 1095 г.

Большинство исследователей приписывает Ф. также следующие поучения: «о терпении и о любви», «о терпении и о любви и о посте», «о терпении и милостыни», «о терпении и о смирении», «о хождении к церкви и о молитве», «о душевной ползе» (нач.: «Аз, грешный и ленивый, погребый свой талант в земли. . .»), другое поучение «о ползе душевной» (нач.: «Тем убо аз ныне дрьзнух се писати вам . . .») и поучение («слово») «к келарю». Пять из названных поучений входят в состав пергаменного сборника середины XV в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 406), а также читаются в иных более поздних списках. «Поучению к келарю» обнаружено в сборнике ГПБ, Соф. собр., № 1262, XIV—XV в. и других списках того же времени и последующих веков. Сомнения в принадлежности Ф. вызывает, по мнению И. П. Еремина, лишь первое из поучений «о душевной пользе», так как в нем обнаруживается несвойственный другим произведениям этого автора «налет риторики». Хотя атрибуция названных поучений Ф. была предложена еще в середине XIX в. С. П. Шевыревым и Макарием, сомнения в авторстве того или иного произведения все же возможны.

Молитва Ф. «за вся крестьяны» была открыта и опубликована Ф. И. Буслаевым по древнейшему списку — Псалтири 1296 г. (ГИМ, Синод. собр., № 235). Она известна в многочисленных списках.

Помимо названных произведений Ф. приписывалось также поучение «о казнях божиих», частично входящее в состав ПВЛ и ряд других слов и поучений и молитв (см.: Никольский. Повременный список, с. 170—179, 181—188, 195—197). Произведения Ф. неоднократно издавались. Лучшее издание двух посланий, восьми поучений и молитвы, с наибольшим вероятием приписываемых Ф., осуществлено в 1947 г. И. П. Ереминым.

Изд.: Макарий, еп. Сочинения преподобного Феодосия Печерского в подлинном тексте. — Учен. зап. II отд. имп. АН, 1856, кн. 2, вып. 2, № 11, с. 193—224; Буслаев Ф. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Московской Синодальной библиотеки. — В кн.: Матер. для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, с. 23—29; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. проф. А. И. Пономарева. СПб., 1894, вып. 1, с. 26—46; Яцимирский А. И. Из славянских рукописей: Тексты и заметки. М., 1898, с. 1—30; Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901; Никольский Н. Сербский список поучений о хождении к церкви и о молитве, приписываемый св. Феодосию Печерскому. — Библиографическая летопись. СПб., 1915, т. 2, отд. 2, с. 68—71; Еремин И. П. 1) Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печер-

ского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). — ТОДРЛ, 1935, т. 2, с. 21—38; 2) Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 159—184.

Лит.: Кубарев А. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской. — В кн.: Русский исторический сборник / Изд. ОИДР. М., 1842, кн. 4, с. 394—408; Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, т. 2, с. 38; Макарий, еп. Преподобный Феодосий Печерский как писатель. — В кн.: Исторические чтения о языке и словесности II отд. имп. АН, 1854 и 1855 гг., 1856, с. 232—261; Срезневский И. И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобному Феодосию Печерскому. — СОРЯС, 1867, т. 1, с. 34—43; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: (XI—XV вв.). М., 1875, с. 69—81; Петров Н. Подлинность поучений преп. Феодосия Печерского о питии и чашах тропарных и о казнях божиих. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 3, с. 783—785; Шахматов А. А. 1) Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. — Там же, с. 795—844; 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 104—111; Лященко А. И. Заметки о сочинениях Феодосия, писателя XII в. — В кн.: Отчет о состоянии училища при реформатских церквах за 1899—1900 г. СПб., 1900, с. 24—26; Бельченко Г. П. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения (по поводу книги В. А. Чаговца). Одесса, 1902; Никольский. Повременный список, с. 187—192; Харлампович К. В. О молитвах преп. Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1912, т. 17, кн. 2, с. 165—174; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС за 1921 г., 1923, с. 159—161; Висковатый К. К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латинех». — Slavia, 1939, roč. 16, seš. 4, с. 535—567; Українські письменники, с. 187—192; Орешников А. С. К истории Начального летописного свода: (О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих»).— Тр. Моск. гос. ист.-архивн. ин-та. М., 1961, т. 16, с. 481—487; Гудзий Н. К. О сочинениях Феодосия Печерского. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 62—66; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 174.

О. В. Творогов

Феодосий Грек (XII в.) — переводчик «епистолии» папы Льва I Флавиану, патриарху Константиноп., о ереси Евтихия (PL, Parisiis, 1846, t. 54, col. 756—780; Acta conciliorum œcumeniorum. Ed. E. Schwartz, t. 2, vol. 1, pars 1. Concilium universale Chalcedonense. Berolini et Lipsiae, 1933, p. 10—19) и автор предисловия и послесловия к этому сочинению.

О том, что автор перевода — по происхождению грек, свидетельствует его обращение к патриарху («призываю же раб твой, инокый Феодосий, моего патриарха молитвы»). В предисловии к переводу («Сказании») в обычном самоуничижительном заявлении автор высказывает сомнения, достоин ли он браться за перевод, ибо «учившимся от млад ногот омирьскиим и риторьскыим книгам таково есть дело». Это «общее место» восходит к византийской литературе (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.; Л., 1964, с. 15) и отнюдь не характеризует круг чтения писателя, как утверждали некоторые ученые. Греческий оригинал «епистолии» получен был из Рима («Еже от Рима. прииде. богомудрая си и догматьская епистолия»). В «Сказании» переводчик говорит, что приняться за дело его побудил

«кир» Николай, а в заключении пишет: «Христолюбивому и богородному Святоши вечная память». Из этого следует, что перевод сделан для черниговского князя Святослава (Святоши) Давидовича, который постригся в Печерском монастыре в 1106 г. под именем Николая и о благочестивых подвигах которого имеется подробный рассказ в *Патерике Киево-Печерском* (см. ПЛДР. XII век. М., 1980, с. 498—506). Видимо, князь-инок был любителем книг, поскольку в Патерике сказано: «Суть же и книгы его многыя и доныне». Из пожелания «вечной памяти» князю Святоше заключают, что перевод был закончен уже после его смерти (1142 г., день его смерти отмечается 14 октября); ср., впрочем, возражения А. Лященко.

Все остальные сведения о жизни и творчестве Ф. Г. зиждятся на весьма шатких гипотезах и догадках. Ни на чем не основана догадка о том, что писатель приехал на Русь в свите *Никифора, митрополита* (1104 г.); малоубедительно отождествление Ф. Г. с игуменом Киево-Печерского монастыря Феодосием (1142—1156 гг.). И. П. Еремин опроверг атрибуцию Ф. Г. двух посланий князю Изяславу Ярославичу и обосновал их принадлежность *Феодосию, игумену Киево-Печерского монастыря.* Не доказано также тождество «Феодоса», упоминаемого в «Вопрошании» *Кирика* (РИБ. СПб., 1908, т. 6, ч. 1. 2-е изд. стб. 38), и Ф. Г. Нуждается в дополнительной аргументации предположение А. А. Шахматова о том, что Феодосий, переписавший «Поучение святаго Панкратия о крещении обеда и пития», есть Ф. Г.; предположение это основано на том, что христианское имя Святослава Давидовича (в миру) было Панкратий. Попытки приписать Ф. Г. некоторые другие сочинения — Житие князя Владимира (см. *Память и похвала князю Владимиру*), поучение «о казнях божиих» (см. Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря), поучение в субботу сыропустную — не выдерживают критики.

Перевод «епистолии» Льва I известен на сегодняшний день в единственном списке (ГИМ, собр. Уварова, № 1772/509, XV в.), по которому он был опубликован О. Бодянским. Перевод этот входит в состав статьи «О четвертемь сборе, иже в Халкидоне, слово святых отець, шьстисот и тридесят» (л. 299 об.—310).

Изд.: Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского. — ЧОИДР, 1848, год. 3, № 7, с. XV—XXII, 1—20.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 31—32; Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. — ЧИОНЛ, 1888, кн. 2, с. 12; Шахматов А. А. Киевопечерский патерик и Печерская летопись. — ИОРЯС, 1897, т. 2, с. 827—833; Яцимирский А. И. 1) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. — ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 2, с. 438—441; 2) Феодосий Грек. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904, т. 41а, с. 911—912; Лященко А. Заметка о сочинениях Феодосия, писателя XII века. Отд. отт. из «Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899—1900». СПб., 1900; Голубинский. История церкви, т. 1, 1-я пол., с. 859—860; Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901, с. 193—209; Бельченко Г. П. Преподобный Феодосий Печерский, его

жизнь и сочинения: (По поводу книги В. А. Чаговца). Одесса, 1902, с. 46—50; Гётц Л. К. Киево-Печерский монастырь как культурный центр домонгольской России. Passau, 1904, с. 86—87; РБС, «Яблоновский—Фомин». СПб., 1913, с. 370—371; Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1913, ч. 1, кн. 1, с. 675—680; Еремин И. П. 1) Из истории древнерусской публицистики XI в. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). — ТОДРЛ, 1935, т. 2, с. 26—31; 2) Литературное наследие Феодосия Печерского. — Там же, 1947, т. 5, с. 159—162; Висковатый К. К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латинех». — Slavia, 1939, roč. 16, seš. 4, с. 535—567; Українські письменники, с. 186—187; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982, S. 179—184.

Т. В. Буланина

Физиолог — переводный сборник, восходящий к традиции бестиариев, о свойствах реальных и легендарных животных, камней и деревьев. Каждая статья (всего их ок. 50) двучастна: в первой содержится описание животного и его повадок, во второй — морализующее символико-аллегорическое толкование в духе христианского вероучения. Возникновение Ф. относят к II—III вв. и связывают его с греческой эллинистической (александрийской) традицией. Источниками Ф. были античные мифы, например о Медузе-Горгоне, библейские сказания, в том числе апокрифические (об изведении из ада Адама и Евы — в статье о слоне). Славянские переводы Ф., появившиеся на болгарской почве не ранее XII—XIII в., сохранились только в русских списках XV—XVI вв. Ф. или по крайней мере некоторые его статьи были известны еще в Киевской Руси, очевидно, по какому-то переводному Шестодневу (см. *Шестодневы*). К Ф. восходит, например, описание горлицы в Поучении *Владимира Всеволодовича Мономаха*. Рукописная традиция славянского перевода Ф. связана с *Палеей Толковой*, известны сборники XV в., совмещающие оба памятника, в том числе с миниатюрами, представляющими зверей и птиц. Назидательностью христианской морали наделены статьи о льве, слоне, олене, лисице, змее, ехидне, утроне (антилопе), о птицах — орле, фениксе, горлице, неясыти (пеликане), ластовице, дятле, стерце (аисте), иряби (куропатке) и др. Например, свойство дятла клевать «носом своим» «где налезеть мякко древо» сравнивается с поисками слабого места в человеке, которые ведет диавол; фантастическое омоложение ослепшего от старости орла уподобляется обращению грешника к церкви и т. д. По замечанию В. П. Адриановой-Перетц (Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947, с. 94, примеч. 6), «. .сложные истолкования Ф. не отразились на литературном стиле русского средневековья», однако символические образы Ф. оставались постоянно в арсенале художественных средств древнерусских книжников — вплоть до начала XVIII в. Так, например, стихотворцы приказной школы черпали в Ф. материал для «естествословных» уподоблений (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 52—53). Распространяются

в XVII в. и списки древнерусского перевода с греческого сочинения Дамаскина Студита, восходящего к Ф.

Изд.: Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890 (изд. ОЛДП) (рец. И. В. Ягича в кн.: Отчет о тридцать пятом присуждении наград гр. Уварова: Приложение к 65-му тому Зап. имп. АН, 1895, № 5, с. 124—146); Александров А. Физиолог. Казань. 1893; Физиолог / Подг. текста, пер. и ком. О. А. Белобровой. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 474—485, 613—614.

Лит.: Мочульский В. Происхождение «Физиолога» и его начальные судьбы в литературах Востока и Запада. Варшава. 1889; Гудзий Н. К. Естественно-научные сочинения. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1. Литература XI—нач. XIII в., с. 195—199; Райков Б. Е. Натуралистическое просвещение в Древней Руси. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена / Каф. метод. естествозн. Л., 1947, т. 57, с. 5—24; Сперанский М. Н. К истории «Физиолога» в старой болгарской письменности. — В кн.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 148—159; Лурье Я. С. Два миниатюриста XV в.: (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М. 1976, с. 105—111.

О. А. Белоброва

Х

Хождение Агапия в рай — один из древнейших славяно-русских апокрифов. В рукописях (в частности, в старейшем русском списке — в Успенском сборнике — ГИМ, собр. Успен. собора, № 4, XII—XIII вв.) носит название: «Сказание отца нашего Агапия, чего ради оставляют роды и домы своя и жены и дети и въземше крест идут въслед господа, яко же Евангелие велить» (нач.: «Агапии отець нашь из млада начат бога боятися и заповеди его хранити»). Более поздние списки имеют разные названия: «Хожение святаго отца нашего Агапия» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 90/1167, XVII в.); «Повесть о преподобном Огапии како ходил в рай во плоти» (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234, 1-я пол. XVII в.); «Житие и хождение отца нашего Агапия» (ИРЛИ, Латгальское собр., № 162, XIX в.), «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Агапия чудотворца» (ИРЛИ, колл. Перетца, № 500, нач. XVIII в.). Х. вошло в состав Пролога под 19 мая и в ВМЧ (под 14 апреля). В апокрифе рассказывается о том, как старец Агапий, побуждаемый голосом свыше или явившимся во время молитвы ангелом, отправляется в долгий путь через леса и море к раю, где его встречают сам Христос с двенадцатью апостолами и пророк Илья, которых Агапий сначала не узнает. Агапий не только «физически» достигает пределов рая, но проходит и духовный путь познания того, для чего люди оставляют своих близких и следуют «за господом». В некоторых списках позднего времени подчерк-

нута роль Агапия как устроителя монастыря — он создал обитель, в которой стал игуменом, и в ней церковь Спаса. В Х. христианская символика сочетается с фольклорными мотивами, причем в поздней рукописной традиции фольклорные мотивы усилены по сравнению с древнейшим списком. Чудеса теряют агиографический характер и превращаются в типично сказочные. Из агиографического плана рассказа уходит конкретность, и они принимают более обобщенный вид. Можно полагать, что сюжетная основа сложилась на византийской почве, тогда как некоторые подробности путешествия Агапия возникли уже в русской рукописной практике. Несомненно, древнерусских переписчиков привлекала в апокрифе о старце Агапии сюжетная занимательность рассказа. Он содержит одно из древнейших в русской письменности описаний рая. В богословских спорах середины XIV в. по вопросу о том, существует ли «рай земной» или только «рай мысленный», новгородский архиепископ *Василий* в «Послании епископу Федору о земном рае» сослался именно на старца Агапия как свидетеля существования «земного рая» (ПСРЛ, 1853, т. 6, с. 87—89). Перечень южнославянских списков Х. см. в кн.: Стара българска литература, София, 1981, т. 1. Апокрифи, с. 395.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 134; Попов. Библиографические матер., № 1, с. 41—47; ВМЧ, апрель, дни 8—21. СПб., 1912, стб. 443—452; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов и М. В. Ляпон. М., 1971, с. 446—473; Сказание отца нашего Агапия / Подг. текста, пер. и ком. М. В. Рождественской — ПЛДР. XII век. 1980, с. 154—165, 650—651.

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 237—240; Тихонравов Н. С. Отреченные книги Древней России. — В кн.: Тихонравов Н. С. Собрание сочинений. СПб., 1898, т. 1, с. 200—201; Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902, т. 1, с. 463; Адрианова-Перетц В. П. Апокрифы. — В кн.: История русской литературы, т. 1. Литература XI—нач. XIII в. М.; Л., 1941, с. 75, 76, 82—83; Белоброва О. А. Переводная беллетристика XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л. 1970, с. 151—154.

М. В. Рождественская

Хождение богородицы по мукам — один из самых популярных в древнерусской письменности переводных апокрифов. Старший из древнерусских списков датируется XII—XIII вв. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12, начало утрачено). Этот список издавался И. И. Срезневским, Н. С. Тихонравовым, Р. Траутманном. В списке 1602 г., изданном А. Н. Пыпиным, памятник имеет название: «В среду 5-й недели великого поста слово. . велми душеполезно о покои всего мира» (нач.: «Хоте святая богородица помолитися и господу богу нашему на горе Елионстей. .»). В списках более позднего времени апокриф назван: «Предсказания архистратига Михаила о страшных муках ко пресвятой богородице, како грешным мучатца» (ГПБ, собр. ОЛДП, 0.233, нач. XIX в.), «Слово о муках геенских» (ГПБ, собр. Тиханова, № 753, XIX в.), «Слово о муках» (ГПБ, собр. Тиханова, № 2665, XIX в.). Греческий текст

Х. издавался И. И. Срезневским (в сопоставлении с древнерусским) и А. Васильевым (Analecta graeco-byzantina, pars prior / Collegit, digessit, recensuit A. Vassiliev. Mosquae, 1893, p. 125—134).

В разряд апокрифов Х. было занесено уже в древнейшем славянорусском индексе «отреченных» книг в *Изборнике 1073 г.* Рукописная традиция памятника на русской почве обширна. Текст дошел до нас в нескольких видах, или редакциях, которые полностью не изучены. Н. С. Тихонравов предполагал существование двух славянских переводов памятника. Один представлен старейшим русским списком (Тр.-Серг. лавры, № 12), где в ряду грешников, терпящих муки в аду, оказываются язычники, поклонявшиеся при жизни своим божествам Трояну, Хорсу, Велесу и Перуну. Другой перевод отразился, по мнению Н. С. Тихонравова, в списке из собрания Григоровича XV в. и других южнославянских списках (см.: Пыпин А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах. СПб., 1862, с. 26—32; Jagič V. Arkiv za povjestnicu jugoslavansku, Zagreb, 1886, t. 9, s. 110—118; Лавров П. А. Апокрифические тексты. — СОРЯС, СПб., 1899, т. 67, с. 144—148; Strohal R. Stare hrvatske apokrifne priče i legende, sobrao iz starih hrvatskih glagolskih rukopisa od 14—18 vijeka R. S. U. Bjelovaru, 1917, s. 47—54). Сравнив оба славянских перевода между собой и с греческим текстом, Н. С. Тихонравов пришел к выводу, что в византийской литературе была известна иная, нежели в древнерусской, более подробная редакция Х.

Особый интерес к Х. возник в старообрядческой среде, о чем говорит большое количество списков памятника в старообрядческих сборниках. Широкое распространение Х. получило и в устно-поэтической традиции, именно в духовных стихах, где сильнее, чем в письменном тексте, отразился мотив моления богородицы Христу за всех грешников. Х. было использовано Ф. М. Достоевским в Легенде о великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы».

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 118—124; Срезневский И. И. 1) Хождение Богородицы по мукам. — Изв. II отд. имп. АН за 1863 г., т. 4. с. 551—577; 2) Памятники, с. 204—217; Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 23—39; Франко. Апокрифы, т. 4, с. 135—172; Trautmann R. Altrussisches Lesebuch. Leipzig, 1949, Th. 1, S. 26—38; Хождение богородицы по мукам (подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской). — ПЛДР. XII век. 1980, с. 166—183, 651—652.

Лит.: Пыпин А. Н. Древняя русская литература. II. Сказание о хождении богородицы по мукам. — Отеч. зап., 1856, № 115, с. 335—360; Смирнов И. Апокрифические сказания о божией матери и деяниях апостолов. — ПО, 1873, апрель, с. 569—614; Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды. — ЖМНП, 1876, апрель, отд. 2, с. 241—228; Сахаров В. 1) Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 193—200; 2) Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространенные в Древней Руси. — Христ. чт., 1888, ч. 1, с. 281—331, ч. 2, с. 63—69, 289—324, 640—663; Порфирьев И. Я. Апокрифы новозаветные. СПб., 1890, с. 109—110; Тихонравов Н. С. Соч. М., т. 1, 1898, примеч. с. 59; Кирпичников А. И. Деисус на востоке и западе и его литературные параллели. — ЖМНП, 1893,

ноябрь, с. 15—19; Бокадоров Н. С. Легенда о хождении богородицы по мукам. — В кн.: Изборник киевский. Киев. 1904, с. 39—94; Яцимирский А. И. 1) Апокрифы и легенды: К истории апокрифов, легенд и ложных молитв в южнославянской письменности. I—V. — ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 2, с. 311—322; 2) Библиографический обзор, с. 46; Назаревский А. А. «Хождение Богородицы по мукам» в новых украинских списках XVII—XVIII вв. — НТИ, 1908, кн. 2, с. 1—44; Огиенко И. Легендарно-апокрифический элемент в «Небе новом» Иоанникия Галятовского. — ЧИОНЛ, 1914, кн. 24, вып. 1, с. 46—72; Вранска Цв. Апокрифите за богородица и българската народна песен. — Сборник на Българската Академия на Науките, 1940, кн. 34, с. 1—208; Müller L. Offenbarung der Gottesmutter über die Hollenstrafen. Theologischer Gehalt und dichterische Form. — Die Welt der Slaven, 1961, Jahrg. 6, S. 26—39; Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1978, Bd 1, S. 188—195.

М. В. Рождественская

«Христианская топография» Козьмы Индикоплова — перевод космографического сочинения византийского автора VI в. Козьмы Индикоплова, распространенный в древнерусской письменности. Козьма получил свое прозвище вследствие того, что современники знали его как купца, совершавшего много морских путешествий. Традиция неверно закрепила за ним славу путешественника в Индию (отсюда — прозвище Индикоплов). В конце жизни Козьма принял монашество и умер на Синае. Козьма плавал в трех морях — Ромейском, Аравийском, Персидском (т. е. Средиземном и Красном морях и в Персидском заливе). Во время путешествия в Адулис (Эфиопия) Козьма обратил внимание на две греческие надписи, содержащие подробности царствования египетских Птолемеев; до настоящего времени их текст, являющийся важным историческим источником, известен лишь по сочинению Козьмы.

Основная тема Х. т. — описание строения Вселенной. Сочинение состоит из 12 слов, сообщающих об устройстве Вселенной и содержащих сведения о звездах, морях, реках, птицах, животных, о первых днях творения и т. п. Взгляды Козьмы подвергались критике уже в среде византийского образованного мира. Известна, в частности, отрицательная оценка его труда патриархом Фотием (IX в.). Однако долгое время Х. т. оставалась популярнейшим сочинением в средневековой книжности. Труд Козьмы привлекал читателя не только своими сведениями об истории и устройстве окружающего мира, но и тем, что его списки были великолепно иллюстрированы: они содержали изображения стран света, земли, восхода и захода солнца, редких растений и животных, а также изображения библейских персонажей и священных лиц и предметов: апостолов, святителей, голгофского креста, Ноева ковчега и т. п. Принято считать, что миниатюры древнейших греческих рукописей сохраняют традиции оригинала. В греческой рукописной традиции известны три списка сочинения: Ватиканский (Vaticanus Gr. 699, IX в.), Синайский (Sinaiticus Gr. 1186, XI в.) и список библиотеки Лоренцо Медичи (Laurentianus Plut. IX. 28, XI в.). Новейшее критическое, комментированное издание: Wolska-Conus W. Cosmas Indicopleustès,

Topographie Chrétienne.. Introduction, texte critique, illustrastion, traduction et notes. Paris, 1968—1973, t. 1—3. Sources Chrétiennes, N 141, 159, 197.

В древнерусской письменной традиции насчитывается свыше девяноста списков (полного текста и отрывков) Х. т. Их перечень представлен в работе западногерманской исследовательницы А. Якобс. Дошедшие древнерусские списки с полным текстом топографии, как правило, тоже богато иллюстрированы.

Изучение древнерусской письменной традиции Х. т. имеет большое значение как материал для суждений о восприятии книжниками естественно-научных, философских, космографических, исторических сведений и взглядов. Х. т. по своему содержанию и назначению была близка таким переводным сочинениям, как Шестодневы Василия Великого и Иоанна экзарха Болгарского, Георгия Писиды, Севериана Гевальского (см. *Шестодневы*), Палеи, Хронографы, *Физиолог* и т. п. сочинения.

Кроме того, сочинение Козьмы представляет особую важность для изучения иконографических тенденций и стилей древнерусской письменной культуры, возможной преемственности древнерусскими миниатюристами приемов и техники византийских мастеров. Иконографическая традиция Х. т. в ее древнерусском преломлении изучена фундаментально в труде Е. К. Редина еще в начале XX в. В этом исследовании на основании стилистического анализа дошедшего полного текста иллюминованных списков памятника (Е. К. Редин привлек свыше двух десятков списков) прослеживается их судьба в истории древнерусской миниатюры, взаимоотношения древнерусских иллюстраций к тексту слов Топографии с греческим оригиналом. На этом основании Е. К. Редин выделил 7 редакций древнерусской версии текста. Однако основные проблемы источниковедческого и историко-филологического исследования (история древнерусского текста, время его перевода, сопоставление с греческой традицией текста) до сих пор остаются окончательно нерешенными.

Предварительный анализ отличий древнерусского и греческого текстов был выполнен в 1867 г. И. И. Срезневским. Ученый сопоставлял греческое издание текста 1706 г. Монфокона с древнерусскими списками Синодального собрания (ныне в ГИМ), но какими именно — неизвестно. И. И. Срезневский считал, что хотя полных списков Х. т., созданных ранее конца XVI в., не обнаружено, однако наличие отрывков текста в Софийском сборнике рубежа XIV—XV вв. (видимо, это сборник ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 245), а также древность языка памятника позволяют говорить о возможном появлении сочинения Козьмы на Руси в более древнее время.

Вопроса о характере перевода памятника и особенностях его языковой структуры касался А. И. Соболевский. Лексический анализ текста, по мнению ученого, свидетельствует о русском, а не южнославянском переводе Х. т. Известен лишь один южнославянский список памятника первой половины XVII в., однако

он, как доказал В. Ягич, является копией с древнерусского списка (см.: Jagič V. Козма Индикоплов по српскому рукопису г. 1649-е. — Споменик Српске Краљевске Академије, 44, 2 (38), Београд, 1922).

Итак, вопрос о времени и редакциях перевода до сих пор не решен. Неизвестно, восходят ли все дошедшие списки к одному оригиналу или существовало несколько переводов, не ясно соотношение текстов отрывков, отсутствует критическое издание текста, основанное на тщательном текстологическом, кодикологическом и источниковедческом анализах текста.

Изд.: Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886 (изд. ОЛДП, № 86).

Лит.: Срезневский. Сведения и заметки, № 11, с. 1—19; Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода (первая публикация — 1897 г.; см. также в кн.: А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 139); Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 178—184; Редин Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, ч. 1; глава, посвященная переводной древнерусской литературе, написанная В. П. Адриановой-Перетц, в кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, с. 204—208; Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951, с. 129—156; Wolska W. La Topographie Chrétienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et science au VI siècle. Paris, 1962; Удальцова З. В. Страничка из истории византийской культуры. Козьма Индикоплов и его «Христианская топография». — В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 82—90; Jacobs A. Kosmas Indicopleustes, Die Christliche Topographie, in slavischen Übersetzung. — Byzantinoslavica, 1979, t. 40, N 2, S. 183—198; Пиотровская Е. К. On the Old Russian Version of «Christan Topography» by Cosmas Indicopleustes. — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik (XVI. Internationaler Byzantinischenkongress. Akten 11/4), Bd 32/4, Wien, 1982, S. 147—152.

Е. К. Пиотровская

Хроника Георгия Амартола — переводная хроника, излагающая всемирную историю от «сотворения мира» до 842 г., составленная в IX в. византийским монахом Георгием. В греческом заголовке Х. он именуется «грешником» (греч. ἁμαρτωλός), поэтому произведение обычно именуется Х. Георгия Амартола или Х. Георгия Мниха. В X в. Х. была продолжена описанием событий византийской истории еще за одно столетие и доведена до 948 г. Это продолжение приписывается византийскому хронисту Симеону Логофету (см. *Хроника Симеона Логофета*). Источниками труда Амартола являлись библейские книги, а также различные хроники: *Хроника Иоанна Малалы*, Юлия Африкана, Диона Кассия, Евтропия, Евсевия, Феофана, Феодорита и др. (см. об источниках Х. Амартола в статьях: Шестаков С. 1) О происхождении и составе Хроники Георгия Амартола. Казань, 1891 (на обложке: 1892); 2) По вопросу об источниках Хроники Георгия Монаха (Амартола) (IV книга Хроники). СПб., 1892). Греческий текст Х., наиболее близкий к славянскому переводу, издан Де Боором (Georgii Monachi chronikon / Ed. C. de Boor.

Lipsae, 1904, vol. 1—2) и В. М. Истриным (во втором томе его монографии о Х.).

Текст Х., продолженный до 948 г., был переведен на славянский язык. О времени и месте перевода существуют различные точки зрения. В. М. Истрин считал, что перевод был осуществлен в Киевской Руси в XI в. М. Вейнгарт, Н. Н. Дурново, П. А. Лавров, В. А. Розов в рецензиях на труд В. М. Истрина высказывали мнение, что перевод был сделан в Болгарии в X в. и в XI в. привезен на Русь или что в переводе участвовал наряду с русским переводчиком болгарин. Н. А. Мещерский допускает, что перевод был сделан в Болгарии в X в., а в Киеве, в XI в., лишь основательно отредактирован.

Х. состоит из небольшого вступления и четырех книг. В первой книге кратко изложены основные этапы всемирной истории от сотворения мира до времени Александра Македонского. Во второй книге повествуется о библейской истории и лишь в конце ее говорится о восточных царях и о Юлии Цезаре. В третьей книге, озаглавленной «Начало Ромейских царствий», рассказывается о римской и византийской истории вплоть до 30-х гг. IV в. — до крещения императора Константина. Краткие исторические справки о римских императорах перемежаются здесь с христианскими легендами и с обширными богословскими рассуждениями. Четвертой книге, именуемой «Временьник о хрестьянских царях» присуще то же сочетание собственно исторических сведений (особенно обстоятельных и детальных в конце книги, где текст восходит к Хронике Симеона Логофета) с обширными отступлениями богословского и церковно-догматического характера, например при изложении споров, разгоравшихся на церковных соборах или в годы борьбы иконоборцев с иконопочитателями. В Х. относительно мало сюжетного повествования, но тем не менее она сыграла огромную роль в развитии русской хронографии и летописания. Славянский перевод существовал в двух незначительно различавшихся разновидностях. Одна из них отразилась в различных хронографических компиляциях: в *Хронографе по великому изложению*, где текст Х. был передан в значительном сокращении, в архетипной редакции летописца Еллинского и Римского, в Хронографе XIII в. — протографе *Хронографов Архивского и Виленского*, а также в Хронографе Софийском. Через посредство Хронографа по великому изложению текст Х. вошел в состав Начального свода, *Хронографа Троицкого*, Полной и Краткой редакций Палеи Хронографической. Через посредство Архетипной редакции летописца Еллинского и Римского — в первую и вторую его редакции, а через посредство последней — в Хронограф Русский.

При этом заметим, что древнерусских хронистов Х. привлекала прежде всего как ценнейший исторический источник, и поэтому, например, во второй редакции Летописца Еллинского и Римского богословские рассуждения Амартола частично были опущены, а в ряде случаев текст этой Х. был заменен более про-

стым по стилю изложения текстом Хроники Иоанна Малалы. Впоследствии, при включении текста Летописца Еллинского в Хронограф Русский, произошли новые замены: текст Амартола был вытеснен в ряде глав более «сюжетным» и образным текстом Хроники Константина Манассии.

Другая разновидность перевода сохранилась в отдельных списках Х. Эта разновидность представлена двумя редакциями: первой и восходящей к ней второй. Первая редакция известна в четырех списках. Старший из них — Троицкий список (ГБЛ, собр. МДА, № 100), иллюстрированный миниатюрами, был переписан по заказу тверского князя Михаила Ярославича либо в промежутке между 1292—1312 гг., как думает О. И. Подобедова, либо завершен вскоре после смерти Михаила (т. е. после 1318 г.), как полагает Г. И. Вздорнов. Список дефектен — утрачен конец рукописи — около пятой части всего текста. С этим списком сходен другой пергаменный список, обнаруженный недавно в собрании рукописей Библиотеки Государственного Эрмитажа в Ленинграде В. П. Бударагиным. По определению О. А. Князевской, этот список Х. датируется кон. XIV—нач. XV в. Хотя он оканчивается там же, где и Троицкий список, и, следовательно, также неполный, с его помощью восполняются некоторые лакуны Троицкого списка. Ею же отождествлен с этим списком фрагмент, хранящийся в ГБЛ, Музейное собр. № 10277. Текст той же редакции, но полный и с некоторыми лучшими, сравнительно с Троицким списком, чтениями обнаружен в рукописи конца XV в., разделенной на два тома (ГИМ, Синод. собр., № 1008 — первая половина текста, № 732 — вторая).

Вторая редакция Х. известна сейчас в двенадцати списках XV—XVII вв. и трех фрагментах (перечень их см. в кн.: Творогов. Древнерусские хронографы, с. 12). В XVII в. Х. намеревались издать; Симеон Полоцкий написал для этого издания стихотворное предисловие.

Х. была использована также в русском летописании: ряд фрагментов из нее вошел в состав Повести временных лет.

Помимо русского (или болгарского) перевода Х. известен также сербский перевод, изданный по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 148 фотолитографическим способом (Летовник ськращень от различных летописьць же и поведатели и избрань и сьставлень от Георгиа грешнаа инока. СПб., 1878—1880 (Изд. ОЛДП, №№ 26 и 56)). Исследование этого перевода см. в кн. М. Вейнгарта.

Изд.: Истрин В. М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920; т. 2. а) Греческий текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование. Пг., 1922; т. 3. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930 (репринт: Die Chronik des Georgios Hamartolos in altslavischer Übersetzung. München, 1972 (Slavische Propyläen, Bd 135, 1—2)).

Лит.: Строев П. О византийском источнике Нестора. — Тр. и летописи ОИДР, 1828, ч. 4, кн. 1, с. 167—183; Снегирев И. Замечания о Георгии Амартоле. — Там же, 1830, ч. 5, кн. 1, с. 255—264; Оболен-

с к и й М. О греческом кодексе Георгия Амартола, хранящемся в Московской Синодальной библиотеке, и о сербском и болгарском переводах его Хроники. — ЧОИДР, 1846, № 4, отд. 4, с. 73—102 (отд. изд.: М., 1847); К у н и к А. А. Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием: Исследования о церковно-славянских хронографах, т. 1. О современнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи. — Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1856, с. 71—84; С у х о м л и н о в М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 85—106; П о п о в А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1; М а н с в е т о в И. Д. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из библиотеки Московской духовной академии. — Тр. V Археол. съезда в Тифлисе (1881). М., 1887, с. 161—169; В а с и л ь е в с к и й В. Хроника Логофета на славянском и греческом. — ВВ, СПб., 1895, т. 2, вып. 1—2, с. 78—151; Ш а х м а т о в А. А. 1) Древнеболгарская энциклопедия X в. — ВВ, 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 1—35; 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 41—61; И с т р и н В. М. 1) Греческий оригинал так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола. — ВВ, 1906, т. 13, вып. 1, отд. 1, с. 36—57; 2) К изданию так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 2, с. 222—240; 3) Хроника Георгия Амартола в славянском переводе и связанные с нею памятники. — ЖМНП, 1917, май, с. 1—25; 4) Толковая палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, 1924, т. 29, с. 369—379; W e i n g a r t M. Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. Bratislawa, 1923, č. 2, od. 1—2; А й н а л о в Д. В. 1) Миниатюры древнейших рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. — Краткий отчет о деятельности О-ва древней письменности и искусства за 1917—1923 годы: С приложением статей проф. Д. В. Айналова и А. И. Лященка. Л., 1925, с. 12—33 (ПДПИ, вып. 190); 2) К истории древнерусской литературы. II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — ТОДРЛ, 1936, т. 3, с. 13—21; Д у р н о в о Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. — Slavia, 1925, roč. 4, seš. 3, s. 801—815; Л а в р о в П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. — Slavia, 1925, roč. 4, seš. 3, s. 461—484; 1926; roč. 5, seš. 4, s. 657—683; Українські письменники, с. 662—665; П о д о б е д о в а О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1963, с. 11—48; В з д о р н о в Г. И. 1) Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — ВВ, М., 1969, т. 30, с. 205—225; 2) Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—нач. XV в. М., 1980, с. 44—53; Т в о р о г о в О. В. 1) Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 108—117; 2) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 99—113; 3) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 9—13, 98—110; 4) Византийские хроники в Древней Руси. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 86—92; 5) Материалы для истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы». — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 188—221; М е щ е р с к и й Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978, с. 70—79.

О. В. Творогов

Хроника Георгия Синкелла — переводная византийская хроника, встречающаяся в древнерусских списках. Х. была составлена в начале IX в. секретарем константинопольского патриарха Тарасия Георгием Синкеллом (гр. συγκέλλος «сокелейник») Она охватывает всемирную историю от Адама и до времени римского императора Диоклетиана (кон. III — нач. IV в.). Древнерусский перевод появился, по мнению В. М. Истрина, «в конце 1-й пол. XI в., когда были деланы переводы и других памятников»

(Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, с. 87). Указывалось, что перечень народов, содержащийся в Палее Толковой, близок к перечню в Х. Синкелла (Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 75). В. М. Истрин, исследовавший перевод Х., отмечал, что библейская история передана в ней со значительными сокращениями сравнительно с греческим текстом, но допускал, что перед нами не результат работы переводчика, а отражение оригинала — особой краткой греческой версии. Подобный текст В. М. Истрин обнаружил, например, в рукописи Парижской национальной библиотеки — codex du fonds grec, № 1336 (копию этого текста, сделанную В. М. Истриным, см.: БАН, собр. Текущ. поступл., № 266). Начиная с истории Ромула и Рема изложение становится подробнее.

Перевод Х. известен в четырех списках: ГБЛ, собр. Ундольского, № 1289, XV в., в тождественном ему сборнике ГБЛ, собр. Егорова, № 908 также XV в., в сборнике ГПБ, Соф. собр., № 1474 и в недавно описанном Н. Н. Розовым сборнике ГПБ, Солов. собр., № 829/939. Копия текста Х. из собр. Ундольского, сделанная В. М. Истриным, находится в БАН (собр. Текущих поступлений, № 265). Хроника озаглавлена: «Начало и благословение и о делех божиих и о чудесах его, яже сътвори исперва, и летом указание по ряду о царех и пророцех до Христа, ⟨о⟩ апостолах и мученицах и святителех». В сборниках после текста Х. следует небольшой фрагмент из Хроники Феофана (о времени до воцарения Константина Великого).

Извлечения из Х. Синкелла находятся в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 154; сходный хронографический текст предваряет летопись Авраамки (см.: ПСРЛ. СПБ., 1889, т. 16).

Лит.: Истрин В. М. Хроника Георгия Синкелла. — ЖМНП, 1903, август, с. 381—414 (то же в кн.: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 2—34); Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л. 1978, с. 85—87.

О. В. Творогов

Хроника Иоанна Малалы — переводная хроника, составленная Иоанном Малалой («ритором»), антиохийским клириком (ок. 491—578 гг.). Как полагает З. В. Удальцова, около 532 г. Малала переехал в Константинополь. Полный греческий текст Х. (отсутствует лишь начало 1-й книги) дошел до нас в единственном списке, хранящемся в Оксфорде; он был издан трижды — в 1691, 1733 и 1831 гг., последний раз в составе Боннского корпуса сочинений византийских авторов (Ioannis Malalae chronographia : Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831). Сохранились также незначительные фрагменты греческого текста первой книги Х. (см. о них в статье: Шусторович Древнеславянский перевод, с. 138).

Х. состоит из 18 книг. В книгах 1, 2 и 4 излагается древнейшая история, в основном — это пересказы греческих мифов (о борьбе богов с гигантами, о Зевсе и Кроне, о Семеле, о Ио, о Персее, Эдипе и др.). В 3-й книге излагается библейская история, в 5-й — история Троянской войны, в которой Малала следует средневековой версии Диктиса Критского (автора I—II вв., произведение которого «Описание Троянской войны» в средневековье считалось дневником участника осады Трои). Затем в Х. повествуется о персидских царях, лидийском царе Крезе, о македонских царях и начале Рима (кн. 6), о Ромуле и Реме и первых римских царях до Тарквиния (кн. 7), о преемниках Александра Македонского — Птоломеях и Селевкидах (кн. 8), последующие книги (кн. 9—12) излагают историю Юлия Цезаря и римских императоров от Октавиана Августа до Констанция Хлора, а затем — римских и византийских императоров от Константина Великого до Юстиниана (кн. 13—18). Малала писал свой труд «не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества. Он задался целью дать нравоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей» (Удальцова З. В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы. — ВВ, М., 1971, т. 32, с. 21).

Х. была переведена на славянский язык (по предположению И. И. Срезневского, в Болгарии), вероятно, еще в Х в. Полного текста перевода до нас не дошло. Х. известна лишь по извлечениям в составе различных русских хронографических компиляций. В вводную часть первой и некоторых списков второй редакции летописца Еллинского и Римского вошел ряд фрагментов и пересказов сюжетов из первых четырех книг Х. Она сохранилась в наиболее полном виде в Синодальном, Погодинском и Уваровском списках первой редакции Летописца, частично — в составе списков Архангельского, Чудовского и ОЛДП второй редакции, а также в составе Хронографа особого состава в рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 456. Во всех рукописях второй редакции утрачено начало текста, полнее всего он сохранился в Архангельском списке.

В основную часть *Хронографа по Великому изложению*, которая может быть реконструирована на основе Палеи Хронографической и *Хронографа Троицкого*, вошел фрагмент из кн. VII Х. — рассказ о создании Рима Ромулом и Ремом, а затем рассказ о Юлии Цезаре и Октавиане Августе из IX книги. В значительном объеме текст Х. вошел в состав хронографического свода середины XIII в. Свод этот не сохранился, но до нас дошли два хронографа к нему восходящих — *Хронограф Архивский* и *Хронограф Виленский*. В составе их читается почти полный текст 1, 2, 4—10 книг Х. В основном тексте летописца Еллинского и Римского обеих редакций читается с незначительными сокращениями текст 6—10 и 13—17 книг Х., из 18 книги в Летописец вошел лишь фрагмент —

около одной десятой текста. Фрагменты из X. вошли в состав так называемого Хронографа Софийского (ГПБ, Соф. собр., № 1454), при этом особенно важно отметить, что в этом хронографе читаются извлечения из X., отсутствующие в других русских компиляциях и, следовательно, его составитель, непосредственно или опосредованно, мог использовать или полный текст X. или же какую-то неизвестную нам компиляцию, в которую текст X. входил в достаточно полном виде. Небольшие отрывки из первых книг X. отразились в статье 1114 г. Повести временных лет третьей редакции (в составе Летописи Ипатьевской).

Таким образом, в русских хронографических компиляциях почти полностью читается текст 1, 2, 4—10, 13—17, в большей части 18 и во фрагментах 3, 11—12 книг Малалы. Наличие славянского перевода X. исключительно ценно, во-первых, потому, что в Оксфордском списке не сохранилось начало X. (частично восполняемое греческими фрагментами в других рукописях), а, во-вторых, потому что славянские списки дают некоторые отклонения от греческого текста или дополняют его, что дает возможность предположить в основе славянского перевода греческий текст иной редакции, чем дошедший до нас в Оксфордском списке, а это особенно существенно, учитывая, что славянский перевод был, несомненно, сделан с более ранней рукописи X., чем Оксфордский список XII в.

Изд.: Калайдович К. Иоанн екзарх Болгарский. М., 1824, с. 178—188; Истрин В. М. 1) Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Зап. имп. АН, 1897. Ист.-филол. отд. Сер. 8, т. 1, № 3, с. 1—29; 2) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книга вторая. — Летопись Ист.-филол. о-ва при имп. Новорос. ун-те. Одесса. Визант.-славян. отд., 1902, т. 7, с. 437—486; 3) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книга четвертая. — Там же, 1905, т. 8, с. 342—367; 4) Пятая книга Хроники Иоанна Малалы. — Там же, 1910, т. 9, ч. 2, с. 1—51; 5) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книги шестая и седьмая. — СОРЯС, 1912, т. 89, № 3; 6) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книги восьмая и девятая. — Там же, 1912, т. 89, № 7; 7) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книги одиннадцатая—четырнадцатая. — СОРЯС, 1914, т. 90, № 2; 8) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Книги пятнадцатая—восемнадцатая и Приложения. — Там же, 1915, т. 91, № 2.

Лит.: Оболенский М. А. Летописец Переяславля Суздальского. — ВОИДР, 1851, т. 9, с. VI—C; Попов А. Обзор хронографов русской редакции, М., 1866, вып. 1, с. 1—95; Шестаков С. 1) Иоанн Ритор. — Учен. зап. имп. Казан. унив., 1890, кн. 5, с. 97—132; 2) О значении славянского перевода Хроники Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — ВВ, 1894, т. 1, вып. 3—4, с. 503—552; 3) Прибавления к статье «О значении славянского перевода Малалы». — ВВ, 1895, т. 2, вып. 3, с. 372—377; Истрин В. И. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 г. — ЖМНП, 1897, ноябрь, отд. 2, с. 83—91; Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 97—115; Абрамович Д. И. Отрывок Хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII в. — В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Статьи по славян. филол. и рус. словесн. Л., 1928, с. 19—24; Сперанский М. Н. Забелинский список Хронографа с Малалой. — В кн.: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 75—81; Мещерский Н. А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, 1956, т. 11, с. 279—284; Удальцова З. В.

Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 47—58; Шусторович Э. М. 1) Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, 1968, т. 23, с. 62—70; 2) Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы: (История изучения). — ВВ, 1966, т. 30, с. 136—152; 3) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — Науч. докл. ВШ. Филол. науки, 1970, № 6, с. 105—110; Творогов О. В. 1) Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 117—124; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975; 3) Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI веков. — ТОДРЛ, 1978, т. 33, с. 3—31; 4) Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы». — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 188—221; Дерюгин А. А. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 351—362; Чернышева М. И. 1) Замечания о приемах перевода портретной лексики из «Хроники» Иоанна Малалы. — В кн.: История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982, с. 57—66; 2) О соотношениях славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста: (На материале портретной лексики). — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 222—228; 3) К характеристике славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы». (Роль иноязычных выражений). — ВВ, М., 1983, т. 44, с. 221—226.

О. В. Творогов

Хроника Симеона Логофета — византийская хроника X в., славянский перевод которой сохранился в списке ГПБ, F.IV, № 307 (1637 г.). Рукопись содержит болгарский перевод Х., сделанный, по предположению В. Г. Васильевского, в XIV в. Перевод этот позволяет судить о первоначальном тексте Х., сохранившемся также в греческих рукописях: кодексе № 608 Венецианской библиотеки св. Марка — весьма неисправном списке XV в., в двух списках Венской библиотеки (№№ CXXVI и CXXVII), а также в списках, ошибочно принимавшихся за самостоятельные хроники — Хронику Льва Грамматика (см.: Leonis Grammatici chronographia. Bonnae, 1842) и Хронику Феодосия Мелетинского. В. Г. Васильевский считает, что обе эти хроники воспроизводят текст Х. с незначительными редакционными изменениями. В. Г. Васильевский отвергает также предполагавшееся тождество Х. с хроникой, именовавшейся Хроникой Симеона Метафраста. Однако взаимоотношения названных византийских хроник еще требуют проверки и уточнения.

Х. отразилась в славянской и русской хронографии старшего периода опосредствованно: еще на греческой почве Хроника Георгия Амартола, доведенная первоначально до 864 г., была дополнена текстом Х. и включила описание византийской истории от воцарения Михаила III до времени Романа Лакапина. Этот дополнительный текст Хроники Амартола и явился оригиналом славянского перевода. Таким образом с Х. соотносим текст, читающийся на с. 503—572 издания Истрина (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920, т. 1). Кроме этого фрагмента в греческих списках Хроники Амартола и соответственно в славянском ее переводе содержатся и другие извлечения из Х.

Рукопись ГПБ F.IV, № 307 содержит, помимо текста Х. Симеона Логофета (л. 1—254), изложение византийской истории от Константина Багрянородного до начала царствования Романа Диогена (л. 254—325 об.), являющееся сокращенным пересказом перевода Хроники Иоанна Зонары. Рукопись эта, как явствует из приписки, была переписана (с болгарского оригинала XIV в., по мнению В. Г. Васильевского) по поручению архиепископа молдавского Анастасия Крымкевича при иеромонахе Оресте и государе Василии Лупуле попом Мануилом.

Изд.: Симеона Метафраста и Логофета Описание мира от бытия и летовник собран от различных летописец: Славян. пер. Хроники Симеона Логофета с дополн. / Изд. подг. В. И. Срезневским. СПб., 1905.

Лит.: Васильевский В. Г. Хроника Логофета на славянском и греческом. — ВВ, 1895, т. 2, вып. 1—2, с. 78—151.

О. В. Творогов

Хронограф Архивский — хронографическая компиляция, известная в сборнике конца XV в. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 279/658). Сборник представляет собой копию с более древней рукописи, при этом собственно Х. вместе с близким к нему по составу *Хронографом Виленским* восходит к хронографическому своду 1262 г. В сборник помимо Х. входит Летописец Переяславля Суздальского. Х. представляет собой компиляцию из библейских книг (полностью вошли книги: Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзакония, Иисуса Наввина, Судей, Руфь, 1—4 книги Царств, а также фрагменты из книги Исаии и Евангелий), текста *«Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Хроники Иоанна Малалы* (кн. 1, 2, 4—10). Кроме того, в компиляцию вошли фрагменты из *Хроники Георгия Амартола*, «Шестоднева» Иоанна Экзарха (см. *Шестодневы*), Бесед Иоанна Златоуста, Палеи исторической, апокрифические тексты.

Ценность Х. прежде всего в том, что в его составе читается текст первых книг Хроники Иоанна Малалы и полный текст хронографической редакции «Истории» Флавия. Х. Архивский и Виленский позволяют реконструировать свод XIII в. и судить об уровне знаний о всемирной истории на Руси, а также о источниках, которыми располагали древнерусские книжники этого времени. Текст Х. частично опубликован: по нему В. М. Истрин издал первые книги Хроники Малалы, *Александрию Хронографическую*, «Историю Иудейской войны» (о изданиях см. в статьях об этих памятниках). Отдельные фрагменты из текста Х. Архивского изданы В. М. Истриным в книге «Александрия русских хронографов» и К. Ф. Калайдовичем в кн.: Иоанн экзарх Болгарский (М., 1824, с. 99—100 и 178—188).

Лит.: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М., 1851; Срезневский И. И. Русский исторический сборник XV в. Московского главного архива министерства иностранных дел. — Сведения и заметки, № 84, с. 111—139; Истрин В. М. 1) Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893, с. 124—138, 317—361; 2) К вопросу о взаимо-

отношениях Еллинских Летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа. — ИОРЯС, 1912, т. 16, кн. 4, с. 125—142; 3) Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пгр., 1922, т. 2, с. 75—96, 393—404; Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 15—18, 21, 30—35; Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 93—126; 2) О Галицко-Волынском летописании. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 24—35.

О. В. Творогов

Хронограф Виленский — хронографическая компиляция по всемирной истории, охватывающая период от сотворения мира до начала I в. Сохранился в единственном списке нач. XVI в. в БАН ЛитССР, № 109/147. Х. так же, как и хронографическая часть *Хронографа Архивского*, восходит к архетипу — хронографическому своду середины XIII в. (или своду 1262 г., хотя эта точная дата выведена условно). В целом совпадая с Архивским хронографом, Х. восполняет ряд лакун последнего и в то же время лишен включенных в текст Архивского хронографа поздних добавлений. Поэтому, по мнению В. М. Истрина, он лучше отразил исходный текст хронографа XIII в. Архетип Х. Виленского и Архивского был компиляцией ряда источников: «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского (см. *Шестодневы*), бесед на книгу Бытия Иоанна Златоуста, библейских книг (в него почти полностью вошли книги Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисуса Наввина, Судей, Руфь, 1—4-я книги Царств, а также фрагменты из ряда пророческих книг и евангелий), *Хроники Иоанна Малалы* (кн. 1, 2, 4—10), фрагментов из *Хроники Георгия Амартола* и других источников. В Х. вошли также полный текст *Александрии Хронографической* и хронографической редакции *«Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия*. Таким образом, Х. позволяет нам представить круг источников, которыми располагали древнерусские книжники в XIII в. и познакомиться с этими источниками текстуально, так как, корректируя взаимно текст Х. Виленского и Архивского, можно с достаточной надежностью реконструировать текст хронографа XIII в.

Х. полностью не опубликован, но был использован В. М. Истриным в вариантах к издаваемому им по Архивскому хронографу тексту Хроники Иоанна Малалы и Н. А. Мещерским, который опубликовал по нему «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Лит.: Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882, с. 246—255; Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 124—138, 317—347; Мещерский Н. А. 1) К вопросу о датировке Виленского хронографа. — ТОДРЛ, 1953, т. 11, с. 380—386; 2) «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, с. 21—30, 167—467; Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 26—29.

О. В. Творогов

Хронограф по великому изложению — древнерусский хронографический свод, составленный не позднее 90-х гг. XI в. Назва-

ние Х. принято в науке на основании ссылки, обнаруженной в тексте Палеи Хронографической, где говорится: «Тако бо бе писано в книгах, еже предъръжить хронограф по великому изложению». В. М. Истрин предложил, что под «великим изложением» имелась в виду Хроника Георгия Амартола. Х. до нас не дошел, но большáя часть его (начиная с истории Иеровоама, сына Соломона) может быть сравнительно надежно реконструирована на основе памятников, к нему восходящих: Полной редакции Хронографической Палеи, Краткой редакции того же памятника, *Хронографа Троицкого* и второй редакции летописца Еллинского и Римского. О предшествующем тексте Х. судить трудно. Возможно, однако, что начало его отразилось в так называемой Вводной части Еллинского Летописца. В Х. кратко излагается всемирная история: библейская история, история восточных монархий, государств, возникших после падения державы Александра Македонского, история Рима и Византии вплоть до времени императора Романа Лакапина (Х в.). Основными источниками Х. по ВИ явились Хроника Георгия Амартола, в меньшей мере — Хроника Иоанна Малалы (откуда в него вошли рассказы о Ромуле и Реме, Юлии Цезаре и Октавиане Августе); был использован также некий, пока не установленный источник, повествующий о событиях в Иудее при первых римских императорах. Можно предположить существование нескольких разновидностей Х.: древнейший вид отразился в Начальном своде, второй вид — в Троицком хронографе и, наконец, третий вид был использован при составлении второй редакции летописца Еллинского и Римского и явился основным источником хронографической части Полной и Краткой редакции Хронографической палеи.

Вероятно, что в списках основной текст Х. сопровождался своеобразным «конвоем» — памятниками, переписывавшимися вместе с ним и поэтому использованными при составлении различных хронографических компиляций, основанных на этом Х. В этот конвой предположительно входили книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, книга пророка Иеремии, Житие Константина и Елены, «Сказание о построении Софии Цареградской», *Акександрия Хронографическая* Второй редакции, сказание об императоре-иконоборце Феофиле и возможно — рассказ об Иудейской войне из средневековой хронографической компиляции — «Иосиппона».

Х. был известен в русской книжности по крайней мере до начала XV в., когда к нему обращался составитель второй редакции летописца Еллинского и Римского.

Лит.: Истрин В. М. 1) Редакция Толковой палеи. СПб., 1907, с. 36, 111—175; 2) Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, Пгр., 1922, т. 2, с. 380—392; Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 72—80; Творогов О. В. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 99—113; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, т. 20—24, 46—73, 107—109, 141—144.

О. В. Творогов

Хронограф Троицкий — древнерусский хронографический свод, созданный не позднее нач. XV в. (скорее всего в XIII—XIV вв.). В Х. излагается всемирная история от времени Навуходоносора до середины Х в. Основными источниками для Х. послужили библейские книги (IV книга Царств, книга пророка Иеремии, книга пророка Даниила), *Хроника Георгия Амартола*, *Хроника Иоанна Малалы* (фрагменты из этих хроник вошли в Х. через посредство *Хронографа по великому изложению*), *Александрия хронографическая* особой редакции, апокрифическое «Прение Петра и Павла с Симоном волхвом» (См. *Апокрифы об апостолах Петре и Павле*), Житие Константина и Елены, Сказание о построении Софии Цареградской и др. памятники. Х. сходен по своим источникам с хронографической частью Палеи Хронографической и Летописцем Еллинским и Римским второй редакции.

В настоящее время известно три списка Х. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. Лавры, № 728; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1 (оба начала XV в.) и ГПБ, Нов. собр. рук. книг, 1918, F 27, рубежа XV—XVI вв. Во всех списках обнаруживается пропуск текста — отсутствует изложение событий от времени римского императора Веспасиана до времени Констанция Хлора. Опущенный текст может быть реконструирован с помощью текста Хронографа Тихонравовского (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704), который, вероятно, восходит к более исправному, чем известные нам, тексту Х. Этот Х. был известен монаху Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину, который использовал его при составлении своей хронографической компиляции.

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, СПб., 1899, т. 1, с. 293; Шахматов А. А. 1) Древнеболгарская энциклопедия Х в.—ВВ, 1900, т. 7, с. 11—15; 2) Начальный Киевский летописный свод и его источники. — В кн.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900, с. 3—4; Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1971, вып. 32, с. 60—72; Творогов О. В. 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 46—97; 2) Материалы к истории русских хронографов. 1. Ефросиновский хронограф. — ТОДРЛ, 1977, т. 32, с. 256—274.

О. В. Творогов

Шестодневы — произведения, комментирующие библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней. В славянской книжности известно несколько переводных Ш. Они были созданы знаменитыми церковными писателями на рубеже поздней античности и

раннего средневековья и представляют собой плод приращения выработанного классической наукой знания мире к развитой церковью вере в его триединого творца. Природу авторы Ш. рассматривают как «училище боговедения» и стараются вызвать в читателе удивление и восхищение «сотворенным» и явлениями природы, учат видеть чудесное в обыкновенном — «великую мудрость, скрытую в вещах самых маловажных» (Василий Великий). В Ш. много всякого рода описаний, сведений и наблюдений из области естествознания, иногда расхожих баснословных или наивных, иногда очень точных и остроумных, а порой и весьма поэтичных. Тут и разные теории о форме земли (причем сами авторы не сомневаются в ее шарообразности и считают языческой ложью учение о плоской или какой-нибудь иной форме земли), и объяснения астрономических и атмосферных явлений, и описание устройства колосьев, виноградной лозы, лилии, и объяснение происхождения янтаря, и классификации пород рыб и пресмыкающихся и т. д. и т. п. Хотя Ш. и стараются объяснить каждое творение с точки зрения современного им естествознания и представляют собой своего рода лекции по натурфилософии, они все же — философско-богословские, экзегетические, а не естественно-научные сочинения. Их авторы стремятся отделить знание от языческой философии, от еще тогда живого языческого миропонимания; например, учение об элементах — от философских поисков «начала всех начал» и платонических представлений о безначальности, бесконечности и ценностной противопоставленности миру духовно-умственному мира материального. Походя иронизируя над устремлениями и взаимными противоречиями языческих мудрецов, авторы Ш. стараются удивление, которое, неизбежно, вызывает мир и каждое из его явлений, будучи рассмотрены достаточно «умными очами», направить к библейскому рассказу о шести днях творения, чем и обращают это удивление в хвалу «великому чудотворцу и художнику», творцу мира.

1. Первый из Ш. создан епископом Кессарии Каппадокойской Василием Великим (329—379 гг.). Все остальные Ш. так или иначе от него зависят. Представитель Каппадокийской школы богословия, сочетавшей достоинства Антиохийской и Александрийской школ, широко образованный человек и блестящий стилист, учившийся риторике в Константинополе у Ливания, а философии в Афинах, Василий Великий написал свой Ш. в форме одиннадцати живых разговорно-свободных по манере изложения бесед на следующие темы: 1) о творении мира вообще, 2) о первоначальной неустроенной земле, 3) о тверди, 4) о собрании вод, 5) о произведениях земли, 6) о небесных светилах, 7) о пресмыкающихся, 8) о птицах, 9) о животных и (10 и 11) о человеке. Будучи через компиляции в основной своей массе уже давно знаком славянскому и русскому читателю, этот Ш. полностью был переведен на славянский язык только в 1656 г. с базельского издания 1551 г. Епифанием Славинецким и был напечатан в Москве в 1665 г. В библиотеках встречаются и рукописные списки с этого издания.

2. Следующий по времени создания Ш., ставший славянам известным, — Севериана епископа Гавальского (IV—1-я треть V в.). Оставив свою епархию в Сирии и поселившись в Константинополе, Севериан прославился там своим красноречием и тоже был называем Златоустым, как и Иоанн Златоуст, в доверие к которому он вошел, против которого интриговал, пользуясь своим влиянием на императрицу Евдоксию, и удаления которого из столицы в ссылку он в конце концов добился. Возможно, тождество прозвищ этих двух современников-ораторов — причина того, что произведения Севериана, в том числе и Ш., и в греческих и в русских списках (а также при отсылках, например, в «Азбуковниках») иногда приписываются Иоанну Златоусту. Ш. Севериана Гевальского состоит из семи слов-бесед — по беседе на каждый день творения (в седьмой, соответствующий седьмому дню, речь идет о грехопадении) и представляет собой переделку или обработку Ш. Василия Великого. Однако же достоинства стиля этого Ш. в оригинале, как считают, уступают достоинствам содержащейся в нем яркой и сильной мысли. Переведен этот Ш. был в Болгарии, возможно, в раннее время, но не исключено также, что только в XIV в.: отрывки из него встречаются в двух сборниках середины XIV в., принадлежавших болгарскому царю Иоанну-Александру, древнейшие же полные списки, русские по происхождению, относятся к XV в.

3. Несколько особняком от Ш. Василия Великого и Севериана Гавальского стоит Ш. византийского автора VII в. Георгия Писидийского, написанной по-гречески в стихах. В оригинале он носит название «Шестоднев или Миротворение» и состоит из 1910 ямбов. Автор, уроженец византийской провинции Писидия (в Малой Азии), был лицом духовным, близким к константинопольскому патриарху Сергию I (610—639) и к императору Ираклию (610—641). Помимо Ш. он написал ряд других ямбических поэм («О походе царя Ираклия на персов», «Описание войны у стен Константинополя между аварами и гражданами города», «Песнь святому Христову Воскресению», «Ираклиада, или о совершенном поражении Хосроя, царя Персидского», «Ямбы о суете жизни», «На нечестивца Севера»). Популярность Георгия Писиды как поэта была такова, что в поздневизантийское время его даже приравнивали к Еврипиду. Переведен «на русский язык» его Ш. был в 1385 г. неким Дмитрием Зографом, который оставил приписку к своему переводу, откуда мы и знаем имя переводчика, дату его работы и то, что перевел он именно на «русский язык», хотя перевод его не отличается от переводов, сделанных в то время на Балканах. Перевод Ш. Георгия Писиды стоит в ряду переводов других византийских «естественнонаучных» сочинений, сделанных в то время: «Диоптры» Филиппа Монотропа, выборок из комментариев Галена на Иппократа, под названием «Галиново на Ипократа», диетических и лечебных советов и предписаний и др.

В переводе поэма «премудраго Георгия Писида» получила заглавие «Похвала к богу о сотворении всеа твари». Автор восхи-

щенно и поэтично говорит о мире: о небе, бесконечном и постоянном в своем движении («стоя же, бегает и, ходя, пребывает»); о земле, каковая представляется ему чем-то вроде точки, окруженной бездной; об ангелах, которые, как и небо, «стоаще, летают и, утвержени, текут»; о воздухе, похитить который не могут ни богатый, ни сильный; о солнце, этом «всепитательном огне», производящем под землею вечер, а над землею день; о «малой лунной свеще», сияющей «от огнезарного света солнечнаго»; о четырех стихиях, четырех временах года и т. д. Георгий Писида говорит также о человеческом естестве и бытии, о чувствах, о растениях, зверях и птицах. Свои «этюды»-описания он вводит обычно риторическим вопросом: «Кто нашего детороднаго семене, изгнившаго, на угущение костяное съплетаеть? Аще бо не изгниеть и наше семя, яко тело мрътво погребено в чреве, не въплощается на рождение младенец, и на кожу и на жилы не претворяется».

В качестве источников для своего произведения Георгия Писид использовал Св. писание, труды отцов церкви и знаменитых богословов: Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста и др., — но также античных языческих писателей: Аристотеля, Плутарха, Овидия, Платона, Анакреонта, Плиния, Элиана, Порфирия. Переведена «Похвала к богу» ритмизованной прозой. Старшие русские списки датируются XV в. В XVI в. этот Ш. был включен в ВМЧ митрополита Макария.

4. Самым значительным из известных в южнославянских странах и на Руси был Ш. Иоанна экзарха Болгарского (вторая половина IX в.—первая треть X в.), одно из ранних произведений славянской литературы. Иоанн экзарх Болгарский — болгарский писатель и переводчик следующего за Константином-Кириллом и Мефодием поколения. Он написал ряд слов и проповедей на различные церковные праздники. Он перевел «Богословие» («Небеса») и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина, «О восьми частях речи». Его Ш. состоит из пролога и шести слов и представляет собой перевод-компиляцию Ш. Василия Великого, Севериана Гавальского, различных сочинений Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодорита Кирского, а также Аристотеля, Парменида, Демокрита, Диогена, Фалеса, Платона и других «эллинских» философов. В Прологе автор говорит о своей работе, — что он не сам сочинил эти шесть слов, а заимствовал по смыслу или буквально у разных писателей, главным образом «от Ексамера (Ш, — *Г. П.*) святого Василиа»; что ему приходилось когда-либо читать, то он и соединил, а недостающее дополнил своими словами — словно, говорит он, бревенчатый дом с мраморным полом, построенный из чужого материала, он покрыл единственно имевшейся в его распоряжении соломой. В этом прологе и в предисловии к шестому слову, тоже написанном самим компилятором, прекрасно выражен основной пафос этого и вообще

всех Ш. — изумление природой и устройством человека; здесь содержится также описание княжеского двора, в котором видят двор болгарского князя Симеона. Предполагают, что вместе с этим князем Иоанн Экзарх учился в Византии; этому князю, большому любителю литературы и покровителю просвещения, он посвятил свой Ш. Князь Симеон погиб в 927 г. в неудачной войне с хорватами, и, стало быть, Ш. был создан Иоанном Экзархом до этого года. Для славян Ш. Иоанна экзарха Болгарского долгое время являлся едва ли не главным источником сведений по естествознанию. Древнейший сохранившийся список сербский, 1263 г.; старейшие русские списки относятся к XV в. Но влияние Ш. Иоанна Экзарха Болгарского на русскую литературу усматривается учеными начиная уже с XI в. К нему, в частности, возводятся восхищение мирозданием, мысли, что каждый должен быть доволен своим уделом и что леность — мать всякому злу, выраженные в «Поучении» *Владимира Всеволодовича Мономаха*, и художественный метод описания Русской земли в *Слове о погибели Русской земли.* В XVII в. Ш. Иоанна Экзарха использовал в своих сочинениях ценивший его протопоп Аввакум. В русской письменности встречаются и другие, менее значительные компилятивные Ш., зависящие от названных, надписываемые разными именами и без всяких указаний на автора. Ш. имели влияние также на *Палею Толковую.*

Изд.: Шестоднев, составленный Иоанном экзархом Болгарским. — ЧОИДР, 1879, кн. 3; Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958—1975, vol. 1—7; Шляпкин И. А. «Шестоднев» Георгия Пизида в славяно-русском переводе 1385 г. СПб., 1882 (ПДПИ, № 32); Соболевский А. И. Шестоднев Кирилла Философа. — ИОРЯС, 1901, т. 6, вып. 2, с. 177—202.

Лит.: Калайдович К. Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824; Горский А., Новоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, М., 1857, отд. 2, ч. 1, с. 1—44; Порфирьев И. Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 101—126; Георгий Писидийский и его поэма о миротворении в славяно-русском переводе 1385 г. СПб., 1890; Редин Е. О некоторых лицевых рукописях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. М., 1902; Яцимирский А. И. 1) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. XXXI. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 1, с. 95—101; 2) Шестодневы. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1907, т. 39 (полутом 78), с. 534—536; Трифонов Ю. Сведения из старобългарския живот в Шестоднева на Йоан Екзарх. — Списание на Българската академия на науките. София, 1926, кн. 35, с. 1—26; Георгиев Ем. Разцветът на българската литература в IX—X в. София 1962, с. 202—270; Дуйчев Ив. Йоан Екзарх. — В кн.: История на българска литература, София, 1962, т. 1, с. 127—140; Лихачев Д. С. 1) «Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 187—190; 2) «Слово о погибели Русской земли» и «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского. — В кн.: Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1966, с. 92—96; Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 367—372; Lägreid A. Der rhetorische Stil im Šestodnev des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1965; Баранкова Г. С.

1) О «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского. — Русская речь, 1972, № 5, с. 130—143; 2) К текстологическому и лингвистическому изучению «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. — В кн.: Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973, с. 172—215; 3) К вопросу лингво-текстологического анализа списков «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, хранящихся в ГБЛ. — Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1974, вып. 35, с. 104—121; 4) Шестодневы повествовательные. — Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. I, с. 165—180; 5) Об астрономических и географических знаниях. — В кн.: Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978, с. 48—62; 6) Астрономическая и географическая терминология в «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского. — В кн.: Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979, с. 150—171.

Г. М. Прохоров

Я

Янь Вышатич (ок. 1016 (?) — 1106 гг.) — дружинник и воевода, рассказы которого, как полагают, были включены в Начальный свод и *Повесть временных лет*. Сын киевского воеводы *Вышаты*, Я. В. неоднократно упоминается в ПВЛ под 1071 г., 1089, 1091, 1093 и 1106 гг. Он был дружинником черниговского, а с 1073 г. киевского князя Святослава Ярославича; в правление Всеволода Ярославича Я. В. — тысяцкий. Летопись упоминает об усмирении им волнений, инспирированных волхвами, в 1071 г., а говоря о поражении русских князей в битве с половцами в 1093 г., летописец объясняет его тем, что князья не прислушались к советам Я. В. и других «смысленых». По сообщению ПВЛ, Я. В. был близок к Феодосию, игумену Киево-Печерского монастыря, жена Я. В. и он сам были похоронены в этом монастыре. Сообщая о смерти Я. В. «в старости мастите», летописец подчеркивает, что тот был «муж благ и кроток и смерен», «не хужий первых праведник». Я, продолжает летописец, от него «многа словеса слышах, еже и вписах в летописании семь» (ПВЛ под 1106 г.). Предположение, что в том же году Я. В., которому исполнилось, согласно летописи, уже 90 лет (впрочем, Д. С. Лихачев считает эти сведения эпическим преувеличением), участвовал в походе против половцев («воеваша половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яня и Иванка Захарьича»), маловероятно: скорее всего здесь речь идет о братьях Яне и Иванке Захарьичах.

По мнению исследователей (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева), рассказы Я. В., как и его отца Вышаты, были использованы летописцами — *Никоном* Великим (так думал Шахматов), составителем Начального свода и *Нестором*. В частности, в статье 1093 г., которой, вероятно, завершался Начальный свод, в сетованиях по поводу возросшего влияния моло-

дых дружинников и оскудения Русской земли отразились взгляды Я. В. и его единомышленников. Я. В. и Вышате принадлежат, видимо, и древние новгородские предания, вошедшие в летопись.

По мнению А. Ф. Вельтмана, А. В. Лонгинова и Л. В. Черепнина, Я. В., упоминаемый в ПВЛ, тождествен *Бояну* «Слова о полку Игореве».

Лит.: Вельтман А. Ф. Упоминаемый бо-Ян в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором. — Москвитянин, 1842, № 1, с. 213—215; Прозоровский Д. О родстве св. Владимира по матери. — Зап. имп. АН, 1864, т. 5, кн. 1, с. 25—26; Лонгинов А. В. Историческое исследование Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 26, 89—91; Шахматов. Разыскания, с. 443—444, 455—457, 531; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 18—20; Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — ИЗ, 1945, т. 17, с. 209—211, 217—222; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 97—99, 108, 109, 140—143; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 328—329; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 63—65.

О. В. Творогов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЯМ

Автор «Слова о полку Игореве» (с. 16). *Изд.*: Слово о полку Игореве/ Вступ. ст. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; реконстр. др.-рус. текста и ком. Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; подг. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л., 1985; Слово о полку Игореве: Древнерусский текст; Переводы и переложения; Поэтические вариации / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; ст., сост. и подг. текста Л. А. Дмитриева; ком. Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова. М., 1986. *Лит.*: Дмитриев Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1986, № 4, с. 3—24; Робинсон А. Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха. — В кн.: Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986, с. 153—191.

Антоний (с. 39). *Лит.*: Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 213—221, 413, 449—450.

Видение Исайи (с. 95). *Лит.*: Милтенова А. Неофициалната книжнина през XIII век в контекста на идейните литературните тенденции на епохата. — В кн.: Търновска книжовна школа. Кн. 4. Културно развитие на българската държава краят на XII—XIV в. София, 1985, с. 102—114.

Даниил Заточник (с. 112). *Изд.*: Daniil Zatocnik. Slovo e Molenie / Ed. critica a cura di Michele Colucci e Angiolo Danti. Firenze, 1977. *Лит.*: Монахова Н. П. Идеологическая основа противопоставления «мудрости» и «храбрости» в «Молении Даниила Заточника». — Вестн. МГУ. Сер. 9, филол., 1981, № 2, с. 22—31.

Златоструй (с. 187). *Лит.*: Фомина М. Жанровые и сюжетнокомпозиционные особенности древнерусского литературного сборника «Златоструй». — В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984, с. 14—19.

Изборник 1073 г. (с. 194). *Лит.*: Львов А. С. Исследование Похвалы великому князю Святославу и царю Симеону. — В кн.: История русского языка: Исслед. и тексты. М., 1982, с. 162—197; Сидоров А. И. Некоторые замечания по поводу изучения «Изборника Святослава 1073 г.». — В кн.: Древнейшие государства па территории СССР: 1985. М., 1986, с. 193—198.

Иларион (с. 198). *Изд.*: Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984; Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986, ч. 1 и 2. *Лит.*: Молдован А. М. К истории составления

Троицкой минеи № 678: (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона). — Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1981, вып. 42, с. 64—76; З о л о т у х и н а Н. М. «Слово о законе и благодати» — первый русский политический трактат киевского писателя XI в. Илариона. — В кн.: Древняя Русь: Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984, с. 36—50.

Кирилл (с. 217). *Лит.*: Ч е р т о р и ц к а я Т. В. Стилистическая симметрия и архитектоника торжественных слов Кирилла Туровского. В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984, с. 20—25; К о з л о в С. В. Символика «духовных сокровищ» в сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Жанровое своеобразие и стиль. М., 1985, с. 95—109.

Летопись Ипатьевская (с. 235). *Лит.*: М е л ь н и ч у к А. С. О языке Киевской летописи XII в. — Слов'янське мовознавство. Київ, 1983, с. 116—142; Ф р а н ч у к В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Летопись Радзивиловская (с. 248). *Лит.*: Л у р ь е Я. С. О происхождении Радзивиловской летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987, т. 18, с. 64—83.

Моисей (с. 257). *Лит.*: Б о р о в с ь к и й Я. Є. «Похвальне слово» Моисея, ігумена Видубицького монастиря. — В кн.: Літературна спадщина Київської Русі й українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981, с. 54—58.

Нестор (с. 274). *Лит.*: Ф р е й д а н к Д. Повторы и их функции в Чтении о Борисе и Глебе. — В кн.: Проблемы культурного наследия. М., 1985, с. 57—64.

«Пандекты Антиоха» (с. 290). *Лит.*: P a ň k e v i č I. Malí Proroci v Antiochových Pandektech z r. 1307. — Slavia, 1956, roč. 25, seš. 3, s. 384—393.

«Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца (с. 292). *Лит.*: T h o m s o n F. The Problem of the Reception of the Works of John IV Ieiunator of Constantinople among the Slavs Nicon of the Black Mount and Cirycus of Novgorod. — Старобългаристика, 1987, г. 11, № 1, p. 23—45.

«Паренесис» Ефрема Сирина (с. 296). *Лит.*: О г р е н И. Частицы при условном союзе АЩЕ в староболгарском переводе поучений Ефрема Сирина. — Старобългаристика. 1987, г. 11, № 1, с. 95—103.

Патерик Киево-Печерский (с. 308). *Лит.*: О л ь ш е в с к а я Л. А. 1) Документальное и художественное начала в рассказах русских патериков: (К проблеме взаимосвязи летописи и патерикографии Древней Руси). — В кн.: Художественно-документальная литература: (История и теория). Иваново, 1984, с. 3—13; 2) Археографический обзор списков Кассиановских редакций Киево-Печерского патерика. — В кн.: Литература Древней Руси: Межвузовский сб. науч. трудов. М., 1986, с. 48—62.

Патерик Синайский (с. 316). *Лит.*: Воронцова Т. А. Особенности письма и языка Синайского патерика. — Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1985.

Повесть временных лет (с. 337). *Лит.*: Боева Л. «Повесть временных лет» — болгарские источники и параллели. — В кн.: Славянска филология. Т. 18. Литературознание и фолклор. София, 1983, с. 27—36; Смирнова Л. Текстовая организация погодных записей воинской тематики в Повести временных лет. — В кн.: Русская лексика: Словообразование; Язык художественной литературы. М., 1985, с. 2—26.

Повесть о житии Александра Невского (с. 354). *Лит.*: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исслед. и тексты. Л., 1985, с. 24—29, 56—62, 138—155.

Сказание Афродитиана (с. 396). *Лит.*: Бобров А. Г. 1) «Сказание фродитиана» в домонгольском переводе: Вопросы текстологии. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 18—30; 2) Древнерусский апокриф «Сказание Афродитиана» в рукописных сборниках из фондов ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1984, с. 88—94.

Сказание о Борисе и Глебе (с. 398). *Изд.*: Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспроизв. житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я пол. XIV в.). М., 1985.

Слово о полку Игореве (с. 435). *Лит.*: Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985; Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986.

Феодосий (с. 459). *Лит.*: Кара Н. В. Особенности цитирования традиционных текстов в поучениях Феодосия Печерского. — Вестн. ЛГУ, 1983, № 8. История, язык, литература, вып. 2, с. 64—68.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Адрианова-Перетц, Покровская. Древнерусская повесть — Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940, вып. 1.

АЕ — Археографический ежегодник. М., 1958—

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842, т. 1—5.

АН СССР — Академия наук СССР.

БАН — Библиотека АН СССР (Ленинград).

Барсуков. Источники агиографии — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.

ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.

ВВ — Византийский временник. СПб.—Пг.—Л., 1894—1928, т. 1—25; М., 1947—

ВИ — Вопросы истории: Журнал. М., 1945—

ВМЧ — Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб.; М., 1868—1917.

ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857, т. 1—25.

Востоков. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

ВЯ — Вопросы языкознания: Журнал.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

Голубинский. История церкви — Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900—1917, т. 1—2.

Голубинский. История канонизации — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

ГПБ — Государственная публичная библиотека М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

ДРВ — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М. 1788—1791, ч. 1—20.

Евгений. Словарь — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845, т. 1—2.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.

ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919, т. 1—33.

ИЗ — Исторические записки: Сборник. М., 1937—

Изв. по РЯС — Известия АН СССР по РЯС. Л., 1928—1930.

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка АН СССР. М. 1940—1941, 1944—
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.—Пг.—Л., 1896—1927, т. 1—32.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности имп. АН. СПб., 1852—1862, т. 1—10.
Ключевский. Древнерусские жития. — Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863, т. 1—5.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.—Пгр.—Л., 1862—1929, т. 1—35.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
МДА — Московская духовная академия.
Назаревский. Библиография — Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
Никольский. Повременной список — Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ — Новгородская первая (вторая, третья, четвертая, пятая) летопись.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОЛРС — Общество любителей русской словесности.
ПБЭ — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911, т. 1—12.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
ПIЛ, ПIIЛ, ПIIIЛ — Псковская первая (вторая, третья) летопись.
ПИ — Проблемы источниковедения: Сборник. М.; Л.—М., 1933—
ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862, вып. 1—4.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М.
ПО — Православное обозрение: Журнал.
Попов. Библиографические материалы — Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. — ЧОИДР, 1879, кн. 1, с. 1—48 (№ 1); ЧОИДР, 1880, кн. 3, с. 1—316 (№ 2—7); ЧОИДР, 1880, кн. 4 (№ 8—10); ЧОИДР, 1881, кн. 2 (№ 11—14); ЧОИДР, 1889, кн. 3 (№ 15—20).
Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1877.
Порфирьев. Апокрифы новозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб. 1890.
ППС — Православный палестинский сборник.
ПС — Православный собеседник: Журнал. Казань, 1855—1884.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.—Пг.—Л., 1872—1927, т. 1—39.
РИС — Русский исторический сборник.
РЛ — Русская литература: Журнал. Л., 1958—
РО — Рукописный отдел.
РФВ — Русский филологический вестник: Журнал. Варшава—
РЯС — (Отделение) русского языка и словесности.
Серебрянский. Княжеские жития — Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН. СПб.—Л., 1867—1928, т. 1—101.
СIЛ, СIIЛ — Софийская первая (вторая) летопись.

Срезневский. Памятники — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
Срезневский. Памятники (1882) — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
Срезневский. Сведения и заметки — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках (№ 1—40) — СОРЯС, 1867, т. 1; Сведения и заметки. . (№ 41—65) — СОРЯС, 1874, № 1; Сведения и заметки. . (№ 41—80). СПб., 1876; Сведения и заметки. . (№ 81—90). СПб., 1879.
Строев. Словарь — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. Бычкова А. Ф. СПб., 1882.
Тихонравов. Памятники — Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863, т. 1—2; СОРЯС, т. 58, № 4; СПб., 1894 (т. 3).
ТКДА — Труды Киевской духовной академии.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л. — т. 1—4, 23, 24, 26 —; М.; Л. — т. 5—22, 25.
Українські письменники — Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклав Л. Махновець. Київ, 1960.
Филарет. Обзор — Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
Франко. Апокрифы. — Апокріфи і легенди з українських рукописів, збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910, т. 1—5.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
Христ. чт. — Христианское чтение: Журнал.
ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1845—1848; 1858—1917.
Шахматов. Обозрение — Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
Шахматов. Разыскания — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Яцимирский. Библиографический обзор — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Вып. I. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921.
AfslPh — Archiv für slavische Philologie.
BHG — Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957, t. 1—3.
PG — Patrologiae cursus completus. Ed. J.-P. Migne. Series graeca. Parisiis, 1850—1887, t. 1—166.
PL — Patrologiae cursus completus. / Ed. J.-P. Migne. Series latina. Parisiis, 1844—1866, t. 1—222.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель включены личные имена и прозвания, употребляемые в названиях памятников, которым посвящены отдельные статьи.

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. I

(XI—первая половина XIV в.)

Утверждено к печати
Институтом русской литературы АН СССР
(Пушкинский Дом)

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. П. Кизим, Л. Я. Комм*
и *С. И. Семиглазова*

ИБ № 21555

Сдано в набор 1.12.86. Подписано к печати 3.07.87. М-33075. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 31. Усл. кр.-от. 31. Уч.-изд. л. 37.77. Тираж 21 000. Тип. зак. № 732. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.